

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WIDENER

HN JSBL X

Ученическая библиотѣка

Литовской Д. Семинаріи

Шкафъ 2

Отдѣлъ VI

№ 79.

№ инв. 1195.

ХР11

Н. КАРЪЕВЪ.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЪ.

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. 78.

1888.

XP1860

Мотев

Екатерининский кан., д. № 78.
2852.

Оглавление.

	Стран.
<u>Предисловіе</u>	III
<u>Оглавленіе</u>	VII
ГЛАВА I. Мнѣнія польскихъ публицистовъ XVIII вѣка о причинахъ упадка Рѣчи Посполитой.	1
Общее значеніе вопроса о паденіи Рѣчи Посполитой для польской историографіи.—Польская публицистика XVIII в. и историческая литература XIX в.—«Политическій компендіумъ» де-Варилля.—Сочиненіе графа Вельгорскаго «О возвращеніи прежней формы правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи Посполитой».—Нарушевичъ.—Брошюра «о безкорольвахъ въ Польшѣ и объ избраніи королей».—Соч. Коллонтая о наследственности трона.—Польскіе мемуары.—Книга «Объ установленіи и паденіи конституціи 3-го мая».—Главная цѣль этой книги.—Ея содержаніе по главамъ.	
ГЛАВА II. Польскія историческія школы XIX вѣка въ вопросѣ о паденіи Рѣчи Посполитой.	20
Три историческія школы въ Польшѣ.—Идеи варшавскаго Общества любителей наукъ.—«Историческія пѣсни» Нѣмцевича.—Польская публицистика объ угнетеніи крестьянъ.—Школа Іоахима Лелевеля.—Общій взглядъ Лелевеля на польскую исторію.—Его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Царствованіе польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, обнимающее тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранить существованіе и независимость».—Его «Сравненіе трехъ польскихъ конституцій».—Польская исторія Морачевскаго.—Историческіе взгляды Шмитта.—«Слово польской исторіи» Врублевскаго.—Историческіе труды Гоффмана.—Сочиненія по исторіи религіи въ Польшѣ.—«Философія польской исторіи» Валевскаго.—Возвращеніе польской историографіи къ идеямъ Нарушевича.—«Очеркъ исторіи Польши» Бобржинскаго.—Историческія работы Шуйскаго.	

ГЛАВА III. Польскія дѣла въ западно-европейской публицистикѣ прошлаго вѣка . .

65

Мнѣнія о польскихъ дѣлахъ Вольтера, Монтескье, Рейналя, Бѣрка, Фокса, Пэна, Макинтола.—Общій выводъ изъ этихъ мнѣній.—Сочиненіе аббата Мабли «О правительствѣ и законахъ Польши».—Возраженія ему со стороны барскихъ конфедератовъ.—Мемуаръ Ж. Ж. Руссо о польскихъ дѣлахъ.—Популярность Руссо въ Польшѣ.—Брошюра «Польша, какою она была, какова теперь и какою будетъ».—«Изображеніе государственныхъ перемѣнъ въ Польшѣ» Фр. Иос. Іезеля.—Рюльеръ и его «Исторія анархіи въ Польшѣ и расчлененія этой республики».—Отношеніе къ этой книгѣ современныхъ ей выводу въ свѣтъ критиковъ.—Разборъ взглядовъ Рюльера.—«Исторія трехъ раздѣловъ Польши» Феррана.

ГЛАВА IV. Западно-европейскія историческія сочиненія о паденіи Польши . .

99

Содержаніе этой главы.—Интересъ къ польскимъ дѣламъ во французской и нѣмецкой историографіи.—Первыя прусскія публикаціи.—Архивная разработка исторіи польскихъ раздѣловъ съ середины XIX вѣка.—Отдѣлы о Польшѣ въ соч. Раумера по исторіи Европы въ 1763—1783 гг.—Нѣмецкая исторія Россіи проф. Германа.—Сочиненіе Зибеля о революціонной эпохѣ.—Его пониманіе прусско-польскихъ отношеній.—Взглядъ Зибеля на второй раздѣлъ Польши.—Общее его отношеніе къ паденію Польши.—Историческіе труды Фр. Смитта по исторіи польскихъ раздѣловъ и общія ихъ идея.—Взгляды Смитта на польское устройство, національный характеръ поляковъ, на внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой, на первый раздѣлъ, на періодъ отъ 1773 по 1788 гг., на конституцію 3-го мая и на паденіе Польши вообще.—Критика Смиттомъ его предшественниковъ.—Его характеристика русской и прусской политики въ первомъ раздѣлѣ.—Общія соображенія о послѣднемъ.—Книга Янсена о первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой.—Ея вѣроисповѣдн. характеръ.—Сочиненіе Беера о первомъ раздѣлѣ.—Работа Арнета по австрійской исторіи при Маріи Терезіи.—Трудъ Гюппе, Рёпелля, ф. деръ-Брюггена и др.—Польскія дѣла во французскихъ сочиненіяхъ де-Броля, Лорана и Сореля.—Паденіе Польши въ науцѣ международного права.

ГЛАВА V. Историческіе взгляды на польскій вопросъ въ русской публицистикѣ

172

Важное значеніе русской публицистики по польскому вопросу.—Непониманіе иностранными писателями роли Россіи въ исторіи Польши.—Бѣглый взглядъ на исторію русско-польскихъ отношеній.—«Русское дѣло» въ XVIII в.—Наше прежнее незнаніе этнографіи собственного русскаго племени.—Начало русской публицистики по польскому вопросу.—М. П. Погодинъ.—Наше славянофильство и польскій мессіаниззмъ.—Статья Ю. О. Самарина о современномъ объемѣ польскаго вопроса.—Статьи Гильфердинга по польскому вопросу.—Взгляды И. С. Аксакова.—Взглядъ Н. Я. Данилевскаго.—Украинофильская точка зрѣнія.—«Чтенія объ исторіи западной Россіи» проф. Коляловича.—Нѣкоторыя дополненія изъ его «Исторія русскаго самосознанія».—Статьи А. Н. Цыпина о малорусской и бѣлорусской этнографіи.—Нѣсколько общихъ замѣчаній относительно постановки вопроса о паденіи Рѣчи Посполитой въ русской публицистикѣ.

ГЛАВА VI. Последние времена Речи Посполитой в русской исторической литературе. 221

Общий взгляд на русскую историографию о падении Польши. — Сочинение проф. В. И. Герье о «борьбе за польский вопрос в 1733 г.». — Его взгляд на причины упадка Речи Посполитой. — «История падения Польши» Соловьева. — Значение падения Польши и причины этого факта по взгляду Соловьева. — Характер этого сочинения Соловьева. — Некоторые суждения его автора. — Замечание о его материалах. — Последние томы «Истории России с древнейших времен». — Общие рассуждения Соловьева о русско-польских отношениях в 26 и 28 томах Истории. — Сочинения Костомарова, касающиеся польской истории, и «Последние годы Речи Посполитой». — Общий взгляд Костомарова на причины разложения Польши. — Польский национальный характер. — Изображение польских нравов. — Отношение Костомарова к конституции Речи Посполитой. — Его взгляд на угнетение народных масс. — Деморализация шляхты. — Конституция 3-го мая и восстание Костюшки по представлению Костомарова. — Русско-польские отношения в его освещении. — Общий взгляд его на падение Польши. — Несколько замечаний о рассуждениях Костомарова. — „Гродненский сейм 1793 г.“ Д. И. Иловайского. — Взгляд автора на причины падения Польши. — Общие его выводы. — Сочинение де-Пуле. — Общее отношение автора к русско-польскому вопросу. — Его взгляды на причины падения Польши, на угнетение народной массы, на религиозный вопрос, на общий характер польской культуры, на русскую политику в присоединенных от Польши землях. — «Вырождение Польши» Э. М. Уманца. — Взгляд автора на причины падения Польши. — Сочинение проф. Брикнера об Екатерине II.

ГЛАВА VII. Новейшие польские исторические труды об эпохе падения Речи Посполитой. 290

Стремление новейших польских историков к научности. — «Польша с эпохи трех раздвлов» И.-И. Крашевского. — Взгляд автора на состояние вопроса. — Общий характер и содержание труда. — Некоторые неясность общих соображений автора. — Его философия польской истории. — Идеализация польщины. — Обратная сторона медали. — Конституция 3-го мая по представлению Крашевского. — Его взгляд на события 1792—94 гг. — Русско-польские отношения в его труды. — Ранние работы Калинки. — Его труд о последних годах царствования Станислава Августа и партия становичков. — Недостатки и достоинства труда. — Предисловие к этому труду. — Русско-польские отношения и диссидентский вопрос по Калинке. — Исправление поляков после первого раздвла. — Poleмика Калинки с Бобржинским. — «Четырехлѣтний сейм». — Заявления автора о характере труда. — Общий взгляд на содержание последнего. — Отношение Калинки к польскому государственному строю. — Деморализация польского общества по его изображению. — Как понимает Калинка задачу внешней политики Польши? — Судьбы унии, по его представлению. — Вопрос о союзе с Россией. — Общее отношение Калинки к самому сейму. — Защита им Станислава Августа. — Политическая литература эпохи. — Взгляд Калинки на 3-е мая. — Мнение Корзона о книге Калинки. — Сочинение Корзона по вну-

твенной исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ. — Обзоръ содержанія этого труда по томамъ: населеніе Польши, экономическое состояніе, финансы, правительство Рѣчи Посполитой, администрація, судебное устройство, войско.—Общіе выводы Корзона.—Заключеніе.

ГЛАВА VIII. Самые общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши

376

Внутренняя безурядица, какъ главная причина паденія Польши.—Въ чемъ заключалось это безнарядье?—Необходимость изученія государственнаго права Рѣчи Посполитой. — Главный вопросъ этой исторіи.—Запоздалость политической реформы въ Польшѣ.—Соціальные и культурныя условія упадка Польши. — Отношеніе современныхъ паденію Польши писателей къ этому событію. — Какъ они понимали внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой?—Исслѣдованіе старыхъ польско-прусскихъ и польско-русскихъ отношеній въ историографіи XIX в.—Ближайшія причины паденія Рѣчи Посполитой. — Прусская политика въ эпоху раздѣловъ. — Несовпаденіе цѣлей прусской и русской политики относительно Польши. — Русская политика относительно Польши въ XVIII вѣкѣ.—Отношеніе поляковъ къ Россіи при Екатеринѣ II.—Перемена во взглядѣ польскихъ историковъ по отношенію къ политикѣ Россіи.—Внутреннее возрожденіе Польши передъ судомъ историковъ. — Необходимость новаго пересмотра внутренней исторіи Польши въ эпоху раздѣловъ.

Дополненія

396

Библиографическій указатель

405

ГЛАВА I.

Мнѣнія польскихъ публицистовъ XVIII вѣка о причинахъ упадка Рѣчи Посполитой.

Разсматривая постановку вопроса о паденіи Польши собственно въ польской исторіографіи, мы необходимо должны, кромѣ сочиненій, спеціально посвященныхъ эпохѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой, съ меньшимъ вниманіемъ имѣть постоянно въ виду и тѣ историческіе труды, которые охватываютъ все прошлое польской націи отъ перваго ея образованія до паденія созданнаго ею государства,—должны не по одному тому, что въ трудахъ этихъ, между прочимъ, говорится и о политической катастрофѣ, постигшей поляковъ въ концѣ XVIII вѣка, но главнымъ образомъ потому, что и общимъ построеніямъ польскими писателями ихъ національной исторіи придается тотъ или другой характеръ, смотря по тому, какъ разными авторами понимаются причины паденія Польши. По всей польской національной исторіографіи XIX в. можно прослѣдить вліяніе, какое оказывали взгляды относительно причинъ гибели польскаго государства, на различныя построенія всей польской исторіи,—вліяніе, весьма понятное и естественное въ виду особыхъ условій, въ какихъ пришлось развиваться исторической литературѣ въ Польшѣ XIX вѣка, и притомъ вліяніе взглядовъ, которые образовались еще въ публицистикѣ XVIII вѣка, равнымъ образомъ ставившей и рѣшавшей вопросъ о томъ, въ чемъ же заключался главный недугъ Рѣчи Посполитой и откуда взялся, съ какихъ поръ ведетъ свое начало этотъ недугъ. „Паденіе Польши“—уже приходилось писать намъ прежде—, не только создало особенныя условія, при которыхъ должна была развиваться польская исторіографія въ XIX вѣкѣ, но сдѣлалось однимъ изъ главныхъ ея вопросовъ, какъ

по количеству трудовъ, посвященныхъ самой эпохѣ, такъ и по значенію своему въ общемъ построеніи польской исторіи... Катастрофа, случившаяся съ Рѣчью Посполитою, принадлежитъ къ числу событій, проводящихъ рѣзкую грань между двумя періодами въ историческомъ бытіи народа. Бываютъ въ жизни націй и государствъ эпохи крутого перелома, когда въ сравнительно короткій промежутокъ времени сразу измѣняются самыя существенныя условія культурно-соціальной жизни, когда всему предыдущему подводятся итоги и начинается совершенно новая жизнь. Обыкновенно такія эпохи кризиса, привлекая къ себѣ вниманіе частныхъ историковъ, въ то же время дѣлаются своего рода центрами историко-философскаго мышленія: все предыдущее развитіе разсматривается съ точки зрѣнія процесса, приведшаго къ этому перелому, и изъ его сущности объясняются главнѣйшія явленія послѣдующей эволюціи, такъ что отъ того или иного отношенія къ такой эпохѣ зависитъ въ своихъ основахъ весь философскій взглядъ почти на все цѣлое національной исторіи. Въ нашемъ прошломъ, со времени объединенія Русской земли Москвою, такое значеніе безспорно принадлежитъ царствованію великаго преобразователя, отдѣлившему новую Россію отъ старой, „допетровской“ Руси, и если между двумя главными формулами философіи нашей національной исторіи существуетъ коренное различіе, то оно заключается именно въ пониманіи и оцѣнкѣ петровской реформы: она была переломомъ русской жизни, завершеніемъ цѣлаго крупнаго отдѣла нашей исторіи и началомъ новаго. Во Франціи такое же мѣсто принадлежитъ революціи 1789 года, унесшей въ своихъ волнахъ „старый порядокъ“, который ее и подготовилъ, и намѣтившей дальнѣйшую судьбу французской націи. Чѣмъ круче переломъ, чѣмъ большую сферу жизни онъ захватываетъ, тѣмъ долѣе онъ подготовлялся и тѣмъ больше оставляетъ послѣ себя прочныхъ результатовъ, а потому тѣмъ удобнѣе можетъ сдѣлаться центральнымъ вопросомъ въ философіи исторіи того или другаго народа. Такъ, философія русской исторіи до известной степени можетъ быть сведена къ разсмотрѣнію процесса, приведшаго къ петровской реформѣ, и результатовъ послѣдней для современнаго бытія Россіи, и къ ея оцѣнкѣ, какъ по отношенію къ тому, что она замѣнила, такъ и по отношенію къ созданному ею. Равнымъ образомъ, въ „старомъ порядкѣ“, революціи и современномъ обществѣ, ею созданномъ, заключается философія новой исторіи Франціи. Паденіе Рѣчи Посполитой имѣетъ одинаковое значеніе для поляковъ: къ этому событію, какъ къ финалу, какъ къ

заключительному аккорду, словно резюмирующему въ себѣ всю пьесу, приходитъ вся ихъ государственная исторія, и изъ положенія, созданнаго этимъ событіемъ для дальнѣйшаго бытія польской націи, развивается вся новѣйшая ея исторія за послѣднія сто лѣтъ¹⁾.

По случайному совпаденію почти одновременно съ нашей статьёй, изъ которой заимствованы только что приведенныя строки, въ варшавскомъ журналѣ *Ateneum* (за 1886 г.) напечатана была статья г. Владислава Смоленскаго, вышедшая потомъ и отдѣльною брошюрой: „Историческія школы въ Польшѣ“²⁾, и въ статьѣ этой обращено было вниманіе на отмѣченный и нами фактъ. „Наши историки-философы“, говоритъ авторъ, — „все вниманіе обратили на явленіе паденія государства и для объясненія его воспользовались всею своею діалектикой и всѣмъ своимъ знаніемъ. Ища причинъ паденія въ сумрачныхъ временахъ, они нанизываютъ весь процессъ прошлаго на черную нить, обрывающуюся въ огромную пропасть... Принятіе катастрофы паденія, продолжаетъ онъ, за исходный пунктъ для образованія общаго взгляда на прошлое есть, по существу дѣла (*z gruntu*), нѣчто фальшивое, вредное для исторіи. Фактъ паденія государства, важный для исторіи въ текущемъ столѣтіи, неосновательно былъ взятъ за основу (*motyw zasadniczy*) для построенія „доразборовой“ исторіи. Фактъ паденія долженъ быть исходнымъ пунктомъ для исторіи „поразборовой“, ибо онъ измѣнилъ условія дальнѣйшаго развитія Польши, но мы не видимъ однако научнаго основанія, чтобы принимать его за главный критеріумъ при изслѣдованіи всего прошлаго. Развѣ прошлое накопило только матеріалъ для произведенія паденія? Развѣ рядомъ съ ошибочною организаціей государства оно не развивало иныхъ явленій? Паденіе государства не привело наше существованіе къ гибели, но только произвело въ немъ переломъ; не утончиложило народа, но только измѣнило условія его развитія. Эти наши существованіе и развитіе въ текущемъ столѣтіи суть все-таки болѣе важный результатъ работы прошлаго, нежели крушеніе государства, безъ котораго мы можемъ—такъ какъ должны—обойтись. Поэтому болѣе важнымъ (*rdzenniejszym*), нежели утрата государственнаго бытія, является накопленіе моральнаго наслѣдія, которое обез-

¹⁾ Новѣйшая польская историографія и переводъ въ ней (*Вѣстн. Евр.* 1886, декабрь, 540—542). См. польскій переводъ подъ заглавіемъ „Najnowszy zwrot w historyografji polskiej“. S.P-burg. 1888. См. стр. 13—15.

²⁾ *Wł. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce (Główne kierunki poglądów na przeszłość)*. Warszawa. 1887.

печило дальнѣйшее наше существованіе и развитіе, и было бы рациональнѣе принять за исходный пунктъ для исторіи генезисъ и формацію этого наслѣдія, нежели настроиваніе всѣхъ струнъ прошлаго на тонъ паденія. Исключительность мотива паденія была бы понятна въ исторіи государства, а не народа, который есть главный предметъ историческаго изслѣдованія и который не пересталъ существовать по прекращеніи политическаго бытія⁴⁾.

Итакъ, фактъ, отмѣченный нами, несомнѣнно существуетъ, и мы вполне его понимаемъ и даже оправдываемъ, такъ какъ вполне не можемъ принять соображеній г. Смоленскаго. Въ жизни народа государство играетъ столь важную роль, что всякія измѣненія въ государствѣ являются въ то же время переменными въ существеннѣйшихъ условіяхъ народной жизни, и если для поляковъ съ паденіемъ Рѣчи Посполитой не все погибло, чтò создано было ихъ историческимъ прошлымъ, какъ народа, то утрата ими политическаго бытія, какъ признаетъ и самъ г. Смоленскій, измѣнила условія ихъ дальнѣйшаго существованія, вслѣдствіе чего, по его же собственнымъ словамъ, этотъ фактъ долженъ быть исходнымъ пунктомъ для исторіи Польши послѣ раздѣловъ. Если однако мы приписываемъ событію такое капитальное значеніе для всего послѣдующаго развитія, то уже нельзя считать неосновательнымъ принятіе этого факта за своего рода мѣрку при сужденіи о прошломъ, которое породило этотъ фактъ, столь важный въ исторіи самого народа. Поэтому весьма понятно, что польскіе историки придали такое значеніе паденію Рѣчи Посполитой при освѣщеніи вообще прошлаго Польши, особенно же послѣднихъ двухъ-трехъ столѣтій ея самостоятельнаго существованія. Конечно, при этомъ возможно было, да и дѣйствительно было преувеличеніе, приводившее къ односторонности, но въ общемъ нельзя не признать правильности того взгляда, по которому польскіе историки занимались паденіемъ Рѣчи Посполитой не только какъ отдѣльнымъ событіемъ, имѣвшимъ такое важное значеніе для ихъ національной исторіи въ XIX вѣкѣ, но и въ связи со всѣмъ прошлымъ Польши, объясняющимъ это событіе и въ свою очередь получающимъ отъ правильнаго его оцѣнки надлежащее освѣщеніе. „Чѣмъ болѣе“—писали мы еще— „чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ историческая наука, тѣмъ все менѣе и менѣе такія крупныя событія, какъ петровская реформа, французская революція и паденіе Польши, бывшія крутыми кризисами въ

⁴⁾ *Smoleński*, 85—86.

жизни трехъ народовъ, являются дѣломъ внѣшняго случая и временно сложившихся въ извѣстную комбинацію обстоятельствъ, тѣмъ все болѣе и болѣе наука выслѣживаетъ историческое подготовленіе факта, его внутреннія причины, ища ихъ не вблизи факта только, а и на очень почтенномъ разстояніи во времени... То обстоятельство, что исторіографіи въ Польшѣ пришлось развиваться главнымъ образомъ послѣ паденія національнаго государства, и сдѣлало изъ этого паденія главный фактъ, который долженъ быть объясненъ всѣмъ государственнымъ прошлымъ націи: въ послѣднемъ долженъ былъ быть найденъ моментъ поворота въ жизни народа къ окончательной катастрофѣ, должны были быть найдены еще болѣе раннія причины того, что государство свернуло на дорогу, приведшую его черезъ извѣстный промежутокъ времени къ гибели“ (о. с., 542—543). Впрочемъ, мы привели выше слова польскаго историка не для того, чтобы съ нимъ полемизировать, а чтобы вмѣстѣ съ нимъ констатировать фактъ, оставаясь сами при особомъ о немъ мнѣніи, тѣмъ болѣе, что ненаучные взгляды явились въ польской исторіографіи при указанномъ отношеніи къ политической катастрофѣ конца XVIII вѣка, какъ къ главному событію польской исторіи въ новое время, не въ силу этого отношенія самого по себѣ, а въ силу извѣстнаго рода доктринерства, съ какимъ разные историки брались за рѣшеніе этого историческаго вопроса. Дѣлая выдержку изъ брошюры г. Смоленскаго, мы выпустили изъ приведенныхъ словъ нѣсколько строкъ, заключающихъ въ себѣ порицаніе такого доктринерства. Но это уже другой вопросъ, котораго мы не касаемся. Въ концѣ концовъ какъ бы мы ни относились къ факту, онъ несомнѣнно существуетъ: въ польской исторіографіи XIX вѣка паденіе Рѣчи Посполитой имѣетъ значеніе не только событія, очень важнаго для современнаго положенія польской націи, а потому достойнаго особливо спеціальнаго изученія, но и событія, въ подготовкѣ коего участвовала, а потому и приводила къ нему—вся предыдущая исторія польскаго государства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣднее превратилось въ шляхетскую Рѣчь Посполитую. Поэтому, рассматривая „паденіе Польши въ исторической литературѣ“, мы не должны ограничиваться одними тѣми трудами, кои прямо посвящены эпохѣ польскихъ раздѣловъ, а должны обратиться вообще къ польской исторіографіи, особенно же къ общимъ построеніямъ польской исторіи.

У польскихъ историческихъ писателей, которымъ въ XIX в. пришлось рѣшать вопросъ о причинахъ паденія Польши, были въ XVIII в.

предшественники въ лицѣ публицистовъ, искавшихъ средства вывести Рѣчь Посполитую изъ ея печальнаго положенія, указывавшихъ на то, что, по ихъ мнѣнью, было главнымъ зломъ въ устройствѣ польскаго государства, и объяснявшихъ, каждый съ своей точки зрѣнія, какимъ образомъ зло это вѣдрилось въ націю¹⁾. Публицисты, дѣлавшіе попытки объяснить окружающую ихъ дѣйствительность ссылками на прежніе политическіе промахи, ошибки и инныя обстоятельства, приводившія къ тому же результату, тѣмъ самымъ становились на историческую почву и подготовляли болѣе или менѣе выработанныя сужденія обо всемъ прошломъ своего отечества, подъ вліяніемъ коихъ складывались потомъ основныя взгляды историческихъ писателей, бравшихъ на себя аналогичную задачу—объяснить уже совершившееся паденіе Рѣчи Посполитой. Въ извѣстномъ смыслѣ вся разница между публицистами XVIII в. и историками XIX заключалась въ томъ, что первые предсказывали фактъ, который для послѣднихъ былъ уже фактомъ совершившимся: до такой степени сходятся между собою тѣ и другіе въ объясненіи того, что однихъ страшило, какъ вѣроятное будущее, несущее съ собою опасность, а другихъ повергало въ уныніе, какъ слишкомъ несомнѣнное прошлое, уже принесшее съ собою гибель. Поэтому именно въ политической литературѣ прошлаго столѣтія нужно искать происхожденіе тѣхъ идей, коими жила и даже живетъ до сихъ поръ польская національная историографія. Польша еще существовала, а будущая литература о ея паденіи уже зародилась.

Польскіе публицисты прошлаго столѣтія, искавшіе причинъ того упадка, въ какомъ тогда находилась Рѣчь Посполитая, раздѣлились на два лагеря, республиканскій и монархическій. Республиканцы полагали причину бѣдствій родной страны въ томъ, что она отклонилась отъ своего исконнаго государственнаго устройства, которое представлялось имъ въ свѣтѣ идей Руссо,—и за одно изъ главныхъ отклоненій считали право королей раздавать должности и бенефиціи, бывшія первоначально яко бы въ рукахъ сувереннаго народа, тогда какъ монархисты утверждали, что бѣдствія Польши происходятъ отъ сла-

¹⁾ Объ этой публицистикѣ см. *Hoffmann. Historia reform politycznych w Polsce. 1867; Pilat. Literatura polityczna sejmu czteroletniego (Przegląd polski 1872); Kalinka. Sejm czteroletni. 1886* (первая половина второй части второго тома). Означенные авторы однако обращаютъ главное вниманіе не на историческія построенія польскихъ публицистовъ.

бости правительства, выразившейся въ томъ положеніи, какое занимала въ ихъ отечествѣ королевская власть ¹⁾).

Въ этомъ раздѣленіи на партіи, боровшіяся въ Польшѣ за власть, сказалось отчасти и вліяніе тогдашнихъ политическихъ идей, шедшихъ съ Запада, а самое существованіе этихъ двухъ партій отразилось и на историческихъ взглядахъ тогдашнихъ поляковъ. Республиканцы и монархисты не только расходились кореннымъ образомъ въ своихъ мнѣніяхъ относительно средствъ спасенія Рѣчи Посполитой, но и самое отдаленное прошлое Польши понимали совершенно различно. Обѣ партіи дѣлали экскурсіи въ исторію, дабы ея авторитетомъ поддержать справедливость своихъ идей, и такимъ образомъ еще до окончательнаго паденія государства все прошлое польской націи привлекалось для объясненія приключившихся съ нею несчастій. Подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ историческихъ воззрѣній, сложившихся въ послѣднее время политическаго существованія Польши, находилась и польская историографія XIX вѣка; но разъ историческія воззрѣнія XVIII столѣтія обязаны были своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ постановкѣ вопроса о причинахъ политическихъ бѣдствій Рѣчи Посполитой, то и писатели XIX вѣка должны были, объясняя прошлое своего отечества, постоянно имѣть въ виду фактъ, котораго опасались ихъ предшественники, но который для нихъ уже былъ совершившимся фактомъ. И подобно тому, какъ въ публицистикѣ XVIII вѣка образовалось два различныхъ взгляда на прошлое Польши, такъ и историографія текущаго столѣтія въ этомъ отношеніи распадается на двѣ школы, смѣнявшія одна другую съ теченіемъ времени. Поэтому краткій обзоръ нѣкоторыхъ произведеній польской политической литературы и необходимъ при изученіи польской историографіи, хотя обзоръ этотъ придется начать съ чисто историческаго сочиненія о Польшѣ, написаннаго притомъ не врожденнымъ полякомъ.

Именно первый, кто сдѣлалъ попытку представить общій взглядъ на исторію Польши, былъ французскій дворянинъ, получившій индигенатъ въ Рѣчи Посполитой, Сезарь Пиррисъ де Вариль (Cesar Pyrrhus de Varille), который въ 1760 году издалъ въ Варшавѣ по латини небольшую книжку подъ заглавіемъ „Политическаго компендіума“ ²⁾.

¹⁾ *Wił. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce*, 13—15.

²⁾ *Compendium politicum seu brevis dissertatio de variis poloni imperii vicibus in qua reipublicae sive libertatis, necnon in comitiis vetandi juris origo,*

Первое явленіе, на которое авторъ обращаетъ вниманіе,—то, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ его времени свободу лучше всего сохранили у себя поляки¹⁾, но онъ не въ примѣръ многимъ полякамъ того времени не считаетъ этой свободы за исконный фактъ польской исторіи. По его представленію, послѣдняя дѣлится на три періода, изъ коихъ первый, до Казимира Великаго, онъ называетъ монархіей, имѣвшею происхожденіе въ абсолютной и неограниченной княжеской власти²⁾: въ одномъ мѣстѣ онъ даже какъ бы полемизируетъ съ мнѣніемъ, отрицающимъ неограниченную власть Пястовъ³⁾, а въ другомъ замѣчаетъ, что любовь къ истинѣ не позволяетъ ему приписывать свободѣ въ Польшѣ большую древность, нежели какая принадлежитъ ей въ дѣйствительности⁴⁾. Второй періодъ польской исторіи носить у автора названіе аристократіи, а третій, начинающійся съ седьмага года царствованія Казимира IV, обозначается какъ періодъ демократіи, съ подраздѣленіемъ его на три эпохи, смотря по тому, какъ рѣшались дѣла на сеймахъ,—большинствомъ ли голосовъ (*votum pluralitate*), или меньшинствомъ (*votum paucitate*), когда послѣднее могло срывать сеймы, или же, наконецъ, единогласіемъ (*votum unanimitate*), при которомъ *liberum veto* одного гражданина также могло сорвать сеймъ. Первая изъ этихъ эпохъ кончилась въ 1536 г., и только до этого времени, по мнѣнію де-Варилля, шляхта, дѣйствительно, была самостоятельна. Пока, говоритъ онъ,—польская шляхта заботилась на сеймахъ лишь о народной чести, общемъ благѣ и сохраненіи собственной свободы, сеймы оканчивались благополучно и на нихъ большинствомъ голосовъ постановлялось то, что шляхтѣ приносило славу и пользу государству; но лишь только рыцарское сословіе дозволило себя увлечь честолюбію и интригамъ магнатовъ, разумъ уступилъ наглости, свобода—своеволю,

progressus et status praesens nova methodo inquiruntur et ad calculum usque describuntur. Anno Domini 1760. Varsaviae. Предисловіе подписано: Pyrrhus a Varillaeo, eques Gallus.

¹⁾ *Ex cunctis prorsus Europae populis intactam magis et diutius integram, vel sub regum imperio, poloni suam servarunt libertatem. Compendium politicum, стр. 10.*

²⁾ *Principatum absolutum fuisse et haereditarium... Primo plena erat et absoluta Lechi et sucessorum illius potestas, стр. 16.*

³⁾ *Quod autem ad Piastidarum auctoritatem attinet, non levis est error, veraque caecitas eam non absolutam fuisse contendere, стр. 25.*

⁴⁾ *Sed veri ubique amans, nimium fateor libertatis] amorem, fictamque illius antiquitatem rationum mole et exemplorum numero quodam modo tentavi, стр. 29.*

честь—золоту¹⁾: магнаты заботились болѣе о своихъ выгодахъ, чѣмъ объ интересахъ Рѣчи Посполитой и объ истинной свободѣ своихъ согражданъ²⁾. Описание этихъ двухъ эпохъ польской исторіи, то-есть, эпохъ срыванія сеймовъ меньшинствомъ или „свободнымъ голосомъ одного гражданина“ соединено у де-Варилля съ критикой польскихъ политическихъ порядковъ, въ которыхъ онъ видитъ осуществленіе вредныхъ для государства аристократическихъ вождельній³⁾. Общее заключеніе его то, что свободы въ Польшѣ довольно, но что ей необходимы твердые законы и прочная власть, безъ коихъ не можетъ существовать никакое общество: „nulla societas sine legibus; vanae leges sine auctoritate; nulla legum auctoritas sine summo imperio“. И какъ бы пророча будущее паденіе, историкъ прибавляетъ къ этимъ словамъ: „quod si in Polonia irritis comitiis cadat, tota moles corruat necesse est“. 4). „Можно сказать“, писалъ де-Варилль въ другомъ сочиненіи,—это—настоящее чудо, что вы могли существовать столь долго въ такомъ беспорядкѣ“,—прибавляя, что извѣстному политическому правилу поляковъ: „confusione et disordine stat res Polona“, очевидно, внушенному этимъ чудомъ, противоположно то, что „moribus antiquis res stat Romana virisque“⁵⁾. Основная мысль „Политическаго компендіума“ вполне совпадаетъ съ тѣми политическими и историческими взглядами, которые развиваются въ сочиненіяхъ публицистовъ изъ монархическаго лагеря. Можно сказать, что общее построеніе польской исторіи, сдѣланное бывшимъ французскимъ дворяниномъ, въ существенныхъ чертахъ сохранилось у всѣхъ польскихъ писателей, которые признавали фактъ существованія въ раннихъ періодахъ польской исторіи сильной королевской власти и въ ослабленіи

1) Стр. 69—70.

2) . . . uni potius ambitioni et cupiditati suae consuluisse videntur, quam Reipublicae bono veraeque concivium suorum libertati, стр. 78.

3) См. стр. 78 и слѣд. Болѣе обстоятельную критику польскаго государственнаго устройства тотъ же авторъ далъ въ книгѣ: *Lettres sur la constitution actuelle de la Pologne et la tenue de ses diètes*. Varsovie. 1769.

4) *Compendium politicum*, стр. 168.

5) *Lettres sur la constitution*, стр. 124. Объ этомъ писателѣ и его сочиненіяхъ есть небольшой этюдъ г. *Вл. Смоленскаго* подъ заглавіемъ: „Cezar Puzgghus de Varille. Przyczynek do historyi literatury polityczney wieku XVIII“. Онъ былъ помѣщенъ въ еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ варшавской газетѣ *Nowiny* за 1880 г. Краткія біографическія данныя см. въ предисловіи къ *Lettres sur la constitution*.

последней видѣли причину гибельной анархїи. Публицисты республиканскаго лагеря въ иномъ видѣ представляли себѣ прошлое Польши: имъ показалось, что она всегда была шлякетскою Рѣчью Посполитою съ выборными королями безъ всякой настоящей власти. Когда среди поляковъ распространились идеи „Общественнаго договора“ Руссо, въ политической теорїи женевскаго философа нашли многіе изъ нихъ философское оправданіе своего историческаго построенія. Однимъ изъ первыхъ поляковъ, который съ точки зрѣнія новой политической доктрины изложилъ въ сущности старошлякетскіе взгляды, принявъ ихъ за принципы, яко бы лежавшіе въ основѣ самаго древняго, исконнаго политическаго строя Польши, былъ гр. Вельгорскій.

Сочиненіе графа Вельгорскаго „О возвращеніи прежней формы правленія на основаніи первоначальныхъ законовъ Рѣчи Посполитой“ ¹⁾ вызвано было желаніемъ найти причины той анархїи, которая свергла Польшу въ пучину бѣдствій и дозволила сосѣднимъ державамъ составлять противъ нея опасные проекты ²⁾: „вида отечество на краю безднн“, говоритъ авторъ, — „мы боимся, что малѣйшая случайность, можетъ низвергнуть въ нее государство“ ³⁾, и единственное спасеніе онъ полагаетъ въ восстановленіи порядка и первоначальнаго устройства Рѣчи Посполитой ⁴⁾. Возражая зарождавшейся тогда монархической школѣ, гр. Вельгорскій замѣчаетъ, что Польшу губить не республиканское устройство, а отсутствіе всякаго правительства: „у насъ, говоритъ онъ, нѣтъ никакого правительства. Поэтому не республиканское правленіе, а одну анархїю, заступившую его мѣсто, вы должны разсматривать, какъ истинный источникъ вашихъ несчастій“ ⁵⁾. Въ политикѣ авторъ былъ послѣдователемъ Руссо, который, какъ извѣстно, и написалъ по его просьбѣ свое „Разсужденіе о польскомъ государственномъ устройствѣ“ ⁶⁾; поэтому на историческомъ міросо-

¹⁾ *Wielhorski. O przywróceniu dawnego rządu według pierwiastkowych rzeczypospolitej ustaw. 1775.* Мы будемъ цитировать по французскому переводу, изданному въ Лондонѣ въ 1775 г. подъ заглавіемъ: *Essai sur le rétablissement de l'ancienne forme du gouvernement de Pologne suivant la constitution primitive de la république.*

²⁾ *Discours préliminaire, стр. VII—VIII.*

³⁾ *Ibid., IX.*

⁴⁾ *Ibid., XI.*

⁵⁾ *Ibid., XVII.*

⁶⁾ *Considérations sur le gouvernement de Pologne et sa réformation projetée. 1772.* См. объ этомъ далѣе въ главѣ III.

зерцаніи польскаго вельможи отразились политическіе взгляды жевевскаго философа. Именно уже въ самомъ началѣ польской исторіи онъ видитъ установленіе народовластія ¹⁾, хотя очень часто подъ націей разумѣется у него только шляхта, которая иногда и прямо замѣняетъ націю ²⁾. Не входя въ подробности относительно того, какъ изображаетъ гр. Вельгорскій первоначальную польскую конституцію, мы отмѣтимъ здѣсь только тѣ мѣста его книги, въ коихъ идетъ рѣчь о порчѣ идеальнаго государственнаго устройства, какое, по его представленію, дали Польшѣ „мудрые предки“. Первая причина этой порчи въ *liberum veto*: гр. Вельгорскій развиваетъ мысль, высказанную раньше Руссо, что въ Польшѣ произошло ослабленіе законодательной власти безпримѣрнымъ образомъ, не потому, чтобы ее подчинила себѣ власть исполнительная, а потому что никто ей не повинуется ³⁾. Разказавъ вкратцѣ исторію *liberum veto*, авторъ заключаетъ, что это установленіе „оставило Польшу безъ законодательной власти“ ⁴⁾ и тѣмъ ввергло ее въ анархію. Другая причина порчи первоначальнаго устройства, по гр. Вельгорскому,—та, что нація не пользуется болѣе своимъ (якобы) исконнымъ правомъ выбора сановниковъ ⁵⁾; ибо потеря этого права приводитъ къ деспотизму исполнительной власти. Третья причина бѣдствій Рѣчи Посполитой—избраніе королей: „право избирать себѣ короля“, говоритъ авторъ,—„съ нѣкотораго времени сдѣлалось совершенно химерическимъ“ и только стало подавать поводъ иностраннымъ державамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой ⁶⁾, вслѣдствіе чего авторомъ и предлагается проектъ новой формы избранія. Что касается до самой королевской власти, то, совѣтуя ее сохранить, гр. Вельгорскій находитъ, однако, что Польшѣ нуженъ „король безъ силы и почти безъ авторитета, дабы“, поясняетъ онъ,—„мы не имѣли такого короля, который могъ бы насъ деморализировать (согготрге) своими благодѣяніями или сталъ бы помышлять о томъ, чтобы управлять нами по произволу“ ⁷⁾. Въ ослабленіи законодатель-

¹⁾ *Wielhorski*. Essai, стр. 5 и слѣд.

²⁾ *Ibid.*, 12, 16, 17, 18, 21, 28 и др. Въ „résumé de l'ouvrage“ уже прямо выставляется тезисъ, что la république de Pologne n'a confié l'autorité qu'à la noblesse,—и оправдывается устраненіе другихъ классовъ общества, стр. 292—293.

³⁾ *Ibid.*, 68 sq.

⁴⁾ *Wielhorski*, 72.

⁵⁾ *Ibid.*, 118.

⁶⁾ *Ibid.*, 259—260.

⁷⁾ *Ibid.*, 263.

ной власти посредством *liberum veto* и въ усиленіи исполнитель-
ной чрезъ замѣну выборныхъ сановниковъ назначаемыми королемъ
гр. Вельгорскій видитъ такимъ образомъ причины внутренняго не-
устройства Польши, чѣмъ и пользуются иностранцы на ея погибель. Все
спасеніе въ возвращеніи къ изначальному устройству государства, пред-
ставляющемуся автору верховъ политической мудрости, потому что
на все прошлое Польши онъ смотритъ съ точки зрѣнія готовой по-
литической доктрины. „Каждое государство“, говоритъ онъ, — „имѣетъ
свои основные принципы. Если принципы эти согласны съ законами
природы, государство должно процвѣтать. Таково правленіе, которое
создали наши отцы. Но такъ какъ человѣческія страсти разрушаютъ
съ теченіемъ времени самыя мудрыя установленія, то важно привести
государство къ его первоначальной формѣ“¹⁾). Послѣдняя рисуется
автору постоянно въ самомъ идеальномъ свѣтѣ: предки поляковъ
отличались чистотою, простотою и благородствомъ характера²⁾), и
время, когда они жили, было счастливѣйшимъ³⁾); поэтому ихъ прин-
ципы и нужно положить въ основу государственнаго устройства и
принять за правило законодательства Рѣчи Посполитой⁴⁾). Не говоря
о томъ, что Вельгорскій совершенно не понимаетъ, каково было пер-
воначальное устройство Польши, онъ глубоко заблуждается, думая,
что „мудрое правленіе“ предковъ установилось сразу, какъ почти
сразу же потомъ человѣческія страсти испортили это правленіе. Нельзя
не отмѣтить еще того, что гр. Вельгорскій чувствуетъ бѣду, грозящую его
родинѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ, напримѣръ,
такъ: „Размышленія, которыя вы только что прочитали, были напи-
саны въ то время, когда мы еще могли льстить себя надеждою, что
снова станемъ у себя господами, но этого положенія болѣе не суще-
ствуетъ: нами управляютъ наши сосѣди“⁵⁾). Не забудемъ, что его
книга вышла въ свѣтъ вскорѣ послѣ перваго раздѣла.

Основную идею Вельгорскаго, видѣвшаго причину губащей Польшу
анархіи въ искаженіи изначальной республиканской конституціи госу-
дарства, раздѣляли и нѣкоторые другіе публицисты того времени,

¹⁾ *Wielhorski*, 1.

²⁾ *Ibid.*, XII.

³⁾ *Ibid.*, XIII.

⁴⁾ *Ibid.*, 112. Ср. другія мѣста, гдѣ восхваляется политическій смыслъ пред-
ковъ, стр. 114, 153, 200 и пр.

⁵⁾ *Ibid.*, 286.

каковы, напимѣрь, авторъ „Примѣчаній на примѣчанія“¹⁾, направленныхъ противъ Сташица, и Северинъ Ржевускій²⁾).

Между тѣмъ въ Польшѣ зарождалась научная историографія. Въ 1780—1786 гг. вышли въ свѣтъ семь томовъ „Исторіи польскаго народа“³⁾, авторомъ которой былъ Адамъ Нарушевичъ, въ то время коадьюторъ епископства смоленскаго, позднѣе епископъ луцкій. Человѣкъ искренне преданный лично Станиславу Августу и получившій отъ него не только званіе историографа Польши, но и большую помощь при собираніи матеріала, Нарушевичъ и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ монархистъ. „Его уму“—приводимъ слова В. Д. Спасовича—„представлялась блестящая картина славнаго прошедшаго Польши, передъ которою современники были просто карлики. Мысль его стремилась въ даль, ко временамъ Пястовъ, къ тому періоду польской исторіи, когда нравы были демократичнѣе, когда не раздѣлялись рѣзко сословія и когда подъ мощною десницею самодержавныхъ еще королей слагалось государство. Демократъ въ душѣ и оттого монархистъ, Нарушевичъ понималъ, что настала пора покончить со спѣсью и исключительностью шляхетскою, а реформу понималъ онъ, какъ возвратъ къ старому, давнопрошедшему; однимъ словомъ“—заключаетъ г. Спасовичъ—„если бы можно было употребить сравненіе, заимствованное изъ другаго общества и изъ настоящаго времени, то Нарушевича слѣдовало бы назвать первымъ представителемъ того направленія, которое носитъ въ Россіи названіе славнофильства“⁴⁾. Нарушевичъ успѣлъ довести свою исторію только до 1386 г., то-есть, до вступленія на престолъ Ягеллоновъ, и описанное время онъ считаетъ лучшимъ въ Польшѣ. Въ одной изъ своихъ одъ⁵⁾ онъ говоритъ, что правленіе въ Польшѣ всегда было дурное, но люди прежде были лучше (to pewna, że rząd zawsze był zły, lepsi ludzie): за золотымъ вѣкомъ наступилъ серебряный, смѣненный мѣдью, и „кто знаетъ, не будутъ ли наши сыновья изъ глины послѣ желѣзныхъ родителей?“ Продолжать свой трудъ Нарушевичу не при-

1) Uwagi nad uwagami.

2) Punkta do formy rządu. 1790. O successyi tronu w Polsce. 1790. Ср. *Kalinka*. Sejm czteroletni. Lwów. 1886. II, 470 sq. (по 3 изд.).

3) *Naruszewicz*. Historia narodu polskiego. Последнее изд. вкраковское 1859 г.

4) *Пытинъ и Спасовичъ*. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. С.-Пб. 1865. Стр. 445.

5) Oda na obrazy polaków starożytnych.

плось: начался четырехлѣтній сеймъ, въ которомъ историкъ принялъ дѣятельное участіе, ставъ на сторону партіи реформы, а потомъ произошли событія, когда ему было не до ученыхъ трудовъ. Еще въ упомянутой одѣ Нарушевичъ приглашалъ приподняться изъ праха „мощнымъ скипетромъ управлявшихъ нѣкогда краемъ“, а теперь онъ пишетъ стихотвореніе „Голосъ мертвецовъ“, въ которомъ отъ имени этихъ свитроносцевъ высказывается его разочарованіе вслѣдствіе неудачи реформы: великіе мертвецы, покоящіеся въ гробницахъ краковскаго собора, обращаются съ суровою рѣчью къ потомству, и смыслъ этой рѣчи тотъ, что всѣ бѣдствія Польши произошли отъ ослабленія королевской власти. Затѣмъ Нарушевичу пришлось разочароваться и въ своей привязанности, въ королѣ: въ послѣдній разъ историкъ встрѣтился съ Станиславомъ Августомъ, когда тотъ возвращался съ Гродненскаго сейма 1793 г., подписавшаго второй раздѣлъ Рѣчи Посполитой, и на совѣтъ короля продолжать начатый трудъ съ негодованіемъ отвѣтилъ, что не возьметъ пера въ руки: что теперь ему не для кого писать. Такъ большой трудъ Нарушевича и остался не оконченнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ его вскорѣ умеръ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о значеніи Нарушевича вообще въ польской исторіографіи; его роль въ послѣдней можно сравнить съ ролью Карамзина въ нашей. Поэтому знаменитый луцкій епископъ былъ родоначальникомъ цѣлой школы въ Польшѣ. Но еще ранѣе его историческіе взгляды повліяли на нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ, писавшихъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ его „*Historji narodu polskiego*“.

Въ началѣ польской исторіи Нарушевичъ видитъ завоеваніе славянами земель по Вартѣ и Вислѣ, съ болѣе древнимъ населеніемъ: автохтоны, по его представленію, были обращены въ рабство, а земля раздѣлена между побѣдителями; одни стали подданными, хлопами, другіе—панами, владѣльцами, шляхтою. Этимъ государствомъ управляла древняя династія Пастовъ самымъ абсолютнымъ образомъ, деспотически, но распаденіе Польши на удѣлы нанесло ударъ монархическому началу и послужило только усиленію значенія государственныхъ чиновниковъ и шляхты, на которую должны были опираться удѣльные князья, хотя въ принципѣ и остававшіеся еще абсолютными монархами. Только съ теченіемъ времени, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, ослаблявшихъ монархизмъ, вся сила въ государствѣ

перешла первоначально къ аристократіи, а потомъ и къ шляхтѣ ¹⁾. Это-то представленіе отца польской историографіи, сходное съ построениемъ де-Варилля и столь противное республиканской теоріи Вельгорскаго, и легло въ основаніе историческихъ взглядовъ цѣлаго ряда публицистовъ изъ прогрессивнаго лагеря въ эпоху четырехлѣтняго сейма. Каноникъ Езерскій, авторъ небольшой брошюры „О безкоролевьяхъ въ Польшѣ и избраніи королей“ (1790 г.), изданной анонимно ²⁾, усвоилъ взглядъ Нарушевича на происхожденіе польскаго государства и на первоначальный характеръ княжеской и королевской власти. „Когда историки польскихъ дѣлъ“, говоритъ онъ, — „упоминаютъ о свободномъ избраніи польскихъ князей изъ фамиліи Пяста, то это — напрасное искаженіе правды и очевидная натяжка въ угоду польскимъ политикамъ, которые основали свободу этого народа на свободномъ избраніи королей, что совершенно невѣрно, ибо свободно избираемый папа есть абсолютный монархъ Рима, тогда какъ англійскій король, будучи наслѣдственнымъ обладателемъ трона, не можетъ быть иначе почитаемъ, какъ первымъ сановникомъ свободнаго народа“ ³⁾. По представленію автора, разросшійся домъ Пяста „дѣлилъ между собою Польшу, какъ шляхетская семья—отцовскія деревеньки“ ⁴⁾. „Власть народа съ королемъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „столь давняго у насъ происхожденія, что ея начало словно пропадаетъ во мракѣ вѣковъ и исторіи, но эта власть до смерти Сигизмунда Августа дѣлилась надлежащимъ образомъ (rozdzanie). Отъ вачала писанаго права до нашихъ временъ народъ вполнѣ пользовался законодательною властью ⁵⁾, но власть исполнительная, находясь въ рукахъ королей, подверглась измѣненіямъ. Чѣмъ глубже мы будемъ проникать взглядомъ въ даль древнихъ временъ, тѣмъ болшую найдемъ полноту власти (zupełność władzy) исполнительной у королей; чѣмъ болѣе будемъ приближаться къ нашему

¹⁾ Болѣе подробно *Wł. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce*, стр. 9—10.

²⁾ *O bez-krolewiach w Polsceze u wybieraniu krolow poczawszy od smierci Zygmunta Augusta Jagielly az' do naszych czasow. W Warszawie. 1790 roku. Другое его сочиненіе—Rzepicha, matka królów, żona Piasta. Warszawa. 1794.*

³⁾ *O bez-krolewiach*, стр. 7.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 8.

⁵⁾ Изъ этого мѣста мы видимъ, что Езерскій усвоилъ частью и взгляды другой школы.

времени, тѣмъ чаще будемъ встрѣчаться съ уменьшеніемъ этой власти“. Отъ вольной элекціи королей ждали для народа счастья, „а можновладство“, продолжаетъ авторъ, — „подъ этимъ видомъ ввело безкоролевье, или правленіе безъ короля (rząd bez króla), обманывая народъ призракомъ свободы, для себя же приобретаая неограниченное право распоряженія королями и тою частью гражданъ, которые не могли съ ними сравняться имуществомъ или которые, дорожа гражданскою свободою, желали покоя и пренебрегали распущенностью (rozwiózłością), подъ видомъ политической свободы введенной въ правленіе“¹⁾. Авторъ излагаетъ исторію безкоролевій отъ смерти Сигизмунда Августа до своего времени и по поводу этой исторіи замѣчаетъ, между прочимъ, что „отъ начала вольнаго избранія королей и отъ безкоролевій, какъ отъ источника, происходятъ всѣ утраты, столь большія, что отъ королевства, по сей день обширнѣйшаго въ Европѣ, едва осталась половина“²⁾. На книжкѣ въ видѣ эпиграфа стоятъ слова: „Polonia est ne regnum an interregnum“, то есть, по воззрѣнію Езерскаго, послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, правительство страны бываетъ то королевствомъ, то безкоролевьемъ (przemieniając rząd krajowy raz w królestwo, drugi raz w bezkrólewia), что и есть „причина и слѣдствіе, помощь и средство всего того, до чего“, говоритъ авторъ, — „дошла теперь Польша“³⁾.

Еще бѣльшаго вниманія заслуживаетъ изданная въ Варшавѣ въ 1790 г. книжка извѣстнаго политическаго дѣятеля Гюгона Коллонтая въ видѣ „Замѣчаній на сочиненіе о наследственности трона“⁴⁾, вышедшее изъ подъ пера Северина Ржевускаго. „Вездѣ“, говоритъ Коллонтай о послѣднемъ, — „вездѣ авторъ смѣло отсылаетъ къ исторіи, и нигдѣ я не встрѣтилъ свидѣтельствъ, на которыя онъ опирается“⁵⁾. „Когда, говоритъ онъ еще, — два писателя противоположныхъ мнѣній апеллируютъ оба исторіи, то эта самая исторія, освѣщенная факе-

¹⁾ Ibid., 16—17.

²⁾ Ibid., 31.

³⁾ Ibid., 55. См. особенно стр. 32—33, гдѣ представлены всѣ слабыя стороны вольной элекціи королей.

⁴⁾ *Hugo Kollontaj. Uwagi nad pismem, które wyszło w Warszawie p. t. Seweryna Rzewuskiego, o successyi tronu w Polsce. 1790.* Мы цитируемъ по французскому переводу: *Observations sur un ouvrage intitulé: Essai sur le droit de succession au trône de Pologne. Par M. Kollontaj. Varsovie. 1791.*

⁵⁾ *Observations*, стр. 7.

ломъ здоровой критики, именно и должна разрѣшить ихъ споръ“ ¹⁾. Коллонтай оспаривалъ тезисъ Ржевускаго, будто польская Рѣчь Посполитая, постоянно свободная въ теченіи десяти вѣковъ, всегда выбирала себѣ королей по собственному произволу, — и при этомъ имѣлъ полное право сказать: „не уклоняясь отъ метода, принятой нашимъ авторомъ, я извлекаю изъ его принциповъ выводъ, прямо противоположный его собственному, и я утверждаю, что легальная безкоролевья и дѣйствительно свободное избраніе нашихъ королей ведутъ начало только со смерти Сигизмунда Августа“ ²⁾. Коллонтай считаетъ, однако, невозможнымъ и, пожалуй, мало интереснымъ опредѣленіе формы правленія въ отдаленнѣйшія времена польской исторіи ³⁾, тѣмъ болѣе, говоритъ онъ, что „нечего за составленіемъ предположеній о томъ, чѣмъ мы были нѣкогда, терять время, которымъ нужно воспользоваться, чтобы узнать, чѣмъ мы должны быть сегодня“ ⁴⁾. Извѣстно, что Коллонтай былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ наследственной короны въ Рѣчи Посполитой, какъ одного изъ средствъ спасенія среди грозныхъ обстоятельствъ. „Ни одно изъ нашихъ священныхъ пророчествъ“, говоритъ онъ, — „не заключаетъ въ себѣ больше чертъ очевидности и не сопровождается подробностями, лучше подходящими къ обстоятельствамъ, какъ пророчество Яна Казимира о страшныхъ бѣдствіяхъ, которыя грозили Рѣчи Посполитой, бѣдствіяхъ, которыя она могла устранить, лишь назначая ему до его смерти преемника и принимая наиболѣе дѣйствительныя мѣры, дабы воспрепятствовать тому, чтобы тронъ не сдѣлался предметомъ честолюбія иностранцевъ и своихъ“ ⁵⁾. Самая свобода выбора королей, въ коей видѣли палладіумъ польской свободы, оказалась на дѣлѣ невозможною ⁶⁾: Коллонтай сравниваетъ ее съ квадратурой круга въ геометріи, съ *regretium mobile* въ механикѣ и съ философскимъ камнемъ въ химіи ⁷⁾.

За эпохой четырехлѣтняго сейма, самымъ крупнымъ дѣломъ котораго была конституція 3-го мая, послѣдовала эпоха двухъ послѣд-

¹⁾ Ibid., 14.

²⁾ Ibid., 23.

³⁾ Ibid., 35.

⁴⁾ Ibid., 37.

⁵⁾ Ibid., 63.

⁶⁾ Ibid., 92 sq.

⁷⁾ Ibid., 103.

нихъ разборовъ Рѣчи Посполитой. Послѣ неудачи конституціи 3-го мая и неудачи Костюшковскаго возстанія, на долгое время польскимъ публицистамъ уже не представлялось случая составлять плановъ „направъ“ Рѣчи Посполитой, и все ихъ вниманіе было обращено теперь на то, чтобы только-что совершившіяся событія передать памяти потомства согласно съ интересами какъ вообще національнаго дѣла, такъ или иначе понятными, такъ и своихъ партій, и взгляды, которые тогда были высказаны относительно лицъ и событій, сдѣлались нотомъ на долгое время традиціонными въ польской литературѣ. Говоря это, мы разумѣемъ здѣсь не многочисленныя мемуары, дошедшіе до насъ о той эпохѣ, такъ какъ бѣольшая часть этихъ „*pamiętników*“ увидѣла свѣтъ въ печати только въ ближайшее къ намъ время, а потому ихъ содержаніе не могло повліять на образованіе историческихъ взглядовъ относительно паденія Польши въ первую половину XIX вѣка. Это, правда, не мѣшаетъ намъ упомянуть о ихъ существованіи, какъ важныхъ историческихъ источниковъ для эпохи ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ въ виду польскія публикаціи о послѣднихъ дняхъ Рѣчи Посполитой ²⁾

¹⁾ *Czartoryski* (Adam). Mémoires. Paris. 1887; *Czasy* St. Aug. Poniatowskiego przez jednego z posłów wielkiego sejmku napisane. Poznań. 1867; *Gąsionowski*. Pamiętniki z 1791—1794. Lwów. 1857; *Karpiński*. Pamiętniki. Poznań. 1844. *Kiliński*. Pamiętniki. Poznań. 1860; *Kitowicz*. Pamiętniki do panowania Stanisława Augusta. Poznań. 1855 (онъ написалъ еще *Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III*. Petersburg. 1855); *Kosmowski*. Pamiętniki. Poznań. 1860; *Koźmian*. Pamiętniki. Poznań. 1858; *Lichnichi*. Pamiętniki. Poznań. 1862; *Matuszewicz*. Pamiętniki. Warszawa. 1877; *Michałowski*. Pamiętniki. Warszawa. 1857; *Niemcewicz*. Pamiętniki czasów moich. Poznań. 1868; *Ochocki*. Pamiętniki. Wilno. 1857; *M. Ogiński*. Mémoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Paris. 1826—1827; *Sangussko*. Pamiętniki. Kraków. 1876; *Sułkowski*. Życie i pamiętniki historyczne, polityczne i wojskowe o rewolucyi polskiej w latach 1792—1793. Poznań. 1864; M-me *F. Trembicka*. Mémoires d'une polonaise pour servir à l'histoire de la Pologne depuis 1764 jusqu'à 1830. Paris et Leipzig. 1841; *Woyda*. Pamiętniki o rewolucyi 1794 roku. Poznań. 1866. (*Czacki*). Wspomnienia z roku 1788 po rok 1792. Poznań. 1862; *Wodzicki*. Pamiętniki. Kraków 1878; *Wybicki*. Pamiętniki и др. По описанію нравовъ, обычаевъ, общественныхъ порядковъ въ старой Польшѣ особенно важны *Kitowicz*, *Koźmian* и *Ochocki*, а также и другіе, напримѣръ, *Karpiński*, *Niemcewicz* и т. д. Указываетъ здѣсь только на польскіе мемуары, кромѣ коихъ есть и русскіе (напримѣръ, *Кречетникова*) и французскіе (*Дюмурье* и т. п.).

²⁾ *Komarzewsky*. Coup d'oeil rapide sur les causes réelles de la décadence de Pologne. 1807; *Lobarzewski*. Respect à la tête couronnée ou exposé historique, politique et moral des grands événements relatifs à la Pologne. S. P.-bourg. 1818;

и самую крупную изъ нихъ,* которая весьма долгое время задавала тонъ послѣдующей польской историографіи: мы разумѣемъ сочиненіе объ установленіи и паденіи конституціи 3-го мая.

Книга „Объ установленіи и паденіи конституціи 3-го мая“¹⁾, вышедшая въ свѣтъ въ 1793 г., возникла по мысли Коллонтая и была составлена сообща имъ самимъ, Потоцкими (Игнатіемъ и Станиславомъ) и Дмоховскимъ: общій планъ и нѣкоторыя части (въ первомъ томѣ главы III и VI и отчасти IV, которая писалась въ сотрудничествѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ, во второмъ главы III и VIII, а также заключеніе) принадлежали самому Коллонтаю; Дмоховскій написалъ также нѣсколько главъ (т. I, гл. I, II, V и VII; т. II, гл. V и VII) и былъ главнымъ редакторомъ книги; остальное вышло изъ подъ пера Потоцкихъ (Станиславъ написалъ отчасти четвертую главу I тома, а во II главы I и VI, Игнатій въ I томѣ главу VII, во второмъ— II и VI). Это былъ отвѣтъ на декларацію русскаго и прусскаго дворовъ, сразу сдѣлавшійся необыкновенно популярнымъ среди поляковъ, такъ что скоро потребовались новыя перепечатки этой книги. Это, какъ выражается польскій историкъ кс. Калинка, былъ

Untersuchungen über die Rechtmässigkeit der Theilung Polens. Warszawa. 1794; Zbiór wszelkich czynności powstania narodu polskiego w dniach 17 i 18 kwietnia z przemocą moskiewskiej i despotyzmu pruskiego od dnia 24 marca do 19 czerwca 1794 ułożony. Warszawa. 1794; *Karol Woyda*. Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Insurrection. Zurich. 1796. Сюда можно отнести и иностранныя публикаціи по польскимъ источникамъ, наприкладъ: *Jaubert*. Hist. des révol. de Pologne. Varsovie. 1776; *K. G.* Geschichte der polnischen Staats-Veränderung vom 3 May 1791 nach dem polnischen Berichte der Warschauer National-Zeitung (Варшава, безъ обозначенія года); инициалы скрываютъ подъ собою имя *A. Glave*; Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution (aus einem polnischen Manuscript). Frankfurt und Leipzig. 1796. Ср. также болѣе раннія сочиненія *Łojko*. Les droits de trois puissances alliées sur plusieurs provinces de la république de Pologne (Londres. 1773) и Insuffisance et nullité des droits des trois puissances copartageantes sur plusieurs provinces de la république de Pologne (1784).

¹⁾ О ustanowieniu i o upadku konstitucyi 3-go maja. 1793. Мы пользовались нмѣцкимъ переводомъ Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Konstitution vom 3-ten May 1791. 1793. Польскій подлинникъ былъ напечатанъ въ Мецѣ какъ объ этомъ свидѣлствуетъ книга Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Revolution vom Jahr 1794. 1796. I, стр. VIII. Отзывъ автора послѣдняго сочиненія о книгѣ Коллонтая и др.: „Voll der aufrichtigsten historischen Wahrheiten würde es ein meisterhafter Beytrag zur neuern Geschichte Polens seyn, wenn sich die Verfasser, durch ihren Patriotismus verleitet, nicht zu sehr hätte, hinreissen lassen“. Ibid. VIII—IX.

официальный комментарий къ конституціи 3-го мая, къ этому въ глазахъ патриотовъ завѣщанію падавшей Рѣчи Посполитой, и „смѣло можно сказать“, прибавляетъ онъ,— „что сочиненіе это дало тонъ и направленіе нашимъ историческимъ сужденіямъ, не измѣнявшіеся долгое время; каждый, кто писалъ объ этой эпохѣ, слѣпо ему довѣрялъ, почерпалъ изъ него свои аргументы и вдохновеніе“¹⁾. Современный польскій историкъ признаетъ, однако, что это не исторія, а односторонній обвинительный актъ противъ враговъ съ постоянною похвалою себѣ: авторы не дали въ книгѣ всей правды, а только часть ея и кое-что затушевали, кое-что опустили, иное и переименовали изъ того, чтѣ сами же дѣлали²⁾. Задача ихъ была — объяснить, почему не удалась конституція 3-го мая, и почему такъ неэнергична была ея защита со стороны поляковъ. Указать на вѣшнихъ враговъ было мало, нужно было найти виновнаго внутри государства, и этимъ виновнымъ оказался Станиславъ Августъ, тогда какъ сеймъ, на оборотъ, вездѣ оказывается на высотѣ своего призванія. Послѣ такого представленія дѣла и утвердилась въ умахъ поляковъ мысль, что съ своей стороны они все сдѣлали для спасенія Рѣчи Посполитой, а потому и могутъ считать себя неповинными въ паденіи отечества: виновными были „нѣсколько измѣнниковъ“ и король, хотя авторы книги ставятъ послѣднему въ вину ошибки, сдѣланныя имъ вкупѣ съ ними или по ихъ же совѣту³⁾.

Въ видѣ эпиграфа авторы приводятъ слова Цицерона: „non auctores, sed rationum momenta quaerenda sunt“, а въ предисловіи къ событіямъ, о которыхъ разсказывается въ книгѣ, примѣняютъ наравоученіе изъ басни Федра о „Волкѣ и Ягненокѣ“:

Haec propter illos scripta est fabula,
Qui fictis causis innocentes opprimunt.

Съ точки зрѣнія морали и права тѣ, на кого авторы смотрѣли, какъ на единственныхъ виновниковъ паденія Польши, были, ко-

¹⁾ Кс. В. Калинка. Sejm czteroletni. Lwów. 1886. Wydanie trzecie II, 461.

²⁾ Ibid. II, 462,

³⁾ Ibid. II, 463. Костомаровъ также въ спискѣ источниковъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“, приводитъ названіе этого сочиненія Коллонтая и С°, дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе: „пристрастное сочиненіе челоуѣка партіи“. Wł. Smoleński отзывается объ этой книгѣ, какъ о „książce znakomitej pod względem publicystycznym, ale w wielu sprawach namiętnej“. W. Kalinka jako historyk. Warszawa. 1887. Стр. 18. Самый рѣзкій отзывъ Smitt'a: „Kollontaj's lügenhafte Schmähschrift“. Suworow und Polens Untergang. Lpzg. 1858. II. 238.

нечно, далеко не безгрѣшны. Съ другой стороны, такъ какъ неблагоприятные приемы державъ, дѣлившихъ Польшу, слишкомъ бросались въ глаза, то Коллонтай и его сотрудники въ самомъ же предисловіи могли съ полнымъ правомъ выставить на видъ противорѣчія въ заявленіяхъ петербургскаго и берлинскаго дворовъ: сначала послѣдніе нападали на новое устройство, которое давала себѣ Польша, какъ на введеніе деспотизма противъ прежней свободы, потомъ увидѣли въ этомъ устройствѣ, на оборотъ, примѣненіе демократическихъ началъ. Притомъ составитель предисловія указываетъ, что деклараціи державъ вносятъ въ международное право опасное разрѣшеніе вмѣшиваться въ чужія дѣла подъ предлогомъ искорененія заблужденій и приведенія народа къ здравомыслію¹⁾. Авторы, сказано еще въ предисловіи, ставятъ себѣ цѣлью „самымъ вѣрнымъ образомъ скопировать съ оригинала жадныхъ до грабежа притѣснителей и измѣнниковъ отечества“²⁾. Уже изъ приведенныхъ мѣстъ мы видимъ, что книга, дѣйствительно, имѣетъ характеръ политическаго памфлета. Такъ какъ однако у поляковъ весьма долгое время господствовали относительно кануна паденія Рѣчи Посполитой взгляды авторовъ конституціи 3-го мая, то мы должны подробнѣе познакомиться и съ написанною ими исторіей возникновенія и паденія этой конституціи.

Въ первой главѣ перваго тома („Право и потребность націи основать новую конституцію“) авторъ (Дмоховскій) разказываетъ объ установленіи русской гарантіи, которая, съ его точки зрѣнія, допускала удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей націи не иначе, какъ путемъ государственнаго переворота. „Совершенное безсиліе законодательной власти и безграничная сила исполнительной“, говоритъ онъ, — „основывались на тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя петербургскій дворъ предписалъ Рѣчи Посполитой на основаніи своей гарантіи. Анархія въ Польшѣ возникла не столько изъ неповиновенія предписаніямъ правительства, сколько — дѣйствительно, рѣдкій примѣръ во всемъ свѣтѣ! — изъ готовности ихъ исполнять“³⁾. Изъ дальнѣйшаго изложенія литературы предмета читатель увидитъ, что нѣкоторые современные польскіе историки, на оборотъ, въ русской гарантіи и созданныхъ ею учрежденіяхъ видятъ единственное средство, какимъ обладала Польша второй половины XVIII в., чтобы выйти изъ анархіи. Въ „постоян-

¹⁾ Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Konstitution. I Vorwort, IV

²⁾ Ibid., I, стр. VI.

³⁾ Ibid., I, 11.

номъ совѣтѣ“ (rada nieustajaca), защищаемомъ современными польскими историками, авторъ видитъ учрежденіе, мѣшавшее всѣмъ реформамъ. По его словамъ выходитъ, будто шляхта была склонна обезпечить за городами всевозможную гражданскую свободу чрезъ дарованіе имъ свободы политической ¹⁾, будто существовало „всеобщее стремленіе создать дѣйствительную защиту для деревенскаго люда“ ²⁾, но всему этому мѣшала русская гарантія, та самая, благодаря коей въ дѣйствительности впервые было отнито у шляхты право надъ жизнью и смертью хлопковъ. Во второй главѣ, вышедшей изъ-подъ пера того же автора, рѣчь идетъ о конфедераціяхъ вообще и въ частности о той, которая завязалась въ 1788 г. Не одобряя ихъ въ принципѣ, какъ результаты дурной формы правленія, авторъ оправдываетъ послѣднюю конфедерацію, какъ единственное средство, какимъ распорядилась страна, чтобы создать себѣ новую конституцію, сдѣлавшуюся необходимою вслѣдствіе полной невозможности учрежденій, навязанныхъ Польшѣ Россіей, и вслѣдствіе желанія поляковъ освободиться отъ русскаго ига ³⁾. Прежнія конфедераціи, по его опредѣленію, были возстаніями противъ правительства, эта—противъ устройства сейма; тѣ соединены были съ насильственными сеймами, эта вытекла изъ воли націи ⁴⁾. Въ четвертой главѣ, имѣвшей, какъ мы видѣли, двухъ авторовъ, Коллонтая и Ст. Потоцкаго ⁵⁾, идетъ рѣчь о препятствіяхъ, какія создавали русскіе партизаны сейму въ его работахъ и „добродѣтельныхъ“ цѣляхъ. Людямъ, въ сущности защищавшимъ при помощи Россіи старопольскую вольность, приписываются совсѣмъ иныя побужденія: „единственною цѣлью ихъ въ высшей степени пагубной интриги было возстановить русскій деспотизмъ, подъ которымъ они нѣкоторымъ образомъ надѣялись достигнуть господства и обогатиться“ ⁶⁾. Всѣ неудачи сейма, замедленіе его работъ, непригодность нѣкоторыхъ принятыхъ имъ мѣръ, то-есть, все то, въ чемъ виноватыми болѣе или менѣе были или могли быть всѣ, ставится въ счетъ исключительно этой партіи ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., I, 15.

²⁾ Ibid., I, 17.

³⁾ Ibid., I, 27.

⁴⁾ Ibid., I, 39.

⁵⁾ Третья глава, написанная Коллонтаемъ, заключаетъ въ себѣ изложеніе русской политики по отношенію къ Польшѣ, стр. 42—77.

⁶⁾ Ibid. I, 80.

⁷⁾ Ibid., I, 135—136, примѣчаніе.

Первыя четыре главы можно разсматривать, какъ вступительныя къ исторіи собственно самой конституціи. Эта исторія начинается съ пятой главы (Дмоховскаго), посвященной сеймовой депутаціи, которая вырабатывала проектъ конституціи. Названная глава представляетъ изъ себя объясненіе мотивовъ, коими руководствовались члены комиссіи, вырабатывая конституцію, а потому имѣетъ значеніе одного изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи самой конституціи ¹⁾. Описаніе 3-го мая 1791 г. и изложеніе „устава правленія“ сдѣланы Боллонтаемъ въ шестой главѣ ²⁾, а седьмая глава (Дмоховскаго) разсматриваетъ отношеніе націи къ конституціи, мнѣнія о ней своихъ и иностранцевъ, а также слѣдствія, которыя изъ нея вытекали. „Въ исторіи свободныхъ правительствъ“, — такъ начинается эта глава, — „можно мало встрѣтить примѣровъ такого довѣрія, какое оказывала польская нація конституціонному сейму... Она видѣла въ немъ эпоху своего возрожденія и смотрѣла на своихъ законодателей, какъ на новыхъ творцовъ бытія Польши, какъ на воскресителей ея независимости, внутренняго порядка и почетнаго мѣста въ Европѣ. Она съ удовольствіемъ видѣла, какъ счастливо для Польши слагались обстоятельства, и надѣялась, что сеймъ не преминетъ ими воспользоваться. И дѣйствительно, вскорѣ возлагавшіяся на сеймъ надежды превратились въ убѣжденіе, благодаря достойнымъ хвалы мѣрамъ, которыя стало приводить въ исполненіе почтенное большинство сейма“ ³⁾. Вся глава имѣетъ характеръ прославленія конституціи 3-го мая, и послѣдней здѣсь приписываются уже весьма благодѣтельныя слѣдствія во всѣхъ сферахъ національной жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ конституція оставалась только на бумагѣ, а среди шляхты вовсе не имѣла такихъ ярыхъ приверженцевъ, какъ изображаетъ это Дмоховскій ⁴⁾. Наконецъ, послѣдняя глава перваго тома (Игн. Потоцкаго) рѣшаетъ вопросъ, можно ли обвинять конституціонный сеймъ во введеніи деспотизма или демократіи. „Кто упрекаетъ поляковъ въ деспотизмъ? Деспоты, ихъ сосѣди“, или тѣ, „которые пользовались кулакомъ чужаго деспотизма, чтобы разможить свое отечество“ ⁵⁾. Но „едва Екатерина снова воз-

¹⁾ Ibid., I, 137—166.

²⁾ Ibid., I, 167—231.

³⁾ Ibid., I, 232—233.

⁴⁾ *Костомаровъ. Послѣдніе дни Рѣчи Посполитой*. II, 90 sq., 117 sq., 147 sq.

⁵⁾ О. с., I, 269 и 271.

становила свое господство въ Польшѣ, какъ упрекъ въ деспотизмѣ остался въ устахъ отступниковъ, а сосѣди начали громко обвинять Польшу въ демократіи. Теперь именно имъ болѣе не было надобности въ томъ, чтобы оболгать поляковъ, такъ какъ они зависѣли вполне отъ милости или немилости царицы. Поэтому нужно было перемѣнить сцену, должна была Польша быть объявленною государствомъ опаснымъ для теперешней лиги монарховъ, и какъ разъ вслѣдствіе демократіи, яко бы введенной конституціоннымъ сеймомъ. Насильственныя мѣры, которыя начали позволять себѣ по отношенію къ странѣ, требовали подобнаго предлога¹⁾. Наконецъ, и ,тарговицкая шайка, постыдное орудіе чужой измѣны, упрекаетъ конституціонный сеймъ во введеніи деспотизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ частью въ своихъ универсалахъ, частью въ предложенномъ королю аяцесѣ (актѣ присоединенія къ конфедераціи), обвиняетъ и въ демократическихъ принципахъ²⁾. Эти мѣста относятся къ числу наиболѣе справедливыхъ во всей книгѣ, хотя въ этой же главѣ допущена масса невѣрностей, будто бы, напримѣръ, сеймъ не находился подъ вліяніемъ никакой державы³⁾, или будто бы шляхта была совершенно довольна совершившимся преобразованиемъ отечества⁴⁾.

Первый томъ разказалъ исторію установленія конституціи 3-го мая, второй разказываетъ исторію ея паденія. Въ первой главѣ (Ст. Потоцкаго) идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ враговъ конституціи и о началѣ тарговицкой конфедераціи, во второй (Игн. Потоцкаго) разсматривается петербургская декларация 7-го—18-го мая 1792 г., въ третьей (Коллонтая) разказываются событія отъ распоряженій сейма относительно защиты страны до его распущенія. Извѣстно, что всѣ эти распоряженія не были приведены въ исполненіе, и современные историки главную причину этого видятъ въ болѣе чѣмъ равнодушномъ отношеніи шляхты къ Рѣчи Посполитой и къ конституціи 3-го мая: на словахъ всѣ были патриоты, но на дѣлѣ мало кто хотѣлъ жертвовать жизнью и достояніемъ ради конституціи, предпочтительнѣе которой притомъ для огромнаго большинства шляхты была старая вольность. Составители разсматриваемой книги понимаютъ или вѣрнѣе представляютъ дѣло иначе, и четвертая глава второго тома,

¹⁾ Ibid., I, 273—274.

²⁾ Ibid., I, 275—276.

³⁾ Ibid., I, 285.

⁴⁾ Ibid., I, 292.

посвященная разбору причинъ неисполненія предписаній сейма, всю вину этого сваливаетъ на короля. „Ничего не значать лучшія распоряженія“, говорится въ началѣ этой главы, — „ничего не значать самыя дѣйствительныя мѣры законодательной власти, если только исполнительная власть не наблюдаетъ зорко за ихъ исполненіемъ или даже портить ихъ дурнымъ исполненіемъ. Съ того момента, когда конституція 3-го мая совершенно передала королю надзоръ надъ органами исполнительной власти, онъ былъ болѣе всего въ состояніи обезпечить счастье націи дѣятельнымъ примѣненіемъ полученной власти или оказать содѣйствіе паденію отечества нерадивостью или злоупотребленіемъ“¹⁾. По словамъ автора главы, королю въ его дѣлѣ помогалъ „до высшей степени воспламененный энтузіазмъ націи“ во всѣхъ ея сословіяхъ, и вся Польша ждала только отъѣзда короля къ арміи для того, чтобы подняться, какъ одинъ человекъ²⁾. Но въ томъ-то и дѣло, что такого энтузіазма не существовало. Веселья и торжествъ вообще было много по поводу конституціи 3-го мая, но Польша привыкла пировать по всякому поводу и пировала даже послѣ Гродненскаго сейма³⁾; жертвовать же чѣмъ-либо на пользу отечества поляки давно отвыкли⁴⁾. Только при равнодушіи шляхты къ дѣлу патріотовъ и возможенъ былъ успѣхъ тарговицкой конфедераціи, о каковомъ и повѣствуетъ глава V разбираемой книги, написанная Дмоховскимъ. Положимъ, конфедерація эта опиралась на иностранное войско и дѣйствовала насильственно, но однимъ этимъ нельзя объяснить ея успѣха, какъ стремится это сдѣлать Дмоховскій⁵⁾. При разборѣ сочиненія Н. И. Костомарова „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ мы увидимъ какъ должно смотрѣть на тарговичанъ, не становясь на точку зрѣнія ихъ политическихъ противниковъ, бывшихъ во многомъ виновными не мѣнѣе самихъ тарговичанъ, но нельзя не упомянуть здѣсь о совершенно вѣрномъ замѣчаніи нашего знаменитаго историка, что „послѣдніе были правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи: безспорно, большинство шляхты чувствовало и мыслило, какъ они“⁶⁾. Дмоховскому, какъ автору главы, объясняющей успѣхъ враждебной 3-му мая конфедераціи, конечно, нельзя было указывать на

¹⁾ Ibid., II, 100.

²⁾ Ibid., II, 114—115.

³⁾ *Костомаровъ*. Послѣдніе дни Рѣчи Посполитой. II, 408.

⁴⁾ Ibid., II, 100 sq.

⁵⁾ Vom Entstehen und Untergange der Konstitution. II, 142.

⁶⁾ *Костомаровъ*, II, 119.

то, что составляло слабую сторону партіи 3-го мая. „Для Европы“, говоритъ онъ, „должно было показаться страннымъ, какимъ образомъ польская нація, незадолго передъ тѣмъ совершенно преданная конституціи 3-го мая, могла применить къ заключенному противъ послѣдней тарговицкому союзу. Еслибы нація дѣйствительно была такъ непостоянна, то она справедливо заслужила бы всякое презрѣніе и не была бы достойна никакой хорошей конституціи“¹⁾. Въ этихъ словахъ заключается суровый приговоръ надъ тогдашнею польскою шляхтою. Въ дѣйствительности такъ и было: она столь же легко оставила конституцію 3-го мая, какъ и приняла ее²⁾. Дмоховскій выходитъ изъ затрудненія, указывая на необходимость различать то, что случилось по собственному побужденію и желанію націи, отъ того, что возникало по внѣшнимъ побужденіямъ. Не зная, что мысль о конфедераціи возникла гораздо ранѣе и была въ то время отклонена Екатериною, авторъ приписываетъ начало дѣла Россіи и тринадцати измѣнникамъ, а все дальнѣйшее ихъ насиліемъ³⁾. Результатъ тарговицкой конфедераціи извѣстенъ, и въ шестой главѣ смѣнившій Дмоховскаго Игн. Потоцкій разказываетъ о состоявшемся противъ Польши соглашеніи Россіи и Пруссіи, при чемъ ссылки этихъ державъ на связь польской революціи съ якобинизмомъ называетъ сказками⁴⁾. Слѣдующая глава (опять Дмоховскаго) представляетъ изъ себя цѣлый обвинительный актъ противъ тарговичанъ въ эпоху, когда они наконецъ достигли своей цѣли.

Послѣдняя глава (VIII) втораго тома и заключеніе ко всему сочиненію вышли изъ-подъ пера главнаго его инициатора, Коллонтая. Послѣ всего разсмотрѣннаго оставалось только разказать о дѣйствіяхъ Гродненскаго сейма и о санкціонированномъ имъ второмъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой. Этому-то и посвящена восьмая глава. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, имѣлъ право Коллонтай дать просторъ своему патриотическому негодованію: исторія этого „послѣдняго сейма Рѣчи Посполитой“ хорошо извѣстна. За то въ заключеніи авторъ не тратитъ словъ: оно довольно короткое. „Погибель государства“, говоритъ онъ между прочимъ, — „въ то время, когда оно имѣло право на лучшія надежды, когда оно предприняло разумныя мѣры въ пользу

¹⁾ Vom Entstehen etc., II, 143.

²⁾ Костомаровъ, II, 147 и др.

³⁾ Vom Entstehen etc. II, 143 sq., 154, 190, 229.

⁴⁾ Ibid. II, 202—203. Cf. 222—223. Впрочемъ, пустили въ ходъ эти „сказки“ сами тарговичане. II, 249—250.

всеобщаго благосостоянія, конечно, будетъ привлекать къ себѣ размышленія грядущихъ временъ. Польша, которую доселѣ несправедливо ославили, какъ жилище варварства, какъ убѣжище феодализма, попирающаго ногами человѣческія права, показала въ рѣшеніяхъ конституціоннаго сейма, что она идетъ наравнѣ съ образованнѣйшими націями Европы въ истинномъ просвѣщеніи, въ разумномъ законодательствѣ, въ признаваніи и почитаніи человѣческихъ правъ¹⁾. „Безъ всякой вины съ своей стороны“, восклицаетъ онъ еще, — „не давъ сосѣдямъ ни малѣйшаго повода къ мести или враждѣ, падаетъ Польша въ то самое время, когда приготовила все для своего счастья!“²⁾ Погубили ее коварство царицы, вѣроломство Фридриха Вильгельма, событія, отвлекшія вниманіе Европы въ другую сторону, и тотъ, кто отдѣлилъ интересы своей короны отъ дѣла отчизны³⁾, то-есть, все что угодно, кромѣ собственной вины.

Таково содержаніе и такова точка зрѣнія знаменитой книги. Ея авторы были патріотическіе реформаторы: они не могли восхвалять прежнихъ польскихъ порядковъ и должны были прославить предпринятую ими же самими реформу. Польская анархія, по ихъ мнѣнію, была однако, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, результатомъ внѣшней причины (русской гарантіи), и внѣшнимъ же силамъ приписываютъ они неудачу конституціи 3-го мая. Польская нація стремилась къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ и даже сдѣлала геройскую попытку въ этомъ направленіи, но ей помѣшали сосѣди, нашедшіе союзника въ королѣ и нѣсколькихъ измѣнникахъ. Въ виду дѣйствительныхъ фактовъ никто не станетъ отрицать того, что сосѣди, хотя и не всѣ и не безусловно, мѣшали реформѣ Рѣчи Посполитой, но еслибы на ихъ сторонѣ въ самомъ дѣлѣ былъ только безсильный король да нѣсколько измѣнниковъ, они ничего не могли бы сдѣлать. Дѣло какъ разъ въ томъ, что подавляющее большинство польской шляхты было противъ реформъ, и конституцію 3-го мая измѣнили не нѣсколько честолюбцевъ, а чуть не вся польская „нація“. Несогласіе державъ на реформу въ данномъ случаѣ опиралось на явное или тайное несогласіе польскаго шляхетства.

¹⁾ Ibid. II, 321.

²⁾ Ibid. II, 323.

³⁾ Ibid. II, 324. Съ цѣлью опровергнуть это сочиненіе, дабы объявить Станислава Августа, написано было соч. *Mikołaja Wolskiego* подъ заглавіемъ „Obrońca Stanisława Augusta“ (Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego w Pa-ryżu. 1868).

ГЛАВА II.

Польскія историческія школы XIX вѣка въ вопросѣ о паденіи Рѣчи Посполитой.

Въ польской исторіографіи XIX вѣка различаютъ три главныя школы, изъ которыхъ двѣ первыя называются именами своихъ основателей, а третья—по мѣсту своего возникновенія: это—школы Нарушевича, Лелевеля и краковская ¹⁾. Такое дѣленіе еще не обозначаетъ того, что всѣ историческіе труды на польскомъ языкѣ непременно должны принадлежать къ одной изъ этихъ школъ, но существованіе послѣднихъ не въ томъ и заключается: вопервыхъ, указанное дѣленіе относится, главнымъ образомъ, лишь къ тѣмъ историческимъ трудамъ, въ коихъ выражается извѣстное политическое міровоззрѣніе, а къ числу такихъ относится, главнымъ образомъ, общія исторіи Польши; во вторыхъ, школы знаменуютъ собою самыя видныя, если не господствовавшія въ извѣстное время направленія исторической мысли. Съ послѣдней точки зрѣнія въ развитіи польской исторіографіи можно различить три періода. Первый обнимаетъ время съ конца прошлаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ текущаго включительно: это—школа уже извѣстнаго намъ Нарушевича. Второй охватываетъ тридцатые, сороковые и пятидесятые годы: это—

¹⁾ *Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie. Warszawa. 1880. Wstęp. II: o nauce historyi polskiej i jej umiejętнемъ badaniu. *Smoleński*. Szkoły historyczne w Polsce. Ср. нашъ критико-библиографическій очеркъ „Вопросъ о религіозной реформациі XVI в. въ польской исторіографіи“—*Журн. Мин. Нар. Пров.* 1885, ноябрь, 1 в. Новѣйшая польская исторіографія, 537.

школа Іоахима Лелевела, ученаго виленскаго профессора и дѣятеля революціи 1830 года. Наконецъ, третью школу представляетъ изъ себя направленіе краковскихъ ученыхъ, и къ ней принадлежатъ многіе историческіе труды послѣдней четверти вѣка.

Мы уже знаемъ, какія политическія идеи высказывалъ Нарушевичъ: вся его школа въ XIX вѣкѣ повторяетъ взгляды публицистовъ XVIII вѣка, то-есть, является продолжательницей традиціи монархическаго лагеря польской публицистики. Направленіе краковскихъ ученыхъ можетъ быть названо вторымъ изданіемъ школы Нарушевича, явившимся на смѣну лелевелевской доктрины, которая сама была возобновленіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, ученія публицистовъ республиканцевъ въ родѣ гр. Вельгорскаго. Таковъ генезисъ и взаимныя отношенія польскихъ историографическихъ школъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы убѣдимся, что можно прослѣдить, какъ историки изъ школы Нарушевича восприняли идеи монархическихъ публицистовъ прошлаго вѣка, и какъ тѣ же идеи, на время оттѣсненныя на задній планъ противоположнымъ взглядомъ на прошлое Польши, возродились у писателей краковскаго направленія. Съ другой стороны, намъ очевидно станеть и то, что школа лелевелевская тѣсно связана съ теоріями, подобными воззрѣнію гр. Вельгорскаго. Конечно, съ теченіемъ времени въ старыя идеи привзошло много новаго, и напимѣръ, особенно о Лелевелѣ можно сказать, что его взглядъ былъ исправленіемъ взгляда республиканцевъ XVIII в., потому что знаменитый историкъ дополнилъ его кое-чѣмъ новымъ, такъ какъ его демократизмъ болѣе соотвѣтствуетъ духу новаго времени, нежели шляхетскій демократизмъ гр. Вельгорскаго, то-есть, демократизмъ въ античномъ смыслѣ, исключавшемъ изъ „демоса“, народа, именно то, что принято называть народомъ въ наше время.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о польской историографіи въ текущемъ столѣтіи перейдемъ къ отдѣльнымъ ея явленіямъ.

Итакъ, основателемъ первой историографической школы въ Польшѣ былъ Нарушевичъ. Продолжателями его дѣла, какъ историка, усвоены были и его политическіе взгляды. Говоря здѣсь о его школѣ, мы имѣемъ въ виду именно не то, что составляетъ, такъ сказать, технику исторической науки, а политическую мысль, вложенную въ историческое представленіе. Въ эпоху Варшавскаго герцогства мѣстное „Общество любителей наукъ“ (*Towarzystwo przyjaciół nauk*) напечатало въ *Pamiętniku warszawskim* (ноябрь 1809 г.) выработанный Станиславомъ Потоцкимъ и прелатомъ Пражмовскимъ „Про-

спектѣ исторіи польскаго народа“¹⁾, въ которомъ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе рекомендуемое авторами дѣленіе польской исторіи на періоды. За основу этого дѣленія совѣтуется взять „перемѣны, какимъ подвергался народъ“, а между ними особенно перемѣны въ „правлящей власти“ (*we władzy rządzącej*), ибо въ ней—сказано тамъ—заключается „первѣйшая причина какъ прежней силы, такъ и позднѣйшаго паденія народа“. Вотъ характеристика пятаго періода въ этомъ „Проспектѣ“: упадокъ королевской власти, вліяніе заграничныхъ державъ, увеличивающееся безнравдѣе шляхетской демократіи и можновладства до утраты національной независимости. За проспектомъ въ томъ же изданіи слѣдовалъ „Краткій очеркъ исторіи народа польскаго“²⁾ въ видѣ программы большаго труда. Здѣсь эта характеристика пятаго періода развивается подробнѣе, но въ общемъ—какъ замѣчаетъ г. Смоленскій—весь очеркъ былъ только схематизированной квинт-эссенціей (*ujętem w szemat zsumowaniem*) взглядовъ Нарушевича и разсѣянныхъ въ разныхъ брошюрахъ XVIII вѣка аналогичныхъ воззрѣній. Работу надъ составленіемъ исторіи Польши раздѣлили между собою нѣсколько человекѣтъ, но исполнили свою задачу только трое (Нѣмцевичъ, Квятковскій и Краевскій), взявшіе на себя царствованія Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира. Въ историческихъ трудахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому плану³⁾, проводится та же мысль, а Нѣмцевичъ, кромѣ того, формулировалъ свою идею, въ „Мысляхъ объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа“, составляющихъ послѣдній отдѣлъ „*Śpiewów historycznych*“⁴⁾. Будучи писателемъ совѣтъ посредственнымъ, но человекомъ живымъ и отзывчивымъ, Нѣмцевичъ затрогивалъ въ своихъ произведеніяхъ „всѣ живо трепещущіе современные вопросы и ударялъ постоянно въ чувствительную струну патриотизма“⁵⁾. Не смотря на всю слабость его „Историческихъ пѣсней“, въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить поль-

¹⁾ Изложенъ у *Смоленскаго*, стр. 19—21.

²⁾ *Krótki zbiór dziejów narodu polskiego*. Изложеніе у *Смоленскаго*, стр. 21—23.

³⁾ *Niemcewicz*. *Dzieje panowania Zygmunta III*. Warszawa. 1819. *Kwiatkowski*. *Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV*. Warszawa. 1823. *Krajewski*. *Dzieje panowania Jana Kazimierza*. Warszawa. 1846.

⁴⁾ *Uwagi nad upadkiem i charakterem narodu polskiego*. См. *Śpiewy historyczne z muzyką i rycinami przez Jul. Urs. Niemcewicza*. Warszawa. 1816. Стр. 433—441.

⁵⁾ Слова г. *Спасовича*. О. с., 455.

скую исторію въ картинахъ, но именно благодаря его умѣнію ударять въ чувствительную струну, эти пѣсни были въ свое время очень популярны, такъ что публика заучивала ихъ наизусть: онѣ были положены на музыку и распѣвались въ салонахъ и шляхетскихъ усадьбахъ ¹⁾. Сущность указанныхъ „Мыслей“ заключается въ томъ, что шляхта „уничтожила равновѣсіе между собою, народомъ (ludem) и трономъ“. „Приобрѣтеніе одною частью народа богатствъ и власти“, говоритъ Нѣмцевичъ,—„подчиненіе другихъ сдѣлалось причиною ослабленія цѣлаго. Вскорѣ среди этой шляхты, по видимости допущенной до равнаго участія въ свободѣ, вслѣдствіе неизмѣримой разницы въ имуществѣ болѣе бѣдная часть сдѣлалась простымъ орудіемъ вельможъ: такимъ образомъ вельможи управляли всѣмъ и часто, несогласные между собою, враждебные королямъ, они, захвативши въ вихрь своихъ страстей все отечество, постепенно погрузили его съ высоты могущества въ вѣчную пропасть. Въ злосчастномъ ослѣпленіи не было обращено вниманія на то, что подобныя злоупотребленія, бурные выборы королей, удаленіе отъ вольностей мѣщанъ и простого народа, приведутъ когда-нибудь къ ужаснымъ слѣдствіямъ. Въ одной саблѣ видѣли только защиту безопасности и цѣлости: въ пренебреженіи были науки, торговля, промышленность“ и т. д. ²⁾. Во время общихъ перемѣнъ въ Европѣ, въ эпоху усиленія исполнительной власти и улучшенія по ея инициативѣ положенія народныхъ массъ, въ Польшѣ только одна шляхта считалась за народъ; короли были подчиненными ей чиновниками, народъ—орудіемъ доходовъ и богатствъ. Виня въ гибели отчизны слѣпоту вельможъ и свискодительность (rowolność) королей ³⁾, Нѣмцевичъ замѣчаетъ, что и въ каждомъ другомъ народѣ было бы подобное угнетеніе простого люда, гдѣ только почувствовали бы, что „бразды правленія находятся въ слабыхъ рукахъ“. По автору, поляки собственно склонны къ повиновенію и дисциплинѣ: „нѣтъ“, говоритъ онъ,—„другаго народа, болѣе годнаго, чѣмъ нашъ, чтобы быть управляемымъ, когда король—дѣльный и знающій наши склонности“ ⁴⁾. Любопытны и политическія мысли, которыя высказываются въ самыхъ „Śpiewach“. Напримѣръ, пѣснь о Стефанѣ Баторіи начинается словами:

¹⁾ *A. Kułiczkowski. Zarys dziejów literatury polskiej. Lwów. 1884. Wydanie trzecie, strp. 265.*

²⁾ *Niemcewicz, 434.*

³⁾ *Ibid., 435.*

⁴⁾ *Ibid., 436.*

Uszą nas dzieje, i obraz niesprzeczny
Ciągłych zwycięstw pod Stefanem,
Co może Polska, kiedy król waleczny
Umie być wodzem i Panem ¹⁾.

Собственно говоря, школа Нарушевича не произвела ничего крупнаго, надъ чѣмъ мы могли бы еще здѣсь остановиться. Въ этотъ періодъ польской исторіографіи писатели любили останавливаться на отдѣльныхъ личностяхъ королей, полководцевъ, законодателей, а не на процессахъ общественной и народной жизни, касаясь которой они имѣли въ виду, главнымъ образомъ, государство и политическіе вопросы, весьма мало вниманія посвящая, чтобы не сказать больше, вопросамъ общественнымъ и социальнымъ. ²⁾ Въ старой Рѣчи Посполитой важно было не одно политическое безнарядье, но и социальное угнетеніе шляхтою другихъ общественныхъ классовъ.

Мысль о томъ, что много зла Польшѣ причинило угнетеніе мѣщанства и хлоповъ, встрѣчается нерѣдко у монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка, равно какъ и у писателей изъ школы Нарушевича ³⁾, но въ этомъ угнетеніи они видѣли фактъ второстепенный сравнительно съ слабостью правительства, которая и была для нихъ главною причиною бѣдствій. Среди польскихъ публицистовъ прошлаго вѣка преимущественно Станиславъ Сташицъ, бывший самъ мѣщанскаго происхожденія, доказывалъ, что „шляхта есть только одно сословіе, а не весь народъ“ (*szlachta są jednym stanem, nie całym narodem*), и что „гдѣ народъ уцѣлѣветъ, тамъ удержится и сословіе“ (*gdzie naród osaleje, tam utrzyma się stan*). Шляхта, по его словамъ, не сумѣла охранить Польшу отъ раздѣла (рѣчь идетъ о первомъ), а потому не можетъ править ею по прежнему. Крѣпостное право, говоритъ онъ еще,—больше зла надѣлало Польшѣ, чѣмъ всѣ враги вмѣстѣ взятые, татары, шведы, москали. „Паденіе Польши, наконецъ“, пророчитъ онъ,—„будетъ наказаніемъ за притѣсненіе хлопа“. ⁴⁾ Но на

¹⁾ Ibid., 227. Разборъ „*Śpiewów historycznych*“ былъ сдѣланъ Делевелемъ (помѣщенъ въ XVII т. изданія сочиненій этого историка подъ заглавіемъ *Polska, dzieje i rzeczy jej*. Poznań. 1884. Стр. 57 и слѣд. Объ *Uwagach* см. стр. 74 и слѣд.).

²⁾ Хорошій для своего времени учебникъ польской исторіи написалъ *Jerzy Bandtkie*. *Dzieje Królestwa Polskiego*. Wrocław. Эта книга есть и въ русскомъ переводѣ.

³⁾ Напримѣръ, въ „*Uwagach*“ Нѣмцевича.

⁴⁾ *Przestrogi dla Polski*. 1790, безъ обозначенія мѣста.

такія мысли въ свое время мало обращали вниманія ¹⁾, и ихъ нечего принимать въ расчетъ при обзорѣни польской публицистической и исторической литературы въ первую треть нашего столѣтія. Только послѣ 1831 г. польскіе историки съ исключительно политической точки зрѣнія, на которой стояли прежде, начали переходить на точку зрѣнія социальную, то-есть, кромѣ вопроса объ организаціи государственныхъ властей и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, стали интересоваться и исторіей общественныхъ классовъ. Отчасти подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, заставившихъ наконецъ подумать о томъ, что сила націи можетъ заключаться лишь въ народѣ, отчасти и подъ вліяніемъ французскихъ политическихъ идей, среди поляковъ образовалась демократическая партія, представителемъ которой въ историографіи былъ Лелевель. Тезисъ о первоначальной свободѣ крестьянства легъ въ основу его „Мыслей объ исторіи Польши и ея народа“ ²⁾, гдѣ причиною паденія Польши было выставлено пренебреженіе исконными, лежащими въ народномъ духѣ и осуществленными въ первоначальной Польшѣ основами всеобщаго равенства и свободы.

„Объясненіе судьбы польской націи—имѣли мы уже случай говорить—Лелевель далъ чисто апіористическое: это была въ умственной жизни Европы пора, когда рядомъ съ значительными успѣхами исторической науки, все болѣе и болѣе основывавшейся на критическомъ изученіи источниковъ и объективномъ построеніи фактовъ, распространила свое вліяніе идеалистическая философія, вносящая въ историографію привычку къ апіорному мышленію. Лелевель, который своими трудами оказалъ важныя услуги наукѣ, находился подъ вліяніемъ этой философіи, когда взялся за построеніе своего общаго взгляда на исторію польской націи: онъ вообразилъ себѣ извѣстный исконный идеаль своей націи, осуществленіе котораго ему, такъ сказать, мерещилось въ формахъ быта первоначальной Польши, . . . и причиною паденія Рѣчи Посполитой было объявлено то, что нація

¹⁾ Объ этомъ сочиненіи Сташица *Kalinka* говорятъ: „czy wówczas była czytana (książka) nie wiemy . . . czy wywarła wpływ na opinią szlachty, twierdzić nie śmiemy“. Sejm czteroletni, II, 434.

²⁾ *Lelwiel. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. 1844.* Помѣщено въ изданіи „Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelwela“. Poznań. 1855. Томъ III. Въ этомъ же изданіи помѣщены (т. II) *Dsjeje Polski* поточнымъ способомъ оповѣдзіане (перв. изд. въ Варшавѣ 1830 г.), затѣмъ (т. VI) *Ranowanie króla polskiego Stanisława Poniatowskiego* и (въ т. VII) *Polska odradza- jąca się.*

не только не развила этого своего идеала, но съ известнаго момента стала ему измѣнять, его искажать“ (Новѣйшая польская исторіографія, стр. 539). Эта общая концепція сильно напоминаетъ намъ ту, съ которою мы уже встрѣтились у Вельгорскаго, хотя между обоими писателями есть и разница.

Теорія Вельгорскаго была примѣненіемъ къ польской исторической дѣйствительности политической доктрины Руссо и потому можетъ идти въ сравненіе съ известными „Разсужденіями объ исторіи Франціи“ аббата Мабли, доказывавшаго, что исконное политическое устройство французовъ было именно таково, каково идеальное государство Руссо; на Лелевелѣ же сказалось вліяніе не только современнаго ему французскаго радикализма, ведущаго начало отъ того же Руссо, но и апріорной философіи, родственной нѣмецкому идеализму, и романтизма, получившаго у другихъ поляковъ мистическую, религіозную окраску. Еще важнѣе та разница, что Вельгорскій подъ „народомъ“, какъ носителемъ верховной власти, разумѣетъ одну шляхту и даже старается оправдать исключеніе другихъ классовъ, хотя и признаетъ, что первоначально крестьяне не были порабощены ¹⁾, между тѣмъ какъ Лелевелъ именно въ исключеніи народной массы изъ политическихъ правъ видѣлъ отступленіе отъ первоначальнаго устройства Польши ²⁾: если для республиканцевъ XVIII вѣка виновниками паденія Польши были короли и магнаты, то для Лелевеля значительная доля вины падаетъ, кромѣ нихъ, и на самую шляхту.

Концепцію Лелевеля въ общемъ можно представить слѣдующимъ образомъ: „У польскаго народа есть искони свой политическій и общественный идеалъ, и когда народъ къ нему приближался, онъ шелъ впередъ,—и приходилъ въ упадокъ, отъ него удаляясь. Идеалъ этотъ— свобода въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; во всей своей широтѣ онъ былъ осуществленъ только разъ въ славянскомъ

¹⁾ *Wielhorski*. Essai sur le rétablissement, 292—293.

²⁾ Въ своихъ историческихъ трудахъ Лелевелъ очень часто говоритъ, что о состояніи Польши нужно судить по положенію бѣднѣйшаго класса, и выставляетъ вины шляхты по отношенію къ хлопамъ. *Dzieje Polski potocznyim sposobem opowiedziane* (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań 1859. II, 105, 131). *Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej* (тоже изд. Poznań 1855. III, 188 sq. 214 sqq. до 252; 328 sqq., 394 sqq. См. также стр. 430 sq., гдѣ говорится о равнодушіи и бездѣйствіи народа во время паденія). Одинъ изъ эпиграфовъ „Uwag“—слова Руссо: *quiconque veut ôter aux autres leur liberté, finit presque toujours par perdre la sienne.*

общинномъ быту (*gminowładztwo*, верховенство общины), насторожѣ котораго стояли первые Болеславы. Когда можновладство, то-есть, аристократическіе элементы общества, уничтожило свободу народа и княжескую власть, съ середины XII в. почти до конца XIV-го, Польша находилась въ упадкѣ, и только въ слѣдующемъ періодѣ совершился подъемъ гражданскаго духа въ лучшей части народа: аристократическое правленіе было сломлено и разцвѣло шляхетское гминовладство. Послѣднее, однако, не исполнило своей задачи, а этою задачей было — возвращеніе свободы деревенскому люду и совершенное осуществленіе республиканской формы правленія; потому-то Рѣчь Посполитая съ начала XVII в. приходитъ опять въ упадокъ, приводящій ее къ окончательному паденію¹⁾.

Намъ придется еще возвратиться къ разсмотрѣнію собственно идеализаціи польскаго духа, находимой нами у писателей эмиграціи послѣ 1830 г., — придется именно при разборѣ славянофильскихъ взглядовъ на предметъ, — а тутъ при общемъ сочувствіи ко взгляду, до нѣкоторой степени являющемуся развитіемъ пророчества Сташица, нельзя не замѣтить, что построеніе польской исторіи, только-что представленное, грѣшитъ не въ одномъ отношеніи. Не говоря о произвольномъ представленіи „гминовладства“, весьма невѣрно освѣщена роль Болеславовъ, этихъ самодержцевъ древнѣйшей Польши, которыхъ историкъ ставитъ насторожѣ общинной свободы. Лелевель прославляетъ, далѣе, XV и XVI вѣка, но это именно была эпоха закрѣпощенія въ Польшѣ народныхъ массъ. Впрочемъ, Лелевель и его преемники отступили отъ того представленія о перво-бытной польской конституціи, какое составилось у республиканскихъ публицистовъ прошлаго вѣка: историки этой школы признаютъ развитіе княжеской власти въ началѣ польской исторіи²⁾. Установленіе полной республики въ Польшѣ Лелевель относитъ только къ превращенію династіи Ягеллоновъ³⁾. „Трудно предвидѣть“, говоритъ

¹⁾ Новѣйшая польская историографія, 552—553.

²⁾ *Lelewel*. Dzieje Polski potoczny sposobem opowiedziane. 1830 (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. II, 13 sq. 34). Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. (То же изд. Poznań. 1855. III). См. названіе перваго періода, стр. 49. *Samowładztwo*, создавшее государство, Лелевель называетъ противнымъ духу славянскому, принципамъ, коихъ держалось племя цѣлые вѣка. Стр. 73. Лелевель хвалитъ бытъ низшихъ слоевъ общества въ эпоху шляхетскаго гминовладства. Dzieje Polski p. sp. opow., 70.

³⁾ *Lelewel*. Dzieje Polski potoczny sposobem opowiedziane. II, 96. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. III, 162.

онъ въ другомъ мѣстѣ, — „что произошло бы отъ попытки Баторія замѣнить въ Польшѣ республику монархіей. Такая перемѣна въ другихъ странахъ Европы безъ кровопролитія и тяжкихъ насилій не обошлась. Богъ знаетъ, что изъ этого вышло бы! Одно вѣрно, что Польша и Литва были не монархіей, какъ другія въ Европѣ государства, но полной республикой, въ которой господствовало шляхетское сословіе“ ¹⁾. Шляхта, однако, не исполнила своей задачи, какъ слѣдуетъ ²⁾. „Избраніе королей сдѣлалось вреднымъ для Польши, ибо имъ пользовались неумѣло“ ³⁾; но въ принципѣ Лелевель стоитъ за него, находя, что „наслѣдственный ролялизмъ“ противорѣчитъ славянскому духу ⁴⁾, а въ попыткахъ установленія монархіи видитъ причину порчи Рѣчи Посполитой ⁵⁾. Справедливо здѣсь то, что шляхта, ревниво относясь къ правамъ короны, все болѣе и болѣе ихъ ограничивала при каждой дѣйствительной или мнимой попыткѣ королей установить „ролялизмъ“, но отнятыя у короля права она не переносила ни на какой другой органъ власти, и это, дѣйствительно, было причиной разложенія государства. Нельзя еще не отмѣтить, что Лелевель указывалъ на печальныя послѣдствія для Польши отъ католической реакціи съ притѣсненіемъ иновѣрцевъ ⁶⁾ и падевіемъ образованія ⁷⁾.

Отъ общихъ взглядовъ Лелевеля на всю польскую исторію перейдемъ къ разсмотрѣнію его отношенія къ самымъ послѣднимъ временамъ Рѣчи Посполитой.

Лелевель занимался и эпохой паденія Польши. Обзоры царствованія Станислава Августа входятъ, конечно, въ его общія сочиненія по польской исторіи ⁸⁾, но кромѣ того, онъ написалъ объ этой эпохѣ особое сочиненіе, полное заглавіе котораго такое: „Царствованіе

¹⁾ Dzieje Polski p. sp. op., 103.

²⁾ Ibid., 104.

³⁾ Ibid., 105.

⁴⁾ Uwagi nad dziejami Polski, 73, особенно 307 слѣд.

⁵⁾ Ibid., 310.

⁶⁾ Dzieje Polski pot. sp. opow., 132, 139—140. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej, 301 sq., 437.

⁷⁾ Dzieje Polski p. sp. opow., 133.

⁸⁾ Dzieje Polski potoczny sposobem opowiedziane, стр. 144—160. Эта книжка вышла первымъ изд. въ 1830 г. въ Варшавѣ. Въ Uwagach nad dziejami Polski i ludu jej послѣдніе 55 §§ (стр. 307—469) посвящены вообще эпохѣ паденія. По-смертная Historia Polska (Polska, dzieje i rzeszy jej. Poznań, 1863. XIII) доведена только до конца царствованія Стефана Баторія.

польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, обнимающее тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранить существованіе и независимость“¹⁾). Въ предисловіяхъ къ 3-му и 4-му изданіямъ этого труда самъ авторъ разказываетъ намъ его исторію. „Исторія царствованія, подъ которымъ Рѣчь Посполитая дожила до своего паденія“, говоритъ Лелевель,—„нескоро будетъ начертана дѣйствительно историческимъ перомъ. Прежде нежели это будетъ, для цѣлей простаго знанія нужно было краткое изложеніе этой исторіи. Я рѣшился исполнить такое дѣло въ 1818 году. Мое маленькое сочиненіе было хорошо принято, что побудило меня повторить изданіе въ 1819 г. Эти слишкомъ краткія извѣстія объ эпохѣ не могли быть перепечатаны въ послѣдующіе годы вслѣдствіе стѣсненія свободы печати. За это время я задумалъ развить ихъ нѣсколько обширнѣе и, дождавшись болѣе благоприятной для напечатанія минуты (писано въ 1831 г.), пускаю ихъ въ свѣтъ въ третій разъ... Первые изданія“ продолжаетъ предисловіе къ третьему,—„опирались единственно на устныхъ разказахъ и собственной памяти. Въ теперешней, третьей редакціи я воспользовался разными сочиненіями, уже бросающими большой свѣтъ на дѣло падавшей Рѣчи Посполитой... Быть можетъ“, говоритъ далѣе Лелевель,—„прійдетъ время, когда найдутся искусныя перья, которыя наложатъ зрѣло (dojrzałe) эту часть нашей исторіи; быть можетъ, въ дальнѣйшей жизни и самому мнѣ удастся нѣсколько зрѣлѣе обработать этотъ періодъ времени, а пока вслѣдствіе того, что на польскомъ языкѣ нѣтъ другаго изложенія этой исторіи, печатаю это мое сочиненіе“²⁾). Въ предисловіи къ четвертому изданію

¹⁾ Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego obejmujące trzydziestoletnie usiłności narodu podźwignięcia sie, ocalenia bytu i niepodległości (Въ указанномъ изд. Polska, dzieje i gzeszy jej. Poznań. 1859. VI).

²⁾ О. с., 1—2. Лелевель взрно замѣчаетъ, что матеріалы для исторіи Ст. Авг. еще мало собраны и мало извѣстны. Вотъ какіе источники и пособія называетъ Лелевель въ предисловіи къ 3-ему изданію: печатные діаріи сеймовъ и брошюры (pisma ulotne), записки Килинскаго и Китовича, известную книгу о конституціи 3-го мая, сочиненія Рюльера и Феррана („najcelniejsze do przytoczenia dzieła“), Лейденскую газету, Histoire de la révolution de Pologne depuis la mort d'Auguste III jusqu'à l'année 1774 (par *Jaubert*. Varsovie 1775. Paris. 1807), путешествіе по Польшѣ Вильяма Кокса, Lettres particulières du baron de Vioménil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772, соч. Раумера о паденіи Польши (франц. пер. 1837 г.), Coup d'oeil sur les causes réelles de la décadence de la Pologne par *Komarzewski* (P. 1807), Histoire de la révolution de Pologne en 1791 par *Mohée* (P. 1792), Hist. de la révolution de Pologne en 1794 par un té-

(1839 г.) Лелевель разказываеъ о цензурныхъ затрудненіяхъ, встрѣченыхъ сначала третьимъ изданіемъ, и о судьбѣ его послѣ подавленія революціи въ 1831 г.: авторъ воспользовался событіями того времени, чтобы выпустить въ свѣтъ 3-е изданіе, но оно почти все погнбло. Выпуская четвертое, онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что эта работка (*dzielko*) есть одна изъ тѣхъ, которую онъ нѣсколько разъ передѣлывалъ въ теченіи двадцати лѣтъ, чтобы ее поправить, расширить, не выпуская изъ рамокъ краткихъ извѣстій о событіяхъ ¹⁾). Затѣмъ авторъ, дополнивъ кое въ чемъ этотъ свой трудъ, выпускалъ его въ свѣтъ пятымъ и шестымъ изданіями ²⁾), изъ коихъ послѣднее относится къ 1845 г. ³⁾).

Изъ всего этого видно, что Лелевель не придавалъ особаго значенія своему сочиненію, хотя и работалъ надъ нимъ постоянно, дополняя его новыми извѣстіями, и перепечатывалъ его нѣсколько разъ: его „*dzielko*“ въ собственныхъ его глазахъ было еще недостаточно „зрѣлымъ“. Самые размѣры сочиненія въ послѣдней его переработкѣ (238 небольшихъ страницъ не очень мелкой печати, — въ примѣчаніяхъ прямо разгонистой, — заключающихъ въ себѣ текстъ и примѣчанія) вполне соответствуютъ этому названію — „*dzielko*“.

Начинаеъ Лелевель свою исторію паденія Рѣчи Посполитой съ указанія на ослабленіе Польши, бывшее результатомъ событий второй половины XVII в. вплоть до 1717 г., событий, непрерывно наносившихъ удары народу и землѣ: послѣ этого, при Саксонскихъ короляхъ, Польша была какъ бы въ параличѣ ⁴⁾). Въ числѣ другихъ явленій саксонской эпохи онъ отмѣчаетъ французское вліяніе, которому приписываетъ распространеніе въ Польшѣ монархическихъ идей: послѣднія, по его словамъ, „свободно распространялись между шляхтою, ибо она, при паденіи народнаго просвѣщенія и въ собственномъ оцѣпенѣніи, не оказывала никакого противодѣйствія и не знала

moin oculaire (*J. Zajęczek*. P. 1797), *Mémoire sur la rév. de Pologne trouvé à Berlin* (*Пустора*. P. 1807), *Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Insurrection* (*Karola Woyda*, Zurich. 1796), *Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution im Jahre 1794* (Frankfurt und Leipzig. 1796) и нѣкот. др.

¹⁾ Ibid., 5—7.

²⁾ Для дополненій *Bartoszewicz*. *Znakomitsi mężowie polscy*. *Henryk Schmitt*. *М атерјаły do dziejów bezkrólewia i lat dziesięciu panowania St. Aug. Lwów. 1857* *Wojcicki*. *Archivum domowe* и нѣкот. др.

³⁾ Соч. это имѣется въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ.

⁴⁾ Ibid., 11.

потребностей своей Рѣчи Посполитой, а вельможные паны получили вкусъ къ придворной жизни для ббльшаго отличія отъ обыкновенной шляхты“ ¹⁾). Въ томъ же духѣ дѣйствовала и школа, реформированная Коонарскимъ. Далѣе онъ указываетъ на потребность реформы: „разныя болѣе знатныя фамиліи увидѣли, какъ низко пала и испортилась Рѣчь Посполитая, а для многихъ тѣмъ болѣе она казалась испорченной, чѣмъ больше сами они были наполнены монархическими мыслями и свою Рѣчь Посполитую разсматривали какъ монархію“ ²⁾). Таковы главныя мысли „вступленія“. Въ приведенныхъ словахъ замѣтно нѣкоторое несочувствіе къ новымъ идеямъ, значеніе коихъ въ тогдашней Польшѣ Лелевель преувеличиваетъ. Отсюда не совѣмъ сочувственное отношеніе историка къ реформаторской „фамиліи“ (Чарторьскихъ), съ изложенія политики коихъ и начинается исторія перваго періода царствованія Станислава Августа. Здѣсь стѣитъ только указать въ исторіи этого періода на взглядъ Лелевеля по диссидентскому вопросу: дѣло, по его представленію, шло не о терпимости, какъ кричали въ Европѣ, а о томъ, чтобы усилить политическое значеніе диссидентовъ, чрезъ которыхъ иностранныя державы могли бы дѣйствовать на внутреннюю жизнь Польши ³⁾). Послѣднее едва ли было нужно, потому что, по крайней мѣрѣ, одна изъ иностранныхъ державъ и чрезъ католическихъ сановниковъ и пословъ въ сеймѣ умѣла оказывать вліяніе на внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой ⁴⁾). Самъ Лелевель при всей своей краткости не щадитъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ выставить сеймовыхъ пословъ, согласившихся на первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой ⁵⁾, который притомъ сопровождался расхищеніемъ староствъ и поіезунтскихъ фундушей польскими фамиліями ⁶⁾). Въ Барской конфедераціи, приведшей къ первому раздѣлу, Лелевель видитъ пробужденіе шляхты отъ прежней оцѣпенѣлости, но „народъ находился въ такомъ недужномъ состояніи, что, выходя изъ него, не могъ сразу возвратить себѣ преж-

¹⁾ Ibid., 13.

²⁾ Ibid., 15.

³⁾ Ibid., 33.

⁴⁾ Лелевель еще прямо обвиняетъ Екатерину въ подстрекательствѣ къ бунтамъ русскихъ хлопцовъ. Ibid., 45, 108.

⁵⁾ Ibid., 72—73, 75. Побужденіе къ раздѣлу вышло изъ Пруссіи, а Екатерина была вынуждена послѣ нѣкотораго сопротивленія. Ibid., 71—72.

⁶⁾ Ibid., 79—80.

нія свои силы“ ¹⁾. Слѣдующія за тѣмъ пятнадцать лѣтъ глубокаго мира рисуются историку, какъ эпоха важныхъ улучшеній въ Рѣчи Посполитой ²⁾, хотя „подлые люди, руководимые предразсудками или интересомъ“, старались все портить ³⁾. Указывая на разныя улучшенія, Лелевель однако не забываетъ упомянуть, что дѣлались многія перемѣны „подъ могущественнымъ вліяніемъ російскаго посольства, такъ что російскій посланникъ правилъ Польшей“. Развивающійся общественный духъ сказался на лучшемъ ходѣ сеймовыхъ дѣлъ, а *liberum veto* не столько, впрочемъ, въ силу убѣжденія, сколько по принужденію „пало вмѣстѣ съ другими установленіями, поддерживавшими республику. Все это“, говоритъ историкъ, — замѣняется новыми формами, болѣе подходившими къ умѣренной монархіи, къ смѣшанному образу правленія, о которомъ все больше и больше мечтали, къ которому возростала склонность“ ⁴⁾. Впрочемъ, обо всемъ у Лелевеля говорится такъ кратко, что отношеніе его ко многимъ явленіямъ польской жизни въ 1772—1787 гг. остается для насъ неяснымъ. И вообще Лелевель часто просто только рассказываетъ, приводитъ факты безъ всякаго освѣщенія.

Въ исторіи четырехлѣтняго сейма Лелевель также очень кратокъ. Объ отношеніи его къ конституціи 3-го мая мы скажемъ еще особо по поводу другаго его сочиненія ⁵⁾. По мнѣнію историка, сеймъ, поручивъ Станиславу Августу оборону края и разошедшись, сдѣлалъ два пагубные шага ⁶⁾.

Въ описаніи краковскаго возстанія стѣдуетъ упомянуть объ указаніи, сдѣланномъ на цѣль его, и объ отношеніи къ нему шляхты и крестьянъ. Цѣлью его не было непремѣнно вернуть конституцію 3-го мая ⁷⁾, а отношеніе къ нему шляхты стало охлаждать, когда Костюшко обратился къ простому люду, хотя въ послѣднемъ знаменитый вождь не нашелъ той моральной силы, на какую рассчитывалъ ⁸⁾. Разказъ оканчивается капитуляціей Варшавы.

¹⁾ Ibid., 81.

²⁾ Ibid., 82—95.

³⁾ Ibid., 96.

⁴⁾ Ibid., 100—101.

⁵⁾ Здѣсь можно только отмѣтить § 113 подъ заглавіемъ: *czas rewolucyjny dostarcza gabinetomъ języka przeciwъ Polsce*, стр. 129—130, гдѣ порицается политика державъ.

⁶⁾ Ibid., 123.

⁷⁾ Ibid., 142.

⁸⁾ Ibid., 149—150.

Въ заключеніе авторъ даетъ нѣсколько общихъ соображеній. Сравнивая двѣ бурныхъ эпохи, изъ коихъ одна привела къ первому раздѣлу, а вторая—къ двумъ другимъ, Лелевель указываетъ на совершившійся прогрессъ: сначала немногіе хотѣли реформы и то при иноземной помощи, а потомъ безъ послѣдней все народное представительство желало реформы; сначала массы недовольныхъ реформами породили конфедерации, покрывшія Польшу и Литву, а потомъ лишь нѣсколько измѣнниковъ употребило противъ новыхъ порядковъ иноземную силу; въ первомъ восстаніи въ защиту независимости приняла участіе одна шляхта, въ послѣднемъ—и мѣщане, и сельчане, и войско. Но въ умаленной странѣ не было силъ бороться съ тремя державами, когда ни откуда не было помощи. Въ своемъ паденіи польскій народъ „объявилъ всему міру, что, приближаясь къ паденію, онъ возвращался послѣ долгаго оцѣпенѣнія къ жизни,—показалъ, что въ самомъ его паденіи начинается его быстрое возрожденіе“¹⁾. Въ общемъ исторія царствованія Станислава Августа представляется Лелевелею такимъ образомъ. Въ началѣ этой эпохи Польша была въ упадкѣ. Тогда „аристократическій эгоизмъ, желая возвыситься, сталъ проповѣдывать монархическіе принципы, сдѣлалъ попытку обособленія съ ущербомъ для республиканскихъ началъ. Но гражданская мысль стремилась воздвигнуть свободу и независимость на стародавнихъ національныхъ основахъ. На откликъ этимъ планамъ пробудились всѣ классы; зрѣлище этихъ предпріятій потрясло ихъ до основанія. Шляхта бросилась спасать свои привилегіи, которымъ грозила опасность; диссиденты, мѣщане вспомнили въ свою очередь объ утраченныхъ правахъ; гуманность (*ludzkość*) начала говорить за несвободный людъ, сдѣлала попытку двинуть впередъ его дѣло. Столько общественныхъ элементовъ оживило послѣднія тридцать лѣтъ падавшей Рѣчи Посполитой... Врагъ не упустилъ случая извлечь пользу изъ замѣшательства, употребить все, что было негоднаго изъ прежней порчи, изъ прежняго сподленія“. Въ Рѣчи Посполитой происходила социальная революція, а внѣшній врагъ дѣлался все грознѣе, опираясь на возроставшую беззастѣнчивость внутреннихъ польскихъ измѣнниковъ²⁾, которые готовы были дѣлать и другъ другу уступки. „Аристократія выхлопотала наслѣдственность престола для упроченія

¹⁾ Ibid., 163—164. Ср. слѣдующій параграфъ подъ заглавіемъ—„Postęp towarzyskości“.

²⁾ Ibid., 165.

придворнаго быта, почестей, титуловъ, орденовъ... Шляхта сохранила свое всемогущество и прерогативы". Впрочемъ, Лелевель видитъ въ дѣятельности шляхты и другую сторону, указывая на уступки, сдѣланныя мѣщанству, уступки, которыя тотчасъ же прибавили силы Рѣчи Посполитой. „Какую бы силу она приобрѣла“, восклицаетъ онъ, — „еслибы сѹумѣли двинуть самый сильный и трудолюбивый классъ“¹⁾).

Въ этомъ взглядѣ знаменитаго историка есть вѣрные и невѣрные стороны. Вѣрно то, что въ Польшѣ было замѣшательство, которое было вызвано выступленіемъ Рѣчи Посполитой на путь реформъ и которымъ воспользовались сосѣднія державы, нашедшія союзниковъ внутри самой Польши. Невѣрнымъ нужно признать преувеличеніе происходившаго въ Польшѣ прогресса, ибо не такъ ужъ значительно, какъ представляетъ Лелевель, исправились поляки отъ шестидесятихъ годовъ къ концу восьмидесятихъ и началу послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Также съ чисто партійной точки зрѣнія объясняетъ онъ перемѣну избирательнаго трона въ наслѣдственный. Самая же вѣрная мысль его та, что шляхта одна не могла спасти Рѣчи Посполитой²⁾. Съ бѣльшимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла доказываетъ тезисъ о прогрессѣ въ Польшѣ, какъ мы увидимъ, новѣйшій польскій историкъ г. Корзонъ.

Въ текстѣ исторіи царствованія Станислава Августа мы напрасно стали бы искать сколько-нибудь опредѣленнаго взгляда Лелевеля на конституцію 3-го мая. Свое къ ней отношеніе историкъ высказываетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ разсматриваемому труду и въ отдѣльной статьѣ, на которую въ этомъ примѣчаніи и ссылается. Съ болью въ сердцѣ смотритъ онъ на это „уклоненіе (złoczenie) отъ стародавнихъ началъ, какое народъ и его представители своею верховною волею признали и утвердили. Рѣчь Посполитая, объясняетъ онъ, была превращена въ монархію, республиканскія учрежденія поставлены подъ наслѣдственное правленіе“³⁾. Лелевель не хочетъ соглашаться съ „софи

¹⁾ Ibid., 166.

²⁾ Не касаемся здѣсь отношенія Лелевеля къ самому Станиславу Августу. См. его краткую характеристику, въ которой много вѣрнаго, на стр. 170—171. Отмѣчу еще примѣчаніе 22, гдѣ авторъ также бросаетъ *coup d'oeil* на послѣднія времена Рѣчи Посполитой. Между прочимъ важно мѣсто, гдѣ Лелевель говоритъ о двухъ дорогахъ для Польши: одна—исправленіе стараго, другая—замяна его новымъ. Первое значило сохраненіе республики, второе—превращеніе ея въ монархію, 210. Л. сочувствуетъ первому пути, но въ подробности не входитъ, 215.

³⁾ Ibid., 220.

стическими аргументами“ въ пользу этой перемѣны: дѣлали это для спасенія отчизны, вводя принципъ, противъ коего народъ боролся четыре вѣка (1370—1791 г.), а между тѣмъ перемѣна не удержала бытія Польши. Тутъ сама судьба показала, что „наслѣдственность трона не согласна съ волею народа“¹⁾. Лелевель высказывается далѣе противъ неотвѣтственности короля, противъ запрещенія veto и конфедерацій: эти постановленія помѣшали дать отпоръ бунту торговчанъ и т. д. Подробнѣе свой взглядъ развиваетъ авторъ въ брошюрѣ „Сравненіе трехъ польскихъ конституцій“, изданной въ первый разъ въ Варшавѣ въ 1831 г., перепечатанной въ 1832 г. въ Парижѣ и во Львовѣ, переведенной на французскій языкъ и выпущенной въ свѣтъ въ Аррасѣ въ 1833 г. и наконецъ прилагавшейся къ 4-му изданію „*Rapowania Stanisława Augusta*“²⁾. Лелевель здѣсь насчитываетъ существованію республики въ Польшѣ четыре съ половиной вѣка („по крайней мѣрѣ, отъ короля Локотка“³⁾), а паденіе приписываетъ тому, что народъ „заснулъ на лонѣ своихъ воленостей“⁴⁾. „Составилось“, продолжаетъ онъ, — „фальшивое мнѣніе, яко бы наши стародавнія республиканскія учрежденія сдѣлались причиной паденія польскаго народа“. Авторъ иного мнѣнія: „не учрежденія Рѣчи Посполитой (которыя были не безъ недостатка, которыя несомнѣнно время отъ времени требовали измѣненій и исправленій), но ихъ дурное выполненіе, частныя ими злоупотребленія вліяли на упадокъ народа“. Онъ думаетъ, что сама судьба дѣлаетъ поляковъ особенно способными къ политической жизни⁵⁾. Конституція 3-го мая все-таки оставляла власть у народа⁶⁾. Сравнивая ее съ конституціями герцогства Варшавскаго (1807 г.) и царства Польскаго (1815 г.), онъ ей въ этомъ, да и въ иныхъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество, а потому

¹⁾ Ibid., 222.

²⁾ Trzy konstytucje polskie 1791, 1807, 1815, porównal i różnice jich rozważył *Joachim Lelewel* w roku 1831. (См. VII томъ изданія *Polska, dzieje i geozja jej*. Poznań. 1859. Здѣсь помѣщено и предисловіе къ французскому изданію, стр. 189—203. Самый текстъ съ обращеніемъ къ „*représentantom narodu polskiego obu jizb sejmu 18 grudnia 1830 i dalszego ciągu tegoż sejmu w roku 1831*“ занимаетъ стр. 205—258).

³⁾ Trzy konstytucje, 210—211.

⁴⁾ Ibid., 211. Tak do bytu narodu polskiego, zdaje się, pomysł swobód konstytucyjnych przywiązany i zdaje się jakoby naród polski bez tych swobód nie mógł mieć bytu. Pewnie że to jest dla narodu zaszczytne, bo to okazuje jego usposobienie do bytu prawdziwie politycznego.

⁵⁾ Ibid., 237.

мирится съ нею, хотя и видитъ въ ней уклоненіе отъ національныхъ основъ. Въ концѣ концовъ она была все-таки своя, и въ ней все-таки сохранялся шляхетскій республиканизмъ ¹⁾). Нѣкоторая двойственность въ отношеніи Лелевеля къ конституціи 3-го мая объясняется тѣмъ, что для него эта конституція была, съ одной стороны, измѣной національнымъ основамъ, съ другой, дѣломъ самой націи, сохранявшей за шляхтой прежній суверенитетъ.

Лелевель создалъ въ польской историографіи цѣлую школу, но вскорѣ его взгляды встрѣтили критику со стороны защитниковъ шляхетскаго принципа, особенно послѣ событій 1846 и 1848 гг. Изъ сторонниковъ теоріи Лелевеля особаго вниманія заслуживаютъ Морачевскій и Шмиттъ. Первый въ 1843 — 1855 годахъ издалъ въ девяти томахъ Польскую исторію ²⁾). Удалось ему довести этотъ трудъ только до отреченія Яна Казимира, но ему очень хотѣлось охватить въ своемъ трудѣ и всю исторію XVIII вѣка. Его интересовалъ вопросъ, пала ли Польша вслѣдствіе неисправимой порчи народа, или же порча эта была только на поверхности и не касалась основъ, и вотъ для рѣшенія этого вопроса онъ собиралъ матеріалы по исторіи прошлаго столѣтія, которые дали ему возможность составить себѣ довольно опредѣленное представленіе объ этомъ столѣтіи: „Это мои времена“, говорилъ онъ друзьямъ, — „мнѣ кажется, что я въ нихъ жилъ; буду же вамъ описывать все, на что въ это время я смотрѣлъ, какъ будто бы былъ очевидцемъ“ ³⁾).

Въ духѣ республиканской теоріи написаны и историческіе труды Генриха Шмитта, одинъ изъ которыхъ былъ переведенъ по русски ⁴⁾). Для насъ важна въ сочиненіяхъ Шмитта идеализація шляхетскаго

¹⁾ Nie wyzuwał sie naród-szlachta ze swoich praw, tylko dozwałał przewodnictwa nieodpowiedzialnemu królowi i do swoich praw znaczną część mieszkańców przypuszczał, 253.

²⁾ *Moraczewski*. Dzieje Rzeczypospolitej polskiej. Poznań. Отзвѣвъ *Куличковскаго*: Przy całej sumiennosci i krytyczności rozwija Moraczewski w ciągu dzieła pewne właściwe sobie zapatrywania na dzieje narodowe, które wszystkie znajdują wyjaśnienie swoje w republikańskim stanowisku pisarza. О. с., 477.

³⁾ *Zdanowicz-Sowiński*. Rys dziejów literatury polskiej. Wilno. 1877. IV, 423.

⁴⁾ *Schmitt*. Dzieje narodu polskiego krótko opowiedziane. Lwów. 1861. Dzieje Polski w potocznem opowiadaniu. Lwów. 1869.—Rys dziejów narodu polskiego. Lwów. 1869. Русскій переводъ одного изъ этихъ трудовъ, принадлежащій г. Ю. Шрейеру, вышелъ въ Петербургѣ въ 1864—1866 гг. (Исторія польскаго народа, *Генриха Шмитта*). Цитуюмъ по этому переводу. (Кромѣ того, тотъ же авторъ написалъ *Dzieje Polski od 1733 do 1832 r.* Kraków. 1867).

гминовладства. Пятый періодъ польской исторіи, который у него обозначенъ въ заголовкѣ словами: „Польша въ цвѣтущемъ положеніи, какъ шляхетско-общинная Рѣчь Посполитая“ ¹⁾; характеризуется же періодъ такимъ образомъ: „Гражданское равенство, личная свобода, свобода совѣсти и слова благопріятствовали этому развитію. Гражданскія доблести, любовь къ отечеству, готовность къ самопожертвованію и шляхетское равенство отличаютъ тогдашнее польское общество. Возникшая общественная жизнь создала могущественное общественное мнѣніе, которое долго сдерживало многихъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что на Западѣ „начали возникать явленія, возвѣщавшія, что господство физической силы и вызванное ею историческое право должны уступить мѣсто естественнымъ правамъ человѣка и общества“, авторъ высказываетъ мысль, что „Польша, стоявшая тогда по развитію выше многихъ державъ, могла бы стать во главѣ этого движенія, еслибы къ несчастью сама не сошла съ пути своего развитія“ ³⁾. Причины послѣдняго явленія, по Шмитту, лежали въ предоставленіи общественнаго воспитанія іезуитамъ, въ религиозныхъ спорахъ и въ проискахъ двора. „Просвѣщеніе мало по малу клонилось къ упадку, а религиозныя преслѣдованія становились все рѣзче и рѣзче. Съ упадкомъ же просвѣщенія поколебалось и общественное мнѣніе, а съ нимъ и тѣ гражданскія доблести, которыя были фундаментомъ Рѣчи Посполитой“. Впрочемъ, и „въ устраненіи большинства жителей отъ пользованія гражданскими правами, составляющемъ темную сторону этого (то-есть, пятого) періода“, онъ видитъ также причину позднѣйшихъ бѣдствій ⁴⁾. Шмиттъ постоянно обвиняетъ дальнѣйшую политику королей и, напримѣръ, заключая разказъ о царствованіи Августа II, говоритъ такъ: „Постоянныя сношенія короля, стремившагося къ единодержавію, съ сосѣдними монархами, давали послѣднимъ возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой“ ⁵⁾, то-есть, онъ часто однихъ королей обвиняетъ въ томъ, въ чемъ не одни они были виноваты.

Кромѣ того, Шмиттъ написалъ „Польскую исторію XVIII и

¹⁾ Шмиттъ, II, 1.

²⁾ Ibid., II, 242.

³⁾ Ibid., II, 243.

⁴⁾ Ibid., II, 242.

⁵⁾ Ibid., III 208.

XIX вѣковъ¹⁾ и „Царствованіе Станислава Августа“²⁾. Первые три тома перваго изъ этихъ сочиненій обнимаютъ исторію отъ 1733 по 1795 г., а четвертый, подъ заглавіемъ „Dzieje Polski poroźbnowej“, доводитъ изложеніе до 1832 года. Въ предисловіи ко второму труду авторъ говоритъ, что до того времени (1868 г.) никто не изложилъ исторіи Станислава Понятовскаго „исчерпывающимъ образомъ“: „Быть можетъ“, думаетъ онъ,— „главнѣйшею причиною этого было отвращеніе къ изображенію событій, въ которыхъ народъ нашъ игралъ довольно печальную роль.... Къ этому присоединялась еще дѣтская боязнь, что обнаженіе отрицательныхъ сторонъ тогдашняго нашего общества лишитъ насъ симпатіи другихъ народовъ“³⁾. Этотъ трудъ доведенъ только до 1768 года, и въ немъ помѣщено нѣсколько документовъ, которые до того времени не были нигдѣ напечатаны.

Исходный пунктъ составляетъ теорія Лелевеля и въ сочиненіи, которое однако написано было съ прямою тенденціей защитить шляхту отъ демократическихъ нападокъ. Мы говоримъ о „Словѣ польской исторіи“ Врублевскаго⁴⁾. Основной идеалъ польскаго народа сводится имъ къ тремъ принципамъ: ко всеобщимъ свободамъ и равенству, къ единогласію въ совѣщаніяхъ и къ избирательному началу, и въ смыслѣ этого идеала рисуется у него первоначальный бытъ Польши. Если въ Рѣчи Посполитой зародилась анархія, то виноваты въ этомъ паны и короли. „Пока“, говоритъ онъ о первыхъ,— „они опасались за свободу, до тѣхъ поръ они не мѣшали шляхтѣ въ ея стремленіи стать во главѣ народа; но со времени Люблинской униі, лишь только исчезла всякая боязнь передъ наслѣдственной Литвой, лишь только не стало нужды въ приманкѣ литовской шляхты сладостями польскихъ вольностей,—начали они своимъ безполымъ (bezpróciowym?) можновладствомъ устранять рыцарское сословіе отъ

¹⁾ Dzieje Polski XVIII i XIX w. Kraków. 1866—1867. Lwów. 1868.

²⁾ Panowanie Stanisława Augusta. Lwów. 1868—1870. Два тома. Этому изданію предшествовало другое, популярное и иллюстрированное, подъ заглавіемъ Szkie historyczny trzydziestoletniego panowania Stanisława Augusta króla polskiego. Kraków. 1872. Въ сущности это нѣкоторымъ образомъ повтореніе III тома Dziejów Polski XVIII i XIX w. Наконецъ, укажемъ еще на его труды Pogląd na żywot i pisma Hugona Kołłątaja (1860 г.) и Książdz Hugo Kołłątaj (Lwów. 1873).

³⁾ Panowanie St. Aug. I, przedślowie, стр. V—VI.

⁴⁾ Waleryan Wróblewski. Słowo dziejów polskich. 1858—1860. Сочиненіе написано собственно подъ псевдонимомъ В. Короновича. „Слово“ значитъ здѣсь verbum, λόγος въ смыслѣ основной идеи.

его значенія, не допуская его до вершины преобладанія, которой оно уже достигало, и произвели анархію“. Съ другой стороны, говоритъ Врублевскій, — „нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ то, что Польша, управляемая наследственно и самодержавно (*samowładne*), достигла бы великаго значенія и силы и на вѣки упрочила бы свое существованіе, но также нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ и то, что чрезъ это поляки сдѣлались бы чуждыми своему призванію и природѣ свободнаго народа“. По этой теоріи, причина паденія Польши—въ томъ, что исторія не сумѣла разрѣшить борьбу національной идеи (= „слова“) съ противными ей принципами: все спасеніе было въ развитіи шляхетской республики, а для него необходимо было лишить королей опаснаго права раздачи должностей и наградъ, ибо безъ этого права короли не могли бы деморализовать гражданъ, можновладство должно было бы подчиниться рыцарству, какъ высшему распорядителю почестями и матеріальными благами. „Народъ“ (*ogół narodu*, то-есть, шляхта), говоритъ Врублевскій, — „всегда послушный своему призванію, своему первоначальному „слову“, совершенно чистъ отъ вины въ гибели отечества“.

Сваливая всѣ несчастія Польши на королей и магнатовъ, авторъ „Слова польской исторіи“ въ сущности возвращался вполнѣ къ республиканскимъ теоріямъ XVIII вѣка, но въ его концепціи была новая сторона, которая роднитъ его взгляды на польскую исторію съ націоналистическимъ мистицизмомъ, встрѣчавшимся и въ другихъ литературахъ нашего вѣка, а въ польской эмиграціонной литературѣ приведшимъ къ такъ называемому мессіанизму. По представленію экзальтированныхъ патриотовъ, своимъ исконнымъ идеаломъ, или своимъ „словомъ“, логосомъ, употребляя терминъ Врублевскаго, „Польша рѣшительнымъ образомъ выдѣлялась изъ другихъ европейскихъ націй: она становилась чѣмъ-то исключительнымъ въ человѣчествѣ, и апіорное построеніе ея исторіи, далеко не соответствующее дѣйствительному ходу этой исторіи, дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ догмата національной вѣры, поддерживая патриотическое упованіе на лучшее будущее“¹⁾. Доктрина Лелевеля, особенно въ передѣлкѣ Врублевскаго, и сдѣлалась наиболѣе популярною въ польскомъ обществѣ²⁾.

Перваго важнаго критика политическія идеи лелевелевской школы нашли въ лицѣ Гофмана, автора „Изображенія правленія и законо-

¹⁾ Новѣйшая польская историографія, 539.

²⁾ *Smoleński. Szkoły historyczne*, 43.

дательства старой Польши“¹⁾, „Исторіи политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ“²⁾ и „Причины раздѣла Польской монархіи послѣ Болеслава Кривоустаго въ XII вѣкѣ“³⁾. Разрушивъ построеніе первоначальной исторіи Польши, созданное цѣлымъ рядомъ писателей, начиная отъ Вельгорскаго, видѣвшаго народовластіе à la Rousseau въ древнѣйшемъ строѣ Польши, и кончая Врублевскимъ, который поднялъ Польшу надъ всѣми народами земли, Гофманъ по вопросу о причинахъ паденія Рѣчи Посполитой высказался такъ: „На несчастье“,—передаемъ его основную мысль словами г. Смоленскаго— „на несчастье Польшѣ недоставало національнаго и сильнаго городского сословія (mieszczaństwa), которое, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ, пришло бы, съ помощью къ королямъ, подало бы руку земледѣльческому классу и распространяло бы представленія о всеобщей свободѣ. Послѣ ослабленія монархизма, такъ какъ демократическій элементъ, угнетаемый невѣжествомъ и бѣдностью, не могъ еще мечтать о власти,—пришла очередь аристократіи, а такъ какъ послѣдняя не имѣла никакой организаціи, никакой іерархіи, то правленіе перешло не къ нѣсколькимъ лицамъ или не къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, а въ руки каждаго въ отдѣльности. Масса шляхты, упорно державшаяся приманки мнимаго равенства, увлекаемая мѣняющимися теченіями выгоды, предразсудковъ или страстей, переливалась, какъ потокъ, поочередно отъ одного магната къ другому, никому не обѣщая вѣрности, никому не оказывая постоянной поддержки,—ничего не создавала, все уничтожала. Слѣдствіемъ отсутствія феодализма было то, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ,—монархической ли, аристократической или демократической,—не могъ взять перевѣса, не сумѣлъ забрать въ сильныя руки бразды правленія. Трудно добратся, какая форма правленія была при Ягеллонахъ; не легко отгадать, гдѣ находился суверенитетъ (wszechwładztwo): у короля, въ представительствѣ страны или же въ отдѣльныхъ земляхъ. Каждый изъ этихъ факторовъ заявлялъ на него претензіи, но ни одинъ не могъ одержать рѣшительную побѣду. Одинъ мѣшалъ дѣлу (psuł rząd) другому, вслѣдствіе чего внутреннее развитіе на-

¹⁾ Hoffman. Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski (*Przegląd Poznański*. 1847, 48, 49).

²⁾ Historia reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867.

³⁾ Przyczyny podziału monarchii polskiej po Bolesławie Krzywoustym w wieku XII. Kraków. 1872. Ср. статью прое. *Adolfa Pawińskiego* подъ заглавіемъ Karol Boromeusz Hoffman въ журналъ *Tygodnik Ilustrowany* № 397.

рода остановилось. Привилегированное сословіе, вмѣсто того, чтобы подѣлиться властью съ королемъ или народомъ, монополизировало въ свою пользу всѣ существенные интересы; не создавъ внутри себя организаціи, не обезпечивъ за сеймами значенія и силы за дѣйствующимъ правомъ, оно посѣяло еще въ эпоху золотого вѣка просвѣщенія зерно анархіи¹⁾.

„Исторія политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ“ Гофмана раздѣляется на три части. Въ первой идетъ рѣчь о реформахъ времени совершенной независимости Польши отъ середины XV вѣка до конца XVII, во второй—о реформахъ эпохи „чужеземнаго протектората“ съ начала XVIII в. до 1775 г., а въ третьей—о реформахъ времени „номинальнаго существованія Польши“ отъ 1775 до 1791 г. Изложеніе царствованія Станислава Понятовскаго начинается съ середины второй главы. Кончается все сочиненіе анализомъ конституціи 3-го мая, такъ какъ она была „ostatnim objawem politycznym życia narodowego“.

До сихъ поръ мы видѣли, что при всемъ разнообразіи въ пониманіи причинъ паденія Польши, причинъ этихъ искали въ однихъ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ прежней Рѣчи Посполитой. Явленія культурныя польской исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ лишь отмѣчались попутно въ томъ случаѣ, если содѣйствовали общему упадку, въ какомъ находилась польская нація наканунѣ катастрофы. Напримѣръ, въ упомянутомъ „Краткомъ очеркѣ исторіи народа польскаго“, составленномъ по мысли Общества любителей наукъ, указывалось на то, что одною изъ причинъ анархіи была ошибочная система народнаго просвѣщенія (błędna publiczna instrukcja), породившая и духъ религіозной нетерпимости въ польскомъ народѣ²⁾. При той роли, какую въ исторіи Польши игралъ „диссидентскій вопросъ“, трудно было, чтобы польскіе историки не коснулись религіозныхъ отношеній въ Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о паденіи послѣдней. Въ спеціальному очеркѣ литературы по исторіи реформаціи въ Польшѣ³⁾ мы объяснили при-

¹⁾ *Smoleński*. Szkoły historyczne, 36. О соч. Гофмана *Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski*: „obszerna ta praca jest po dziś dzień najlepszą u nas historią instytucyj politycznych w dawnej Polsce i słuszny Hoffmanowi daje tytuł do sławy“. *Zdanowicz-Sowiński*, IV, 529.

²⁾ *Smoleński*. Szkoły historyczne, 22.

³⁾ Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. *Ж. М. Нар. Пр.* 1885, ноябрь. Эта статья вышла в отдѣльномъ брошюру.

чину того, почему поляки занялись сравнительно поздно исторіей своихъ диссидентовъ,—и отмѣтили то общее явленіе, что до самаго недавняго времени въ изученіе этого предмета вносились вѣроисповѣдныя тенденціи. Изъ этой литературы надлежитъ отмѣтить здѣсь сочиненія протестанта гр. Валеріана Красинскаго, выдающаго причину политическихъ бѣдствій Польши въ паденіи въ ней реформациі, и іезуитскаго воспитанника, гр. Маврикія Дзѣдушицкаго, который находилъ, что единственное спасеніе Польши заключалось, на оборотъ, именно въ проведеніи программы Сигизмунда III—уничтожить разновѣрство. Гр. Красинскій высказалъ свой взглядъ въ изданномъ по англійски „Историческомъ очеркѣ происхожденія, успѣховъ и упадка реформациі въ Польшѣ и вліянія, которое евангелическое ученіе оказало на эту страну въ литературномъ, моральномъ и политическомъ отношеніяхъ“¹⁾. „Быть можетъ“, говоритъ въ предисловіи авторъ,—„ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на Св. Писаніи, и что, наоборотъ, подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформациі пользовалась благосостояніемъ и славой и въ обихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католической реакціей“. Этотъ взглядъ мы разобрали въ другомъ мѣстѣ подробно²⁾, а здѣсь лишь укажемъ на то, что въ немъ есть вѣрнаго: это именно—печальныя культурныя слѣдствія, которыя вытекли для Польши изъ католической реакціи, предводимой іезуитизмомъ. Хотя точка зрѣнія гр. Красинскаго под-сказана ему его вѣроисповѣднымъ субъективизмомъ, но въ общемъ онъ болѣе правъ, нежели панегиристъ іезуитовъ гр. Дзѣдушицкій. Послѣдній на реформацию сваливаетъ всѣ бѣды Рѣчи Посполитой. „Съ тѣхъ поръ“, говоритъ онъ въ своей книгѣ о „Петрѣ Скаргѣ и его вѣкѣ“,—„съ тѣхъ поръ началось разъединеніе; разладъ (niezgodą) сдѣлался однимъ изъ признаковъ польскаго характера, разладъ, въ которомъ всегда справедливо обвиняютъ нашъ народъ. Otdąd zaczęła

¹⁾ Historical sketch of the rise, progress and decline of the Reformation in Poland and of the influence which the scriptural doctrines have exercised on that country in literary, moral and political respects. London. 1838—1840. Есть въ нѣмецкомъ переводѣ *Lindaу* (Leipzig. 1841).

²⁾ Вопросъ о религіозной реформациі, 22.

Polska stać bezrządem“ ¹⁾. Между прочимъ онъ приписываетъ реформации, какъ слѣдствие, „рѣшительное раздвоеніе между паномъ и подданнымъ“ ²⁾, хотя это раздвоеніе было уже совершившимся фактомъ до начала реформации, и если послѣдняя не удержалась въ Польшѣ, то отчасти именно благодаря ему и исключительно шляхетскому характеру польскаго протестантизма ³⁾. Если гр. Красинскій правъ, обвиняя въ разложеніи Польши политику іезуитовъ, то гр. Дзѣдушицкій забываетъ, что религіозный раздоръ, игравшій роль въ паденіи Рѣчи Посполитой, не былъ слѣдствіемъ одной реформации, и что именно церковная унія 1596 г., введенная іезуитами, содѣйствовала подъему враждебнаго полякамъ чувства въ русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой.

Разсмотрѣвъ взгляды польскихъ историковъ двухъ старыхъ школъ (Нарушевича и Лелевеля) на причины паденія Польши, мы могли бы перейти прямо къ успѣхамъ польской исторіографіи за послѣднее время и къ характеристикѣ основныхъ воззрѣній современной исторіографической школы (краковской) относительно причинъ гибели Рѣчи Посполитой, еслибы не имѣли еще передъ собою особнякомъ стоящей книги Антона Валевскаго подъ заглавіемъ „Философія польской исторіи и методъ ея изслѣдованія“ ⁴⁾, изданной въ Краковѣ въ 1875 г. и очень нелюбезно въ свое время принятой критикою ⁵⁾. Авторъ проводитъ ту мысль, что основная черта польскаго характера — лояльность, и что главная причина паденія Польши въ утратѣ націей этой своей основной черты. Здѣсь было бы совсѣмъ неумѣстно разбирать всю исторіософію и философію исторіи автора, то-есть, его общія философскія разсужденія относительно сущности исторіи и его разсужденія о всемірной исторіи, составляющія обширное (75 стр.) вступленіе, равно какъ общіе его взгляды относительно хода польской

¹⁾ *Rychcicki* (псевдонимъ *hr. Dzieduszyckiego*). *Piotr Skarga i jego wiek*. Kraków. 1850. I, 138. II, 26. Второе изд. вышло въ 1868—1869 гг.

²⁾ *Ibid.*, I, 141.

³⁾ *Lukaszewicz*, авторъ нѣсколькихъ монографій о польскомъ протестантизмѣ, видитъ въ реформации одну изъ причинъ паденія Польши, ибо она раздѣлила народъ на два враждебные лагеря и отдала его пронирливому ордену іезуитовъ.

⁴⁾ *Antoni Walowski*. *Filozofija dziejów polskich i metoda ich badania*. Kraków. 1875.

⁵⁾ *Schmitt*. *Rozbiór krytyczny pomysłów historyozoficznych i odkryć dziejowych pana...Lwów*. 1875. *Zdanowicz—Sowiński*. IV, 571. *Smoleński*. *Szkoły historyczne*. 38—41.

исторіи ¹⁾, а потому ограничимся уже сдѣланнымъ указаніемъ на основную идею этой и въ другихъ отношеніяхъ курьезной книги ²⁾.

Послѣдняя четверть вѣка представляетъ изъ себя время весьма быстрого и плодотворнаго движенія впередъ въ польской національной историографіи, что было нами уже отмѣчено раньше ³⁾. Издавая въ 1879 г. свой „Очеркъ исторіи Польши“, краковскій профессоръ Михаилъ Бобржинскій замѣтилъ въ предисловіи, что современная детальная и монографическая разработка польскими историками прошлаго Рѣчи Посполитой бросаетъ на исторію послѣдней, взятую въ цѣломъ, совершенно новый свѣтъ, и взгляды, къ которымъ приходитъ національная историографія, отличаются какъ небо отъ земли, отъ всего того, чему училось поколѣніе автора изъ школьныхъ руководствъ ⁴⁾. „Работа надъ исторіей прежней Польши“, говоритъ и Іосифъ Шуйскій въ своемъ компендіумѣ польской исторіи, — „находится въ стадіи полнаго развитія; съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала, съ каждымъ годомъ растетъ число монографій, въ которыхъ обрабатываются отдѣльные эпизоды на основаніи большаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія, и“, прибавляетъ Шуйскій, — „въ виду этихъ успѣховъ въ области специальныхъ и частныхъ работъ, весьма быстро старѣютъ общія изложенія польской исторіи, и взгляды, которые добываются ученымъ міромъ, постоянно разрушаютъ распространенныя въ публикѣ представленія

¹⁾ Содержаніе сочиненія: Часть I. Кн. I. Отчего Польша выступила на историческое поприще въ X в.? Кн. II. Какъ возникла монархія въ Польшѣ? Кн. III. Возникло ли польское государство путемъ завоеванія или развитія? Кн. IV. Политическое и общественное воспитаніе польскаго народа въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ и причины анархіи. Кн. V. Польскія событія послѣ разборовъ.—Часть II. Кн. I. Церковное воспитаніе Польши. Кн. II. Отношеніе польской исторіи къ человечеству, Западу и Востоку. Прибавленіе о примѣненіи историческихъ теорій къ практическому положенію.

²⁾ Отмѣтимъ здѣсь кетати еще болѣе публицистическую, чѣмъ историческую книжку варшавскаго каноника *Домагальскаго*, вышедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границей подъ заглавіемъ „Prawda, a nie fałszem“. Здѣсь доказывается, что Екатерина II не только не была виновницею паденія Польши, но даже хотѣла спасти ее отъ паденія.

³⁾ Вопросъ о религиозной реформаціи, 5—6 и 52. Новѣйшая польская историографія, 535—536, 540 и др. Ср. при этомъ IV главу историографической работы *Смоленскаго*, стр. 42 и слѣд.

⁴⁾ *M. Bobrzyński*, Dzieje Polski w zarysie. Kraków. 1880. I. Przedmowa do pierwszego wydania.

о прошломъ Польши“¹⁾). Мы нарочно привели слова этихъ двухъ новѣйшихъ историковъ, такъ какъ оба они сдѣлали попытку воспользоваться результатами указанной работы для общаго построения польской исторіи, а ихъ взгляды принадлежать третьей (послѣ Нарушевича и Лелевеля) исторической школѣ, которая слыветъ подъ названіемъ краковской²⁾. Не касаясь вопросовъ о матеріалѣ, какимъ располагали, съ одной стороны, Нарушевичъ съ послѣдователями, а съ другой—корифей краковской школы, и о методѣ, который, конечно, въ обѣихъ школахъ далеко не одинъ и тотъ же, обращая все вниманіе на политическую мысль, лежащую въ основѣ взглядовъ на прошлое Польши у этихъ историковъ, мы придемъ къ тому общему выводу, что краковская школа продолжаетъ традиціи школы нарушевичевой, какъ послѣдняя повторяла аргументы монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка. Въ эпоху господства лелевелевскихъ взглядовъ эта традиція нашла пріютъ въ партіи эмигрантовъ, образовавшейся около Адама Чарторьскаго и имѣвшей свои органы и въ периодическихъ изданіяхъ (*Kronika emigracyi polskiej*, 1834—1839. *Trzeci Maj*, 1839—1848), и въ парижскомъ Историко-литературномъ обществѣ (*Towarzystwo historyczne-literackie*). Отсюда традиція эта перешла къ историкамъ, группирующимся около Краковской академіи наукъ (*Akademia umiędności*), возникшей въ 1872 г. изъ болѣе ранняго Научнаго общества. Установленію сходства между обѣими школами г. Смоленскій въ своей брошюрѣ объ историческихъ школахъ въ Польшѣ посвящаетъ цѣлую главу³⁾, утверждая даже, что краковскіе ученые въ историко-философскомъ отношеніи ничего новаго не дали сравнительно съ Нарушевичемъ⁴⁾. Не отрицаетъ родства своихъ взглядовъ съ воззрѣніями первой исторической школы въ Польшѣ и Шуйскій, сначала раздѣлявшій теорію Врублевскаго. Въ пре-

¹⁾ *J. Szujski. Historji polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście. Warszawa. 1880. Wstępne słowo.*

²⁾ Основателемъ краковской школы былъ Калинка, о которомъ ниже въ VII-й главѣ. Въ этой главѣ будетъ сказано нѣсколько больше объ идеяхъ этой школы.

³⁾ Подъ заглавіемъ *Stosunek szkoły historycznej krakowskiej do Naruszewiczowskiej i stanowisko jej w dziejopisarstwie*, стр. 76 и слѣд.

⁴⁾ Z powierzonej krytyki, jaką Bobrzynski dotknął dziejopisów XVIII i pierwszej ćwierci XIX wieku wypadłoby sądzić, że pomiędzy szkołą Naruszewiczowską a krakowską pokrewieństwa nie ma żadnego; rzetelniejsze zbadanie rzeczy prowadzi do wniosku, że historyzoficzne poglądy uczonych podwawelskich są echem głosów dawno przebrzmiałych. *Ibid.*, 79. Nic w zasadzie pod względem historyzoficznym uczeni krakowscy nie wymyślili nowego, стр. 80.

дисловіи къ своимъ „Двѣнадцати книгамъ польской исторіи“ онъ говоритъ объ этомъ прямо, прибавляя, что Нарушевичу и его послѣдователямъ нужно отдать справедливость въ томъ, что зрѣлище паденія Рѣчи Посполитой оказало благотворное вліяніе на ихъ способъ пониманія исторіи, на ихъ сужденіе о ней, которое было сужденіемъ и наиболѣе серьезной и зрѣлой части народа: „они“, поясняетъ Шуйскій,— „видѣли слишкомъ близко недостатки Рѣчи Посполитой, чтобъ ихъ не знать, были слишкомъ хорошо знакомы съ дѣйствительностью, чтобы могли ошибиться въ указаніи политическихъ ошибокъ, какія встрѣчались въ исторіи“¹⁾). На оборотъ, проф. Бобржинскій старается представить обѣ школы, какъ діаметрально-противоположныя, но въ данномъ случаѣ онъ либо обращаетъ вниманіе на научные приемы старой школы, либо преувеличиваетъ значеніе такихъ ея сторонъ, которыя должны были бы имѣть второстепенное значеніе²⁾). Во всякомъ случаѣ основаніе краковской исторической школы было возвращеніемъ отъ лелевелевскихъ взглядовъ къ тѣмъ, которые въ XVIII вѣкѣ высказывались монархическими публицистами, и это возвращеніе воочію совершилось въ переходѣ Шуйскаго отъ доктрины Врублевскаго къ идеямъ такъ называемыхъ „ставъчиковъ“³⁾).

Въ этотъ же періодъ появились и главные историческіе труды по эпохѣ паденія Польши. Нигдѣ, по отзыву проф. Бобржинскаго, перемѣна въ приемахъ изслѣдованія и въ выводахъ науки, происшедшая въ польской исторической литературѣ послѣ Лелевеля, не бросается въ глаза съ такою силою, какъ именно въ новѣйшихъ сочи-

¹⁾ W traktowaniu dziejów od Naruszewicza czasów wchodzimy dzisiaj w epokę różną od tej, która czas od r. 1825 do 1861 wypełniała; różną też, acz poniekąd bardziej pokrewną tej, którą reprezentował Naruszewicz i jego epigonowie. Cokolwiekbyż pozostawił do życzenia biskup łucki i jego następcy, oddać im trzeba słuszną, że sam fakt zapamiętania lub czynnego przebycia ostatnich zapadów upadającego państwa wpłynął korzystnie na ich sposób pojmowania dziejów, na sąd, który o nich wydawali, a który był zarazem ugruntowanym sądem poważniejszej i dojrzałszej części narodu. Wadom rzeczy pospolitej zbyt byli blizkiemi, aby ich nie znali; doświadczenia zbyt naoczniemi, aby się mylić mogli w wskazywaniu obłędów politycznych, jakie spotykali w dziejach, стр. II.

²⁾ См. въ первомъ томѣ исторіи *Бобржинскаго* отдѣлъ подъ заглавіемъ: О pause hystoryi polskiej i jej umiejętnem badaniu, стр. 40—63. Довольно строго критикуетъ за это Бобржинскаго г. Смоленскій, приписывая его характеристику школы Нарушевича „игноранціи“, незнакомству съ литературой XVIII вѣка. *Szkoły historyczne*, 79 и 80.

³⁾ Политическая партія консервативнаго характера, о которой будетъ рѣчь идти въ главѣ VII по поводу трудовъ кс. Кадянки.

неіяхъ, посвященныхъ послѣднимъ днямъ Рѣчи Посполитой ¹⁾). Можно сказать, что работы Крашевскаго (*Polska w czasie trzech rozbiorów*, 1874—1875), Калинки (*Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta*, 1868. *Sejm czteroletni*, 1880—1886) и Корвона (*Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta*, 1881—1886), не считая другихъ болѣе мелкихъ работъ ²⁾), совершенно упразднили все сдѣланное по этому предмету самимъ Лелевелемъ и его послѣдователями. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, однако, что и въ послѣдней стадіи польской исторіографіи нѣтъ единообразнаго взгляда на эпоху паденія Польши: именно авторы двухъ главныхъ трудовъ, посвященныхъ этому времени, кс. Калинка и г. Корвонъ стоятъ на двухъ различныхъ точкахъ зрѣнія, такъ что можно говорить о противоположности между ними, если и не столь значительной, какъ между Нарушевичемъ и Лелевелемъ, то во всякомъ случаѣ напоминающей ее. Большіе труды, разсматривающіе паденіе Польши, будутъ подвергнуты нами разбору въ концѣ этой работы, а здѣсь мы остановимся на взглядахъ общихъ историковъ и главнымъ образомъ на взглядахъ Бобржинскаго, какъ наиболѣе радикальнаго въ своей оппозиціи противъ лелевелевской школы. Нѣкоторые критики ставили ему даже въ вину, и не всегда безъ основанія, что онъ слишкомъ преклоняется иногда предъ византійскимъ деспотизмомъ и абсолютизмомъ нѣмцаго полицейскаго государства.

„*Dzieje Polski w zagysie*“ Бобржинскаго вышли въ свѣтъ въ 1879 году въ одномъ томѣ, а вторымъ изданіемъ—въ 1881 году въ двухъ томахъ. Появленіе книги произвело сильную сенсацію и въ обществѣ, и въ прессѣ, что только способствовало оживленію полемики, которая возникла вслѣдствіе замѣчаній на книгу, сдѣланныхъ компетентными

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 296.

²⁾ *R. Piłat*. *Literatura polityczna sejmu czteroletniego*. (*Przegląd polski* 1872). *L. Wegner*. *Dzieje dnia 3 i 5 maja 1791 r.* Poznań. 1865. *Konfederacya województw wielkopolskich 1792 r.* Poznań. 1863. *Sejm grodzieński ostatni*. Poznań. 1866. *Hugo Kołłątaj na posiedzeniu rady królewskiej z dnia 23 lipca 1792 r.* Poznań. 1869. *Ostatnie dni powstania Kościuszkowskiego*. Poznań. 1871. *Br. Zaleski*. *Korespondencya krajowa Stanisława Augusta*. Poznań. 1872. *E. Tysskiewicz*. *Króla Stan. Aug. ostatni pobyt w Grodnie*. Poznań. 1878. *Dr. Antoni Rolle*. *Czartoryscy i Repnin* (*Przewodnik naukowy*. 1877). *Z. Gloger*. *Antoni Tyzenhaus podskarbi nadworny litewski 1733—1785*. (*Kwartalnik Kłosów*. 1887). *M. Chyliński*. *Hugo Kołłątaj w obec Targowicy*. Lwów. 1875. *K. Chłędowski*. *Tractat handlowy między Austryą a Polską z r. 1775* (*Przewodnik naukowy*. 1880). *Zajęcie Galicyi* (*Ateneum* 1880). *J. J. Kraszewski*. *Polska w połowie XVIII w.* (*Ateneum*. 1877). *Smoleński*. *Kuźnica Kołłątajowska*. Kraków. 1885 и м. др.

критиками ¹⁾. Въ общемъ можно сказать, что газетная критика напала на Бобржинскаго вслѣдствіе мотивовъ болѣе публицистическаго, чѣмъ научнаго свойства, и въ этомъ отношеніи такіе историки, какъ Шуйскій, Смолка и Калинка, явились скорѣе защитниками основныхъ идей книги. „Извѣстно“, писалъ Смолка въ статьѣ „О задачѣ, понятіи и положеніи исторіи“ (Атепеум, 1879),— „что въ теченіе десяти слѣдующихъ лѣтъ совершился въ нашей исторіографіи важный переворотъ, результаты котораго болѣею частью еще не проникли въ читающую публику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ болѣе оживленнаго движенія въ области нашего бытописанія выработались среди историковъ взгляды, съ которыми соглашаются почти всѣ, принадлежащіе къ этому цеху, хотя большая публика не имѣла еще случая съ ними познакомиться. Книга Бобржинскаго прежде всего имѣетъ ту заслугу, что стремится стать выраженіемъ этихъ взглядовъ, хорошимъ ихъ проводникомъ въ болѣе широкую среду читающей публики“. Но, продолжаетъ Смолка,— „на этомъ не кончается заслуга и достоинство этой книги. Никто не станетъ спорить, что, кромѣ указаннаго элемента, трудъ Бобржинскаго заключаетъ много сужденій и взглядовъ, которые принадлежатъ исключительно самому автору и, по скольку удержатся, будутъ личной его заслугой. Съ общимъ основнымъ взглядомъ, проведеннымъ во всемъ сочиненіи, совсѣмъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя выраженіе единогласнаго приговора современной исторической школы, эти взгляды имѣютъ такое несомнѣнное сходство, что имъ нельзя отказать въ общемъ источникѣ, который есть, безспорно, нынѣшнее положеніе исторіографической работы“ ²⁾.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разборъ всѣхъ сторонъ труда Бобржинскаго, а остановимся исключительно на его пониманіи причинъ паденія Польши. Эти причины онъ ищетъ въ условіяхъ, породившихъ въ Рѣчи Посполитой политическое беззарядье, которое и погубило Польшу. „Не границы и не сосѣди“, говоритъ онъ,— „только нашъ внутренній разладъ довелъ насъ до потери государственнаго существованія“ ³⁾. Свою основную мысль онъ развиваетъ слѣдую-

¹⁾ Большая часть статьи нашей „Новѣйшая польская исторіографія“ посвящена разбору книги Бобржинскаго. О вызванной ею полемикѣ см. стр. 546—551. Съ точки зрѣнія делевелевскихъ идей книгу разбираетъ *Schmitt*. *Roźbiór dzieła* p. t. *Dzieje Polski w zakresie przez M. Bobrzyńskiego*. Kraków. 1882.

²⁾ *Stanisław Smolka*. *Szkice historyczne*. Warszawa. 1882. *Serya pierwsza*. Статья „Słowo o historii“, стр. 283—284.

³⁾ *Bobrzyński* II, 336.

щимъ образомъ: „Какія бы мы ни находили теперь причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненіе народа шляхтой, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи, все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ именно въ другихъ мѣстахъ“, сейчасъ же поясняетъ Бобржинскій,—„существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже поправляло или уменьшало его. У однихъ только насъ недоставало этого оздоравливающаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту сокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе. Если поэтому, проживъ побѣдоносно столько вѣковъ, въ концѣ XVIII столѣтія мы не могли противостоять опасности, то единственная причина этого заключалась въ нашемъ внутреннемъ безнарядьѣ. Тѣ, которые насъ дѣлили, не разъ находились между собою въ грозномъ раздорѣ; не одинъ изъ нихъ намъ помогъ бы, еслибы только и мы могли, и хотѣли съ своей стороны оказать ему хотя бы самую незначительную помощь противъ его соперниковъ“¹⁾. Весь второй томъ (по 2-му изданію) своего труда Бобржинскій посвящаетъ, главнымъ образомъ, только выясненію причинъ, почему въ Польшѣ не возникло сильной центральной власти, находя вообще, что это пишетъ исторію Польши съ XVI в., тотъ долженъ выдвинуть на первый планъ эту сторону національной жизни, „тѣмъ болѣе“, прибавляетъ онъ,—„что около этого важнаго вопроса (то-есть, организаціи правительственной власти) вращались тогда всѣ усилія націи“²⁾. Новую исторію Польши Бобржинскій начинаетъ съ конца XV в., и какъ разъ въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ Лелевелъ видѣлъ возвращеніе страны къ ея исконному идеалу, усматриваетъ причины, погубившія Польшу. „Знакомая со взглядомъ Лелевела“, говоритъ онъ,—„мы теперь удивляемся, какъ можно было впасть въ такія заблужденія и ошибки. Слыша постоянно, какъ прославляется свобода, мы удивляемся, какъ можно было проглядѣть другое условіе здороваго развитія каждаго народа, именно силу и упругость его правительственной власти“³⁾. Съ этой точки зрѣнія новый польскій историкъ смотритъ даже на самое отдаленное прошлое Польши, какъ бы

¹⁾ Ibid., II, 335.

²⁾ Ibid., II, 342.

³⁾ Ibid., I 50.

сожалѣя, что оно не заключало въ себѣ условій для развитія не только правительственной власти вообще, но даже абсолютизма. Первоначальнымъ славянамъ онъ ставитъ въ упрекъ, что у нихъ не было „rozszalowania prawa i despotycznej władzy“ ¹⁾, и какъ бы завидуетъ Руси и Болгаріи въ томъ отношеніи, что они рано испытали на себѣ вліяніе автократической Византіи ²⁾. Въ дальнѣйшей исторіи Польши онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ факты, которые свидѣтельствовали объ усиленіи власти. Говоря о возникновеніи въ Польшѣ „парламентаризма“, онъ спрашиваетъ: „не былъ ли онъ преждевременнымъ въ ту эпоху, когда всѣмъ средневѣковымъ народамъ нужна была суровая школа абсолютнаго правленія“,—и отвѣтъ даетъ въ смыслѣ преждевременности ³⁾. Очень часто Бобржинскій всю бѣду видитъ въ томъ, что Польша въ своемъ развитіи не шла дорогой другихъ континентальныхъ государствъ ⁴⁾, и что въ ней не было монарховъ въ родѣ Франциска I, Генриха IV, Людовика XIV, Карла V, Филиппа II или Ивана Грознаго ⁵⁾. Не нужно, однако, думать, что авторъ „Dziejów Polski w zarysie“ совсѣмъ не видѣлъ для Польши иного пути образованія правительственной власти, помимо установленія западно-европейскаго абсолютизма. Онъ очень сочувственно относится къ той программѣ „направы Рѣчи Посполитой“, которую на сеймахъ середины XVI в. проводили протестантскіе послы, къ программѣ, какъ онъ выражается, „парламентарной монархіи“, и въ паденіи этой программы видитъ большое несчастье для Польши. Дѣло шло о томъ, чтобы утвердить преобладаніе общаго сейма надъ мѣстными сеймиками, добиться для пословъ совершенныхъ полномочій отъ избирателей, установить рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ, и лишить сенатъ самостоятельности, чтобы король могъ идти и за мнѣніемъ меньшинства сенаторовъ. „Это“, говоритъ Бобржинскій,—„была несомнѣнно самая широкая политическая программа, какая только была въ польскомъ народѣ на протяженіи десяти вѣковъ его существованія“ ⁶⁾. Говоря о цар-

¹⁾ Ibid., I, 68.

²⁾ Ibid., I, 69—71.

³⁾ Ibid., II, 21.

⁴⁾ Ibid., 337 и др. мѣста.

⁵⁾ Ibid., II, 340.

⁶⁾ Ibid., II, 71. См. вообще въ этомъ томѣ § подъ заглавіемъ „Programu Rzeczypospolitej“, 68 sq. Ср. также нашъ Очеркъ исторіи реорформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. См. гл. III.

ствованіи Сигизмунда III, авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Думать объ абсолютизмѣ у народа, который уже сто лѣтъ привыкъ къ политической свободѣ, было вещью трудной, но за то тѣмъ болѣе слѣдовало думать объ учрежденіи, которое примирило бы свободу съ порядкомъ, о парламентарномъ министерствѣ, которое, будучи выбраннымъ изъ сеймоваго большинства, могло бы управлять и приказывать отъ имени короля, но въ духѣ націи“¹⁾. Другими словами, Бобржинскій вполне раздѣляетъ взглядъ на сеймъ, какой въ прошломъ вѣкѣ былъ высказанъ Руссо и повторенъ Вельгорскимъ: сеймъ былъ безсиленъ, и въ этомъ безсиліи сейма заключалась и для новѣйшаго историка причина безнарядья.

По нашему мнѣнію, Бобржинскій весьма основательно разобралъ причины того, что паденіе королевской власти въ Польшѣ не сопровождалось переходомъ этой власти къ сейму, вслѣдствіе чего элементъ власти не нашелъ себѣ помѣщенія въ польскомъ обществѣ, исчезъ изъ него, такъ сказать, чтобы свергнуть это общество въ анархію²⁾. Но очень странно, что, резюмируя въ концѣ книги³⁾ свой взглядъ на причину того, что Польша не создала себѣ сильнаго правительства, авторъ молчитъ обо всемъ этомъ и указываетъ на другія условія, которыя сами по себѣ не могли произвести указаннаго результата. „Одно изъ нихъ“, именно говоритъ онъ, — „есть наша молодость, ибо мы на пять вѣковъ поздне, нежели Западъ, выступили на поприще ея цивилизаціи; другое—обширность преимущественно земледѣльческой страны въ отношеніи къ народонаселенію; а сверхъ этого, то, что наши лучшія силы бросились на востокъ, на Русь и Литву, вслѣдствіе чего силы, оставшіяся въ краѣ, уменьшенныя и ослабленныя, не могли выполнить задачи—создать правительство въ духѣ новаго времени“⁴⁾. Но такія же условія—и молодость, и слабая населенность обширной земледѣльческой страны, и эмиграція за ея первоначальные предѣлы—существовали и для русской исторіи, а между тѣмъ Московское государство пошло по совершенно иной политической дорогѣ, чѣмъ Польское.

Бобржинскій въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ и развитие шляхетско-хлопскихъ отношеній и, конечно, не оппонируетъ Леле-

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 169.

²⁾ *Ibid.*, II, 333 sq.

³⁾ Краткое изложеніе этого см. въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія“, стр. 560—564.

⁴⁾ *Bobrzyński*, I, 19.

велю, когда тотъ усматриваетъ въ неволѣ деревенскаго одну изъ причинъ паденія Польши; но и здѣсь онъ указываетъ на то, что неволя эта существовала и въ другихъ мѣстахъ, но что въ другихъ мѣстахъ существовало и правительство, которое такъ или иначе боролось со зломъ, хотя бы не давая превратиться крѣпостному праву въ полное рабовладѣльчество и все-таки ограничивая произволъ господъ по отношенію къ ихъ подданнымъ ¹⁾). Вліяніе косныхъ началъ католицизма и развращающей педагогики и политики іезуитовъ также нашло прекрасное освѣщеніе въ книгѣ Бобржинскаго: онъ совершенно свободно отнесся къ католической реакціи въ Польшѣ и выставилъ на видъ все зло, какое принесли обществу и государству іезуиты ²⁾). Шуйскій въ своихъ „Замѣчаніяхъ на исторію Польши Бобржинскаго“ ³⁾, соглашаясь въ общемъ съ его объясненіемъ причинъ паденія Польши, находитъ, такъ сказать, неловкимъ, что авторъ книги не сумѣлъ лишить печальную картину національнаго упадка „черезъ-чуръ рѣжущихъ глаза, яркихъ красокъ“, и отвѣчая на это, какъ и вообще на упреки въ пессимизмѣ, Бобржинскій во второмъ изданіи своей книги говоритъ: „упрекъ въ пессимизмѣ можно было бы сдѣлать только моему очерку двухъ послѣднихъ вѣковъ. Я ихъ представилъ, не спорю, ярко“ ⁴⁾). Съ нѣкоторыми оговорками можно сказать, что, постоянно признавая русскую силу въ Литвѣ и справедливо порицая польскую политику по отношенію къ русскому населенію Рѣчи Посполитой, онъ довольно вѣрно въ общемъ изображаетъ необходимость борьбы Польши съ Россіей за русскія земли и, пожалуй, неизбежность невыгоднаго для поляковъ результата этой борьбы ⁵⁾).

Извѣстно, что вслѣдствіе своего безнарядья Рѣчь Посполитая съ самаго почти начала XVIII вѣка попала подъ опеку Россіи. Это время (1717—1773 гг.) разсматривается у Бобржинскаго въ главѣ, которая названа „Преобладаніе Россіи“ ⁶⁾, а за нею слѣдуетъ и послѣдняя съ характернымъ названіемъ „Возрожденіе въ упадкѣ“ ⁷⁾:

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 335.

²⁾ *Ibid.*, II, 131 sq.

³⁾ *I. Szujski*. Kilka uwag o Dziejach Polski Michała Borbzyńskiego. Warszawa. 1879. Было прежде помѣщено въ журналѣ *Niwa*.

⁴⁾ *Bobrzyński*. I, 23.

⁵⁾ Эта сторона историческихъ воззрѣній была мною разобрана въ „Новѣйшей польской историографіи“, стр. 574—583.

⁶⁾ *Bobrzyński*, II, 262 sq.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 296 sq. *Odrodzenie w upadku*.

здѣсь въ сущности онъ и разказываетъ исторію паденія Польши. На первый планъ въ этихъ главахъ выдвигается иностранная политика. „Пока“, говоритъ Бобржинскій,—„Россія думала, что она одна будетъ въ состояніи включить въ свой составъ всю Польшу, до тѣхъ поръ, полагаясь на существующее уже свое преобладаніе, ожидала только удобнаго момента, чтобы не оглядываться на Пруссію и Австрію и не допустить ихъ до участія въ раздѣлѣ. Пруссія и Австрія стояли однако на стражѣ своихъ интересовъ, готовыя помѣшать занятію всей Польши Россіей и сильному вслѣдствіе этого увеличенію послѣдней. Такъ до поры, до времени оправдывался на самомъ дѣлѣ девизъ тогдашней польской шляхты, что Польша держится своимъ безнарядьемъ“¹⁾. Изъ двухъ единственно возможныхъ для тогдашней Рѣчи Посполитой перспективъ: раздѣла между сосѣдями и подчиненія Россіи—историкъ отдаетъ предпочтеніе второй и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ всю эпоху раздѣловъ, между прочимъ очень сочувственно относясь къ установленному въ Польшѣ Екатериною послѣ перваго разбора „постоянному совѣту“ (*rada nieustająca*), какъ къ „исполнительной власти, къ правительству, въ которомъ такъ давно нуждалась Польша“, какъ къ „постепенному переходу отъ безнарядья къ сильному правительству“²⁾. Въ сохраненіи этого учрежденія онъ видитъ единственное средство, которое оставалось у Польши для проведенія необходимой внутренней реформы. Съ этой точки зрѣнія онъ высказывается противъ конституціи 3-го мая, введенной вопреки желаніямъ Россіи, хотя именно творцы этой конституціи полагали причину упадка Рѣчи Посполитой тамъ, гдѣ ее указываетъ и современная историографическая школа. Впрочемъ, это все относится уже къ подробностямъ факта паденія Польши, и оцѣнка воззрѣній новыхъ польскихъ историковъ на этотъ предметъ будетъ дана въ другомъ мѣстѣ³⁾.

Къ „*Dzieje Polski w zagysie*“ можно вполне приложить слова Шуйскаго въ концѣ „Двѣнадцати книгъ польской исторіи“. „За эпохой“, говоритъ этотъ историкъ,—„въ которую апологія была главнымъ знаменемъ польской историографіи, наступаетъ другая, когда среди серьезныхъ работъ, среди все болѣе растущаго историческаго мате-

¹⁾ Ibid., II, 266.

²⁾ Ibid., II, 299 яд.

³⁾ Ср. разборъ этой части труда Бобржинскаго въ статьѣ „Новѣйшая польская историографія“, стр. 583—587.

ріала, рушатся прежнія апологетическія системы, а прошлое должно выступить въ свѣтъ сравнительнаго метода и общихъ законовъ, познаваемыхъ изъ историческаго опыта. Въ новомъ этомъ направленіи могутъ быть увлеченія и односторонность, появляющіяся время отъ времени; оно однако имѣетъ будущее и непоколебимое право на существованіе, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направленіе это положило конецъ несчастному и столь долговременному заблужденію—защитѣ и апофеозу анархичной Польши¹⁾. Авторъ, писавшій эти слова въ 1880 году, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ самъ отдавалъ дань такому „заблужденію“, раздѣляя историческіе взгляды Врублевскаго. „Ежели“, писалъ онъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ,—„ежели мы должны опереться на прошлое, то можемъ опереться только на шляхетское прошлое, ибо оно есть единственно и исключительно прошлое народа... Шляхта есть альфа и омега народа, ибо она одна обладаетъ секретомъ ассимиляціи нешляхетскихъ и даже чуждыхъ элементовъ и т. д.“²⁾. Съ этими взглядами и приступилъ Шуйскій къ работѣ надъ своею „Исторіею Польши“, вышедшею въ свѣтъ въ четырехъ томахъ въ 1861—1866 годахъ³⁾. Оптимистическому эпитафю, поставленному на заголовкѣ: „Все Ты намъ далъ, Господи, что могъ дать“ (*Wszystko nam dałeś, co dać mogłeś, Panie!*),—вполнѣ соответствуетъ въ этомъ сочиненіи идеализація Польши въ духѣ теоріи Врублевскаго и мистическихъ фантазій поэтовъ эмиграціи. Но, по вѣрному замѣчанію г. Смоленскаго, Шуйскій долго все-таки колеблется, чему приписать вину паденія Польши—безразличности ли тогдашнихъ кабинетовъ, или исключительно положенію Польши среди народовъ Европы⁴⁾, положенію, въ которомъ онъ сначала усматриваетъ превосходство Польши. Уже отступленіемъ отъ лелевелевской традиціи были слова, въ которыхъ онъ склоняется къ рѣшенію вопроса во второмъ смыслѣ. „Каждый народъ и каждое человѣческое общество“, говоритъ онъ,—„зависятъ отъ извѣстныхъ условій порядка, справедливости внутри и мощи извнѣ, не удовлетворяя коимъ, они утрачиваютъ силу развитія, независимость и свободу (*niepodległość*). Не освобождаетъ ихъ отъ этихъ условій никакая высшая идея, хотя бы самая возвышенная (*najszczytniejsza*),

¹⁾ *Szujski. Historji polskiej ksiąg dwanaście*, 383.

²⁾ *Portrety przez Nie-Van-Dyka. Lwów. 1861. Приведено у Смоленскаго, стр. 65—66.*

³⁾ *Szujski. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów. 1861—1866.*

⁴⁾ *Szkoły historyczne*, 67.

ибо для этой идеи нужно найти подлежащую форму... Падение Речи Посполитой совершила наша собственная вѣковая вина¹⁾. Въ ближайшемъ прошломъ Польши онъ видитъ исканіе этой формы то въ видѣ соединенія силъ посредствомъ диктатуры конфедераций, то въ монархическихъ стремленіяхъ, проявившихся въ политическомъ завѣщаніи 3-го мая 1791 г. Такой взглядъ, заявленный въ послѣднемъ томѣ *Dziejów Polski*, уже проникъ въ книгу подъ влияніемъ нѣкотораго сближенія автора съ идеями парижскаго Историко-литературнаго общества. Образование въ Краковѣ въ концѣ шестидесятихъ годовъ партіи „станьчиковъ“, въ чемъ самъ Шуйскій игралъ видную роль, повліяло окончательно на перемѣну его возрѣній, которая выразилась съ наибольшею полнотою въ „Двѣнадцать книгъ польской исторіи“, изданныхъ имъ въ одномъ томѣ въ 1880 году. Въ этомъ сочиненіи „монархическая идея“ соединилась съ католическимъ доктринерствомъ, которое у Шуйскаго особенно ясно проявляется въ книжкѣ „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ“²⁾, такъ что приближается къ восхваленію іезуитовъ. Здѣсь не мѣсто сопоставлять Бобржинскаго и Шуйскаго, почти одновременно издавшихъ по очерку польской исторіи съ точки зрѣнія краковской школы³⁾, и достаточно только указать на то, что и Шуйскій заявляетъ о своей оппозиціи къ лелевелевской школѣ. „Изъ одного изъ самыхъ младшихъ народовъ, выступившихъ на арену цивилизаціи европейскаго Запада“, говоритъ онъ,—„мы стали въ собственныхъ глазахъ народомъ, опережающимъ весь Западъ развитіемъ у насъ конституціонныхъ и республиканскихъ формъ; изъ ошибокъ и заблужденій политической мысли мы свили себѣ идеальныя лавровыя вѣнки, очень вредныя; въ вольной элекціи королей, въ конфедераціяхъ, даже въ „liberum veto“ мы усматривали положительныя явленія, которыми слѣдуетъ гордиться. Борьбу съ идеей правительства мы переносили въ тѣ времена, когда

¹⁾ *Szujski*. *Dzieje Polski*, IV, 723. Самъ Шуйскій въ предисловіи (wstępne słowo) къ Польской исторіи въ XII книгѣ говоритъ о себѣ (въ третьемъ лицѣ), что за przekonującą i bijącą prawdą plastycznymi postaciami Szajnochy poszło zastowienie całości dziejów J. Szujskiego jako reakcja przeciwko doktrynie Lelewela i jego stronników, стр. IV.

²⁾ *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Kraków. 1881. Объ этомъ сочиненіи см. въ указанной выше статьѣ „Вопросъ о религиозной реформаціи XVI вѣка въ Речи Посполитой“, стр. 34.

³⁾ См. въ „Новѣйшей польской исторіографіи“ стр. 544—545, 542—550 и друг.

это правительство находилось въ самыхъ трудныхъ условіяхъ и только одно оно представляло интересы государственной самостоятельности¹⁾). Онъ сходится съ Бобржинскимъ въ мнѣніяхъ и относительно преждевременности польскаго „парламентаризма“²⁾, то-есть, въ этомъ вопросѣ краковская школа пошла далѣе писателей XVIII в., бывшихъ ея предшественниками въ пониманіи польской исторіи, такъ какъ они стояли именно за „парламентарную монархію“. Въ общемъ и Шуйскій, и Бобржинскій полагаютъ, что гибель Польши происходила отъ того, что государство это развивалось не такъ, какъ другія страны, въ коихъ окрѣпъ абсолютизмъ, опирающійся на бюрократію, хотя Бобржинскій и отмѣчаетъ бывшую въ Польшѣ возможность образованія болѣе сильнаго правительства инымъ путемъ.

Въ духѣ монархической традиціи написана и большая исторія Польши Теодора Моравскаго³⁾, о которой очень хорошо отзываются Шуйскій⁴⁾ и др. критики.

Замѣтимъ въ заключеніе этой главы, что далеко не всѣ современные польскіе историки принадлежатъ къ краковской школѣ, хотя и отдають должное ея заслугамъ⁵⁾). Это, между прочимъ, мы увидимъ при рассмотрѣніи специальныхъ трудовъ по исторіи послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Прежде однако мы рассмотримъ другія историческія литературы, на сколько онѣ заключаютъ въ себѣ что-либо по исторіи паденія Польши.

¹⁾ *Szujski*. Н. р. ksiąg XII, стр. III.

²⁾ *Ibid.*, 194.

³⁾ *Teodor Morawski*. *Dzieje narodu polskiego*. Poznań. 1870—1871. Drezno. 1872.

⁴⁾ Слова Шуйскаго: w tymże samym kierunku, o dawną monarchiczną szkołę oparte poszły w ostatnich latach *Dzieje Teodora Morawskiego*,—praca źródłowa i monograficzna tym czasem, szersze coraz przybrała i przybiera rozmiary, starają się o osiągnięcie zagranicy w dwóch kierunkach—uporządkowanego i krytycznego nagromadzenia źródeł, obrobienia wybitniejszych lub sporniejszych kwestyj dziejowych. *Historji polskiej ksiąg XII*, стр. IV.

⁵⁾ Ср. всю брошюру г. Смоленскаго объ историческихъ школахъ въ Польшѣ. Въ числѣ критиковъ Бобржинскаго былъ и Гервигъ Шмиттъ.

ГЛАВА III.

Польскія дѣла въ западно-европейской публицистикѣ прошлаго вѣка.

Польскія дѣла въ эпоху раздѣловъ обратили на себя вниманіе и тогдашнихъ западно-европейскихъ писателей. Впервыхъ, многіе изъ нихъ имѣли случаи высказывать свое мнѣніе объ этихъ дѣлахъ мимоходомъ, не посвящая имъ отдѣльныхъ сочиненій, и, конечно, собрать все, что говорилось такимъ образомъ о Польшѣ въ XVIII вѣкѣ различными писателями, было бы очень трудно. Вовторыхъ, о польскихъ дѣлахъ писали еще въ видѣ политическихъ совѣтовъ цѣлые трактаты, по приглашенію самихъ поляковъ, видные публицисты прошлаго столѣтія. Втретьихъ, послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой по собственному почину или по стороннему внушенію нѣкоторые писатели стали составлять историческія описанія событій, приведшихъ къ концу польское государство.

Мы остановимся вкратцѣ на отношеніи ко всѣмъ этимъ дѣламъ нѣсколькихъ публицистовъ прошлаго столѣтія, которые были руководителями и выразителями тогдашняго общественнаго мнѣнія Европы. Извѣстный клерикальный писатель нашего столѣтія, Вельо, обвиняетъ философію XVIII вѣка въ томъ, что и она участвовала въ польскихъ раздѣлахъ ¹⁾. Вѣрно въ этомъ взглядѣ то, что общественное мнѣніе Европы, руководимое философами, было сначала,

¹⁾ „La Russie, la Prusse, l'Autriche ne furent pas seules coupables du meurtre de la Pologne: une quatrième puissance y a contribué non moins cruellement et en quelque sorte odieusement que les autres: c'est la philosophie du XVIII siècle. Elle a pressenti le crime, elle l'a conseillé, elle y a participé“. *Veuilleux. Mélanges*, III, 282. Цитировано у *Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité*. XI, 350—351.

какъ извѣстно, за союзъ, образовавшійся между Россіей и Пруссіей въ пользу польскихъ диссидентовъ, коимъ отказывали въ вѣротерпимости. Далѣе, можно еще сослаться въ частности на Вольтера, находившагося въ перепискѣ съ главными дѣятелями перваго раздѣла Рѣчи Посполитой ¹⁾. На отношеніе его къ польскимъ дѣламъ уже указывали историки этого событія. „Вольтеръ“, говоритъ Ферранъ,—въ своемъ посланіи къ барскимъ конфедератамъ, представляетъ польскія смуты, какъ религіозныя войны, и говоритъ, что сосѣди вступили въ Польшу по праву, которое имѣютъ входить въ домъ сосѣда, когда въ немъ пожаръ“ ²⁾. Извѣстно еще, что къ Фридриху II онъ писалъ: „Говорятъ, что раздѣлъ Польши—ваше дѣло, и я этому охотно вѣрю, потому что это—вещь гениальная“. То, чтó думалъ или, по крайней мѣрѣ, высказывалъ Вольтеръ, было обобщено и распространено вообще на всѣхъ философовъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ, нужно различать отдѣльныхъ писателей и разныя эпохи въ исторіи западно-европейскаго общественнаго мнѣнія по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Между тѣмъ, и очень еще недавно, одинъ солидный польскій историкъ, специально занимавшійся этою эпохой, приписалъ философамъ XVIII вѣка одно общее и притомъ крайне неблагоприятное мнѣніе о польской націи. „Европа“, говоритъ указанный историкъ паденія Польши, г. Корзонъ,—„смотрѣла равнодушно, безъ всякаго протеста на раздѣлъ государства нѣкогда славнаго и цвѣтущаго, объявивъ весь народъ глупымъ, бездѣятельнымъ (piedoféiznusz) и подлымъ. Такъ-называемые тогдашніе философы нашли для нея только слова брани“ ³⁾. Въ сущности дѣло было не совсѣмъ такъ, и мы это увидимъ сейчасъ изъ краткаго обзора, который теперь сдѣлаемъ.

Кромѣ Вольтера, о польскихъ дѣлахъ высказалъ свое мнѣніе и Монтескье. Нѣсколько краткихъ замѣчаній о польскихъ порядкахъ при Саксонскихъ короляхъ можно найти именно въ его „Духѣ законовъ“. Напримѣръ, въ третьей главѣ второй книги, гдѣ онъ говоритъ о законахъ, относящихся къ сущности аристократіи, дѣлается общее замѣчаніе о томъ, что чѣмъ болѣе аристократія при-

¹⁾ За приведенными словами у *Veillot* идетъ обвиненіе Вольтера: *L'homme qui la représenta, qui parla en son nom, qui stipula pour et qui reçut sa part, ce fut Voltairre. Il eut un cadénu de Frédéric, un sourire de Catherine.*

²⁾ *Histoire des trois démembrements de la Pologne.* P. 1820. III, 584.

³⁾ *T. Korzon.* *Wewnetrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta.* Kraków. 1885—1886. IV, 643.

ближается къ демократіи, тѣмъ она совершеннѣе, и что, на оборотъ, она дѣлается менѣе совершенною по мѣрѣ приближенія своего къ монархіи. „Самая же несовершенная изъ всѣхъ аристократій“, продолжаетъ Монтескье, — „есть та, гдѣ часть народа, которая повинуется, находится въ гражданскомъ рабствѣ у той, которая повелѣваетъ, какова аристократія въ Польшѣ, гдѣ крестьяне—рабы дворянства“. Въ знаменитой XI-й книгѣ „*Esprit des lois*“ пятая глава трактуетъ „о предметѣ разныхъ государствъ“: для Польши таковымъ Монтескье называетъ „независимость каждаго частнаго лица и, что отсюда происходитъ, притѣсненіе всѣхъ“. То-есть, вообще авторъ „Духа законовъ“ былъ, дѣйствительно, не очень лестнаго мнѣнія о польскомъ государственномъ устройствѣ, и таково было въ его время общее мнѣніе.

Монтескье не пришлось видѣть „начала конца“ Рѣчи Посполитой. Но и послѣ перваго раздѣла Польши отношеніе къ ней не измѣнилось: политику дворовъ, разбивавшихъ это государство по частямъ, однако не одобряли; въ самомъ же фактѣ все-таки видѣли естественное слѣдствіе внутреннихъ причинъ, доводившихъ Польшу до разложенія, вслѣдствіе чего къ полякамъ стали иногда проникаться жалостью. Еще большее сочувствіе къ ихъ падающему государству явилось послѣ конституціи 3-го мая, войны 1792 г., втораго раздѣла, возстанія 1794 г. и окончательнаго исчезновенія Рѣчи Посполитой съ политической карты Европы. Въ видѣ примѣра перваго отношенія можно привести слова Рэйналя, писавшаго въ промежутокъ между первымъ и вторымъ польскими раздѣлами.

„Польша“, говоритъ этотъ писатель, — „Польша, которая, имѣя внутри себя только народъ рабовъ, заслуживаетъ того, чтобы внѣ себя находить лишь однихъ притѣснителей, — сохраняетъ однако тѣнь и имя свободы. Она (по отношенію къ внутреннему устройству) въ настоящее время представляетъ изъ себя то, чѣмъ были всѣ европейскія государства десять вѣковъ тому назадъ“¹⁾. Въ польскомъ государственномъ строѣ онъ видитъ именно полное господство феодализма, профанацию имени республики, лигу мелкихъ деспотовъ противъ народа, а сеймъ называетъ горстью тиранновъ. Изобразивъ въ немногихъ словахъ польскія смуты, Рэйналь замѣчаетъ, что „какой бы оборотъ ни принимали дѣла, судьба народной массы не испытываетъ

¹⁾ *Raynal*. Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des européens dans les deux Indes. Genève. 1782. X, 36.

ваетъ отъ этого никакой счастливой переменѣ¹⁾. Извнѣ Польша слаба, и если сосѣди не воспользовались ея слабостью, то лишь вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія. „Особыя обстоятельства ихъ соединили“, говоритъ далѣе авторъ.— „Нашимъ временамъ было предназначено видѣть, какъ это государство разрывалось тремя соперничающими державами, которыя присвоили себѣ наиболѣе для нихъ подходящія провинціи, при чемъ ни одинъ европейскій монархъ не пошевелилъ даже пальцемъ, чтобы помѣшать вторженію. Среди безопасности мира, безъ права, безъ предлога, безъ основаній, безъ тѣни справедливости этотъ переворотъ былъ сдѣланъ примѣненіемъ ужаснаго принципа силы, который, къ несчастью, есть лучшій аргументъ королей.“ Впрочемъ, Райналь ожидаетъ и хорошаго результата отъ раздѣла. „Да будетъ угодно небу, восклицаетъ онъ, чтобы преступленіе честолюбія обратилось на пользу человѣчеству, и чтобы мудрымъ возвращеніемъ къ добрымъ принципамъ здравой политики узурпаторы разбили цѣпи самой трудолюбивой части своихъ новыхъ подданныхъ! Народъ этотъ, сдѣлавшись менѣе несчастнымъ, будетъ развитѣе, дѣятельнѣе, лучше расположенъ и болѣе вѣренъ по отношенію къ правительству“²⁾.

По вѣрному замѣчанію одного новѣйшаго историка, „польская революція 1791 г. имѣла рѣдкую привилегію возбуждать одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи, и самаго непримиримаго изъ ея противниковъ“³⁾. Дѣйствительно, конституція 3-го мая сразу измѣнила европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Знаменитый Бёркъ, видѣвшій вообще въ раздѣлѣ Польши гибель политической системы, которая до того времени охраняла независимость Европы⁴⁾, превознесъ похвалами конституцію 3-го мая въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей⁵⁾. Съ своей стороны и Фоксъ въ краснорѣчивой парламентской рѣчи 18-го февраля 1793 г. восхвалялъ конституцію 3-го мая и оплакивалъ судьбу Польши⁶⁾. Томасъ Пэнъ, не придавая большого значенія самой конституціи,

¹⁾ Ibid., 37.

²⁾ Ibidem., 38.

³⁾ A. Sorel. L'Europe et la révolution française. P. 1887. II, 215.

⁴⁾ Burke въ Annual Register 1772 г. Приведено у Laurent. О. с., XI, 352.

⁵⁾ См. длинную выписку на стр. 249—252 перваго тома книги Vom Entstehen und Untergange der poln. Constitution vom 3-ten May 1791. Ср. краткое примѣч. у Лелюеля (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. VI. Panowanie St. Aug. Poniatowskiego, 217.)

⁶⁾ Vom Entstehen etc. I, 252-253. Lelewel. О. с., 217.

признавалъ однако, что польское правительство хотѣло дать примѣръ исправленія своихъ недостатковъ ¹⁾. Далѣе, Мэкинтошъ, бывшій оппонентомъ Бёрка въ пониманіи французской революціи, видѣлъ въ раздѣлѣ Польши убійство націи. Онъ находилъ, что этому дѣлу можно было бы помѣшать, такъ какъ оно произошло не сразу, и „Англія съ Франціей“, говоритъ онъ,—„имѣли бы за себя всѣхъ государей, потому что всѣмъ одинаково угрожало покушеніе, отдававшее судьбу націй господству силы“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „убійца не можетъ предвидѣть зла, которое произойдетъ отъ его преступнаго дѣла; онъ убиваетъ силу, назначеніе коей извѣстно единому Богу. Что же будетъ, если это—цѣлая нація, которая погибаетъ отъ злодѣйскаго покушенія? Убить націю есть преступленіе противъ человѣчества. Съ точки зрѣнія политики это столь же виновное дѣяніе“ ³⁾. Мэкинтошъ, какъ и Бёркъ, оплакиваетъ гибель европейскаго равновѣсія: „съ 1772 года“, говоритъ онъ,—„международное право сдѣлалось пустымъ словомъ, ибо царствуетъ насиліе“.

Кромѣ того, сочувствіе къ Польшѣ по поводу конституціи 3-го мая и судьбы послѣдней было высказано аб. Сійесомъ, Вольнеемъ, членомъ конвента *Garran de Coulon* и др. ⁴⁾.

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно ясно видѣть, что приписывать философамъ XVIII в. однообразное отношеніе къ тогдашнимъ польскимъ дѣламъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, цитированные мною Вельо и г. Корзонъ, положительно не приходится. Это разъ. Вовторыхъ, и тѣ немногіе примѣры, которые были приведены, даютъ намъ до нѣкоторой степени возможность познакомиться съ исторіей общественнаго мнѣнія на Западѣ по польскому вопросу и сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, какое образовалось у самихъ поляковъ относительно причинъ ихъ политической гибели: это очень важно, ибо предопредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ какой и на Западѣ должны были писаться первыя исторіи раздѣловъ Рѣчи Посполитой. Собирая вмѣстѣ приведенныя и имъ подобныя мнѣнія западныхъ писателей и политическихъ дѣятелей о Польшѣ, мы во всей совокупности этихъ мнѣній находимъ три существенные пункта. Первый—порядокъ старо-польскихъ порядковъ, то-есть, анархіи въ политическомъ

¹⁾ Vom Entstehen etc. I, 253.

²⁾ *Edinburgh Review*. Selections. IV, 42 (*Laurent*, XI, 353).

³⁾ *Ed. R. Sel.*, IV, 45 (*Laurent*, XI, 353).

⁴⁾ Vom Entstehen etc. I, 254. *Lelewel*, 218. *Garran de Coulon* написалъ *Recherches politiques sur la Pologne*. 1794.

отношеніи (напримѣръ, у Монтескье), угнетенія народной массы въ социальномъ (напримѣръ, у Рэйналя) и духа нетерпимости въ религіозномъ (напримѣръ, у Вольтера). Отсюда дѣлается выводъ, что Польша заслужила свою судьбу. Другой пунктъ—порицаніе политики державъ, дѣлившихъ Польшу: если въ самомъ началѣ диссидентскаго вопроса независимое общественное мнѣніе было за союзъ Екатерины II и Фридриха II, то когда изъ этого союза вышелъ первый раздѣлъ, это мнѣніе отнеслось къ нему неодобрительно, хотя и было признано, что поляки пострадали заслуженно. Третій пунктъ—сочувствіе возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, вѣра въ это возрожденіе, а затѣмъ и негодованіе на то, что ему помѣшали. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ независимый взглядъ на паденіе Польши, образовавшийся на Западѣ, до извѣстной степени совпалъ съ тѣмъ общимъ представленіемъ, какое составилось обо всемъ дѣлѣ въ польскомъ обществѣ.

Ко второму разряду авторовъ, писавшихъ о Польшѣ, нужно отнести тѣхъ, которые посвятили ей цѣлыя сочиненія. Таковы были, главнымъ образомъ, аббатъ Мабли, составившій цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ „О правительствѣ и законахъ Польши“, и Жанъ-Жакъ Руссо, издавшій также „Разсужденіе о польскомъ правительствѣ“. Оба названныя сочиненія обязаны своимъ происхожденіемъ просьбѣ польскихъ патріотовъ, доставившихъ знаменитымъ французскимъ публицистамъ и необходимый матеріалъ для такой работы, и свои собственные соображенія.

„Мы“—такъ начинается Мабли свое сочиненіе, обращаясь къ гр. Вельгорскому ¹⁾— „мы часто разговариваемъ, графъ, о несчастіяхъ, удручающихъ ваше отечество, мы отыскиваемъ ихъ причины, такъ какъ ваше стремленіе къ общему благу заставляетъ васъ искать лѣкарства, полезнаго для вашихъ согражданъ, а разъ вы этого желаете, я сообщу вамъ свои размышленія. Я очень желаю бы, чтобъ они были въ состояніи принести какую-либо пользу націи, которую могли сдѣлать несчастною недостатки ея правленія, но которая, боясь рабства и любя свободу, быть можетъ, еще способна отказаться отъ своихъ предразсудковъ и исправить свои ошибки. Еслибы вы мнѣ

¹⁾ Abbé de *Mably*. Du gouvernement et des lois de la Pologne. 'A. M. le comte Wielhorski. Цитуемъ по изданію *Oeuvres complètes de l'abbé de Mably*. Toulouse. 1793. Томе XI. Объ этомъ политическомъ писателѣ, нѣсколько псабытомъ историческою литературой, есть французская книга проф. Моск. унив. В. И. Герве.

сказали о вашихъ соотечественникахъ то, что говорилъ Титъ Ливій о современныхъ ему римлянахъ: *nes vitia nostra, nes remedia patri possumus*, вы должны были бы рѣшиться на то, чтобы видѣть гибель своей республики. Любовь къ свободѣ, любовь къ отечеству, презрѣніе къ смерти, храбрость, терпѣніе, ваши конфедерации, на которыя вы возлагаете такія надежды,—ничто изъ всего этого не помѣшаетъ вамъ пасть.... Но еще не все потеряно, если правда, какъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ, что ваши вельможи, начиная понимать, что ихъ благосостояніе не удержится, если республика рухнетъ, теперь уже менѣе предаются взаимной неприязни и обнаруживаютъ болѣе способности къ сближенію¹⁾. Единственное спасеніе видитъ Маблі въ „мудромъ правленіи“: „конфедераты“ (барскіе), говоритъ онъ,—„убѣждены въ этой истинѣ, и они надѣются, что ихъ отечество, наученное несчастьями, произведетъ у себя реформу. Я охотно желалъ бы вѣрить этому съ вами, но позвольте мнѣ сказать вотъ что: эти надежды исчезнутъ, если въ минуту заключенія мира, сеймикамъ и общему сейму не будетъ представлена совсѣмъ готовая система правленія“²⁾. Что безъ реформы Польша погибнетъ, эта мысль проходитъ черезъ весь трактатъ Маблі³⁾, а онъ однако вездѣ даетъ понять, какъ трудна эта реформа, по его мнѣнію. „Сказать ли мнѣ“, объявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—„что по счастью или несчастью слишкомъ серьезное изученіе переворотовъ, которые испытывали народы, мѣня убѣдило, что ничто не встрѣчается такъ рѣдко и не бываетъ такъ трудно, какъ реформа націй?... Не долженъ ли всякій знать, что характеръ, полученный націей отъ старыхъ законовъ и старыхъ обычаевъ, долго еще борется противъ нововведеній, принять которыя заставила ее политика.... Но даже, допуская, что произойдетъ счастливый переворотъ въ польскихъ нравахъ, я все-таки, графъ, еще боялся бы, какъ бы ваша республика не стала прозябать въ крайней слабости или, по крайней мѣрѣ, какъ бы не упустила случая извлечь все изъ своихъ силъ, пока она остается республикой дворянской. Взгляните, пожалуйста, въ какомъ униженіи держитъ ваше дворянство своихъ подданныхъ. Они, конечно, совсѣмъ не интересуются ни благополучіемъ вашимъ, ни вашими бѣдствіями; и еслибы они не были доведены

¹⁾ *Mably*, 1—3.

²⁾ *Ibid.*, 7. Cf. 8—9.

³⁾ Cf. стр. 13—14, 27 и др. Замѣчательно, что авторъ стоитъ противъ крутыхъ переворотовъ, стр. 149 яқ.

до скотскаго состоянія (abrutis) своимъ невѣжествомъ и тяжестью своего рабства, они были бы открыто вашими врагами, и вы испытали бы возстанія рабовъ, которыя отчаяніе дѣлало иногда столь ужасными“ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что авторъ сочиненія „О правительствѣ и законахъ Польши“ смотрѣлъ довольно-таки пессимистически на будущее Рѣчи Посполитой. Есть всѣ основанія полагать, что такой тонъ сочиненія Мабли не понравился полякамъ. Но идемъ далѣе. Разсмотримъ, въ чемъ этотъ политическій писатель видѣлъ главные недуги Польши. Взвѣсивъ дать полякамъ политическіе совѣты, онъ въ началѣ своего трактата „начертываетъ въ двухъ словахъ исторію правленія и несчастій“ Польши ²⁾). „Польша“, говоритъ онъ,—„ускользнула отъ произвольной власти, только все чаще и чаще прибѣгая къ конфедераціямъ. Голоса покупались на сеймахъ, и чтобы воспрепятствовать этимъ собраніямъ продать королю свободу націи, установили наконецъ *liberum veto*.. Въ концѣ концовъ всѣ несчастія происходятъ отъ уничтоженія (*anéantissement*) законодательной власти, которая была подчинена капризу одного посла, произносящаго *veto*... Начните же съ того, чтобы установить законодательную власть, и дайте ей силу, которой ничто не могло бы сопротивляться“ ³⁾). Указывая на конфедераціи, единогласіе и *liberum veto*, какъ на самыя характерныя польскія учрежденія, Мабли высказываетъ о нихъ такое мнѣніе: „такимъ образомъ, чтобы избѣжать тиранніи, ваша республика впала въ самую чудовищную анархію“ ⁴⁾). И въ *liberum veto*, и въ конфедераціяхъ онъ видитъ выгодныя стороны лишь потому, что само польское правленіе чудовищно: „это порокъ (*vice*), служащій палліативомъ противъ другаго порока“ ⁵⁾). Но недостаточно одной организаціи законодательной власти: нужно, продолжаетъ Мабли, „разрушить еще въ провинціяхъ духъ независимости и анархіи, который тамъ царствуетъ и который онъ ревниво оберегаетъ“ ⁶⁾). Авторъ затронулъ здѣсь ненормальныя отношенія, существовавшія въ Польшѣ между сеймомъ и сеймиками. Переходя

¹⁾ Ibid., 230—231.

²⁾ Ibid., 11 sq.

³⁾ Ibid., 12—13.

⁴⁾ Ibid., 17.

⁵⁾ Ibid., 31. Je n'ai pas étudié votre histoire, monsieur le comte, mais il me semble, qu'il suffit de connoître vos confédérations et votre *veto*, pour être convaincu que vous êtes dans la plus parfaite anarchie, 48.

⁶⁾ Ibid., 34.

въ вопросу о королевской власти, онъ остроумно замѣчаетъ, что планы для униженія короля возвысили министровъ, а противъ нихъ придумали „гражданскую войну“, то-есть, конфедерація ¹⁾. Самую королевскую власть онъ совѣтуетъ сдѣлать наследственной, указывая на подкупъ и застрачиванія, рѣшающіе выборъ королей. „Избраніе“, говоритъ онъ, — „ведетъ за собою дурное царствованіе, а дурное царствованіе подготавливаетъ ошибочное избраніе“. Но наследственному королю Мабли оставляетъ мало дѣйствительной власти ²⁾. Что касается до социальныхъ отношеній, то Мабли высказывается объ ихъ реформѣ очень осторожно, съ оговорками въ родѣ: „если возможно“, „нѣтъ времени думать о такихъ установленіяхъ“ ³⁾. Только о крѣпостномъ состояніи крестьянъ онъ говоритъ рѣшительнѣе ⁴⁾. Диссидентскій вопросъ даже совсѣмъ не былъ рассмотрѣнъ авторомъ. Мабли касается и разныхъ важныхъ подробностей государственной жизни, отмѣчая отсталость Польши въ весьма различныхъ отношеніяхъ. „Я слышалъ“, говоритъ онъ, — „отъ иностранцевъ, что полиція въ нашемъ отечествѣ не лучше татарской“ ⁵⁾. — „У васъ нѣтъ ни искусствъ, ни мануфактуръ, ни рабочихъ. Вы смотрите на евреевъ, какъ на своихъ рабовъ, а я уже бралъ на себя смѣлость утверждать, что они—господа Польши“ ⁶⁾. — „Пора, чтобы философія проникла наконецъ въ Польшу и изгнала изъ вашихъ университетовъ жалкую систему, болѣе опасную, чѣмъ невѣжество“ ⁷⁾. — „Войскъ теперь въ Польшѣ такъ же дурно устроены, какъ въ Европѣ три вѣка тому назадъ... Въ то самое время, какъ всѣ націи начали дисциплинировать своихъ солдатъ и воевать при помощи ученой методы, которой мы удивляемся у древнихъ, одна Польша не выходила изъ своего стараго варварства“ ⁸⁾. Мѣстами встрѣчаются у Мабли и далеко не лестныя мнѣнія о господствующемъ сословіи, то-есть, о

¹⁾ Ibid., 55.

²⁾ Ibid., 59—60. Любопытно, что Мабли находитъ слишкомъ много власти у англійскаго короля и пророчить парламенту гибель, 70, 72, 74, 113—114, 128—129. Онъ рекомендуетъ подражать шведамъ, 75, 77, 105, 292 (cf. у *Rousseau* въ сочиненіи, о которомъ ниже, такіе же отзывы объ Англіи, стр. 434, 439, 444, 446, 457, 470 и др.).

³⁾ *Mably*, 170, 171.

⁴⁾ Ibid., 231 sq.

⁵⁾ Ibid., 185.

⁶⁾ Ibid., 189.

⁷⁾ Ibid., 191.

⁸⁾ Ibid., 196—197.

шляхтѣ. „Что касается до меня“, говоритъ онъ,—„признаюсь вамъ, я не могу видѣть безъ нѣкотораго рода страха это многочисленное дворянство, властительное, хотя и униженное, то-есть, дерзкое, мстящее на народѣ за уничтоженіе, съ какимъ оно ползаетъ въ ногахъ вельможъ, коихъ оно ненавидитъ,—полное своихъ старыхъ предрасудковъ, незнакомое съ обязанностями гражданина“¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ сомнѣніе въ силѣ польскаго патриотизма²⁾). Предводителей барской конфедераціи онъ прямо обвиняетъ въ вербшительности и бездѣйствіи³⁾). Замѣчательна еще звучащая иногда нота вѣжливаго сомнѣнія въ томъ, что автору сообщали барскіе конфедераты, бывшіе не прочь, по видимому, прихвастнуть относительно возможности хорошаго оборота дѣлъ,—въ такомъ случаѣ Мабли оговаривается: „если только это правда, въ чемъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ“, „я готовъ вѣрить этому вмѣстѣ съ вами“ и т. д.⁴⁾), но сами эти оговорки очень плохо прикрываютъ сквозящее въ нихъ сомнѣніе.

Мабли не ограничился указаніемъ на явленія внутренняго разложенія Рѣчи Посполитой, онъ обратилъ вниманіе и на ея международное положеніе. Поляки, какъ мы видѣли, говорили, что Польша стоитъ безнадарьемъ, и это было вѣрно, по скольку каждая изъ сосѣднихъ державъ зорко наблюдала за тѣмъ, чтобы другія не поживились на счетъ слабаго польскаго государства. Въ соперничествѣ державъ шляхта видѣла гарантію своей безопасности, и такъ, дѣйствительно, было до поры, до времени. Авторъ разсматриваемаго трактата предостерегаетъ поляковъ отъ слишкомъ большой безпечности въ этомъ отношеніи, и его соображенія, касающіяся даннаго вопроса, стоить отмѣтить. „Я“, говоритъ онъ,—„хорошо это вижу, графъ: ваши соотечественники слишкомъ рассчитываютъ на силу равновѣсія, которое, по ихъ словамъ, управляетъ Европой и не позволяетъ, чтобы ихъ притѣсняли. Беру на себя смѣлость доказать вамъ, что эта политика равновѣсія не что иное, какъ химера“⁵⁾). Не свидѣтельствуетъ ли объ этомъ равнодушіе Европы къ несчастьямъ Польши? Если Россія

¹⁾ Ibid., 41. Другія подобныя характеристики шляхты, стр. 37, 125.

²⁾ Si j'osois le dire, cette indifférence des plus grands personnages de la république me persuaderoit que l'amour de la patrie n'est qu'un sentiment bien foible en Pologne, et qu'il n'a pas formé toutes ces confédérations qui se sont vantées de s'armer pour défendre la liberté. 118—119.

³⁾ Ibid., 310 sq.

⁴⁾ Ibid., 3, 7 и др.

⁵⁾ Ibid., 80.

сдѣлаетъ попытку подчиненія Польши, кто можетъ поручиться, что Европа будетъ въ состояніи этому воспротивиться? Пока Польша не можетъ быть по крайней своей слабости полезна своимъ союзникамъ, кто станетъ жертвовать за нее своими интересами? „Всякая нація, которая не можетъ держаться собственными силами, не будетъ вѣчно держаться силами своихъ союзниковъ“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Если мнѣ позволено свободно выразить свою мысль, я признаюсь, что меня удивляетъ, какимъ образомъ Польша уже не сдѣлалась провинціей Россіи“ ²⁾. Съ другой стороны, онъ указываетъ и на то, что „если Австрійскій домъ не воспользовался безпорядками польской анархіи, чтобы подчинить себѣ Польшу или, по крайней мѣрѣ, добиться въ ней вліянія, какимъ пользуется Россія, то Польша обязана этимъ только важнымъ дѣламъ, коими Австрія два вѣка была занята на югѣ Европы“ ³⁾. Мабли еще не предвидитъ опасности отъ Пруссіи и за союзъ съ нею—противъ Россіи, конечно,—совѣтуетъ уступить Прусскому королю кое-какія земли. Въ это время Екатерина вела первую свою войну съ Турціей: „Еслибы“, говоритъ Мабли,—„она окончила эту войну, принудивъ султана васъ покинуть, для Польши не осталось бы болѣе никакихъ ресурсовъ.... Вѣнскій и берлинскій дворы не суть ваши враги, какъ дворъ русскій; но они и не друзья ваши: до сихъ поръ не дѣлали вамъ ни добра, ни худа. Конечно, у нихъ есть свои причины любить вашу анархію: для нихъ такъ удобно имѣть подъ бокомъ сосѣда, котораго нечего бояться“ ⁴⁾. Вѣнскій дворъ онъ совѣтуетъ ублаготворить установленіемъ наслѣдственной короны и выборомъ пріятнаго ему лица на наслѣдственный польскій престолъ, а съ Прусскимъ королемъ „можно было бы вступить въ переговоры и купить его согласіе (на реформу), предоставивъ ему кое-какія земли, которыя будутъ для него подходящи и которыя вамъ самимъ никоимъ образомъ ненужны, чтобы образовать счастливую и уважаемую республику“ ⁵⁾.

Мемуаръ Мабли, написанный по просьбѣ барскихъ конфедератовъ⁶⁾, былъ сообщенъ гр. Вельгорскимъ многимъ лицамъ, которыя письменно

¹⁾ Ibid., 81.

²⁾ Ibid., 89.

³⁾ Ibid., 97—98.

⁴⁾ Ibid., 288.

⁵⁾ Ibid., 289.

⁶⁾ Peut-être, говоритъ Мабли въ первой части,—monsieur le comte, que la publication de ce mémoire que les confédérés m'ont fait l'honneur de me demander, ne seroit pas entièrement inutile. Ibid., 162.

сдѣлали на него замѣчанія. Послѣднія были переданы автору и возражая на нихъ, онъ написалъ вторую часть своего трактата., „Мнѣ кажется“, говоритъ Мабли,—„я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій, что очень часто ихъ авторы разсматриваютъ общее благо только по отношенію къ своимъ частнымъ интересамъ. Они судятъ о недостаткахъ и безпорядкахъ республики только по тому злу, какое испытали лично, либо по отношенію къ своимъ землямъ“¹⁾. Но это мимоходомъ. Укажемъ на главныя возраженія сдѣланныя аббату Мабли.

Прежде всего возстали противъ его мнѣнія, что польскій государственный строй-никуда не годится. Сущность этого возраженія сводилась къ тому, что „законы хороши, и что всѣ безпорядки, жертвою коихъ стала Польша, нужно приписать испорченности нравовъ“²⁾. Но откуда эта испорченность? По мнѣнію Мабли, она обусловлена въ концѣ концовъ все-таки худымъ законодательствомъ³⁾. Далѣе, одинъ изъ оппонентовъ находилъ, что Польша вовсе не нуждается въ общей реформѣ, что достаточно было бы частныхъ мѣръ, которыя проводились бы при случаѣ и по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ⁴⁾. Возразивъ противъ этой мысли по существу⁵⁾, Мабли совѣтуетъ пользоваться зарождающеюся среди поляковъ мыслью о крайнемъ несовершенствѣ ихъ политическаго быта и о необходимости реформы. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,—„еслибы урокъ, который получаетъ Польша, не былъ въ состояніи открыть ей глаза и излѣчить ее отъ ея предрасудковъ, нужно было бы согласиться, что только одна полная гибель будетъ въ состояніи научить поляковъ объ ихъ ошибкахъ“⁶⁾. Въ дальнѣйшемъ авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ болѣе частныя замѣчанія о королевскихъ прерогативахъ, о veto, о конфедераціяхъ, объ избирательности престола и т. д.

Мы оставили въ сторонѣ самыя совѣты Мабли полякамъ, хотя объ одномъ изъ нихъ—объ установленіи наследственной монархіи

¹⁾ Ibid., 238—239.

²⁾ Ibid., 239.

³⁾ Ibid., 240 sq.

⁴⁾ Ibid., 247.

⁵⁾ Tant que je n'aurai pas un plan fixé et arrêté de législation, comment jugerai-je que la loi que je porte aujourd'hui ne nuira pas à celle que je croirai important de publier demain? Ibid., 249.

⁶⁾ Ibid., 253. Ср. аналогичную мысль въ концѣ второй главы II части, стр. 246.

и пришлось упомянуть. Изложение этих совѣтовъ не входитъ въ нашъ планъ, по скольку цѣль наша—представить, какъ понимались въ разное время и разными лицами причины упадка Рѣчи Посполитой. Совѣты Мабли не внушили большого довѣрія тѣмъ, кто за ними къ нему обращался, и точно такое же предложеніе было сдѣлано въ 1771 году Руссо ¹⁾. Отвѣтомъ на это были его „*Considérations sur le gouvernement de Pologne*“. Къ анализу этого трактата мы теперь и приступимъ, выдѣливъ при этомъ изъ него все существенное для характеристики общаго взгляда Руссо на польскія дѣла и оставивъ въ сторонѣ какъ преподанные полякамъ совѣты, такъ и все, что относится къ политической философіи самого Руссо.

„Читая исторію польскаго правленія“—почти съ этихъ словъ начинается Руссо свои разсужденія—„съ трудомъ понимаешь, какимъ образомъ столь странно устроенное государство могло просуществовать такъ долго“ ²⁾. Не смотря на такое заявленіе, Руссо совѣтуетъ однако полякамъ держаться своей конституціи. „Храбрые поляки“, восклицаетъ онъ,—остерегайтесь! Какъ бы не испортить своего положенія изъ-за слишкомъ большого желанія блага. Думая о томъ, что вы хотите приобрести, не забывайте того, что вы можете потерять. Исправьте, если возможно, злоупотребленія своей конституціи, но не презирайте ее, сдѣлавшую васъ тѣмъ, чѣмъ вы есть“ ³⁾. Свое заявленіе о томъ, что нужно удивляться существованію Польши, Руссо объясняетъ гораздо дальше, именно въ началѣ III главы. „Польша“, говоритъ онъ здѣсь,—„государство большое, окруженное еще болѣе значительными государствами, которыя, благодаря своему деспотизму и военной дисциплинѣ, имѣютъ большую наступательную силу. Слабая, напротивъ, вслѣдствіе своей анархіи, она, не смотря на польскую храбрость, открыта со всѣхъ сторонъ для ихъ несправедливостей“ ⁴⁾.

Первымъ радикальнымъ недостаткомъ польскаго устройства Руссо считаетъ обширность территоріи Рѣчи Посполитой: республиканское правленіе не годится, по его теоріи, для большого государства. Объ этомъ можно было бы не упоминать, еслибы Руссо не высказалъ

¹⁾ *Джонъ Морлей*. Руссо. М. 1881. Стр. 441. Авторъ этой монографіи говорить, что въ „*Considérations*“ нѣтъ ничего такого, о чемъ стоило бы распространяться. Согласиться съ этимъ нельзя. Полное заглавіе: „*Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projetée*“. En avril 1772.

²⁾ Цитую по „*Oeuvres de J. J. Rousseau, citoyen de Genève*. Paris. 1793. Tome premier contenant la politique“. Приведенныя слова см. на стр. 404.

³⁾ *Ibid.*, 405. Cf. стр. 406.

⁴⁾ *Ibid.*, 412.

такой мысли, что Польшу полезно было бы обрѣзать: „быть можетъ“, говоритъ онъ, — „ваши сосѣди думаютъ оказать вамъ эту услугу. Это было бы, конечно, великимъ зломъ для отдѣленныхъ частей, но за то было бы громаднымъ благодѣяніемъ для остальной націи“¹⁾. Другой недостатокъ польскаго устройства—существованіе въ республикѣ трехъ чиновъ (короля, сената и рыцарскаго сословія), когда одна только шляхта (если ужъ не весь народъ) должна имѣть верховную власть²⁾. И это опять имѣетъ болѣе отношенія къ собственной политической теоріи Руссо, нежели къ польской дѣйствительности. Но вотъ мѣсто, гдѣ „женевскій гражданинъ“ прекрасно отмѣтилъ коренной недостатокъ польской конституціи. „Ослабленіе законодательства“, говоритъ онъ, — „произошло въ Польшѣ совсѣмъ особеннымъ и, можетъ быть, безпримѣрнымъ образомъ: дѣло въ томъ, что оно потеряло свою силу, не бывши подчинено исполнительной властью. Въ настоящую еще минуту законодательная власть сохраняетъ весь свой авторитетъ; она находится въ бездѣйствіи, но ничего не имѣя надъ собою. Сейму также принадлежитъ верховенство, какъ и во время его установленія, и однако онъ безсиленъ; ничто надъ нимъ не господствуетъ, но ничто ему и не повинуется (*rien ne la domine, mais rien ne l'obéit*). Это состояніе замѣчательно и заслуживаетъ размышленія“³⁾. Организациа исполнительной власти, которой не удалось въ Польшѣ подчинить себѣ власть законодательную, также имѣетъ крупныя недостатки. „Исполнительная власть, раздѣленная между многими лицами, лишена гармоніи между своими частями и производитъ постоянныя судороги, несогласныя съ хорошимъ порядкомъ. Каждый носитель части этой власти становится, въ силу этой части, во всѣхъ отношеніяхъ выше магистратовъ и законовъ. Правда, онъ признаетъ авторитетъ сейма, но признавая только его, когда сеймъ распущенъ, онъ не признаетъ въ сущности никакого; онъ презираетъ суды и бравируетъ ихъ приговоры. Каждый изъ нихъ есть маленькій деспотъ, который, не похищая верховной власти въ буквальномъ смыслѣ слова, не упускаетъ случая притѣснять по одиночкѣ гражданъ и даетъ пагубный, находящій слишкомъ много подражателей примѣръ нарушенія, безъ совѣсти и страха, правъ и свободы частныхъ лицъ“⁴⁾. Указываемъ на эти два мѣста, такъ какъ

¹⁾ Ibid., 428.

²⁾ Ibid., 429 sq. Въ этой же главѣ (VI) находится и знаменитое мѣсто объ освобожденіи крестьянъ.

³⁾ Ibid., 433—434.

⁴⁾ Ibid., 435.

въ нихъ вѣрно схвачены двѣ главныя особенности польскаго государственнаго строя, и обходимъ молчаніемъ предложенныя въ данныхъ отношеніяхъ Руссо реформы, чтобы перейти прямо къ сдѣланному имъ анализу причинъ господствующей въ Польшѣ анархіи. Этому вопросу онъ посвящаетъ IX главу. „Презрѣніе къ законамъ“, говоритъ онъ въ началѣ этой главы,—„и анархія, въ коихъ Польша жила доселѣ, имѣютъ бросающіяся въ глаза причины. Изъ нихъ я уже указалъ на главную прежде;... другія, содѣйствующія ей, причины суть: 1) *liberum veto*, 2) конфедерации и 3) злоупотребленіе частныхъ лицъ правомъ имѣть у себя на службѣ вооруженныхъ людей. Это послѣднее злоупотребленіе таково“, продолжаетъ авторъ,—„что если не начать съ его отміны, всѣ остальные реформы будутъ бесполезны. По сколько частныя люди будутъ имѣть возможность сопротивляться исполнительной силѣ, по столько они будутъ считать себя въ правѣ это дѣлать, а пока между ними будутъ маленькія войны, какъ хотите вы, чтобы государство пользовалось миромъ?“¹⁾ Что касается до *liberum veto*, то Руссо считаетъ его вовсе не дурнымъ установленіемъ, но „лишь только оно переступаетъ свою границу, оно дѣлается опаснѣйшимъ изъ злоупотребленій: оно представляло собою гарантію общественной свободы, но въ настоящее время оно только орудіе притѣсненія.“ По отношенію къ нему Руссо рекомендуетъ нѣкоторыя реформы²⁾. Столь же осторожно онъ относится къ конфедерациямъ, совѣтуя только ихъ упорядочить и находя, что когда всѣ злоупотребленія изчезнутъ, конфедерации сами собою сдѣлаются излишними³⁾. Мы могли бы привести еще мѣсто, гдѣ говорится о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, еслибъ оно не было болѣе характернымъ для самого Руссо, чѣмъ для пониманія имъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой.

Общее впечатлѣніе отъ отношенія Руссо къ польскимъ порядкамъ гораздо болѣе для нихъ благоприятное, нежели впечатлѣніе,

¹⁾ Ibid., 461. На это указывалъ и Мабли. Je vois avec chagrin, говоритъ онъ,—un vice énorme dans votre constitution. Je veux parler de ces espèces de souverainetés que se sont faites quelques seigneurs. Ils ont des forteresses, et y tiennent une garnison qui ne dépend que d'eux. Vos lois ont toléré cet abus, ou parce qu'elles ne pouvoient le réprimer, ou etc.... Mais la société est menacée des plus grands dangers quand un citoyen est assez fort par lui-même pour ne pas craindre la loi. O. c., 206.

²⁾ Rousseau, 462.

³⁾ Ibid., 466 sq.

какое оставляетъ по себѣ сочиненіе Мабли о томъ же предметѣ ¹⁾. Но и у него попадаются мѣста, какъ будто говорящія о безнадежномъ состояніи Рѣчи Посполитой. „Если“—сказано, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, — „если Польша дошла уже до того, что все въ ней продажно и развращено до корня, то напрасно она пытается реформировать свои законы и сохранить свою свободу; нужно, чтобы она отъ этого отказалась и склонила голову свою подъ иго“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, къ самому концу „*Considerations*“, Руссо говоритъ: „Ну, а если не смотря на храбрость и твердость конфедератовъ и не смотря на справедливость ихъ дѣла, счастье и всѣ державы ихъ оставляютъ и отдадутъ отечество его угнетателямъ..... Но я не имѣю чести быть полякомъ, и въ положеніи, въ какомъ вы находитесь, дозволяется подавать свое мнѣніе только своимъ примѣромъ“ ³⁾.

Только что указанное благоприятное отношеніе Руссо къ принципамъ польскаго политическаго строя находитъ объясненіе въ томъ, что въ немъ женевскій философъ видѣлъ какъ бы осуществленіе своей теоріи о народовластіи. Поэтому и въ польскомъ обществѣ Руссо сдѣлался очень популяренъ. „Руссо“, говоритъ Калинка, изслѣдовавшій его вліяніе на Польшу, — „приносилъ съ собою то, что находилъ у насъ, приходилъ къ своимъ, и свои его узнали. Было бы“, прибавляетъ онъ, — „любопытною и заманчивою вещью разсмотрѣться по-основательнѣе въ столь великомъ количествѣ сходныхъ чертъ между „Общественнымъ договоромъ“ Руссо и политическими парадоксами, которые высидѣлись въ шляхетскихъ головахъ въ эпоху нашей анархіи“ ⁴⁾. Приведши нѣкоторыя мѣста изъ „*Contrat social*“, польскій историкъ замѣчаетъ, что все это какъ бы политическій кодексъ изъ саксонскихъ временъ, и читая его, словно слышишь польскихъ сеймовыхъ пословъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Руссо требовалъ отъ единицы и абсолютнаго повиновенія государству ⁵⁾. Не смотря на все это, Руссо находитъ важные недостатки въ польской конституціи,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руссо критикуетъ политическіе совѣты Мабли, не называя, впрочемъ, ихъ автора. См. стр. 436, 451, 456, 522, 525.

²⁾ Ibid., 501.

³⁾ Ibid., 526. О трактатѣ Руссо см. статью *Pennella*, въ *Zft d. hist. Ge-sellsch. für d. Prov. Posen*, 1887, № 3.

⁴⁾ *Kalinka*. Sejm czteroletni. 1886. II, 411 (по 3 изд.).

⁵⁾ Ibid., II, 451. Калинка сгнаннымъ образомъ пропустилъ Мабли.

и то, что онъ говоритъ о слабости законодательной власти и о дурной организаціи власти исполнительной, совершенно вѣрно ¹⁾.

Третью категорію западно-европейскихъ писателей, которыхъ мы должны включить въ свой обзоръ, составляютъ первые историки раздѣловъ Рѣчи Посполитой, излагавшіе дѣло по устнымъ разсказамъ, газетнымъ извѣстіямъ, разнымъ публицистическимъ брошюрамъ и официальнымъ публикаціямъ и обсуждавшіе его съ точки зрѣнія наиболѣе распространенныхъ тогда взглядовъ ²⁾. Уже послѣ перваго раздѣла Польши на западѣ появилось нѣсколько сочиненій полупублицистическаго, полунсторическаго характера, имѣвшихъ значеніе въ свое время по своему вліянію на образованіе общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ относительно польскихъ дѣлъ, но въ настоящее время едва заслуживающихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что ихъ авторамъ иногда было достаточно нѣсколькихъ общихъ идей и общихъ мѣстъ, кое-какихъ отрывочныхъ знаній по исторіи Польши, да ходячихъ разсказовъ о томъ, что творилось съ этою страню, чтобы считать себя въ правѣ судить и ридить. Переходъ отъ этихъ писателей къ историкамъ XIX вѣка, писавшимъ о польскихъ раздѣлахъ на основаніи разработки архивныхъ матеріаловъ, представляютъ изъ себя два историка, сочиненія коихъ, не смотря на свой публицистическій характеръ, долгое время были чуть не единственными источниками по исторіи паденія Польши.

Я не думаю останавливаться подробно на многочисленныхъ пи-

¹⁾ Въ „Contrat social“ (кн. III, гл. VII) Руссо говоритъ, что раздѣленіе исполнительной власти на независимыя магистратуры, какъ въ Польшѣ, дурно: cette dernière forme est mauvaise, parce qu'il n'y a pas d'unité dans le gouvernement et que l'État manque de liaison.

²⁾ Въ первой главѣ нашего обзора были уже названы: 1) сочиненія объ этомъ предметѣ, изданныя поляками на иностранныхъ языкахъ, 2) иностранныя сочиненія, основанныя на польскихъ источникахъ, и 3) переводы съ польскаго (1) *Łojko, Komarzewski, Łobarzewski, Woyda* и др.; 2) *Jaubert, E. Glave* и т. п., 3) *Vom Entstehen und Untergange der polnischen Konstitution*, „Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution“ и пр.). Кромя того, во второй главѣ при разсмотрѣніи книги Делевея о царствованіи Станислава Августа приведены еще названія другихъ сочиненій, коими пользовался этотъ историкъ (*Wil. Coxe, Vioménil, Mehé, Zajączek, Pistor* и др.). Наконецъ, укажемъ на *Reise eines Liefländers von Riga nach Warschau*. Berlin. 1795—1797 (польскій переводъ изданъ въ Дрезденѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: *Polska w roku 1793 według podróży Fryderyka Szulca*). *Wraxall*. *Memoirs of the courts of Berlin, Dresden, Warsaw and Vienna in the years 1777—1779*. London. 1800.

саніяхъ прошлаго вѣка, посвященныхъ паденію Польши. Какъ исторической источникъ, они имѣютъ большею частью значеніе самое маловажное, а ихъ взгляды, не отличаясь ни глубиною, ни оригинальностью, и вліянія особеннаго не имѣли на позднѣйшую западно-европейскую историографію. Въ видѣ примѣра этой литературы можно привести здѣсь только кое-что. Прежде всего одинъ примѣръ того, съ какимъ плохимъ знаніемъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ брались иногда за обсужденіе польскихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой вышла въ свѣтъ на французскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ „Польша, какою она была, какова теперь и какою будетъ“¹⁾. „Событіе, о которомъ она повѣствуетъ, заслуживаетъ“, по словамъ ея автора, — „всеобщаго вниманія: оно показываетъ намъ, что можетъ сдѣлать сила и какимъ опасностямъ всегда подвержено слабое правительство“²⁾. Книжка представляетъ изъ себя очень бѣглый и поверхностный обзоръ польской исторіи и государственнаго устройства Рѣчи Посполитой; нѣсколько подробнѣе изложена исторія царствованія Станислава Понятовскаго, хотя и тутъ авторъ нерѣдко плохо знаетъ то, о чемъ пишетъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Екатерина вступилась „за польскихъ протестантовъ, которыхъ называютъ диссидентами“, и не упоминаетъ ни единымъ словомъ³⁾ о православныхъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что польская республика никогда не обижала протестантовъ, и если въ Европѣ была, говоритъ онъ, — нація вѣротерпимая, такъ это именно были поляки⁴⁾. Подобное утвержденіе является у автора вовсе не изъ желанія защитить поляковъ во что бы то ни стало, потому что вообще этого желанія въ книжкѣ незамѣтно, но просто авторъ былъ мало знакомъ даже съ самыми важными фактами польской жизни. Онъ самъ заявляетъ о своемъ безпристрастіи, и на дѣлѣ его размышленія надъ судьбами Польши отличаются спокойствіемъ. „Каждому философу“, — говоритъ онъ, — „который внимательно извѣщиваетъ то, что мы изложили и что произошло чуть не на нашихъ глазахъ, есть о чемъ

¹⁾ La Pologne, telle qu'elle a été, telle qu'elle est, telle qu'elle sera. 1775. A Varsovie et se trouve à Poitiers. Въ концѣ цензурное разрѣшеніе печатать, помѣченное изъ Парижа въ 1774 г. Сочиненіе это приписываютъ *Caraccioli* (1721—1803).

²⁾ Ibid., часть первая, стр. V.

³⁾ Ibid, II, 13. Ср. II, 21, 24 и др., гдѣ также рѣчь идетъ объ одномъ лютеранизмѣ.

⁴⁾ Ibid, III, 13.

туть поразмыслить, будетъ ли это непостоянство дѣлъ человѣческихъ или способъ умаленія и увеличенія государствъ“¹⁾. И входя въ обсужденіе факта съ точки зрѣнія политической, а не съ такой отвлеченной, авторъ по прежнему остается спокойнымъ²⁾. Значить, то, что можно было бы приписать сознательному искаженію истины, объясняется тутъ просто ея незнаніемъ.

Съ другой стороны, были, конечно, сочиненія и основательныя, но въ наше время они большею частью утратили свою цѣну, да и на ближайшихъ даже къ той эпохѣ историковъ не оказали особаго вліянія. Въ видѣ примѣра я укажу здѣсь на одно нѣмецкое изданіе, которое можно разсматривать, какъ ученый комментарий къ конституціи 3-го мая. Именно въ годъ костюшковскаго возстанія (1794 г.) вышла въ Вѣнѣ книжка Франца Иосифа Іекеля подѣ заглавіемъ „Изображеніе государственныхъ перемѣнъ въ Польшѣ“³⁾, заключающая въ себѣ краткую исторію государственнаго права Польши до конституціи 3-го мая включительно. Впослѣдствіи авторъ сдѣлалъ изъ этой книжки введеніе въ болѣе обширный трудъ, который вышелъ въ шести частяхъ въ 1803—1814 годахъ подѣ названіемъ „Исторія польскихъ государственныхъ перемѣнъ и послѣдней конституціи“⁴⁾. Все сочиненіе получило характеръ анализа конституціи 3-го мая 1791 г., по отношенію къ коему роль введенія играетъ именно болѣе ранняя работа; самый же анализъ ведется такъ, что каждая часть „устава правленія“ разсматривается съ исторической точки зрѣнія. Напримѣръ, первая статья конституціи 3-го мая посвящена религіи, и вотъ авторъ разсматриваетъ исторію религіи въ Польшѣ, то-есть, исторію католической церкви и иновѣрныхъ исповѣданій (вся вторая часть). Также разбираются статьи конституціи о шляхтѣ, городахъ, крестьянахъ (III часть), о правительствѣ и сеймѣ, вслѣдъ затѣмъ начинается описаніе Польши въ физическомъ отношеніи (IV часть), представляющее переходъ къ исторіи польской торговли (V и VI части). Конецъ такимъ образомъ не вполне подходитъ къ заглавію книги, такъ что послѣднія статьи конституціи остались не разобранными. Для насъ нѣкоторый интересъ можетъ еще представить первая часть

¹⁾ Ibid., II, 122.

²⁾ Ibid., II, 123 sq.

³⁾ *Franz Jos. Iekel*. Darstellung der Staatsveränderungen Pohlens. Wien. 1794.

⁴⁾ *Franz Jos. Iekel*. Pohlens Staatsveränderungen und die letzte Verfassung. Первые три части—1803 г., четвертая—1806 г., пятая и шестая—1814 г.

болѣе общаго содержанія, которая была выпущена въ свѣтъ въ 1794 г. Въ ней первые 9 параграфовъ разсматриваютъ польскую исторію до смерти Августа III, а послѣдній (17-й) заключаетъ въ себѣ самый уставъ правленія 3-го мая. Такимъ образомъ на исторію царствованія Станислава Августа приходится семь параграфовъ, занимающихъ около 50 страницъ. Эпиграфъ на заглавномъ листкѣ введенія гласитъ:

Ὅυκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη · εἰς κοίρανος ἔστω
Εἰς Βασιλεὺς,

—стихъ изъ Гомера, осуждающій многоначаліе во имя одного господина, одного царя. Самое однако содержаніе введенія имѣетъ чисто повѣствовательный и описательный характеръ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ два французскіе историческіе труда о польскихъ раздѣлахъ, долгое время, какъ было упомянуто, остававшіеся главными источниками, изъ коихъ черпали свои свѣдѣнія объ эпохѣ другіе историки ¹⁾).

Первое изъ этихъ сочиненій есть знаменитая „Исторія анархій въ Польшѣ и расчлененія этой республики“ Рюльера ²⁾). Прежде всего два-три слова объ авторѣ. Получивъ образованіе у іезуитовъ, онъ 25 лѣтъ отъ роду попалъ въ секретари французскаго посольства въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ съ небольшимъ годъ, какъ разъ во время переворота, доставившаго престолъ Екатеринѣ II. Возвратившись въ Парижъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ описаніемъ этого переворота (*Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'an-*

¹⁾ Lange Zeit hindurch beherrschten Rulhière und sein Fortsetzer Ferrand die Auffassung über die Genesis des Theilungsvertrages. *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Vorwort, III. Лелевель въ предисловіи къ 3 изд. *Rapowania Stanisława Augusta*, перечисляя сочиненія, коими пользовался, при указаніи на Феррана замѣчаетъ: dzieło najważniejsze, obejmujące ogół do końca, a poszytujące Rulhièra za swój wstęę. Кроме того, онъ особенно выдѣляетъ оба сочиненія изъ массы другихъ: w języku francuzkim najcenniejsze są do przytoczenia dzieła którgymi się Francuzi, a mianowicie Rulhière i Ferrand dziejom ostatnich czasów Rzeczypospolitej przysłużyli.

²⁾ *De Rulhière*. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. P. 1807. Ссылки дѣлаются у насъ по парижскому изданію 1819 г. въ четырехъ томахъ. Въ этомъ изданіи помѣщены еще: „notice historique sur la vie et les écrits de Rulhière“, „extrait de la discussion qui s'éleva dans le sein de l'Institut de France au sujet de l'Hist. de l'anarchie de Pol.“ и знаменитые *Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762*. Это сочиненіе было издано еще въ Парижѣ въ 1863 г. въ трехъ томахъ.

пое 1762), и ему былъ открытъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда можно было бы почерпнуть матеріалъ для заказанной ему исторіи польской анархіи. Эта исторія назначалась въ буквальный смыслъ *ad usum delphini* (въ 1768 г.). Ему хотѣли даже поручить секретную миссію въ Польшу, но дѣло не состоялось, и только черезъ восемь лѣтъ послѣ начала работы надъ польскою анархіею удалось Рюлеру побывать въ этой странѣ (1776 г.) и то въ качествѣ частнаго человѣка: онъ посѣтилъ Польшу, чтобы собрать кое-какія свѣдѣнія на мѣстѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ подготавливалъ Рюлеръ свою работу, и откуда онъ почерпалъ для нея матеріалъ: разборъ бумагъ министерства иностранныхъ дѣлъ и личныя сношенія съ французскими дипломатическими агентами на мѣстѣ должны были поставить его *au courant* всего, что творилось въ Польшѣ. Работая надъ своимъ историческимъ трудомъ двадцать-два года, онъ такъ-таки его и не окончилъ; изданъ же былъ этотъ трудъ только черезъ 16 лѣтъ послѣ смерти автора. Появленіе книги въ свѣтъ въ 1807 г. надѣлало много шума, который еще болѣе увеличился, когда во Французскомъ Институтѣ не хотѣли ей присудить одинъ изъ такъ называемыхъ „*grands prix décennaux*“, распределенныхъ въ 1810 году ¹⁾.

Все сочиненіе Рюлера о польской анархіи раздѣляется на пятнадцать „книгъ“, не имѣющихъ особыхъ заглавій ²⁾, но уже конецъ тринадцатой пришлось издателю возстановлять на основаніи оставшихся отъ автора замѣтокъ и набросковъ, такъ какъ самъ онъ не далъ окончательной обработки послѣдней части указанной книги; книги же XIV-я и XV-я существуютъ только въ видѣ краткихъ *résumés*, въ значительной степени принадлежащихъ перу издателя, такъ что,

¹⁾ См. вышеуказанный „*extrait de la discussion*“, занимающій въ изданіи 1819 г. около 125 стр. перваго тома (XLIII—CLXVI).

²⁾ Въ I книгѣ излагается вкратцѣ польская, а во II русская исторія до Августа II и Петра Великаго. III книга охватываетъ событія въ Россіи и въ Польшѣ съ начала царствованія Екатерины I до начала семилѣтней войны, IV доводитъ параллельный разказъ о русскихъ и польскихъ дѣлахъ до вступленія на престолъ Екатерины II, книга V—до смерти Августа III, книга VI—до избранія Станислава Понятовскаго, VII—до диссидентской конфедерации, VIII—до барской конфедерации, IX—до турецкой войны, книги X—XII обнимаютъ исторію этой войны и дальнѣйшихъ судебъ барской конфедерации, XIII посвящена австро-прусской политикѣ, XIV—продолженію разказа о барской конфедерации до похищенія короля, XV оканчивается первымъ раздѣломъ.

напримѣръ, сочиненіе оканчивается указаніемъ на событія 1794 г., которыхъ авторъ не могъ знать, такъ какъ умеръ въ 1791 году ¹⁾.

Рюльеръ описывалъ современныя ему событія, рассматривая ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, обусловливающимся и вліяніемъ на него тогдашняго общественнаго мнѣнія, и отношеніемъ къ Польшѣ со стороны Франціи. Своею цѣлью онъ прямо ставитъ изобразить „борьбу духа національной независимости противъ насилія чужеземнаго господства ²⁾“, и онъ не скрываетъ своего сочувствія къ полякамъ, тѣмъ болѣе, что системою правительства, коему онъ служилъ, было противодѣйствовать все болѣе и болѣе возроставшему вліянію Россіи на Рѣчь Посполитую. Отсюда его пристрастія, его симпатіи и антипатіи, идеализація польскихъ сторонниковъ Франціи и совсѣмъ иного рода отношеніе къ Станиславу Августу. Самая постановка вопроса внушена была Рюльеру его партійностью: при обсужденіи достоинствъ и недостатковъ его труда во французскомъ Институтѣ, извѣстный Дюпонъ де-Немуръ совершенно вѣрно замѣтилъ, что „главный недостатокъ его плана“ заключается въ принятіи слѣдствія за причину: „если ему вѣрить“, говорилъ этотъ академикъ,—„именно вліяніе Россіи породило анархію въ Польшѣ, тогда какъ, на оборотъ, сама польская анархія, предшествовавшая возвышенію Россіи, дала послѣдней и поводъ, и средства къ развитію этого вліянія, а затѣмъ стала вводить и другихъ сосѣдей въ искушеніе подобнаго рода“ ³⁾. „Когда“, говоритъ еще тотъ же критикъ,—„князь Радзивиллъ и его конфедерація обращаются къ покровительству сначала Россіи, а потомъ Турціи, еще болѣе опасному, такъ какъ войска послѣдней безъ всякой дисциплины производятъ гораздо болѣшія опустошенія, это происходитъ, по автору, изъ любви къ свободѣ, ради поддержанія старыхъ законовъ. Ихъ продажность, ихъ интриги, попытки, которыя дѣлаютъ въ Петербургѣ гр. Огинскій, ихъ раболѣпіе предъ иностранцами, у коихъ они вымаливаютъ помощь,—все это ему всегда кажется извинительнымъ. Онъ видитъ здѣсь только хорошія побужденія; онъ говоритъ о лицахъ, которыя такъ себя вели, какъ о гра-

¹⁾ Ainsi s'annonçaient, dès 1774, les envahissements nouveaux qui, vingt ans plus tard, devaient absorber la Pologne entière. IV, 253.

²⁾ Выраженіе издателя въ „notice historique“, т. I, стр. XX.

³⁾ Extrait du mémoire de M. Dupont de Nemours. Ibid., I, стр. LXI. Ниже мы приведемъ собственныя слова Рюльера, которыя находятся, по видимому, въ противорѣчій съ такимъ обвиненіемъ, но критикъ вѣрно передаетъ общій тонъ книги.

жданыхъ, исполненныхъ чести, высокихъ нѣмѣреній (d'élévation) и добродѣтели. Но если король Понятовскій или его дяди пользуются русскою мощью, чтобы помочь установленію еще лучшихъ законовъ, необходимыхъ даже для самаго существованія республики, онъ видитъ въ нихъ лишь интригановъ и деспотовъ. Если большинство поляковъ остается спокойнымъ, если конфедерации могутъ собрать только самыя незначительныя силы, это со стороны шляхты лишь необходимое благоразуміе, чтобы выждать болѣе благопріятное время, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Если, на оборотъ, король медлитъ, если онъ ждетъ, чтобы улеглись страсти и истинная любовь къ отечеству привела всѣхъ къ единственно полезнымъ законамъ, которые позволили бы націи возвратить свою прежнюю силу извнѣ и управлять внутренними дѣлами, Рюльеръ обвиняетъ его въ нерѣшительности и въ трусости, за привязанность къ этимъ законамъ и къ этимъ учрежденіямъ, предложеннымъ его дядями, принятымъ его разумомъ и его сердцемъ.... Рюльеръ вынужденъ согласиться, что законъ объ единогласіи и разрывъ сеймовъ однимъ голосомъ дѣлали невозможнымъ какое бы то ни было правленіе, и что обычай оставлять тѣ незначительныя финансы, какіе только были у поляковъ, въ произвольномъ распоряженіи великихъ казначеевъ и отдавать войска, притомъ безъ жалованія, на добрую волю великихъ гетмановъ—имѣлъ также весьма важныя неудобства. Но именно удерживаніе этого беспорядка онъ называетъ патриотизмомъ и добродѣтелью, а усилія помочь злу получаютъ у него названіе низости и тиранніи. Хотя онъ соглашается, что въ 1573 году совершенное равенство политическихъ правъ польской шляхты не было нарушено существованіемъ различія въ религіозныхъ мнѣніяхъ, и что сами католики подразумевались въ формулѣ: „inter nos de religione dissidentes“, тѣмъ не менѣе онъ порицаетъ не католиковъ за то, что они потомъ протестовали противъ отчужденія политическихъ правъ, которыми они такъ долго пользовались и которыя были столь согласны съ естественнымъ правомъ“¹⁾. Другой академикъ, также высказавшій свое мнѣніе о книгѣ, именно Левекъ, отмѣтилъ другую сторону пристрастнаго изложенія Рюльера. „Когда Рюльеръ писалъ, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что Россія находится на канунѣ своей гибели... Рюльеръ непремѣнно хочетъ, чтобы русскіе были трусы“²⁾ и т. п. Въ этомъ пристрастномъ отношеніи

¹⁾ Ibid., I, стр. LXII—LXIV.

²⁾ Extrait des observations de M. Levesque. Ibid. I, стр. LXXXV—LXXXVI.

къ Россіи упрекали автора еще при жизни, когда онъ читалъ зна-
комымъ отрывки изъ своей книги. Въ 1788 или 1789 г., напримѣръ,
академикъ Шабанонъ въ письмѣ къ Рюльеру говорилъ, между про-
чимъ, слѣдующее: „Позвольте мнѣ сдѣлать общее замѣчаніе. Вы всегда
изображаете русскихъ, какъ народъ подлый и достойный презрѣнія;
вы показываете у поляковъ больше благородства, величія, дѣятель-
ности; вы приписываете имъ патріотическія чувства и великую лю-
бовь къ свободѣ. Вы создаете среди нихъ великіе характеры, по
истинѣ равные характерамъ древнихъ республикъ. Между тѣмъ во
всемъ теченіи вашей исторіи, эти гордые и дѣятельные поляки на-
ходятся всегда подъ игомъ. Они всегда зависятъ отъ презрѣнныхъ
тиранновъ, которымъ вы ихъ порабощаете... Не боитесь ли вы воз-
можности упрека въ томъ, что вы провозгласили великихъ людей,
которые никогда ничего не дѣлаютъ, хотя и имѣютъ передъ собою
только трусовъ!“ ¹⁾ Сочувственный Рюльеру авторъ „Histoire des
trois démembrements de la Pologne“ соглашается съ тѣмъ, что въ
книгѣ, дѣйствительно, часто проявляется неблагоприятное чувство по
отношенію къ русскимъ. „Не менѣе вѣрно и то“, прибавляетъ онъ,—
„что, рассказывая долговременныя и достойныя слезъ несчастья поля-
ковъ, Рюльеръ, такъ сказать, отождествился съ ними и раздѣлялъ
чувство угнетенныхъ по отношенію къ ихъ притѣснителю“ ²⁾.—Раз-
смотримъ теперь самое содержаніе книги. На первыхъ же ея стра-
ницахъ ³⁾ Рюльеръ говоритъ о польской анархіи, что и понятно при
заглавіи сочиненія, имѣющаго, впрочемъ, болѣе богатое содержаніе,
нежели описаніе одной польской анархіи. Причины послѣдней, по
его словамъ, коренятся очень глубоко. „Послѣднія событія“, говоритъ
онъ,—„на которыя часть поляковъ сваливаетъ всѣ несчастья своего
отечества, были ея послѣдовательными симптомами (occasions), но не
суть ея настоящія причины. Всѣ эти бѣдствія имѣютъ болѣе глу-
бокіе корни, распространяющіеся, такъ сказать, подъ послѣдними
вѣками, такъ что еслибы судьба привела другія конъюнктуры, эти
печальныя сѣмена нашли бы какой-нибудь другой способъ дать

Наиболѣе вѣсныя замѣчанія о книгѣ Рюльера и о польскихъ дѣлахъ, имъ описы-
ваемыхъ, принадлежатъ Дюпонъ-де-Немуру.

¹⁾ Приведено въ Histoire des trois démembrements de la Pologne. P. 1820.
I. Avertissement, p. XI—XII.

²⁾ Ibid., I. Avertissement, IX. Объ этой книгѣ см. ниже.

³⁾ *Rulhière*, I, 5, 6.

ростки¹⁾). Описывая устройство этого государства, давно уже пришедшаго въ „совершенное почти разложеніе“²⁾, авторъ находить, что польская конституція, не имѣя въ себѣ ничего феодальнаго³⁾, была въ сущности тѣмъ же устройствомъ, какое мы встрѣчаемъ у варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію⁴⁾. „Таково“, говоритъ онъ,—„въ своей первой простотѣ древнѣйшее республиканское устройство, какое только существуетъ на землѣ, и мы можемъ въ немъ видѣть, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, первобытное состояніе почти всѣхъ новыхъ націй“⁵⁾. Это устройство впоследствии только подверглось измѣненіямъ, искажившимъ его сущность: Рюльеръ подробно останавливается на причинахъ этихъ измѣненій⁶⁾, приведшихъ съ другими условіями быта, особенно въ союзѣ съ католическимъ фанатизмомъ, какъ выражается авторъ, къ „единственной въ своемъ родѣ анархіи (anarchie singulière), которая, подѣ предложеномъ приданія конституціи непоколебимости, разрушила въ Польшѣ всю верховную власть (tout le pouvoir souverain), не оставивъ надежды ни для одной корпораціи и ни для одного гражданина когда-либо захватить эту власть въ свои руки“⁷⁾. Польша должна была остановиться въ своемъ развитіи: „если“, говоритъ Рюльеръ,—„Польша въ предыдущіе вѣка шла наравнѣ со всѣми другими государствами, она остановилась на той точкѣ, какой достигла, или вѣрнѣе—пошла вспять на нѣсколько вѣковъ“⁸⁾. Единственнымъ средствомъ что-либо сдѣлать хорошее, да и то паллиативнымъ и обоюдострымъ были конфедераціи⁹⁾. Частое срываніе сеймовъ сдѣлало Рѣчь Посполитую неспособною быть всегда наготовѣ противъ сосѣдей, честолюбіе коихъ стала привлекать къ себѣ столь богатая добыча¹⁰⁾. „Ничего подобнаго не случалось ни у одного народа“¹¹⁾. Подѣ влияніемъ

¹⁾ Ibid., I, 9.

²⁾ Ibid., I, 10.

³⁾ Ibid., I, 11 sq.

⁴⁾ Ibid., I, 14.

⁵⁾ Ibid., I, 19.

⁶⁾ Ibid., I, 21 sq. Эти причины: увеличеніе территоріи, установленіе представительныхъ сеймовъ, раздѣленіе дворянства на вельможъ и простую шляхту и новый духъ въ Рѣчи Посполитой послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ

⁷⁾ Ibid., I, 42.

⁸⁾ Ibid., I, 49.

⁹⁾ Un palliatif,..... dont le patriotisme et la tyrannie se soient servis tour à tour. I, 54.

¹⁰⁾ Ibid., I, 58.

¹¹⁾ Ibid., I, 62.

анархїи и характеръ польской націи искажился: „Благородная гордость поляковъ, ихъ великодушная увѣренность въ самихъ себѣ, отличавшая ихъ прежде, должны были необходимо измѣниться и выродиться... Прежде ихъ обвиняли въ легкомысліи, теперь ихъ начали обвинять въ вѣроломствѣ“ ¹⁾. Все это было на руку Россіи, для которой, по Рюльеру, съ Петра Великаго Рѣчь Посполитая сдѣлалась главною цѣлью честолюбія ²⁾, и „еслибы“, говоритъ онъ еще, — „русскій тронъ былъ болѣе долгое время занятъ однимъ изъ этихъ честолюбивыхъ государей, способныхъ хвататься за всѣ предлоги, какіе имъ только посылаетъ судьба, то, вѣроятно, фатальный періодъ Польши наступилъ бы уже тогда“, то-есть, при Петрѣ Великомъ ³⁾. Большинство поляковъ этого не понимало, видя даже въ своей анархїи „самую прекрасную систему правленія, какая когда-либо существовала на землѣ“. „Только очень небольшое число гражданъ чувствовало, что столь странное состояніе не можетъ продолжаться много времени, что не можетъ быть настоящаго благополучія для людей безъ защиты и что при первомъ же случаѣ республика падетъ въ великомъ смятеніи. Но даже въ этомъ числѣ нѣкоторые, удерживаемые боязнью причинить такое гибельное потрясеніе, еслибы сдѣлана была попытка реформы, охлаждали свой пылъ, не хотѣли рисковать какою-либо попыткой и предоставляли участь свою и отечества времени и фортунѣ. Другіе, болѣе рьяные и убѣжденные въ настоятельной необходимости предупредить неизбежныя иначе бѣдствія, не скрывали отъ себя того, что для успѣха въ такомъ великомъ и трудномъ предпріятіи имъ нужна была крайняя осмотрительность, что одна мысль о перемѣнѣ была бы въ глазахъ большей части націи преступленіемъ, и что сосѣднія державы для ускоренія гибели республики ухватились бы, какъ за предлогъ, за эти самыя реформы, какъ только онѣ стали бы вводиться“ ⁴⁾. Рюльеръ становится на сторону поляковъ, видѣвшихъ необходимость въ реформѣ, а въ какомъ направленіи должна была, по его мнѣнію, произойти эта реформа, можно усмотрѣть изъ того, что имъ говорится, между прочимъ, о безкорольѣ по смерти Августа III: „Въ это междуцарствіе, наступленія котораго ожидали самыя добродѣтельные граждане, чтобы легче исполнить

¹⁾ Ibid., I, 107—108. Cf. 184 sq.

²⁾ Ibid., I, 110.

³⁾ Ibid., I, 125.

⁴⁾ Ibid., I, 188—189.

задуманныя ими преобразованія, дѣло не могло уже ограничиваться, какъ въ предыдущія междуцарствія, удовлетвореніемъ нѣкоторымъ жалобамъ націи, исправленіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, вкравшихся при послѣднемъ королѣ. Было очевидно, что польскіе законы не соотвѣтствовали болѣе правамъ; нужно было установить совсѣмъ новое правленіе. Желаніемъ самыхъ мудрыхъ было изъять свое отечество изъ-подъ анархической власти дворянства, отмѣнивъ этотъ нелѣпный законъ объ единогласіи, но въ то же время спасти республику отъ всѣхъ опасностей деспотизма, установивъ національный совѣтъ для назначенія на всѣ должности“¹⁾).

Такъ понимаетъ Рюльеръ потребности Рѣчи Посполитой, и съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ Польшѣ вообще и въ поднятѣмъ Екатериною диссидентскомъ вопросѣ въ частности. „Эта государыня“, говоритъ онъ,—„видя, что Польша какъ будто сама подставляла шею подъ ярмо, что, ловко играя всѣми интересами и антипатіями, ей удалось всѣхъ поляковъ заставить повиноваться ея приказаніямъ,— эта государыня думала, что поляки дозволили себя ослѣпить до готовности охотно пожертвовать своею независимостью, что республикѣ предстояло подчиненіе, и что наступилъ моментъ самой сдѣлаться ея неограниченною госпожею. Какую славу“, продолжаетъ Рюльеръ,—„приобрѣла бы на самомъ дѣлѣ эта государыня, еслибы, дѣлая въ дѣйствительности то, что она дѣлала только по видимости, она оказала покровительство у сосѣдней и дружественной націи новому законодательству, ставшему необходимымъ, и къ этой прекрасной идеѣ не примѣшала всѣхъ противорѣчій, которыя его разрушаютъ? Какую выгоду она могла бы приобрести и для себя, еслибы, сдѣлавшись благодѣтельницей этой націи, всегда вѣрной трактатамъ, она привязала ее къ себѣ узами благодарности, не угрожая этимъ несчастнымъ республиканцамъ игомъ, которое они съ ужасомъ отталкивали и тяжесть котораго она уже давала имъ чувствовать, еще не успѣвъ его на нихъ наложить? Это великодушіе только послужило бы ея честолюбію. Лишь возстановляя былую свободу Греціи и сохраняя по отношенію къ ней кажущееся равенство, римляне сдѣлали ее своею данницею. Но Екатерина, вообразила, что она сдѣлается владѣлицей этой республики посредствомъ политики, которая была бы равносильна завоеванію: она задумала у націи, еще независимой, перемѣнить и ре-

¹⁾ Ibid., II, 122.

лигію (!), и законы, то-есть, все то, что ловкіе завоеватели, обладавшіе искусствомъ укрѣплять свое владычество, всегда уважали у покоренныхъ народовъ“¹⁾). Разсказавъ о репинскомъ рѣшеніи диссидентскаго вопроса, авторъ предается аналогичнымъ же размышленіямъ: „Если бы императрица дѣйствительно желала совершить дѣло, за которое хвалили ее эти философы, то, вмѣсто того, чтобы умножать злоупотребленія церковной власти, она уничтожила бы всѣ старыя злоупотребленія, на которыя жаловались сами поляки, когда нація сохраняла еще свои сеймы; она уменьшила бы всѣ тѣ узурпированныя права, которыя получилъ римскій клиръ, благодаря древнимъ суевѣріямъ: вотъ за что философы, слѣдуя своимъ правиламъ, могли бы ее хвалить. Но установить вооруженною рукою собственную свою религію (!) въ сосѣдней странѣ подъ предлогомъ вѣротерпимости; дать участіе ея священникамъ и ея дворянству въ чужой верховной власти вопреки самому духу религій, которымъ покровительствовала; сдѣлать ихъ столь же обременительными для государства, какъ и римскій клиръ, однимъ словомъ, умножить злоупотребленія религіи“,—за все это панегиристы Екатерины не должны были ее хвалить²⁾).

Немногія выписки, сдѣланныя нами изъ книги Рюльера показываютъ, что и этотъ писатель, впервыхъ, находилъ старое польское устройство никуда не годнымъ, восторыхъ, порицалъ политику раздѣловъ и, втретьихъ, не прочь былъ пометать о возрожденіи Польши. Его анализъ причинъ польской анархіи, не представляя для насъ ничего новаго и оригинальнаго, сравнительно съ мнѣніями на этотъ счетъ другихъ тогдашнихъ писателей, заслуживаетъ однако вниманія, потому что, при всемъ желаніи сдѣлать изъ своей исторіи апологію падавшей Рѣчи Посполитой, онъ не могъ не видѣть, въ чемъ заключается истинная причина политическихъ бѣдствій Польши. Въ данномъ случаѣ Рюльеръ выражалъ только общее мнѣніе о польской конституціи. То же выраженіе общаго мнѣнія представляетъ собою и осужденіе Рюльеромъ политики раздѣловъ, хотя въ послѣдней и ему самому, равно какъ и его современникамъ, не все было извѣстно хорошо и вполне ясно: говоря это, я имѣю въ виду невѣрное пониманіе сущности диссидентскаго вопроса, а еще болѣе—общее молчаніе публицистовъ и историковъ прошлаго столѣтія о томъ,

¹⁾ Ibid., II, 392—394.

²⁾ Ibid., II, 464.

что можно назвать русскимъ вопросомъ ¹⁾). Наконецъ, хотя Рюльеръ и не довелъ своего изложенія до тѣхъ временъ въ исторіи падавшей Рѣчи Посполитой, когда появились дѣйствительные признаки возможнаго, по крайней мѣрѣ, возрожденія націи, но онъ хочетъ въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ симпатичной ему партіи видѣть нѣчто такое, что заключало въ себѣ спасеніе Польши и даже его осуществило бы, еслибъ этому не препятствовали внѣшнія обстоятельства.

Продолжателемъ Рюльера явился Ферранъ, издавшій въ 1820 году въ Парижѣ „Исторію трехъ раздѣловъ Польши“ ²⁾). До извѣстной степени предшественникъ помогъ въ работѣ своему продолжателю, оставивъ ему значительное количество собраннаго и не обработаннаго еще матеріала ³⁾). Ферранъ издавалъ свою книгу уже послѣ того, какъ совершился послѣдній передѣлъ польскихъ земель на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г., а это обстоятельство дало ему поводъ въ предисловіи предупредить читателя, что его отношеніе къ польскимъ раздѣламъ прошлаго столѣтія отнюдь не распространяется на новый порядокъ вещей. „Справедливые упреки“, говоритъ онъ, — „которыхъ не могутъ избѣжать виновники трехъ раздѣловъ, падаютъ на старую политику, подготовившую, проведенную и окончившую это несправедливое дѣло. Справедливыя похвалы (homages), которыми слѣдуетъ покрыть современное состояніе того, что составляло прежнюю Польшу, касаются теперешней политики, и нѣтъ никого, кто не согласился бы съ тѣмъ, что эта политика обратилась къ выгодѣ разныхъ жителей разчлененныхъ провинцій. Стоитъ только вспомнить всевозможныя бѣдствія, удручавшія поляковъ въ прошломъ столѣтіи, особенно послѣ 1733 г., чтобы прійти къ тому заключенію, что они потеряли только свое прежнее политическое существованіе, которое было для нихъ лишь источникомъ раздора и несчастій и которое, можетъ быть, не могло бы никогда уллучшиться, среди препятствій, какія оно встрѣчало въ ихъ предразсудкахъ, ихъ привычкахъ и ихъ дурныхъ законахъ: теперь они приобрѣли существованіе, находящееся въ гармоніи съ государствами, часть коихъ они нынѣ составляютъ,

¹⁾ См. гл. V и VI нашего обзора.

²⁾ Histoire des trois démembrements de la Pologne pour faire suite à l'histoire de l'anarchie de Pologne par Rulhière, par l'auteur de L'esprit de l'histoire et de la théorie des révolutions. Paris. 1820. Ср. похвальные отзывы о Рюльерѣ на первыхъ страницахъ „avertissement“.

³⁾ Avertissement стр. V—VII.

и если ихъ новое существованіе упрочится, какъ все заставляетъ этого ожидать, полякъ, въ болѣе истинномъ смыслѣ свободный, не жели тогда, когда онъ безпрестанно говорилъ о свободѣ, будетъ въ состояніи, пользуясь выгодами, какія ему даетъ природа, оживить свое земледѣліе, бывшее всегда въ пренебреженіи, и наконецъ освободить свою торговлю отъ разорительной монополіи, какой подчинили ее еврей¹⁾. Мы привели это мѣсто, какъ бросающее свѣтъ на общій взглядъ автора. Впервыхъ, Ферранъ заявляетъ здѣсь, что онъ будетъ несочувственно относиться и къ самому дѣлу польскихъ раздѣловъ, и къ его виновникамъ. Ввторыхъ, онъ высказываетъ однако сомнѣніе относительно того, могла ли бы Польша придти къ лучшему политическому состоянію, предоставленная сама себѣ,—и не очень высоко ставить прежнюю польскую свободу, если не жалѣеть о ея потерѣ. Втретьихъ, для будущаго онъ рекомендуетъ полякамъ нѣчто такое, что напоминаетъ позднѣйшую программу „органической работы“ (pracy organicznej). По первому пункту авторъ даетъ намъ знать, что его трудъ былъ оконченъ за двѣнадцать лѣтъ до появленія его въ свѣтъ, но онъ находилъ тогда неполитичнымъ издавать сочиненіе, заключающее въ себѣ нападки на политику державъ, раздѣлившихъ Польшу, неполитичнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ исключить изъ книги разныя рѣзкости²⁾.

Сочиненіе Феррана, состоящее изъ трехъ томовъ, раздѣлено на введеніе, четырнадцать „книгъ“ и общій обзоръ всего содержанія. Во введеніи авторъ разсматриваетъ à vol d'oiseau всю польскую исторію, останавливаясь на концѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка. Въ первыхъ шести книгахъ (томы I и половина II) рассказывается исторія перваго раздѣла, седьмая заключаетъ краткое изложеніе всего происходившаго въ Турціи и Польшѣ со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и перваго раздѣла до 1788 г., книги VIII—XII³⁾ повѣствуютъ о сеймѣ 1788 г. и о второмъ раздѣлѣ, двѣ остальные посвящены костюшковскому возстанію и окончательному раздѣлу, и вездѣ авторъ слѣдитъ за дипломатическими и военными дѣлами, вліявшими на судьбу Польши. Въ заключительномъ обзорѣ подводятся итоги и высказываются общіе взгляды.

¹⁾ Avertissement, стр. XXVII—XXVIII.

²⁾ Avertissement, XXIV.

³⁾ Третій томъ начинается съ IX книги.

Въ краткомъ очеркѣ польской исторіи Ферранъ, по собственному признанію, слѣдовалъ, главнымъ образомъ, Солиньяку, автору известной исторіи Польши, доведенной до бѣгства Генриха Валуа ¹⁾. Но какъ разъ съ этой эпохи въ польскую политическую жизнь вошли новые принципы, которые придали Польшѣ особый характеръ среди другихъ государствъ Европы. Ферранъ слѣдитъ за измѣненіями въ польской конституціи, открывшими, какъ онъ выражается, „эру бѣдствій“ ²⁾, но, собственно говоря, въ его изложеніи польской исторіи нѣтъ ни одной сколько-нибудь оригинальной мысли, которую слѣдовало бы отмѣтить. Гораздо важнѣе заключеніе (recapitulation), занимающее около пятидесяти страницъ третьяго тома, такъ какъ здѣсь авторъ подводитъ итоги ³⁾. По представленію Феррана, и съ точки зрѣнія интересовъ „Европы“ Польша была „назначена“ предохранять „цивилизованную Европу отъ татарскихъ нашествій“ и отдѣлять ее отъ обширныхъ странъ, долгое время коснѣвшихъ въ варварствѣ ⁴⁾. Поэтому, говоритъ онъ,—послѣ Петра Великаго Европа должна была почувствовать необходимость „удержать Польшу, какъ охранительную плотину“, а этого можно было достигнуть, только предупреждая или успокоивая внутреннія польскія несогласія. Европа, однако, этого не сдѣлала ⁵⁾. Съ такой точки зрѣнія Ферранъ входитъ далѣе въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей европейской политики XVIII вѣка, указывая на то, что Франція имѣла даже и специальный интересъ поддерживать Польшу, которую хотѣла завладѣть Россія ⁶⁾. Среди полного мира беззаботность Европы дозволила совершиться первому раздѣлу Польши. Этотъ актъ, говоритъ Ферранъ,—„разложилъ Польшу, но еще ранѣе такого топографическаго разложенія Польша уже давнымъ-давно подверглась политическому и нравственному разложенію.

¹⁾ *Ferrand*, I, 2. Замѣчу кстати, что въ 1790 г. въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ появилась Continuation de l'histoire générale de Pologne par Mr. le chevalier de Solignac par les auteurs de la grande édition de Hollande de l'histoire universelle. Этотъ маленький томикъ заканчивается царствованіемъ Станислава Августа, доведеннымъ до 1774 г.

²⁾ *Ferrand*, I, 21.

³⁾ *Ibid.*, III, 549—602.

⁴⁾ *Ibid.*, III, 550.

⁵⁾ *Ibid.*, III, 551.

⁶⁾ Le premier projet de Catherine étoit de dominer seule dans la Pologne... Elle ne se décida au partage que subsidiairement. III, 552—553. См. вообще 552 sq. О Екатеринѣ ср. 577.

Первый шагъ въ политическомъ разложеніи она сдѣлала, когда изъ ревниваго недовѣрія къ власти ослабила свое правительство; вторымъ шагомъ было дозволеніе и даже желаніе, чтобъ иностранные принцы стремились стоять во главѣ этого ослабленнаго правительства. Наконецъ, правительство могло найти средства своего возстановленія въ сеймахъ, одушевленныхъ благими намѣреніями: Польша лишила себя и этого средства, или вѣрнѣе она легально себя противъ него вооружила, давая безумцу или интригану право разорвать или парализовать сеймъ. Свойство дурного правительства“, заключаетъ авторъ,—„деморализовать тѣхъ, которые ему подчинены“. Но, замѣчаетъ онъ, указавъ въ немногихъ словахъ на то, въ чемъ заключалась эта деморализація, — въ Польшѣ былъ еще національный духъ, и онъ послѣ воцаренія Станислава-Августа сдѣлалъ-было попытку уничтожить внутренніе безпорядки; попытка однако не удалась, ибо въ ней не было общаго плана, и притомъ безпорядки при поддержкѣ со стороны Россіи взяли верхъ ¹⁾. Далѣе авторъ излагаетъ дипломатическую сторону польскаго раздѣла, изображая его, какъ нѣчто, происшедшее противъ первоначальной мысли Фридриха II ²⁾, и перечисляетъ приведшія къ этому ошибки и Станислава-Августа (вступленіе его безъ малѣйшихъ правительственныхъ способностей на польскій престолъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ и съ иностранною помощію и всѣ слѣдствія этого факта) ³⁾, и Барской конфедераціи (отсутствіе осторожности, силы и общаго плана въ ея дѣйствіяхъ ⁴⁾, и самихъ державъ, дѣлившихъ Польшу, и наконецъ, всей Европы. Любопытны соображенія Феррана объ ошибкахъ державъ Австріи,—ея ошибка самая большая,—не слѣдовало переступать Карпаты ⁵⁾. Россія должна была думать о внутреннемъ преуспѣяніи и о господствѣ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, сохраняя неприкосновенность Польши, какъ оплота противъ Европы, и поддерживая ея слабость ⁶⁾. И Фридрихъ яко бы сначала былъ противъ раздѣла,

¹⁾ Ibid., III, 558.

²⁾ Ibid., III, 559 sq.

³⁾ Ibid., III, 563 sq. „Это—дѣльный обвинительный актъ противъ Станислава-Августа.“

⁴⁾ Ibid., III, 567 sq. Неосторожнымъ, хотя и легальнымъ, дѣломъ Ферранъ объявляетъ низложеніе Станислава-Августа.

⁵⁾ Ibid., III, 574—575.

⁶⁾ Ibid., III, 575 sq.

видя въ немъ для себя болѣе вреда, чѣмъ пользы ¹⁾. Ферранъ указываетъ также и на то, что и самимъ полякамъ не слѣдовало полагаться на соперничество державъ, какъ на гарантію ихъ политическаго бытія, тѣмъ болѣе, что предусмотрительные люди пророчили объ опасности ²⁾. Польша, говорить онъ, — „не имѣла силы сопротивляться вторженію трехъ державъ, и за это нельзя ее упрекать; но у нея не было силы и возстать противъ многочисленныхъ злоупотребленій, которыя готовили ея гибель. Была ли это безпечность или ослѣпленіе, — первой нельзя извинить, какъ нельзя понять и втораго“ ³⁾. По крайней мѣрѣ, первый раздѣлъ, говорить Ферранъ, — оказалъ благотвѣтельное вліяніе на національный духъ поляковъ. Начались реформы, которыя уже достигали цѣли, когда все дѣло было испорчено, какъ онъ выражается, измѣною того, кто указалъ на эту цѣль и способствовалъ ея достиженію. Тутъ-то, по его словамъ, и заключается интересъ сейма 1788 года: „въ этой революціи національный духъ стяжалъ всю славу успѣха, и позоръ неудачи его не коснулся“ ⁴⁾. Ферранъ восхваляетъ четырехлѣтній сеймъ и отказывается видѣть „въ презрѣнныхъ вождахъ тарговицкой конфедераціи“ людей, принадлежащихъ къ націи ⁵⁾. Революцію 1794 г. онъ считаетъ также дѣломъ національнаго духа, хотя послѣдній, по его словамъ, едва имѣлъ время въ ней вполне проявиться ⁶⁾. Послѣднія страницы книги заняты рассмотрѣніемъ отношенія державъ къ конституціи 3-го мая ⁷⁾ и общими разсужденіями моральнаго и политическаго свойства ⁸⁾. Нельзя и у Феррана не отмѣтить 1) признанія полной негодности старой польской конституціи, 2) порицанія раздѣловъ и 3)

¹⁾ Ibid., III, 578—579. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о нарушеніи относительно Польши державами „всего, что священно въ глазахъ цивилизованныхъ націй“, 583.

²⁾ Ibid., III, 580—582.

³⁾ Ibid., III, 582—583.

⁴⁾ Ibid., III, 585.

⁵⁾ Ibid., III, 586.

⁶⁾ Ibid., III, 587.

⁷⁾ Ibid., III, 591 sq.

⁸⁾ Отзывъ объ этомъ сочиненіи Костомарова въ спискѣ источниковъ его „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ (С.-Пб. 1886. I, стр. IV): „Въ высшей степени пристрастное сочиненіе съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложения“. Въ концѣ отдѣльныхъ книгъ помѣщены рѣсес justificatives, представляющія изъ себя часто лишь выписки изъ *Лейденской газеты*.

сочувствія въ возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, не смотря на всѣ сомнѣнія въ возможности для поляковъ улучшенія собственными силами. Для современной историографіи сочиненія Рюльера и Феррана можно назвать совершенно устарѣлыми ¹⁾, но, какъ было уже сказано въ началѣ ихъ разбора, обѣ книги долгое время были главными историческими трудами по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой.

¹⁾ См. напр. отзывъ *Beer'a*: Diesen Männern standen recht umfassende Hilfsmittel zu Gebote: mündliche Ueberlieferungen und schriftliche Aufzeichnungen. Dennoch waren sie nicht in der Lage, einen ganz richtigen Einblick in die Verhandlungen zu gewähren und die vielfach verschlungenen Fäden vollständig zu entwirren. Die ihnen zur Verfügung stehenden Quellen waren bloß secundärer Natur. In vielen Punkten streifen sie hart an die Wahrheit, ohne jedoch in's Schwarze zu treffen. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Предисловіе, стр. III.

ГЛАВА IV.

Западно - европейскія историческія сочиненія о паденіи Польши.

Въ этой главѣ, которая съ предыдущею составляетъ особую часть нашего критико-библиографическаго обзора исторической литературы о паденіи Польши, мы рассмотримъ главнымъ образомъ западно-европейскія историческія сочиненія объ этомъ событіи, составившіяся на основаніи преимущественно архивныхъ источниковъ и отражавшія на себѣ политическія идеи, которыя по польскому вопросу выработались уже въ XIX вѣкѣ. Въ заключеніе мы коснемся постановки вопроса о паденіи Польши въ литературѣ международнаго права.

Сочиненія, о коихъ будетъ идти рѣчь, принадлежать почти исключительно литературамъ французской и нѣмецкой. Еще въ прошломъ столѣтіи французскіе писатели, какъ мы видѣли, интересовались польскими дѣлами отчасти по той связи, какая существовала между французскою и польскою политикою. Послѣ революціи 1789 года и паденія Рѣчи Посполитой эта связь принимала новыя формы (участіе поляковъ въ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнахъ, вліяніе іюльской революціи на Царство Польское и отношеніе Франціи въ эпоху іюльской монархіи къ польскому вопросу и т. д.), что поддерживало во Франціи извѣстнаго рода интересъ къ польскимъ дѣламъ. Значеніе французскаго языка, какъ международнаго, дипломатическаго также не мало содѣйствовало тому, что на этомъ языкѣ появилось многое, имѣющее отношеніе къ паденію Рѣчи Посполитой: по французски были составлены дипломатическіе документы, относящіеся къ дѣлу; по французски удобнѣе всего могли обрабатываться и сочиненія

основанныя на такихъ документахъ¹⁾. Что касается до нѣмецкой историографіи, то для нея паденіе Польши имѣло особый національный интересъ. Исторія Саксоніи въ XVIII и началѣ XIX вѣка находилась въ непосредственной связи съ исторіей Польши (польскіе короли изъ Саксонской династіи, предложеніе наследственной польской короны саксонскому курфюрсту по конституціи 3-го мая, образованіе Наполеономъ Варшавскаго герцогства, отданнаго саксонскому королю). Пруссія участвовала во всѣхъ трехъ польскихъ раздѣлахъ, а Австрія— въ первомъ и третьемъ. Поэтому въ государственныхъ архивахъ Дрездена, Берлина и Вѣны накопился богатый матеріалъ по польскимъ дѣламъ прошлаго вѣка, и нѣмецкіе историки, рассказывая вообще исторію своего общаго отечества, а въ частности исторію Австріи, Пруссіи или Саксоніи, не могли не касаться исторіи Польши. Самый фактъ паденія Рѣчи Посполитой и отдѣльно долженъ былъ сдѣлаться особымъ предметомъ ихъ вниманія, при чемъ они не только обнаружили стремленіе подыскать оправданіе для совершившагося факта²⁾, но даже не скрыли своей тенденціи специально оправдать въ этомъ

¹⁾ Кромѣ указанныхъ выше сочиненій *Рюльера* и *Феррана*, см. названныя ниже книги *Сенора* и *Віомениля* и т. д. Кромѣ того: *Monier*. Histoire de Pologne jusqu'à 1795. Paris. 1807. *Flanagan*. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. Paris. 1809. *De Saint-Priest*. Le partage de la Pologne (*Revue des deux mondes*. 1849), а также *Études politiques et littéraires*. Paris. 1850. *Jarry de Mancy*. Tableau historique des révolutions de Pologne de 1764 à 1832. P. 1832. *Kurzweil*. Idée de la république de Pologne et son état en 1768. P. 1840. *Bratkowski*. Scènes de la révolution polonaise. Avignon. 1822. *Brougham*. Précis historique du partage de la Pologne. Marseille et Paris. 1831 (переводъ съ англійскаго). *Comte d'Angeberg*. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. Paris. 1862. *Jullien*. Notice biographique sur T. Kosciuszko P. 1818. *Michelet*. Légende de Kosciuszko. P. 1851.

²⁾ „Пруссія и Польша не могли существовать рядомъ; одна изъ нихъ должна была пасть. Было въ намѣреніяхъ Провидѣнія, чтобы это случилось съ славянскимъ народомъ. Это не извиняетъ и еще менѣе того оправдываетъ средства, коими пользовались дѣлвшія Польшу державы, но это должно примирить насъ съ результатомъ“. *Stenzel*. Geschichte des preussischen Staats, II, 165. „Благодаря этому не только были поставлены въ непосредственную связь Померанія и восточная Пруссія, но то, что было получено, было главнѣйшимъ образомъ (zum überwiegenden Theil) старой нѣмецкой землей съ городами нѣмецкой культуры и нравовъ, и польскіе дистрикты также имѣли населеніе смѣшанное съ нѣмцами, такъ что можно было надѣяться создать здѣсь лучшее состояніе, нежели то, которое могло создаться при анархическомъ хозяйничаньи“. *Eberty*. Geschichte des preussischen Staats. Breslau. 1870. V, 163.

дѣлъ прусскую или австрійскую политику. Напримѣръ, прусскіе историки, по словамъ одного изъ новыхъ изслѣдователей перваго польскаго раздѣла, всегда старались снять съ Фридриха II обвиненіе въ томъ, что онъ былъ главный виновникъ перваго польскаго раздѣла ¹⁾. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве между прочимъ потому, что въ литературѣ, о которой идетъ рѣчь, вопросъ о томъ, „это былъ главнымъ виновникомъ“, играетъ чуть не самую важную роль ²⁾, и это до извѣстной степени опредѣляетъ интересъ, какой могутъ представлять многія нѣмецкія книги о паденіи Польши. Мы однако думаемъ обратить въ своемъ обзорѣ главное вниманіе не на это, а на то, какъ понимали нѣмецкіе историки причины паденія Польши, и въ какомъ смыслѣ они явились выразителями нѣмецкихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ въ польскомъ вопросѣ конца прошлаго столѣтія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ приступить къ обзору отдѣльныхъ сочиненій и изданій, хотя, конечно, нѣтъ никакой возможности рассмотреть здѣсь всѣ книги и статьи, въ которыхъ только говорится о паденіи Польши: еслибы мы взяли на себя такую задачу, намъ пришлось бы перебрать всѣ всеобщія исторіи, отдѣльныя исторіи Пруссіи и Австріи, монографіи о Фридрихѣ II и пр. и пр. Въ своемъ выборѣ мы будемъ руководиться тѣмъ соображеніемъ, что дѣло идетъ главнымъ образомъ о самой Польшѣ, а не о международныхъ отношеніяхъ второй половины XVIII вѣка, не о прусской политикѣ въ польскихъ раздѣлахъ, не о дипломатическомъ искусствѣ Фридриха II и другихъ подобныхъ предметахъ. Въ такомъ случаѣ приходится говорить преимущественно о трудахъ, которые вышли въ свѣтъ только во второй половинѣ XIX вѣка, такъ какъ только около середины этого столѣтія стали открываться для историковъ разные архивы и писаться историческія книги, основывавшіяся не на простомъ слѣдованіи традиціямъ старыхъ взглядовъ.

Общій тонъ прусскимъ историкамъ, писавшимъ о польскихъ раздѣлахъ, былъ данъ самимъ Фридрихомъ II, который рассказываетъ о первомъ раздѣлѣ въ своихъ „Мемуарахъ отъ 1763 по 1775 г.“ ³⁾.

¹⁾ *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. Т. I, стр. VI. См. ниже.

²⁾ Cf. *Von der Brüggen*. Polens Auflösung. Leipzig. 1878. Стр. 2.

³⁾ *Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg 1763 jusqu'à la fin du partage de Pologne*. Oeuvres posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. Berlin. 1788. Т. V. Второе изданіе въ VI т. Oeuvres (Berlin. 1847). Изъ перваго изданія были вы-

Другимъ для нихъ „источникомъ“ былъ рассказъ принца Генриха Прусскаго, находящійся въ „Запискахъ и воспоминаніяхъ“ Сегюра, „Письмахъ о польскихъ дѣлахъ“ Виоменила ¹⁾ и извѣстномъ сочиненіи Феррана, дающаго выдержки изъ бумагъ Рюльера. На основаніи этихъ данныхъ и были составлены первыя прусскія публикаціи. Въ 1810 г. графъ фонъ-Гёрцъ, бывшій прусскимъ посланникомъ въ Петербургъ въ послѣднія семь лѣтъ царствованія Фридриха II, издалъ въ Веймарѣ „Мемуары и подлинныя акты, касающіеся раздѣла Польши, извлеченные изъ портфеля бывшаго министра“ ²⁾. За нимъ слѣдовалъ Домъ (Dohm), сначала архивариусъ, впослѣдствіи дипломатической агентъ въ Касселѣ и Дрезденѣ, авторъ „Достопамятностей своего времени“, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1814 году ³⁾. Далѣе извѣстенъ еще бывшій парижскій книгопродавецъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи довѣреннымъ лицомъ князя Гарденберга и чиновникомъ прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, по фамиліи Шёлль, издатель „Сокращенной исторіи мирныхъ договоровъ“, увидѣвшей свѣтъ въ 1838 году ⁴⁾. Данныя, заключающіяся во всѣхъ этихъ изданіяхъ, можно считать устарѣлыми послѣ того, какъ были подвергнуты строгой критикѣ ⁵⁾, и открыты были архивы, хранившіе въ себѣ документы, прежде неизвѣстные. Первымъ писателемъ, пользовавшимся прусскимъ матеріаломъ (изъ архива прусскаго посольства въ Петербургѣ) для спеціальной монографіи о паденіи Польши, былъ Курдъ фонъ Шлёцеръ, авторъ изданнаго въ 1859 г. сочиненія о „Фрид-

пущены нѣкоторыя мѣста, о чемъ см. замѣтку *Георга Вайма* въ *Göttinger Gelehrte Anzeig.* за 1850, стр. 705. Укажу еще на изданіе *Герибера* *Recueil de déductions, manifestes, déclarations etc., qui ont été rédigés et publiés par la cour de Prusse depuis 1756 jusqu'en 1790.* Berlin. 1789—1791. Есть документы, касающіеся Польши.

¹⁾ *Mémoires et souvenirs de Ségur.* Кроме того, см. того же автора *Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et Louis XVI* (Paris. 1824) и *Décade historique en tableau polit. et hist. de l'Europe depuis 1786 jusqu'en 1796.* P. 1834.—*Viomenil.* *Lettres sur les affaires de Pologne.* Paris. 1804. (*Grinward.* *Lettres particulières du baron de Viomenil sur les affaires de Pologne de 1771 et 1772 etc.*.)

²⁾ *Gr. von Görtz.* *Mémoires et actes authentiques relatifs au partage de Pologne, tirés du portefeuille d'un ancien ministre.* Weimar. 1810.

³⁾ *Von Dohm.* *Denkwürdigkeiten meiner Zeit.* Lemgo. 1814. См. I, 433—514.

⁴⁾ *Histoire abrégée des traités de paix* par C. G. Koch, ouvrage refondu, augmenté et continué par *Fr. Schöll.* Bruxelles. 1838.

⁵⁾ См. особенно *Fr. de Smitt.* *Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne.* Paris. 1861. Объ этой критикѣ у насъ ниже.

рихъ Великомъ и Екатеринѣ II¹⁾, но онъ былъ довольно скупъ на выдержки и не исчерпалъ всего матеріала. Какъ бы то ни было только въ срединѣ нынѣшняго столѣтія стали пользоваться прусскими архивными источниками по исторіи паденія Польши, но нельзя не отмѣтить того, что одинъ изъ первыхъ, кому сдѣлался доступнымъ этотъ матеріалъ, отнесся къ дѣлу очень тенденціозно, стремясь обдѣлать Фридриха II²⁾.

Кромѣ прусскихъ архивовъ, для исторіи паденія Польши важный матеріалъ заключается въ архивахъ англійскомъ, французскомъ, саксонскомъ, русскомъ, ватиканскомъ и австрійскомъ, хотя, конечно, для дипломатической исторіи эпохи особенно важны лишь архивы державъ, дѣлившихъ Польшу. Ранѣе всего сдѣланы значительныя поиски въ архивахъ Англии и Франціи (Раумеръ), затѣмъ въ саксонскомъ (Германнъ); потомъ одновременно почти опубликованы были документы прусскіе и русскіе (Смитъ и Соловьевъ), и уже довольно поздно явились сочиненія, написанныя на основаніи документовъ ватиканскаго архива (Янссенъ) и на основаніи австрійскихъ источниковъ (Бееръ). Въ такомъ порядкѣ мы и рассмотримъ эту литературу, останавливаясь, главнымъ образомъ, на общихъ взглядахъ авторовъ, въ силу чего, напримѣръ, изъ историковъ, писавшихъ съ прусской точки зрѣнія, особаго вниманія заслуживаетъ Зибель. Изъ авторовъ, пользовавшихся русскими архивами, въ этой главѣ мы остановимся только на одномъ Фридрихѣ фонъ-Смиттѣ, нѣмецъ по происхожденію, такъ какъ русскіе историки будутъ разсматриваться въ особой главѣ.

Въ 1839 г. въ Лейпцигѣ были изданы извѣстнымъ историкомъ Фридрихомъ фонъ-Раумеромъ пять томовъ, подъ заглавіемъ „Добавленіе къ новѣйшей исторіи изъ британскаго и французскаго государственныхъ архивовъ“, и послѣдніе три тома были озаглавлены— „Европа съ конца семилѣтней войны до конца войны американской“³⁾

¹⁾ *Kurd von Schlözer*. Friedrich der Grosse und Catharina die Zweite. Berlin. 1859.

²⁾ См. разборъ этого сочиненія въ соч. *Smitt*. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Supplément, стр. 2 и слѣд., особенно стр. 17 и слѣд. Кромѣ того, разборъ книги *Kurd von Schlözer*'а былъ сдѣланъ *Георгомъ Вайцемъ* въ *Hist. Zeitschrift Zibella*, Bd. III, 1—15 (подъ заглавіемъ *Preussen und die erste polnische Theilung*).

³⁾ *Fr. von Raumer*. Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges (1763 — 1783). Leipzig. 1839. Три части, которыя съ двумя предыдущими называются *Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen und französischen Reichsarchive*. Онъ ссылагается (I, 315) на болѣе раннее свое сочиненіе „*Polens Untergang*“, которое мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Въ этихъ трехъ томикахъ есть значительные отдѣлы, посвященные Польшѣ ¹⁾, но они даютъ мало для исторіи перваго раздѣла, такъ какъ англійскіе и французскіе дипломаты были совсѣмъ далеки отъ настоящаго знанія секретныхъ переговоровъ Россіи, Австріи и Пруссіи. За всѣмъ тѣмъ однако приводятся весьма длинныя выдержки изъ дипломатическихъ депешъ, изъ коихъ мы узнаемъ взгляды ихъ авторовъ на польскія дѣла, разные слухи и т. п. ²⁾, а также и самъ Раумеръ высказываетъ свои соображенія, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются если не новизною самой мысли, то мѣткостью въ ея выраженіи ³⁾. Конецъ шестой главы занятъ въ книгѣ обзоромъ польской конституціи, и здѣсь Раумеръ съ теоретической точки зрѣнія довольно подробно обсуждаетъ одинъ изъ ея пунктовъ—избирательность престола ⁴⁾. Диссидентскій вопросъ также разобранъ Раумеромъ довольно обстоятельно во многихъ мѣстахъ, при чемъ подробности онъ заимствуетъ изъ своихъ архивныхъ источниковъ; кромѣ того, онъ и теоретически рѣшаетъ въ одномъ мѣстѣ вопросъ о значеніи государственной религіи вообще ⁵⁾. О русско-польскихъ политическихъ отношеніяхъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка равнымъ образомъ авторъ говоритъ въ очень многихъ мѣстахъ, приходя къ тому общему взгляду, что безъ вмѣшательства Австріи и Пруссіи Россія дѣлалась неограниченною повелительницею Польши ⁶⁾. Первыя двѣ державы на это согласиться не могли, и имъ предстояло выбирать между открытою войною или тайнымъ соглашеніемъ ⁷⁾. Такого рода соображеніемъ начинается Раумеръ главу, которая называется: „Раздѣлъ Польши“. Ставя вопросъ о степени виновности

¹⁾ Изъ 44 главъ на долю Польши приходится цѣликомъ или частью четырнадцать главъ (преимущественно во II томѣ), а именно 6, 8, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 28.

²⁾ См., напримѣръ, I, 316 sqq. Въ одной депешѣ 1763 г. говорится о слухѣ, что Россія и Пруссія собираются раздѣлить между собою часть польской территоріи.

³⁾ См., напримѣръ, въ краткомъ обзорѣ польскаго государственнаго права небольшое замѣчаніе: so war in Polen die Freiheit des Volkes den Vorrechten eines Standes geopfert; und diese Vorrechte eines Standes wiederum der Willkür eines Einzelnen preisgegeben. Ibid., I, 367.

⁴⁾ Ibid., I, 369—376,

⁵⁾ Ibid., II, 115 sqq. Вообще теоретическихъ разсужденій много въ книгѣ: über historische und wissenschaftliche Politik (II, 426 sq.), Verantwortlichkeit der Herrscher (II, 442 sq.) и др.

⁶⁾ Ibid., II, 418.

⁷⁾ Ibid., II, 489.

отдѣльныхъ державъ, авторъ замѣчаетъ, что важно не то, кто первый задумалъ раздѣлъ или о немъ заговорилъ, а то, кто первый создалъ возможность или необходимость раздѣла. Наибольше виновною передъ нимъ оказывается Россія, постоянно вмѣшивавшаяся въ польскія дѣла, сѣявшая въ странѣ смуту, тиранизировавшая націю; наименѣе виновною — Австрія. Правда, болѣе всего содѣйствовалъ раздѣлу Фридрихъ II, говоритъ Раумеръ,—но у него на это были особенныя основанія. Нашъ историкъ думаетъ, что по окончаніи турецкой войны Россія получила бы, кромѣ турецкихъ провинцій, и всю Польшу, а потому раздѣлъ русскимъ долженъ былъ не нравиться и они на него согласились только, угрожаемые австро-прусскимъ союзомъ ¹⁾. Притомъ Фридриху для округленія и безопасности его государства Западная Пруссія была нужнѣе, чѣмъ русскимъ Полоцкѣ и Могилевъ или Австріи—Галиція ²⁾. Самая же большая вина выпадаетъ на долю самихъ поляковъ ³⁾. Въ своемъ разсказѣ о первомъ польскомъ раздѣлѣ Раумеръ придаетъ особое значеніе „вновь открытымъ источникамъ“ ⁴⁾, но историки, писавшіе на основаніи матеріаловъ прусскихъ, русскихъ и австрійскихъ, имѣли полное право замѣтить, что Раумеръ преувеличилъ это значеніе: англійскіе и французскіе дипломаты не были посвящены въ тайну переговоровъ ⁵⁾. Позднѣйшія публикаціи устранили многое изъ того, что Раумеру казалось важнымъ, общими же соображеніями его сочиненіе довольно бѣдно ⁶⁾.

Такой же матеріалъ,—донесенія дипломата, стоявшаго далеко отъ переговоровъ, которые привели къ первому раздѣлу Рѣчи Посполитой,—положенъ и въ основу историческаго сочиненія, вышедшаго изъ саксонскаго государственнаго архива, хотя въ донесеніяхъ этихъ много любопытнаго и важнаго для внутренней исторіи Польши, что, конечно имѣетъ значеніе особаго достоинства, а не недостатка. Мы имѣемъ здѣсь въ виду нѣмецкую исторію Россіи Германна ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., II, 544—545. Weil die Russen gern das Ganze hinwegnehmen oder doch beherrschen wollten, konnte ihnen allerdings eine Theilung nicht willkommen seyn. II, 545.

²⁾ Ibid., II, 545.

³⁾ Ibid., II, 546 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 552.

⁵⁾ Cp. *Smitt. Frédéric II etc.*, 39—40.

⁶⁾ Cp. *Raumer. Le démembrement de la Pologne*, traduit en français par *Ch. de Forster*. 1877.

⁷⁾ *Hermann. Geschichte des russischen Staats*. V Band (Hamburg 1853), VI.

Польскимъ дѣламъ эпохи раздѣловъ посвящены у Германна значительные отдѣлы томовъ V, VI и дополнительнаго, появившихся въ свѣтъ въ 1853, 1860 и 1866 годахъ ¹⁾, и другіе историки, писавшіе объ этой эпохѣ, находятъ многое интереснымъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ архивовъ, хотъ его извѣстія собственно о переговорахъ относительно раздѣла Польши весьма неважны ²⁾. Впрочемъ, Германнъ въ VI томѣ пользуется уже документами лондонскаго State Paper Office и двухъ берлинскихъ архивовъ—тайнаго и архива генеральнаго штаба ³⁾. Авторъ—разсказчикъ, добросовѣстно передающій свой матеріалъ, но весьма скупой на разсужденія относительно описываемыхъ событій, хотя на основаніи своего матеріала онъ и относится критически къ прежнимъ мнѣніямъ. Напримѣръ, въ шестомъ томѣ онъ поднимаетъ вопросъ о томъ, что дѣлалось въ Польшѣ въ періодъ отъ 1773 до 1788 г. Общее мнѣніе польскихъ писателей, равно какъ и французскихъ, утвердившееся и у нѣмецкихъ историковъ, было то, что Рѣчь Посполитая въ эти пятнадцать лѣтъ оказала значительные успѣхи въ дѣлѣ внутренней своей перестройки. Донесенія саксонскаго резидента Эссена, коими Германнъ пользовался въ пятомъ томѣ, равно какъ лондонскіе и берлинскіе документы,

Band (Gotha, 1860), Ergänzungsband (Gotha, 1861). Соч. это появилось въ Geschichte der europäischen Staaten herausgegeben von Heeren und Ukert.

¹⁾ Именно въ V т. стр. 344 и слѣд. (Курляндія и Польша до коронаціи Ст. Авг.), 380 и слѣд. (Польша при посольствѣ Репнина), 461 и слѣд. (Польша отъ отозванія Репнина до отозванія Волконскаго), 489 и слѣд. (Польша при посольствѣ Сальдерна), 519 и слѣд. (Переговоры трехъ державъ о раздѣлѣ Польши), всего около 200 страницъ (344—556, кромѣ документовъ въ прибавленіи); въ VI т. стр. 104—146 (Польша отъ перваго раздѣла до конституціоннаго сейма 1788 г.), 213—255 (Польша отъ 1788 г. до рейхенбахскаго конгресса), 326—388 (Польша отъ рейхенбахскаго конгресса до яскаго мира), всего около 150 стр. Въ дополнительномъ томѣ см. отдѣлы VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV, XV, XVII и XVIII.

²⁾ Comme la cour de Saxe n'eut pas de part aux négociations pour le partage, ses diplomates ne furent pas suffisamment initiés pour donner des éclaircissements satisfaisants sur ce sujet. Ils communiquèrent ce qu'ils tenaient ça et là de troisième main et ce n'était pas grande chose. *Smitt. Fréd. II, Catherine et le part de la Pol.*, стр. 2 особой нумераціи. Въ исторіи перваго раздѣла авторъ пользовался депешами Эссена. So werthvoll auch, говоритъ *Beepz*, die Berichte dieses Beobachters sind, sie gewähren nur einen reichhaltigen Stoff für die Schilderung der inneren Verhältnisse Polens, über den Theilungsprocesz, als solchen, verbreiten sie der Natur der Sache nach kein Licht. I, стр. IV.

³⁾ *Hermann. VI, Vorwort*, стр. XII. Ergänzungsband, Vorwort, стр. V.

прибавившіеся къ этимъ донесеніямъ въ шестомъ томѣ, доказываютъ, говоритъ авторъ, —противное ¹⁾: общее его впечатлѣніе—то, что „слабыя попытки отдѣльныхъ лицъ улучшить моральное и политическое состояніе своей націи исчезали почти безслѣдно, какъ водяныя капли въ морѣ раскаленнаго песка“ ²⁾. Кромѣ цѣлой главы, посвященной этому періоду, авторъ помѣстилъ еще довольно значительное количество оправдательныхъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на внутреннее состояніе Польши за указанное время ³⁾. Неизвѣстныхъ прежде фактовъ, впервые увидѣвшихъ свѣтъ въ печати документовъ, частныхъ поправокъ къ прежнимъ взглядамъ и критическихъ замѣчаній очень много въ трудѣ Германна, такъ что ему съ этой стороны (а не съ точки зрѣнія общей постановки вопроса) принадлежитъ весьма важное мѣсто въ историографіи паденія Польши. Кромѣ того, Германнъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1861 г. полемическую брошюру противъ Зибеля объ „австро-прусскомъ союзѣ 7-го февраля 1792 года и второмъ раздѣлѣ Польши“ ⁴⁾. Въ этой книжкѣ авторъ разсматриваетъ на основаніи архивныхъ же матеріаловъ тѣсно связанные между собою вопросы о происхожденіи первой коалиціи противъ революціонной Франціи и о происхожденіи втораго раздѣла Польши. Извѣстному историку, противъ котораго направлена книжка Германна, также принадлежать работы, касающіяся паденія Польши.

Съ 1853 г., когда появился въ печати пятый томъ исторіи Германна, стала выходить въ свѣтъ и большая „Исторія революціонной эпохи“ (1789—1800) Генриха фонъ-Зибеля ⁵⁾. Этому труду принадлежитъ свое мѣсто въ историографіи французской революціи, но главная его особенность, отличающая его отъ другихъ трудовъ, посвя-

¹⁾ *Hermann*. VI, 104—105.

²⁾ *Ibid.*, VI, 105.

³⁾ *Ibid.*, VI, 471 sq. (Anhang III. Diplomatische Erläuterungen zum dritten Abschnitt) и 522 sq. (Anhang IV. Dipl. Erläut. z. viert. Abschn.). Этимъ не исчерпываются всѣ оправдательные документы VI тома.

⁴⁾ *Hermann*. Die österreichisch-preussische Allianz vom 7 Februar 1792 und die zweite Theilung Polens. Eine Streitschrift gegen Professor H. von Sybel in München. Gotha. 1861. Книжка состоитъ изъ 84 стр. текста и 58 приложений (документы, примѣчанія, ссылки).

⁵⁾ *H. v. Sybel*. Geschichte der Revolutionszeit 1789—1800. Düsseldorf. 1853. Русскій переводъ *Осоева* и *Путяты* изданъ былъ въ Петербургѣ подъ заглавіемъ „Исторія французской революціи и ея времени“. Переводъ нельзя назвать удачнымъ, но такъ какъ изъ этого сочиненія Зибеля намъ нужно сдѣлать много выдержекъ, то мы и пользуемся готовымъ переводомъ, мѣстами исправляя его.

щенныхъ тому же предмету, и имѣющая важное значеніе и по отношенію къ нашему предмету, заключается въ томъ, что авторъ разсматриваетъ названное событіе съ общеевропейской точки зрѣнія. Въ революціи онъ видитъ переворотъ, имѣвшій значеніе не для одной Франціи, и притомъ переворотъ, все значеніе котораго можно понять лишь въ связи съ другими одновременными съ нимъ событіями, — именно съ раздѣломъ Польши и распаденіемъ Священной Римской имперіи. Насколько удалось нѣмецкому историку выполнить такой планъ—другой вопросъ¹⁾: для насъ важно то, что сочиненіе это касается и паденія Рѣчи Посполитой, коему авторъ приписываетъ важное значеніе. Историкъ съ рѣзко націоналистическимъ направленіемъ, политическій дѣятель, указывавшій своимъ современникамъ на Пруссію, какъ на объединительницу Германіи, Зибель долженъ былъ внести извѣстную тенденціозность въ исторію паденія Польши.

Въ сочиненіи Зибеля вторая „книга“ разсматриваетъ „непосредственное вліяніе революціи на Европу“²⁾, и здѣсь въ первой же главѣ, названной „положеніе средней Европы“, говорится о польскихъ неурядицахъ и антагонизмѣ между Польшей и сѣвѣрною Германіей. Польскія неурядица—тема довольно старая и, пожалуй, избитая въ сочиненіяхъ, посвященныхъ паденію Рѣчи Посполитой, но объ антагонизмѣ между Польшей и сѣвѣрною Германіей заговорили впервые главнымъ образомъ прусскіе историки, а потому мы должны обратить особое вниманіе на этотъ предметъ. Притомъ Зибель и не распространяется о причинахъ польской анархіи: онъ только констатируетъ фактъ ослабленія Рѣчи Посполитой, вслѣдствіе чего она „не могла быть для Германіи опаснымъ сосѣдомъ“, и думаетъ, что объяснить самый фактъ достаточно ссылкой на феодальное устройство, яко бы существовавшее въ Польшѣ еще въ прошломъ вѣкѣ. „Положеніе Польши въ XVIII столѣтіи“, говоритъ онъ,—„отлично доказываетъ несостоятельность феодализма, ибо внутреннее устройство этой страны на началахъ этой системы, а также и старо-историческая внѣшняя ея политика были главными причинами ея ослабленія. Въ XV вѣкѣ, когда всѣ безъ исключенія народности остальной Европы

¹⁾ Недавно ту же задачу взялъ на себя и разрѣшилъ болѣе блестящимъ образомъ *A. Sorel* въ сочиненіи *L'Europe et la révolution française*, о которомъ см. ниже, по скольку его авторъ касается и паденія Польши.

²⁾ *Генрихъ Зибель*. Исторія французской революціи и ея времени. С.-Пб. 1863. I, 113 вѣ.

отличались твердымъ военно-монархическимъ единствомъ, когда французское дворянство славилось военною доблестью, испанское — придворными талантами, англійское отказалось отъ сословныхъ преимуществъ, чтобы вліять на массы системою народнаго представительства, польское — только хлопотало о томъ, какъ бы облечь въ форму законности своеволие каждаго изъ своихъ членовъ.... Этотъ фактъ⁴⁾, продолжаетъ Зибель, пояснивши въ немногихъ словахъ, чего именно достигла польская шляхта, — „этотъ фактъ, служившій послѣднимъ выраженіемъ среневѣковыхъ правъ дворянства, свидѣтельствовалъ о полномъ государственномъ разложеніи, къ которому такъ близка была въ XIV вѣкѣ вся западная Европа, и отъ котораго, къ счастью, спасли ее только пробудившееся античное чувство народности и религіозная реформа“⁴⁾. Далѣе, развивая мысль о старо-исторической внѣшней политикѣ Рѣчи Посполитой, какъ обь одной изъ причинъ ея ослабленія, авторъ сравниваетъ польскую католическую политику въ XVII в. съ испанскою въ XVI и отмѣчаетъ неудачу обѣихъ, а отсюда переходитъ прямо къ тѣмъ отношеніямъ, которыя особенно должны были интересовать его, какъ нѣмца. „Роль Польши въ религіозныхъ войнахъ“, говоритъ онъ, — „не сгладила ея вѣковой враждебности къ германскому сѣверу, вызванной нѣкогда вопросомъ о владѣніи обширными равнинами, лежащими между Эльбою и Вислою. Равнины эти были населены славянами, смѣнившими германцевъ еще во времена великаго переселенія народовъ. Германская колонизація, снова завладѣвъ бранденбургскими владѣніями и Силезіей, покорила и прусскія земли, языческой духъ свободы которыхъ не успѣла подавить и Польша. Тевтонскій орденъ здѣсь дѣйствовалъ сначала въ соглашеніи съ Польшею, а потомъ отказъ нѣмцевъ подчиняться ей привелъ къ неблагоприятнымъ столкновеніямъ, которыя окончились совершеннымъ подчиненіемъ ордена Польшѣ, такъ что западная Пруссія сдѣлалась вполнѣ польскою провинціей, и только восточная сохранила свои ленныя отношенія. Позже онѣ обѣ приняли протестантизмъ, вслѣдствіе чего восточная Пруссія сдѣлалась свѣтскимъ герцогствомъ, освободившемся отъ Польши (въ 1657 г.) при курфюрстѣ бранденбургскомъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, а Западная, вслѣдствіе того въ особенности, что большая часть городского населенія и дворянства приняла лютеранство, стала относиться къ королю польскому такъ, какъ Нидерланды — къ Филиппу II. Здѣсь различіе вѣро-

⁴⁾ Ibid., I, 120.

исповѣданій усилило вражду, естественно существовавшую между государствомъ и ему подвластною провинціею, вслѣдствіе несходства интересовъ и языковъ нѣмецкаго и польскаго. Такимъ образомъ безъ преобладанія протестантизма въ высшемъ и образованномъ классѣ въ западной Пруссіи удалась бы католическая реакція и навсегда бы погибъ нѣмецкій элементъ. Когда послѣ долготѣйшей войны удалось курфюрсту бранденбургскому принудить Польшу отступить отъ своихъ ленныхъ притязаній на восточную Пруссію и сдѣлать ее независимымъ государствомъ, Польша покорилась только необходимости, а притязаній своихъ на эту область не забыла. Немного спустя, въ союзѣ съ Людовикомъ XIV она попробовала завладѣть восточную Пруссіей, и, кромѣ того, обладаніе ею до того казалось Польшѣ неизбѣжнымъ, что когда на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ I, нѣкоторые польскіе магнаты даже заявили свои права на его корону. Такимъ образомъ¹⁾, заключаетъ Зибель,—„на востокѣ у Польши, въ борьбѣ съ нею за свою германскую народность и свободу религіи, образовалось въ полномъ съ нею матеріальномъ и политическомъ противорѣчій прусское государство. Вражда эта обуславливалась естественнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Отнынѣ, съ одной стороны, Польша только должна была стараться какъ бы вернуть себѣ Кѣнигсбергъ и ввести въ Данцигъ снова католицизмъ, а съ другой, бранденбургскіе курфюрсты, оставаясь нѣмецко-протестантскими государями, освободивъ западную Пруссію,—стараться соединить Марку Бранденбургскую, свое наследственное владѣніе съ герцогствомъ Пруссіею“²⁾). Отсюда понятенъ взглядъ Зибеля на первый польскій раздѣлъ съ національно-нѣмецкой точки зрѣнія. „Что касается до значенія этихъ событій для Германіи“, говоритъ онъ,—„то здѣсь достаточно вспомнить, что милліонъ нѣмцевъ избавился отъ ненавистнаго чужеземнаго господства и,— что главное,—изъ чисто нѣмецкихъ государствъ она присоединила къ себѣ массу смежныхъ между собою земель“²⁾). Притомъ, по Зибелю, Польша была опасна для Германіи, хотя, приступая къ обзорѣнью польскихъ дѣлъ, онъ и заявляетъ противное. „Если прежде польская республика“, по его словамъ,—была опаснымъ сосѣдомъ вслѣдствіе своей силы, то теперь причиною такой опасности сдѣлались, съ одной стороны, внутренніе раздоры партій, изъ которыхъ каждая заискивала то въ одной, то

¹⁾ Ibid., I. 121—122.

²⁾ Ibid., I, 125.

въ другой иностранной державѣ, а съ другой, усиливавшееся въ Польшѣ со дня на день русское вліяніе, а съ нимъ и русская военная сила, такъ что въ продолженіе всей семилѣтней войны нейтральная только на бумагѣ земля республики была главною квартирой и мѣстомъ продовольствія русскихъ войскъ и исходною точкой ихъ военныхъ операцій противъ сѣверной Германіи. Черезъ это Силезія, Бранденбургъ и восточная Пруссія, то-есть, вся нѣмецкая земля, какъ между Нѣманомъ и Вислою, такъ и между Одеромъ и Эльбою, находилась въ равной опасности. Ясно, что значило въ этомъ случаѣ для Германіи обладаніе низовьемъ Вислы. Такое положеніе дѣлъ было для Германіи невыносимо, а помочь Польшѣ способомъ, который былъ бы ей благопріятенъ, къ сожалѣнію, было еще менѣе возможно. Въ настоящее время часто можно услышать сожалѣніе о томъ, что Германія не соединилась въ-время съ Польшей и не помогла ей выдержать напоръ Россіи. Но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и характерѣ взаимныхъ отношеній этихъ государствъ, прежде всего, для составленія такого союза необходимо было искреннее желаніе соединиться съ Германіей со стороны поляковъ, король которыхъ былъ безусловно преданъ русскимъ, а дворянство пронизуемо сильнѣйшею ненавистью ко всему, что только называлось нѣмецкимъ. Кромѣ того, для достиженія этого результата нужны были соединенныя усилія всей Германіи, а на дѣлъ и въ этомъ польскомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, австрійскія и прусскія взгляды черезъ-чуръ рѣзко расходились между собою⁴⁾.

Такова основная точка зрѣнія Зибеля. Антагонизмъ между Польшою и Пруссіей имѣлъ глубокую историческую причину. Во-первыхъ, Пруссія унаслѣдовала отъ тевтонскаго ордена борьбу съ польскимъ государствомъ, вытекавшую изъ самаго способа образованія этого ордена на счетъ наиболѣе жизненныхъ интересовъ Польши. Во-вторыхъ, при соединеніи Пруссіи (герцогства) съ Бранденбургомъ въ одну монархію польскія владѣнія по нижнему теченію Вислы мѣшали полному сліянію двухъ главныхъ областей этого государства въ одно неразрывное цѣлое. В-третьихъ, подобно тому, какъ Польша сдѣлалась оплотомъ католицизма на востокѣ Европы, такъ Пруссія взяла въ свои руки знамя протестантизма, что при нетерпимости, развившейся въ польской націи, должно было привести къ антагонизму между обоими народами. Наконецъ, слабость Польши была опасна

⁴⁾ Ibid., I, 126.

для Пруссіи, по скольку создавала для Россіи благопріятныя условія въ борьбѣ съ этою нѣмецкою сосѣдкою Рѣчи Посполитой.

Свои положенія о внутреннемъ неустройствѣ Польши и о ея опасной для Пруссіи внѣшней политикѣ Зибель повторяетъ и развиваетъ и въ другихъ частяхъ своего обширнаго труда. Въ польскимъ дѣламъ онъ возвращается въ шестой главѣ той же второй „книги“, посвященной „колебаніямъ австрійской и прусской политики“¹⁾. Въ этой главѣ, гдѣ между прочимъ идетъ рѣчь о 3-мъ мая, авторъ такъ объясняетъ причину паденія Польши: „Въ этой несчастной странѣ съ давняго времени всякій мало-мальски разсудительный человѣкъ понималъ, что причина внѣшней ея слабости заключается въ ея внутренней государственной безурядицѣ. Разъ потерявъ возможность обороняться отъ внѣшняго врага, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ несогласій, вездѣ и всегда гибли народы. Въ XVIII столѣтіи, въ этотъ періодъ прогрессивнаго движенія, завоеваній и политическаго броженія, всякое государство, которое не могло энергически отстоять свою самостоятельность, подвергалось раздробленію. Это было почти закономъ въ системѣ тогдашней европейской жизни. Общественное мнѣніе не находило этого никогда предосудительнымъ, если только поводомъ къ подобному явленію были не эгоистическіе и частные интересы. Такимъ образомъ Польша сама могла предвидѣть свою судьбу и, зная причину своихъ несчастій, знать и единственное средство своего спасенія“²⁾. Польшѣ нужна была реформа, но она, замѣчаетъ авторъ,—не входила въ виды Пруссіи. „Пруссія вовсе не была расположена дать этой республикѣ въ 9 милліоновъ возможность сдѣлаться сильнымъ государствомъ. Герцбергъ не скрывалъ этого; его агентъ, маркизъ Лукезини, постоянно отклонялъ польскій сеймъ отъ реформъ и болѣе всего отъ увеличенія войска и введенія наследственности престола. Если Польша хотѣла извлечь себѣ выгоды изъ дружбы Пруссіи, то, зная, что политика не даетъ и не принимаетъ ничего даромъ, должна была обезпечить прусскіе интересы болѣе вѣрными гарантіями. Герцбергъ преслѣдовалъ все еще старыя цѣли Фридриха II, то-есть, обладаніе Данцигомъ и Торнемъ. Страшную ошибку сдѣлало тогда польское правительство, отказавшись отъ предложеннаго Герцбергомъ обмѣна“³⁾. Далѣе, съ точки

¹⁾ Ibid., I, 215 sq.

²⁾ Ibid., I, 221—222

³⁾ Ibid., I, 222—223.

рѣшнїя Зибеля, событіе 3-го мая означало переходъ Польши отъ прусской системы къ австрійской ¹⁾). Пруссїи „не было причинъ оставлять безъ вниманія того обстоятельства, что польское могущество несовмѣстимо съ существованіемъ Пруссїи, и усилить государство, первымъ признакомъ жизненности котораго было бы раздробленіе Пруссїи“ ²⁾). Такимъ образомъ и здѣсь Зибель отмѣчаетъ коренной антагонизмъ интересовъ Польши и Пруссїи, то „быть“ одной сторонѣ, которое было равносильно „не быть“ другой. Тѣмъ не менѣе онъ даетъ понять, что согласись Рѣчь Посполитая на уступку Пруссїи Данцига и Торна, оставшихся за первую послѣ приобрѣтенія второю польской Пруссїи, польскія дѣла приняли бы лучшей оборотъ. Поляки не дали Пруссїи Данцига и Торна и за это заплатились вторымъ раздѣломъ. Послѣднему посвящена шестая „книга“ исторїи Зибеля; мы и переходимъ къ ея обзору ³⁾). Здѣсь, между прочимъ, указывается на то, что Екатерина „не хотѣла никакого раздѣла до тѣхъ поръ, пока представлялась возможность господствовать надъ цѣлымъ государствомъ миролюбивымъ образомъ. Прежде, нежели она обратила бы вниманіе на требованія Пруссїи, надо было, чтобъ эту возможность разрушили сами поляки. Да и послѣ этого она мѣшкала еще нѣсколько мѣсяцевъ, выжидала и не дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока европейскія дѣла не уничтожили всякую возможность уклоненія“ ⁴⁾, а эти дѣла стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ французскою революціей. Намѣреніямъ Екатерины относительно втораго раздѣла могъ бы помѣшать союзъ Франціи съ Англіей, но его-то сдѣлала невозможнымъ именно казнь Людовика XVI. „Ударъ, отрубившій голову Людовика“, говоритъ Зибель,— „былъ вмѣстѣ съ тѣмъ смертельнымъ ударомъ для національнаго существованія Польши. Тучи, собравшіяся на русскомъ горизонтѣ, вслѣдствіе миролюбивыхъ плановъ Англіи, разсѣялись въ одно мгновеніе“ ⁵⁾). Описывая окончаніе дѣла, Зибель опять даетъ нѣсколько общихъ разсужденій по поводу гибели Польши, въ коихъ на первомъ планѣ стоятъ внутренняя неурядица Рѣчи Посполитой и прусская политика: „Можетъ показаться

¹⁾ Ibid., I, 225.

²⁾ Ibid., I, 226.

³⁾ Отмѣтимъ для полноты, что о польскихъ дѣлахъ Зибель говоритъ еще въ первой главѣ четвертой книги (II, 1 яд.), разсматривая планы Россїи, Австрїи и Пруссїи относительно Польши до рѣшенія вопроса о второмъ раздѣлѣ.

⁴⁾ Ibid., II, 233—234.

⁵⁾ Ibid., II, 236.

жестокимъ выставленіе на показъ наготы умирающей націи, но справедливость исторіи не позволяетъ умолчать о томъ, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ навлекъ эту погибель на свою голову нѣкогда столь знаменитый народъ. Печальная картина его послѣдней катастрофы была бы совершенно невыносима, еслибы пришлось смотрѣть на нее, какъ на дѣло прихотливой судьбы, а не какъ на слѣдствіе великихъ и глубокихъ причинъ. Необходимо вникнуть въ дѣло нѣсколько глубже, чтобы сдѣлать осязательною возможность только что рассказанныхъ событій. Цѣлыя столѣтія несла Польша на себѣ проклятіе рабства. Теперь девять десятыхъ ея населенія составляли крѣпостные, которые были предоставлены, безъ всякаго законнаго ограниченія, на произволъ шляхты¹⁾. „Георгъ Форстеръ, имѣвшій случай цѣлыя годы наблюдать шляхту вблизи, высказалъ въ 1791 году свое мнѣніе о ней въ слѣдующихъ сильныхъ словахъ: „въ Европѣ только одна польская шляхта протерла свое невѣжество и варварство такъ далеко, что почти истребила въ своихъ крѣпостныхъ послѣдніе слѣды мысли“. Дѣйствительно, польскіе крѣпостные были погружены въ нищету, невиданную въ остальной части Европы, и животное отупѣніе²⁾. „Они до того опустились, что потеряли всякое сознаніе о лучшей жизни и всякое стремленіе къ человѣческому существованію. Миновало почти сто лѣтъ, въ продолженіе которыхъ крестьяне не возвышали своего голоса; политическаго движенія между народомъ не обнаружилось ни въ одномъ изъ частныхъ междоусобій, которыми шляхта волновала польское государство. Но то же самое отупѣніе царствовало и теперь, когда дѣло шло о существованіи государства. Гдѣ было взять имъ гражданскаго духа и любви къ отечеству? Они ничего не знали о государствѣ и не заботились о томъ, кто властвовалъ надъ ними, потому что всякое господство не представляло для нихъ ничего, кромѣ барщины, оскорбленій и мелочной водочной продажи. Потому они съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣли на то, кому повиновались ихъ господа—польской ли республикѣ, русской ли царицѣ, или нѣмецкому королю; они, пожалуй, выбрали бы послѣднее, еслибы только въ ихъ хижины проникло извѣстіе о томъ, что въ западной Пруссіи и Галиціи съ соплеменниками ихъ обходятся, если и съ большею строгостью, то во всякомъ случаѣ, какъ съ людьми. Възвѣсивъ эти обстоятельства, мо-

¹⁾ Ibid., II, 247.

²⁾ Ibid., II, 248.

жетъ показаться страннымъ приписываніе паденія польскаго народа раздѣлу. Въ 1793 году пало только безчеловѣчное господство благороднаго меньшинства надъ польскимъ народомъ; послѣдній же только мѣнялъ повелителей и смотрѣлъ на перемѣну, которая могла принести ему со стороны русскихъ столько же хорошаго, сколько и дурного, съ лѣнливимъ равнодушіемъ¹⁾. Говоря о городахъ и шляхтѣ Зибель отмѣчаетъ тяготѣніе нѣкоторыхъ городовъ и отчасти шляхты къ Пруссіи. „Единственное исключеніе изъ этого печальнаго положенія составляли великопольскіе округа, граничившіе съ лежащими отъ нихъ къ сѣверу нѣмецкими провинціями, слѣдовательно тѣ земли, которыя Пруссія захватила въ это время въ свои руки. Нѣмецкая цивилизація содѣйствовала тамъ завоеванію, подобно тому, какъ это было пять столѣтій тому назадъ въ Бранденбургѣ и Силезіи. Значительное число нѣмецкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, привлеченныхъ свободно отъ конкуренціи продажей продуктовъ, поселились въ тамошнихъ городахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было почти ни одного польскаго обитателя, и почти на 15 верстъ въ окружности ихъ имѣлъ полное господство нѣмецкій языкъ. Не смотря на то, что государство не оказывало этимъ городамъ никакого особеннаго покровительства, не смотря на то, что они не были свободны отъ тѣхъ притѣсненій со стороны владѣльцевъ земли, которыя были свойственны послѣднимъ, при всемъ томъ нѣмецкое трудолюбіе водворило въ нихъ цвѣтущую льняную и шерстяную фабрикацію. Понятно, что такіе города склонялись въ своихъ интересахъ на сторону Германіи; промыслы искали себѣ сбыта въ гаваняхъ Балтійскаго моря; дѣти горожанъ отправлялись очень часто для обученія въ франкфуртскій и лейпцигскій университеты. За одно съ этимъ дѣйствовали и религіозныя отношенія. Не смотря на преслѣдованія, по близости этой границы образовалось многочисленное протестантское дворянство, которое не имѣло ни малѣйшаго участія въ правленіи и видѣло со стороны государства только одни знаки пренебреженія, но которое, завѣдуя лично имѣніями, достигло, при посредствѣ хорошей распорядительности и бережливости, рѣдкаго въ Польшѣ благосостоянія. Эти дворянскія семейства, какъ-то: Калькрейты, Шлихтинги, Зейдлицы, Потворовскіе и т. д. состояли обыкновенно въ родствѣ съ бранденбургскимъ и силезскимъ дворянствомъ и питали самое сильное желаніе вступить въ благоустроенное прусское госу-

¹⁾ Ibid., II, 249.

дарство¹⁾). Далѣ нѣмецкій историкъ изображаетъ матеріальный и нравственный упадокъ польской шляхты²⁾ въ видѣ контраста тому восхваленію, съ какимъ онъ отнесся къ сосѣдней цивилизаціи.

Исторію втораго раздѣла Зибель оканчиваетъ опять общими соображеніями о прусской политикѣ. „Конечно, нѣтъ сомнѣнія“, говоритъ онъ, — „что ни ту, ни другую изъ польскихъ партій нельзя винить въ оскорбленіи Пруссіи, когда она рѣшилась на раздѣлъ Польши; во всякомъ случаѣ въ отношеніи Польши Пруссія была стороною наступательной. Но если когда-либо обстоятельства принуждали къ наступательной политикѣ, то это было въ настоящемъ случаѣ. Не одна революція, и не одна русская завоевательная политика дѣлали характеръ того времени роковымъ: всѣ швы европейской системы были совершенно разорваны столкновеніемъ обоихъ событій, когда вдругъ поколебались всѣ существующія права и отношенія по владѣнію. Нужно признать, что для каждаго по одиночѣ въ такіе кризисы право самосохраненія дѣлается важнѣйшимъ; истинная отвѣтственность на столько зависитъ отъ дѣйствій разъ начавшейся борьбы, сколько и отъ вопроса, кто былъ причиною начала всеобщаго пожара и кто его сдерживалъ. Познакомившись со всѣми этими фактами, не трудно судить о польскомъ вопросѣ.... Все сошлось вмѣстѣ: глубокая испорченность польскаго государства, крайняя необходимость собственной безопасности и угрожающее положеніе всѣхъ остальныхъ государствъ. Легко находить темныя стороны въ дѣйствіяхъ государствъ этого опаснаго времени. Всякій человѣкъ обязанъ пожалѣть объ участи погибающей Польши; но все же остается вопросъ: какой другой, лучший путь оставался Пруссіи при тогдашнемъ положеніи Россіи, Австріи и Франціи? Долженъ ли былъ король въ 1793 г. сдѣлать то, что сдѣлалъ два года спустя, слыша отовсюду порицанія, то-есть, предпочесть нейтралитетъ, полный безпокойствъ, вызывающій презрѣніе, въ то время, когда вокругъ бушуетъ гроза? Или долженъ ли былъ онъ, вмѣстѣ съ парижскими сентябрьскими дѣятелями, вести открытую войну съ остальной Германіей въ пользу польскихъ рабовладѣльцевъ? Или долженъ ли былъ онъ, наконецъ, для приращенія Австріи всею своею силою броситься на

¹⁾ Ibid., II, 250.

²⁾ Ibid., II, 250 sqq. Однако, напримѣръ, Данцигъ и Торнъ не очень-то охотно соглашались подчиниться Пруссіи. *Korzon. Dzieje wewnętrzne Polski za Stanisława Augusta. Kraków. 1883. II, 41 sq., 47, 459.*

Францію и оставить русскіе гарнизоны занимать Познань и Гнѣзно, какъ они заняли Гродно и Варшаву? Нѣтъ, при самомъ тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, я другаго выхода не нахожу: рѣшеніе присвоить себѣ пограничную польскую провинцію было единственное, которое не вело къ явному несчастію при данномъ положеніи дѣлъ, а потому единственно совмѣстное съ обязанностью прусскаго правительства“ ¹⁾. Но Зибель находитъ и недостатки въ этой политикѣ. „Чѣмъ опаснѣе становилась для сѣверныхъ германскихъ границъ, со времени Петра, ежедневно возрастающая русская держава, тѣмъ осторожнѣе и обдуманнѣе нужно было съ прусской стороны провести границы, такъ какъ уменьшался объемъ единственнаго государства, лежащаго между ними. Это ясно само по себѣ: и въ Берлинѣ имѣли въ виду славный примѣръ политики Фридриха II при первомъ раздѣлѣ Польши, когда слова не говорили, шагу не дѣлали, не рассчитавъ вѣрно, поведетъ ли это къ цѣли, когда собственно приращеніе на счетъ Польши постоянно ставилось въ связи съ опасностью увеличенія русскаго могущества, когда не высказывали, но тѣмъ не менѣе не теряли изъ виду два требованія равновѣсія: слабость и сохраненіе Польши. О такомъ пониманіи вопроса нечего было и думать въ 1793 г. Ворвавшись въ польскую землю, пруссаки радовались каждому приобрѣтенію, не заботясь о послѣдствіяхъ. Взяли они себѣ безспорно болѣе того, сколько требовало улучшеніе границъ: полосу земли около 20 м. ширины, за нынѣшней познанской провинціею,—и тѣмъ впередъ отказались отъ права вызывать Россію къ умѣренію своихъ требованій. Русская пограничная линія, проведенная отважно, тяжелой рукой, поперекъ терпѣливой карты, была явнымъ смертнымъ приговоромъ для Польши. Взавшій столько себѣ сегодня, не удовольствуется малостью завтра; такъ раздѣлъ явно заключалъ въ себѣ уничтоженіе и разореніе Польши. Въ 1793 г. король прусскій не имѣлъ этихъ намѣреній; все его несчастіе было въ томъ, что онъ вообще не имѣлъ ни рассчитаннаго плана, ни обдуманной системы, но день за день подвигался впередъ подъ вліяніемъ впечатлѣній и настроеній, всегда очень похвальныхъ“ ²⁾. Самый фактъ паденія Польши Зибель не одобряетъ: „Полоса земли около середины Вислы, образуемая Бугомъ и Наревомъ, важнѣйшая по географическому и политическому положенію въ средней Европѣ, была

¹⁾ *Зибель*, II, 258—260.

²⁾ *Ibid.*, II, 260.

одна изъ важнѣйшихъ наступательныхъ позицій, способная, если попадетъ въ могучія руки, во всѣ стороны распространять вліяніе и господство... Съ этой точки зрѣнія, единственной, съ которой возможно обсужденіе по существу нѣмецкихъ и европейскихъ интересовъ, было совершенно справедливо стремленіе нѣмецкихъ державъ къ ограниченію Польши, нѣсколько разъ уже вторгавшейся изъ Галиціи въ Венгрію и Богемію, а изъ великой Польши въ восточную и западную Пруссію, но нисколько не было справедливо совершенное уничтоженіе центрального государства. По всѣмъ даннымъ, выиграть отъ этого уничтоженія не могъ никто болѣе Россіи, какъ сильнѣйшаго и всего болѣе стремящагося къ завоеваніямъ государства. Съ 1793 г. непрерывно развивавшіяся событія подтвердили это. Въ 1795 г. король (пруссій) принужденъ былъ противъ воли подписать уничтоженіе Польши; важную линію Вислы и Нарева, которая тогда, по крайней мѣрѣ, досталась ему, наслѣдникъ его долженъ былъ уступить въ 1814 г. русскимъ; послѣ того начали оправдываться слова Поццо ди Борго, что Россія завоевала земли эти, „чтобы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Европою открыть себѣ новое поприще для своего могущества, своихъ способностей и гордости“ ¹⁾. „Русская гегемонія“ однако развитіемъ своимъ обязана въ послѣднемъ анализѣ, по представленію Зибела, соперничеству двухъ нѣмецкихъ державъ. „Пока въ Берлинѣ смотрѣли на петербургскій дворъ, какъ на поддержку противъ императора, а въ Вѣнѣ русскій союзъ считали оплотомъ противъ Пруссіи, до тѣхъ поръ русскому честолюбію всѣ пути открывались сами собою, а систематическое, могучее и въ то же время осторожное веденіе польскаго вопроса было просто не возможно. И въ этомъ отношеніи Пруссія иногда дѣлала ошибки, но въ фальшивыхъ мѣрахъ ее все-таки перецеголяла Австрія“ ²⁾.

Къ этимъ разсужденіямъ необходимо прибавить тѣ, которыми Зибель сопровождаетъ разсказъ о третьемъ раздѣлѣ Польши, разсмотрѣнномъ въ десятой „книгѣ“ ³⁾. Новыя соображенія автора касаются опять прусской политики, съ одной стороны, и собственныхъ грѣховъ Польши, погубившихъ ея политическое бытіе, съ другой,

¹⁾ Ibid., II, 261.

²⁾ Ibid., II, 262.

³⁾ О польскихъ дѣлахъ есть вставки и въ предыдущихъ „книгахъ“, начиная съ седьмой (въ этой „книгѣ“ см. гл. 2, 5, 6); самая большая вставка—вся третья глава IX „книги“, повѣствующая о началѣ возстанія 1794 года. Здѣсь читатель имѣетъ дѣло съ одними фактами.

то-есть, двухъ темъ, на развитіи конхъ съ особою охотою, хотя и не одинаковою въ отношеніи къ каждой въ отдѣльности, останавливается исторію революціонной эпохи. Къ третьему раздѣлу Рѣчи Посполитой привело возстаніе подъ начальствомъ Костюшки. Интересенъ именно взглядъ Зибеля на роль Пруссіи въ этомъ дѣлѣ. „Путь, которымъ она пойдетъ“, говоритъ онъ, — „обрисовывался самымъ яснымъ образомъ. Еще въ прежнее время могло быть сомнѣніе касательно того, можно ли поддерживать Польшу противъ Россіи и въ союзѣ съ первою содѣйствовать собственной выгодѣ, теперь же была уничтожена всякая возможность колебанія и всѣ силы были устремлены къ быстрому дѣйствию. Костюшко объявилъ войну какъ Россіи, такъ и Пруссіи; хотя послѣ онъ и дѣлалъ тайныя предложенія о нейтралитетѣ, но не было сомнѣнія въ томъ, что вся южная Пруссія ¹⁾ пришла въ броженіе, и что тамъ готово было вспыхнуть возстаніе при первой побѣдѣ Костюшки; даже не смотря на варшавскія кровопролитія, никто не могъ бы утверждать, что въ настроеніи Польши, которая въ 1793 г. предпочла русское владычество нѣмецкому, произойдетъ перемѣна въ пользу Пруссіи. Взаимная ненависть цѣлыя четыре столѣтія таилась въ душѣ этихъ двухъ народовъ; ни для Польши, ни для Германіи не было отъ того особенной выгоды; но судьба рѣшила такъ, и Пруссія не могла отступить назадъ. Поэтому надо было идти впередъ и на развалинахъ великаго государства отстаивать интересы своего отечества противъ враждебныхъ друзей и непріязненныхъ сосѣдей. Между дворами еще не было произнесено слово „раздѣлъ“, но оно уже носилось въ воздухѣ, какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, какъ въ канцеляріяхъ, такъ и въ военныхъ лагеряхъ; всѣ были убѣждены, что дѣло идетъ къ тому, и только не знали, какъ это совершится. Чтò было желательно въ такомъ случаѣ для Пруссіи, это было ясно само собою: для обладателя Бреславлемъ, Познанью и Кѣнигсбергомъ сама природа дала единственно-вѣрную границу въ линіяхъ теченія Нѣмана, Нарева и Вислы. Точно также не подлежало сомнѣнію и несогласіе Австріи на такое расширеніе границъ своей соперницы, и было, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятнымъ то покровительство, которое Австрія найдетъ въ Екатеринѣ. Поэтому чѣмъ менѣе Пруссія могла спорить съ обоими императорскими кабинетами въ матеріаль-

¹⁾ Южною Пруссіей было названо приобрѣтеніе Пруссіи по второму раздѣлу.

ной силѣ, тѣмъ болѣе она должна была обратить свое вниманіе на быстроту и рѣшительность дѣйствій“ ¹⁾).

Самый разсказъ о возстаніи Костюшки Зибель заключаетъ такимъ размышленіемъ: „Такъ кончилось полнымъ паденіемъ всеобщее возстаніе польской націи. Случилось то, что должно было случиться, когда великій и даровитый народъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій подвергаетъ себя политическому и нравственному самоубійству. Судьба прошла надъ виновными и невинными съ потрясающей силой и выразилась въ катастрофѣ, ужаснѣе которой свѣтъ не припомнить со времени разрушенія Іерусалима. При такой картинѣ невольно закрываешь глаза и сомнѣваешься въ справедливости и въ Провидѣніи; но не видно ли также въ этомъ, что націи только тогда старѣютъ и умираютъ, когда передъ тѣмъ сами себя губятъ? Такъ покончила Польша, благодаря своимъ собственнымъ грѣхамъ, не будучи въ состояніи противустоять могучимъ сосѣдямъ. Что же касается послѣднихъ, то они могли на мѣстѣ увидѣть, что значить для смертныхъ возставать противъ опредѣленій направляющаго Провидѣнія“ ²⁾).

Въ сдѣланныхъ здѣсь выдержкахъ изъ сочиненія Зибеля приведено все существенное изъ его взгляда на польскія дѣла. Такъ какъ онъ разсматриваетъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, отдѣленныхъ одни отъ другихъ десятками и сотнями страницъ, то ему приходится, съ одной стороны, такъ сказать, дробить свою общую мысль, съ другой — нерѣдко повторяться, и мы предпочли представить его разсужденія цѣликомъ, не дѣлая изъ нихъ общаго свода, чтобы читатель могъ видѣть, до какой степени въ каждой отдѣльной части труда, гдѣ только заходитъ рѣчь о польскихъ дѣлахъ, постоянно выдвигается на первый планъ прусская политика, интересы Пруссіи и т. д.

Къ тому же времени, какъ выходили въ свѣтъ отдѣльныя части большого историческаго труда Зибеля, еще одинъ нѣмецкій авторъ, Фридрихъ Смиттъ, издалъ два сочиненія, посвященныя паденію Польши, изъ коихъ одно написано по нѣмецки, другое по французски. Авторъ этихъ двухъ трудовъ, написавшій раньше на нѣмецкомъ языкѣ „Исторію польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ“ ³⁾, имѣлъ доступъ,

¹⁾ Ibid., IV, 53.

²⁾ Ibid., IV, 101.

³⁾ *Fr. Smitt. Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 — 1831. Leipzig und Heidelberg. 1855.* Русскій переводъ (кап. *Конт-*

съ разрѣшенія императора Николая, къ русскимъ архивамъ, гдѣ и почерпнулъ важный матеріалъ для своихъ трудовъ по польской исторіи второй половины XVIII в. Самъ онъ, будучи остзейскимъ уроженцемъ, состоялъ на русской службѣ, но служба его была не изъ удачныхъ, ибо только въ очень преклонномъ возрастѣ,—къ коему и относится появленіе обоихъ его трудовъ по паденію Польши,—его „горизонтъ сталъ, по собственному его выраженію, проясняться“. Умеръ онъ въ 1865 году семидесяти-восьми лѣтъ отъ роду, не успѣвъ окончить того труда, который для насъ долженъ имѣть наибольшій интересъ.

О характерѣ этого труда Смитта, озаглавленнаго „Суворовъ и паденіе Польши“¹⁾, даетъ нѣкоторое понятіе самое предисловіе, изъ котораго мы и приведемъ здѣсь значительныя выдержки. „Однимъ изъ самыхъ необычайныхъ и важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событій прошлаго столѣтія“—такъ начинается это Vorbericht — „была смерть и гибель нѣкогда могущественной польской республики“. Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ, это событіе во многихъ отношеніяхъ затемнено ненавистью, пристрастіемъ, предвзятыми взглядами, съ какими къ нему относились²⁾. „Ограниченнымъ или партійнымъ взглядамъ неугодно было видѣть, отъ какой опасности этимъ (то-есть, паденіемъ Польши) была освобождена средняя Европа. Какъ разъ въ это время волны французской революціонной бури рвались броситься на Германію, которая еле-еле была въ состояніи защищать себя отъ нихъ, и что вышло бы, еслибы волны сарматской народной бури, все болѣе и болѣе воздымаясь, съ другой стороны ворвались въ Германію, и она подверглась бы одновременно съ востока, какъ и съ запада, революціонному и завоевательному нападенію. И послѣ взрыва возстанія въ южной Пруссіи, послѣ снятія прусскимъ коро-

ничкаго) былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1863—1864 гг. Къ этому переводу приложена автобіографія автора, составленная имъ по просьбѣ переводчика. Извлеченіе изъ нея помѣщено въ началѣ русскаго перевода его сочиненія „Суворовъ и паденіе Польши“. С.-Иб. 1866—1867.

¹⁾ *Friedrich von Smitt. Suworow und Polens Untergang. Nach archivalischen Quellen dargestellt. Leipzig und Heidelberg. 1858.* Первая часть этой книги была написана и даже издана въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ гораздо ранѣе (за 25 лѣтъ) и тутъ явилась въ исправленномъ видѣ. Вторая часть была совсѣмъ новая. Смиттъ въ Vorbericht (стр. VIII) объщаетъ и третью часть, которая однако не появилась. Сочиненіе посвящено императору Александру II.

²⁾ Ibid., I, стр. III. Цитуемъ по нѣмецкому подлиннику.

лемъ осады съ Варшавы, послѣ вызваннаго этимъ сильнаго подъема духа въ странахъ польскаго языка и при валомъ веденіи войны устарѣлыми генералами безъ способностей и безъ характера, такая опасность вовсе не была призрочною и могла легко осуществиться. До дѣйствительнаго опыта также вѣдь не подозрѣвали опасности, шедшей изъ Франціи, или не вѣрили въ нее. Германія была спасена отъ бѣды, ей грозившей Мацѣвицами и Прагой, и могла теперь всѣ свои силы направить противъ одного главнаго врага, не опасаясь, что другой между тѣмъ нападетъ съ тылу ¹⁾. Это обстоятельство пытались удалить съ глазъ пруссаковъ и нѣмцевъ и вызвать у нихъ даже состраданіе къ умирающему народу и пытались не безъ успѣха, когда въ дѣло вмѣшались иного рода соображенія и интересы: миновавшая опасность показалась незначительною, причиненная несправедливость — громадною. И однако геній Фридриха Великаго задолго до того схватилъ сущность отношенія Пруссіи къ Польшѣ, узрѣвши, что къ нему весьма подходящимъ образомъ можно примѣнить роковыя слова, которыя когда-то рѣшили судьбу Италиі:

Vita Conradini mors Caroli,
Mors Conradini vita Caroli,

и что большая Пруссія возможна была лишь при маленькой Польшѣ и на оборотъ“. На Фридриха Смиттъ и смотреть какъ на главнаго виновника паденія Польши. Далѣе онъ указываетъ на то, что исторія Рѣчи Посполитой со вступленія на престолъ Станислава Августа „обработывалась главнымъ образомъ одною партією, тогда какъ другая молчала ²⁾: стоитъ только“, говоритъ онъ, — „заглянуть въ историческія книги, чтобы натолкнуться на Рюльеровъ, Феррановъ, на сочиненіе о паденіи майской конституціи, на Зайончека и Огинскаго, какъ на главные источники, изъ которыхъ черпали авторы; взгляды этой партіи перешли въ исторію и наконецъ стали сами выдаваться за исторію. Но это большое заблужденіе“, прибавляетъ Смиттъ. — „Указанные труды писались подъ диктовку самой слѣпой партійной ненависти, которая большею частью не стыдилась измышлять факты и во всякомъ случаѣ ихъ искажать“. Поэтому авторъ взялъ на себя задачу исправить приговоръ о событіи, тѣмъ болѣе, что былъ недоволенъ и тѣмъ, какъ до него пользовались архивами ³⁾. Самъ онъ, бла-

¹⁾ Ibid., I, стр. IV.

²⁾ Ibid., I, стр. V.

³⁾ Ibid., I, стр. VI.

годаря довѣрью къ нему императора Николая, пользовался бумагами „большого московскаго государственнаго архива“, проживъ для этого полгода въ древней русской столицѣ. И, по его словамъ, послѣ этого многое въ исторіи эпохи ему стало представляться совершенно иначе, чѣмъ прежде, и часто то, что въ историческихъ книгахъ выдавалось за несомнѣнное, было признано имъ за „fable convenue“¹⁾.

Такимъ образомъ Смиттъ прямо противопологаетъ свою точку зрѣнія той, которая получила право гражданства въ исторіографіи, благодаря авторитетности, какою пользовались сочиненія Коллонтая, Рюльера и Феррана. И въ другомъ своемъ трудѣ, вышедшемъ въ свѣтъ нѣсколько позднѣе „Суворова и паденія Польши“, именно въ книгѣ своей „Фридрихъ II, Екатерина и раздѣлъ Польши“²⁾ этотъ историкъ, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, разсматриваетъ роль прусской и русской политики въ дѣлѣ перваго „разбора“ Польши. „Относительно польскихъ раздѣловъ“, говоритъ онъ въ предисловіи къ этой работѣ,—„распространилось много ложныхъ мѣній (faussetés). Публиковались кусочки депешъ, извлеченныхъ изъ архивовъ, отдѣльныя части, ловко подобранныя, совершенно такъ, чтобы онѣ годились для заранѣе поставленной цѣли и поддержки ошибочныхъ взглядовъ, но никогда не печатали цѣльныхъ депешъ въ ихъ связи и хронологическомъ порядкѣ. Затѣмъ идутъ историки и одинъ за другимъ буква въ букву переписываютъ ходячіе разказы, и если принадлежатъ къ новой школѣ (?), никогда не забываютъ прибавить банальныя декламации по адресу жадной и наступательной Россіи и ея ненасытной императрицы, которая, вѣроятно, во исполненіе завѣщанія Петра Великаго, отторгла отъ Польши одинъ кусокъ земли за другимъ и вдобавокъ заставила еще другихъ невинныхъ государей принять съ нею участіе въ этомъ дѣлѣжѣ“³⁾. Въ другомъ мѣстѣ по поводу того же раздѣла Польши онъ говоритъ, что „нѣтъ другаго дѣла, надъ коимъ расточали бы столько упрековъ и оскорбленій, и что ихъ особенно направляли противъ русской императрицы Екатерины, на которую смотрѣли и указывали, какъ на виновницу и главную дѣятельницу этихъ раздѣловъ. И однако“, прибавляетъ онъ,—

¹⁾ Ibid., I, стр. VII.

²⁾ *Fr. de Smitt. Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne d'après des documents authentiques. Paris. 1861.* Этотъ трудъ былъ написанъ еще въ 1852 году, кромѣ „Supplément“, помѣченнаго 1860 годомъ.

³⁾ Ibid., préface, IV—V.

„нѣтъ ничего болѣе ложнаго и болѣе несправедливаго“¹⁾. „Вся исторія этого событія“, говоритъ еще Смиттъ и здѣсь, — „какъ ее представляютъ школьныя руководства и историческіе труды, въ большей своей части есть только чистѣйшая небылица (*une fable convenue*). Пора наконецъ разъясниться этому вопросу, пора показать, какъ было дѣло, какъ этотъ раздѣлъ былъ издавна обдуманъ, подготовленъ, направленъ и тщательно пущенъ въ ходъ прежде, нежели у кого бы то ни было могло явиться малѣйшее подозрѣніе“²⁾.

На основаніи однихъ предисловіи, изъ коихъ главнымъ образомъ и взяты приведенныя выше слова Смита, уже позволительно утверждать, что, вопервыхъ, авторъ смотритъ на все дѣло главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ „средней Европы“, и что, вовторыхъ, ему хочется оправдать политику Екатерины II, такъ какъ главная вина или честь перваго раздѣла Рѣчи Посполитой падаетъ на „геній“ Фридриха II. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ придти въ столкновеніе со взглядами польскихъ и французскихъ авторовъ. Послѣ этого общаго замѣчанія перейдемъ къ болѣе подробному обзору cadaго сочиненія Смита въ отдѣльности.

Первый томъ сочиненія Смита о „Суворовѣ и паденіи Польши“ цѣликомъ посвященъ Суворову и событіямъ до 1790 г., въ которыхъ послѣдній принималъ участіе, такъ что о польскихъ дѣлахъ говорится только во второй главѣ, названной „Польская конфедераціонная война 1768—1772 гг.“³⁾. Второй томъ называется „Послѣднія смуты въ Польшѣ“, и за исключеніемъ двухъ главъ, первой и четвертой, разсматривающихъ дѣятельность Суворова въ Финляндіи, именно весь занятъ изложеніемъ польскихъ дѣлъ: во второй главѣ рѣчь идетъ о польскихъ отношеніяхъ до 1788 года, въ третьей—о Польшѣ съ 1788 года до конца 1791, въ пятой—о событіяхъ 1792 г. и тарговицанахъ, а шестая служитъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущей, доводя изложеніе до конца 1792 г. Третій томъ долженъ былъ рассказать о возстаніи Костюшки и паденіи Польши⁴⁾.

¹⁾ Ibid., I, 3.

²⁾ Ibid., I, 4.

³⁾ Der polnische Konföderations-Krieg von 1768—1772. T. I, стр. 29—109. Первый томъ озаглавленъ весь „Suworow“.

⁴⁾ Der Verfasser, говорится въ предисловіи къ первому тому, — hofft darin (то-есть, въ 3-мъ томѣ) viel Neues mitzuthellen, da ihm ausser den Archiven auch die nachgelassenen Papiere von Suworow, Fersen, viele Briefe Kosciuszko's und die Memoiren des Königs Stanislaus Augustus zu Gebot gestanden haben, стр. VIII.

Свой общій взглядъ на внутреннія отношенія Рѣчи Посполитой Смиттъ излагаетъ въ двухъ мѣстахъ. Вторая глава перваго тома, повѣствующая о барской конфедераціи, начинается именно съ общаго взгляда на состояніе Польши и на развитіе причинъ, приведшихъ это государство къ упадку. Гораздо важнѣе вторая глава второго тома, заключающая въ себѣ общій обзоръ царствованія Станислава Августа до 1788 г.: здѣсь есть анализъ польскаго государственнаго устройства, изображеніе польскаго національнаго характера, изложеніе диссидентскаго дѣла и разсмотрѣніе отношеній къ Рѣчи Посполитой сосѣднихъ державъ, а также указаніе на совершенныя въ Польшѣ реформы и на ихъ результаты; здѣсь же авторъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о первомъ раздѣлѣ. По словамъ Смита, государства рѣдко падаютъ безъ собственной вины, и часто внуки искупаютъ преступленія отцовъ: такъ было и въ Польшѣ ¹⁾. „Еслибы“, говоритъ онъ, разказавъ въ немногихъ словахъ развитіе шляхетской конституціи, — „еслибы шляхта удовольствовалась тѣми прекрасными и крупными правами, которыя она приобрѣла въ теченіе одного столѣтія, старая Польша еще существовала бы, сильная и могущественная; но человѣческой природѣ не дано ограничивать себя въ своихъ желаніяхъ: каждое удовлетвореніе одного немедленно возбуждаетъ другое. Шляхта была на слишкомъ хорошемъ пути, чтобъ остановиться и вмѣсто того, чтобы самой поставить себя въ извѣстныя границы, она ниспровергла совершенно всѣ, которыя ее стѣсняли, чтобы потребовать подъ видомъ свободы полной разнузданности“ ²⁾. Начало упадка Польши Смиттъ относитъ къ царствованію Сигизмунда III: „сосѣднія страны развивались и шли впередъ; одна Польша стояла или вѣрнѣе отступала назадъ, ибо въ жизни народовъ не бываетъ неподвижности: кто не идетъ впередъ, идетъ назадъ“ ³⁾. Съ середины XVII в. Рѣчь Посполитая лишилась законодательной власти вслѣдствіе срыванія сеймовъ, и съ этого момента „все пошло къ гибели, ибо гдѣ такое государство, которое могло бы существовать безъ законодательства?“ ⁴⁾ Съ саксонскими королями начинается еще худшая эпоха: „прежде, по крайней мѣрѣ, нравы были проще и чище, а теперь завралась и сюда порча“ ⁵⁾. Во второй главѣ второго тома

¹⁾ Ibid., I, 31.

²⁾ Ibid., I, 33—34.

³⁾ Ibid., I, 36.

⁴⁾ Ibid., I, 37.

⁵⁾ Ibid., I, 38.

Смиттъ даетъ небольшую характеристику польскаго государственнаго устройства ¹⁾, въ основѣ коего онъ видитъ произволь и распущенность, признанныя за свободу, а „они (то-есть, произволь и распущенность) всегда приводятъ рано или поздно къ порчѣ и гибели“ ²⁾. Въ частности „двумя основными бѣдами, отъ коихъ страдала Польша и которыя ее погубили“, авторъ считаетъ „ея ошибочныя (fehlerhaften) республиканскія учрежденія и въ особенности невозможность ихъ улучшенія въ монархическомъ смыслѣ“ ³⁾. Что касается до перваго „зла“ (Uebel), то Смиттъ сводитъ его къ тремъ моментамъ: къ избирательному престолу, независимости высшихъ государственныхъ должностей и единогласію въ сеймахъ ⁴⁾. Указавъ на вредныя стороны этихъ установлений, онъ заключаетъ свой обзоръ польской конституціи такими словами: „нельзя было лучше придумать устройства, чтобъ удержать народъ въ слабости и безсиліи; Одинъ бѣглый взглядъ на него объясняетъ паденіе Польши; es war nicht Verfassung, sondern Auflösung aller Verfassung“ ⁵⁾. Между тѣмъ поляки воображали, что ихъ конституція была верхомъ политической мудрости, и это также препятствовало измѣненіямъ и улучшеніямъ ⁶⁾; „позднѣе же, когда Польша была обезсилена, мѣшали этому иностранныя державы, политическимъ видамъ и интересамъ коихъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало такое, уничтожающее всякія внутреннія силы, устройство“. Смиттъ предпринялъ свой анализъ послѣдняго, чтобы доказать, что „Польша должна была погибнуть, что она была безвозвратно (unrettbar) потеряна, пока оставалась въ такомъ положеніи“ ⁷⁾, —

¹⁾ Ibid., II 91 sq.

²⁾ Ibid., II, 91.

³⁾ Ibid., II, 97.

⁴⁾ Ibid., II, 98 sq.

⁵⁾ Ibid., II, 104.

⁶⁾ Ibid., II, 99—100 и 104.

⁷⁾ Ibid., II, 105. Въ №№ 132, 133, 136, 137, 141, 142 и 143 газеты *Сверная почта* была помѣщена статья „Три раздѣла Польши“, написанная, на основаніи сочиненій Соловьева и Смита. Въ этой статьѣ очень хорошо переданы существенныя мѣста о польскомъ государственномъ устройствѣ изъ книги Смита (стр. 5—23 по имѣвшемуся у насъ отдѣльному оттиску этой статьи въ видѣ небольшой брошюры). „Смиттъ“, говоритъ авторъ статьи, — „описывая паденіе Польши, далъ широкое мѣсто исторіи польской конституціи и тѣмъ поставилъ читателя въ возможность обнять однимъ взглядомъ всю судьбу польской республики, придти къ логическому выводу о неминуемости того, что совершилось съ нею въ 1772 г.“.

мысль, съ которою мы столько разъ встрѣчались и у другихъ авторовъ. Другая тема, которую развиваетъ Смиттъ, это—испорченность польскаго характера. Приведши изъ „Исторіи моего времени“ Фридриха II характеристику поляковъ ¹⁾, онъ продолжаетъ: „Портретъ не польщенъ, но вѣренъ; въ немъ недостаетъ только свѣтлыхъ сторонъ: мужества, личной храбрости и пламеннѣйшей любви къ отечеству. Въ портретѣ нѣтъ, однако, нѣсколькихъ чертъ, дополняющихъ его, каковы: тщеславіе, хвастливость, лживость. Ни одинъ полякъ не можетъ написать безпристрастно отечественной исторіи: самыя вопіющія неправды, если они только служатъ къ прославленію его соотечественниковъ, слѣдовательно косвенно и его самого, или къ удовлетворенію страстей какой-либо партіи, выставляются съ наглою смѣлостью, подкрашиваются, обрабатываются и ради вѣщаго правдоподобія, приумножаются собственными выдумками историка.... Кто имѣлъ дѣло съ поляками и не поступалъ въ ихъ смыслѣ, кто затронулъ ихъ тщеславіе или какимъ бы то ни было образомъ показалъ себя ихъ противникомъ, тотъ долженъ приготовиться быть гонимымъ ими до могилы съ неумолимою ненавистью и никогда не уступающею злобою. И ненависть эта пользуется тогда всякимъ оружіемъ: самою безстыдною ложью и клеветою (*semper aliquid haeret*), искаженіемъ фактовъ, злобною выдумкою небывалыхъ обстоятельствъ и чертъ, умаляющихъ и чернящихъ описываемое лицо. Это испытали на себѣ король Станиславъ-Августъ, Суворовъ, императрица Екатерина, императоръ Александръ I. Отличительную черту своего характера—неразсудительность (*den Mangel an Urtheilskraft*) проявляютъ они въ томъ дѣтскомъ легкомысліи, съ которымъ принимаютъ за истину нелѣпнѣйшіе разказы, самыя смѣшныя выдумки и хотятъ навязать ихъ другимъ. Кромѣ того, въ характерѣ ихъ преобладаетъ такое безпокойство, которое по самымъ ничтожнымъ причинамъ поддерживаетъ ихъ постоянно въ лихорадочномъ состояніи. То, чего сегодня желали, завтра отвергають; гоняются за пустяками и, достигнувъ желаемого, бросаютъ съ пренебреженіемъ; воспаляются бездѣлицею и столь же быстро остываютъ. Вѣчно въ тревогѣ, въ дѣятельности; берутся то за то, то за другое; интригуютъ, строятъ козни, затѣваютъ заговоры, видятъ все въ свѣтѣ преувеличенной фантазіи и поступаютъ подъ вліяніемъ разгоряченнаго воображенія. Послѣдняя черта польскаго характера, это—вѣчная подозри-

¹⁾ *Smitt*, II, 109—101.

тельность къ правительству, къ властямъ, даже къ тѣмъ, которыя дѣлають имъ добро, расположены къ нимъ,—и ко всѣмъ иноземцамъ. Полякамъ все мерещится, будто они окружены соглядатаями, измѣнниками“ ¹⁾. Не разбирая по существу этой характеристики, замѣтимъ вообще, что въ XIX столѣтїи у нѣмецкихъ и русскихъ писателей сдѣлалось чуть не общимъ мѣстомъ объяснять паденіе Рѣчи Посполитой недостатками польскаго національнаго характера. Нѣтъ и быть не можетъ сомнѣнія въ томъ, что послѣдній въ XVIII вѣкѣ, дѣйствительно, много способствовалъ паденію Рѣчи Посполитой, но вопросъ въ томъ, были ли это привитые воспитаніемъ нравы или нѣчто такое, чтò находится въ крови народа, искони вложено въ его духъ,—вопросъ, къ которому мы еще вернемся. У Смитта дѣлается указанная характеристика поляковъ ради объясненія тѣхъ трудностей, съ какими приходилось считаться Станиславу-Августу въ его реформаторскихъ стремленіяхъ. Другую категорію затрудненій представляли внѣшнія отношенія. На сосѣднихъ престолахъ мы видимъ въ эту эпоху личности, стремившіяся расширить, округлить или политически возвысить свои государства ²⁾. Самымъ опаснымъ сосѣдомъ Польши Смиттъ называетъ Фридриха II ³⁾. Іосифъ не прочь былъ расширить границы своей монархіи, Екатерина продолжала традиціонную съ Петра Великаго политику укрѣпленія въ Польшѣ русскаго вліянія, а Фридриху просто было необходимо завладѣть частью польской территоріи, входившею въ составъ владѣній тевтонскаго ордена, наслѣдникомъ коего онъ себя считалъ. „Если послѣднее право“, замѣчаетъ авторъ,— „было нѣсколько спорное, то и у поляковъ не было лучшаго права, и то, чтò дали имъ мятежь и сила оружія, могли и отнять у нихъ такіе же мятежь и сила оружія. Къ этому праву силы присоединялось тутъ и право необходимости, ибо безъ обладанія этою страной владѣнія Фридриха на вѣки остались бы разрозненными членами тѣла, безъ единства и связи, а потому слабыми и безсильными. Эта необходимость дѣлала его самымъ опаснымъ врагомъ Польши, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ скрывалъ свои тайныя цѣли подъ личиною прїязни“⁴⁾. Въ Польшѣ думали о реформахъ, а извнѣ подымали диссидентскій вопросъ, чтобы подвергнуть ее въ еще

¹⁾ Ibid., II, 110—112. Приводя это мѣсто, пользуюсь готовымъ переводомъ его въ указанной статьѣ.

²⁾ Ibid., II, 112.

³⁾ Ibid., II, 113 sq.

большія смуты и въ нихъ найдти предлогъ для исполненія плановъ на счетъ расширенія ¹⁾).

Главнымъ виновникомъ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой Смиттъ считаетъ Фридриха II, доказательству чего онъ посвятилъ другое свое сочиненіе. Разсказъ о самомъ событіи онъ сопровождаетъ нѣкоторыми общими соображеніями. „Такъ пала Польша“, говоритъ онъ,— „жертвою за Турцію, ибо Фридрихъ въ отношеніи къ Рѣчи Посполитой раньше призналъ, что величіе Пруссіи можно основать только на паденіи Польши, равно какъ величіе Польши—на паденіи Пруссіи. Польская нетерпимость, близорукость, страшная горячность и раздоры сдѣлали остальное, и такимъ образомъ въ ближайшіе 22 года должно было быть покончено то, къ чему Фридрихъ проторилъ дорогу, намѣтилъ вежи“. Сославшись еще на измѣнчивость, господствующую въ дѣлахъ міра сего ²⁾, и на то, что полезное для здороваго организма можетъ оказаться гибельнымъ для больнаго, нашъ историкъ указываетъ и на неподвижность, какой обрекла себя Польша, и на ея болѣзненность, которая отсюда вытекала ³⁾. „Одинъ древній мудрецъ (Полибій),“ говоритъ онъ далѣе,— „уже сдѣлалъ замѣчаніе, что паденію государствъ предшествуетъ упадокъ нравственности и правосудія. Польша представила тому новое доказательство: нечего было искать въ ней нравственности и правосудія; вездѣ были только себялюбіе, своекорыстіе, упадокъ нравовъ“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ, называя первый раздѣлъ началомъ „искорененія“ Польши изъ ряда европейскихъ государствъ, Смиттъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что начало-то и было трудно, а послѣ него полный раздѣлъ уже легко было предвидѣть ⁵⁾).

Исторія Польши послѣ перваго раздѣла также дала поводъ автору высказать нѣсколько общихъ мыслей, достойныхъ быть отмѣченными. Подобно многимъ другимъ писателямъ, нами уже разсмотрѣннымъ, онъ сочувственно относится къ реформамъ, предпринятымъ въ Польшѣ послѣ 1772 г., но въ совершенномъ разногласіи съ иными историками вообще и въ частности съ Зибелемъ, заднимъ числомъ рекомендовавшимъ полякамъ прусскій союзъ, высказываетъ ту мысль, что самый естественный для Польши союзъ былъ союзъ съ Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, рассказывая о томъ, что послѣдовало за первымъ раз-

¹⁾ Ibid., II, 115. О диссидентскомъ вопросѣ cf. I, 39 sq.

²⁾ Ibid., II, 133.

³⁾ Ibid., II, 134.

⁴⁾ Ibid., II, 135.

⁵⁾ Ibid., I, 102.

дѣломъ, Смиттъ замѣчаетъ, что это несчастье, какъ внезапный громовой ударъ, пробудило польскую націю изъ ея оцѣпенѣнія ¹⁾). Съ другой стороны, и реформы, произведенныя Россіей въ Рѣчи Посполитой въ 1775 г., сдѣлали возможными въ странѣ нѣкоторыя улучшения ²⁾). „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ свой обзоръ этихъ улучшеній, — „несчастье перваго раздѣла должно было сдѣлаться средствомъ поправленія внутреннихъ отношеній въ Польшѣ“ ³⁾, и слѣдующія затѣмъ пятнадцать лѣтъ (1773 — 1788 гг.) онъ считаетъ „однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ периодовъ польской исторіи“ ⁴⁾). Въ своемъ изложеніи исторіи этихъ лѣтъ Смиттъ вообще выдвигаетъ на первый планъ реформаторскія стремленія и дѣятельность Станислава-Августа ⁵⁾, находя только, что „сила его воли не соотвѣтствовала проникательности его взглядовъ“ ⁶⁾). Между прочимъ, авторъ отмѣчаетъ еще тотъ фактъ, что во время безпорядковъ барской конфедераціи многіе бѣжали за границу, а послѣ перваго раздѣла многіе также сдѣлались подданными сосѣднихъ державъ: и тѣ, и другіе, получивъ возможность сравнивать свое съ чужимъ, дѣлали сравненіе не къ своей выгодѣ, и въ томъ же смыслѣ дѣйствовало новое образованіе ⁷⁾; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся обида поляковъ, вызванная первымъ раздѣломъ, была перенесена на Россію, и этимъ опредѣлялся на будущее время образъ дѣйствій прогрессивныхъ патріотовъ. Фридрихъ II не мало содѣйствовалъ развитію этой ненависти ⁸⁾.

Такими соображеніями, весьма справедливыми въ своихъ основаніяхъ, Смиттъ подготавливаетъ читателя къ изложенію событій эпохи четырехлѣтняго сейма, коимъ онъ посвящаетъ цѣлую большую главу ⁹⁾). Здравая политика, говоритъ онъ здѣсь, — заставляла Станислава-Августа держаться союза съ Россіей, такъ какъ именно послѣдняя могла болѣе всего вредить Польшѣ, но въ то же время и оказывать ей поддержку ¹⁰⁾, и это понималъ польскій король, тогда какъ „вожди

¹⁾ Ibid., II, 136.

²⁾ Ibid., II, 137 sq.

³⁾ Ibid., II, 151.

⁴⁾ Ibid., II, 152.

⁵⁾ Ibid., II, 105 sq., 125 sq., 139 sq. и др.

⁶⁾ Ibid., II, 153.

⁷⁾ Ibid., II, 154.

⁸⁾ Ibid., II, 156.

⁹⁾ Ibid., II, 161—277.

¹⁰⁾ Ibid., II, 163. Вотъ какъ Смиттъ опредѣляетъ русскую политику въ 1775—

новой партіи вмѣсто того, чтобы слушаться голоса государственной мудрости и разума, слушались лишь своей ненависти, своего раздраженія противъ Россіи¹⁾). На сторонѣ послѣдней были главнымъ образомъ строгіе консерваторы, признававшіе, что только она въ состояніи поддержать въ Рѣчи Посполитой *statum quo*, отчасти люди, желавшіе угодить королю, и, наконецъ, всѣ тѣ, которые ждали для себя отъ русской императрицы великихъ и богатыхъ милостей, хотя, конечно, своекорыстные расчеты дѣйствовали и между людьми стремившимися къ полному политическому перевороту²⁾). Планъ Станислава Августа стать въ тѣснѣйшій союзъ съ Россіей и, пользуясь ея поддержкой, работать надъ укрѣпленіемъ и усиленіемъ Польши, встрѣтилъ оппозицію, рѣшающимъ же моментомъ въ исторіи этой борьбы польскихъ партій было вмѣшательство прусской политики³⁾). Съ такой точки зрѣнія, которую у новѣйшихъ польскихъ историковъ весьма напоминаютъ взгляды Калицки и Бобржинскаго, авторъ и рассматриваетъ исторію четырехлѣтняго сейма и принятую имъ конституцію 3-го мая 1791 г. „Чѣмъ же была“, спрашиваетъ онъ, — „эта знаменитая конституція? Соотвѣтствовала ли она всѣмъ отъ нея требованіямъ? Далеко нѣтъ“, отвѣчаетъ онъ. — „Это было довольно безтолковое издѣліе (*ein ziemlich konfuses Machwerk*), безъ логики, полное противорѣчій, полное старопольскихъ предразсудковъ, мѣстами покрытое пестрыми заплатами изъ чужихъ конституцій, которыя должны были ее украсить, а въ сущности только выдавали, отъ какой матеріи ихъ отрѣзали“⁴⁾). Смиттъ подвергаетъ эту прославлявшуюся другими историками конституцію строгому разбору, находя, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ злоупотребленій, ею устраненныхъ, не смотря на модныя фразы, плѣтившія молодежь, но скрывшія лишь недостатки и пробѣлы, все въ сущности оставалось по старому, — и многія замѣчанія Смита вполне основательны⁵⁾). „Изъ сословій“, говоритъ онъ, напри- мѣръ, — „шляхта получила подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ, горо-

1788 гг.: Katharina, die durch ihren Gesandten unbestritten in Polen gebot, wünschte aufrichtig die Heilung der dem Lande geschaffenen Wunden, da sie dieses Land als ein nahe verbrüderetes betrachtete. II, 151—152.

¹⁾ Ibid., II, 164. Далѣе у Смита очеркъ тогдашнихъ польскихъ партій, 164—179. Здѣсь же характеристики главныхъ дѣятелей въ этихъ партіяхъ.

²⁾ Ibid., II, 165.

³⁾ Ibid., II, 182 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 255.

⁵⁾ Ibid., II, 256—265.

жане—только право получать шляхетство, крестьяне—только слова¹⁾ и т. д. ¹⁾). Историкъ, впрочемъ, не былъ непримиримымъ врагомъ конституціи 3-го мая: онъ находить, что при данныхъ обстоятельствахъ ничего лучшаго и нельзя было сдѣлать, и что все-таки, устранивъ многіе недостатки прошлаго, она была „большимъ шагомъ впередъ“. Но, прибавляетъ онъ,—и безъ иностраннаго вмѣшательства конституція эта не могла бы удержаться отъ внутренней оппозиціи: въ предсмертныя минуты недѣйствительны никакія средства²⁾, тѣмъ болѣе, что именно въ это время дѣйствовали, въ неблагопріятномъ для Рѣчи Посполитой отношеніи, вѣншія политическія обстоятельства. Смиттъ тутъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ вліяніе французской революціи на Европу: на польскія дѣла стали смотрѣть съ новой точки зрѣнія. „На обѣ революціи“, говоритъ онъ (то-есть, на французскую и польскую),—„оказали большое вліяніе сочиненія французскихъ философовъ; обѣ были произведены болѣе образованными сословіями обѣихъ странъ; различіе состояло только въ томъ, что болѣе образованнымъ сословіемъ во Франціи была высшая буржуазія (der höhere Bürgerstand), а въ Польшѣ—дворянство, вслѣдствіе чего одна революція была болѣе демократической, другая—болѣе аристократической. Однако польская имѣла громадное преимущество передъ французской. Въ то время какъ послѣдняя ниспровергла все безъ различія, первая созидала на основахъ существующаго, только улучшала недостаточное и позволяла ожидать новыхъ улучшеній. Но ея дни были сочтены!“³⁾).

Событіямъ 1792 г. Смиттъ посвящаетъ двѣ послѣднія главы второго тома, которыя представляютъ изъ себя нѣчто цѣлое. Разсказъ начинается съ обращенія Феликса Потоцкаго, Северина Ржевускаго и Браницкаго къ Россіи, то-есть, съ факта, бывшаго прелюдіей къ заключенію тарговицкой конфедераціи, и заканчивается согласіемъ Екатерины на второй раздѣлъ Польши. Въ этомъ разсказѣ авторъ, пользуясь архивнымъ матеріаломъ, поправляетъ своихъ предшественниковъ по исторіи Польши въ эпоху двухъ послѣднихъ раздѣловъ.

¹⁾ Ibid., II, 260.

²⁾ Ibid., II, 264—265.

³⁾ Ibid., II, 266. Сравненіе обѣихъ революцій — предметъ интересный, но Смиттъ отнесся къ вопросу поверхностно. Онъ просмотрѣлъ участіе во французской революціи народныхъ массъ, съ одной стороны, а съ другой — то, что сильный политическій организмъ Франціи вынесъ болѣе радикальное потрясеніе, тогда какъ Польша пала при попыткѣ болѣе умѣренной реформы.

Третій томъ сочиненія Смитта долженъ былъ заключать въ себѣ дальнѣйшую исторію, но онъ не былъ изданъ авторомъ.

Таково содержаніе перваго труда Смитта. Этотъ историкъ обратилъ гораздо большее вниманіе на внутреннюю исторію Польши, нежели это сдѣлалъ Зибель, и, стоя съ послѣднимъ на одной точкѣ зрѣнія относительно необходимости для Пруссіи раздѣла Рѣчи Посполитой, находилъ однако, что для Польши союзъ съ Россіей былъ болѣе выгоденъ, нежели союзъ съ Пруссіей,—мысль, усвоенная нѣкоторыми новѣйшими польскими историками. Послѣднее замѣчаніе можно сдѣлать и относительно взгляда Смитта на конституцію 3-го мая. Другое сочиненіе того же автора имѣетъ интересъ болѣе специальный. Этотъ трудъ состоитъ изъ текста, сборника документовъ ¹⁾ и позднѣе написаннаго прибавленія, служащаго продолженіемъ текста. Въ первой главѣ текста ²⁾, равно какъ въ прибавленіи ³⁾ Смиттъ является критикомъ ходячихъ разсказовъ о первомъ раздѣлѣ Польши. Указавъ на источники этихъ разсказовъ ⁴⁾, онъ по очереди разбираетъ эти источники, говоря, на примѣръ, что прусскіе дипломаты и издатели (Гёрцъ, Домъ, Шёлль) „на основаніи заявленій короля (Фридриха II) и принца (Генриха прусскаго) продолжали работать, сплетая (*en brochant*) и прилично украшая вещи“ ⁵⁾. „Реляція Görtz-Dohm“, говоритъ Смиттъ,—перешла во всѣ историческія руководства за немногими исключеніями ⁶⁾. Разобравъ прусскіе источники, Смиттъ отмѣчаетъ взгляды, переходные къ противоположной точкѣ зрѣнія, называя здѣсь Флассана, автора „Исторіи французской дипломатіи“, и Раумера, издаващаго „*Beiträge zur neuern Geschichte aus dem Britischen Museum und französischen Reichsarchiv*“ ⁷⁾, а какъ представителей противоположнаго мнѣнія, то-есть, прямо обвиняющаго Фридриха, называетъ англичанъ Кокса и Угахалл'я, француза Сень-При и австрійца Гроссъ-Гоффингера ⁸⁾. Въ прибавленіи

¹⁾ Collection de documents servant à l'histoire du partage de la Pologne. Lettres et dépêches du roi Frédéric II à son ambassadeur le comte Solms à St.-Petersbourg depuis l'année 1769—1779.

²⁾ Подъ названіемъ état présent de la question, стр. 3—67.

³⁾ 69 страницъ особой нумераціи.

⁴⁾ Ibid., 4—5.

⁵⁾ Ibid., 30.

⁶⁾ I. c., I, 37.

⁷⁾ Ibid., I, 37—43. Сочиненіе это мы рассмотрѣли выше.

⁸⁾ *Coxe*. History of the house of Austria (нѣм. переводъ 1817 г.). *Wrazall*. Memoirs of the courts of Berlin, Dresden, Warsaw and Vienna in the years

авторъ разбираетъ рассказы—Германна, основанные на документахъ дрезденскаго архива ¹⁾, и Курда-фонъ-Шлёцера, черпавшаго свой матеріалъ въ архивѣ прусскаго посольства въ Петербургѣ. Что касается до документовъ, напечатанныхъ самимъ Смиттомъ, то они были извлечены имъ изъ нашего архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Это письма и депеши Фридриха II къ своему послу въ Петербургѣ гр. Сольмсу, собственноручно переписанныя послѣднимъ и переданныя въ такихъ копіяхъ гр. Панину. Одинъ изъ позднѣйшихъ историковъ перваго раздѣла Польши основательно высказываетъ недоумѣніе по поводу того, что авторъ, коему были доступны русскіе матеріалы, не сообщаетъ въ своемъ изданіи ни одного документа, характеризующаго собственно русскую политику во всемъ дѣлѣ ²⁾.

Вторая глава текста въ книгѣ Смита обозначена, какъ отвѣтъ на вопросъ, коему посвящена первая глава (Frédéric II, ou la solution, стр. 71—162). Въ этой главѣ разсказывается о томъ, что дѣлалъ Фридрихъ Великій для того, чтобы получить столь необходимую для него западную Пруссію „Оба государя, то-есть, Екатерина II и Фридрихъ II“, говоритъ Смиттъ, —,имѣли свои тайные виды, которые они скрывали другъ отъ друга: Екатерина хотѣла оказывать господствующее вліяніе въ Польшѣ; Фридрихъ хотѣлъ расчлѣнить часть Польши; оба нуждались во взаимной поддержкѣ противъ другихъ соперничающихъ державъ... Фридрихъ включилъ въ новый трактатъ, бывшій только передѣлкою заключеннаго ранѣе съ Петромъ III ³⁾, два важныхъ пункта: 1) о поддержкѣ конституціи Польши, какъ избирательнаго королевства, и 2) о диссидентахъ. Такъ какъ эти два пункта совершенно соотвѣтствовали тайнымъ видамъ императрицы, она не сдѣлала противъ нихъ никакихъ возраженій, и оба государя сообща наблюдали, но съ задними мыслями противоположнаго свойства, чтобы эти пункты были соблюдаемы ⁴⁾. Различіе было однако въ томъ, что прусскій король и слышать не хотѣлъ впоследствии о какихъ бы то ни было перемѣнахъ въ польской конституціи, тогда какъ русскій кабинетъ, на оборотъ, не противился нѣкоторымъ измѣненіямъ въ

1777—1779. London. 1800. *St. Priest. Études diplomatiques et littéraires.* P. 1850. *Gross-Hoffinger. Lebens-und Regierung Geschichte Joseph's des II.* Stuttgart. 1837—1839.

¹⁾ *Hermann. Geschichte des russischen Staates* V томъ.

²⁾ *Adolf Beer. Die erste Theilung Polens.* Wien. 1073. I, Vorwort, V.

³⁾ Трактатъ этотъ помѣщенъ у *Смита* на стр. 157—165 первой части.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 85—86.

этой конституціи¹⁾: въ Польшѣ въ это время и Станиславъ-Августъ, и Чарторьскіе носились съ идеей „постояннаго совѣта“, введеннаго въ послѣдствіи въ Рѣчи Посполитой, именно послѣ перваго раздѣла и какъ разъ при содѣйствіи Россіи, и Екатерина съ самаго начала ничего не имѣла противъ этого, но Фридрихъ II воспротивился самымъ рѣшительнымъ образомъ²⁾. Рѣчь о „постоянномъ совѣтѣ“ замолкла, такъ что онъ могъ быть установленъ только послѣ перваго раздѣла, когда Фридрихъ, достигнувъ своей цѣли, не былъ болѣе такъ суровъ. Что касается до диссидентскаго дѣла, — конечно, оно велось преимущественно Россіей³⁾, но и въ него, по мнѣнію Смита, втолкнулъ русскую политику Фридрихъ II къ вящей выгодѣ собственнаго дѣла. „Непосредственно“, говоритъ авторъ, — „послѣ заключенія союзнаго договора 11-го апрѣля 1764 г. съ императрицей, въ коемъ король помѣстилъ и секретный параграфъ о диссидентахъ, находившіхся въ трактатѣ съ Петромъ III, онъ просилъ для нихъ, черезъ своего посланника Сольмса, у императрицы Екатерины покровительства и помощи, когда она едва только получила престолъ и была занята главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы на немъ укрѣпиться и установить политическія отношенія къ сосѣднимъ государствамъ. Доселѣ она обращала свое вниманіе на Польшу лишь по столько, по сколько дѣло шло о помѣщеніи на тронѣ Пяста и вмѣстѣ съ тѣмъ сторонника Россіи. Диссидентское дѣло, которое тогда еще не было начато, было едва ей извѣстно и мало ее занимало, когда Фридрихъ сдѣлалъ попытку заставить ее принять это дѣло близко къ сердцу“⁴⁾. Затѣмъ все пошло такъ, какъ было желательно прусскому королю: самолюбіе русской императрицы было задѣто неудачей ея заступничества за диссидентовъ, а въ Рѣчи Посполитой были посѣяны сѣмена обострившагося религіознаго раздора. Свой рассказъ о политикѣ Фридриха II въ послѣдующихъ событіяхъ авторъ заключаетъ такимъ образомъ: „Тотъ, кто составилъ проектъ и былъ главнымъ двигателемъ раздѣла, былъ всегда и теперь остается Фридрихъ, и нужно удивляться ловкости, искусству, съ какимъ онъ довелъ это дѣло до конца и для достиженія своихъ плановъ привелъ къ союзу съ собою противъ ихъ собственной воли

¹⁾ Ibid., I, 95, 101 sq.

²⁾ Ibid., I, 104. Cf. Note présentée par le comte Solms, envoyé du roi de Prusse à Pétersbourg, en novembre 1767. Стр. 106—115.

³⁾ Ibid., I, 115.

⁴⁾ Ibid., I, 116—117.

и собственнаго интереса двѣ державы, изъ коихъ одна даже была къ нему враждебна¹⁾).

Одна изъ этихъ державъ, Россія, согласилась на раздѣлъ неохотно и только подъ „угрозой европейскою коалиціей“²⁾). Этотъ взглядъ въ настоящее время можно считать наиболѣе утвердившимся въ исторической наукѣ³⁾).

Нѣсколько заключительныхъ страницъ Смиттъ посвящаетъ обсужденію вопроса о первомъ раздѣлѣ Польши съ нѣкоторыхъ болѣе общихъ точекъ зрѣнія. „Быль ли раздѣлъ Польши неслыханнымъ преступленіемъ, какъ кричали поляки и французы?“—вотъ первый вопросъ, представившійся уму автора. Поляки — заинтересованная сторона, французы въ дѣлѣ не получили своей доли, и этимъ объясняется, по Смитту, такой взглядъ на дѣло, коего онъ самъ не раздѣляетъ. „Мы этого не думаемъ“, отвѣчаетъ онъ на свой вопросъ,—„и, не желая извинять самый актъ, мы находимъ смѣшнымъ, когда его представляютъ безпримѣрнымъ политическимъ преступленіемъ, которое не знаютъ какъ и проецировать. Развѣ сами поляки, да вмѣстѣ съ тѣмъ и французы не дѣйствовали при случаѣ такимъ же образомъ?“ спрашиваетъ авторъ и ссылается на захватъ Червонной Руси Казиміромъ III, на присоединеніе другихъ русскихъ земель къ Литвѣ, на помощь самозванцу ради подчиненія себѣ и остальной Руси. „Время шло, дѣла приняли другой оборотъ, и какъ прежде приобрѣли, такъ теперь потеряли“⁴⁾). Далѣе, если Россія не хотѣла запутаться въ невылазныхъ затрудненіяхъ, то должна была уступить натиску, который на нее дѣлали; Австрія не могла отстать, ибо это было бы ей невыгодно, а у главнаго виновника было много мотивовъ, и притомъ могущественныхъ: „*Salus populi suprema lex esto*“⁵⁾). „Могущественная Пруссія“, поясняетъ Смиттъ свою прежнюю мысль,—„рядомъ съ могущественною Польшею была химерой, потому что всѣ стремленія и интересы обоихъ государствъ были діаметрально противоположны. Возможно было или усиленіе Пруссіи, или усиленіе

¹⁾ Ibid., I, 145.

²⁾ Ibid., I, 143.

³⁾ Nach den hier (въ книгѣ Смитта) mitgetheilten Dokumenten kann es keinem Zweifel mehr unterliegen, dass nicht Russland, sondern Preussen die erste Theilung Polens veranlaszt und ins Werk gesetzt habe. *J. Janssen*. Zur Genesis der ersten Theilung Polens, стр. 4.

⁴⁾ *Smitt*, I, 145—146.

⁵⁾ Ibid., 147.

Польши, имѣвшей всѣ средства для образованія могущественнаго государства. Пруссія поднялась лишь тогда, когда Польша была распространена на землѣ. Фридрихъ это понялъ, и съ той минуты главною цѣлью его усилій было препятствовать Польшѣ подняться. Съ другой стороны, приобрѣтеніе территории, которая отдѣляла восточную Пруссію отъ Бранденбурга было жизненною необходимостью для прусской монархіи. Для того, чтобы она осталась на высотѣ, на какую возвелъ ее Фридрихъ, нужно было установленіе свободнаго и легкаго сообщенія между областями, изъ коихъ монархія состояла. Во время семилѣтней войны отсутствіе этой связи дало-таки себя чувствовать. И съ точки зрѣнія права Фридрихъ могъ спросить, было ли право поляковъ на эти провинціи безусловно неопровержимо. Не были ли это раздоръ, предательство и наконецъ вооруженное вмѣшательство, которые сдѣлали ихъ господами этихъ земель? И не была ли эта страна послѣ трехвѣковыхъ усилій ее колонизировать все-таки болѣе нѣмецкою, чѣмъ польскою, по крайней мѣрѣ, въ городахъ? Установленіе сарматскаго владычества не было ли началомъ ея несчастій? Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоило только сравнить ея состояніе съ сосѣднею страню, которая прежде составляла съ нею одно и то же государство. Вездѣ въ восточной Пруссіи царствовало полнѣйшее благоденствіе, въ западной Пруссіи—глубокій упадокъ ¹⁾.. Умственное и особенно религіозное, равно какъ матеріальное, угнетеніе тяготѣло надъ этой страню. Въ такомъ случаѣ ея отдѣленіе отъ Польши и присоединеніе къ Пруссіи было для нея нѣкоторымъ образомъ истиннымъ благодѣяніемъ, новою эрою жизни и благополучія. И это говоритъ за Фридриха. Въ чемъ можно его упрекнуть, такъ это въ его образѣ дѣйствій, хитромъ, притворномъ и двусмысленномъ, болѣе раздражающемъ, чѣмъ мѣра насильственная, но открытая и прямая. Онъ сдѣлался лисцей, когда былъ львомъ. Впрочемъ, можно сказать мимоходомъ въ его оправданіе, и левъ, будучи львомъ, не можетъ всегда сдѣлать то, что захочетъ! ²⁾ „Наконецъ“, говоритъ еще Смиттъ,—„поляки должны и себя считать виновниками своего несчастія, ибо они вызвали и нѣкоторымъ образомъ оправдали эти насильственныя мѣры состояніемъ анархіи, въ какомъ находились. А между тѣмъ ихъ судьба была имъ предсказана болѣе чѣмъ за сто лѣтъ ихъ королемъ Яномъ Казиміромъ, но они не обра-

¹⁾ Ibid., I, 148—149.

²⁾ Ibid., I, 150.

тили на это вниманія и не постарались извлечь отсюда для себя пользу и исправиться. Нужно было, чтобы несчастье постигло ихъ среди глубокой безопасности, дабы они проснулись. Они имѣли всѣ средства быть сильными и могущественными, и они остались слабыми и бессильными, потому что слушались только голоса своего эгоизма.. Польша погибла вслѣдствіе презрѣннаго эгоизма и раздора, вслѣдствіе нетерпимости, деспотизма духовенства и интригъ іезуитовъ, наконецъ, вслѣдствіе своего глубокаго умственнаго, нравственнаго и политическаго упадка¹⁾. Общій выводъ Смитта такой: „первый раздѣлъ Польши былъ скорѣе благодѣяніемъ для націи, ибо онъ извлекъ ее изъ ея летаргіи, чтобы призвать ее къ новой жизни. Для сосѣднихъ странъ онъ былъ, съ одной стороны, политической необходимостью, а съ другой—средствомъ избѣжать большаго зла, общаго пожара со всѣми его бѣдствіями“²⁾. Авторъ ссылается на примѣръ Германіи: у нея Франція отняла лѣвый берегъ Рейна, но это послужило только къ паденію мелкодержавія и развитію въ остальной части лучшаго существованія, что сообщило нѣмцамъ силу возвратить себѣ утраченное. „И съ Польшей было бы то же самое, еслибы послѣ раздѣла нація дозволила вести себя мудрой политикѣ болѣе, нежели увлеченію страстей“. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ авторъ прибавляетъ: „мы старались это доказать въ другомъ сочиненіи, изданномъ въ Германіи въ 1858 г. подъ заглавіемъ: Суворовъ и паденіе Польши“³⁾.

Такимъ образомъ въ обоихъ сочиненіяхъ Смитта проводится одна и та же идея, и соображенія, высказанныя имъ во второмъ изъ нихъ, еще болѣе роднятъ его съ Зибелемъ: и тутъ при объясненіи причинъ паденія Польши поставлены на первомъ планѣ внутренняя неурядица и прусская политика, для которой находится и оправданіе. Отличіе отъ Зибеля въ томъ, что Смиттъ сумѣлъ соединить защиту интересовъ „средней Европы“ съ оправданіемъ русской политики. Въ этомъ заключается то, что можно назвать русскимъ направленіемъ его историческихъ трудовъ, имѣющимъ, впрочемъ, оттънокъ officialный, а не національный: Смиттъ успѣшно снимаетъ обвиненія, тяготѣвшія надъ русскою политикой XVIII вѣка, но совсѣмъ однако не видитъ, что права Россіи на взятое ею у Рѣчи Посполитой имѣли свою основу въ національномъ тяготѣніи русскихъ областей польскаго

¹⁾ Ibid., 150—151.

²⁾ Ibid., I, 151.

³⁾ Ibid., I, 152.

государства къ Россіи. Все значеніе послѣдняго обстоятельства пришло въяснить только русскимъ публицистамъ и историкамъ.

Въ 1865 году франкфуртскій (на Майпѣ) профессоръ исторіи Іоганнъ Янсенъ, прославившійся въ послѣднее время, благодаря своему капитальному труду „Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters“, издалъ небольшую книгу: „Къ генезису перваго раздѣла Польши“¹⁾. На эту работу авторъ былъ наведенъ занятіями въ ватиканскомъ тайномъ архивѣ, начальникъ коего Августинъ Тейнеръ готовилъ къ печати въ это же время четвертый томъ своихъ „*Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*“ заключающій въ себѣ донесенія папскихъ нунціевъ съ 1697 по 1775 г. Янсенъ нашель извѣстія относительно перваго раздѣла Польши, принадлежавшія папской дипломатіи, весьма важными и воспользовался ими для особой работы о первомъ раздѣлѣ, поставилъ ей, какъ самъ онъ говоритъ, цѣль чисто историческую безъ всякой примѣси политики и полемики²⁾. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ первомъ идетъ рѣчь о внутреннихъ отношеніяхъ въ Польшѣ и о разныхъ проектахъ ея раздѣловъ съ 1656 г. до русско-прусскаго союза 1764 г.; во второмъ изображается безсиліе Польши со времени заключенія русско-прусскаго союза до барской конфедераціи; третій отдѣлъ занятъ изложеніемъ исторіи этой конфедераціи до русско-прусскаго договора о раздѣлѣ; наконецъ, четвертый отдѣлъ посвященъ самому раздѣлу и сейму, его утвердившему. Внутреннихъ отношеній Рѣчи Посполитой Янсенъ касается весьма кратко³⁾ и почти во всемъ началѣ сочиненія рассматриваетъ различные проекты дѣлежа Польши между сосѣдями. Историки эпохи вообще указываютъ на эти проекты, но никто, кажется, не излагалъ ихъ столь подробно, по крайней мѣрѣ, относительно, какъ Янсенъ. Въ связи съ этимъ предметомъ онъ излагаетъ „польскую политику“ Россіи съ Петра Великаго⁴⁾: по его представ-

¹⁾ *Dr. Johannes Janssen. Zur Genesis der ersten Theilung Polens. Freiburg im Breisgau. 1865.* Тому же автору принадлежитъ еще брошюра *Russland und Polen vor hundert Jahren. Frankfurth. 1865.*

²⁾ Vorliegende Arbeit hat nicht einen politischen, noch weniger einen polemischen, sondern einen lediglich historischen Zweck. *Ibid.*, 1. Ohne alle Rücksicht auf politische Verhältnisse und politische Fragen der Gegenwart wollte ich die vergangenen Dingen so darstellen, wie ich nach bester Ueberzeugung glaube, dass sie sich wirklich zugetragen, 5.

³⁾ *Ibid.*, 6—9.

⁴⁾ *Ibid.*, 20 sqq.

ленію, Россія стремилась подчинить себѣ Польшу, ибо хотѣла пользоваться преобладающимъ вліяніемъ въ Германіи, и съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра это сдѣлалось главною цѣлью политики Россіи¹⁾. Онъ думаетъ, кромѣ того, что Польша, которая прежде оберегала весь Западъ и особенно Германію отъ монголовъ и турокъ, должна была оберегать ихъ отъ „полувосточно-варварской“ Россіи, а потому возрожденіе Польши, коему мѣшала русская политика, должно было бы принести великую пользу всему Западу вообще и Германіи въ особенности²⁾. О диктатурѣ надъ Европой особенно помышляла Екатерина II, поставившая своею жизненною задачею подчинить себѣ Польшу³⁾. Диссидентскій вопросъ былъ въ рукахъ русской императрицы и средствомъ производить смуты въ Польшѣ, и поводомъ ко вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла⁴⁾. Въ извѣстномъ договорѣ Екатерины и Фридриха II апрѣля 1764 года Янссенъ видитъ смертный приговоръ Польши⁵⁾. Для католическаго автора подъ видомъ религіозной терпимости въ требованіи Екатерины скрывалось обращеніе Польши въ „схизму“, „die Schismatisirung Polens⁶⁾“. „Европа“, восклицаетъ онъ,—„переживала по истинѣ удивительное зрѣлище. Екатерина II, признававшая протестантизмъ для Россіи опаснымъ съ государственной точки зрѣнія и запрещающая русскимъ католикамъ съ кровавою жестокостью исполненіе ихъ религіи, и Фридрихъ II, который въ католической Силезіи исключилъ всѣхъ католиковъ изъ высшихъ должностей, хотѣли даровать въ католической Польшѣ не католическому дворянству всѣ политическія права, всѣ права верховенства католическаго дворянства“⁷⁾. Авторъ раздражается цѣлою діатрибой по поводу диссидентскаго вопроса, употребляя, на примѣръ, такіе аргументы, что и диссидентовъ-то въ Польшѣ была всего сотня другая-третья семействъ (einige wenige hundert Familien!), которымъ притомъ и жилось превосходно!⁸⁾. Далѣе авторъ указываетъ на то, что, требуя

¹⁾ Ibid., 20, 26.

²⁾ Ibid., 28.

³⁾ Ibid., 34. sq.

⁴⁾ Ibid., 45. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Смитта, что въ диссидентскомъ вопросѣ инициатива принадлежала Фридриху II. Стр. 39, примѣч.

⁵⁾ Ibid., 44.

⁶⁾ Ibid., 54.

⁷⁾ Ibid., 55.

⁸⁾ Ibid., 56—57. Авторъ ссылается на полемическую Réponse aux remontrances de messieurs les dissidents, приведенную у Theiner'a. Малое число диссидентовъ однако существовало только среди шляхты.

допущенія католиковъ къ политическимъ правамъ, Россія и Пруссія хотѣли имѣть всегда готовую къ ихъ услугамъ партію, и если поляки не соглашались на требованіе этихъ державъ, то не изъ религіознаго фанатизма, а по политическимъ соображеніямъ ¹⁾). Что касается до „схизматизаціи Польша“, то по представленію автора, обращеніе униатовъ въ „схизму“ происходило уже въ серединѣ шестидесятихъ годовъ при помощи русскихъ казаковъ ²⁾). Мало того: Екатеринѣ буквально приписывается желаніе и намѣреніе „искоренить въ Польшѣ католическую церковь и тѣмъ осуществить полное уничтоженіе польской національности“! ³⁾ Барская конфедерація и образовалась на защиту вѣры ⁴⁾). Однако съ его точки зрѣнія война, начатая конфедераціей, не была религіозною, тогда какъ „Екатерина, напротивъ, провозгласила религіозную войну“, призвавъ „дикія орды запорожскихъ казаковъ и гайдамаковъ къ борьбѣ противъ поляковъ и разнуздавши религіозный фанатизмъ in einem gräßlichen Mordedikt“, а этотъ эдиктъ—подложный манифестъ Екатерины, повелѣвавшій избивать поляковъ, ксендзовъ и евреевъ! ⁵⁾ Это даетъ Янссену поводъ обрушиться на „философію XVIII вѣка“. Факты и взглядъ на тогдашнія событія онъ заимствовалъ изъ донесеній папскаго пунціа, въ которыхъ все, конечно, представлено съ особой точки зрѣнія: и не мудрено, что этимъ донесеніямъ авторъ отдаетъ предпочтеніе, сравнительно съ реляціями англійскихъ, французскихъ и саксонскихъ дипломатовъ ⁶⁾).

Когда въ книгѣ изложеніе доводится до переговоровъ относительно перваго раздѣла, ставится вопросъ: почему Россія сначала на него не соглашалась? Отвѣтъ дается тотъ, что уже Петръ Великій помышлялъ о господствѣ надъ всею Польшей, и что Екатерина точно также стояла на этомъ съ тѣхъ поръ, какъ ея кандидатъ сталъ польскимъ королемъ, и вообще эта сторона дѣла обставлена у Янссена весьма хорошо ⁷⁾). Екатерина пошла на раздѣлъ только подъ давленіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ ⁸⁾). Раздѣлъ со-

¹⁾ Ibid., 57—58.

²⁾ Ibid., 54, 59, 116. Нужно замѣтить, что Янссенъ не одобряетъ поведеніе поляковъ-католиковъ по отношенію къ униатамъ. 60. То же самое мы встрѣтимъ и у другаго католическаго историка (к.с. Калинин).

³⁾ Ibid., 90.

⁴⁾ Ibid., 93.

⁵⁾ Помѣщенъ у *d'Angeberg*. I, 61—62.

⁶⁾ *Janssen*, 2.

⁷⁾ Ibid., 126—127.

⁸⁾ Ibid., 140—141.

вершился ¹⁾, и диссиденты, по словам Янсена, были брошены, правами ихъ было пожертвовано. Къ этому замѣчанію авторъ прибавляетъ: „предавая диссидентовъ, Екатерина, продолжала въ присоединенныхъ провинціяхъ кровавое преслѣдованіе греко-уніатскихъ церквей, и въ ея царствованіе болѣе двухъ милліоновъ католиковъ было обращено въ «схизму» кнутомъ, тюрьмой и ссылкой“ ²⁾. Это говорится объ Екатеринѣ, которая поддерживала въ Бѣлоруссіи іезуитовъ, которую нѣкоторые русскіе писатели даже упрекаютъ въ томъ, что она долгое время мѣшала возвращенію уніатовъ въ православіе по ложно понятому принципу свободы совѣсти ³⁾, да и одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, самъ католикъ и даже всендзъ, говоритъ, что „достаточно было одного указа Екатерины, чтобъ унія чуть не сразу исчезла въ Руси“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, при всемъ своемъ желаніи писать только одну исторію безъ всякой полемики, Янсень не удержался на научной высотѣ, и религіозныя отношенія Польши представлены у него въ невѣрномъ свѣтѣ: ему осталось неизвѣстнымъ количество (приблизительное, конечно) „схизматиковъ“ въ Польшѣ, осталось неизвѣстнымъ, на сколько русскій народъ былъ привязанъ къ уніи, и имъ невѣрно представлены какъ отношеніе Екатерины къ католицизму, такъ и способъ уничтоженія уніи.

За то Янсень совершенно вѣрно понимаетъ причину неудачи, постигшей конфедератовъ. „Польская національная борьба“, говоритъ онъ, — „не была, какъ борьба испанцевъ, тирольцевъ и всей Германіи (противъ французовъ), борьбою всего народа, но только борьбой того сословія, которое дотолъ одно себя признавало въ Польшѣ за націю, — борьбою дворянства. Въ этомъ лежала причина слабости и неудачи. Горожане оставались спокойными зрителями, и еще менѣе того обнаруживали охоты поработенные крестьяне взяться за мечъ ради своихъ господъ: участіе горожанъ и крестьянъ Цольши въ этой борьбѣ выразилось лишь въ страшныхъ страданіяхъ, какимъ они подвергались“ ⁵⁾. Въ концѣ книги авторъ изображаетъ еще испор-

¹⁾ Янсень подробно разказываетъ ходъ переговоровъ.

²⁾ Ibid., 184.

³⁾ *Колловичъ*. Исторія русскаго самосознанія. С.-Пб. 1884. Стр. 387. См. у насъ въ гл. V.

⁴⁾ *Kalinka*. Seim czteroletni. I, 442. Ср. ниже, гл. VII.

⁵⁾ Ibid., 108.

ченность польскаго общества въ эпоху перваго раздѣла ¹⁾, и это какъ-то не гармонируетъ съ его похвалами барской конфедераціи, бывшей костью отъ костей и плотью отъ плоти того же общества.

Гораздо позднѣе предпринято было что-либо со стороны австрійскихъ писателей для освѣщенія эпохи польскихъ раздѣловъ новымъ матеріаломъ, который можно было найти въ вѣнскомъ архивѣ, хотя нѣкоторые лица и предполагали, что этотъ матеріалъ долженъ былъ бы выставить австрійскую политику въ благопріятномъ для нея свѣтѣ ²⁾. Первымъ важнымъ сочиненіемъ, въ коемъ были утилизированы австрійскіе документы, былъ „Первый раздѣлъ Польши“ Адольфа Беера, и къ нему мы теперь и перейдемъ.

Сочиненіе Беера о первомъ раздѣлѣ Польши, изданное въ 1873 г., состоитъ изъ двухъ томовъ страницъ по 320—350 и нѣсколько меньшаго объема сборника документовъ ³⁾. Предисловіе къ этому историческому труду помѣчено 5-мъ августа 1872 г., въ столѣтнюю годовщину соглашенія Россіи, Австріи и Пруссіи относительно перваго раздѣла Польши. Съ того времени, говоритъ авторъ,—историческая наука не переставала дѣлать попытки разсвѣтать таинственный мракъ, окружающій переговоры означенныхъ державъ, и не смотря на всѣ ея усилія, дѣло остается во многихъ отношеніяхъ неяснымъ ⁴⁾. „Пруссіе историки“, продолжаетъ онъ,—„ограничивались въ сущности изображеніемъ важнѣйшихъ событій и старались лишить силы обвиненіе, по которому главнымъ виновникомъ былъ Фридрихъ. Достойно замѣчанія, что имъ плохо вѣрили, и что въ послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе укрѣплялся взглядъ, что главнымъ образомъ именно Фридрихъ направлялъ ходъ раздѣла, и не искаженное изданіе королевскихъ заявленій казалось только подтверждало это мнѣніе“ ⁵⁾. Соловьева, писавшаго о паденіи Польши по русскимъ источникамъ, Бееръ обвиняетъ въ томъ, что онъ пользуется своимъ матеріаломъ „главнымъ образомъ для изложенія вну-

¹⁾ Ibid., 182.

²⁾ *Georg Vayns* въ статьѣ по поводу втораго соч. Смитта (*Neue Mittheilungen über die erste Theilung Polens* въ VI томѣ *Hist. Zeitschrift Subella* за 1861) говоритъ: „es ist sehr wahrscheinlich wie schon öfters bemerkt, dass eine solche Mittheilung (изъ австр. арх.) die Dinge nur günstiger für den betreffenden Staat wird erscheinen lassen, als die bisherige Annahme war“, стр. 2.

³⁾ *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873.

⁴⁾ Ibid., I, Vorwort, III.

⁵⁾ Ibid., IV.

треннихъ отношеній Рѣчи Посполитой, чтобы объяснить и, гдѣ можно, оправдать поведеніе Россіи, и съ достойною удивленія ловкостью едва задѣваетъ самый важный пунктъ¹⁾. Не удовлетворенный прежними обработками вопроса и изданіями источниковъ²⁾, авторъ предпринялъ поиски въ вѣнскомъ, берлинскомъ и дрезденскомъ архивахъ, и результатомъ этой работы явилось его сочиненіе. По его собственнымъ словамъ, польская политика Россіи для него все-таки представляетъ нѣкоторыя загадки, хотя, прибавляетъ онъ, ея стремленія совершенно понятны. Относительно прусской политики у Беера нѣтъ никакихъ сомнѣній. „Что же касается до австрійской“, говоритъ онъ, — „въ своей работѣ, думаю я, я далъ совершенно ясное указаніе на ея мѣсто въ этомъ вопросѣ“³⁾. Въ общемъ онъ находитъ, что слѣдуетъ принять за основу показанія самого Фридриха II, ибо они находятъ подтвержденіе, — и раздѣляетъ поэтому взглядъ Ранке⁴⁾.

Таково содержаніе предисловія къ труду Беера. Изъ него видно, что на первомъ планѣ у автора стоитъ внѣшняя, дипломатическая сторона исторіи перваго польскаго раздѣла. Изъ пятнадцати главъ, на которыя распадается его сочиненіе⁵⁾, исторіи самой Польши посвящено лишь пять главъ, а именно тѣ, гдѣ говорится о прошломъ Польши, объ избраніи Станислава Августа и первыхъ годахъ его правленія, о барской конфедераціи (и то не вся глава) и о переговорахъ въ Варшавѣ, да и изъ тѣхъ только двѣ разсматриваютъ одни внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой.

Авторъ самъ облегчаетъ намъ ознакомленіе съ общимъ взглядомъ всего труда, излагая на послѣднихъ семи страницахъ II-го тома

¹⁾ Ibid., VI. Между тѣмъ польскіе историки называютъ Соловьева безпристрастнымъ (см. ниже).

²⁾ Авторъ упоминаетъ еще о *Herman n*'s (стр. IV) и *Janssen*'s (стр. IV).

³⁾ Ibid. VII.

⁴⁾ Der grösste historiker der Gegenwart hat in dieser Frage seinen intuitiven Scharfsinn bewiesen, стр. VIII.

⁵⁾ 1. Послѣ Семилѣтней войны. 2. Взглядъ на прошлое Польши. 3. Русско-прусскій союзъ. 4. Избраніе Станислава-Августа. 5. Первые годы правленія Станислава-Августа. 6. Барская конфедерація и турецкая война. 7. Австрія и Пруссія. 8. Австро-прусское посредничество и нейштадтское свиданіе. 9. Австро-турецкій договоръ. 10. Происхожденіе раздѣла. 11. Колебанія вѣнской политики. 12. Петербургскій трактатъ о раздѣлѣ. 13. Переговоры въ Варшавѣ. 14. Окончаніе турецкой войны. 15. Регулированіе границъ.

главнѣйшія свои соображенія. Здѣсь онъ начинаетъ съ указанія на то, что фактъ союза трехъ державъ, чтобы вынудить у четвертаго государства территориальныя уступки, былъ слѣдствіемъ полнаго разложенія европейской системы государствъ во второй половинѣ XVIII вѣка и обусловленной этимъ бездѣятельности постороннихъ раздѣлу державъ ¹⁾. Далѣе разсматривается поведеніе Австріи, Россіи и Пруссіи. Первая, по представленію Беера, въ лицѣ Маріи-Терезіи, готова была возвратить Рѣчи Посполитой свою часть, еслибы такъ же поступили Россія и Пруссія, ибо императрица, которой претило все дѣло, только послѣ долгой борьбы сдалась на „софистическіе доводы своего государственнаго канцлера“ и не устояла противъ далеко „не кроткаго поведенія своего собственнаго сына“ ²⁾. Россія получила область съ большинствомъ населенія, тяготѣвшимъ къ этому государству по религиознымъ причинамъ, и положеніе Екатерины заставляло ее вступаться за это населеніе. Кромѣ того, въ Петербургѣ для болѣе успѣшнаго движенія на западъ Европы стремились къ полному подчиненію Польши, оставляя ей тѣнь независимости. Этому помѣшали внутреннія отношенія Рѣчи Посполитой и внѣшнія политическія обстоятельства, и Россія рѣшилась взять въ свои руки инициативу сдѣлки съ двумя сосѣдними державами. Для Пруссіи пріобрѣтеніе области, доставшейся ей по первому раздѣлу, было необходимою. Дѣло заключалось не въ возвращеніи нѣмцамъ земли, отнятой у нихъ Польшей, а въ чрезполосности прусской монархіи ³⁾. „По самой сущности дѣла“, продолжаетъ авторъ, — „должна была возгорѣться ожесточенная борьба за этотъ кусокъ (отдѣлявшій Померанію и Бранденбургъ отъ собственной Пруссіи), и Фридрихъ болѣе ничего не сдѣлалъ, какъ воспользовался благоприятнымъ моментомъ, чтобы добыть достойнымъ удивленія дипломатическимъ искусствомъ то, что въ другое время пришлось бы пріобрѣтать остріемъ меча. Между Пруссіей и Рѣчью Посполитой была въ этомъ борьба не на животь, а на смерть, и, какъ тогда слагались обстоятельства, ставился вопросъ и о томъ, Пруссіи или Россіи стать твердою ногою на этомъ побережѣ Балтійскаго моря“. Другое дѣло—Австрія: авторъ сомнѣ-

¹⁾ Ibid., II, 313 sq.

²⁾ Ibid., II, 315. Сопротивленіе исходило не изъ политическихъ мотивовъ, но авторъ находитъ, что и съ политической точки зрѣнія участіе Австріи въ раздѣлъ было ошибкой съ ея стороны, 316. См. ниже.

³⁾ Ibid., II, 316. Намекъ на точку зрѣнія Зибеля.

вается въ томъ, было ли для нея только выгодно приобрѣтеніе польской территоріи. Это государство долго предпочитало вознаградить себя за увеличеніе сосѣднихъ государствъ на счетъ Порты или возвращеніемъ Силезіи, и въ этомъ Бееръ видитъ доказательство того, что „Австріи вовсе не нужна была польская земля сама по себѣ“ ¹⁾. Наконецъ, авторъ указываетъ на то, что раздѣлъ Польши былъ бы невозможенъ, еслибы само это государство не было въ полномъ разложеніи и тѣмъ еще раньше не вызвало въ сосѣдяхъ мысли о раздѣлѣ. „Уже въ теченіи столѣтій рѣшали иностранцы судьбы королевской республики, и сами поляки спасенія ждали только отъ иностранцевъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдніе и вѣдрались въ страну. Такъ называемая самостоятельность и независимость Польши была уже давно пріятнымъ сномъ, находившимся въ рѣзкомъ противорѣчій съ печальною дѣйствительностью. Неумолимый естественный законъ господствуетъ во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, и въ политической, и въ соціальной. Если гдѣ можно примѣнить глубокомысленнѣйшее изреченіе, то именно здѣсь: die Weltgeschichte ist das Weltgericht“ ²⁾.

Изъ сдѣланнаго нами обзора работы Беера читатель можетъ видѣть, что въ отношеніи общихъ идей сочиненіе это, весьма почтенное по вложенному въ него архивному матеріалу, не отличается особою оригинальностью, и что въ немъ довольно ясно сквозитъ австрійская тенденція, стремленіе выдвинуть на первый планъ „отращеніе“, съ какимъ Марія-Терезія относилась къ раздѣлу Польши. Прусская политика, не возбуждающая у Беера никакихъ сомнѣній, и русская, вызывающая у него, на оборотъ, нѣкоторое недоумѣніе, представлены вѣрно въ томъ смыслѣ, что для Фридриха II было дѣломъ необходимости устранить черезполосицу между Бранденбургомъ и восточной Пруссіей, тогда какъ Екатерина, дѣйствительно, хо-

¹⁾ Ibid., II, 317.

²⁾ Ibid., II, 318—319. II гл. (Rückblicke auf Polens Vergangenheit, т. I, стр. 32—56), гдѣ авторъ излагаетъ разложеніе Польши, не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго. Авторъ пользовался исторіей Польши *Karo (Caro)*, соч. Гюппе о польскомъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, кое-чѣмъ изъ Лелевеля и Ходзько, а также и общими сочиненіями. V гл., рассматривающая внутреннюю исторію Польши въ началѣ царствованія Станислава Августа (*Die ersten Regierungsjahre Stanislaus August's*, т. I, 175—225), написана на основаніи отчасти и архивныхъ (главнымъ образомъ вѣнскихъ) данныхъ; кромѣ того, здѣсь, какъ и во всемъ сочиненіи, много ссылокъ на *Forschungen zur deutschen Geschichte Гейсера (Häusser)*.

тѣла держать безраздѣльную и по внѣшности независимую Польшу подъ своимъ протекторатомъ.

Для освѣщенія австрійской политики въ польскихъ раздѣлахъ не мало было сдѣлано Альфредомъ фонъ-Арнетомъ, неутомимымъ собирателемъ историческаго матеріала и изслѣдователемъ австрійской исторіи ¹⁾. Въ данномъ вопросѣ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ его десяти томную исторію Маріи-Терезіи ²⁾ и особенно послѣдній отдѣлъ ея, изъ четырехъ томовъ, носящій названіе „Послѣднее время правленія Маріи Терезіи“ ³⁾. Во второмъ томѣ этого отдѣла разсматривается эпоха перваго польскаго раздѣла, при чемъ авторъ сначала касается отношенія вѣнскаго двора къ избранію преемника Августу III ⁴⁾, первоначальнаго сопротивленія Маріи-Терезіи какому бы то ни было раздѣлу Польши ⁵⁾, о которомъ помышляла и Саксонія ⁶⁾, и т. д. и осуждаетъ антидиссидентскую и охранительную по отношенію къ *liberum veto* политику Маріи Терезіи ⁷⁾: *liberum veto* было полезно для Россіи, а потому для Австріи оно было вредно, говоритъ Арнетъ ⁸⁾; что же касается до ея отношенія къ диссидентскому вопросу, то авторъ и вообще ставитъ на видъ конфессіональный характеръ австрійской политики ⁹⁾. Польскимъ планамъ Фридриха II, вызванной ими борьбѣ мнѣній въ Вѣнѣ, трактату о раздѣлѣ Польши и согласію послѣдней на этотъ раздѣлъ Арнетъ посвящаетъ четыре главы ¹⁰⁾. Окончательное отношеніе Маріи Терезіи ко всему дѣлу, по его представленію, было двойственное: соглашаясь на раздѣлъ Польши съ болью въ сердцѣ, императрица не упускала изъ

¹⁾ *Alfred Ritter von Arneht* издалъ переписку Маріи-Терезіи и Маріи-Антуанеты (1866 г. 2-е изд.), Маріи-Антуанеты, Иосифа II и Леопольда II (1866), Иосифа II и Екатерины II (1869), Иосифа II и Леопольда Тосканскаго (1872).

²⁾ *A. v. Arneht. Geschichte Maria Theresia's.* Wien. 1863—1879.

³⁾ *Maria Theresia's letzte Regierungszeit.* Цитировать мы будемъ по счету томовъ этого отдѣла.

⁴⁾ *Ibid.*, II, 30 sq.

⁵⁾ *Ibid.*, II, 38 sq.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 37.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 63—64, 122 sq. Арнетъ, говоря о сопротивленіи Пруссіи и Россіи реформамъ въ Польшѣ, замѣчаетъ, что противъ нихъ особенно была русская императрица.

⁸⁾ *Was Russland in Polen zum Nutzen gereichte, war Oesterreich zum Schaden.* II, 123.

⁹⁾ *Ibid.*, II, 2 sq.

¹⁰⁾ *Ibid.*, II, 293 sq., 321 sq., 361 sq., 395—426.

виду тѣхъ выгодъ, какія могло принести монархіи новое приобрѣтеніе ¹⁾. Тѣмъ не менѣе инициатива принадлежитъ не Австріи: сначала, говоритъ авторъ, — никто не сомнѣвался относительно истиннаго виновника раздѣла (то-есть, Фридриха II), но потомъ вздумали его обфдять, сваливая вину на Австрію, которая захватомъ Ципса прежде всего внушила подобную мысль Екатеринѣ II, а потомъ уже Фридриху II ²⁾. Автору не стоило ничего разбить такое представленіе дѣла. Съ другой стороны, онъ не соглашается съ Бееромъ, утверждавшимъ, что приобрѣтеніе Галиціи принесло Австріи болѣе вреда, чѣмъ пользы ³⁾, и „еслибы“, думаетъ онъ, — Польша сохранилась во всей своей неприкосновенности до нашихъ дней, то изъ этого произошло бы несомнѣнно выгодныя политическія слѣдствія для Австріи. Но ⁴⁾, прибавляетъ онъ, — „еслибы Польша досталась по кускамъ вся Пруссіи и Россіи, а Австрія осталась бы съ пустыми руками, то въ этомъ для послѣдняго государства была бы неизмѣримая потеря“ ⁵⁾. Такова чисто австрійская точка зрѣнія: у Россіи и Пруссіи были съ Польшею національныя и религіозныя счеты, коими историки обоихъ государствъ оправдываютъ раздѣлы Польши, а для австрійскаго историка все оправданіе въ томъ, что Австріи было выгодно не отстать отъ другихъ, и что полученныя ею земли выиграли отъ перехода подъ ея власть ⁶⁾, — точка зрѣнія, на которую становятся и прусскіе историки ⁶⁾. Замѣтимъ, что въ своемъ разсужденіи о главномъ виновникѣ польскаго раздѣла Арнетъ имѣетъ въ виду Ранке, который выразилъ именно такую мысль, противъ какой направлено все указанное мѣсто у австрійскаго историка. „Несправедливо, было бы“, говоритъ Ранке, — „смотрѣть на Фридриха, какъ на перваго виновника об-

¹⁾ Ibid., II, 391. Изъ „кабинетсъ-архива“ Арнетъ приводитъ интересную записочку Маріи-Терезіи къ Ласи: „le courier de petersbourg at raporté signé te malheureux partage: je vous dois a vous encore cet grand avantage, si c'est un. mais ce qui est certain que vous avez fais le plan et avoit osée demander tant et par la procurée a l'etat ce bien, sans avoir trempé dans la question si cela est juste ou non, 605. Мы сохранили и орографію документа. Арнетъ вообще оправдываетъ поведеніе Маріи Терезіи и съ нравственной стороны, 531.

²⁾ Ibid., II, 391—392.

³⁾ Beer, II, 316—317.

⁴⁾ Arnet, II, 532.

⁵⁾ Ibid., II, 533.

⁶⁾ Русскіе историки къ подобному аргументу не прибѣгаютъ, видя въ нашей политикѣ въ „возвращенныхъ“ областяхъ много темныхъ сторонъ. О Галиціи см. у Арнета т. IV, стр. 76 sq.

щаго тремъ державамъ расширенія ихъ территорій на счетъ Польши; эта мысль, пущенная изъ Австрiи (von Oesterreich veranlaszt), была принята (ist ergriffen worden) въ петербургскихъ салонахъ. Но что это приняло столь большiе размѣры и повело къ перемѣщенiю политическихъ силъ на сѣверъ и востокъ, толчекъ къ этому, безъ сомнѣнiя, былъ данъ Фридрихомъ“.

Въ нѣмецкой исторической литературѣ можно указать еще нѣсколько менѣе значительныхъ по содержанию или по объему сочиненiй, специально посвященныхъ паденiю Польши, но разбирать ихъ было бы слишкомъ долго. Ограничиваемся указаниемъ на ихъ существованiе ¹⁾ и дѣлаемъ исключенiе только для трудовъ, въ коихъ такъ или иначе разсматриваются внутреннiя польскiя отношенiя. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить трудъ Гюппе о государственномъ правѣ Рѣчи Посполитой ²⁾.

Въ предисловiи къ своей книгѣ Гюппе имѣлъ полное право сказать, что ключъ къ пониманiю всей польской исторiи заключается въ устройствѣ Рѣчи Посполитой, и что объ этомъ предметѣ никто еще до него не писалъ въ духѣ новой науки, такъ какъ и поляки сами, послѣ паденiя ихъ отечества, не занимались болѣе своимъ государственнымъ правомъ ³⁾. Основная его мысль та, что поляки—народъ

¹⁾ *Blum*. Ein russischer Staatsmann. Des Grafen J. J. Sievers Denkwürdigkeiten. III Bd. Leipzig und Heidelberg. 1858. *Max Duncker*. Die Erwerbung Westpreussens. *Hermann*. Die österreichisch-preussische Allianz und die zweite Theilung Polens. Gotha. 1861 (противъ Зибеля). *Sybel*. Polens Untergang und der Revolutionskrieg (*Hist. Zeitschrift*. 1870). *Von Vivenot*. Zur Genesis der Zweiten Theilung Polens. Wien. 1874. (Дополненiе къ изданiю Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege). *Preuss*. Die erste Theilung Polens und die Memoiren Friedrichs des Groszen. 1874. Его же. Die Abtrennung Westpreussens durch den Reichstag zu Warschau 1773. 1879. *Prowe*. Westpreussen in seiner geschichtlichen Stellung zu Deutschland und Polen. 1868. Все эти труды относятся къ международной политикѣ.

²⁾ *Hüppe*. Die Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867.

³⁾ Vorwort. IX. Въ одномъ мѣстѣ книги авторъ замѣчаетъ, что Зибель ясно представлялъ дипломатическiя и военныя обстоятельства, погубившия Польшу, но über die gewaltige Ursache welche in letzter Instanz den Untergang Polens möglich machte und entschied, über die Verfassung der Republik Polen, haben dem groszen Gelehrten nur unzureichende Quellen Auskunft gegeben, 193. О литературѣ польскаго государственнаго права Гюппе говоритъ въ приложенiи, стр. 379. и слѣд. Назовемъ главныя труды: *Chwalkowski*. Regni Poloni jus publicum. *Hartknoch*. Exercitatio ad Chwalkowski jus publicum и Respublica Polona. *Zalassowski*. Jus regni polonici. *Lengnich*. Jus publicum regni poloni. *Skrzetuski*.

очень молодой, а вынуждены были копировать учреждения болѣе старыхъ народовъ, своихъ сосѣдей, вслѣдствіе чего польское государственное устройство еще въ средніе вѣка носило въ себѣ зародыши порчи: польское государство уже съ XIII в. заключало въ себѣ принципы, которые оно само могло бы выработать только черезъ столѣтія, и это сдѣлало его развитіе одностороннимъ ¹⁾). Все спасеніе Польши могло бы заключаться только хотя бы въ насильственномъ ниспроверженіи дѣйствовавшаго въ ней государственнаго права, но этого не произошло, и Польша пала ²⁾). Въ Польшѣ царствовала свобода. Это понятіе, говоритъ Гюппе, которое обозначаетъ только частичное отрицаніе дѣйствія государственной власти, было въ Польшѣ такъ расширено, что государственная власть не получила совсѣмъ никакого поля дѣятельности, что она потеряла силу не только для того, чтобы поступать противозаконно, но и вообще какъ-нибудь поступать ³⁾). Эта характеристика польской конституціи совершенно вѣрна, но нельзя принять соображенія автора о связи такого государственнаго устройства съ молодостью польскаго народа и его славянскимъ характеромъ ⁴⁾). Государственная власть въ Польшѣ отсутствовала. „Шляхта“, говоритъ авторъ,—состоящая изъ равноправныхъ членовъ, только повидимости обладаетъ суверенитетомъ во всей совокупности; въ дѣйствительности въ Польшѣ развился суверенитетъ каждаго отдѣльнаго шляхтича. Польское государство получило видъ системы государствъ многихъ сотъ тысячъ абсолютныхъ монарховъ. Рѣшительно международный, уже не государственный отпечатокъ носятъ на себѣ различныя части польскаго устройства. Только въ международномъ, а не въ государственномъ правѣ находятъ свое объясненіе *liberum veto* и конфедераціи. Еще съ большимъ правомъ, нежели Германскую имперію (прежнюю), можно было назвать Польшу простымъ союзомъ независимыхъ государствъ, и тѣхъ, кто имѣлъ значеніе государственныхъ чиновъ (*Reichstandschaft*),

Prawo polityczne narodu polskiego. Это все труды XVII и XVIII вв. Изъ новѣйшихъ заслуживаетъ вниманіе работа Гоэмана „*Obraz rządu i prawodawstwa dawniej Polski*“ (*Przeглядъ Pozn.* 1847—1849) и особенно сочиненіе Корвона, которое будетъ у насъ разсмотрѣно подробно, а также новѣйшій трудъ проф. А. И. Павинскаго *Rządъ sejmikowe w Polsce.* Warszawa. 1888.

¹⁾ *Hüppe*, 3—4.

²⁾ *Ibid.*, 12.

³⁾ *Ibid.*, 13.

⁴⁾ *Ibid.*, 14.

было въ ней значительно болѣе, чѣмъ въ Германіи¹⁾. Въ этихъ словахъ Гюппе подмѣчена также дѣйствительная особенность внутренняго строя Рѣчи Посполитой: авторъ эту идею развиваетъ и въ подробностяхъ.

За введеніемъ, въ которомъ дается такая общая характеристика старо-польской конституціи, слѣдуетъ самое ея изложеніе въ одиннадцати главахъ: раздѣленіе государственной области, организація общества, королевская власть, сеймъ и нація, общины съ нѣмецкимъ правомъ, вѣроисповѣдныя общины, государственное управление, судъ, народное хозяйство и финансы, военное дѣло и вѣншія отношенія. Нашею цѣлью, конечно, не можетъ быть передача содержанія книги: мы отмѣтимъ только тѣ ея мѣста, которыя имѣютъ отношеніе къ главному вопросу, отчего пала Польша.

На одной изъ послѣднихъ страницъ своей книги Гюппе прямо ставитъ вопросъ о томъ, что нужно понимать подъ паденіемъ Польши, и отчего оно произошло. У Польши, говоритъ онъ, были средства великой державы, ибо по своимъ военнымъ силамъ она могла бы занимать въ Европѣ третье мѣсто, по финансамъ—четвертое²⁾. Съ Польшею, замѣчаетъ онъ еще,—пали Генеральныя штаты (Голландія), пали Генуя и Венеція, пали нѣмецкія епископства, имперскіе города и имперское рыцарство, какъ несвоевременныя, отсталыя явленія, но Рѣчь Посполитая имѣла гораздо больше внутреннихъ средствъ, нежели они всѣ, и тѣмъ не менѣе она пала: значить, и ея государственное право было несвоевременнымъ³⁾. Въ чемъ же состояло паденіе Польши? „Территорія Рѣчи Посполитой не исчезла съ лица земли; всѣ общественныя классы продолжаютъ существовать, хотя и въ другихъ отношеніяхъ между собою; польскіе сеймики и институты гражданскаго права, польская система налоговъ и польскіе полки почти безъ измѣненія еще долго существовали послѣ раздѣла страны. Что же уничтожилось, когда пала Польша? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: правительственная власть Польши. Съ ея устраненіемъ Польша должна была прекратить существованіе. Но мы всѣ знаемъ, что еще задолго до гибели Польши эта власть постепенно лишилась жизненной силы своей, такъ что державамъ, произведшимъ раздѣлъ, почти ничего не оставалось и разрушать. И мы также всѣ

¹⁾ Ibid., 19.

²⁾ Ibid., 373.

³⁾ Ibid., 375.

знаемъ, что Европа не оказала сопротивленія этому акту уничтоженія, потому что она давно уже привыкла не считать болѣе Польшу за полноправное государство⁴. Нѣсколько выше выписанныхъ словъ авторъ дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: „Часто безпристрастный чело-вѣкъ, хорошо знакомый съ польскими дѣлами, не могъ сказать, гдѣ нужно искать государственную власть, и даже въ томъ случаѣ, если она въ Польшѣ бесспорно гдѣ-нибудь да была, то ея существованіе легко проходило незамѣченнымъ для Европы“⁵). Последнее обстоятельство Гюппе доказываетъ въ главѣ, посвященной внѣшнимъ отношеніямъ: Священная Римская имперія и наяснѣйшая республика Польская были два беззубые волка⁶). Въ области внѣшней политики Рѣчь Посполитая давно уже была вычеркнута изъ числа самостоятельныхъ государствъ⁷).

Еще въ XVIII в. былъ отмѣченъ федеративный характеръ польскаго государственнаго строя⁸): имѣлись въ виду воеводства, на которыя раздѣлялась Рѣчь Посполитая, и которыя не утратили еще призраковъ своей былой самостоятельности, какъ удѣльныхъ княжествъ, соединившихся посредствомъ личной уніи въ одно политическое цѣ-лое. Гюппе придаетъ важное значеніе федеративному характеру Рѣчи Посполитой⁹) и видитъ скорѣе несчастье, а не вину поляковъ въ томъ, что въ XVIII в. у нихъ не явилось государя, который сдѣлалъ бы изъ Польши дѣйствительно единое государство⁶). Верховная власть въ республикѣ принадлежала *de jure* шляхетской націи, *de facto* она находилась у отдѣльныхъ воеводствъ⁷), ибо сейму не удалось получить преобладанія надъ областными сеймиками⁸). „Въ XVII и XVIII вѣкахъ“, говоритъ Гюппе,— „особенно со времени частаго срыванія сеймовъ, центръ тяжести государственной власти находится уже не въ сеймѣ, а у сеймиковъ. Сеймъ былъ международный кон-грессъ, на которомъ послы повѣтовъ и воеводствъ никогда не могли вполне сговориться между собою. Какъ конституція (сеймовыя по-

⁴) Ibid., 373.

⁵) Ibid., 365.

⁶) Эта идея проводится очень искусно и въ обзорахъ внѣшней политики у Вобжинскаго.

⁷) Именно у Руссо и у Вельгорскаго.

⁸) *Nipppe*, 48, 123.

⁹) Ibid., 48.

⁷) Ibid., 122.

⁸) Ibid., 123.

становленія) лишь тогда имѣли полную силу, когда ратифицировались всѣми сеймиками, и только для тѣхъ земель, гдѣ они были приняты, такъ и импульсъ къ рѣшенію государственныхъ дѣлъ выходилъ всегда отъ сеймиковъ¹⁾. Это отразилось и въ области центральной администраціи, что же касается до областной, то и она пришла въ совершенное разстройство²⁾. И на сеймикахъ, можно было бы сказать съ авторомъ „Устройства польской Рѣчи Посполитой“, только по видимости шляхта пользовалась суверенитетомъ, такъ какъ въ сущности въ Польшѣ развился суверенитетъ отдѣльныхъ шляхтичей. Воеводства, бывшія прежде княжествами, утратили свою самостоятельность въ пользу бѣльшаго цѣлаго, которое однако не развилось у себя настоящей государственной власти, отошедшей къ нему отъ прежнихъ княжествъ, а это привело къ тому, что шляхта превратилась въ собраніе мелкихъ сувереновъ. „Польское общество“, говоритъ Гюппе,—„агрегатъ единичныхъ дворянъ (der privaten Edelleute), было государствомъ—sans phrases; оба понятія здѣсь отождествились“. Это было, пользуясь его же словами, „поднятіе общества на степень государства или разложеніе государства въ общество“, и такое государство просуществовало два вѣка послѣ того, какъ было поглощено обществомъ³⁾. Въ Польшѣ и отдѣльныя части того, что называлось Рѣчью Посполитой, и отдѣльныя личности, входившія въ составъ того, что только и признавалось въ этой Рѣчи Посполитой за народъ, связаны были между собою не такъ, какъ области и подданные одного и того же государства, а какъ могутъ соединяться между собою самостоятельныя государства, то-есть, по началамъ не государственнаго, а международнаго права. Проявленіе принциповъ послѣдняго въ польскомъ устройствѣ Гюппе видитъ во многихъ явленіяхъ соціальной и политической жизни Рѣчи Посполитой. На эти принципы ссылается онъ, говоря о «наѣздахъ»⁴⁾; о нихъ упоминаетъ онъ по поводу того, что при двойныхъ выборахъ короля предоставлялось рѣшить оружію, кому царствовать⁵⁾; отношеніе сеймиковъ между собою и къ сейму было равнымъ образомъ международнаго характера, и самый сеймъ имѣлъ видъ конгресса пословъ отъ само-

¹⁾ Ibid., 160—161. Also war der politische Schwerpunct der polnischen Verfassung wesentlich in den Landtagen zu finden, 166.

²⁾ Ibid., 253—274.

³⁾ Ibid., 82—83.

⁴⁾ Ibid., 78.

⁵⁾ Ibid., 102.

стоятельныхъ государствъ ¹⁾), вслѣдствіе чего законы, издававшіеся на сеймѣ, имѣли значеніе договоровъ, требующихъ согласія всѣхъ договаривающихся сторонъ ²⁾); конфедераціи, какъ союзы, заключавшіеся между суверенными дворянами, относились къ той же категоріи явленій ³⁾ и т. д.

Эти суверенные дворяне выбирали себѣ политическаго главу—короля, который, не имѣя законодательной власти, отошедшей къ сейму, и власти исполнительной, сдѣлавшейся достояніемъ пожизненныхъ и почти безотвѣстныхъ сановниковъ, долженъ былъ однако всячески угождать своимъ избирателямъ. Не безъ основанія, говоритъ Гюппе, выводили всю слабость королевской власти въ Польшѣ изъ принципа избранія, но не самъ по себѣ принципъ этотъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ единственная причина несчастій Польши, а способъ избранія, практиковавшійся въ Польшѣ, дѣлавшій изъ короля представителя не *volonté générale*, а *volonté de tous*. Когда это ослабило корону, государственный интересъ превратился въ конгломератъ частныхъ интересовъ, а это и повело Польшу къ паденію ⁴⁾. „Обстоятельства сложились слишкомъ неблагоприятно: нельзя было ожидать, чтобы законодательное собраніе дозволило изъ своей среды возникнуть единственному средству спасенія, именно *despotisme éclairé*“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ Польша перестала быть настоящимъ государствомъ или не сдѣлалась имъ какъ разъ въ то время, когда во всей континентальной Европѣ развивалась государственность. Мысль о томъ, что Польша въ своемъ развитіи отклонилась отъ другихъ западно-европейскихъ государствъ и, такъ сказать, отстала отъ нихъ, выражается у Гюппе часто и на разные лады. „Поляки“, говоритъ онъ,—„выбрали себѣ за образецъ не римское *imperium*, а *respublica*, отклоняясь отъ всѣхъ другихъ народовъ XVI вѣка“ ⁶⁾. Польша погибла потому, что „содержимое государства, общество, и ихъ организація остались позади требованій новой культуры и новыхъ правовыхъ понятій“ ⁷⁾. Нерѣдко приходится автору мимоходомъ сравни-

¹⁾ Ibid., 123, 160.

²⁾ Ibid., 147.

³⁾ Ibid., 152.

⁴⁾ Ibid., 88—91.

⁵⁾ Ibid., 257.

⁶⁾ Ibid., 52.

⁷⁾ Ibid., 53.

вать польскіе порядки съ англійскими, конечно, съ указаніями на превосходство послѣднихъ ¹⁾). Впрочемъ, авторъ старается избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя часто бываютъ въ наукѣ государственнаго права вслѣдствіе неправильнаго примѣненія индуктивнаго метода, обобщенія отдѣльныхъ явленій ²⁾).

Таковы взгляды, которые можно извлечь изъ труда Гюппе для объясненія причинъ паденія Польши, лежавшихъ въ ея устройствѣ, — взгляды, которые отчасти усвоены и новѣйшими польскими историками. Только Гюппе не далъ цѣльнаго представленія о томъ, какъ возникъ такой строй, и это ослабляетъ силу его соображеній ³⁾).

Изъ другихъ взглядовъ Гюппе, имѣющихъ отношеніе къ паденію Польши, мы отмѣтимъ здѣсь одну мысль, которая требуетъ возра-

¹⁾ Ibid., 16, 81, 126 и др.

²⁾ Ibid., 17.

³⁾ Позволяемъ себѣ восполнить здѣсь этотъ пробѣлъ небольшою выпиской изъ статьи своей „Новѣйшая польская исторіографія“, стр. 563 — 564: „Въ Польшѣ новою властью (какимъ образомъ, мы здѣсь не говоримъ) сдѣлалась шляхта, и возникла республика, но республика съ королемъ, то-есть, съ сохраненіемъ стариннаго учрежденія. Былъ моментъ, когда между обоими началами возможенъ былъ компромиссъ въ формѣ парламентарной монархіи; но для этого необходимо было преобладаніе общаго сейма надъ областными сеймиками съ рѣшеніемъ дѣлъ на сеймѣ по большинству голосовъ. Общій сеймъ, однако, остался конгрессомъ пословъ отъ отдѣльныхъ земель, на которыя дѣлилась Рѣчь Посполитая, составившаяся изъ удѣльныхъ княжествъ, соединенныхъ между собою, такъ-сказать, личною унією; ко времени образованія сейма, изъ коего могъ бы выработаться сначала монархическій парламентъ, а потомъ не выработалось чисто республиканскаго учрежденія, королевская власть еще не сплотила окончательно единаго централизованнаго государства... Росту политическаго значенія шляхты соответствовало ослабленіе королевской власти; но, ослабляя ее, сеймъ себя не укрѣплялъ перенесеніемъ на себя задачи королевской власти — объединить Польшу; онъ остался по прежнему конгрессомъ земскихъ пословъ, которому приходилось считаться и съ сеймиками, и съ меньшинствомъ въ собственной средѣ, а это ему не дозволило перенести на себя или на назначенное имъ лицо того, что принадлежало прежде королю и могло бы получить дальнѣйшее развитіе; королевская же власть, сдѣлавшись, съ одной стороны, избирательной, потеряла подъ собою историческую почву, а съ другой — обязанная своимъ происхожденіемъ безформенной толпѣ элекціоннаго сейма, а не правильному учрежденію, не могла съ старымъ именемъ превратиться въ новый республиканскій магистратъ съ исполнительною властью... Въ результатѣ получилась республика безъ настоящаго республиканскаго правительства, но съ намалеваннымъ королемъ... Это не была ни монархія, окруженная настоящими республиканскими учрежденіями, ни настоящая республика, а именно какое-то безварядье“. Эту мысль мы разовьемъ подробно въ печатающемся нами очеркѣ польскаго сейма.

женія. По Гюппе, миссія Польши была на Востокъ, но она, вмѣсто того, чтобы всѣ свои и литовскія силы направить къ Черному морю, сломить татарскія ханства, освободить Москву и соединить съ собою другую часть русскихъ, какъ уже одна была соединена, а также развить славянскую мощь на Уралѣ и Каспійскомъ морѣ, добивалась береговъ Балтики, и въ этомъ была роковая ошибка ея по отношенію къ сѣверной Германіи¹⁾. Мы думаемъ, что, на оборотъ, Польша къ своей бѣдѣ слишкомъ много обращала вниманія на востокъ и не блюла своихъ интересовъ на западѣ²⁾. „Одинъ изъ основныхъ фактовъ исторіи Польши“, писали мы въ другомъ мѣстѣ,—„заключается, такъ сказать, въ перемѣщеніи всего польскаго государства съ запада на востокъ; его первоначальныя границы западныя и восточныя шли гораздо западнѣе, чѣмъ тѣ же границы въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой. Этимъ обусловливались историческія судьбы Польши: на западѣ она теряла земли и населеніе, которыя могли бы легко слиться съ ядромъ государства, и прибрѣтала на востокѣ области, которыя должны были таготить къ иному государственному центру“. На западѣ поляки потеряли Силезію, Поморье, земли полабскихъ славянъ, и не безъ попустительства со стороны Польши въ эпоху реформаціи и тридцатилѣтней войны возникли на западѣ ея грозныя для нея силы Пруссіи и Австріи. Въ новое время помышлять о линіи Эльбы было уже поздно, но Силезія и Поморье могли еще сдѣлаться польскими, равно какъ возможно было помѣшать развитію силъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ во вредъ польскимъ интересамъ. Польша, однако, предпочла во внѣшней своей политикѣ по отношенію къ западу „абдикацію“ и именно ради „миссіи“ на востокѣ, которая неминуемо приводила ее въ столкновеніе съ русской собирательницею русскихъ земель.

Книжка Р. Рёпелля „Польша около середины XVIII вѣка“³⁾ обнимаетъ собою внутреннюю исторію Рѣчи Посполитой при Августѣ III, при чемъ главнымъ образомъ рѣчь идетъ о реформѣ Чарторьскихъ. За небольшой главой, изображающей польское беззарадые, и не заключающей въ себѣ никакой общей мысли, которая отличалась

¹⁾ Ibid. 38—39.

²⁾ Подробнѣе эту мысль мы развиваемъ въ статьѣ „Новѣйшая польская исторіографія“, стр. 567—574. Ср. ниже гл. VIII.

³⁾ *Dr. Richard Roepell. Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts.* Gotha 1876.

бы оригинальностью, и которую поэтому стоило бы отмѣтить ¹⁾, идетъ рядъ чисто повѣствовательныхъ главъ, равнымъ образомъ бѣдныхъ сколько-нибудь широкими обобщеніями, выходящими за предѣлы избранной для изслѣдованія эпохи. Все содержаніе имѣетъ чисто фактическое значеніе ²⁾. Польскою критикой она была принята хорошо. „Эта работа“—читаемъ мы въ „Очеркѣ исторіи польской литературы“ Здановича-Совинскаго—„написанная съ изумительнымъ знаніемъ нашихъ источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполненная благороднаго и справедливаго безпристрастія по отношенію къ столь несчастной эпохѣ нашей исторіи, похвально отличается отъ столькихъ пасквильныхъ нѣмецкихъ сочиненій, посвященныхъ нашей исторіи“ ³⁾.

Съ ббльшимъ правомъ мы можемъ остановиться на вышедшей черезъ два года послѣ сочиненія Репелля книгѣ фонъ-деръ-Брюггена подъ заглавіемъ: „Разложеніе Польши. Культурно-историческіе эскизы изъ послѣднихъ десятилѣтій польской самостоятельности“ ⁴⁾. Въ коротенькомъ предисловіи авторъ говоритъ, что „предлагаемые очерки имѣютъ цѣлью изобразить процессъ разложенія (Versetzungprocess), происходившій въ общественныхъ отношеніяхъ Польши“ въ эпоху раздѣловъ.

„Постоянно“,—читаемъ мы на второй же страницѣ книги—„постоянно русскіе навязывали инициативу дѣлежа Польши пруссакамъ, пруссаки—русскимъ, австрійцы—и тѣмъ, и другимъ, наконецъ поляки—всѣмъ тремъ враждебнымъ державамъ... Важнѣе и гораздо интереснѣе, чѣмъ старый споръ объ этихъ въ извѣстномъ смыслѣ вѣнскихъ вопросахъ, изслѣдованіе тѣхъ внутреннихъ причинъ, которыя привели Польшу къ паденію“. Это изслѣдованіе (Ergünden) авторъ начинаетъ съ бѣлаго очерка польской исторіи, въ которомъ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ мѣстъ. Вверху, есть вѣрныя замѣчанія о сущ-

¹⁾ Стр. 1—25. Глава эта называется „Die Republik“.

²⁾ Въ приложеніи помѣщена между прочимъ по рукописи тайнаго госуд. архива „Traduction d'une lettre d'un gentilhomme polonais de province à un de ses amis d'un autre palatinat“ (стр. 207—228), одинъ изъ плановъ реформы, принадлежащій Станиславу Понятовскому, отцу будущаго короля.

³⁾ *Zdanowicz-Sowiński*. IV, 789.

⁴⁾ Freiherr *E. von der Brügggen*. *Polens Auflösung*. Kulturgeschichtliche Skizzen aus den letzten Jahrzehnten der polnischen Selbstständigkeit. Leipzig. 1878. Въ основѣ книжки, кромѣ печатныхъ источниковъ и сочиненій польскихъ и русскихъ (много общихъ съ „Послѣдними годами Рѣчи Посполитой“ *Костомарова*), лежатъ и нѣкоторые не изданные источники. Vorwort.

ности государственнаго разложенія Рѣчи Посполитой. „Что присвоили себѣ“, говоритъ, напимѣръ, авторъ, — „изъ государственной силы польскіе магнаты, то потеряло государственный характеръ и перешло въ обладаніе отдѣльнаго лица съ его чисто личнымъ интересомъ: для государства это было совсѣмъ утрачено. Что нѣмецкіе господа (Ногген) исторгли изъ рукъ императора, образовало матеріалъ для государственныхъ созданій вассаловъ имперіи“¹⁾. Отмѣчая фактъ перехода значенія отъ сейма къ сеймикамъ, онъ указываетъ на то, что это нужно понимать болѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ, ибо „значеніе сеймиковъ заключалось болѣе въ ихъ мѣшающей, нежели совидающей силѣ“²⁾. Вообще авторъ обнаруживаетъ знакомство съ старопольскою конституціей (вѣроятно, главнымъ образомъ, по Гюппе). Въ вторыхъ, онъ обращаетъ большое вниманіе на іезуитское воспитаніе, приспособленное къ національному польскому характеру³⁾. Въ изображеніи послѣдняго онъ видимо слѣдуетъ Костомарову⁴⁾. По словамъ фонъ-деръ-Брюггена, этотъ „не политическій народъ“⁵⁾, народъ, отличающійся „устрашающимъ недостаткомъ всякихъ политическихъ способностей“, погубили шляхетская вольность, съ одной стороны, и іезуитизмъ—съ другой⁶⁾. „Можно ли“, спрашиваетъ онъ, — „было создать государственную форму, которая до такой степени была чужда всякой государственной идеи, какъ польская съ ея миллиономъ благородныхъ сувереновъ?“⁷⁾ По его мнѣнію, поляку нужна была абсолютная монархія⁸⁾: въ ней было все его счастье⁹⁾. Къ злу, вытекавшему изъ шляхетской вольности, іезуиты присоединили свое воспитаніе, подчинявшее государство католической церкви. За введеніемъ, въ которомъ бросается взглядъ на все прошлое Польши, слѣдуетъ рядъ очерковъ: территория, населеніе,

1) Ibid., 11.

2) Ibid., 15.

3) Ibid., 29 sq.

4) Последніе годы Рѣчи Посполитой, 3-е изд. I, фонъ-деръ Брюггенъ рѣдко цитируетъ.

5) *V. d. Brüggem*, 36,

6) Ibid., 38.

7) Ibid., 32.

8) Diejenige Verkörperung der Staatseinheit, welche am leichtesten und stetigsten den Sinnen zugänglich ist, ist die absolute Monarchie, und so ist sie diejenige Staatsform, welche dem Slawen, dem Polen naturgemäß sich am meisten anpasst. Ibid., 33.

9) Ibid., 35.

крестьянинъ; городской бытъ; финансы, армія, судъ, церковь; духовенство, монахи, школа; шляхта; магнаты (четыре очерка: Карлъ Радзивиллъ, Антонъ Тизенгаузенъ и Ф. А. Браницкій, Феликсъ Потоцкій, Адамъ Чарторыйскій); Варшава во время четырехлѣтняго сейма; Станиславъ Августъ Понятовскій; король и юная Польша; варшавское общество; первый раздѣлъ; конституція 3-го мая 1791 г. Въ „Schlussbetrachtung“, заканчивающей книгу, авторъ дѣлаетъ очеркъ послѣдующей (съ 1795 г.) судьбы Польши съ замѣчаніями о польскомъ вопросѣ, преимущественно въ Россіи. Всѣ эти очерки написаны легко, живо и читаются съ интересомъ: авторъ собралъ много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ польское общество второй половины XVIII вѣка, но общіе взгляды его особою оригинальностью не отличаются.

О значеніи сочиненій Гюппе, Репелля и фонъ-деръ-Брюггена въ современной нѣмецкой литературѣ можно судить, напримѣръ, по тому, что почти исключительно по этимъ тремъ книгамъ написана глава о польской анархіи въ сочиненіи Онкена „*Friedrichs des Grossen*“¹⁾.

Переходимъ къ французской исторической литературѣ послѣдняго времени. Если въ прежнее время главными сочиненіями по исторіи паденія Польши были французскія, то со времени развитія нѣмецкой историографіи по этому предмету французы далеко отстали позади и не только относительно нѣмцевъ, но и по отношенію къ русскимъ. При этомъ французы разсматриваютъ польскія дѣла главнымъ образомъ съ точки зрѣнія исторіи дипломатіи и международнои политики. Намъ и не придется долго останавливаться на французской исторической литературѣ послѣдняго времени, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ни одного труда, спеціально посвященнаго паденію Польши. Мы разсмотримъ именно сочиненія де-Брольи, Лорана и Сореля.

Двухтомное сочиненіе герцога де-Брольи подъ заглавіемъ „*Secrets du roi*“ имѣетъ предметомъ тайную переписку Людовика XV, помимо и безъ вѣдома его министровъ, съ французскими дипломатическими агентами за границей²⁾. Корреспонденція эта касалась и

¹⁾ *W. Oncken*. Das Zeitalter Friedrichs des Grossen (въ сборникъ „*Allgemeine Weltgeschichte in Einzeldarstellungen*“). Berlin. 1882. I, 434 sq.: Die Anarchie in Polen. Въ другой главѣ, посвященной первому раздѣлу Польши (I, 488 sq.) цитируются *Соловьевъ* (съ нѣм. перев.), *Вестъ* (Die erste Theilung Polens), *Duncker* (Aus der Zeit Friedrichs des Grossen und Fr. W. III).

²⁾ *Le duc de Broglie*. Le secret du roi. P. 1878. Deuxième édition. Ср. также изданіе *Boutaric'a* Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc. P. 1866.

польскихъ дѣлъ, такъ что автору въ числѣ другихъ приходится разсматривать и эти дѣла, тѣмъ болѣе, что ими было вызвано самое начало корреспонденціи ¹⁾). Де Броли и начинаетъ свой трудъ съ разсмотрѣнія отношенія Людовика XV къ Польшѣ, но мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями секретной политики Людовика XV въ Рѣчи Посполитой, а остановимся лишь на мѣстахъ болѣе общаго содержанія.

Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе на особенности внѣшней политики Рѣчи Посполитой: въ этомъ государствѣ „не было того, что на тогдашнемъ языкѣ называлось кабинетомъ, то-есть, государя и его министровъ, которые своимъ словомъ могли бы принять за все государство извѣстныя обязательства и дать извѣстныя гарантіи тому, кто вступалъ съ нимъ въ союзъ“ ²⁾). Поэтому вести дѣла съ Польшей было мудро, и иностраннымъ посланникамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ самимъ вмѣшиваться въ свалку партій на собственный страхъ ведшихъ дѣла [внѣшней политики; особенно же трудно было вести съ Польшей дѣла такой отдаленной державѣ, какъ Франція ³⁾). Поэтому во Франціи и махнули на Польшу рукой, какъ на страну, не стоящую вниманія, хотя здѣсь повторялась только басня о лисицѣ и виноградѣ ⁴⁾). Касаясь внутреннихъ отношеній Рѣчи Посполитой, авторъ замѣчаетъ, что *liberum veto*, конфедерации и *роста conventa* годились бы развѣ только для кочеваго племени, разсѣяннаго въ безпредѣльныхъ пространствахъ, и что польская правительственная форма была равносильна полному отсутствію правительства ⁵⁾). Специально польскимъ дѣламъ со смерти Августа III до перваго раздѣла Рѣчи Посполитой включительно посвящены авторомъ двѣ большія главы, занимающія около двухсотъ страницъ втораго тома ⁶⁾). Собственно говоря, Броли имѣетъ въ виду преимущественно „ошибки“ французской политики.

¹⁾ La Pologne fait, à vrai dire, le principal, presque l'unique objet de la diplomatie secrète. I, 5.

²⁾ Ibid., I, 9.

³⁾ Ibid., I, 10.

⁴⁾ Ibid., I, 11.

⁵⁾ Ibid., I, 43 и 44. Ср. II, 73 sq., гдѣ приведены взгляды на внутреннія отношенія Рѣчи Посполитой одного изъ дипломатическихъ агентовъ Людовика XV (гр. де-Броли).

⁶⁾ Ibid., II, 209—315 (chap. VII. La succession de Pologne, 1764—1770) и 137—406 (chap. VIII. Le partage de la Pologne, 1771—1773).

Приступая къ исторіи избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, онъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „такъ какъ именно съ этого рѣшительнаго избранія событія послѣдовали въ Польшѣ одно за другимъ съ такою силою и быстротою, что ихъ не могли потомъ предотвратить никакія человѣческія усилія, то какъ разъ на этомъ моментѣ долженъ будетъ остановиться историкъ этихъ печальныхъ временъ, чтобы опредѣлить долю отвѣтственности, какая выпадаетъ на Францію за послѣдующія катастрофы. Позднѣе все было рѣшено и не было уже времени исправлять что-либо“ ¹⁾). Такова точка зрѣнія историка секретной политики Людовика XV, и въ самомъ началѣ своего труда онъ говоритъ объ „ошибкѣ политической и вмѣстѣ съ тѣмъ моральной, которая будетъ тяготѣть всегда, на памяти Людовика XV“, объ ошибкѣ, каковою было допущеніе перваго раздѣла Рѣчи Посполитой ²⁾). По мнѣнію автора, Франціи слѣдовало или открыто и всѣми силами поддерживать въ Польшѣ французскую партію, что, по его же словамъ, было уже поздно по многимъ прежнимъ ошибкамъ, или же держаться безусловнаго нейтралитета, не заставляя противную партію бросаться въ объятія Россіи ³⁾). Такъ какъ французская политика пошла ни по тому, ни по этому пути, то изъ нея ничего и не вышло, кромѣ результатовъ, неприятныхъ для Франціи ⁴⁾), начиная прежде всего съ сильнаго раздраженія противъ нея въ національной партіи ⁵⁾), и кончая гибелью старой союзицы. Для историка, занимающагося международной и дипломатической стороною польскихъ раздѣловъ, сочиненіе Бролли можетъ представить много любопытныхъ фактовъ и интересныхъ соображеній, освѣщающихъ роль Франціи въ этомъ дѣлѣ, но входитъ въ такія подробности здѣсь не у мѣста. Считаемо нужнымъ привести только взглядъ автора на диссидентскій вопросъ и на одну сторону перваго раздѣла Польши. Именно въ возбужденіи диссидентскаго вопроса онъ видитъ лишь политическое коварство, а одно его соображеніе о первомъ раздѣлѣ стоитъ принять въ расчетъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, французскій писатель, какъ и всѣ другіе западно-европейскіе историки, не знаетъ, что такое Бѣ-

¹⁾ Ibid., II, 221—222.

²⁾ Ibid., I, 4.

³⁾ Ibid., II, 223 sq. Далѣе интересныя подробности о тайной попыткѣ Станислава-Августа войти въ сношенія съ Франціей, II, 227 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 233 sq.

⁵⁾ Ibid., II, 240.

лоруссія, которая отходила къ Россіи по первому раздѣлу, а вовторыхъ, онъ даетъ свое особое объясненіе тому общеизвѣстному факту, что Екатерина не сразу согласилась на дѣлежъ польской территоріи.

Взглядъ Брولى относительно диссидентскаго вопроса таковъ: по его словамъ, обязательство Екатерины и Фридриха защищать диссидентовъ отъ преслѣдованій со стороны господствующей церкви только по видимости соотвѣтствовало предписаніямъ философіи и духу терпимости XVIII вѣка ¹⁾, но въ сущности здѣсь былъ коварный умыселъ нанесенія Польшѣ смертельнаго удара. „Греческіе (то-есть, православные) и протестантскіе диссиденты“, продолжаетъ онъ, — „были не многочисленны въ Польшѣ, и ихъ никогда тамъ не преслѣдовали... Они были только исключены изъ политическихъ правъ и не могли заявлять притязаній на занятіе какихъ-либо должностей. Это было довольно естественнымъ слѣдствіемъ общественнаго устройства, при которомъ церковь была столь тѣсно связана съ государствомъ... Къ тому же подобнаго рода неспособность существовала еще почти во всѣхъ, не только католическихъ, но и протестантскихъ государствахъ Европы. Поэтому, когда Екатерина и Фридрихъ стали въ 1765 г. требовать у Станислава уравниенія въ Польшѣ всѣхъ культовъ и уничтоженія всякаго рода неспособности диссидентовъ, они требовали, чтобы полуварварская нація пошла въ области духовной свободы дальше наиболѣе гордыхъ своимъ успѣхомъ націй. Они заранее предвидѣли отвѣтъ, какой дадутъ имъ предрасудки и совѣсть ихъ несчастныхъ сосѣдей. Но именно этотъ-то отвѣтъ они и хотѣли вызвать, чтобы придать задуманному ими утѣсенію видъ защиты поправныхъ правъ человѣческой свободы и чтобы сдѣлать общественное мнѣніе Европы безчувственнымъ къ стонамъ жертвы, которую они готовились заклать... Въ Польшѣ отъ края до края раздался такой крикъ фанатизма, что, не смотря на все свое желаніе сдѣлать угодное своимъ петербургскимъ благодѣтелямъ и парижскимъ наставникамъ, бѣдный король былъ не въ состояніи подавить этотъ крикъ. Былъ ли въ послѣднемъ одинъ фанатизмъ? Не привязывалась ли эта несчастная страна, разоренная раздоромъ, — не привязывалась ли она инстинктивно къ религіозному единству, какъ къ послѣдней связи своего единства политическаго? И развѣ она была виновата, что въ протестантахъ, поддерживаемыхъ Фридрихомъ, въ греческаго исповѣданія кліентахъ Екатерины она не могла видѣть вполне надеж-

¹⁾ Ibid., II, 261.

ныхъ защитниковъ независимости и цѣлости національной территоріи“¹⁾). О барской конфедераціи и веденной ею войнѣ за вѣру Брольи говоритъ мало, такъ что въ этомъ отношеніи, на основаніи своихъ матеріаловъ, онъ не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что вообще извѣстно объ этой войнѣ²⁾).

Въ разсказѣ о первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой интересно объясненіе, даваемое авторомъ тому факту, что Екатерина не особенно льстила на предлагавшуюся ей добычу въ Польшѣ. „Она“, говоритъ Брольи,—„хорошо понимала, что чѣмъ болѣе ей предложили бы взять въ Польшѣ, тѣмъ болѣе стали бы у нея требовать ограниченія ея завоеваній въ Турціи. Но она не находила особенно выгоднымъ промѣнять завоеванія, какія она дѣлала на Дунаѣ, богатныя области, населенныя подданными, которые сами стремились подъ ея власть, чтобъ освободиться отъ турецкаго ига, и привѣтствовали ее, какъ избавительницу,—на куски территоріи бесплодной и покрытой недисциплинированными ордами, какова была польская территорія“³⁾).

О раздѣлѣ Польши извѣстный бельгійскій ученый Лоранъ говоритъ въ XI томѣ своихъ „Études sur l'histoire de l'humanité“, посвященномъ „королевской политикѣ“⁴⁾). Въ самомъ началѣ онъ выражаетъ негодованіе по поводу этого „умерщвленія націи“ и крайнее порицаніе „политическимъ писателямъ“, которымъ „хотѣлось бы найти моральное значеніе въ смерти націи“. Они, говоритъ Лоранъ,—„разыскиваютъ причины, которыя привели Польшу къ гибели, въ самой націи. Если народъ въ 16 милліоновъ душъ (sic!) и занимающій территорію, равную Франціи, погибаетъ, такъ это значитъ оттого, что онъ заключалъ зародыши смерти. Это совсѣмъ не сосѣди Польши ее убили, она сама наложила на себя руки своей страшной анархіей“⁵⁾). Авторъ принимаетъ объясненіе, но оно, по его словамъ, увеличиваетъ вину государей, ибо они поддерживали анархію, мѣшали Польшѣ излѣчиться отъ своихъ недуговъ и извлекали изъ всего этого для себя выгоду⁶⁾). Изобразивъ вѣрными чертами польскую анархію,

¹⁾ Ibid., II, 262—263.

²⁾ Ibid., II, 292.

³⁾ Ibid., II, 380. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что Екатерина à la dernière heure n'aurait pas été éloignée d'épargner la Pologne pour se rendre les mains tout à fait libres en Orient. II, 385.

⁴⁾ F. Laurent. La politique royale. Paris, 1865, стр. 321—362.

⁵⁾ Ibid., 321.

⁶⁾ Ibid., 322.

Лоранъ говоритъ, что противъ зла было лѣкарство: нужно было уничтожить „адскія вольности“ поляковъ (выраженіе Сварги), замѣнить анархію порядкомъ. Но этого-то и не хотѣла монархическая Европа, за чтò историкъ не находитъ словъ для ея порицанія: она должна была бы укрѣпить Польшу, какъ оплотъ противъ „сѣверныхъ варваровъ“¹⁾.

Польскіе раздѣлы Лоранъ ставитъ въ связь съ королевскою политикою вообще въ XVII и XVIII вв.²⁾: истинный виновникъ паденія Польши, говоритъ онъ,—это политика, и „исторія XVIII в. представляетъ намъ проекты раздѣла на каждомъ шагу“. Историкъ ссылается на раздѣлъ испанской монархіи, на коалицію противъ Маріи Терезіи изъ-за австрійскаго наслѣдства, на коалиціи противъ Пруссіи тоже съ цѣлью дѣлежа и т. д.³⁾. Державамъ, дѣлившимъ Польшу, помогъ случай, и притомъ онѣ нашли благовидный предлогъ для своего дѣла. „Имъ его доставила католическая нетерпимость. Богъ ослѣпляетъ тѣхъ, кого хочетъ погубить. Было безуміемъ отказывать въ религіозной свободѣ и политическихъ правахъ диссидентамъ, когда они явнымъ образомъ находились подъ покровительствомъ Россіи и Пруссіи; это значило вызвать иностранное вмѣшательство и выдать республику, раздираемую партіями и истощенную, съ головою ея врагамъ; это значило, сверхъ того, расположить въ пользу отторгателей философское мнѣніе, столь могущественное въ XVIII в.“⁴⁾. Лорану остается неизвѣстнымъ русскій вопросъ въ Рѣчи Посполитой. Указывая на то, что противъ Польши выставлены были извѣстныя „justes prétentions“, онъ замѣчаетъ, что, съ своей стороны, Екатерина не считала нужнымъ ихъ излагать, и даже ставитъ ей это въ заслугу въ сравненіи съ разглагольствованіями Фридриха II⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „единственное извиненіе, которое

¹⁾ Вотъ нѣсколько выраженій Лорана: „Les institutions qui semblent être un défi au bon sens“, „une constitution qui est le renversement de la raison“, „absence de tout lien social, absence d'état, absence de gouvernement“, „la dissolution, la démoralisation qui tenaient lieu de gouvernement en Pologne“, „n'était-elle (l'anarchie) pas la ruine anticipée?“ и т. д., 322—323.

²⁾ Ibid., 324 sq.

³⁾ Ibid., 328. Cf. 347 sq., гдѣ развивается эта мысль.

⁴⁾ Ibid., 332. Quand le partage fut consommé, la czarine sacrifia les dissidents aux catholiques, говоритъ Лоранъ и ссылается на изд. *Martens. Recueil des traités*, I, 458.

⁵⁾ La czarine ne jugea pas convenable d'exposer ses justes prétentions.... Nous préférons l'orgueil ou le dédain de Catherine qui garda le silence. Ibid., 326—327.

можно привести въ пользу Екатерины, заключается въ томъ, что она по отношенію къ Польшѣ слѣдовала политикѣ прежнихъ царей¹⁾, но ему остается неизвѣстнымъ, что эта политика была „собираніемъ Руси“. По поводу политики царей онъ не сдѣлалъ даже такого замѣчанія, какое сдѣлано имъ по адресу Пруссіи. „Нѣмецкіе писатели“, говоритъ онъ, — „страстные защитники германскаго единства, для оправданія раздѣла обратились,—кто бы могъ этому повѣрить?—къ принципу національности. Уже Фридрихъ II сказалъ, что онъ только возвратилъ земли, завоеванныя поляками у герцоговъ прусскихъ. Такимъ образомъ это были искони нѣмецкія области, отходившія обратно къ общему отечеству. У поляковъ“, продолжаетъ онъ,—„нашлось бы не мало отвѣтовъ на это оправданіе. Они могли бы сказать, что польская Пруссія сдѣлалась славянскою.... Притомъ единство расы не оправдываетъ насильственнаго занятія Польши.... Когда подобныя соединенія дѣлаются въ силу свободнаго согласія населенія, нѣтъ ничего болѣе законнаго“²⁾. Бельгійскій историкъ, конечно, внесъ бы нѣкоторую поправку въ свой взглядъ на польскіе раздѣлы, еслибъ ему были лучше извѣстны національныя отношенія Рѣчи Посполитой и чувства ея русскаго населенія къ польскому господству.

Въ замѣчательномъ трудѣ Сореля „Европа и французская революція“ отведено мѣсто и польскимъ дѣламъ. Въ краткомъ очеркѣ устройства Рѣчи Посполитой авторъ отмѣчаетъ общеизвѣстныя причины ея слабости³⁾. Польшу въ Европѣ XVIII в. онъ называетъ анахронизмомъ, средневѣковой общиной (*cit  du moyen  ge*) и т. д. Первый раздѣлъ былъ для поляковъ урокомъ: они поняли необходимость реформы⁴⁾. Главный недостатокъ попытки заключался въ томъ, что каждая партія въ себѣ видѣла всю республику, призывала на помощь иностранцевъ, а политическихъ противниковъ объявляла непріятелями. „Можно сказать“, говоритъ Сорель,—„что въ Польшѣ всякій имѣлъ партію, кромѣ самой Рѣчи Посполитой, и что поляки рассчитывали на всѣхъ, кромѣ самихъ себя.. Въ анархіи, въ какой находилась Польша, попытки реформы давали поводъ къ образованію

¹⁾ Ibid., 334.

²⁾ Ibid., 340—341.

³⁾ *A. Sorel. L'Europe et la r volution fran aise. P. 1885. I, 507 sq.* Авторъ основывается на данныхъ Рюльера, Феррана и Германна (*Gesch. des russischen Staates*). Въ этомъ трудѣ авторъ блестящимъ образомъ выполнилъ задачу, которую поставилъ себѣ Зибель.

⁴⁾ Ibid., I, 509.

новыхъ раздѣленій на партіи. Опасность окончательно раздѣляла поляковъ: каждый видѣлъ ее въ дѣлѣ своихъ противниковъ, и самый патріотизмъ становился поводомъ для раздоровъ. Вотъ почему, не смотря на великодушныя рѣшенія, какія внушены были полякамъ принципами и примѣромъ Франціи, французская революція только увеличила свою пропагандою раздоръ партій. Въ той мѣрѣ, въ какой она проникла въ народъ, она возбудила гнѣвъ, какой онъ естественно чувствовалъ къ господамъ. Все въ Польшѣ содѣйствовало расширенію анархіи, и все влекло къ паденію государства¹⁾. Таковы общія соображенія Сореля. Говоря о вліяніи первыхъ шаговъ французской революціи на разныя страны Европы, онъ указываетъ на то, что въ Польшѣ она вызвала монархическую агитацію, стремленіе усилить ту власть, слабость которой отдавала поляковъ безъ всякой защиты всѣмъ внутреннимъ заговорамъ и всѣмъ внѣшнимъ предпріятіямъ²⁾. „Великая революція только-что произошла въ Варшавѣ“, такими словами начинается онъ разсказъ о 3-го мая.—„Это—самая прекрасная эпоха въ новой исторіи Польши и одна изъ прекрасныхъ чертъ времени, богатаго великодушными движеніями и благородными намѣреніями³⁾... Этотъ день“, сказано ниже,—„который въ Польшѣ приносилъ съ собою конецъ анархіи, напоминалъ великія сцены, столь недавно еще знаменовавшія конецъ деспотизма. Варшавскій сеймъ, какъ и собраніе Франціи, во главѣ конституціи ставилъ одинъ и тотъ же принципъ⁴⁾... Въ своемъ цѣломъ, особенно въ своихъ стремленіяхъ, польская конституція исходила изъ духа, который царствовалъ во Франціи и который въ XVIII вѣкѣ проносился по всей Европѣ“⁵⁾. Авторъ говоритъ далѣе, что вслѣдствіе противорѣчія польской революціи видамъ державъ, желавшихъ поддержки анархіи въ Рѣчи Посполитой, революція эта „должна была, къ несчастью для поляковъ, соединить свою судьбу со всѣми дѣлами Европы и смѣшаться съ французской революціей“⁶⁾. Съ другой стороны, послѣдняя для Россіи была диверсіей, средствомъ успѣшнѣе управиться съ Польшею. Въ этой политикѣ, говоритъ авторъ,—и нужно искать причинъ „неожиданныхъ движеній, которыя въ теченіе революціи, перемѣстили всѣ

¹⁾ Ibid., I, 510—511.

²⁾ Ibid., II, 20.

³⁾ Ibid., II, 212.

⁴⁾ Ibid., II, 213.

⁵⁾ Ibid., II, 214.

⁶⁾ Ibid., II, 215.

массы и отвратили отъ Франціи всѣ мѣры державъ, составившихъ противъ нея коалицію¹⁾. Въ самой же политикѣ того времени Сорель отмѣчаетъ полное отсутствіе принциповъ: въ Польшѣ хотѣли возстановить ту самую анархію, которую стремились подавить во Франціи²⁾.

Интересно также мѣсто, гдѣ сравниваются обѣ революціи, польская и французская. „Во Франціи“, говоритъ Сорель, — „патріоты встрѣчаютъ вторженіе, сопротивляются ему и его отвращаютъ. Въ Польшѣ патріоты дѣлаютъ попытку его остановить, и не смотря на свою храбрость, падаютъ. Это потому, что во Франціи національная традиція, разсудочная у образованныхъ людей, инстинктивная у невѣждъ, внушаетъ всѣмъ чувства, храняція народы: любовь къ независимости, ужасъ передъ иностраннымъ вмѣшательствомъ. Въ Польшѣ на оборотъ, междоусобія, конфедераціи, союзы съ иностранцами, неподчиненіе партій государству и отдѣльныхъ лицъ партіямъ, сдѣлались какъ бы роковымъ побужденіемъ и повелительнымъ внушеніемъ исторіи. Въ кризисѣ, предоставляющемъ народъ самому себѣ, Франція послѣ преходящаго головокруженія сама собою возвращается къ болѣе нежели шестивѣковымъ привычкамъ монархіи и національнаго сосредоточенія, Польша — къ двухвѣковымъ привычкамъ анархіи и раздоровъ. Во Франціи подъ партіями, раздирающими одна другую на поверхности, есть основа націи здоровая, однородная, неизмѣнная. Эту націю объявляютъ посредствомъ декрета нераздѣльной: это значитъ — объявить ея душу. Она провозглашаетъ себя свободной и суверенной: каждый французъ отдаетъ свою жизнь за собственную свободу и верховенство всѣхъ. Ничего подобнаго въ Польшѣ. вмѣсто націи существуетъ только нѣсколько тысячъ дворянъ, образующихъ партіи, раздирающихъ республику и оспаривающихъ другъ у друга ея лохмотья; но эта мутная и бурливая вода не изъ глубокихъ: почва остается неподвижною и даетъ скатиться потоку, который проходитъ, едва ее задѣвая... Главная масса поляковъ остается индифферентной къ революціи, потому что въ ней не заинтересована. Польская революція была произведена дворянами и для дворянъ же; она падаетъ, потому что масса ее не поддерживаетъ“³⁾. Сорель сравниваетъ тарговичанъ съ французскими эмигрантами⁴⁾. Различіе было въ томъ, что послѣд-

¹⁾ Ibid., II, 217.

²⁾ Ibid., II, 218, 458 и др.

³⁾ Ibid., II, 564.

⁴⁾ Ibid., II, 563, 459.

ніе представляли меньшинство французовъ, тогда какъ идеи торговчанъ были идеями большинства польской шляхты ¹⁾).

Вотъ и все почти, что представляетъ для насъ интересъ во французской литературѣ по исторіи паденія Польши. Столь же мало найдемъ мы чего-либо интереснаго по занимающему насъ вопросу въ наукѣ международнаго права. Мы немало пересмотрѣли разныхъ руководствъ и монографій, но вездѣ о Польшѣ говорится по отношенію къ вѣнскому трактату и вообще событіямъ послѣ 1815 г. Приводимъ здѣсь то немного, что удалось найти въ этой специальной литературѣ. Серъ Робертъ Филлиморъ въ своемъ большомъ сочиненіи о международномъ правѣ ²⁾ говоритъ, что ни одинъ трактатъ по этой области юриспруденціи не можетъ не коснуться раздѣловъ Польши ³⁾. Указанному вопросу онъ отводитъ около четырехъ страницъ въ отдѣлѣ о вмѣшательствахъ и именно говоря о вмѣшательствахъ ради самозащиты, которое, по его словамъ, какъ и всякое другое, можетъ повести къ злоупотребленію: примѣромъ такого злоупотребленія авторъ выставляетъ польскіе раздѣлы, которые и называетъ „общественными преступленіями“, „прискорбными актами національной злобы“, совершенными подъ „жалкими претекстами“ и т. д., приводя и аналогичныя мнѣнія „великихъ юристовъ всѣхъ странъ“, а именно Талейрана, Коха, Витона, Генца и герцога де-Брольи, автора извѣстнаго намъ сочиненія „*Le secret du roi*“ ⁴⁾. Филлиморъ, какъ видно изъ ссылокъ, могъ пользоваться только устарѣлыми сочиненіями Феррана, Рюльера, Флассана, Дома, Коха-Шелля, Раумера ⁵⁾.

Въ „Исторіи успѣховъ международнаго права въ Европѣ и Америкѣ“ американскаго писателя Генри Витона ⁶⁾ есть нѣсколько

¹⁾ Тому же автору принадлежитъ еще одно сочиненіе, въ которомъ разсматриваются и польскія дѣла: „*La question d'Orient en XVIII siècle*“.

²⁾ *Sir Robert Phillimore. Commentaries upon International Law.* London. 1879.

³⁾ No treatise on International Law may pass over, wholly without comment these grievous acts of national wickedness. I, 563.

⁴⁾ Ibid., I, 566.

⁵⁾ Ibid., I, 563. Ср. ссылки на литературу предмета, столь же недостаточныя, и въ послѣднемъ изданіи сочиненія *Calvo. Le droit international théorique et pratique.* Berlin. 1887. I, 56.

⁶⁾ *Henry Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens en Europe et en Amérique.* Troisième édition. Leipzig. 1853. Авторъ пользовался изданіями Шелля, Дома, Мартенса (*Recueil de traités*), Сенора (*Histoire de Frédéric Guillaume II*), Раумера (*Histor. Taschenbuch*), Генца (*Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa*).

страницъ, на которыхъ разсказывается исторія польскихъ раздѣловъ. Первый раздѣлъ онъ называетъ „самымъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой естественной справедливости и международнаго права, какое только было въ Европѣ со времени ея выхода изъ варварства“¹⁾. Въмѣстѣ съ Генцемъ²⁾ онъ видитъ несправедливость не только въ противорѣчии польскихъ раздѣловъ съ принципами справедливости, управляющими Европой, но и въ томъ, что въ данномъ случаѣ неправильно былъ примѣненъ принципъ политическаго равновѣсія³⁾.

Отнесемъ къ этой литературѣ и новѣйшее сочиненіе по исторіи европейской дипломатіи гр. де Баррала⁴⁾, пользовавшагося для исторіи польскихъ раздѣловъ⁵⁾, кромѣ Феррана, Раумера, Брольи и Сорели („Восточный вопросъ“), „Исторіей Россіи“ Рамбо и сочиненіемъ Мишле „La Pologne martyre“. Имѣя, благодаря указаніямъ Рамбо, лучшее представление о причинѣ стараго русско-польскаго спора⁶⁾, авторъ однако нерѣдко сбивается на старое представление дѣла, говоря, напримѣръ, что по второму раздѣлу „подъ московское иго поступило четыре милліона поляковъ“, то-есть, принимая большинство жителей Бѣлоруссіи, Волыни и Подоліи за поляковъ⁷⁾. Барраль обращаетъ большое вниманіе на отношеніе Франціи къ польскимъ дѣламъ⁸⁾ и въ исторіи втораго и третьяго раздѣловъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на связи ихъ съ французской революціей⁹⁾. Объ общемъ отношеніи его къ польскимъ раздѣламъ съ точки зрѣнія международнаго права можно судить по тому, что договоръ 1772 г. о первомъ раздѣлѣ онъ называетъ „памятникомъ политическаго цинизма“¹⁰⁾.

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что по отношенію къ польскимъ раздѣламъ литература международнаго права сохраняетъ тѣ воззрѣнія, которыя высказаны были въ самую эпоху этихъ раз-

1) *H. Wheaton*. I, 333.

2) *O. c. Schriften*. Bd. IV, §§ 51—59.

3) *H. Wheaton*. I, 342.

4) *C-te de Barral*. *Études sur l'histoire diplomatique de l'Europe*. Paris. 1885.

Два тома.

5) I, 299—331 и II, 35—79.

6) *Ibid.*, I, 100 sq.

7) *Ibid.*, II, 59.

8) *Ibid.*, I, 300 sq.

9) *Ibid.*, II, 47. Глава, въ коей идетъ рѣчь объ этихъ событіяхъ, называется: „La révolution française et le dernier partage de la Pologne“.

10) *Ibid.*, I, 329.

дѣловъ: съ ея точки зрѣнія польскіе раздѣлы являются не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ насилія, совершеннаго тремя сильными государствами надъ однимъ слабымъ.

Чтобы не возвращаться къ постановкѣ вопроса о польскихъ раздѣлахъ въ современной наукѣ международнаго права, мы здѣсь упомянемъ еще о взглядѣ одного русскаго ученаго этой специальности, именно профессора Петербургскаго университета *Θ. Θ. Мартенса*, который издалъ нѣсколько документовъ, относящихся къ предмету ¹⁾, и коснулся вопроса въ своемъ печатномъ курсѣ преподаваемой имъ науки ²⁾. Въ очеркѣ исторіи международныхъ отношеній и права, составляющемъ часть этого курса, онъ даетъ краткую исторію польскихъ раздѣловъ ³⁾, но гораздо важнѣе разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія о польскихъ дѣлахъ XVIII вѣка, какъ примѣры разныхъ теоретическихъ положеній науки. Такъ въ отдѣлѣ о вмѣшательствѣ другихъ государствъ во внутреннія дѣла упоминается о случаѣ вмѣшательства, основанномъ на трактатѣ, на примѣръ, о гарантіи устройства данной страны. Такого вмѣшательства отрицать нельзя, но, прибавляетъ проф. Мартенсъ, „само собою разумѣется, что поручительство за сохраненіе въ другомъ государствѣ существующихъ порядковъ представляется совершенно ненормальнымъ явленіемъ ⁴⁾. Какъ примѣръ и приводится гарантія польскаго устройства, которая была установлена во второй половинѣ XVIII вѣка ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ авторъ касается вмѣшательства въ польскія дѣла въ отдѣлѣ о международныхъ отношеніяхъ, вызванныхъ общими религіозными вѣрованіями: въ диссидентскомъ вопросѣ онъ видитъ „формальный предлогъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла польской республики“: „безъ сомнѣнія“, говоритъ онъ, — „оба правительства преслѣдовали въ диссидентскомъ вопросѣ свои чисто политическіе виды, но все-таки общность религіозныхъ интересовъ имѣла немаловажное значеніе въ ихъ политикѣ по отношенію къ Польшѣ“ ⁶⁾. Возставая въ принципѣ противъ вмѣшательства ⁶⁾, почтенный профессоръ допускаетъ,

¹⁾ См. II томъ его Собранія трактатовъ. Здѣсь есть и историческое введеніе.

²⁾ *Ф. Мартенсъ*. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. С.-Пб. 1882—1883.

³⁾ *Ibid.*, I, 109 sq.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 297.

⁵⁾ *Ibid.*, II, 103.

⁶⁾ Изъ русскихъ сочиненій укажу еще на небольшую статью *М. Н. Канустина* „Право вмѣшательства, ограничивающее независимость государствъ“ и

что и въ современной христіанской Европѣ могутъ быть необходимы международныя соглашенія и мѣры, имѣющія своимъ предметомъ религіозныя интересы ¹⁾).

Этотъ краткій обзоръ литературы по международному праву показываетъ, какъ мало занимались писатели по названной научной специальности польскими дѣлами прошлаго вѣка.

книгу гр. *Л. Комаровскаго* „Начало невиѣшательства“ (М. 1874): первая представляетъ изъ себя лишь бѣглый фактическій очеркъ виѣшательства отъ французской революціи до середины XIX вѣка, вторая—обзоръ литературы предмета и исторію виѣшательства въ эпоху конгрессовъ. Обѣ работы не даютъ ничего по интересующему насъ вопросу.

¹⁾ *Мартенсъ*, II, 104.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Историческіе взгляды на польскій вопросъ въ русской публицистикѣ.

Въ своемъ обзорѣ историческихъ трудовъ о паденіи Польши мы должны были дать нѣкоторое мѣсто и публицистамъ, высказывавшимъ тѣ или другіе взгляды на причины гибели Рѣчи Посполитой: въ публицистикѣ, какъ польской, такъ и иностранной впервые были формулированы нѣкоторыя воззрѣнія на предметъ, который впоследствии легли въ основу историческихъ трудовъ о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой. Мы не послѣдовали однако за публицистами по „польскому вопросу“ въ XIX вѣкѣ: во первыхъ, о самихъ публицистахъ XVIII вѣка мы завели рѣчь лишь по ихъ отношенію къ исторической литературѣ нашего столѣтія, составляющей главный предметъ всего этого обзора; во вторыхъ, въ XIX в., особенно по поводу 1830 и 1863 гг., писалась такая масса книгъ, брошюръ и статей, что, разбираясь въ этомъ публицистическомъ матеріалѣ, рѣшительно пришлось бы отодвинуть историковъ на второй планъ и, вмѣсто „паденія Польши“ въ XVIII в., заняться исторіей „польскаго вопроса“ въ XIX столѣтіи. Вотъ почему, какъ при обзорѣ литературы польской, такъ и при обзорѣ исторіографіи западно-европейской въ нашемъ столѣтіи, мы совершенно игнорировали всю публицистику по польскому вопросу. Исключеніе сдѣлано будетъ — и именно въ этой главѣ — только по отношенію къ русской литературѣ и вотъ почему. До сихъ поръ намъ не приходилось говорить о русскихъ взглядахъ на причины паденія Польши потому, что общественное мнѣніе у насъ по польскимъ дѣламъ стало высказываться въ печати

очень поздно: и въ Рѣчи Посполитой, и въ западной Европѣ издавна существовала политическая литература, которой у насъ суждено было появиться только на нашей памяти. Д. И. Иловайскій въ своей исторіи гродненскаго сейма говоритъ, что русскія газеты того времени отличаются крайней скудостью извѣстій относительно нашей политики: „мы“, прибавляетъ онъ,—„встрѣчаемъ въ нихъ только манифесты и указы“¹⁾. „Въ литературѣ нашей“, говоритъ А. Н. Пыпинъ въ одной изъ своихъ статей о „польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ“²⁾,— „въ литературѣ нашей польскій вопросъ появляется очень недавно, т. е. какъ предметъ, о которомъ могутъ быть два разныхъ мнѣнія. Старая точка зрѣнія была немногосложна: она указывалась дѣйствіями правительства — оставалось восклицать, какъ въ стихахъ Державина на взятіе Варшавы: пошелъ—и гдѣ тристаты злобы! Этого было достаточно; изслѣдованіе, откуда брались тристаты, было излишне. Общество XVIII вѣка не задавало себѣ подобныхъ политическихъ вопросовъ; оно едва ихъ ставило и въ XIX столѣтіи“³⁾. Притомъ долгое время польскій вопросъ „былъ совсѣмъ недоступенъ для свободнаго сужденія публицистическаго. Въ журналахъ того времени (рѣчь идетъ о тридцатыхъ годахъ) напрасно было бы искать такого сужденія о польскомъ вопросѣ; политическіе сюжеты были вообще недоступны для тогдашней литературы“⁴⁾. Извѣстно, что стихотворенія Тютчева и Хомякова, внушенныя событіями 1831 г., равно какъ начатыя въ томъ же году статьи Погодина о польскихъ дѣлахъ увидѣли свѣтъ въ печати только черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ. Странно было бы однако въ русскомъ обзорѣ литературы по исторіи паденія Польши, касающемся польскихъ и западно-европейскихъ публицистовъ, хотя и прошлаго вѣка, обойти русскихъ публицистовъ, тѣмъ болѣе, можно еще прибавить, что послѣдніе, равно какъ и историки наши, обратили вниманіе на такую сторону паденія Рѣчи Посполитой, которая оставалась совершенно неизвѣстной на западѣ и невѣрно представлялась или просто замалчивалась поляками. Если далѣе польскіе и западно-европейскіе историческіе труды о паденіи Польши мы поставили въ извѣстную связь съ публицистическими произведеніями о польскихъ дѣлахъ, то аналогичная связь суще-

¹⁾ *Иловайскій. Гродненскій сеймъ. М. 1870. Стр. VIII.*

²⁾ *Вѣстникъ Европы. 1880, февр., апр., мѣй, окт. и ноябрь.*

³⁾ *Ibid., февр., 706.*

⁴⁾ *Ibid., февр.. 718.*

ствуеть и въ нашей литературѣ. Въ послѣдней своей статьѣ о „польскомъ вопросѣ“ г. Пыпинъ упоминаеть вскользь, что у насъ вопросъ этотъ „былъ изслѣдуемъ еще и въ трудахъ историческихъ“,— и прибавляетъ, что „въ историческомъ освѣщеніи старыхъ русско-польскихъ отношеній отзывалась болѣе или менѣе и мысль объ отношеніяхъ современныхъ“¹⁾. Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ этой главѣ, самими русскими публицистами, особенно славянофилами и отчасти писателями другихъ направленій высказывались общіе взгляды на историческія судьбы польскаго народа,—взгляды, настолько новые и оригинальные послѣ всего того, что намъ уже извѣстно по части польской и западно-европейской публицистики и историографіи, что было бы непросителнымъ пробѣломъ не воспроизвести ихъ здѣсь, какъ нѣчто такое, что само по себѣ заслуживаетъ вниманія.

Политическіе и историческіе писатели, взгляды которыхъ мы разсматривали въ предыдущихъ главахъ, весьма односторонне и неполно представляли и понимали роль Россіи въ исторіи трехъ раздѣловъ, прекратившихъ политическое бытіе Рѣчи Посполитой. Они проникали въ политическіе виды Екатерины II, разсматривали и обсуждали дѣйствія ея посланниковъ въ Варшавѣ, интересовались дѣйствіями русской дипломатіи, измѣряли квадратными милями приобрѣтенныя отъ Польши Россіей территоріи и высчитывали количество душъ, перешедшихъ въ подданство къ новому правительству, но они не понимали, въ чемъ Екатерина слѣдовала по пути и въ чемъ отступала отъ политики прежнихъ московскихъ царей, какова была традиціонная политика Россіи по отношенію къ Польшѣ, что представляла изъ себя вся исторія тѣхъ странъ, которыя въ 1772, 1793 и 1795 гг. были „забраны“ у Рѣчи Посполитой. Самое большее, что дѣлали эти писатели, далеко не могло освѣтить вопроса: говоря о русской политикѣ вообще, они не шли далѣе Петра Великаго, а касаясь населенія „забранныхъ“ Россіей земель, упоминали, да и то не всегда и не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ во всемъ значеніи факта, что населеніе это готово было перейти подъ новое подданство вслѣдствіе своего единовѣрія съ русскимъ правительствомъ. Планы Екатерины и диссидентскій вопросъ, какъ политическое орудіе, — вотъ два предмета, около которыхъ вертится все дѣло. Изучая польскую и западно-европейскую литературу по исторіи паденія Рѣчи Посполитой, поражаешься въ ея произведеніяхъ гро-

¹⁾ Ibid., ноябрь, 307.

маднымъ количествомъ самыхъ важныхъ пробѣловъ во всемъ, что касается историческихъ русско-польскихъ отношеній. Даже Смиттъ, писавшій свои книги по русскому архивному матеріалу и оправдывавшій польскую политику Екатерины II, какъ мы видѣли, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Тѣмъ большее вниманіе должны мы обратить на то, какъ представляли себѣ и обсуждали паденіе Рѣчи Посполитой русскіе писатели, — публицисты и историки.

„Съ X в. обозначается соперничество и борьба двухъ славянскихъ народовъ—русскаго и польскаго. Это важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ“. Такими словами начинается Костомаровъ свой большой исторической трудъ о паденіи Польши ¹⁾. Не касаясь относящихся сюда фактовъ изъ X—XIII вв., вспомнимъ, что въ XIV в. образовались два центра, около которыхъ стали собираться русскія земли, и что одинъ изъ этихъ центровъ, Литва, слилась съ Польшею въ одно политическое цѣлое. Другимъ центромъ была Москва, у которой преемники литовскаго князя Ягеллы, ставшаго королемъ польскимъ, начали оспаривать господство надъ Русью. Отсюда и начинается вѣковая борьба за собираніе Русь: польско-литовское государство стремится овладѣть Русью, принадлежавшею Москвѣ, а послѣдняя предъявляетъ свои права на русскія области, входившія въ составъ польско-литовской Рѣчи Посполитой. Войны между обоими государствами безпрестанно возобновлялись, и прочнаго мира между ними не было: заключались только перемирія. Уже Иванъ III считалъ справедливымъ, чтобы древнія русскія земли, подчинившіяся Литвѣ, отошли къ Москвѣ, какъ подчинился ей Новгородъ, передавшійся было литовскому великому князю, да и въ этихъ земляхъ была партія православныхъ князей и бояръ, пріятствовавшая московскому великому князю. Заключивъ перемиріе съ своимъ зятемъ Александромъ, вел. кн. литовскимъ, Иванъ III такъ объяснялъ черезъ пословъ все дѣло своему союзнику крымскому хану Менгли-Гирею: „Великому князю нашему съ литовскимъ прочнаго мира нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, какія у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей земли русской; взяли же съ нимъ перемиріе для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить“. Императорскому послу

¹⁾ Н. Костомаровъ. Последніе годы Рѣчи Посполитой. С.-Пб. 1886 (изданіе 3). I, 1.

Герберштейну, приѣзжавшему къ Василию Ивановичу, чтобы устроить перемирие между Москвой и Польшей, московскіе бояре также говорили, что государь ихъ хочетъ всей отчины русской, которою владѣли его прародители: Кіева, Полоцка, Витебска и пр. Сигизмунду Августу, предлагавшему въ 1549 г. Москвѣ „вѣчный“ миръ, Иванъ Грозный далъ такой отвѣтъ: „за королемъ наша отчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, а я крестнаго цѣлованія нигдѣ никакъ нарушить не хочу“. Позднѣе Иванъ IV думалъ получить всѣ эти „вотчины“, какъ приданое сестры Сигизмунда-Августа, съ которымъ прекращалась литовская династія,—но различіе вѣръ помѣшало такому браку. По смерти Сигизмунда-Августа въ Литвѣ возникъ даже замыселъ избрать на престолъ Рѣчи Посполитой московскаго царя, но Иванъ заявилъ, что ему было бы пріятнѣе быть избраннымъ только въ великіе князья литовскіе, то-есть, онъ мечталъ о расторженіи только что заключенной тѣсной уніи между Литвой и Польшей. Когда Стефанъ Баторій предложилъ „вѣчный“ миръ, царь опять потребовалъ Кіева, Витебска и др. земель, которыя называлъ своими отчинами. Подобный отвѣтъ послу Стефана Баторія дали московскіе бояре и при Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1586 г.: „нашъ государь у вашего просить искони вѣчной вотчины своей Кіева съ уѣздомъ и пригородами и прочихъ вотчинъ своихъ“. Когда умеръ Баторій, въ Литвѣ снова была поставлена кандидатура московскаго царя на престолъ Рѣчи Посполитой, но московское правительство отправило посла къ литовскимъ панамъ, убѣждавшаго ихъ избрать Ѳеодора только на великое княжество Литовское отдѣльно отъ Польши. „Вы знаете“, говорилъ этотъ посоль, — „поляки вѣрують съ христіанами розво, а вы, паны-рада литовская, и вся земля литовская съ нашею землею одной вѣры и одного обычая, и вы бы пожелали себѣ государя нашего“. Кромѣ того, онъ предлагалъ сообща отнять у Польши непосредственно къ ней причисленныя русскія области. „Начальное государство кіевское“, говорили они, — „отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ литовскаго государства оторвано къ коронѣ польской (по акту люблинской уніи); и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, литовцевъ, да присоединили къ польской землѣ насильствомъ: такъ государю нашему, какъ всего этого у поляковъ не отнять и къ государству московскому не присоединить?“

Со смертью Федора Ивановича и въ Москвѣ прекратилась династія; вслѣдъ затѣмъ произошли смуты, во время коихъ поляки хотѣли завладѣть московскимъ государствомъ и, только когда имъ это не удалось, ограничились приобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ областей. При новой династіи на московскомъ престолѣ въ 1632 г. въ первый разъ былъ заключенъ „вѣчный“ миръ между обоими государствами, но польскіе послы никакъ не могли вынудить у московскихъ условія, чтобы ихъ государь не титуловался царемъ „всѣя“ Руси, въ чемъ они видѣли притязаніе на русскія земли Рѣчи Посполитой. „Вѣчный“ миръ продолжался лишь двадцать лѣтъ: казаки и южнорусскій народъ возстали противъ поляковъ и втянули въ свое дѣло Москву. Южная Русь отдавалась Алексѣю Михайловичу добровольно, а Литву онъ завоевалъ, тогда какъ остальными областями въ то же время завладѣлъ шведскій король, такъ что возникъ первый проектъ раздѣла Польши, противъ чего однако возсталъ Алексѣй Михайловичъ, имѣвшій виды на польскую корону по смерти Яна Казимира. „Вѣковой вопросъ о русскіихъ областяхъ“, говоритъ Костомаровъ, — „казалось, могъ рѣшиться добровольнымъ соединеніемъ. Но обстоятельства повернулись иначе. Война за Малороссію возобновилась и затянулась на долго“. Приостановившись по андрусовскому перемирію, она окончилась извѣстнымъ „вѣчнымъ“ миромъ 1686 г., расширявшимъ предѣлы московскаго государства по Днѣпру съ Смоленскомъ и Киевомъ. „Миръ этотъ“, продолжаетъ историкъ, — „былъ постыднымъ для Россіи: она упустила изъ своихъ рукъ то, чего добивалась цѣлое столѣтіе и что еще недавно отдавалось ей добровольно“¹⁾. Въ XVIII в., съ Петра Великаго Россія стала налегать вообще уже на всю Польшу и ставить ее отъ себя въ зависимость, и когда прусскій король предлагалъ Августу II подѣлить между собою Польшу, давъ Петру I Ливонію, то русскій государь не одобрилъ такого проекта (1710 г.); черезъ 11 лѣтъ этотъ проектъ возобновился, но онъ и тогда былъ противъ него: не зачѣмъ было дѣлиться съ нѣмцами, когда вся Польша готова была сдѣлаться въ той или другой формѣ достояніемъ Россіи. И Екатерина II смотрѣла первоначально на дѣло не иначе²⁾.—Русскіе

¹⁾ Ibid., I, 13.

²⁾ Более подробно указанную исторію русско-польскихъ отношеній см. у *Костомарова*, I, 1—18. См. также стр. 97—99 о заступничествѣ русскіихъ государей (начиная съ Ивана III) за православныхъ въ польско-литовскомъ государствѣ.

публицисты и историки, касавшіеся паденія Рѣчи Посполитой, и должны были обратить особое вниманіе на то, что польскими раздѣлами, собственно говоря, закончилось собираніе русской земли Москвою, которое началось почти за пять вѣковъ до паденія Польши,—на то, что въ населеніи русскихъ областей Рѣчи Посполитой всегда въ той или другой степени обнаруживалось тяготѣніе къ Россіи и усиливалось во время религиозныхъ гоненій со стороны католиковъ, — и на то, наконецъ, что въ эпоху раздѣловъ русскій народъ, находившійся подъ властью польскихъ или ополяченныхъ пановъ, надѣялся, что Россія его освободитъ изъ-подъ неволи. Такимъ образомъ, для отторженія русскихъ земель польско-литовскаго государства къ Россіи существовали весьма важныя причины—политическая (собираніе русской земли), религиозная (преслѣдованія диссидентовъ католиками) и социальная (стремленіе крѣпостнаго народа освободиться изъ панской неволи). Эта-то сторона дѣла и ускользала совершенно изъ историческихъ соображеній польскихъ и западно-европейскихъ публицистовъ и историковъ: они просто въ достаточной мѣрѣ не знали или не понимали всего этого ¹⁾, чему вовсе не слѣдуетъ удивляться, такъ какъ и сами-то мы познакомились достодожнымъ образомъ съ этою стороною дѣла лишь недавно.

Въ XVIII в. у насъ въ силу причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, затемнилась весьма ясная и опредѣленная политика по отношенію къ Рѣчи Посполитой, характеризующая московскій періодъ: вопервыхъ, на главный планъ было выдвинуто обладаніе всею Польшею, а не отторженіе отъ нея русскихъ областей, что объясняется и измѣнившимися обстоятельствами, и перемѣнившимися взглядами; вовторыхъ, когда это не удалось, то при первомъ раздѣлѣ древнее галицкое княжество, одна изъ частей русской земли, было отдано Австріи. „Страннымъ должно показаться“, говоритъ Костомаровъ, — „что, повидимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ

¹⁾ Что русины были вѣтвью польскаго народа, поляки издавна привыкли этому вѣрить и искренне въ это вѣрили. Конечно, теперь утверждать это поляки могутъ только тенденціозно, но болѣе ранняя утвѣренность была результатомъ незнанія исторіи и этнографіи. См. объ этомъ въ ст. *А. Н. Пыпина* „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ“ (*Вѣстн. Евр.*, 1886, февраль, 745 sq., 754 sq. и др.). Въ этихъ статьяхъ (февраль—мартъ), равно какъ въ указавныхъ ниже (ср. „Бѣлорусская этнографіа“. *Вѣстн. Евр.*, 1887, май, 226 и др.), весьма много матеріала, которымъ можно было бы воспользоваться для дополненій къ статьѣ о польскомъ вопросѣ въ русской литературѣ.

притязанія на коренныя русскія земли, которыя московское государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ въ теченіи вѣковъ не хотѣло мириться съ поляками¹⁾. Съ этой точки зрѣнія, какъ увидимъ, русскіе публицисты и историки находили очень важные недостатки въ польской политикѣ Екатерины. Правда, когда намѣчался второй раздѣлъ Польши, Екатерина, давая Потемкину званіе казацкаго гетмана, видѣла въ этомъ возстановленіи популярнаго казацкаго званія особаго рода средство ободрить „всѣхъ обитателей Польши россійской вѣры и россійскаго происхожденія“²⁾, а годъ спустя въ ея рескриптахъ новому посланнику въ Варшавѣ Сиверсу и начальнику русскихъ войскъ въ Польшѣ Игельструму, въ конхъ она уже прямо говоритъ о своемъ намѣреніи относительно втораго раздѣла, поясняется, что это дѣлается, дабы „избавить землю и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и единую вѣру съ ними исповѣдующіе, отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ“, что такъ присоединятся „къ нашему государству земли, вошедшія въ составъ польской республики, которыя въ древности принадлежали къ Россіи, гдѣ города построены русскими князьями, гдѣ жители происходятъ отъ одного племени, какъ и русскіе, и притомъ—наши единовѣрцы“³⁾, — но эти соображенія Екатерины были только однимъ изъ оправданій раздѣла, а не истиннымъ его мотивомъ. Равнымъ образомъ и у помощниковъ императрицы мы встрѣчаемся съ такимъ отношеніемъ къ русскому народу въ Рѣчи Посполитой, которое могло возникнуть только на почвѣ „шляхетскаго“ отчужденія отъ „быдла“, и, на примѣръ, дѣйствовавшій въ диссидентскомъ вопросѣ русскій посланникъ Репнинъ, какъ говоритъ Костомаровъ, — „былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу; онъ былъ баринъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ: православная вѣра въ Рѣчи Посполитой была почти исключительно достояніемъ простаго народа; по его личному воззрѣнію не стоило вовсе и хлопотать о томъ, что годится только для черни. Репнинъ не видалъ православныхъ между знатными, родовитыми и богатыми господами... Для Репнина лично какъ будто не существовало того важнаго обстоятельства, что въ русскихъ краяхъ Рѣчи Посполитой католичество и уніа распространялись съ насиліями,

¹⁾ Ibid., I, 144.

²⁾ Слова изъ письма императрицы къ Потемкину. Ibid., I, 504.

³⁾ Ibid., II, 214. Ср. объявленіе Екатерины отъ 2-го марта 1793 г. II, 245.

что утѣсняемый и насилуемый народъ долго отстаивалъ свою вѣру, проливалъ за нее кровь и, изнемогая въ многолѣтней борьбѣ, обращался съ надеждами и моленіями къ Россіи, что на Россіи лежала историческая обязанность, усвоенная прежними вѣками — поддерживать своихъ единовѣрцевъ и пользоваться для этой цѣли всѣми благопріятными обстоятельствами¹⁾. Онъ даже высказывалъ Екатеринѣ боязнь, „чтобъ, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ уніаты, не побуждать уніатовъ возвращаться къ православію. Такъ-то“, заключаетъ историкъ, — „русскіе бояре вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтные преданія своихъ предковъ“²⁾. Еще менѣе можно было ожидать надлежащаго отношенія къ дѣлу со стороны нѣмцевъ, бывшихъ въ русской службѣ. Какъ мало иногда понимали дѣло исполнители воли Екваторины, можно видѣть, напримеръ, изъ сдѣланнаго ей Сиверсомъ предложенія о способѣ обрусенія губерній, которыя отходили отъ Польши по второму раздѣлу, — все до нихъ относящееся „печатать по русски, латинскими буквами, по польскому произношенію“³⁾, точно сама русская грамота безъ такихъ передѣлокъ не могла найти для себя никакихъ читателей среди населенія вновь прибрѣтеннаго края. Наконецъ, что касается до освобожденія закрѣпощеннаго русскаго народа отъ „ляшской неволи“, то оно равнымъ образомъ не входило въ виды русскаго правительства, даже помогавшаго полякамъ усмирять хлопскіе бунты въ то же время, какъ и православное духовенство призывало крестьянъ къ терпѣнію. „Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условій“, говоритъ Костомаровъ, — „народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы въ свое время русскій край русской державѣ въ томъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже ни ляха, ни жида, ни уніа“³⁾. Мало того: извѣстно, что въ слухахъ о намѣреніи Польши освободить своихъ крестьянъ и въ манифестѣ Костюшки видѣли опасность, которая заставила приступить къ третьему раздѣлу. Въ 1794 году канцлеръ графъ Безбородко писалъ Репнину: „образъ мыслей поляковъ сдѣ-

¹⁾ Л. с., I, 112—113. Интересныя подробности объ отношеніи Репнина къ крестьянамъ у *Крашевскаго*: *Polaka w czasie trzech rozbiorów*, III, 668: позднѣе онъ запрещалъ произносить имя Костюшки, который хотѣлъ освободить хлопковъ.

²⁾ *Костомаровъ*, II, 241.

³⁾ *Ibid.*, I, 300.

дался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ, вольность крестьянъ и т. п. удобны раздражить нашихъ поселянъ. Сии разсужденія рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель“¹⁾.

И въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка не было настоящаго пониманія того, что присоединявшіеся отъ Рѣчи Посполитой края были населены преимущественно, если не брать въ расчетъ шляхетства и горожанъ, русскимъ же народомъ, да часто этому обществу не откуда было и узнать о томъ. Напримѣръ, въ 1766 г. была издана переводная (съ нѣмецкаго) книжка о тогдашнемъ состояніи Польши²⁾, и въ ней ни однимъ словомъ авторъ не обмолвился о существованіи православныхъ въ Рѣчи Посполитой, переводчикъ же не замѣтилъ пробѣла. Въ недавнихъ, весьма интересныхъ статьяхъ А. Н. Пыпина о малорусской и бѣлорусской этнографіи³⁾ собрано множество свидѣтельствъ о нашемъ прежнемъ невѣжествѣ относительно русскаго элемента въ бывшей Рѣчи Посполитой, и нѣтъ, конечно, необходимости обвинять въ этомъ западное образованіе, яко бы оторвавшее насъ отъ почвы: незнаніе это началось раньше и было результатомъ историческаго обособленія Малороссіи и Бѣлоруссіи отъ Великороссіи, употребляя современные термины⁴⁾, съ одной стороны, а съ другой, въ политикѣ того времени вообще мало обращали вниманіе на народъ. Наша наука и литература притомъ же очень поздно начали свои труды по изученію Россіи, а потому не мудрено, что бѣлорусскій, напримѣръ, край долгое время считался у насъ вполне или по большей части польскимъ и чужимъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія вышли, напримѣръ, въ Петербургѣ „Записки путешествія по западнымъ провинціямъ російскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 г. академикомъ Василиемъ Севергинымъ“. Авторъ былъ чело- вѣкъ ученый и весьма образованный, но, вращаясь среди мѣстной интеллигенціи описаннаго края, онъ взглянулъ на него глазами послѣд-

¹⁾ *Русскій Архивъ*, 1873, стр. 478.

²⁾ Исторія о нынѣшнемъ состояніи правительства польскаго; съ нѣмецкаго языка переведена секретаремъ Василиемъ Лебедевымъ. Въ Санктпетербургѣ 1766 года.

³⁾ *Вѣстн. Европы*, 1885—1886, январь (Малорусская этнографія за послѣднія 25 лѣтъ), февраль—мартъ (Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ), ноябрь (Зоріанъ Доленга-Ходаковскій) 1887, апрѣль—іюнь (Бѣлорусская этнографія).

⁴⁾ *Ibid.*, 1887, апрѣль, 653 sq.

ней, такъ что православныхъ въ Бѣлоруссіи онъ называетъ по католической терминологіи „схизматиками“.— „Извѣстно (!), пишетъ онъ, что шизматики отличаются отъ унеатовъ тѣмъ, что сіи послѣдніе повинуются папѣ, а первые патриарху цареградскому. Одѣяніе шизматиковъ подобно одѣянію грекороссійскихъ монашествующихъ особъ. Также расположеніе церкви и обряды при богослуженіи во всемъ почти подобны россійскимъ (!). Находясь въ прусской (по тогдашнему) части Польши и не умѣя, впрочемъ, ни слова по россійски (?), совершаютъ они богослуженіе по россійскимъ церковнымъ книгамъ... Говоря о шизматикахъ, нельзя не упомянуть мнѣ также о унеатахъ. Исповѣданіе и особенно богослуженіе унеатовъ во всемъ сходно съ богослуженіемъ шизматиковъ. Какъ въ прусской, такъ и въ россійской части Польши называютъ они себя россіянами“¹⁾.

Г. Пыпинъ приводитъ еще нѣкоторыя мѣста ихъ „Топографическихъ примѣчаній на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества“ (1780). „Эта книжка, по словамъ автора статьи о бѣлорусской этнографіи, сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣдѣнія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что вообще забывалось тогда за соображеніями политическими“²⁾. Объясненіе подобныхъ фактовъ, переходящее иногда въ оправданіе (подобно тому, какъ простое констатированіе принимаетъ иногда характеръ обличенія) мы встрѣтимъ, между прочимъ, у де-Пуле въ его книгѣ о Литвѣ въ исходѣ XVIII вѣка.

Отсылая къ указаннымъ статьямъ А. Н. Пыпина за извѣстіями по исторіи этнографическихъ знаній нашихъ о древнерусскихъ земляхъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, упомянемъ только, что, напримѣръ, серьезное изученіе бѣлорусскаго племени начинается съ шестидесятыхъ годовъ³⁾. Но къ этому же времени относится и начало нашей публицистики по польскому вопросу⁴⁾. Ранѣе, какъ мы упомянули, высказывался только Погодинъ, но его статьи были напечатаны впервые только въ шестидесятыхъ же годахъ.

¹⁾ Ibid., 1887, апрѣль, 667—668.

²⁾ Ibid., май, 233—234.

³⁾ Ibid., 1887, апрѣль, 665.

⁴⁾ Въ знаменитой запискѣ Карамзина 1819 г. вопросъ о западномъ краѣ, который поляки нѣдѣлялись присоединить къ царству польскому, ставился только съ внѣшней политической стороны и нѣтъ рѣчи объ его національной и соціальной сторонѣ.

Говоря о Погодинѣ, мы укажемъ только на его взглядъ относительно причинъ паденія Польши. „Я давно уже увѣрился“, писалъ, онъ (въ 1865 г.),—„въ западномъ, кельтическомъ или романскомъ происхожденіи шляхты (sic!), но теперь еще увѣрился вотъ въ чемъ: прищелцы въ Польшѣ никогда не соединялись съ туземцами, какъ соединились они у насъ и въ другихъ странахъ, болѣе или менѣе, такъ что шляхта и народъ составляютъ тамъ до сихъ поръ два совершенно различныя общества... Шляхта нынѣшняя, какъ древніе евреи, изведенные изъ Египта, должна погибнуть въ сорокалѣтнемъ странствіи по пустынѣ европейской, а новая Польша съ освобожденными крестьянами и городами должны начать новую жизнь, новую исторію въ соединеніи съ Россією“¹⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ высказался взглядъ Погодина на старую и новую исторію Польши, Далѣе, говоря словами г. Пыпина, „Погодинъ опровергалъ обвиненія поляковъ противъ Россіи за раздѣлы: причиной раздѣловъ была не одна Россія, а прежде всего распаденіе самой государственной системы польскаго королевства; Польша сама вела себя къ тому концу, какимъ завершились времена ея независимости; при внутреннемъ разложеніи она физически не могла сохраниться среди сильныхъ сосѣдей,—притомъ Россія брала (въ западномъ краѣ) свое же древнее достояніе“²⁾. Вотъ это-то возвращеніе Россіей своего древняго достоянія и сдѣлалось главнымъ ея оправданіемъ въ польскомъ дѣлѣ для нашей публицистики. Наболѣе въ данномъ случаѣ заслуживаютъ вниманія воззрѣнія славянофиловъ, коими довольно много мы и займемся въ настоящей главѣ.

Въ этихъ воззрѣніяхъ нужно различать двѣ стороны: въ нихъ вопервыхъ, мы находимъ то, что, собственно говоря, является результатомъ историческаго изученія русской народной жизни на всемъ протяженіи русской земли, слѣдовательно, и въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой, а вовторыхъ,—нѣчто такое, что объясняется уже исключительно съ точки зрѣнія а priori созданной славянофильской теоріи. Не излагая здѣсь самой теоріи и тѣмъ менѣе еще желая входить въ ея разборъ по существу, мы не можемъ однако не упомянуть, что для славянофиловъ католическая Польша должна была представляться, какъ нѣчто противорѣчащее самому духу славянства, нашедшему на-

¹⁾ Пыпинъ. Польскій вопросъ. *Вѣстн. Европы* 1880, февраль, 721.

²⁾ Ibid., февраль, 722. Въ одной статьѣ 1856 г. Погодинъ, совѣтуя предоставленіе Польши самой себѣ, видитъ въ немъ „искупленіе великаго европейскаго грѣха (не нашего)“. Ibid., февраль, 729.

стоящее свое выраженіе въ православіи, и это-то сообщило славянофильскимъ воззрѣніямъ на польскую исторію своеобразную окраску. „Подобнаго рода теоріи“, совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Пыпинъ, — „въ нравственно-историческихъ предметахъ бывають похожи на поэзію. Онѣ могутъ быть очень хороши въ книгѣ, онѣ могутъ поразить воображеніе и чувство, но могутъ быть угловаты и невозможны въ жизни. Самъ Самаринъ признавалъ у Мицкевича „высокую поэзію“ тѣхъ самыхъ идей, которыя у писателей дюжинныхъ казались ему (не безъ основанія) комическими и которыя онъ приводилъ въ образчикъ, до чего можетъ доходить національное заблужденіе“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если для нашихъ славянофиловъ лучшимъ сосудомъ христіанскихъ идей и славянскаго духа является Россія, то для только что упомянутаго польскаго поэта и другихъ польскихъ патріотовъ такое мѣсто въ христіанскомъ и славянскомъ мірѣ принадлежитъ не кому иному, какъ Польшѣ,—явленіе, которое повторяется и въ историко-философской литературѣ другихъ народовъ: англійскіе, италіанскіе, нѣмецкіе и французскіе писатели нерѣдко грѣшили тѣмъ же, доказывая каждый превосходство своего народа во всемірной исторіи или, по крайней мѣрѣ, среди другихъ европейскихъ націй²⁾. Для сравненія съ теоріей славянофильства я позволю себѣ привести здѣсь воззрѣніе Мицкевича нарочно въ передачѣ одного изъ нашихъ славянофильскихъ писателей (Гильфердинга), который, конечно, критикуетъ это воззрѣніе, какъ ненаучное. „Славянскій міръ, по теоріи Мицкевича, издавна раздѣлился на двѣ противоположныя стороны, составляющія какъ бы положительный и отрицательный его полюсы. Положительный полюсъ, полюсъ славянской идеи, заключается въ Польшѣ: чехи и сербы принадлежать также къ этой положительной сторонѣ славянства, но духъ въ нихъ ослабѣлъ и можетъ воскреснуть только подъ вліяніемъ Польши, которая хранитъ славянскія начала для всего остальнаго славянскаго міра. Отрицательный полюсъ идеи, которую Мицкевичъ называетъ противославянскою, заключается, по его мнѣнію, въ Россіи. Древняя славянская народность на Руси, которую онъ именуеть ру-

¹⁾ *Вѣстн. Евр.* 1880, апр., 699. Относительно „угловатости“ прибавимъ, что, разсмотрѣвъ болѣе позднихъ публицистовъ славянофильской школы, г. Пыпинъ отмѣчаетъ, что „суровая исключительность первоначальной школы у нихъ сильно смягчена критическимъ вниманіемъ къ исторической судьбѣ польскаго племени“. *Ibid.*, май, 270.

²⁾ См. мое сочиненіе „Основные вопросы философіи исторіи“. С.-Пб. 1887 (изд. 2), т. I, стр. 211—218.

синскою, принадлежала первоначально къ славянскому направленію, но она погибла, по словамъ Мицкевича, и отъ нея осталось лишь масса людей, говорящая, правда, нарѣчіемъ славянскимъ, но которая, поглотивъ въ себя много финскихъ и татарскихъ стихій, утратила славянскія чувства; масса людей, которая не есть народъ, а государство, которая не имѣетъ вѣры, а только богослуженіе, и которая проникнута духомъ монгольскаго племени, духомъ рабства и разрушенія, какъ его опредѣляетъ польскій писатель. Духъ славянскій, воплощенный въ Польшѣ, всегда старался усвоить себѣ идеи Запада и распространить ихъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ, но духъ этотъ выше западнаго духа: онъ искони стремился къ осуществленію новыхъ началъ, долженствующихъ составить счастье рода человѣческаго, и онъ осуществитъ ихъ въ будущемъ. Начала эти суть: братство между людьми и народами и господство христіанскихъ идей. Польша принесла себя въ жертву для искупленія рода человѣческаго, и эта жертва даетъ ей право и увѣренность сдѣлаться благодѣтельницею всѣхъ народовъ, которымъ она передастъ новыя начала; осуществленія ихъ она ожидаетъ не отъ совокупныхъ усилій людей историческаго развитія, а отъ явленія великаго человѣка, который все обниметъ своею дѣятельностью, отъ новаго Мессіи, котораго предтечею былъ Наполеонъ¹⁾.

Приведу еще,—пользуясь переводомъ того же славянофильскаго писателя, словами коего передалъ теорію Мицкевича.—небольшую выдержку изъ Лелевеля.

„Нынѣшняя Россія“, говорятъ польскій писатель,—„за исключеніемъ областей, занятыхъ въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, равно какъ и тѣхъ, которыя захвачены были въ XVII вѣкѣ, областей, которыя всѣ принадлежатъ польской народности, есть не что иное, какъ Московія, страна неславянская, народности азіатской и варварской, объявленная въ XVIII столѣтіи европейскимъ государствомъ, объявленная принадлежащею къ славянской народности по указу, созданію абсолютной власти одной царицы. Россія носитъ имя, ей не принадлежащее, она славянская по тому же праву, какъ Австрія. Московія, основанная въ XII вѣкѣ, въ противоположность и изъ ненависти къ духу славянскому или лучше сказать, польскому, возвысилась раздѣломъ славянскихъ земель, уничтоженіемъ ихъ народ-

¹⁾ А. Гильбердингъ. Собраніе сочиненій. С.-Пб. 1868. II, 63—64, ср. Урсинъ. Очерки изъ психологіи славянскаго племени. С.-Пб. 1887. Стр. 26—27, 91—93.

ности. Высшая Россия есть наибольшая противоположность славянским идеямъ, въ особенности же идеямъ и вѣрованіямъ польскимъ. Что Польша утверждаетъ, то отрицаетъ Россия. Это наименованіе „Россия“ ничего не обозначаетъ. Это есть выраженіе чисто дипломатическое. Народность русская также мало представляетъ дѣйствительности. Существуетъ народность московская, — славянская, если вы непремѣнно этого хотите, но весьма слабая, не имѣющая въ себѣ ничего серьезнаго, и только вышняя, кажущаяся. Что же касается до души, до идеи славянской, то она еще не родилась. Достаточно ли выражаться по французски, чтобы принадлежать къ французской народности? Русскіе употребляютъ славянской языкъ, который они усвоили себѣ въ XII вѣкѣ, исказивъ его. Но какія идеи, какія вѣрованія у нихъ общія съ славянами, и особенно съ Польшою? Никакія...¹⁾ Конечно, подобные отзывы о русскомъ народѣ продиктованы были политической страстью, и въ отношеніи славянофиловъ къ польскому народу мы наблюдаемъ больше справедливости, переходящей нерѣдко въ сочувствіе къ его бѣдствіямъ; но для насъ тутъ важно то, что наши славянофилы и польскіе мессіанисты (они были главными представителями такого возвеличенія Польши), констатируя существованіе антагонизма между русскими и польскими началами духовной и общественной жизни, совершенно одинаково приписываютъ настоящія славянскія и христіанскія начала, одни — русскому народу, другіе — польскому, въ то же время изображая, первые — народъ польскій, вторые — русскій, какъ измѣнившій славянству или никогда въ сущности не бывшій славянскимъ. Недавно была написана цѣлая книга о внутреннемъ сродствѣ русскаго славянофильства съ польскимъ мессіанизмомъ, и основная мысль ея совершенно вѣрна²⁾. Не боясь однако упрека въ

¹⁾ Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie jusqu'à leur union définitive avec la Pologne conclue à Lublin en 1569, par *Joachim Lelewel*, traduite par *E. Rykczawski*, avec les notes du traducteur. Paris et Leipzig. 1861. Introd. pag. V et VI. Приведено у *Гильфердинга*.

²⁾ *М. Урсинъ* (псевдонимъ). Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофилы. С.-Пб. 1887. См. особенно стр. 144 sq. Авторъ (полякъ) дѣлаетъ остроумныя сближенія въ родѣ того, что „теорія К. Аксакова о земскихъ соборахъ... замѣчательна своею тожественностью со взглядомъ Мицкевича на польское veto: оба писателя, увлеченные туманно-мистическимъ патріотизмомъ, истолковали оба учрежденія въ томъ идеальномъ смыслѣ, что будто они покоились на вѣрѣ въ нравственное достоинство чловѣка, предполагая въ немъ готовность жертвовать личной выгодой и личнымъ взглядомъ въ пользу общаго желанія и общей пользы“.

патріотическомъ пристрастіи, смѣло можно сказать, что въ славянофильскомъ взглядѣ на русско-польскія историческія отношенія гораздо болѣе правды, чѣмъ въ представленіи польскихъ патріотовъ, настолько отличавшихъ русина отъ москаля, что въ первомъ видѣли нѣчто весьма близкое къ поляку, а во второмъ—лишь ославянившагося татарина. Впрочемъ, въ этомъ мы не увидимъ особенной заслуги съ нашей стороны, если примемъ въ расчетъ далеко не одинаковую судьбу двухъ обществъ, русскаго и польскаго.

Пользуясь изданіями сочиненій главныхъ представителей славянофильской школы, мы имѣемъ возможность, не роаясь въ старыхъ журналахъ и газетахъ, собрать довольно значительное количество матеріала по интересующему насъ вопросу. Само собою разумѣется, что, приводя мнѣнія Ю. Самарина, Гильфердинга, И. Аксакова, мы будемъ имѣть въ виду не то, какъ они понимали польскій вопросъ въ настоящемъ (главнымъ образомъ съ 1863 г.), а какъ они освѣщали фактъ паденія Рѣчи Посполитой.

На первый планъ поставимъ статью Ю. О. Самарина подъ заглавіемъ „Современный объемъ польскаго вопроса“.

„Изъ всѣхъ когда-либо занимавшихъ Европу вопросовъ“, говорить Ю. Самаринъ,—„польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это оттого, что онъ слагается изъ трехъ вопросовъ, по существу своему различныхъ, не смотря на ихъ тѣсную связь. Поляки, какъ народъ, какъ особенная стихія въ группѣ славянскихъ племенъ. Польша, какъ самостоятельное государство. Наконецъ, Польша, или точнѣе полонизмъ, какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра. Эти три понятія постоянно смѣшиваются и переходятъ одно въ другое. Вся политика поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи; наша политика въ ихъ разъединеніи“¹⁾. Съ первой точки зрѣнія авторъ признаетъ, съ одной стороны, и національныя права поляковъ, съ другой—и то, что поляки „не могутъ требовать подчиненія себѣ какой-либо другой народности“, что „притязанія польской національности не должны простираются далѣе предѣловъ ея фактическаго господства“.²⁾ Само собою разумѣется, что

¹⁾ Современный объемъ польскаго вопроса. Сочиненія Ю. О. Самарина. М. 1877. I, 325. Статья написана въ 1863 г. Ее А. Н. Пыпинъ считаетъ „наиболѣе цѣльнымъ, логическимъ и нагляднымъ изложеніемъ славянофильской теоріи“.

²⁾ Ibid., 326.

эта точка зрѣнія, приложенная къ польскимъ раздѣламъ, должна дать основу для оправданія въ этомъ фактѣ той его стороны, которая заключается въ освобожденіи русскаго населенія Рѣчи Посполитой отъ чужеземной власти. Съ общенациональными правами далѣе, по Самарину, не слѣдуетъ смѣшивать политической самостоятельности, ибо послѣдняя зависитъ отъ множества внѣшнихъ условій въ родѣ обладанія морскимъ берегомъ, свободы внѣшняго сбыта и привоза, естественной замкнутости въ стратегическомъ отношеніи, надежныхъ границъ и т. п. ¹⁾ „Польша“, говоритъ Самаринъ,—„была и перестала быть государствомъ. Она имѣетъ богатую политическую исторію, въ которой мы видимъ эпохи зарожденія, разростанія, могущества, упадка и разложенія. Можетъ быть, ни одно изъ новѣйшихъ государствъ не испытало такихъ превратностей, такого быстрого расширенія и одинаково быстрого стѣсненія своихъ предѣловъ“. ²⁾ Авторъ спрашиваетъ, гдѣ же тѣ историческія границы, въ которыхъ желаютъ возстановить Польшу. Поляки не довольствуются этнографическими предѣлами, ибо обозначить ихъ трудно, а еслибы и удалось это, то „такое государство, сдвоенное Россіей, Пруссією и Австрією, пользовалось бы только номинальною независимостью и никогда бы не выходило изъ вассальныхъ отношеній къ своимъ могучимъ сосѣдямъ“. ³⁾ Противъ польскихъ притязаній на большее авторъ возражаетъ указаніемъ на то, что обширныя земли, нѣкогда входившія въ составъ Польши, принадлежали инымъ народностямъ, а эти народности и въ свое время сопротивлялись польскому владычеству, теперь же возстали бы противъ него еще сильнѣе, такъ что еслибы и образовалось снова государство по идеалу польскаго патриотизма, ему грозило бы опять паденіе по причинѣ внутренняго раздора, котораго польское правительство не было прежде, и въ будущемъ, вѣроятно, не будетъ въ состояніи примирить. „По свидѣтельству безпристрастнѣйшихъ изъ польскихъ историковъ и публицистовъ“, говоритъ Самаринъ,—„двѣ причины сгубили ихъ родину: польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности бѣлорусовъ и малороссіянъ съ поляками, а иезуитизмъ не могъ допустить рядомъ съ собою православной церкви“ ⁴⁾.

Такъ рѣшаются у Самарина двѣ первыя части польскаго вопроса.

¹⁾ Ibid., 327.

²⁾ Ibid., 328.

³⁾ Ibid., 329.

⁴⁾ Ibid., 331.

Гораздо болѣе оригинальныхъ взглядовъ представляетъ изъ себя разсужденіе о полонизмѣ. Не касаясь того, какія средства рекомендуетъ авторъ для рѣшенія вопроса, мы остановимся на томъ, какъ съ точки зрѣнія этихъ разсужденій онъ освѣщаетъ историческія судьбы Польши. Теорія Самарина есть въ сущности общая теорія славянофильства, какъ она изложена была Хомяковымъ и Гильфердингомъ. Для Самарина Польша есть „острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы“. „Глубокая несовмѣстимость и непримиримость латинства съ славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ“, говоритъ онъ далѣе.— „Всегда и вездѣ, чѣмъ добровольнѣе и искреннѣе латинство принималось славянскою природою, чѣмъ глубже оно въѣдалось въ нее, тѣмъ быстрѣе, подъ влияніемъ этого тонкаго и всепроникающаго яда, она чахла, разлагалась и гибла. Ни одно изъ племенъ славянскихъ не отдавало себя на службу латинству такъ беззавѣтно, какъ польское“. Самаринъ указываетъ тутъ на Чехію, „спасшую свою народность“ въ гуситскомъ движеніи. „Не тѣмъ путемъ шла Польша“, продолжаетъ онъ.— „Мы обращаемся къ свидѣтельству ея собственныхъ историковъ и публицистовъ новѣйшаго времени. Одинъ говоритъ вамъ: исторія Польши представляетъ борьбу славянской народной стихіи съ латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ; другой договариваетъ: и попытку примирить ихъ сдѣлаю; да, прибавляетъ третій, но нельзя не сознаться, что всякій разъ, когда латинство брало перевѣсъ, звѣзда Польши блѣднѣла и гасла“¹⁾. Самаринъ на счетъ „латинства“ относитъ тутъ и то, что дѣйствительно возникло въ Польшѣ подъ влияніемъ католицизма, и то, что объясняется иными причинами, какъ напр., образованіе шляхты. Со времени іезуитскаго вліянія „высшее сословіе окончательно замкнулось въ себѣ самомъ и разбилось на партіи; начались гоненія на инородцевъ и иновѣрцевъ, и наконецъ Польша пала жертвою внѣшняго вмѣшательства, вызваннаго ея внутреннимъ разложеніемъ“²⁾. Развивая свой взглядъ, авторъ объясняетъ, что подъ латинствомъ онъ разумѣетъ не одиѣ догматическія и іерархическія особенности католицизма, но „и все то, что выросло изъ сѣмянъ его, всю совокупность нравственныхъ понятій и бытовыхъ отношеній, обусловленныхъ римско-католическимъ воззрѣніемъ“³⁾. „Прослѣдите“, читаемъ мы далѣе, — „до психологической ихъ

¹⁾ Ibid., 333.

²⁾ Ibid., 334.

³⁾ Ibid., 336.

основы всё историческія явленія, которыми сопровождалась прививка латинства къ славянской стихіи—образованіе ненародной, строго-замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д.—и вы убѣдитесь, что все это совершилось не случайно¹⁾. Указавъ на участіе поляковъ въ подавленіи гуситовъ, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ турецкихъ рѣзняхъ, авторъ продолжаетъ: „сдѣлавшись отравленнымъ мечемъ и орудіемъ гибели для другихъ, сама Польша, какъ племя славянское, хотя и измѣнившее своей природѣ, должна была прежде всѣхъ заразиться тою же отравой; дѣйствительно, ту же враждебную силу, во имя которой она ополчалась на своихъ братьевъ, она внесла въ свою плоть и кровь. Далѣе самоубійства ни отдѣльное лицо, ни народъ идти не можетъ. Польша дошла до этого предѣла, но переродиться въ племя неславянское, измѣнить свою природу или промѣнять ее на другую—она всетаки не смогла“²⁾. Одну изъ „живыхъ уликъ неспособности славянской природы окончательно ужиться въ тискахъ латинства“ Самаринъ видитъ въ томъ развитіи, какое получило польское государство. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,—„отчего въ XVII в., въ то время, какъ въ сосѣднихъ земляхъ, не безъ тяжелыхъ жертвъ всякаго рода спланивалось государственное единство—въ одной просвѣщенной и начитанной Польшѣ власть не только не крѣпла, а напротивъ отступала шагъ за шагомъ передъ небывалою въ мірѣ силою произвольно организованнаго своеволія? Не оттого ли это произошло, что она переносила въ область условныхъ отношеній, безъ которыхъ немыслима никакая политическая организація, предносившійся ей идеалъ общежитія, которому въ области духа латинство не дало развиваться?“³⁾. „Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, славянство и латинство, вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на животь и на смерть. Въ ней-то и заключается глубокой трагическій интересъ польской исторіи“⁴⁾. Самаринъ выразилъ намѣреніе „когда-нибудь

¹⁾ Ibid., 337—338.

²⁾ Ibid., 340.

³⁾ Ibid., 341.

⁴⁾ Ibid., 342.

подробнѣе развить эту тему, только мимоходомъ, какъ самъ онъ говорить, имъ затронутую“, но этого онъ не сдѣлалъ ¹⁾).

Таковы въ существенныхъ чертахъ взгляды Самарина. Около того же времени, когда онъ ихъ излагалъ въ печати, высказывался по польскому вопросу и Гильфердингъ.

Гильфердингомъ по этому предмету въ 1863 г. были написаны три статьи, которыя соединены въ одно цѣлое подъ заглавіемъ „Польскій вопросъ“ во II томѣ собранія его сочиненій ²⁾). Авторъ въ первой статьѣ рѣшаетъ вопросъ о причинахъ борьбы между русскими и поляками. „Корень борьбы Россіи и Польши теряется въ глубинѣ вѣковъ. Зародышъ ея, можно сказать, существовалъ въ славянскомъ племени уже тогда, когда ни Россія, ни Польша не являлись на историческомъ поприщѣ и когда историческая жизнь сосредоточивалась въ другихъ славянскихъ народахъ, на юго-западѣ. Едва эти народы вступали въ кругъ дѣятельности исторической, передъ ними становился вопросъ: войдутъ ли они органически, всею своею духовною, общественною и политическою жизнью въ составъ старшаго, болѣе образованнаго римско-германскаго міра или устоятъ на началахъ самостоятельнаго развитія? ³⁾... Жизнь славянскаго племени сосредоточилась преимущественно въ двухъ народахъ сѣверо-восточной равнины европейской: въ Польшѣ и Россіи... Польша, оставаясь славянскою, сдѣлалась вполнѣ членомъ латино-германской семьи народовъ, единственною славянскою страной, вступившею въ эту семью всецѣло и свободно, не въ силу матеріальнаго завоеванія, а добровольнымъ принятіемъ западно-европейскихъ стихій въ основу своей собственной, славянской жизни... Между тѣмъ русская земля шла другимъ, несравненно болѣе медленнымъ и тяжелымъ путемъ развитія ⁴⁾... Уже въ XIV в. Польша представляла общество вполнѣ развитое, созрѣвшее подъ вліяніемъ Запада, проникнутое всѣми началами его жизни. Дѣятельность ея должна была обратиться на востокъ, на русскую землю... Ибо коль скоро поль-

¹⁾ Та же страница. Въ томъ же томѣ сочиненій Ю. О. Самарина помѣщена замѣтка о книгѣ „L'église officielle et le messianisme“, гдѣ высказаны подобныя же взгляды. Замѣтка относится къ 1849 г.

²⁾ Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. С.-Пб. 1868. II, 291 sq. Статьи назывались: первая—„За что борются русскіе съ поляками?“, вторая—„Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“, третья — „Положеніе и задача Россіи въ Царствѣ Польскомъ“.

³⁾ Ibid., 294.

⁴⁾ Ibid., 295.

скій народъ всецѣло отдался западно-европейской жизни, коль скоро тѣ идеи, которыя владѣли западнымъ міромъ, идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, вошли въ плоть и кровь поляковъ и сдѣлались для нихъ высшимъ идеаломъ челоуѣчества, — то нести этотъ идеаль, нести католицизмъ, рыцарство, латинскую образованность другимъ славянамъ, ихъ чуждавшимся, становилось священнымъ завѣтомъ польскаго народа ¹⁾. . . Когда, продолжаетъ Гильфердингъ, — „Польша въ XIV вѣкѣ кончила первый фазисъ своего развитія, фазисъ внутренняго органическаго сліянія своего съ латино-германскою Европою и могла обратиться на русскій востокъ съ пропагандою воспринятыхъ ею началъ, невѣроятные успѣхи сопровождали первые шаги ея. Русская земля влеклась, такъ сказать, сама къ свѣту цивилизаціи, къ развитому общественному строю, съ которымъ выступала Польша. . . Но внутреннія, живыя, хотя безсознательныя славянскія начала не поддались стихіямъ польской жизни. Русская народность, особенно въ дѣлахъ вѣры, стала подымать голову противъ польскихъ началъ. Въ XVI вѣкѣ Польшѣ приходится уже полунасиліемъ упрочивать свое господство надъ русскимъ народомъ. Полунасиліемъ заставляеть она литовско-русскія области окончательно соединиться съ нею въ одно государство (люблинская унія 1569 года); полунасиліемъ заставляеть она русскихъ людей подписать церковную унію съ Римомъ (брестская унія 1596 года) и насильственно вводитъ эту унію. Наконецъ, полное торжество Польши надъ русско-славянскимъ міромъ кажется достигнутымъ: польское знамя водружено въ Москвѣ, вся восточная Русь должна подчиниться пропагандѣ польской цивилизаціи. Но тутъ-то совершился великій историческій переломъ, рѣшившій судьбу славянскаго міра. Народъ восточной Руси не призналъ превосходства польской цивилизаціи и захотѣлъ остаться при своихъ началахъ жизни; на столько развилось уже въ русской землѣ сознание ея внутренней самобытности. Изгнаніе поляковъ изъ московскаго государства было первымъ шагомъ въ этомъ новомъ историческомъ періодѣ: русская земля полагала въ себѣ предѣлъ распространенію польскихъ началъ. Возстаніе Малороссіи было вторымъ шагомъ: русская земля заявляла потребность освободиться отъ нихъ и тамъ, гдѣ они уже водворились. Третьимъ шагомъ была реформа Петра I,

¹⁾ Ibid., 296. Тамъ, говоритъ авторъ, понимаютъ дѣло и сами историки польскіе: Гильфердингъ ссылается на Шайноху (Bolesław Chrobry, стр. 11) Ibid., 297.

которая имѣла въ русско-польскомъ вопросѣ то огромное значеніе, что она отняла у польской пропаганды на Руси разумную цѣль, что она упразднила, такъ сказать, историческую задачу въ отношеніи къ русской землѣ... Петръ былъ первый изъ русскихъ царей, который ни разу не воевалъ съ Польшею, и первый, который хозяйничалъ въ ней, какъ скоро Россія овладѣла сама послѣднимъ орудіемъ ея прежняго обаянія — западною образованностью. Весь XVIII вѣкъ былъ эпохою разложенія государственнаго зданія старой Польши. Обширныя русскія области, которая она въ XIV и XV вѣкахъ притянула къ себѣ своимъ тогдашнимъ нравственнымъ и общественнымъ перевѣсомъ надъ Русью, всѣ эти области (за исключеніемъ лишь Галиціи) возвратились въ составъ русскаго государства, опять-таки почти безъ насилія (ибо если и было сопротивленіе, то лишь въ разныхъ мѣстахъ со стороны польской шляхты, а не со стороны туземнаго населенія). Польская земля, то-есть, земля, населенная поляками, старая земля Казимира Великаго, очутилась какимъ-то жалкимъ обруткомъ среди сложившихся вокругъ нея государствъ, похожая на человѣка, котораго весь жизненный подвигъ оказался несостоятельнымъ и который, потерявши все, остается безпріютнымъ и сирымъ среди новыхъ лицъ, новыхъ потребностей¹⁾.

Вторая статья Гильфердинга, относящаяся равнымъ образомъ къ 1863 г. (іюль), озаглавлена была: „Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“ Въ этой статьѣ нѣтъ ничего такого, что здѣсь стоило бы отмѣтить. Въ концѣ 1863 г. Гильфердингъ написалъ третью статью, въ которой разсматриваетъ „положеніе и задачу Россіи въ царствѣ польскомъ“. Если первая статья интересна по заключающимся въ ней воззрѣніямъ на историческія русско-польскія отношенія, игравшія столь важную роль и въ паденіи Рѣчи Посполитой, то въ послѣдней—обращаетъ на себя вниманіе взглядъ автора на внутреннія причины разложенія Польши. Одною изъ особенностей русскихъ писателей является ихъ склонность при объясненіи причинъ паденія Польши выдвигать на первый планъ хлопско-шляхетскія отношенія въ Рѣчи Посполитой, и именно такъ смотритъ на дѣло Гильфердингъ. „Историческая жизнь Польши“; говоритъ онъ,— „оказалась несостоятельною: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы присутствуемъ теперь не при возрожденіи исторической жизни Польши, а при разложеніи ея стараго организма. Нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ внутреннее разложеніе и паденіе

¹⁾ Ibid., II, 299—302.

явилось бы въ такой страшной, осязательной наготѣ, какъ въ старой Польшѣ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что тутъ разлагался и падалъ не цѣльный народъ,—народы не такъ легко умираютъ,—а классъ людей, поглотившій въ себя всю историческую жизнь польскаго народа, сосредоточившій въ себѣ все польское государство. Множество примѣровъ доказываютъ, что чѣмъ уже и исключительнѣе та общественная среда, въ которой заключается историческая дѣятельность государства, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ его исторической жизни, тѣмъ быстрѣе оно возрастаетъ и доходитъ до своего апогея и тѣмъ скорѣе полное развитіе силъ смѣняется упадкомъ и разложеніемъ. Такимъ образомъ, и государство польское, возникшее въ одно и то же время съ Россіей, успѣло совершить полный кругъ своего развитія, когда Россія едва кончила періодъ своего сложения, и умерло своею смертью въ исходѣ XVIII вѣка. Что бы ни говорили о насильственности раздѣловъ, объ этомъ *assassinat d'une nation*, несомнѣнно то, что польское государство отжило свой вѣкъ, и что его могли разнять на куски именно потому, что это былъ трупъ, а не живой организмъ. Еслибы какими-нибудь судьбами удалось возстановить Польшу, какъ государство, то развѣ она въ состояніи была бы развиваться? Польская нація, на сколько она дѣйствовала въ исторіи и выражалась въ государственной жизни Польши, то-есть, польское шляхетство или такъ-называемое обывательство, заключавшее въ себѣ весь государственный организмъ Польши,—польская нація имѣла въ славянскомъ мірѣ весьма опредѣленное значеніе, весьма опредѣленный путь развитія. Это было общество и государство, по преимуществу представлявшее собою въ славянскомъ мірѣ западно-европейскій католицизмъ и западно-европейское рыцарство. Идеи эти составляли духъ польскаго государства, оно ихъ воплощало въ себѣ: онѣ имѣли свою блестящую эпоху въ Польшѣ XVI вѣка, и польское общество, и государство тогда разцвѣло; и мало-по-малу обличились онѣ въ своей односторонности и, наконецъ, дошли *ad absurdum* въ явленіяхъ XVIII вѣка, въ іезуитизмѣ и шляхетскомъ правѣ *liberum veto*. По мѣрѣ паденія этихъ идей, разлагалось польское общество и государство: вслѣдствіе такого разложенія, государство погибло; но общество осталось“¹⁾). Изображеніе довольно вѣрно, но объясненіе представленныхъ явленій дано съ точки зрѣнія условной теоріи. Но еще болѣе стоитъ сдѣлать выписку изъ того мѣста

¹⁾ Ibid., II, 345—346.

статьи, гдѣ характеризуется отношеніе этого общества къ народу. „Въ Польшѣ“, именно говоритъ Гильфердингъ, — „въ Польшѣ существуютъ собственно два народа: одинъ, жившій историческою жизнью, приобрѣтшій огромныя владѣнія и потомъ потерявшій ихъ, — народъ, весь погруженный въ преданія прошлаго и представляющій очевидные признаки разлагающагося организма. Другой народъ, отдѣляемый отъ перваго не только общественнымъ, но и бытовымъ характеромъ, не знаетъ про бывшее величіе шляхетской республики; вся старая жизнь Польши прошла надъ нимъ, не коснувшись его духа, не внушивъ ему участія къ политической судьбѣ своего отечества, въ которомъ онъ ожилъ нѣсколько лишь тогда, когда оно перестало быть самостоятельнымъ государствомъ. Это не два отдѣльныхъ класса въ одномъ народѣ; нѣтъ, польскій крестьянинъ, пашущій землю, и полякъ, отрѣшившійся отъ простоты земледѣльческаго быта, принадлежатъ къ двумъ особымъ мірамъ, къ двумъ особымъ политическимъ сферамъ... Въ Польшѣ эта раздвоенность такова, что она уже сдѣлалась, такъ сказать, существенною, органическою принадлежностью польской націи; она сроднилась съ польскими понятіями такъ, что полякъ ея уже не чувствуетъ и не замѣчаетъ, и она поражаетъ только иностранца, какъ нѣчто ненормальное... Легко прослѣдить въ исторіи Польши, какъ образовалось это раздвоеніе, какъ крестьянское населеніе съ теченіемъ времени устранилось болѣе и болѣе отъ участія въ жизни и судьбахъ польскаго государства, и какъ государство это сдѣлалось исключительно принадлежностью шляхты и примыкающихъ къ ней классовъ, горожанъ и духовенства, или того, что въ польскомъ языкѣ стало называться польскимъ народомъ, жителями края (обывателями). Такова несомнѣнная причина всегдашняго безучастія польскаго крестьянства къ патріотическимъ стремленіямъ обывательства“¹⁾). Гильфердингъ отмѣчаетъ и то явленіе, что польскому уму иначе не представлялось уничтоженіе этой розни, какъ въ формѣ постепеннаго приобщенія народа къ шляхтѣ. „Конституція 3-го мая 1791 г.“, говоритъ онъ, — „какъ извѣстно, хотѣла искупить грѣхи старой Польши относительно народа — открытіемъ широкаго доступа низшимъ классамъ въ шляхетское сословіе, постепеннымъ ушляхетненіемъ всего польскаго народа. Иначе быть не можетъ съ той точки зрѣнія, которая въ польскомъ шляхетствѣ полагаетъ идеаль совершенства и высшую цѣль своего народа; и

¹⁾ Ibid., II, 350—351.

это стремление ввести простой народъ въ шляхетскую сферу проглядываетъ, со времени неудавшейся конституціи 3-го мая 1791 года, во всѣхъ идеяхъ польскихъ либераловъ относительно будущей роли простого польскаго народа, даже въ самомъ крайнемъ представителѣ польскихъ демагоговъ, въ Мѣрославскомъ¹⁾. Это—путь не растворенія шляхты въ народѣ, а прониванія народа въ шляхетскую среду.

Заключимъ передачу славянофильскихъ взглядовъ на исторію русско-польскихъ отношеній и на причины паденія Рѣчи Посполитой выдержками изъ двухъ статей И. С. Аксакова, помѣщенныхъ въ III томѣ собранія его сочиненій, который почти весь занятъ польскимъ вопросомъ. Обѣ статьи интересны по затронутому въ нихъ вопросу о степени нравственной виновности Россіи въ паденіи Польши. Слѣдующія выдержки довольно подробно передадутъ мысли Аксакова объ этомъ предметѣ.

Въ первой изъ этихъ статей (1861 г.), которая озаглавлена въ въ собраніи сочиненій „Наши нравственныя отношенія къ Польшѣ“, Аксаковъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе Польши было подготовлено внутреннимъ разложеніемъ польскаго общества, ложью шляхетства и католицизма, измѣною ея славянскимъ началамъ, гордыней и нетерпимостью польской національности, ненавистью, возбужденною ею въ прочихъ братскихъ народахъ. Существованіе Польши въ ея прежнемъ видѣ и устройствѣ, на основаніи началъ, выразившихъ себя въ ея исторіи, было, по всѣмъ историческимъ вѣроятностямъ, уже долѣе невозможно; задорное, безпокойное сосѣдство препятствовало свободному развитію Россіи, и историческая Немезида отомстила Польшѣ всѣ неправды ея, совершенныя надъ русскимъ народомъ въ началѣ XVII вѣка. Все это, положимъ, и справедливо, но событія, сопровождавшія конецъ Польши, помѣшавши ея политическому бытію умереть свободою смертию, обновили новою жизнью польскую національность и сообщили ей ту нравственную силу, которую она проявляетъ и до сихъ поръ. По новѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ оказывается несомнѣннымъ, что весь планъ, на основаніи котораго совершился раздѣлъ Польши, принадлежить изобрѣтательности Фридриха II, такъ-называемаго Великаго, который умѣлъ въ то же время такъ искусно повести дѣло, что осужденіе легло всею своею тяжестью на Россію, менѣе всѣхъ неправую въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно всѣмъ, что Россія при раздѣлѣ

¹⁾ Ibid., II, 356.

Польша возвратила себѣ только древнія рускія области и взяла Литву, и что такъ-называемое царство польское досталось намъ уже по рѣшенію вѣнскаго конгресса. Конечно, Россія могла бы совершить это возвращеніе инымъ, болѣе прямымъ способомъ, по требованію ли угнетеннаго народа въ тѣхъ русскихъ областяхъ, или открытою войною,—но все это еще не составляетъ большой важности при несомнѣнномъ ея правѣ на эти земли¹⁾. „Если въ чемъ можно отыскать нашу вину, то развѣ въ томъ потворствѣ властолюбивымъ притязаніямъ нашихъ сосѣдей и въ согласіи на подчиненіе свободнаго славянскаго племени иноземному владычеству. Вообще говоря, Россія менѣе всѣхъ неправа въ раздѣлѣ и уничтоженіи Польши, но, какъ сторона нравственная, тяжелѣе всѣхъ чувствуетъ то, что была неправою въ этомъ дѣлѣ“²⁾.

Въ другой статьѣ, озаглавленной „Въ чемъ вина Россіи передъ Польшей?“ (1881 г.), между прочимъ, излагаются вѣратцѣ русско-польскія отношенія. „До половины XVI вѣка“, говоритъ здѣсь Аксаковъ,—„связь Западной Россіи съ Польшей, при господствовавшей въ Польшѣ вѣротерпимости, казалось довольно искреннею и прочною. Неизвѣстно, на чьей бы еще сторонѣ оказался окончательный перевѣсъ, еслибъ такъ-называемый „золотой вѣкъ“ Сигизмунда-Августа не сталъ поворотною точкою въ польской исторіи. Во второй половинѣ XVI вѣка водворяются въ Польшѣ іезуиты: католическій фанатизмъ, неугомонное духовное властолюбіе сочетались съ властолюбіемъ политическимъ, и поляки ступили на ту наклонную плоскость, которая рано или поздно должна была привести ихъ къ гибели. Успѣхи католической пропаганды, совращеніе русскихъ князей, пановъ и шляхты въ латинство, насильственное введеніе уни водворяютъ рознь между ними и массами православнаго народа, отчуждаютъ послѣднія отъ правительства и кладутъ начало взаимной ненависти и ожесточенной борьбы“³⁾. Затѣмъ, говоря о времени Екатерины II, онъ замѣчаетъ, что „заступничество за диссидентовъ, то есть, за православныхъ — малоруссовъ и бѣлоруссовъ, стало ея знаменемъ, и благодаря самимъ полякамъ — тѣмъ рычагомъ, которымъ наконецъ свороченъ былъ самый центръ тяжести польскаго государственнаго бытія“. Общія причины паденія Рѣчи Посполитой онъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ: „немногіе безпристрастные историки“,

¹⁾ И. Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1886. III, 9.

²⁾ Ibid., III, 9—10.

³⁾ Ibid., III, 570—571.

говорить онъ, —, сами приписываютъ паденіе Польши преимущественно внутреннему растлѣнію, полной гражданской и нравственной деморализации общества, особенно въ XVII вѣкѣ. Въ той же мѣрѣ слѣдуетъ отнести вину этого паденія къ католическому фанатизму и къ внутреннему безобразному гражданскому строю. Польское племя — безспорно одно изъ самыхъ талантливыхъ славянскихъ племенъ, но племя женственное, или по крайней мѣрѣ женственно-страстное, подвижное и легкомысленное; надѣленное блистательными качествами и дарованіями, оно какъ-то органически обдѣлено разсудительностью и здравымъ, особенно государственнымъ смысломъ и тактомъ¹⁾. Далѣе указывается на „католицизмъ въ самой злой, опасной фанатической своей формѣ — формѣ іезуитизма“, „исказившаго въ полякѣ его славянскую природу“, на государственный строй Польши, основанный „на преобладаніи какого-то аристократическаго начала въ формѣ демократической“, и т. д.²⁾ Изобразивъ внутреннее разложеніе Польши и сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи перваго раздѣла, авторъ продолжаетъ: „при этомъ Россія присоединила къ себѣ не польскія, а русскія земли, именно Бѣлоруссію, которая уже давно танула къ ней и, безъ сомнѣнія, равно какъ и всѣ остальные русскія земли, даже и безъ всякаго раздѣла, согласно желанію народному, въ силу единовѣрія и единоплеменности, рано или поздно неминуемо слилась бы съ Россіей. Это воссоединеніе съ Россіей оторванныхъ отъ русскаго древняго единства русскихъ земель, произошло окончательно при второмъ и третьемъ раздѣлѣ, которые были уже естественнымъ послѣдствіемъ перваго. Въ этомъ воссоединеніи, вопли законномъ, вопли справедливымъ, нѣтъ не только ничего, чего бы мы могли стыдиться или смущаться, какъ это до сихъ поръ въ обычаѣ у нѣкоторой части русскаго общества, но совершенно наоборотъ: въ немъ исполненіе нашего народнаго долга и историческаго призванія. Одинъ грѣхъ тяготѣетъ на русской совѣсти, но грѣхъ впрочемъ вынужденный, по неволѣ, это — уступка древняго Галича Австріи... Предотвратить паденіе Польши Россія не могла. Съ отдѣленіемъ отъ Польши Украины и Бѣлоруссіи (а это должно было необходимо совершиться), она становилась слишкомъ слабою, и существованіе польскаго независимаго государства между тремя могущественными державами, при томъ государства неблагоустроеннаго, безпокойнаго, съ преданіями

¹⁾ Ibid., III, 572.

²⁾ Ibid., III, 573.

былого величія, съ притязаніями на прежнее политическое значеніе, съ ненасытною жаждою мести, дѣлалось немислимо. Россія не въ силахъ была ни предотвратить раздѣлъ, ни присоединить къ себѣ всего польскаго королевства (что было бы выгоднѣе для польской національности). Она ограничилась только возвращеніемъ себѣ исконныхъ, русскихъ же земель, да присоединила, къ счастью, къ себѣ же по послѣднему раздѣлу (1795 г.) и Литву: лучше было, безъ сомнѣнія, что она досталась не Пруссіи, а Россіи¹⁾.

Славянофильскій взглядъ на польскіе раздѣлы выраженъ еще въ извѣстномъ сочиненіи Данилевскаго „Россія и Европа“²⁾. Доказывая во второй главѣ этого историко-философскаго произведенія, что Россія не можетъ быть названа завоевательнымъ государствомъ, авторъ указываетъ на то, что въ западномъ край мы только возвращали свое³⁾. Первый раздѣлъ Польши онъ видитъ въ приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ отъ Рѣчи Посполитой при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но тогда Россія не взяла всего, что могла взять. „Раздѣлъ Польши“, говоритъ авторъ,—„насколько въ немъ участвовала Россія, могъ бы совершиться уже тогда, —слишкомъ за сто лѣтъ ранѣе, чѣмъ онъ дѣйствительно совершился, — и, конечно, съ огромною для Россіи пользою, ибо тогда не бродили еще гуманитарныя идеи въ русскихъ головахъ (sic!); и край былъ бы закрѣпленъ за православіемъ русскою народностью прежде, чѣмъ успѣли бы явиться на пагубу русскому дѣлу Чарторыскіе“⁴⁾. Почему,—спрашиваетъ онъ, оправдывая Екатерину,—то, что было законнымъ въ половинѣ XVII в. становится незаконнымъ къ концу XVIII? Разница въ томъ, что за эти сто лѣтъ Россія вступила въ политическую систему европейскихъ государствъ („имѣла счастье вступить“, выражается Данилевскій) и не могла возвратитъ себѣ „по праву ей принадлежавшаго“, не допуская къ раздѣлу Австрію и Пруссію. Въ уничтоженіи настоящей Польши „въ ея законныхъ предѣлахъ Россія не имѣла никакой выгоды“. „Не очевидно ли“, спрашиваетъ авторъ,—„что все, что было несправедливо

¹⁾ Ibid., III, 574—575. Нельзя не отмѣтить здѣсь еще статью подъ заглавіемъ „Можетъ ли сравниться право Пруссіи на Познань съ правомъ Россіи на Западный край?“ Ibid., III, 527—532.

²⁾ *Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому.* С.-Пб. 1871. Изданіе исправленное и дополненное. Въ нынѣшнемъ году эта книга появилась въ 3-мъ изданіи.

³⁾ Ibid., 27 sq.

⁴⁾ Ibid., 29.

въ раздѣлѣ Польши,—такъ сказать, убійство польской національности,—лежитъ на совѣсти Пруссіи и Австріи, а вовсе не Россіи, удовольствовавшейся своимъ достояніемъ, возвращеніе котораго не только составляло ея право, но и священнѣйшую обязанность¹⁾. „Если“, читаемъ мы черезъ двѣ страницы,—„при раздѣлѣ Польши со стороны Россіи была несправедливость, то она заключалась единственно въ томъ, что Галичъ не былъ воссоединенъ съ Россіей. Не смотря на все это, негодование Европы обрушилось всею своею тяжестью не на дѣйствительно виновныхъ,—Пруссію и Австрію,—а на Россію“²⁾. Далѣе Данилевскій касается уже настоящей Польши, частью которой, какъ онъ выражается, Россія, „къ несчастію, владѣетъ“, неся на себѣ „упрекъ въ неправо́мъ стяжаніи, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Пруссіей и Австріей“, но владѣетъ не по завоеванію, а по сантиментальному великодушію. По Данилевскому, возстановленную Наполеономъ Польшу слѣдовало предоставить прежней участи, а себѣ взять восточную Галицію³⁾. Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ, что „есть народы, заслуживающіе лишенія свободы, которую всегда употребляли во зло. Таковы“, поясняетъ онъ, — „поляки. Неисправимое отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ, неумѣніе охранять собственную народность, — а между тѣмъ стремленіе угнетать другія народности, лишая ихъ не только политической жизни, но и всякой свободы религиозной и бытовой,—смуты, производимыя въ сосѣднихъ государствахъ и наконецъ измѣна своему племени (?) достаточно доказали неспособность поляковъ къ государственной жизни... Только наказывать Польшу, дѣлать ее безвредною имѣла право одна Россія, противъ которой, равно какъ и противъ всего славянства, Польша постоянно была виновата. Каковы были на это права Австріи и Пруссіи—это другой вопросъ“⁴⁾.

Особое и весьма понятное отношеніе къ польскому вопросу имѣли писатели, представляющіе малорусскую точку зрѣнія, или такъ-называемые украинифильскіе писатели, споры которыхъ съ польскими

¹⁾ Ibid., 30.

²⁾ Ibid., 32.

³⁾ Ibid., 33.

⁴⁾ Ibid., 237. Приводимъ это мѣсто, какъ характерное для тона книги. Въ свое время много еще шума надѣлала статья *Н. Н. Страхова* „Роковой вопросъ“, напечатанная въ журналѣ *Время* за 1863 г. См. о ней также *М. Н. Катковъ*. 1863 г. Собраніе статей по польскому вопросу, помѣщавшихся въ *Моск. В., Русск. В. и Совр. Лит.* М. 1887. I, 485 sq.

авторами касались вообще трехъ главныхъ пунктовъ: происхожденія русскаго племени и національной принадлежности малоруссовъ, судьбы Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ и, наконецъ, современныхъ отношеній польскаго панства къ малорусскому народу ¹⁾. Для насъ, конечно, важенъ здѣсь второй пунктъ, и вотъ какъ передаетъ эту полемику А. Н. Пыпинъ ²⁾.

„По мнѣнію польскихъ публицистовъ, національность „русиновъ“ не представляетъ опредѣленнаго характера, есть только „поле битвы между двумя соперничающими національностями“, ея прошедшее, ея стремленія и преданія склоняютъ ее гораздо больше къ польскому, чѣмъ къ московскому элементу, который она „всегда отъ себя отбивала и отвергала“. Здѣсь Костомаровъ давалъ ясный и категорическій отвѣтъ... „Часть южно-русскаго народа“, говоритъ онъ, — „въ концѣ XIV столѣтія была покорена оружіемъ Польшы, а не добровольно съ ней соединилась. Другая, въ соединеніи съ великимъ княжествомъ литовскимъ, составляла государство русское какъ по характеру, такъ и по массѣ народонаселенія, и хотя въ XV вѣкѣ и въ первой половинѣ XVI на польскій престолъ выбирались великіе князья литовскіе, но это отнюдь не давало русско-литовскому государству видъ присоединенія къ Польшѣ. Дѣйствительное соединеніе совершилось уже въ 1569 г., на люблинскомъ сеймѣ. Съ русской стороны дѣйствующимъ классомъ народа, рѣшившимъ судьбу своего края, было одно дворянство“.—Но и оно, въ окончательномъ рѣшеніи питало увѣренность въ особенности внутренняго политическаго быта своей земли. Когда великое княжество литовское соединилось съ Польшей на началахъ федеративныхъ, южная Русь присоединялась къ ней, какъ провинція; но и здѣсь дѣйствовало одно дворянство, и то не все: и въ немъ было противодѣйствіе и ропоть. Народа не спрашивали; за нимъ въ тѣ времена и не признавали права голоса; но его настроеніе скоро сказалось. Къ концу XVI в. уже появляются извѣстія о вооруженныхъ шайкахъ престонородья, нападавшихъ на шляхетскіе дворы и замки. „Вражда народа (далѣе опять слова Костомарова) къ дворянству и вмѣстѣ съ тѣмъ къ Польшѣ разрасталась, и ея проявленія дѣлались шире и грознѣе по мѣрѣ того, какъ это дворянство, безъ спроса у народа отдавшее южную Русь Польшѣ,

¹⁾ Пыпинъ. Польскій вопросъ въ русской литературѣ. *Вѣстн. Евр.* 1880, октябрь, 681, 687.

²⁾ *Ibid.*, окт., 689—691.

стало принимать въ себя польскіе элементы и терять народность своихъ предковъ. Церковная унія и покушенія католичества на свободу древней отеческой вѣры еще болѣе раздражили народъ и даровали его противодѣйствию священное знамя религіи. Корпорация казаковъ стала зерномъ народной оппозиціи... Мятежи слѣдовали за мятежами... Это было выразительное заявленіе народной воли по вопросу о люблинской унії... Окончательною функціею этого народнаго отзыва было соединеніе съ Великороссіей. Въ то время это было событіе всенародное, дѣло массы: Хмельницкій угадалъ ея побужденія "... Москвская политика не умѣла пользоваться обстоятельствами и расположеніемъ малорусскаго народа, и западная часть южной Руси была уступлена Польшѣ. Но броженіе продолжалось, и такъ называемая колівщина снова напомнила о дѣйствительномъ настроеніи массъ относительно польскаго господства... „По присоединеніи къ Россіи, совершившемся въ концѣ XVIII вѣка, южнорусскій народъ надолго остался подѣ властью польскихъ помѣщиковъ, и правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное сохраненіе своей власти надъ древнерусскими землями и поработченными русскими земледѣльцами“. Только крестьянская реформа 1861 г. освободила южно-русскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ и подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею“.

„Споръ объ этихъ отношеніяхъ велся и ранѣе, и за нѣсколько лѣтъ до изданія „Основы“ (1861—62 гг.) г. Кулишъ въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“ помѣстилъ статью извѣстнаго польскаго критика Грабовскаго съ собственнымъ отвѣтомъ по вопросу объ отношеніяхъ старой Польши къ Малороссіи. Грабовскій защищалъ правительство старой Польши, и народныя возстанія малорусскія изображалъ какъ крестьянскіе бунты, какіе бывали повсюду въ Европѣ, и поводъ ихъ указывалъ никакъ не въ общемъ характерѣ Рѣчи Посполитой, а только въ частныхъ, личныхъ злоупотребленіяхъ“.

„Въ концѣ концовъ Костомаровъ считалъ всѣ эти историческія пререканія совершенно безплодными для опредѣленія отношеній современныхъ. Споры объ „историческихъ правахъ“ пора бросить... „На старыя договоры и межевыя записи уже и потому нельзя опираться, что послѣдующіе договоры и размежевки уничтожили дѣй-

ствительность первых: послѣдующіе такъ же точно опирались на силу, какъ прежніе въ свое время“.

Подъ властью Польши была не одна Малороссія: еще болѣе испытала на себѣ польское владычество Бѣлоруссія, и наша литература по польскому вопросу вслѣдствіе этого заключаетъ въ себѣ публицистическія произведенія, такъ сказать, спеціально бѣлорусскаго оттѣнка. Къ произведеніямъ, разсматриваемымъ въ этой главѣ, можно именно отнести книжку проф. Кояловича „Чтенія по исторіи западной Россіи“. Первоначально это были, дѣйствительно, лекціи, которыя проф. Кояловичъ читалъ въ 1864 г. въ Петербургѣ „въ небольшомъ обществѣ лицъ высшаго круга, пожелавшихъ ознакомиться съ исторіей этой страны, гдѣ тогда усмиралась польская смута“, какъ самъ авторъ объясняетъ происхожденіе книжки. Отношу разсмотрѣніе взглядовъ, выраженныхъ въ послѣдней, въ главу о публицистикѣ, во первыхъ, вслѣдствіе того, что „чтенія“ были непосредственно вызваны одною изъ злобъ дня первой половины шестидесятыхъ годовъ, а во вторыхъ потому, что въ нихъ историческій судъ преобладаетъ надъ историческимъ изслѣдованіемъ, по крайней мѣрѣ, въ той небольшой лекціи, которая посвящена паденію Рѣчи-Посполитой. Этоть-то судъ проф. Кояловича и необходимо здѣсь отмѣтить.

Первое изданіе „Чтеній по исторіи западной Россіи“ вышло въ свѣтъ въ 1864 г., третье — въ 1884 г., и въ послѣднемъ изданіи нѣкоторыя чтенія, особенно касающіяся XVIII вѣка, были написаны вновь. Это — популярная исторія русско-польскихъ отношеній въ западномъ и югозападномъ краѣ: послѣ двухъ вступительныхъ главъ авторъ излагаетъ указанную исторію съ древнѣйшихъ временъ, причемъ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой посвящена особая глава (чтеніе XV), занимающая около 45 страницъ ¹⁾. Точка зрѣнія, съ какой смотритъ проф. Кояловичъ, опредѣляется самимъ авторомъ такимъ образомъ: „Исторія послѣднихъ временъ русско-польскаго государства состоитъ изъ двухъ, совершенно отдѣльныхъ и непримиримыхъ исторій. Во первыхъ, исторія верхняго слоя этого государства, исторія шляхетско-польская, тѣсно связанная своими элементами съ исторіей западной Европы и еще тѣснѣе съ дипломатіей сосѣднихъ государствъ... Другая исторія русско-

¹⁾ Приводится литература предмета: соч. Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, затѣмъ „Исторія воссоединенія униатовъ старыхъ временъ“ самого автора (1873 г.), „Исторія Замойскаго собора“ Хрущевича (1880 г.) и „Апелляція къ папѣ Льву XIII“ о. І. Наумовича (1883 г.)

польскаго государства послѣднихъ временъ—это исторія народная, западно-русская. На эту исторію писатели или вовсе не обращали вниманія, или видѣли въ ней лишь интригу русскаго правительства. Для насъ она имѣетъ особенное значеніе и мы увидимъ въ ней самое логическое развитіе прежней западно-русской исторіи. Между этими двумя исторіями паденія русско-польскаго государства, исторію польско-шляхетской и западно-русской, народной, есть очень и очень немногіе пункты общіе, и то не пункты сдѣлки между западно-русскимъ народомъ и шляхетскою Польшей, какъ мы видѣли, на примѣръ, при Хмѣльницкомъ или еще болѣе при Выговскомъ и Мазепѣ, а пункты борьбы, самой рѣшительной и неутомимой, при которой обѣ стороны уже совершенно расходились. Шляхетская Польша шла на западъ, западно-русскій народъ къ Россіи¹⁾. Разказавъ далѣе вкратцѣ исторію русско-польскихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ, авторъ останавливается нѣсколько подробнѣе на оживленіи происшедшемъ въ русскомъ народѣ Рѣчи Посполитой въ серединѣ этого столѣтія. „Начало этого новаго оживленія западной Россіи“, говоритъ онъ,— „тѣсно связано съ именемъ русской государыни Елисаветы Петровны, а необычайное развитіе его—съ именемъ другой русской государыни Екатерины II. Русское, православное направленіе жизни, обнаружившееся въ Россіи съ самаго начала царствованія Елисаветы Петровны, сейчасъ же стало отражаться во всей западной Россіи и возбуждало оживленныя надежды на лучшее будущее, а случайно вызванное въ Елисаветѣ (Разумовскимъ) вниманіе къ малороссамъ произвело точно завоеваніе западной Россіи, особенно Украины“²⁾. Начиная отсюда, изложеніе дѣлается подробнѣе, и, упомянувъ о возстаніи Желѣзняка, авторъ замѣчаетъ: „изъ исторіи даже новѣйшихъ временъ извѣстно, что иныя государства не только пользовались подобными смутами у сосѣдей, но даже возбуждали ихъ для своихъ цѣлей. Такъ, между прочимъ, та же Польша не только пользовалась нашими самозванческими смутами, и пробовала завоевать Россію, но несомнѣнно и возбуждала ихъ съ самаго начала. Русское государство временъ Екатерины II, несмотря даже на то, что Польшу тогда распатывалъ русскій же, православный народъ, составлявшій изъ древности достояніе Россіи и теперь жестоко страдавшій отъ Польши, не сочло позволительнымъ пользоваться для своихъ цѣлей такими бѣдствіями Польши. Оно, напротивъ, само возстало противъ уманскихъ гайда-

¹⁾ *Коллочичъ*. Чтенія по исторіи западной Россіи. С.-Пб. 1884. Стр. 265—267.

²⁾ *Ibid.*, 273—274.

маковъ...“¹⁾ „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ свой рассказъ о подавленіи гайдамацкаго возстанія,—„такимъ образомъ Екатерина II не только теперь устранилась, подобно Петру I, отъ разрѣшенія русско-польскаго вопроса по указаніямъ западно-русскаго народа и помогла Польшѣ покорить себѣ этотъ народъ, но поступила еще гораздо суровѣе, чѣмъ Петръ I. Но по примѣру же Петра I, Екатерина не нашла возможнымъ отступить отъ защиты важнѣйшей стороны жизни этого народа,—православія...“²⁾ Въ Украинѣ и значительной части Волны, казалось, вполне и окончательно возстановлялась русская православная жизнь и русское управление. Такимъ образомъ, народъ опять наводилъ русское правительство на рѣшеніе его гражданской участи. Ходили слухи, что такъ и будетъ. Въ то же время и политическія событія вынудили Екатерину взяться за гражданское разрѣшеніе русско-польскаго вопроса“. По поводу перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, къ которому и привели упомянутыя событія, авторъ говоритъ слѣдующее: „раздѣлъ этотъ произведенъ такъ, что Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, а самая богатая по землѣ и энергіи народа Украина, къ изумленію и прискорбію русскаго населенія ея, осталась подъ властью Польши, и, что еще болѣе странно, къ этому раздѣлу привязалась держава, не положившая никакихъ трудовъ для усмиренія буйной Польши, именно, Австрія, получившая даромъ, къ великой обидѣ русскаго народа, Галицію, не выдававшуюся ни польской, ни даже русской смутой, хотя несомнѣнно тяготѣвшую и къ Украинѣ, и къ Россіи вообще“³⁾).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи интересны соображенія автора „Чтеній“ о новыхъ смутахъ народныхъ, происходившихъ въ Рѣчи Посполитой въ эпоху четырехлѣтняго сейма. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что были и среди поляковъ люди, считавшіе нужнымъ облегчить положеніе хлопковъ. „Событія“, продолжаетъ проф. Кояловичъ,—„показали, что и среди вышеупомянутыхъ ревнителей широкой польской свободы крестьянская воля представлялась лишь какъ средство повредить Россіи. Они видѣли, и иные изъ нихъ прямо высказывали, что Россія владѣетъ умами и чувствами русскаго народа въ Польшѣ. Поэтому они думали, что если дать свободу русскому хлопцу въ Польшѣ, то можно не только оторвать его отъ Россіи, но идти

¹⁾ Ibid., 284.

²⁾ Ibid., 286.

³⁾ Ibid., 287.

съ нимъ воевать самую Россію и разрушить ее. Очевидно, они думали повторить пугачевскую исторію..... Вотъ подлинная исторія Польши того времени внизу, въ русскомъ народѣ этого государства. Изъ нея можно видѣть, каковы были задатки благъ жизни для этого народа и какіе въ ней были настойчивые для Россіи вызовы взяться опять за дѣла Польши и рѣшить ихъ по указаніямъ этой исторіи внизу, въ самомъ народѣ. Но, кромѣ этой ясной и указывающей безповоротное рѣшеніе русско-польскаго вопроса, была еще другая, польская исторія наверху, въ шляхетской средѣ, которая и тогда ослѣпляла у многихъ глаза для наблюденія и уразумѣнія дѣйствительнаго хода дѣлъ, и до сихъ поръ ослѣпляетъ¹⁾. Послѣднія слова относятся главнымъ образомъ къ конституціи 3-го мая, о которой авторъ „Чтеній“ высказываетъ такое мнѣніе: „поляки превозносятъ свою майскую конституцію. Конечно, она имѣетъ достоинства, особенно въ сравненіи съ прежними порядками польской государственной жизни. Но считать ее образцомъ совершенства могутъ только одни польскіе шляхтичи. Въ ней сразу бросаются въ глаза два капитальныхъ недостатка. Въ ней нѣтъ свободы совѣсти. Латинство въ ней признается такъ же фанатически господствующимъ, какъ и въ старыя времена. Иновѣрцамъ дается только частная, личная свобода въ предѣлахъ вѣротерпимости, очевидно, по подражанію вѣротерпимости въ Россіи, но гораздо уже ея, то-есть, безъ равноправности въ государственной средѣ. Затѣмъ, въ ней нѣтъ свободы хлопству. Допущено только облегченіе, на примѣръ, въ томъ, что хлопа нельзя было убить безнаказанно, какъ въ старыя времена. Но извѣстно, что это постановленіе сдѣлано было еще на радомскомъ сеймѣ и сдѣлано по настоянію представителя Россіи, князя Репнина“²⁾. Происхожденіе второго раздѣла авторъ видитъ именно въ притѣсненіяхъ, какимъ снова подвергся русскій хлопъ, и въ попыткѣ четырехлѣтняго сейма дать русской церкви въ Рѣчи Посполитой новую организацію, которая „отрѣзывала бы хлопа отъ Россіи и въ дѣлахъ вѣры“. „Русское правительство“, говоритъ онъ,—„вполнѣ тогда сознавало и это свое право, и эту свою обязанность. Никогда прежде Екатерина II не дѣйствовала по отношенію къ Польшѣ съ такою рѣшительностью и въ такомъ русскомъ, народномъ направленіи, какъ теперь. Она быстро заняла русскія области Польши для окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи. Когда послѣдовалъ въ 1793 году такъ-называемый второй

¹⁾ Ibid., 296.

²⁾ Ibid., 297—298.

раздѣлъ Польши, то Екатерина велѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью кругомъ ея: „отторженное возвратихъ“. Эта надпись была справедлива въ томъ смыслѣ, что въ отнятыхъ теперь у Польши областяхъ не было ни одной мѣстности, не принадлежавшей когда-либо Россіи, и что въ этихъ областяхъ жизнь возстановлялась съ такою быстротой и силой, что не могло возникать никакого сомнѣнія въ прочности слиянія съ остальною Россіей этихъ, нѣкогда отторгнутыхъ и теперь возвращенныхъ областей. Но эта надпись не вѣрна въ томъ смыслѣ, что второй раздѣлъ не возвращалъ Россіи всѣхъ русскихъ областей Польши... Неестественность второго раздѣла Польши“, продолжаетъ авторъ, — „еще больше увеличена была самими поляками и дипломатіею того времени и увеличена до того, что совсѣмъ закрыла собою живое историческое дѣло, — разрѣшеніе русско-польскаго вопроса“ ¹⁾. Торговая конфедерація своимъ протестомъ противъ политической реформы впутала въ дѣло дипломатію, особенно прусскую. „Такимъ образомъ, все дѣло второго раздѣла Польши, перенесенное въ область шляхетства и дипломатіи, переставало быть исключительно русскимъ дѣломъ, какимъ ему слѣдовало быть, обращалось въ общее дѣло сосѣдей Польши, и раздѣлу подвергалась уже и чисто-польская земля, съ польскимъ народомъ, на историческую гибель въ чужомъ, германскомъ мірѣ. Понятно, что разсматриваемый съ этой шляхетской и дипломатической точки зрѣнія второй раздѣлъ Польши представлялся дѣломъ измѣны дурныхъ поляковъ и еще больше дѣломъ дипломатическихъ интригъ и неправдъ“ ²⁾.

Глава заканчивается такими словами: „Польша кончила свое старое существованіе. Самое имя ея было уничтожено. Надъ ней совершился историческій приговоръ, давно заявленный исторіей и давно требовавшій раздѣленія ея, какъ польско-русскаго государства на двѣ части: русскую и польскую. Это былъ неминуемый приговоръ. Но къ этому приговору, который могъ бы и не касаться политической жизни чисто польской части Польши, Пруссія прибавила свою давнюю страсть усиливаться западно-славянскими землями, а примѣру Пруссіи послѣдовала и Австрія, которая, какъ извѣстно, вся сложена изъ различныхъ кусочковъ и для которой все равно, какіе получаютъ кусочки чужой земли, лишь бы получались“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., 298—299.

²⁾ Ibid. 300.

³⁾ Ibid., 301.

Эти взгляды на паденіе Рѣчи Посполитой были отчасти повторены, отчасти дополнены въ другомъ, недавно вышедшемъ трудѣ автора „Чтеній по исторіи западной Россіи,“ именно въ „Исторіи русскаго самосознанія“, гдѣ проф. Кояловичъ касается паденія Польши въ главѣ, посвященной обзору дѣятельности С. М. Соловьева ¹⁾. Здѣсь онъ доказываетъ тезисъ, „что русское общество временъ Екатерины и сама Екатерина слишкомъ далеко стояли отъ народа и даже отошли отъ него дальше, чѣмъ были при Елизаветѣ“,—и лучшимъ доказательствомъ этого признаетъ то, какъ разрѣшился тогда польскій вопросъ. „Екатерина“, говоритъ онъ,—„наслѣдовала отъ Елисаветы богатую подготовку для чисто русскаго, народнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Елизавета твердо стояла на исторически пріобрѣтенномъ Россіей правѣ защищать православныхъ польскаго королевства и своею народною политикой привлекла къ себѣ весь западно-русскій народъ“. Далѣе говорится, какъ быстро этотъ народъ „воскресалъ къ полной русской жизни“, какъ малорусское крестьянство „стало разрушать все польское и жидовское“. „Тѣмъ удобнѣе было“, продолжаетъ авторъ,—„русскому правительству взять въ свои руки народное движеніе, что оно началось во имя его и что въ то же время все панское и латинское сомкнулось въ союзъ противъ Россіи и православія въ такъ называемой барской конфедераціи. Правительство Екатерины, дѣйствительно, взяло въ свои руки то и другое движеніе, но усмирило то и другое не для интересовъ Россіи. Страну, очищенную отъ барскихъ конфедератовъ и отъ гайдамаковъ, усмиренныхъ русскими войсками и даже передаваемыхъ на муки панамъ, оно оставило подъ властью Польши, а воспользовалось всѣмъ этимъ лишь косвеннымъ образомъ,—присоединило къ себѣ часть Бѣлоруссіи, дозволивъ Пруссіи и Австріи взять даромъ богатныя провинціи съ запада и юго-запада“. По объясненію автора это „странное явленіе“ случилось потому, что политика, выражаясь его словами, затуманила тогда русскіе глаза. „Россія“, поясняетъ онъ,—„взялась защищать не прямо православныхъ Польши, а вообще такъ называемыхъ диссидентовъ, то-есть, православныхъ и протестантовъ вмѣстѣ. Это уже предрѣшало союзъ съ протестантской Пруссіей, за которою ввязалась и Австрія“. Другая причина такого разрѣшенія русско-польскаго вопроса была, по проф. Кояловичу, слѣдующая. „По той же страсти къ политикѣ“, говоритъ онъ,—„Екатерина вмѣшивалась въ чисто польскія дѣла и, воображая, что

¹⁾ М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. С.-Пб. 1884. Стр. 384—386.

имѣть прочную партію въ Польшѣ, подкапывала всю Польшу въ пользу нѣмцевъ. Въмѣсто того, чтобы брать отъ Польши русскія области и защищать чистую Польшу отъ нѣмцевъ, Екатерина дѣйствовала такъ, что выходило на оборотъ: нѣмцы успѣшно добывали Польшу, а мы съ поразительною косностью возвращали свои русскія области“. На этомъ не кончается обвиненіе Екатерины. „По той же страсти къ политикѣ и пристрастію къ интеллигентной средѣ, Екатерина задумала посредствомъ Бѣлоруссіи упрочить за собою сочувствіе польской интеллигенціи вообще и съ этою цѣлью возстановила въ этой странѣ іезуитскій орденъ и ввѣрила ему воспитаніе юношества“. Кроме того, Бѣлоруссія „обнаружила“, какъ выражается авторъ,—„поражающую изнанку теоріи религиозной вѣротерпимости: вслѣдствіе этой теоріи въ Бѣлоруссіи многіе десятки тысячъ русскаго народа, съ нетерпѣніемъ ждавшіе возстановленія русской власти, чтобы бросить насильно навязанную унию и возвратиться въ православіе, должны были оставаться въ униі“. Только второй раздѣлъ авторъ признаетъ совершеннымъ „въ гораздо болѣе русскомъ, народномъ направленіи. Унія снесена была съ лица земли. Екатерина, продолжаетъ онъ,—сознавала, что дѣлаетъ русское дѣло и даже особеннымъ образомъ увѣковѣчила этотъ великій моментъ въ своей жизни, изобразивъ на медали карту присоединенныхъ областей съ подписью „отторженная возвратихъ“, что, впрочемъ, было невѣрно въ томъ смыслѣ, что не все, отторженное когда-либо Польшей, возвращено было Россіи и даже древнее русское княжество—Галиція—было отдано чужимъ—Австріи“. Извѣстно, что всю вину раздѣловъ Польши сваливаютъ на Россію, но эту вину нужно, замѣчаетъ авторъ, объяснять иначе, нежели это обыкновенно дѣлается. „Мысль о раздѣлѣ Польши на русскую и польскую части всегда жила въ русскомъ народѣ западной Россіи и со временъ Іоанна III высказывалась и въ восточной Россіи, а мысль о раздѣлѣ польской части Польши, принадлежитъ нѣмцамъ, и на Россію можетъ лишь падать славянскій укоръ за содѣйствіе такому раздѣлу Польши“¹⁾).

Не перебирая всего, что у насъ писалось по польскому вопросу, такъ какъ глава эта и безъ того разрослась, мы остановимся еще на указанныхъ выше статьяхъ г. Пыпина, хотя онѣ и не имѣютъ строго-публицистическаго характера, относясь скорѣе къ области научной критики. Но именно это-то послѣднее обстоятельство и

¹⁾ Ibid 387.

заставляет нас обратиться къ названнымъ статьямъ: если у писателей славянофильской школы или у представителей малорусской и бѣлорусской народностей мы встрѣчаемся съ такими оттѣнками политической мысли, которые объясняются національнымъ субъективизмомъ, — хотя, повторяю, съ фактической стороны въ общемъ указанные авторы и правы, — то г. Пыпинъ именно желаетъ стать на объективно-научную точку зрѣнія, отрѣшенную отъ злобы дня. Съ его отношеніемъ къ вопросу можно познакомиться прежде всего изъ такихъ мѣстъ его статей, въ которыхъ онъ разсматриваетъ вообще, какъ къ данному вопросу у насъ относились въ послѣднее время. Вотъ чтò говоритъ онъ, на примѣръ, въ началѣ статьи „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ“: „Общераспространенное въ нашей литературѣ представленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи, какъ о вѣчной злостной „интригѣ“ и „коварствѣ“ (которымъ, наконецъ, придается чисто баснословный размѣръ), какъ, съ другой стороны, и польское представленіе о Россіи и „наѣздѣ“ заключаетъ въ себѣ обыкновенно одну грубую ошибку, при которой невозможно правильное пониманіе ни прошедшаго, ни современной дѣйствительности. Обѣ стороны упускаютъ изъ виду, что историческія и общественныя явленія имѣютъ всегда свою глубокую психологическую подкладку въ цѣломъ народномъ міровоззрѣніи, создающемся вѣками, что событія имѣютъ свою логику, что цѣлыя народы не могутъ быть „коварными“ и заниматься „интригой“, какъ, съ другой стороны, „наѣздъ“ не совершался по одному насилію для насилія. Относительно польскаго общества, у насъ рѣдко обращали вниманіе на то, хотя весьма простое соображеніе, что идеи, за которыя боролось это общество, рискуя самыми страшными опасностями, рискуя самымъ существованіемъ національности, что эти идеи бывали самымъ искреннимъ убѣжденіемъ цѣлыхъ общественныхъ массъ, убѣжденіемъ, которое имѣло и свои историческія основанія. Съ польской стороны долго не хотѣли видѣть (и теперь хотятъ видѣть только слишкомъ немногіе), что вмѣшательство Россіи въ судьбу польскаго народа было приведено весьма ясными причинами, въ ряду которыхъ крупнѣйшую роль играли внутреннія политическія ошибки самой Польши, что эти ошибки издавна (на примѣръ еще въ XVII вѣкѣ) были ясно сознаваемы въ средѣ самого польскаго общества и бывали даже съ большою энергіей высказываемы — при другихъ поводахъ — въ самой польской литературѣ. Когда начинается кри-

зисъ, когда исторія сводитъ свои итоги, то поколѣнія данной минуты рѣдко бываютъ въ состоянїи отнестись спокойно къ совершающимся событіямъ: фактъ настоящей минуты, опасность родины поглощаетъ всѣ ихъ чувства, наполняетъ ихъ энтузіазмомъ къ національному преданію и не дозволяетъ видѣть въ немъ какой-либо недостатокъ, въ его прошедшемъ—какую-либо ошибку, хотя въ другое время эта ошибка была уже видима; сторона побѣждающая столь же мало бываетъ способна относиться справедливо къ противнику, а иногда и правильно оцѣнить свое собственное дѣло. Взаимное уразумѣніе бываетъ возможно вообще только тогда, когда пройдетъ первая горячка раздора, когда спокойная мысль въ состоянїи будетъ явиться на мѣсто страстнаго раздраженія; и такой мысли, конечно, слѣдуетъ раньше вступить въ свои права на той сторонѣ, которая не испытала горькаго чувства утраты и паденія. Эта спокойная мысль должна бы въ особенности обращаться къ анализу далекихъ историческихъ корней, какіе имѣетъ всякая обширная общественная идея. Наблюденіе историческаго процесса, съ одной стороны, можетъ объяснить источникъ современнаго явленія, указывать въ немъ органическіе элементы, а не одинъ произволь; съ другой, можетъ открыть явленія иного порядка, столь же органическія и законныя, которыя требуютъ себѣ мѣста въ политической и соціальной жизни: въ результатѣ для разумныхъ руководителей общества является необходимость въ безпрестанномъ уравнишенїи общественныхъ элементовъ, имѣющихъ за собой жизненное право. И русская, и польская литература, весьма богатая полемикой и взаимными обличеніями, еѣ сожалѣнію, очень бѣдны такими трудами, которые были бы продиктованы этимъ чувствомъ исторической справедливости. Надо надѣяться,—и нѣкоторые отдѣльные факты обѣихъ литературъ подкрѣпляютъ эту надежду,—что болѣе отчетливое изученіе исторїи (если ему не помѣшаютъ какія-нибудь новыя общественныя тревоги) поможетъ развиваться научному, а затѣмъ общественному безпристрастію, которое можетъ стать залогомъ примиренія, нужнаго для обѣихъ сторонъ. Какъ до сихъ поръ обѣ эти стороны отыскивали одна въ другой лишь предметы антипатїи и ненависти, такъ со временемъ, мы думаемъ, для нихъ могутъ открыться предметы взаимнаго уваженія и сочувствія и, быть можетъ, окажется, что между ними есть гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ онѣ предполагали, и, при всей несомнѣнной разницѣ національныхъ характеровъ и историческихъ поло-

женій, можетъ найдтись почва для мирнаго сожителства въ интересѣ обѣихъ сторонъ“¹⁾).

Однимъ словомъ, авторъ цитированной статьи стремится очистить вопросъ, подлежащій научному и историческому изученію, отъ тѣхъ ненаучныхъ примѣсей, которыя вносятся въ него какъ съ русской, такъ и съ польской стороны, или, употребляя его собственное выраженіе, поставить „спокойную мысль на мѣсто страстнаго раздраженія“. Нельзя не высказать здѣсь сочувствія основной идеѣ приведеннаго отрывка и вмѣстѣ съ тѣмъ не выразить желанія, чтобъ именно по этому пути шла дальнѣйшая разработка исторіи русско-польскихъ отношеній, въ которой такое важное мѣсто принадлежитъ паденію Рѣчи Посполитой: какъ для внутренней исторіи польской націи фактъ этотъ имѣетъ значеніе общаго итога ея прежней исторіи и исходнаго пункта исторіи новѣйшей, такъ и въ русско-польскихъ отношеніяхъ этимъ фактомъ заключается одинъ періодъ и открывается другой.

Но возвращаемся къ статьямъ г. Пыпина. Ихъ автору приходится говорить о паденіи Польши лишь мимоходомъ, и тѣмъ не менѣ здѣсь стоить отмѣтить нѣкоторые его взгляды, въ которыхъ мы находимъ отвѣтъ на вопросъ, на сколько въ „возвращеніи отторженнаго“ играла роль русская національная политика, и насколько правы тѣ писатели, которые судили эту политику съ современной точки зрѣнія.

Въ одной изъ своихъ статей („Бѣлорусская этнографія“), изложивъ вкратцѣ исторію русско-польскихъ отношеній, г. Пыпинъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи русскаго правительства къ населенію „возвращенныхъ“ отъ Польши земель въ XVIII в. „Въ чемъ же“, спрашиваетъ онъ, — „заключалось теперь отношеніе русскаго правительства (представлявшаго собою русское національное начало) къ народу юго-западной Россіи? Историки Малороссіи и Западной Россіи не разъ указываютъ въ этомъ отношеніи имперіи къ юго-западнымъ отраслямъ русскаго народа длинный рядъ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, даже раздраженія, причемъ это послѣднее могло съ полной силой высказываться только съ сильнѣйшей стороны. Въ этомъ недоразумѣніи дѣйствовали весьма различныя причины: политика прежнихъ вѣковъ мало думала о народныхъ массахъ и ихъ желаніяхъ; этими массами распоряжались, какъ чисто-служебною силою, распредѣляли ихъ по простому территоріальному расчету, дѣлили земли, не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе ихъ населеній; на-

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1886, февр., 726—727.

родныя стремленія играли при этомъ самую послѣднюю роль. Такимъ образомъ могло и теперь произойти, что въ раздѣлахъ Польши цѣлыя милліоны русскаго народа отошли въ руки Австріи, гдѣ они влачили съ тѣхъ поръ странное и печальное существованіе. Популярныя историки нерѣдко обвиняютъ XVIII вѣкъ, или „петербургскій періодъ“, и его политику и дипломатію, не умѣвшія понимать „русскаго дѣла“, и т. п. Справедливость требуетъ добавить, что тѣ соображенія о „русскомъ дѣлѣ“, на которыя опираютъ теперь эти обвиненія, въ то время не существовали не только въ видахъ правительствъ, но и въ понятіяхъ самой массы русскаго общества, не говоря о русскомъ „народѣ“, не имѣвшемъ понятія о политическихъ дѣлахъ;—кромѣ того, у самихъ проповѣдниковъ русскаго дѣла эти соображенія и въ настоящую минуту не отличаются особой ясностью и послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII столѣтіе вообще не помышляло о томъ „народѣ“, интересъ котораго хотятъ теперь принимать такъ близко къ сердцу; „народъ“—это была подневольная, служебная,—въ громадномъ числѣ и въ самой имперіи, и въ южномъ и западномъ краѣ, о которомъ шло дѣло,—прямо крѣпостная, масса, не имѣвшая никакого голоса, состоявшая и, по тогдашнему мнѣнію, долженствовавшая состоять подъ полной, исключительной опекой; слишкомъ извѣстно, что въ самомъ русскомъ общественномъ строѣ другой взглядъ на этотъ предметъ, самая слабая попытка говорить въ защиту этого народа принималась за покушеніе противъ цѣлости государственнаго порядка,—и если положеніе вопроса было таково у себя дома, относительно народа, составлявшаго самую русскую имперію, то нельзя было ожидать, чтобы другая точка зрѣнія была примѣнена къ такому же крѣпостному народу другаго государства. Очевидно, что главной основой для дѣйствій правительства были здѣсь соображенія чисто внѣшнія, политическія. Съ точки зрѣнія „народной“,—даже какъ понимаютъ ее нынѣшніе популярныя историки и публицисты (которые далеко не всегда правы),—дѣло Польши и юго-западнаго русскаго края должно было бы рѣшиться въ XVIII вѣкѣ совершенно иначе, чѣмъ оно рѣшалось: Польша должна бы быть оставлена въ покоѣ въ ся этнографическихъ границахъ и у нея не должны были быть отнимаемы средства къ внутреннему преобразованію, которое предвидѣлось, а Россія могла бы стремиться только къ освобожденію того русскаго населенія, которое чувствовало нарушенными свои народныя и религіозныя требованія и права. Въ XVIII вѣкѣ о народности не думали вовсе, выдвигался на сцену вопросъ рели-

гіозный, защита правъ „диссидентовъ“, а главнымъ образомъ имѣлись въ виду цѣли политическія—уничтоженіе безпокойнаго сосѣда и увеличеніе государственной территоріи. Было чистою случайностью, что въ трехъ раздѣлахъ Польши на долю Россіи достались западныя и южныя земли, населенныя русскимъ племенемъ, а, на примѣръ, Пруссіи достались земли польскія и литовскія; причина была въ географическомъ положеніи земель,—въ другомъ углу бывшаго польскаго государства, по этой же географической причинѣ, Австрія получила два, три милліона русскаго населенія, совершенно однороднаго съ жителями Волыни и Подоля! Въ послѣднее время“, продолжаетъ г. Пыпинъ,—„въ оправданіе политики императрицы Екатерины доказываютъ, что мысль о раздѣлахъ принадлежала вовсе не русскому правительству, а Фридриху II, но вопросъ инициативы довольно безразличенъ, когда мысль была выполнена. Что касается до самаго русскаго народа и общества, о которыхъ надо вспомнить, если идетъ рѣчь о „народномъ вопросѣ“ юго-западнаго края, то, какъ мы замѣчали, они не имѣли здѣсь голоса, а можетъ быть, и мнѣнія; народъ былъ безучастенъ къ событіямъ, слишкомъ отъ него далекимъ и мало понятнымъ, и носился съ своимъ собственнымъ тяжелымъ положеніемъ; общество было едва ли не столько же безучастно—оно не знало дѣлъ западной Руси, съ которою не имѣло тогда никакихъ ближайшихъ соотношеній; единственное, что могло быть понятно, это—враждебный инстинктъ къ Польшѣ, который не проходилъ съ XVII вѣка и до нашихъ дней. Въ существѣ западно-русскаго движенія прошлаго вѣка, въ борьбѣ ослабѣвающаго православнаго населенія противъ религиозныхъ притѣсненій, несомнѣнно бился живой исторической нервъ; происходившія событія имѣли несомнѣнное цѣльно-русское національное значеніе и съ полнымъ правомъ могли бы возбуждать интересъ въ обществѣ, себя сознающемъ и имѣющемъ возможность выражать свое сознаніе,—но того и другаго не было въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка,—и интересъ отсутствовалъ. Здѣсь опять, какъ во второй половинѣ XVII вѣка, мы встрѣчаемся съ фактомъ историческаго разъединенія и отчужденія: западная отрасль племени такъ долго жила отдѣльною живнью, такъ долго была частью чужаго государства, что это разъединеніе и было понятно, а болѣе высокое представленіе о народной солидарности, о народномъ правѣ и т. п. не существовало. Какъ въ старину самыя настоящіе русскіе западнаго края были, по понятію людей Московскаго царства, „литовскіе люди“, такъ и теперь люди „бѣлорусскіе“ были порядочно

учжды русскому обществу: исторія была мало знакома, народныя стремленія — мало вразумительны; „Бѣлоруссія“ была новая страна съ тѣми же помѣщиками и крестьянами; помѣщики были поляки (не столько чистые поляки, сколько ополяченные старыя русскіе землевладѣльцы), а въ этомъ качествѣ они именно и были близки русскому помѣщичьему обществу, какъ съ другой стороны, Бѣлоруссія доставила новый матеріаль для раздачи крестьянъ; здѣсь, какъ и въ Малороссіи, „освобождаемый“ отъ Польши русскій народъ оставался въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, и крѣпостное право упрочилось силою русской администраціи. Такимъ образомъ, воссоединеніе русскихъ земель имѣло, по преимуществу, характеръ политической; онѣ подпали русскому административному распоряженію, но были еще далеки отъ національнаго сліянія: ни русскіе въ имперіи не считали этихъ земель тождественными съ Россіей, ни мѣстные русскіе не утратили своей бытовой и культурной особенности“ ¹⁾).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ г. Пыпинъ ссылается на извѣстныя намъ „Чтенія“ проф. Кояловича, гдѣ собрано достаточное количество фактовъ для оцѣнки характера, какой имѣло присоединеніе Бѣлоруссіи. „Не смотря“, заключаетъ г. Пыпинъ свои ссылки, — „на раздѣлы прошлаго столѣтія, прервавшіе старое польское владѣтельство, этотъ край былъ такъ тѣсно связанъ съ Польшей прежнею исторіей и ея культурными вліяніями, что онъ и долго послѣ тянулъ къ Польшѣ въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи. И, не смотря на то, что этотъ западный край былъ несомнѣнно русскій по массѣ своего населенія и историческому преданію и что, поэтому, его сліяніе съ русскимъ цѣлымъ представлялось весьма естественнымъ, — исторія этого воссоединенія указываетъ, что оно не было, однако, простымъ сліяніемъ тождественныхъ стихій: западная Русь нуждалась въ обезпеченіи своей церковной жизни и въ народномъ освобожденіи, — и, нашедши, до извѣстной степени, первое, долго не нашла втораго; что Россія, въ этихъ отношеніяхъ къ западному краю, руководилась гораздо менѣе чувствомъ національнаго единства, чѣмъ внѣшними политическими соображеніями“ ²⁾).

Автору не разъ приходится указывать на это явленіе. „Въ западномъ краѣ“, говоритъ онъ, напримѣръ, — „еще и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ,

¹⁾ Ibid., 1887, апрѣль, 654—657.

²⁾ Ibid., апрѣль, 662—663.

какъ мы видѣли, даже подкрѣпленная русскою властью. Такъ, на примѣръ, здѣсь какъ и на Украинѣ, польское крѣпостное право надъ русскими крестьянами приобрѣло болѣе спокойную прочность; иезуитство было уничтожено въ 1773 г. въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, оно было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что иезуиты съумѣли здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и въ то время, когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе новомъ просвѣтительномъ духѣ, въ западномъ краѣ еще долго господствовала иезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же¹⁾. Указавъ на новое „воссоединеніе“ Бѣлоруссіи послѣ 1863 г., г. Пыпинъ замѣчаетъ, что „упомянутое воссоединеніе русской народности было, конечно, очень запоздалое; главные части бѣлорусскаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національные инстинкты раньше окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сляніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ“²⁾.

Конечно, такія отношенія не могли пройти безслѣдно для дальнѣйшей исторіи „забранныхъ“ краевъ, и только на почвѣ такихъ отношеній и возможно было полякамъ мечтать о границахъ 1772 г. „Нѣтъ сомнѣнія“, говоритъ авторъ по поводу возстанія 1863 г., — „что самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго недоразумѣнія, долго прикрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ, какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ, подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни даже національнаго положенія. Въ теченіи почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими, интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ, и хотя правительство сурово карало

¹⁾ Ibid., май, 225.

²⁾ Ibid., май, 232.

примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 г., но власть охраняла крѣпостное право польскихъ или колонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патріотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ“¹⁾).

Такимъ образомъ, и съ той точки зрѣнія, которая представляется въ нашей литературѣ г. Пыпинымъ, польскіе раздѣлы XVIII в. были возвращеніемъ къ Россіи русскихъ земель Рѣчи Посполитой, хотя при этомъ и обращается вниманіе на чисто политическій характеръ совершенныхъ Еватериною территориальныхъ присоединеній отъ Польши. Отсюда то, что въ глазахъ современныхъ русскихъ писателей служитъ высшимъ оправданіемъ политики этой императрицы по отношенію къ Польшѣ, является какъ бы однимъ изъ случайныхъ результатовъ этой политики, мотивы коей были совсѣмъ иные, но здѣсь же находятъ свое объясненіе и та сторона этой самой политики, которая нашими писателями болѣе или менѣе осуждалась.

Приведенныя въ этой главѣ историческія воззрѣнія остаются весьма мало извѣстными русской, а тѣмъ болѣе польской публикѣ. Последняя вообще мало знакома съ тѣмъ, что дѣлается въ русской литературѣ, наша же публика, интересующаяся статьями по польскому вопросу, главное вниманіе обращаетъ на современное положеніе дѣлъ. Притомъ и приведенныя мною мѣста представляютъ изъ себя болѣею частью незначительные отрывки историческаго содержанія, вставленные въ публицистическія статьи по текущимъ вопросамъ, вслѣдствіе чего и могли быть мало замѣченными при чтеніи. Вотъ почему мы нашли удобнымъ привести какъ можно болѣе выдержекъ, а теперь считаемъ необходимымъ подвести нѣкоторые общіе итоги.

Польскіе и иностранные писатели всегда отождествляли Польшу, какъ народъ, съ Польшею, какъ государствомъ, и главною идеей русскихъ публицистовъ сдѣлалось разъединить эти два понятія, для чего научную основу дали труды по исторіи юго- и сѣверо-западной Россіи и по этнографіи ея народонаселенія въ настоящее время. Съ этой точки зрѣнія польскіе раздѣлы были, по крайней мѣрѣ, одною своею стороною только освобожденіемъ русскаго населенія Рѣчи Посполитой отъ польской государственной власти, хотя населеніе это

¹⁾ Ibid., июнь, 640—641.

до 19-го февраля 1861 г. и оставалось подъ польскою властью—помѣщичьей. Русскіе писатели для освѣщенія русско-польскихъ отношеній обращаются къ временамъ болѣе раннимъ, нежели эпоха Петра Великаго, и тамъ ищутъ зародыша раздѣловъ—въ политикѣ ли собирателей Русской земли, или въ народной волѣ русскаго элемента въ Рѣчи Посполитой. Къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя на почвѣ такихъ соображеній возникали у публицистовъ славянофильскаго или неславянофильскихъ направленій, къ воззрѣніямъ общерусскаго характера нужно присоединить болѣе спеціальныя малорусскую и бѣлорусскую точки зрѣнія, въ которыхъ именно преобладаетъ опредѣленіе отношеній, въ какихъ находилась польская Рѣчь Посполитая къ своимъ малорусскимъ и бѣлорусскимъ подданнымъ. Такъ какъ вслѣдствіе колонизаціи верхнихъ слоевъ русскаго народа въ Рѣчи Посполитой различіе между полякомъ и русскимъ совпадало съ различіемъ между паномъ и хлопомъ, бывшими притомъ разныхъ вѣръ, изъ коихъ одна угнеталась другою, то весьма естественно, что русскіе писатели должны были обратить особое вниманіе на социальныя и религіозныя отношенія въ шляхетско-католической республикѣ. Такъ какъ наша публицистика и историографія по польскому вопросу, вызванныя главнымъ образомъ событіями 1863 г., возникли въ эпоху, когда Россія у себя освобождала крестьянъ, то этотъ великій актъ, породившій у насъ обширную литературу по крестьянскому вопросу, отразился и на нашей литературѣ по польскому вопросу—въ признаніи того важнаго значенія, какое имѣло для самого политическаго бытія Польши положеніе въ ней народныхъ массъ. Конечно, на это указывали и въ самой Польшѣ и на западѣ Европы еще въ XVIII вѣкѣ, но тамъ крестьянскій вопросъ въ Рѣчи Посполитой не выдвигался съ такою силою на первый планъ при обсужденіи причинъ паденія Польши, какъ у насъ. Въ XVIII вѣкѣ гораздо болѣе шуму надѣлалъ вопросъ диссидентскій, но и для него русская литература по польскимъ дѣламъ создала новую постановку, хотя послѣдняя принимаетъ иногда вѣроисповѣдный характеръ, что мы видѣли, напримѣръ, у славянофиловъ. Впрочемъ въ сужденіяхъ писателей этой школы о „полонизмѣ“ и „латинствѣ“ нельзя не отмѣтить, кромѣ вѣроисповѣднаго субъективизма, стремленіе къ апріорному построенію всей исторіи русско-польскихъ отношеній изъ основъ особой теоріи о противоположности греко-славянскихъ и романо-германскихъ началъ, хотя это не мѣшаетъ однако признать, что въ общемъ фактическія отношенія Россіи и Польши представлены у нихъ вѣрно. Между прочимъ, совершенно а priori въ счетъ грѣховъ ка-

толицизма ставятся иногда вещи, въ коихъ онъ столь же виноватъ, какъ, наприѣръ, въ образованіи шляхты и угнетеніи народной массы.

Во всякомъ случаѣ вѣроисповѣднѣй субъективизмъ и апріорная націоналистическая точки зрѣнія должны были внести извѣстнаго рода увлеченія въ обсужденіе нашими публицистами и русско-польскихъ отношеній вообще, и въ частности катастрофы, постигшей Рѣчь Посполитую, сколько бы ни было фактической правоты въ основахъ этого обсужденія. Съ этой стороны данныя, представляемыя русскою публицистикою для строго-научнаго рѣшенія вопроса о причинахъ паденія Польши, подлежатъ критикѣ, цѣль которой должна заключаться въ очисткѣ этихъ данныхъ отъ субъективной примѣси.

Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыя становятся русскіе публицисты при разсмотрѣніи польскихъ раздѣловъ, многое въ политикѣ, приведенной къ этимъ раздѣламъ, весьма естественно подвергается осужденію: дѣла шли не такъ, какъ имъ слѣдовало бы идти. Между взглядами образованныхъ русскихъ людей второй половины XIX в. и русскихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка, то-есть, между взглядами судей и тѣхъ, которые подвергаются суду, разница—та, что одни исходятъ изъ понятія народной массы, народа въ національномъ и социальномъ смыслахъ, тогда какъ другіе имѣли въ виду государство и политическія отношенія, господство надъ сосѣдомъ или прирѣзку отъ него территоріи съ извѣстнымъ количествомъ душъ,—разница, вообще объясняющаяся различіемъ временъ нашего и тогдашняго. При судѣ въ исторіи это необходимо брать въ расчетъ не для того, чтобы защищать, оправдывать и обѣлять обвиняемыхъ, а для того, чтобы самое обвиненіе знало настоящую мѣру. Съ другой стороны, иногда высказывались взгляды, при которыхъ, такъ сказать, не принимаются въ расчетъ условія, въ какихъ приходилось рѣшать въ XVIII вѣкѣ русско-польскій вопросъ: безъ дипломатіи обойтись было нельзя, Пруссію и Австрію отъ вмѣшательства устранить было нельзя. Другой вопросъ—не было ли сдѣлано дипломатическихъ ошибокъ и на сколько Пруссія или Австрія перехитрили нашу политику въ этомъ дѣлѣ. Съ этими оговорками можно принять однако многія замѣчанія, сдѣланныя относительно политики Екатерины, не столько впрочемъ ради ея обвиненія, сколько ради выясненія настоящаго характера этой политики, ея мотивовъ, ея отношенія къ старой московской политикѣ, къ желаніямъ и нуждамъ той части населенія Рѣчи Посполитой, за которую она вступалась и которая поступала въ русское подданство, благодаря раздѣламъ, и т. д. Сопоставляя приобрь-

тенія, сдѣланныя Екатериною II отъ Рѣчи Посполитой, съ завѣтными стремленіями московскихъ собирателей Руси, мы видимъ въ польскихъ раздѣлахъ завершеніе вѣковаго историческаго процесса, но настоящіе мотивы политики, приведшей къ этому результату, имѣли весьма мало общаго съ русскимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего политическое соединеніе юго-западной Россіи съ Русскимъ государствомъ ничѣмъ почти не ознаменовалось для русскаго народа, освобождавагося отъ Рѣчи Посполитой.

Большинство нашихъ публицистовъ обсуждаетъ поведеніе Россіи въ польскихъ раздѣлахъ и съ нравственной точки зрѣнія. Кромѣ соображенія, общаго и многимъ иностраннымъ писателямъ, что Польша сама себя погубила, главный доводъ въ пользу Россіи тотъ, что она возвращала себѣ древнія русскія области: она имѣла на нихъ право, и вопросъ былъ только въ способѣ возвращенія. Въ вину Россіи названные русскіе писатели ставятъ то, что она допустила раздѣлъ самой этнографической Польши между нѣмцами, коимъ отдана даже и часть русской земли. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, нельзя не обратить вниманія на встрѣчающуюся у тѣхъ же писателей мысль, что этнографическая Польша безъ русскихъ земель, которымъ естественно было слиться съ Россіей, не могла бы существовать, какъ вполнѣ самостоятельное государство, между такими державами, какъ Россія, Австрія и Пруссія ¹⁾.

¹⁾ Въ вышедшихъ недавно трехъ томахъ статей *М. Н. Каткова*, печатавшихся въ *Моск. Вѣд.*, *Русск. Вѣсти* и *Соврем. Лѣтоп.* („1863 г.“ два тома и „1864 г.“ одинъ томъ) историческихъ взглядовъ на паденіе Польши въ концѣ XVIII в. не имѣется.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣднія времена Рѣчи Посполитой въ русской исторической литературѣ.

Русскіе историческіе труды объ эпохѣ паденія Польши совершенно такъ же, какъ и вся наша публицистика по польскому вопросу, относятся только къ тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ. Въ этой главѣ мы не будемъ разсматривать ни того издавнаго въ Россіи историческаго матеріала, который имѣетъ отношеніе къ польскимъ дѣламъ въ XVIII вѣкѣ¹⁾, ни сочиненій по исторіи западной и южной Россіи, по скольку онѣ касаются польско-русскихъ отношеній²⁾, ни, наконецъ, историческихъ трудовъ, касающихся исключительно самой Польши до середины XVIII вѣка³⁾; мы остановимся только на тѣхъ немногихъ произведеніяхъ нашей исторической литературы, которыя

¹⁾ Много такого матеріала заключаюгъ въ себѣ изданія археографическихъ комиссій, *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ*, *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества*, *Русская старина*, *Русскій архивъ*, „Архивъ кн. Воронцова“ и т. п., или спеціальныя изданія въ родѣ „Документовъ, объясняющихъ исторію западно-русскаго края и его отношеній къ Россіи и Польшѣ“ (1865) и т. п.

²⁾ Перечислять здѣсь всѣ такіе труды было бы слишкомъ долго. Сюда отнесемъ, кромѣ указанныхъ сочиненій проф. Кояловича, еще „Исторію воссоединенія Руся“ *Кулиша* и т. д.

³⁾ По польской исторіи самой по себѣ у насъ мало историческихъ трудовъ: *Трачевскій*. Польское безкорольеве по прекращеніи династій Ягеллоновъ. М. 1869. *Уманецъ*. Вырожденіе Польши. С.-Пб. 1872. *Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава. 1883. *Жуковичъ*. Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени. С.-Пб. 1882. *Карьевъ*. Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886.

прямо имѣютъ предметомъ упадокъ и гибель Рѣчи Посполитой ⁴⁾. Сочиненія, о коихъ будетъ идти рѣчь въ этой главѣ, суть слѣдующія: 1) „Борьба за польскій престолъ“ проф. В. И. Герье, 2) „Исторія паденія Польши“ Соловьева (равно какъ послѣдніе томы его „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“), 3) „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ Костомарова, 4) „Гродненскій сеймъ“ Д. И. Иловайскаго и „Станиславъ-Августъ Понятовскій и Литва въ 1794—1797 гг.“ де-Пуле. Изъ этихъ трудовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ Костомарова, какъ самый обширный, самый богатый по содержанію и наиболѣе способный сдѣлаться книгою для чтенія въ большой публикѣ, что и доказывается тремя его изданіями въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1870—1885). Поэтому весьма естественно, что мы остановимся преимущественно на этой книгѣ. Затѣмъ всю эпоху польскихъ раздѣловъ охватываетъ сочиненіе Соловьева, но оно уступаетъ труду Костомарова и по объему, и по содержанію своему болѣе одностороннему, такъ какъ Соловьевъ имѣетъ въ виду одну только политику и излагаетъ ее почти исключительно на основаніи одного архивнаго матеріала,—не говоря о томъ, наконецъ, что оно остается далеко позади труда Костомарова по изложенію. Что касается до книги проф. Герье, то въ ней изображается эпоха, предшествовавшая той, изученіе которой разсматривается въ нашемъ обзорѣ: указываемъ на книгу, какъ на одинъ изъ первыхъ у насъ трудовъ по польской

⁴⁾ Не касаюсь здѣсь также болѣе специальныхъ сочиненій въ родѣ соч. А. Петрушевскаго „Генералиссимусъ князь Суворовъ“ (С.-Пб. 1884), въ которомъ есть и отдѣлы о польскихъ дѣлахъ (т. I, главы IV—V и т. II, гл. XIV—XIX). Значило бы равнымъ образомъ донельзя распространить обзоръ, если бы мы включили въ него и журнальныя статьи, изъ коихъ нѣкоторыя здѣсь только отмѣтимъ: *Полонскій*. Польша и Испанія. Историческая параллель въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ (*Русск. Слово*. 1863, № 11—12). *Уманецъ*. Репнинъ и Станиславъ Августъ (*Древн. и новая Россія*. 1875). *Макушевъ*. Россія и Польша въ XVIII в. (*Русск. Вѣстн.* 1870, № 5). *Иловайскій*. Гр. Нк. Сиверскъ (*Русск. Вѣстн.* 1865). *Его же*. 3-го мая 1791 г. (*Русск. Вѣстн.* 1864). *Его же*. Польскіе сеймики во второй половинѣ XVIII в. (*Русск. Вѣстн.* 1869). *Послѣднѣе раздѣла* (*Русск. Вѣстн.* 1864). *Щебальскій*. Народныя движенія въ Подольѣ и на Волыни въ 1768—1789 г. (*Русск. Вѣстн.* 1863), *Его же*. Русская политика и русская партія въ Польшѣ (*Русск. Вѣстн.* 1864). *Интимная переписка послѣдняго короля Польскаго* (*Русск. Вѣстн.* 1875). *Польша и поляки при Стан. Понят.* (*Вѣстн. Евр.* 1874). *Накачунъ раздѣла* (*Вѣстн. Евр.* 1883). *Три раздѣла Польши* (*От. Зап.* 1863) и др.

исторіи, основанныхъ на архивныхъ источникахъ, и приводимъ изъ нея тѣ немногія мѣста, въ которыхъ авторъ говоритъ объ общихъ причинахъ упадка, въ какомъ находилась Рѣчь Посполитая за сорокъ лѣтъ до перваго раздѣла. Сочиненіе г. Иловайскаго, равнымъ образомъ, должно насъ занять очень мало, такъ какъ въ немъ описывается лишь эпоха втораго раздѣла, и само оно имѣетъ преимущественно фактическое содержаніе. Трудъ де-Пуле относится къ эпохѣ, слѣдовавшей за паденіемъ Польши, но въ немъ много интереснаго и для общаго вопроса по собраннымъ авторомъ фактамъ, и по высказаннымъ имъ соображеніямъ. Замѣтимъ еще, что иностраннымъ и отчасти польскимъ историкамъ сдѣлалось болѣе всего извѣстнымъ не сочиненіе Костомарова, хотя за послѣднее время и на него дѣлаются ссылки: „Исторія паденія Польши“ Соловьева была переведена на нѣмецкій языкъ ¹⁾, „Гродненскій сеймъ“ Иловайскаго—на польскій ²⁾. Трудъ проф. Герье остался даже совсѣмъ неизвѣстнымъ польскимъ историкамъ: вопервыхъ, вышелъ онъ въ свѣтъ наканунѣ событій 1863 г., когда интересы современности совершенно отгѣснили на задній планъ интересы науки, а вовторыхъ, только въ очень недавнее время польскіе историки вполнѣ сознали необходимость обращаться къ русской исторіографіи. Напримѣръ, въ 1873 г. извѣстный писатель польскій Крашевскій издалъ первый томъ сочиненія о Польшѣ въ эпоху раздѣловъ (см. въ слѣдующей главѣ) и, перечисляя писателей, занимавшихся тѣмъ же періодомъ, совсѣмъ не упоминаетъ о русскихъ авторахъ. Только въ III томѣ сочиненія Крашевскаго мы встрѣтили ссылку на Костомарова. Съ послѣднимъ началъ знакомиться и Калинка, лишь дошедши до середины своего оставшагося не оконченнымъ изслѣдованія о четырехлѣтнемъ сеймѣ.

„Борьба за польскій престолъ въ 1733 году“ представляетъ изъ себя магистерскую диссертацию, которая была защищена В. И. Герье въ Московскомъ университетѣ около двадцати-пяти лѣтъ тому назадъ ³⁾. „О междоусобицѣ 1733 года“, говоритъ авторъ въ началѣ приложеній, въ коихъ помѣщены архивные документы (главнымъ образомъ донесеніе камергера Ф. К. Левенвольда изъ Варшавы), — „о между-

¹⁾ *Ssolowjow*. Der Fall Polens.

²⁾ *Howajski*. Sejm grodzieński r. 1793. Poznań. 1871.

³⁾ В. Герье. Борьба за польскій престолъ въ 1733 году. Историческая диссертация, составленная по архивскимъ источникамъ. Москва. 1862.

царствіи 1733 года, нѣтъ ни одной монографіи, а писатели, излагавшіе общую исторію XVIII вѣка, только мимоходомъ касаются этого событія, на сколько это имъ необходимо для объясненія европейскихъ дѣлъ, ихъ интересующихъ¹⁾. И недавно еще одному изъ польскихъ историковъ пришлось отмѣтить тотъ фактъ, что исторія саксонскихъ королей и особенно Августа III мало до сихъ поръ разработана въ научной литературѣ²⁾, такъ что безъ сдѣланнаго выше объясненія было бы очень странно, какимъ образомъ работа профессора Герье, посвященная столь мало изслѣдованной эпохи, осталась неизвѣстною польскимъ историкамъ³⁾, тѣмъ болѣе, что авторъ для своей книги пользовался архивнымъ матеріаломъ. Съ той точки зрѣнія, съ какой въ этомъ очеркѣ мы разсматриваемъ отдѣльныя произведенія исторической литературы, насъ, конечно, должно интересовать не то, что относится спеціально къ темѣ изслѣдованія профессора Герье, а то, какой взглядъ былъ имъ высказанъ относительно причинъ паденія Польши. Указавъ въ предисловіи на то, что съ начала XVIII вѣка Россія играть видную роль въ международной политикѣ, авторъ замѣчаетъ, что около того же времени и въ польской исторіи произошелъ знаменательный переворотъ. „И Польша“, продолжаетъ онъ, — „также тѣснѣе сблизилась съ западными европейскими государствами и болѣе стала привлекать на себя ихъ вниманіе. Но это не привело ея къ добру. Вслѣдствіе недостатковъ своего общественнаго быта—отсутствія сильной правительственной власти, раздѣленія всего народа на два слоя, наконецъ, необузданнаго стремленія шляхтичей къ демократическому равенству, Польша не была въ состояніи поддержать свою самостоятельность и подпала подъ опеку европейскихъ дипломатовъ. Первый опытъ этихъ дипломатовъ, произведенный въ болѣе широкихъ размѣрахъ, относится къ 1733 году. Положительно всѣ европейскія государства были на этотъ разъ заинтересованы въ польскомъ вопросѣ и принимали большее или меньшее участіе въ его рѣшеніи. Событія 1733 года были поводомъ къ общеевропейской войнѣ, а самую Польшу они ослабили до того, что она потеряла свой голосъ въ сонмѣ европейскихъ державъ. Когда

¹⁾ Нѣсколько словъ объ источникахъ, стр. III.

²⁾ *Kaz. Jarochowski* въ рецензій на соч. Валишевскаго „Potoccy i Czartoryscy“, помѣщенной въ газетѣ *Kraj (Przegląd literacki)*. 1887. № 31). Самъ г. Яроховскій недавно издалъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Z czasów saskich, spraw wewnętrznych, polityki i wojny“. Poznań. 1886.

³⁾ См., напримѣръ, у Бобржинскаго и Шуйскаго библиографическіе указатели.

черезъ нѣсколько лѣтъ три самыя сильныя государства Европы вооружились противъ возрастающаго могущества Пруссіи, и для Польши настало удобное время отдѣлаться отъ предприимчиваго и опаснаго сосѣда, она уже не могла подняться изъ своего безпомощнаго состоянія. Еще одинъ сильный толчекъ, еще одна операція дипломатовъ, и большой организмъ ея долженъ былъ разрушиться¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ, посвященной „конвокаціонному“ сейму 1733 года, авторъ бросаетъ взглядъ на прошлое Польши сравнительно съ другими европейскими государствами. „Въ то время“, говоритъ онъ, — „когда во всей Европѣ усиливался государственный элементъ, въ Польшѣ прекратился древній царствующій домъ Пястовъ, и установился избирательный образъ правленія. Польскіе короли, обязанные своимъ возвышеніемъ произволу избирателей, уступали имъ свои верховныя права одно за другимъ. Эта уступчивость послужила не въ пользу всего народа польскаго, а только въ пользу одного сословія. Во время феодализма у всѣхъ народовъ верхній слой составляли военные люди, и этотъ господствующій слой носилъ на себѣ много признаковъ касты. Но съ возникновеніемъ государственнаго начала усиливалось значеніе низшихъ слоевъ, и касты не могли ужиться въ живомъ организмѣ государства. Въ Польшѣ вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ условій, низшій слой не могъ пріобрѣсти никакого значенія, потому что не развивалась городская жизнь... Поэтому къ концу средневѣковой исторіи польскій народъ раздвоился совершенно какъ бы на двѣ касты: на шляхту и на прочіихъ жителей, которые стояли немного выше рабовъ. Не было той власти, которая могла бы стереть слишкомъ рѣзкія отличія этихъ двухъ слоевъ, и шляхтичи стали господствовать въ Польшѣ. Чѣмъ больше вкоренялся въ нихъ духъ касты, тѣмъ ревнивѣе соблюдали они между собою полное равенство... Польскіе демократическіе писатели, какъ, на примѣръ, Лелевель, стараются доказать, что въ Польшѣ издревле былъ силенъ демократическій элементъ. Но польская шляхта всегда руководилась болѣе духомъ касты, чѣмъ чисто демократическими идеями“²⁾. Упомянувъ далѣе о возникновеніи въ Польшѣ сейма, авторъ продолжаетъ: „Представительная система въ настоящемъ смыслѣ можетъ существовать только въ организованномъ государствѣ, гдѣ меньшинство понимаетъ необходимость уступить

¹⁾ В. Герье. Борьба за польскій престолъ. Предисловіе, стр. IV.

²⁾ Ibid., 212—213.

большинству, если оно не хочет повредить цѣлому организму. Въ кастѣ же воля каждой отдѣльной единицы имѣетъ такую же цѣну, какъ воля другой единицы или нѣсколькихъ взятыхъ вмѣстѣ, поэтому тутъ не можетъ быть рѣчи объ уступкѣхъ. Всякая единица могла парализовать волю цѣлаго сейма. Съ уничтоженіемъ *liberum veto*, то-есть, безграничной воли отдѣльныхъ личностей, долженъ былъ бы угаснуть и духъ касты. Чѣмъ болѣе сохранившійся духъ касты становился на перекоръ новымъ требованіямъ времени, тѣмъ бесплоднѣе становились польскіе сеймы¹⁾. „Исторія всѣхъ польскихъ сеймовъ“, говоритъ онъ еще, — „очень однообразна и не всегда стоитъ вниманія, потому что рѣдко сеймъ имѣлъ какой-нибудь результатъ“²⁾. Вотъ какъ еще формулируетъ профессоръ Герье печальное положеніе Польши въ XVIII вѣкѣ: „отсутствіе сильнаго и твердаго правительства, высокомѣріе и спѣсъ въ одномъ сословіи, раболѣпное смиреніе въ другомъ, всеобщее невѣжество и религіозная нетерпимость,—вотъ бѣдствія, которыя тяготѣли надъ Польшею и влекли ее къ совершенному упадку“³⁾.

Такимъ образомъ авторъ „Борьбы за польскій престолъ“ видитъ причину паденія Польши тамъ, гдѣ ее уже давно указывали, то-есть, въ ослабленіи центральной власти, въ полномъ порабощеніи шляхтою народной массы и въ кастическомъ духѣ самой шляхты. Онъ не упоминаетъ о томъ, что Рѣчь Посполитая развѣдалась религіознымъ и національнымъ антагонизмомъ,—и не упоминаетъ, быть можетъ, потому, что борьба 1733 г. была чисто политической, хотя въ книгѣ, изданной послѣ 1863 г., несомнѣнно, въ общихъ соображеніяхъ о судьбахъ Рѣчи Посполитой былъ бы отмѣченъ и русско-польскій вопросъ. Политическая точка зрѣнія автора проявляется и въ томъ, что онъ указываетъ на начало международной роли Россіи при Петрѣ Великомъ, приведшей къ вмѣшательству нашей политики въ польскія дѣла, и въ томъ, что на раздѣлы Рѣчи Посполитой онъ смотритъ, какъ на „операцію дипломатовъ“. Оно такъ и было, и только послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія профессора Герье было обращено особое вниманіе на то, что эта „операція“ совпала съ разрѣшеніемъ давнишняго спора Москвы и Рѣчи Посполитой за Русь. Въ годъ польскаго возстанія 1863 г. вышла въ свѣтъ книга С. М. Соловьева

¹⁾ Ibid., 214.

²⁾ Ibid., 218. Ср. описаніе сеймиковъ, стр. 343.

³⁾ Ibid., 351.

о паденіи Польши, и въ ней этому соображенію уже отводится важное мѣсто.

Въ своей „Исторіи паденія Польши“ ¹⁾ Соловьевъ посвящаетъ общимъ взглядамъ небольшое вступленіе, заключающее въ себѣ лишь около десяти страницъ. На первой же страницѣ рѣзко и рѣшительно выставляется на первый планъ то, что уже въ первой половинѣ XVII вѣка между Россіей и Польшей „исторія постановила роковой вопросъ, при рѣшеніи котораго одна изъ нихъ должна была окончить свое политическое бытіе“,—и вслѣдъ за этимъ дѣлается указаніе на „нестерпимыя гоненія, которыя русскій народъ въ польскихъ областяхъ терпѣлъ за свою вѣру“. „Русскіе люди“, говоритъ далѣе Соловьевъ,—„были не одни среди враговъ своей вѣры и народности, за ними стояло обширное и независимое русское, православное государство“ ²⁾. Указавъ на казацкія возстанія, имѣвшія результатомъ присоединеніе къ Московскому государству части Малороссіи, и на послѣдовавшую за этимъ въ теченіе ста лѣтъ пріостановку дальнѣйшаго собиранія Русской земли, а затѣмъ очертивъ международное положеніе Россіи въ первой половинѣ XVIII вѣка ³⁾, историкъ переходитъ къ разсмотрѣнію условій, при какихъ Россіи пришлось „волею-неволею свести старыя счеты съ Польшею“. Опредѣляетъ онъ эти условія слѣдующимъ образомъ: „привели дѣло къ концу 1) русское національное движеніе, совершившееся, какъ прежде, подъ религіознымъ знаменемъ; 2) завоевательныя стремленія Пруссіи; 3) преобразовательныя движенія, господствовавшія въ Европѣ съ начала вѣка до конца его“. Авторъ не останавливается на первомъ моментѣ, какъ на понятномъ самомъ по себѣ: „здѣсь“, говоритъ онъ,—„связь явленій, кажется, очень ясна; распространяться о ней не нужно“ ⁴⁾. О второмъ моментѣ онъ говоритъ словами Зибеля ⁵⁾. „Третьею причиною паденія Польши“, шипеть далѣе Соловьевъ,—„указали мы преобразовательныя движенія XVIII вѣка.. Среди преобразовательныхъ движеній, которыми ознаменовался вѣкъ, среди движеній, происходившихъ всюду около, Польша не могла оставаться спокойною, тѣмъ болѣе, что въ ней преобразованія были нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: вслѣдствіе безобразно-односторонняго развитія одного

¹⁾ *Сергій Соловьевъ. Исторія паденія Польши. Москва. 1863.*

²⁾ *Ibid.*, 2.

³⁾ *Ibid.*, 2—6.

⁴⁾ *Ibid.*, 6.

⁵⁾ *Ibid.*, 7—8. Приводится мѣсто изъ *Geschichte der Revolutionzeit. I, 157.*

сословія, вслѣдствіе внутренняго беспорядка Польша потеряла свое политическое значеніе, ея независимость была только номинальною, болѣе вѣка она уже страдала изнурительною лихорадкой, истощившею ея силы. Естественно, что нѣкоторые поляки должны были придти къ мысли, что единственнымъ средствомъ для ихъ отечества было преобразование правительственныхъ формъ... Но что бываетъ спасительно для крѣпкихъ организмовъ, то губить слабые, и попытка преобразования только ускорила паденіе Польши“¹⁾). Самое устройство Рѣчи Посполитой Соловьевъ изображаетъ такимъ образомъ: „Польша представляла собою обширное военное государство. Вооруженное сословіе, шляхта, имѣя у себя исключительно всѣ права, кормилась на счетъ земледѣльческаго, рабскаго народонаселенія; городъ не поднимался и его народонаселеніе не могло сопоставить со шляхтою другую уравновѣшивающую силу, потому что промышленность и торговля были въ рукахъ иностранцевъ, нѣмцевъ, жидовъ. Войско, слѣдовательно, было единственною силою, могшею развиваться безпрепятственно и опредѣлить въ свою пользу отношенія къ верховной власти, которая была сдержана въ самомъ началѣ польской исторіи и потомъ все выкла болѣе и болѣе передъ вельможествомъ и шляхтою. Отсутствие государственныхъ и общественныхъ сдержекъ, сознаніе своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали въ польской шляхтѣ крайнее развитіе личности, стремленіе къ необузданной свободѣ, неумѣніе сторониться съ своимъ „я“ передъ требованіями общаго блага“²⁾).

Книга Соловьева написана, какъ мы замѣтили уже, почти исключительно на основаніи дипломатической переписки, которая часто и приводится цѣликомъ въ разсказѣ о событіяхъ, и самъ разсказъ поэтому вращается главнымъ образомъ на дѣлахъ, бывшихъ предметомъ дипломатической переписки: внѣшняя политика и чисто прагматическая сторона внутренней исторіи составляютъ главное содержаніе книги. вмѣстѣ съ этимъ, приводя выдержки изъ дипломатической переписки, историкъ паденія Польши, такъ сказать, судить обо всемъ словами лицъ, игравшихъ роль въ событіяхъ, очень рѣдко вставляя собственныя сужденія. Сначала идетъ разсказъ главнымъ образомъ о диссидентскомъ дѣлѣ. „Удивительное зрѣлище представляла въ это время Польша“, говоритъ Соловьевъ, — „народныя силы,

¹⁾ Ibid., 9.

²⁾ Ibid., 10.

казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаруживалось необыкновенное единодушіе—но для чего? для того ли, чтобы установить лучшій порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліанія? Нѣтъ, для того, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ диссидентовъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христіанами другихъ исповѣданій, кромѣ католическаго. И въ то же время все ограничивалось страдательнымъ упорствомъ, ограничивалось одними криками; никто не думалъ о средствахъ дѣятельнаго, серьезнаго сопротивленія сосѣднимъ державамъ, Россіи и Пруссіи, которыя не могли бросить диссидентскаго дѣла; фанатизмъ только гальванизировалъ мертвое тѣло, но къ жизни его не возбуждалъ.¹⁾ Таково впечатлѣніе, произведенное поведеніемъ поляковъ на автора, рѣдко дѣлящагося своими впечатлѣніями. Въ началѣ разсказа о барской конфедераціи онъ точно также въ немногихъ словахъ отмѣчаетъ ея безсиліе: „Возстаніе это вовсе не было народнымъ: громкія слова вѣра и свобода! не производили впечатлѣнія на массу; трудно было подниматься за вѣру, не видя, кто и какъ угнѣсняетъ вѣру; трудно было подниматься за свободу, которою пользовалась одна шляхта, и пользовалась ею для того, чтобы составлять конфедераціи то противъ одного, то противъ другаго, приглашая на помощь чужія войска, а теперь хотѣла поднять конфедерацію для вытѣсненія этихъ войскъ, провозглашая ихъ врагами свободы“²⁾. Неблагопріятное впечатлѣніе производятъ на автора и пятнадцать лѣтъ отдыха, мира, данныя Польшѣ судьбой послѣ перваго раздѣла: указавъ вкратцѣ на то, что было сдѣлано въ эти полтора десятка лѣтъ для внутренняго улучшенія, онъ замѣчаетъ, однако, что „все эти цвѣтки, показавшіеся на поверхности почвы при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не были признаками возрожденія Польши, которая неминуемо должна была поплатиться жизнью за всю свою исторію. Признаки этой наступающей расплаты“, прибавляетъ онъ, — „были явны для всякаго разумнаго и внимательнаго наблюдателя“, ³⁾ и передаетъ далѣе характеристику польскаго общества, сдѣланную саксонскимъ резидентомъ Эссенемъ⁴⁾. „Преобра-

¹⁾ Ibid., 34—35. Диссидентское дѣло излагается въ трехъ первыхъ главахъ стр. 12—75.

²⁾ Ibid., 76. Эпоха барской конфедераціи до перваго раздѣла включительно разсказана въ главахъ IV и V (стр. 74—149).

³⁾ Ibid., 152.

⁴⁾ Нельзя не замѣтить, что Эссенъ былъ очень пристрастный и враждебный къ полякамъ дипломатъ.

звательная дѣятельность Станислава Августа“, говорить онъ еще,— „только слегка коснулась поверхности; пораженное неизлѣчимою бо- лѣзнью общественное тѣло способно было только къ судорожному предсмертному движенію, когда поднялся восточный вопрос“¹⁾. Не менѣе неблагоприятнымъ образомъ отзывается онъ и о конституціи 3-го мая, за скорое паденіе коей ручался, какъ онъ выражается, „параличъ государственнаго и народнаго тѣла, которое нельзя было возбудить къ жизни никакими реформами, никакими восторженными криками, портупейми и поясами“²⁾. Наконецъ, и костюшковское возстаніе идетъ въ одинъ рядъ съ другими явленіями внутренней жизни Польши, которыя, по Соловьеву, не могли спасти государство отъ гибели. Разказавъ объ энергіи, проявленной знаменитымъ поль- скимъ вождемъ, историкъ говоритъ далѣе: „Но все это не вело ни къ чему: придавленные крестьяне не понимали, какое у нихъ можетъ быть общее дѣло съ шляхтою... Крестьяне не поднимались, а между тѣмъ шляхта сильно встревожилась, увидавъ поведеніе генералисси- муса относительно крестьянъ, и нисколько не думала сообразоваться съ этимъ поведеніемъ. Въ то время, когда Косцюшко заставлялъ крестьянъ въ рядахъ своихъ биться за ойчизну, шляхта обременяла женъ и дѣтей ихъ панъщизною и т. д.“³⁾. Наиболее сильное мѣсто всей книги—то, гдѣ Соловьевъ говоритъ о нѣмомъ засѣданіи грод- ненскаго сейма, рѣшившемъ второй раздѣлъ: въ этомъ мѣстѣ много правды. „Такъ“, говорить онъ,—„произошелъ второй раздѣлъ Польши, доказавшій прежде всего, что въ Польшѣ не было народа; народъ

¹⁾ Ibid., 154. Глава VI (стр. 149—172) только начинается описаніемъ того, что происходило въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла, а посвящена она восточ- нымъ дѣламъ до присоединенія Крыма. Международной политикѣ посвящена и глава VII (стр. 172—203), гдѣ между прочимъ и мимоходомъ говорится о пер- выхъ шагахъ четырехлѣтняго сейма (стр. 193—196). Содержаніе главы VIII (стр. 204—222) также внѣшняя политика.

²⁾ Ibid., 246. Разказъ о дѣятельности сейма и конст. 3-го мая см. въ главѣ IX (стр. 222—262), но добрая половина ея говоритъ опять о внѣшней политикѣ.

³⁾ Ibid., 343. Содержаніе главы X (стр. 262—287)—внутреннее и внѣшнее противодѣйствіе конститутіи 3-го мая, главы XI (стр. 287—315)—переговоры дер- жавъ, приведшіе ко 2 раздѣлу, и второй раздѣлъ главы XII (315—356)— костюшковское движеніе. Польскій отзывъ объ этой книгѣ Соловьева: *Sołowejew, najspokojniejszy i najbezzstronniejszy z badaczy rossyjskich w specjalnej mono- grafii o drugim i trzecim rozbiore wyjasnil wiklaninę dyplomatyczną a szeregól- nie nacisk Prus. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. IV, 664. Ср. отзывъ у Zdanowicza-Sowińskiego. IV, 781.*

молчалъ, когда шляхетскіе депутаты волновались въ Гроднѣ вслѣдствіе требованій Россіи и Пруссіи. Оказались слѣдствія того, что въ продолженіе вѣковъ народъ молчалъ, и шумѣлъ только одинъ шляхетскій сеймъ, на немъ только раздавались красивыя рѣчи. Но такое явленіе не могло быть продолжительно, и сеймъ принужденъ былъ онѣмѣть, потому что все вокругъ было нѣмо. Быть можетъ, нѣкоторые будутъ поражены этимъ нѣмымъ засѣданіемъ сейма; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ возбудится сильное сочувствіе къ онѣмѣвшимъ депутатамъ: но развѣ ихъ не сильнѣе поражаетъ еще болѣе страшное онѣмѣніе, онѣмѣніе цѣлаго народа? развѣ они не видятъ въ онѣмѣніи депутатовъ послѣдняго сейма только необходимое слѣдствіе онѣмѣнія цѣлаго народа?“¹⁾

Изъ приведенныхъ мѣстъ, въ которыхъ высказалъ Соловьевъ свой взглядъ на внутреннія дѣла самой Польши, можно видѣть, что нашъ историкъ принадлежитъ къ числу наиболѣе пессимистически относившихся къ этимъ дѣламъ: не говоря уже о томъ, что и онъ считаетъ старопольскіе порядки невозможными, особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на его недовѣріе къ тому, что другими авторами выставляется, какъ внутреннее возрожденіе Рѣчи Посполитой послѣ перваго раздѣла. Если одни историки склонны преувеличивать значеніе этого возрожденія, то Соловьевъ именно не хочетъ видѣть ни малѣйшихъ его признаковъ. По его представленію, попытки реформъ только ускорили паденіе государства. Польша была мертвымъ тѣломъ, которое можно было гальванизировать, но котораго нельзя было оживить. Преобразовательной дѣятельности въ эпоху между первымъ раздѣломъ и четырехлѣтнимъ сеймомъ онъ не придаетъ рѣшительно ни малѣйшаго значенія, и въ этомъ отношеніи съ нимъ не согласятся не только тѣ польскіе историки, которые готовы, на оборотъ, признать за этими реформами значеніе, какого онѣ не имѣли или не могли имѣть, но и русскіе изслѣдователи, вовсе не склонные придавать возрожденію Польши въ 1773—1788 гг. особенно большіе размѣры. Конечно, Соловьевъ въ своемъ сужденіи опирался на современныя свидѣтельства, но такъ какъ въ его рукахъ находились главнымъ образомъ дипломатическіе документы, то эти свидѣтельства были нѣсколько односторонни. Иногда показанія о польскомъ обществѣ прямо внушены были враждою. Къ одному изъ приведенныхъ мѣстъ мы сочли нужнымъ сдѣлать подстрочное примѣчаніе: изобра-

¹⁾ Соловьевъ, 31—313.

жая состояніе польскаго общества, Соловьевъ ссылается на саксонскаго дипломата Эссена, можно сказать, прославившагося своею ненавистью къ полякамъ и, на примѣръ, значительно повліявшаго на крайне враждебный по отношенію къ полякамъ тонъ одного современнаго памфлета, направленнаго противъ конституціи 3-го мая ¹⁾. Другой русскій историкъ обратилъ вниманіе на пристрастность Эссена, хотя и не оспариваетъ вѣрности его показаній. Приведши именно письмо этого дипломата, Костомаровъ говоритъ далѣе: „Нельзя не замѣтить въ этомъ письмѣ, какъ вообще въ письмахъ Эссена, того предубѣжденія, какое почти всегда и вездѣ питаетъ нѣмецъ къ славянамъ; кромѣ того, саксонскій министръ хочетъ видимо представить кругъ, въ которомъ находится, въ возможно грязномъ свѣтѣ, для того, чтобы возвысить цѣну своихъ трудовъ и безпокойствъ по занимаемой имъ должности, и тѣмъ самымъ показать, что за это онъ достоинъ особой милости и вниманія свсего князя-избирателя“, то-есть, саксонскаго курфюрста ²⁾. Не входя въ подробную оцѣнку ни показаній самого Эссена вообще, ни свидѣтельствъ его, на которыя ссылается Соловьевъ, можно только замѣтить, что пользованіе одними дипломатическими документами при изображеніи внутренней исторіи Польши за этотъ періодъ всегда можетъ вызвать упрекъ въ односторонности матеріала.

Къ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой С. М. Соловьевъ долженъ былъ вернуться, когда въ своей большой исторіи Россіи дошелъ до царствованія Екатерины II. Здѣсь въ 26-мъ и 28-мъ томахъ ³⁾ мы находимъ нѣсколько страницъ, заключающихъ въ себѣ общія соображенія о польскихъ дѣлахъ по поводу возбужденія Екатериною диссидентскаго вопроса и по поводу перваго раздѣла Польши, и притомъ Соловьевъ развиваетъ здѣсь подробнѣе свои взгляды, мѣстами не вполне совпадающіе съ тѣмъ, что сказано было имъ въ предыдущемъ сочиненіи, хотя все это касается частныхъ. Самое важное то, что въ „Исторіи паденія Польши“ Соловьевъ право Россіи на Вѣлоруссію основываетъ на національномъ и историческомъ принципахъ, а въ „Исторіи Россіи“—на правѣ завоеванія: соображеніе, давшее по-

¹⁾ *Méhée*. Histoire de la prétendue révolution de Pologne. Paris. 1792. Съ этимъ сочиненіемъ полемизируетъ Коллонтай въ своемъ извѣстномъ произведеніи о томъ же предметѣ.

²⁾ Последніе годы Рѣчи Посполитой, I, 173.

³⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томы XXVI и XXVIII. Москва. 1876 и 1878.

водъ одному изъ польскихъ историковъ сдѣлать замѣчаніе о шаткости такого основанія ¹⁾).

Въ 26-мъ томѣ Соловьевъ изображаетъ вкратцѣ развитіе польскихъ политическихъ порядковъ съ тѣмъ главнымъ отличіемъ отъ аналогичнаго мѣста въ „Исторіи паденія Польши“, что шляхта представлена здѣсь не какъ военное, а какъ землевладѣльческое сословіе, хотя въ сущности она была и тѣмъ, и другимъ. Польскимъ порядкамъ онъ противопоставляетъ русскіе ²⁾. „Но“, продолжаетъ онъ,— „не эта разниа была причиною борьбы между ними; она только имѣла важное значеніе относительно исхода борьбы. Россія и Польша получили каждая свою историческую задачу, соотвѣтственно своему положенію. Польша должна была сдерживать напоръ нѣмцевъ съ запада, Россія—напоръ варварскихъ ордъ съ востока. Польша не выполнила своей задачи, отступила передъ напоромъ, отдала свои области—Силезію, Померанію—на оуѣмеченіе, призвала Тевтонскихъ рыцарей для оуѣмеченія Пруссіи; но отступивши на западъ она ринулась на востокъ, воспользовавшись ослабленіемъ Руси отъ погрома татарскаго: она захватила Галичъ и, посредствомъ Литвы, западныя русскія земли. Но въ это самое время Россія, окрѣпнувъ на востокѣ и управившись съ варварскими ордами, начала двигаться на западъ для естественнаго сплоченія всѣхъ русскихъ земель, всего русскаго народа въ одно государство; при этомъ движеніи въ западныхъ русскіхъ областяхъ она нашла наѣздъ незваныхъ гостей, которые ополчавали русскій народъ посредствомъ католицизма. Столкновеніе было необходимо и столкновеніе страшное: Россія двигалась на западъ, Польша ей на встрѣчу на востокъ; мѣстомъ встрѣчи, мѣстомъ столкновенія была западная Россія“ ³⁾. Поляки должны были стремиться къ закрѣпленію этой области за собою посредствомъ распространенія католицизма, и этого они достигли по отношенію къ шляхтѣ, но насилія надъ народомъ должны были вызвать вмѣшательство Россіи. Такъ возникъ диссидентскій вопросъ при Екатеринѣ. „Дѣло о защитѣ православныхъ“, говоритъ Соловьевъ,— „было, разумѣется, важнѣе всѣхъ, въ немъ была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство,

¹⁾ *T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski etc. IV, zamknięcie.*

²⁾ *Соловьевъ, XXVI, 156—158.*

³⁾ *Ibid., XXVI, 158—159.*

увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая чрезъ него такъ сказать вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на Западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религиозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религиозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма. Далѣе слѣдовали другіе расчеты: возвращеніемъ правъ диссидентовъ вводился въ польскія правительственныя отправленія элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подъ русскимъ вліяніемъ и привязывать, особенно въ дѣлахъ внѣшней политики, Польшу къ Россіи. При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйдти изъ страшнаго безарядья и чрезъ это приобрести нѣкоторую силу. Въ Петербургѣ не могли вполне сочувствовать внушеніямъ, настаиваньямъ, приходившимъ изъ Берлина, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не позволять Польшѣ измѣнять свою конституцію¹⁾. Пруссія въ этомъ случаѣ дѣйствовала во имя своихъ національныхъ интересовъ, но русская политика въ этомъ отношеніи отъ прусской отличалась. „Россію“, говоритъ Соловьевъ, — „можно было упрекнуть въ неимѣніи ясно сознаваемой національной политики, по крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекать относительно медленности въ восстановленіи полного господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п. Причинъ этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новосте въ общенародной жизни, недостаткѣ просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и внѣшнія отношенія, въ привычкѣ, сдѣлавши какое-нибудь дѣло, складывать руки, не пользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII вѣкѣ въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиваться въ русскомъ народѣ хищности, желанію чужаго, наступательному движенію, а могла раз-

¹⁾ Ibid., XXVI, 160—161.

вить качества противоположныя и въ своихъ крайностяхъ весьма вредныя: такъ нежеланіе чужаго могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбія, желанія усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особенныя средства, идиллическія въ глазахъ западныхъ политиковъ; чуждые стремленія пріобрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы, съ чисто охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первые, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя¹⁾. Таковъ по представленію историка былъ знаменитый сѣверный аккордъ, „приводившій въ бѣшенство Фридриха II“. Польша по этому плану должна была войти въ союзъ и усилиться устраненіемъ анархіи, но польскій фанатизмъ разстроилъ эту комбинацію. О причинахъ этого фанатизма Соловьевъ говоритъ слѣдующее: „Прошли цѣлыя вѣка борьбы, въ которой поляки, пользуясь своими государственными средствами, давили православное народонаселеніе; послѣднее питало сильную вражду къ притѣснителямъ; но вражда притѣснителей къ притѣсненнымъ бываетъ еще сильнѣе (ненавижу человѣка, котораго обидѣлъ); у православныхъ русскихъ отняты были права; они являлись людьми низшаго разряда; католикъ съ молокомъ матери всасывалъ къ нимъ вражду и презрѣніе; еще сильнѣе была вражда отступниковъ и потомства отступниковъ: и вотъ является требованіе, чтобъ отношенія совершенно измѣнились, чтобъ православные не только получили полную свободу и безопасность относительно отправленія своей религіи, но получили бы назадъ равныя права съ католиками; человѣкъ, который нынче идетъ съ пониженою головою, горимый и презрѣнный, завтра поднимаетъ голову и явится всюду, какъ полноправный гражданинъ, явится съ свѣжею памятью объ обидѣ и со средствами къ мести; но еслибы обиженный, отъ радости и забылъ объ обидѣ, то обидчикъ объ ней не забудетъ; духовные католическіе не могутъ себя представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной мужицкой (хлопской) вѣры, трепетавшій до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получить равное съ ними положеніе. Наконецъ, еслибы кто-нибудь изъ поляковъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости и способенъ забыть установившіяся отношенія, то онъ не хотѣлъ забыть того,

) Ibid., XXVI, 161—162.

что республика его, двусоставная на дѣлѣ, стала, путемъ насилія одной части народа надъ другой, единою по праву, ибо представительство и власть принадлежали однимъ полякамъ-католикамъ, а теперь, если уступить требованію уравненія правъ диссидентовъ, это единство должно рушиться. Но каковы бы ни были побужденія, знамя для всѣхъ было одно, интересъ религіозный; а что означало поднятіе этого знамени, какъ не вѣковую борьбу между двумя частями народонаселенія, искусственно, насильственно сплоченнаго. Диссидентскій вопросъ былъ поднятъ не Екатериною II, онъ былъ поднятъ исторією, это былъ окончательный расчетъ по сдѣлкѣ Ягайла и послѣднаго изъ его потомковъ¹⁾.

Въ концѣ 28-го тома есть нѣсколько общихъ соображеній о первомъ раздѣлѣ Польши: „Польскія событія“, говоритъ Соловьевъ, — „и тѣсно связанная съ ними турецкая война привели къ послѣдствіямъ неожиданнымъ — присоединенію Бѣлоруссіи къ Великой и Малой Россіи. Нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ современниковъ смотрѣлъ неблагоприятно на это дѣло съ политической или нравственной точки зрѣнія..... Русскіе, современники присоединенія Бѣлоруссіи, были очень близки къ историческому ходу событій, необходимо ведшихъ къ этому присоединенію, обхвачены были духомъ этихъ событій, жили свѣжими преданіями о началѣ дѣла, и потому должны были ему вполне сочувствовать; они были дѣйствителями, а не праздными судьями. Только вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ какъ Малороссія, отторгнувшись отъ Польши и готовая скорѣе поддаться султану, чѣмъ павамъ и ксендзамъ польскимъ, обратилась къ царю Великой Россіи съ просьбою принять ее во имя единовѣрія.... Понятно, съ какимъ сочувствіемъ русскіе люди должны были встрѣтить явленія, показывавшія, что очередь для рѣшенія русскаго вопроса въ Польшѣ наступила; сочувственно должны были встрѣтить это явленіе даже и тѣ, которые заразились равнодушіемъ къ вѣрѣ отцовской, вѣрѣ русской: они желали успѣха русскому дѣлу, желая торжества вѣротерпимости надъ фанатизмомъ. Сочувствуя поднятію и твердому веденію вѣроисповѣднаго или диссидентскаго вопроса, не могли не сочувствовать его послѣдствію, присоединенію Бѣлоруссіи; никто не могъ считать этого присоединенія несправедливымъ. Поляки вооруженною рукою воспротивились рѣшенію вѣроисповѣднаго дѣла, добытому Россією, которая поэтому

¹⁾ Ibid., XXVI, 162—163.

должна была вступить съ ними въ войну, вызвавшую другую войну, болѣе опасную и тяжелую..... Дѣло было предано рѣшенію оружія, русскіе были побѣдителями и въ Польшѣ, и въ Турціи, что имѣло тѣсную связь, а извѣстно, какъ война оканчивается для побѣдителя и побѣжденныхъ; Бѣлоруссія была приобрѣтена по праву войны, по праву побѣды. Вопросы о справедливости или несправедливости съ русской стороны и быть не могло. Екатерина не могла не радоваться приобрѣтенію Бѣлоруссіи; она не могла не понимать, что здѣсь сдѣлалось русское дѣло, что здѣсь была заслуга ея для Россіи, заслуга, которая вводила ее въ русскую исторію, въ самую суть этой исторіи, давала ей мѣсто въ знаменитомъ ряду собирателей русской земли; и нельзя не прибавить, что для нея это было очень важно къ сроку совершеннолѣтія ея сына. Но радость не могла быть полною; дѣло отзывалось горечью; здѣсь было блестящее завоеваніе, собираніе русской земли—съ одной стороны, а съ другой — раздѣлъ! Нельзя было не чувствовать горечи при мысли, что двѣ сосѣднія державы, не участвовавшія нисколько въ борьбѣ, не потерявшія ни одного изъ своихъ подданныхъ ни на Вислѣ, ни на Днѣстрѣ или Дунаѣ, даромъ взяли изъ Польши равнина съ Россією доли, и при этомъ доля короля Прусскаго была гораздо важнѣе по выгодѣ положенія, по видамъ округленія, о которомъ такъ хлопотали всѣ государи и вполнѣ основательно; Пруссія безспорно не расширялась только, а усиливалась, приобрѣтала еще большее значеніе; французскій министръ съ насмѣшкою указывалъ на это Россіи, и насмѣшку эту надобно было стерпѣть безотвѣтно. Но, кромѣ невыгоды политической, кромѣ неравенства долей, кромѣ усиленія Пруссіи, изъ-за котораго Россія не имѣла побужденій хлопотать, кромѣ того, что нарушалось равновѣсіе, во имя котораго произведенъ былъ раздѣлъ, была невыгода другаго рода. Противъ присоединенія Бѣлоруссіи по праву войны не могло быть никакого нравственнаго возраженія; но вмѣсто этого явился раздѣлъ: Пруссія и Австрія захватили владѣнія Польши безъ всякаго права, то-есть по праву сильного, и Россія, вошедши съ ними въ договоры по этому предмету, тѣмъ самымъ являлась какъ будто равною въ немъ участницею и принимала отвѣтственность за него; ея безспорное право было затемнено ихъ безправіемъ, сглаживалось, исчезало въ немъ; Фридрихъ проговорился о правѣ Россіи и о своемъ и австрійскомъ безправіи, но эта проговорка надолго погреблась въ архивахъ, а между тѣмъ люди, чувствовавшіе слабое мѣсто, всѣми неправдами старались, да и теперь

еще стараются укрѣпить его, выгородить Фридриха и приписать починъ дѣла Екатеринѣ¹⁾. Далѣе Соловьевъ доказываетъ, что въ дѣлѣ перваго раздѣла Польши надъ Екатериною была одержана побѣда Фридрихомъ II, ея союзникомъ, сумѣвшимъ превратить Русскую императрицу въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей²⁾.

Переходимъ теперь къ тому изъ нашихъ историковъ, который болѣе другихъ занимался исторіей паденія Польши, именно къ Н. И. Костомарову. Какъ Соловьевъ занялся первоначально паденіемъ Польши въ виду событій начала шестидесятыхъ годовъ, такъ названный историкъ былъ приведенъ къ тому же предмету цѣлымъ рядомъ работъ, такъ или иначе заставлявшихъ его интересоваться судьбами Рѣчи Посполитой.

Извѣстно, что значительную часть своихъ историческихъ работъ Н. И. Костомаровъ посвятилъ изученію судебъ малорусскаго племени. Въ послѣднемъ отношеніи много труда было положено имъ въ сочиненіи „Богданъ Хмѣльницкій“, вышедшемъ въ свѣтъ въ двухъ томахъ въ 1859 г., а потомъ распространенномъ до трехъ томовъ (IX—XI т. историческихъ монографій) въ изданіи 1870 г. Другія казацкія дѣла до и послѣ Хмѣльницкаго также занимали Костомарова и вызывали его на особыя изслѣдованія, каковы „Гетманъ Выговскій“, „Руина“, „Гетманъ Мазепа“ и др. Эти дѣла были связаны съ судьбами всей Западной Россіи, находившейся подъ властью Литвы и Польши, а потому нашъ историкъ занимался и дѣлами западно-русскаго православія, и униі, и судьбою всего западно-русскаго населенія, изучая даже не только малорусскую поэзію, но и литовскую мифологію: униі, какъ извѣстно, и было посвящено первое по времени его сочиненіе³⁾. Все это, равно какъ и занятіе „Смутнымъ временемъ Московскаго государства“, заставляло его вникать въ исторію Польши, которой онъ и посвятилъ одно изъ самыхъ большихъ своихъ сочиненій.

„Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, сочиненіе, въ которомъ Костомаровъ разказываетъ о паденіи Польши, состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первомъ томѣ за обширнымъ введеніемъ, заключающимъ въ себѣ главнымъ образомъ изображеніе внутренней жизни Польши

¹⁾ Ibid., XXVIII 416—418.

²⁾ Ibid., XXVIII 419—421.

³⁾ Ср. въ предыдущей главѣ о полемикѣ Костомарова противъ польскихъ воззрѣній.

въ срединѣ XVIII вѣка и краткій обзоръ польской исторіи отъ вступленія на престолъ Станислава Понятовскаго до четырехлѣтняго сейма, въ двухъ главахъ разсказывается исторія этого сейма до конца 1791 г., а во второмъ въ трехъ главахъ излагаются дальнѣйшія событія до сдачи Варшавы Суворову. Костомаровъ не только разсказываетъ событія, но и описываетъ польскую жизнь того времени, нравы и обычаи шляхетскаго общества, пользуясь мемуарами, которыми польская литература, какъ мы видѣли ¹⁾, довольно богата. Эти описанія одни могли бы составить изъ себя порядочную книжку, и книжка читалась бы съ несомнѣннымъ интересомъ: указываемъ во введеніи на параграфы III и отчасти II, въ главѣ первой — на параграфъ VIII, въ главѣ второй — на значительныя части параграфовъ IV и V, въ главѣ третьей — на начало II параграфа и т. п. Вообще матеріалъ, какой былъ въ распоряженіи Костомарова, можно назвать весьма обширнымъ и разностороннимъ, о чемъ свидѣтельствуеетъ длинный алфавитный списокъ источниковъ и пособій (около 130 названій), помѣщенный въ началѣ перваго тома, хотя съ точки зрѣнія библиографической полноты списокъ этотъ оставляетъ желать весьма многого, и хотя при манерѣ автора въ началѣ отдѣльныхъ параграфовъ приводить сразу нумера источниковъ, на основаніи коихъ параграфы эти написаны, весьма затруднительно бываетъ указать, откуда заимствована имъ именно та или другая подробность. Но возвратимся къ обзору текста. Весьма подробный разсказъ, пересыпанный приводимыми иногда цѣликомъ документами и описаніями нравовъ и обычаевъ общества, Костомаровъ сопровождаетъ собственными замѣчаніями и разсужденіями, въ значительной степени облегчающими нашу задачу — передать общіе взгляды автора „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ на причины, приведшія Польшу къ внутреннему разложенію, и на ходъ событій, результатомъ коихъ были три послѣдовательные раздѣла территоріи Рѣчи Посполитой между сосѣдними державами. Поэтому и намъ придется большею частью передавать мысли Костомарова его собственными словами.

Начнемъ съ главнаго вопроса: какъ понималъ авторъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ причины общаго упадка и окончательной гибели стараго польскаго государства.

„Внутреннія условія, доведшія Польшу до разложенія“, говоритъ Костомаровъ, — „сложны и были предметомъ множества соображеній,

¹⁾ См. въ первой главѣ примѣч. къ стр. 18.

догадокъ, заключеній и выводовъ. Пытались поставить на первый планъ то одно, то другое явленіе, указывали на избирательное правленіе, на чрезмѣрную силу магнатовъ, на своеволие шляхты, на отсутствіе средняго сословія, на религіозную рознь, на упадокъ и порабощеніе земледѣльческаго класса. Намъ кажется, что эти признаки польскаго политическаго строя, при всѣхъ своихъ дурныхъ сторонахъ, не представляли еще стихій неизбѣжнаго паденія и разложенія государства. Избирательное правленіе существовало въ Германіи, и однако Германія не разложилась, и ее не завоевали другіе; и тамъ были своевольные и несогласные магнаты—князья и герцоги, да и вездѣ въ Европѣ они были; сельскій классъ не въ одной Польшѣ былъ преданъ произволу высшаго, угнетенъ и забитъ: вездѣ въ Европѣ онъ мало чѣмъ былъ въ лучшихъ условіяхъ, а иногда и ничуть не въ лучшихъ; въ Польшѣ были религіозныя волненія и преслѣдованія: и въ остальной Европѣ они проявлялись, и западная Европа представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе раздоровъ, смуть и кровопролитій... Причины паденія Польши⁴, заключаетъ онъ,— „не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Такимъ образомъ, перебирая ея формы и явленія жизни, поражающія насъ своимъ разрушительнымъ характеромъ, мы найдемъ все то же, что было и въ другихъ странахъ, но мы не найдемъ въ Польшѣ тѣхъ здоровыхъ, противодѣйствующихъ дурному началу, которыя въ другихъ странахъ Европы давали движеніе къ улучшеніямъ въ общественномъ строѣ и къ торжеству здравыхъ убѣжденій. Корень паденія Польши—въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дурныхъ; восходя далѣе къ началу, придется сказать, что корень паденія Польши въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни“¹⁾). Такимъ образомъ, по мнѣнію Костомарова, бѣда была не въ дурномъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, а въ умственной и нравственной деморализаціи общества, дѣлавшей опасными дурныя стороны соціального и политическаго быта, сама же деморализація эта зависѣла отъ національнаго характера. „Конечно“, говоритъ Костомаровъ дальше,— „нѣтъ ничего труднѣе

¹⁾ Последніе годы Рѣчи Посполитой. I, 18—20.

объяснить, отчего образовался такой или иной национальный характер, хотя онъ и высказывается всею историческою жизнью народа. Трудность эта истекаетъ изъ того, что начала его обыкновенно восходятъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ не дошло до насъ свѣдѣній... Мы застаемъ историческіе народы въ тѣ періоды развитія, когда у нихъ уже опредѣлились первобытныя свойства; послѣдующія историческія судьбы даютъ намъ только возможность прослѣдить, какъ развивались они, а самое зарожденіе свойствъ отъ насъ ускользаетъ“¹⁾). Впрочемъ, Костомаровъ не дѣлаетъ изъ національнаго характера поляковъ ихъ историческаго фатума, который при всякихъ условіяхъ привелъ бы къ паденію ихъ государство. Онъ признаетъ, что въ одномъ случаѣ Рѣчь Посполитая могла бы спастись, не смотря на природный характеръ націи: это было бы въ томъ случаѣ, еслибы народное воспитаніе было иное. „Воспитаніе“, говоритъ онъ,— „всему корень. Каково воспитаніе народа, такова и его дѣятельность“²⁾). „Никакая реформа учреждений“, говоритъ онъ еще,— „никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей помочь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе, которое бы измѣнило съ корнемъ весь народный характеръ, создало другаго поляка: прежній уже никуда не годился. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія: оно всеильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго бы оно не въ силахъ было измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе и могло создать новое польское общество, для этого нужно было много времени“³⁾). Признаніе самимъ Костомаровымъ всемогущества воспитанія въ корнѣ уничтожаетъ теорію національнаго характера съ перенесеніемъ на цѣлые народы пословицы: „каковъ въ колыбельѣ, таковъ и въ могилку“. Съ этой точки зрѣнія, основа умственной и нравственной деморализаціи польской шляхты лежитъ не въ прирожденныхъ „качествахъ народа“, которыя „сдѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни“, а въ извѣстной системѣ воспитанія, возникшей на глазахъ исторіи.

По поводу ссылки на національный характеръ поляковъ, какъ

¹⁾ Ibid. t I, 20.

²⁾ Ibid., I, 51.

³⁾ Ibid., I, 89—90.

на причину паденія Рѣчи Посполитой, намъ уже пришлось разъ высказать свое мнѣніе. „У насъ“, писали мы, — „довольно распространено мнѣніе, сваливающее всѣ бѣды польскаго народа въ прошломъ на національный характеръ поляковъ, и именно врожденный, а не привитый извѣстнымъ воспитаніемъ, которое складывается такъ или иначе подъ вліяніемъ причинъ чисто историческихъ. Такое мнѣніе нашло ходъ и въ нашей наукѣ. Такъ, напримѣръ, г. Иловайскій въ своемъ „Гродненскомъ сеймѣ“, указавши на общія причины паденія Польши, замѣчаетъ, что эти очевидныя или ближайшія явленія въ свою очередь были также слѣдствіемъ разныхъ причинъ и условій. Изъ нихъ на первый планъ днѣ ставитъ именно народный характеръ, находитъ, что у поляковъ нѣтъ способности къ организаціи и инстинкта самосохраненія, и доказывая отсутствіе послѣдняго призваніемъ на свою землю нѣмецкаго ордена и пассивнымъ отношеніемъ къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія внутри своего государственнаго организма. Но измѣнялись отношенія, обстоятельства, воспитывавшія духъ представителей націи, — и вмѣсто стараго *nie rozwalam*, дѣлавшаго невозможною правильную организацію, являлась на оборотъ способность къ сплоченію съ строгою дисциплиною, и національное самосохраненіе дѣлалось однимъ изъ самыхъ живучихъ инстинктовъ польскаго общества. То, что считаютъ народнымъ польскимъ характеромъ, есть въ сущности характеръ одной шляхты въ извѣстную эпоху, и характеръ этотъ объясняется ея положеніемъ и ролью въ государствѣ, ея воспитаніемъ, образомъ жизни, политическими идеями, а все это — продуктъ исторіи. Самая характеристика, сдѣланная г. Иловайскимъ, списана именно съ шляхты, и нѣкоторыя положительныя качества польскаго національнаго характера, которыя отмѣчаетъ историкъ, совершенно неприложимы къ массѣ забитаго и пассивнаго посполства. Одно то, что въ одной и той же націи могли возникнуть двѣ такія противоположности во всемъ психическомъ складѣ двухъ сословій, каковы, типическій шляхтичъ, съ одной стороны, и совершенно безцвѣтный хлопь, съ другой, — вноситъ въ гипотезу національнаго характера неразрѣшимое противорѣчіе: изъ одного и того же этнографическаго матеріала исторія выработала и шляхтича съ его *nie rozwalam*, которое волею одного лица останавливало теченіе государственныхъ дѣлъ, и хлопа съ его *padam do nog*, то-

есть, рабской покорностью передъ всѣми перипетіями судьбы“ ¹⁾. То же разсужденіе можно было бы примѣнить и къ воззрѣнію Костомарова, еслибъ онъ самъ не объявилъ воспитаніе за силу, способную пересоздавать, хотя и медленно, цѣлые народы ²⁾.

Сообразно съ своимъ взглядомъ на то, что „воспитаніе всему корень“, Костомаровъ обратилъ большое вниманіе на воспитаніе и нравы польскаго общества въ періодъ упадка ³⁾. Страницы, посвященныя этому, читаются съ особеннымъ интересомъ, какъ потому, что тутъ во-очію видишь, „въ какое невылазное болото попала несчастная Польша“ (слова Костомарова), такъ и потому, что изображеніе очень живо: таланту автора помогали бывшіе у него подъ руками польскіе мемуары XVIII вѣка, которые ему иногда и приходилось передавать почти дословно ⁴⁾. Эта сторона превосходно разработана въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“. За то—что отчасти и понятно при основной точкѣ зрѣнія Костомарова—онъ мало вникаетъ въ подробности политическаго устройства Польши, хотя по ходу изложенія ему приходится говорить и объ этомъ предметѣ.

Особо отъ другихъ историковъ, писавшихъ объ этой эпохѣ, Костомаровъ относится благодушно къ польскому политическому строю. „Польское устройство“, говоритъ онъ, — „не хуже было устройства дру-

¹⁾ Новѣйшая польская историографія, 554—555. Замѣчу, что въ книгѣ Бобржинскаго есть положительныя указанія на то, подъ влияніемъ какихъ культурно-соціальныхъ условій выработывалась типическая фигура буйнаго и недальновиднаго польскаго шляхтича, видѣвшаго свободу во всякомъ отсутствіи настоящей дисциплины и не понимавшаго истинныхъ потребностей своего государства.

²⁾ Впрочемъ, въ заключеніи Костомаровъ возвращается къ мысли, что „коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать въ томъ складѣ племеннаго характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе и котораго раннее образованіе теряется во временахъ мало доступныхъ для историческаго изслѣдованія“. II, 657. Историкъ ссылается даже на славянъ Прокопія и Маврикія. Вѣрный взглядъ на дѣло мы нашли изъ русскихъ историковъ чуть не у одного проф. Кояловича, который говоритъ, что „недостатки польскаго характера, происходятъ, быть можетъ, не столько отъ склада польской головы, сколько отъ историческаго учрежденія польской жизни шляхетства“. Чтенія по исторіи западной Россіи. С.-Пб. 1884, стр. 12. Кроме того, см. ниже аналогичный взглядъ Де-Пуле.

³⁾ Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, I, 48—89, 379—407 и др.

⁴⁾ Pamiętniki *Karpińskiego*. Poznań. 1844. Pamiętniki *Kajetana Koźmiana*. Poznań. 1858. Pamiętniki *Jana Duklana Ochockiego*; Wilno. 1857. *Ks. J. Kitowicz*. Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. Petersburg. 1855. Замѣтимъ, что мемуары Окоцкаго существуютъ въ русскомъ переводѣ.

гихъ, а выработкою свободныхъ формъ стояло выше многихъ. Понятно, что Жанъ-Жакъ Руссо, которому давали на разсмотрѣніе польское устройство, отовзался объ немъ съ похвалою, хотя и замѣтилъ его недостатки¹⁾. „Формы польской республики“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„не были безусловно дурны и во многихъ отношеніяхъ ставили Польшу по общественному развитію выше другихъ государствъ Европы, а если въ этихъ формахъ были недостатки, то, безъ сомнѣнія, недостатки эти давно бы исправились, еслибы сами поляки не поддались деморализаціи, лишавшей ихъ возможности работать надъ улучшеніемъ общества“²⁾. Костомаровъ однако не вдается въ анализъ этого устройства, этихъ формъ, ихъ недостатковъ. Онъ беретъ польскій республиканскій строй въ отвлеченіи, не отмѣчая той его особенности, что въ немъ не было ни законодательной, ни исполнительной власти, то-есть, не было сущности государства,—и паденіе республики объясняетъ не тѣмъ, что дезорганизованное политическое тѣло должно было разрушиться, а тѣмъ, что безъ добродѣтели и любви къ правдѣ республики разрушаются³⁾. Польская Рѣчь Посполитая съ королемъ была, какъ уже не разъ указывали историки, государствомъ безъ правительства: *de jure* верховенство принадлежало сейму, но онъ собирался рѣдко, расходился большею частью, „сорванный“ посредствомъ *liberum veto*, не имѣлъ органа, который приводилъ бы въ исполненіе его волю, если наконецъ, таковой не мѣшала проявиться въ законодательствѣ,—и не могъ создать для внѣшней обороны ни финансовъ, ни войска. Польша погибла, конечно, не вслѣдствіе своихъ республиканскихъ формъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Костомаровъ, а именно благодаря отсутствію въ ней всякой государственной формы. Деморализація, на которую указываетъ нашъ историкъ, была въ XVIII вѣкѣ не меньшая и въ другихъ странахъ, но она не мѣшала имъ не только устоять въ между-

¹⁾ Последніе годы Р. П., I, 19.

²⁾ Ibid., II, 660.

³⁾ „Республиканскій строй общества“, говоритъ Костомаровъ,—„не можетъ быть источникомъ разрушенія. Вездѣ, гдѣ только существовали и упадали республики, не самая сущность республиканскаго строя была причиною ихъ паденія, а всегда другія явленія, вредныя именно потому, что были противны духу республиканскаго правленія. Республика требуетъ для своего поддержанія добродѣтели и любви къ правдѣ; безъ этого условія республика идетъ къ разрушенію; а потому деморализованная республика, сохраняя наружно республиканскія формы, не можетъ уже возродиться и исправиться“. II, 660—661.

народной борьбѣ за существованіе, но даже выйти изъ нея съ нѣкоторыми округленіями своей территоріи ¹⁾). Самъ Костомаровъ въ одномъ мѣстѣ по поводу характернаго „Polska nierządem stoi“ замѣчаетъ: „Мы не знаемъ, существовалъ ли другой подобный народъ, который признавалъ бы нормальнымъ состояніемъ общества безпорядокъ“ ²⁾). Самъ онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги отмѣчаетъ, какія непреодолимые препятствія къ совершенію реформъ лежали не въ чемъ иномъ, какъ въ самомъ политическомъ строѣ Рѣчи Посполитой. „*Libereum veto* парализовало въ Польшѣ движеніе къ полезнымъ перемѣнамъ.“ ³⁾, а въ немъ поляки видѣли зѣницу шляхетской вольности: „Ни за что“, кричалъ на сеймѣ 1766 года посоль Чацкій, — „не позволю большинства (то-есть, рѣшенія дѣль большинствомъ); съ большинствомъ, пожалуй, допустятъ мѣщанъ къ сейму и хлопцовъ нашихъ уволятъ отъ подданства“. Дѣло дошло до того, что, какъ признаетъ Костомаровъ, *libereum veto* устранить было мудро ⁴⁾, а съ нимъ шляхта не дозволила бы ввести нѣкоторыхъ полезныхъ учрежденій, которыя были введены въ 1768 году Репнинимъ ⁵⁾. Противъ *libereum veto* было лѣкарство—конфедерация, въ коей дѣла рѣшались большинствомъ, но конфедерация, по изображенію самого же Костомарова, были „одною изъ самыхъ гибельныхъ язвъ, заражавшихъ и умерщвлявшихъ польскую державу“ ⁶⁾). Обратимъ еще вниманіе на сдѣланный авторомъ разборъ вопроса о степени виновности тарговицкой конфедерации въ паденіи Польши ⁷⁾: выходитъ такъ, что Рѣчь Посполитая была какъ бы въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не было выхода или былъ бы возможенъ выходъ только въ томъ случаѣ, еслибы „Польша не имѣла вовсе соудей, помѣщалась бы на какомъ-нибудь островѣ, отдѣлялась отъ дру-

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ Костомаровъ основательно оговаривается, что „было бы несправедливо вазаливать на поляковъ исключительно тѣ пороки, какіе болѣе или менѣе встрѣчались вездѣ“, но у поляковъ, говоритъ онъ, „почти не видно было тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыми при всѣхъ порокахъ своихъ высшихъ сѣеръ обладали другія націи“. *Ibid.*, I, 174.

²⁾ *Ibid.*, I, 24.

³⁾ *Ibid.*, I, 19.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 121.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 122.

⁶⁾ *Ibid.*, II, 107.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 111 и слѣд.

гихъ государствъ горами и степями“¹⁾. Въ концѣ концовъ однако все-таки нужно сказать, что у Костомарова нѣтъ совершенно яснаго представленія о полной невозможности всего политическаго строя Польши, бывшаго, быть можетъ, не хуже другихъ въ то время по отношенію къ народному благосостоянію, но именно не могшаго обезпечить существованіе государства среди тогдашнихъ обстоятельствъ внѣшней политики. А въ этомъ-то и весь вопросъ.

Костомаровъ разбираетъ и вопросъ о роли угнетенія массъ въ паденіи Польши. „Существованіе рабства въ государствѣ“, читаемъ мы между прочимъ,—„само по себѣ, еще не должно было погубить Польши; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ оно было, господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ бы ни деморализировались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ,—уже чрезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и по неволѣ должны дѣйствовать за одно въ дѣлахъ, касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ при внутреннихъ язвахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть достаточно крѣпкимъ противъ внѣшнихъ ударовъ... Въ такой республикѣ, какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, неоткуда было начаться и благодѣтельнымъ перемѣнамъ.... Первымъ шагомъ къ возрожденію Польши могло быть только истребленіе всеразвращающаго рабства; но истребить его въ республикѣ, состоящей изъ деспотовъ, привыкшихъ издавна къ сладости безусловнаго господства надъ рабами, не только трудно, но не возможно до тѣхъ поръ, пока республика будетъ оставаться республикой... Такимъ образомъ“, заключаетъ Костомаровъ разсужденіе о причинахъ паденія Польши,—„не республиканскій строй Рѣчи Посполитой, съ одной стороны, но и не рабство, существовавшее въ ней, съ другой, привели это государство къ паденію; нелогическое чудовищное сочетаніе двухъ противоположныхъ стихій оказало на нее губительное дѣйствіе“²⁾. Другими словами, Костомаровъ не видитъ причины паденія Рѣчи Посполитой въ самомъ рабствѣ: причина эта, по его мнѣнію, все въ той же деморализации, произведенной существованіемъ рабства. Что касается

¹⁾ Ibid., II, 116

²⁾ Ibid., II, 659—

до слабости Польши противъ внѣшнихъ ударовъ, то авторъ „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ объясняетъ ее не существованіемъ рабства, а политическимъ строемъ государства. И въ вопросѣ о рабствѣ Костомаровъ выдвигаетъ на первый планъ для объясненія паденія Рѣчи Посполитой произведенную рабствомъ деморализацію. Поэтому онъ и говоритъ вообще, что Польша „пала по непреложному нравственному историческому закону“ ¹⁾. Коснувшись, однако, вообще вопроса о крѣпостничествѣ въ Польшѣ въ связи съ ея паденіемъ, онъ могъ бы съ неменьшимъ правомъ упомянуть о томъ, что несчастное положеніе польскихъ хлоповъ не только мѣшало имъ встать на защиту отечества, но даже прямо толкало ихъ въ число враговъ Рѣчи Посполитой. По крайней мѣрѣ, факты, приводимые самимъ же историкомъ, и соображенія, коими онъ сопровождаетъ разказъ объ этихъ фактахъ, давали ему полное право обратить особое вниманіе на эту сторону дѣла. „Громада простого сельскаго народа“, говоритъ онъ, напримѣръ,—„и значительная часть городского была равнодушна къ переворотамъ, происходившимъ съ тою странюю, гдѣ чувствовалась только тягость близкаго знакомства съ воюющими арміями,—какъ съ польскою, такъ и съ русскою. Для этой громады было все равно, Польша ли останется, или Россія завоюетъ Польшу, потому что существованіе Польши не представляло для нея ничего отраднаго, и потому кто бы ни овладѣлъ Польшею, ей хуже не могло быть. Что касается до русскаго народа въ южныхъ провинціяхъ, то онъ радовался, чувствуя, что съ возможностью поступить подъ власть единоувѣрной Россіи и судьба его облегчится“ ²⁾. Во время войны 1792 г. въ краѣ, гдѣ она происходила, народъ оказывалъ полное сочувствіе къ русскимъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на освободителей ³⁾. Мало того: „въ такомъ разложеніи, до какого достигала Польша, дѣлившія польскую державу государства были въ то же время охранителями дворянскихъ правъ и даже жизни дворянъ“ ⁴⁾. Народъ не могъ поддержать падающей Рѣчи Посполитой: „Воззвать простой народъ къ возстанію“, говоритъ Костомаровъ,—„было для шляхты также трудно, какъ возстать народу. Народъ въ Рѣчи Посполитой могъ возставать только противъ своихъ владѣльцевъ“ ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще

¹⁾ Ibid., II, 656.

²⁾ Ibid., II, 103. Ср. II, 137.

³⁾ Ibid., II, 132, 144.

⁴⁾ Ibid., II, 277.

⁵⁾ Ibid., II, 431. Ср. II, 587.

подробнѣе высказываетъ свою мысль: „Для хлоповъ Рѣчь Посполитая была зданіе не только совершенно чуждое, но и вредное,—если они по невѣжеству не могли объяснить и высказать этого, то хорошо чувствовали инстинктомъ. Отстоявъ своею кровью ея существованіе, они могли бы этимъ отстоять только свою многовѣковую неволю; всё на столько могли имѣть сметки, чтобы понять хорошо, что они идутъ на смерть потому, что паны такъ велятъ, а паны поднялись оттого, что чуютъ паденіе своихъ преимуществъ. Еслибы въ то время враждебныя Польшѣ державы осмѣлились только пообѣщать хлопамъ свободу, во всей Польшѣ вспыхнула бы народная революція не въ защиту Рѣчи Посполитой, а въ пользу иностранныхъ государствъ, хотѣвшихъ уничтожить польскую національность“¹⁾. Употреби онѣ эту мѣру, и „безъ сомнѣнія, съ корнемъ бы уничтожились всякія затѣи на возвращеніе Польшѣ независимости“²⁾.

Въ пользу общей идеи Костомарова о причинахъ паденія Польши, выставленной въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, говорятъ многочисленныя факты, приводимыя въ этомъ сочиненіи, факты, свидѣтельствующіе о полной политической деморализаціи поляковъ. Мы не будемъ распространяться о страшной подкупности и магнатовъ, и простой шляхты, и земскихъ пословъ, и цѣлыхъ сеймиковъ,—все это очень хорошо извѣстно,—а отмѣтимъ то общее явленіе, что въ минуты опасности польская шляхта не очень-то готова была приносить жертвы на алтарь отечества. Костомаровъ упоминаетъ объ этомъ безпрестанно: „Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось“³⁾. „Чрезвычайный налогъ подѣ именовемъ вѣковаго патриотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, и, вмѣсто десяти, платили до трехъ и даже до двухъ процентовъ... Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все, о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для

1) Ibid., II, 512: „Только страхъ сдѣлать то, что было въ духѣ французской революціи, только боязнь, чтобы вслѣдъ за Польшею и въ сосѣднихъ государствахъ не явилось у мужиковъ желаніе освободиться отъ владѣльцевъ, останавливали русскихъ и пруссаковъ употребить эту мѣру“.

2) Ibid., II, 513.

3) Ibid., I, 255.

обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сплетень“¹⁾). Такихъ мѣстъ можно еще отмѣтить нѣсколько въ обоихъ томахъ этого обширнаго труда²⁾). Поэтому нашъ историкъ обвиняетъ вообще польское общество въ отсутствіи патриотизма и то и дѣло указываетъ на печальный фактъ. „Во все время послѣ перваго раздѣла“, говоритъ онъ, напримѣръ,—„поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества, не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли“³⁾). Даже у лучшихъ людей того времени онъ обнаруживаетъ одинъ недостатокъ, заключавшійся въ довольно оптимистическомъ отношеніи къ внутренней неурядицѣ, быть можетъ, своего рода наслѣдіе изъ той эпохи, когда полякамъ и въ голову не приходило, что ихъ Рѣчь Посполитая далека отъ идеальнаго совершенства древней римской республики, опять-таки, конечно, созданной воображеніемъ, а не такой, какая существовала въ дѣйствительности. По словамъ Костомарова, „величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшение, а политическая сила государства“⁴⁾). О людяхъ новаго поколѣнія, получившихъ воспитаніе въ рыцарской школѣ, онъ говоритъ, что, пріучившись „видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ“, они „думали спасти Польшу революціями, а революціи“, замѣчаетъ историкъ,—„могли приводить ее къ окончательной гибели, что и случилось“⁵⁾).

Исторія конституціи 3-го мая разсказана довольно подробно въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, и историкъ при случаѣ не забываетъ отмѣчать признаки той неудачи, которая ее ожидала⁶⁾). Общій его взглядъ на этотъ предметъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціею 3-го мая могла бы возродиться къ иной жизни, еслибы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда самое это возрожденіе пред-

¹⁾ Ibid., I, 311.

²⁾ Напримѣръ, во II томѣ см. стр. 100—101, 147, 162.

³⁾ Ibid., I, 186.

⁴⁾ Ibid., I, 188.

⁵⁾ Ibid., I, 159—16

⁶⁾ Конецъ I т. Костомарова II, passim.

принято по внушеніямъ, подстрекательствамъ и одобренію одной державы съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ давленія другой“¹⁾. Костомаровъ сравниваетъ дѣйствія конфедерированнаго четырехлѣтняго сейма съ дѣйствіями направленной противъ конституціи 3-го мая тарговицкой конфедерации. „Трудно“, говоритъ онъ,—сказать, какая изъ конфедераций была законнѣе, тарговицкая или та, которая произвела реформы въ Варшавѣ.... Впослѣдствіи исторія заклемила первую позоромъ, какъ главную виновницу послѣдовавшаго вслѣдъ за нею паденія Польши, но, правду сказать, она невиновнѣе въ этомъ прежней конфедерации, создавшей конституцію 3-го мая.... Нельзя ставить исключительно въ вину тарговичанамъ, что они обратились къ сосѣдямъ: противники ихъ то же дѣлали.... Ничто притомъ не даетъ права утверждать, чтобы то, что вымышляли ихъ противники, было такъ превосходно на дѣлѣ, какъ на бумагѣ.... Да еслибы ихъ конституція и восторжествовала надъ оппозиціею и старымъ порядкомъ, то все-таки неизбѣжно было впослѣдствіи возстаніе крестьянъ, борьба нешляхты со шляхтою и слѣдовательно внутреннее междоусобіе.... Внутренними усобицами воспользовались бы внѣшнія силы... Партія 3-го мая, не смотря на свои наружныя подвиги, отнюдь не упорочивала въ Польшѣ на будущее время порядка. Если противники этой партіи держались старой анархіи, то она сама вела къ новой.... Даже при особенно счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ и при появленіи необыкновенныхъ дѣятелей, которые сумѣли бы опереться на массу чернаго народа, Польша могла бы скорѣе сдѣлаться деспотическимъ государствомъ, чего такъ боялись тарговичане, чѣмъ свободнымъ, конституціоннымъ, какъ мечтали патріоты.... Тарговицкая конфедерация, принося съ собою иноземное владычество, не дала времени усилиться ни новымъ порядкамъ, ни оппозиціи старыхъ порядковъ противъ новыхъ. Паденіе государства стало скорбію польской націи на многія поколѣнія, и такъ какъ въ свое время враги конституціи 3-го мая обращались къ иностранной силѣ, участвовавшей въ раздѣлѣ польскаго государства, поэтому съ воздыханіями о погибели Рѣчи Посполитой соединилось уваженіе къ самой конституціи и мечты о томъ, что еслибы ее не задушили въ са-

¹⁾ Ibid., II, 115. Въ положеніи Польши послѣ конституціи 3-го мая, говоритъ онъ еще,—мы не видимъ никакихъ благоприятныхъ условій къ обновленію; напротивъ, слишкомъ выпукло и рѣзко представляется то, что должно было помѣшать этому развитію. II, 117.

момъ началѣ, она принесла бы великіе плоды. Безпристрастное разсмотрѣніе обстоятельствъ и условій этой эпохи вовсе не оправдываетъ такого взгляда.... Такъ или иначе, а дни Польши были сочтены и отсрочить послѣднюю агонію ея могло бы скорѣе пребываніе Польши въ томъ чахлому состояніи, въ какомъ она находилась до переворота..... Тарговичанъ обвиняютъ совершенно справедливо за ихъ эгоистическія и честолюбивыя побужденія, но вѣдь противники большею частью также не были чужды этого.... Впослѣдствіи большая часть рьяныхъ патріотовъ легко отступилась отъ своихъ убѣжденій ради сохраненія своего достоянія и значенія и тѣмъ неоспоримо показала, что заботы о возрожденіи отечества для нея не были важнѣе и священнѣе эгоистическихъ видовъ..... Опираясь на Россію, тарговичане по своей недалновидности и легкомыслію не подозрѣвали, что послѣдствія выйдутъ не тѣ, какихъ они ожидали. Но они были совершенно правы, когда говорили, что дѣйствуютъ по волѣ шляхетской націи.... Еслибы Екатерина, возстановивъ прежній строй въ Польшѣ, оставила ее прозябать въ прежнемъ видѣ, безъ дѣлажа и присвоенія провинцій, партія тарговицкая была бы надолго самою популярною въ странѣ¹⁾.

Къ вопросу о значеніи конституціи 3-го мая Костомаровъ возвращается и въ заключеніи. Переворотъ, благодаря коему она была введена, онъ называетъ тутъ „скорѣе фокусомъ, чѣмъ дѣломъ преобразования“, а самоё „прославленную въ свое время“ конституцію— несостоятельною²⁾: „Есть причина предполагать“, высказывается онъ и тутъ,— „что безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ по ходу вещей обстоятельствъ, которыя обратили въ прахъ и майскую конституцію, и вслѣдъ за тѣмъ самую Рѣчь Посполитую, Польша съ помощью этой конституціи не могла достигнуть возрожденія, и разѣдавшія ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы по прежнему, ведя ее къ разрушенію“³⁾.

Въ исторіи костюшковскаго возстанія Костомаровъ слѣдитъ довольно подробно за мѣнявшимся настроеніемъ шляхты, которое въ общемъ было несочувственное, лишь только потребовались жертвы, а особенно лишь только поставленъ былъ вопросъ объ увольненіи хлопвъ. „Многіе“, говоритъ историкъ,— „охотно отдавались Россіи, они

¹⁾ Ibid., 111—119.

²⁾ Ibid., II, 661.

³⁾ Ibid., II, 662.

надѣялись отъ новой власти выгоды, а главное ихъ успокоивало то, что подѣ властью Россіи у нихъ не отнимутъ власти надъ крестьянами¹⁾. Усердія къ дѣлу революціи было мало. „Вообще патриоты замѣчали, что въ столицѣ и во всей странѣ много такихъ, которые не сочувствовали революціи... Главная сила, на которую Костюшко и его соучастники полагали надежду, состояла въ народномъ возстаніи. Думали, что весь народъ встанетъ и всѣ обыватели принесутъ для спасенія отечества послѣдній грошъ. Не такъ дѣлалось, какъ думалось... Краковское воеводство было самое усердное изъ всѣхъ въ цѣлой Польшѣ, но и оно не доставило Костюшкѣ и десятой доли того, что онъ ожидалъ.. Владѣльцы видѣли въ его распоряженіяхъ нарушеніе своей собственности и правъ“²⁾. „Обыватели (Сандомірскаго воеводства) смотрѣли на Костюшку, какъ на своего врага, который пришелъ обирать ихъ и еще хуже лишитъ ихъ вѣковыхъ правъ, составлявшихъ величайшую драгоценность шляхетскаго званія. Многіе поспѣшали оставлять свои дома и бѣжали въ Галицію. Другіе по неволѣ должны были платить деньги и высылать мужиковъ, а сами вздыхали, проклинали свое время, сами не зная на кого звалить вину, и молили Бога, чтобы такъ или иначе, только поскорѣе окончилось такое обирательное возстаніе“³⁾. „Достаточные владѣльцы, когда на нихъ возложили пожертвованія, съ спокойною совѣстью раскладывали ихъ на своихъ крестьянъ, хотя имѣли и капиталы“⁴⁾. „Чѣмъ энергичнѣе Костюшко и высочайшій совѣтъ хотѣли подвинуть впередъ возстаніе, тѣмъ больше оно теряло приверженцевъ и тѣмъ удобнѣе открывался путь русскимъ задуть повстанье“⁵⁾. „Обыватели не видѣли успѣховъ отъ повстанья, а видѣли и чувствовали одно только собственное разореніе. Если они не хотѣли находиться подѣ властью иноземныхъ государей, то все-таки идеаль ихъ былъ не иной, какъ старая шляхетская Польша, а Костюшко сулилъ имъ

¹⁾ Ibid., II, 232. Въ другомъ мѣстѣ Костомаровъ говоритъ: „революція заявляла посягательство на права, которыя для нихъ были священнѣе всѣхъ правъ,—на власть надъ хлопами; Россія же не пугала ихъ ничѣмъ подобнымъ, а потому для нихъ, еслибы пришлось выбирать между властью той Польшы, какую хотѣлъ устроить Костюшко, и властью Россіи, то выгодаѣе было прістать къ Россіи“. II, 543.

²⁾ Ibid., II, 510—512.

³⁾ Ibid., II, 514.

⁴⁾ Ibid., II, 521. Ср. II, 590.

⁵⁾ Ibid., II, 560.

какую-то другую, имъ чуждую Польшу, съ основами, которыя пахли французскою революціею“ ¹⁾).

Русско-польскимъ отношеніямъ отведено у Костомарова довольно много мѣста, не говоря, конечно, уже о тѣхъ страницахъ книги, гдѣ самый разсказъ о „последнихъ годахъ Рѣчи Посполитой“ соприкасается съ исторіей русской политики. Сочиненіе и начинается съ параграфа объ исторической борьбѣ Руси и Польши за владѣнія ²⁾). Въ краткомъ очеркѣ исторіи Польши, которое слѣдуетъ за этимъ параграфомъ, и въ другихъ мѣстахъ книги изображаются русско-польскія отношенія въ русскихъ земляхъ, бывшихъ подъ властью Рѣчи Посполитой ³⁾). Дается также коротенькій очеркъ исторіи вмѣшательства русскаго государства въ пользу православныхъ подданныхъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго ⁴⁾) и т. п. Основная мысль Костомарова сводится тутъ къ слѣдующему. Съ X вѣка обозначается соперничество и борьба русскаго и польскаго народовъ, которая послѣ объединенія обоихъ народовъ въ XIV вѣкѣ и соединенія Польши съ литовско-русскимъ княжествомъ велась за обладаніе всѣми русскими областями. „Оттого Московское государство и польско-литовская Рѣчь Посполитая безпрестанно дрались между собою, приостанавливали на время борьбу и снова ее возобновляли, а когда совѣщались, какъ бы имъ уладиться и помириться, то ни на чемъ не могли сойтись, оттого, что, какъ тѣ, такъ и другіе хотѣли захватить себѣ какъ можно болѣе русскихъ земель“. Послѣ „вѣчнаго“ мира 1686 г., на которомъ Россія, по видимому, отказалась отъ своихъ вѣковыхъ стремленій, московская политика въ сущности не оставила завѣтныхъ цѣлей, а только измѣнила способъ ихъ достиженія: прежде прямо требовалась отдача Москвѣ „прародительскихъ“ земель, а съ Петра Великаго „Россія стала налегать вообще на всю Польшу и мало по малу ставила ее въ зависимое положеніе“, оберегая ее отъ раздѣловъ, которые уже предлагались Петру: „не для чего было Россіи дѣлиться съ нѣмцами, когда Польша шла по

¹⁾ Ibid., II, 585. Ср. въ заключеніи общій приговоръ о возстаніи Костюшки. II, 662—664. „Полякъ того времени въ крайнемъ случаѣ могъ возстановить только форму своего бывшаго государства, котораго ядро уже сгнило, а возстановленная форма безъ здороваго содержанія при первомъ натискѣ противнаго вѣтра опять подверглась бы распаденію“. II, 664.

²⁾ Ibid., I, 1—18.

³⁾ Ibid., I, 33—35, 50—51, 268 и слѣд., 298 и слѣд. II, 72 и слѣд. и др.

⁴⁾ Ibid., I, 97—100.

такому пути, что рано или поздно должна была подпасть подъ власть Россіи“. Это не удалось, и раздѣлы состоялись, но цѣль старой московской политики была достигнута, хотя и неполнѣ. Говоря о первомъ раздѣлѣ Рѣчи Посполитой, историкъ, какъ мы уже упоминали, основательно замѣчаетъ: „страннымъ должно показаться, что, по видимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ притязанія на всѣ коренныя русскія земли, которыя Московское государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ въ теченія вѣковъ не хотѣло мириться съ поляками“¹⁾. „Съ безпристрастнымъ сознаниемъ“, говоритъ онъ въ заключеніи, „съ моральной точки зрѣнія обсуждая фактъ паденія Польши,— съ безпристрастнымъ сознаниемъ, безъ всякаго политическаго самообольщенія скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ приобрѣтеній, совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII в., приобрѣтеніе русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ, относительно... Россія присоединяла къ себѣ страны, въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало“²⁾. Въ теченіе своего разсказа Костомаровъ не разъ отмѣчаетъ то, что русскій народъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой чаялъ избавленія своего „зъ ляцькой неволі“ отъ единовѣрной Россіи³⁾, и конечно, русская политика принимала это въ расчетъ: Екатерина видѣла, какую службу можетъ сослужить ей „религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ на ея единственную помощь освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій“⁴⁾. Передъ вторымъ раздѣломъ Польши Русская императрица въ своей дипломатической перепискѣ мотивировала присоединеніе новыхъ земель и градовъ тѣмъ, что они въ древности принадлежали Россіи, населены ея единоплеменниками и исповѣдуютъ единую съ нею вѣру⁵⁾.

Касаясь вопроса о характерѣ польской политики Россіи въ XVIII вѣкѣ, Костомаровъ старается снять съ этой политики обвиненіе въ томъ, что она во что бы то ни стало мѣшала внутреннимъ реформамъ въ Польшѣ. Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но историкъ вноситъ въ него нѣкоторыя ограниченія, и все его отно-

¹⁾ Ibid., I, 144.

²⁾ Ibid., II, 667.

³⁾ Ibid., I, 126, 168—169, 268, 272, 526.

⁴⁾ Ibid., I, 504.

⁵⁾ Ibid., II, 214, 245. У насъ были приведены эти мѣста въ предыдущей главѣ.

шеніе къ дѣлу имѣло характеръ апологіи нашей политики въ Польшѣ. Россія—Костомаровъ не разъ отмѣчаетъ этотъ фактъ—сначала не показывала намѣренія во что бы то ни стало мѣшать улучшеніямъ въ Польшѣ ¹⁾). „Причины очевидны“, говоритъ онъ.—„Въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смуты въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло—сильное государство, а иное благоустроенная страна. Конечно, Россія не расположена была тануть, такъ сказать, Польшу за уши и творить изъ нея сильное государство во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усилению, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенною странкою могла только подъ иностранною верховною властью. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ, даже содѣйствовала этому. Собственно Россія остерегалась не Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобы Польша оставалась въ подчиненіи у Россіи, а не у кого-нибудь другаго“ ²⁾). Въ томъ мѣстѣ своего труда, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи Россіи къ направленному противъ нея перевороту 3-го мая 1791 г., онъ снова пишетъ: „Екатерина не показывала желаній стѣснять поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи... Ясно, что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшею, но все еще не желала собственно уничтоженія польскаго государства, а тѣмъ менѣе его раздѣла, хотя уже предвидѣла то, что неминуемо должно было случиться“ ³⁾). Кромѣ того, нашъ авторъ указываетъ и отдѣльные факты, когда вмѣшательство Россіи упорядочивало внутреннія отношенія въ Рѣчи Посполитой. Говоря объ уничтоженіи въ Польшѣ права шляхты надъ жизнью и смертью хлоповъ и о запрещеніи наѣздовъ другъ на друга, Костомаровъ считаетъ нужнымъ прибавить: „этихъ полезныхъ

¹⁾ Ibid., I, 96, 103, 120—121, 164, 186, 238. II, 339.

²⁾ Ibid., I, 155.

³⁾ Ibid., I, 548.

учрежденій не дозволила бы ввести шляхта; только желѣзной рукой русскаго посланника (Рѣпина) они были обязаны своимъ введеніемъ въ законъ; впрочемъ, эта желѣзная рука нужна была и для того, чтобы новыя установленія принялись въ жизни, а не оставались на бумагѣ... Только такая внѣшняя сила, какою была для Польши Россія, замѣчаетъ онъ нѣсколько ниже,—и могла обуздать самоуправство и беспорядокъ“ ¹⁾. По поводу установленія въ Рѣчи Посполитой „постояннаго совѣта“ онъ замѣчаетъ: „Никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустройству, какъ въ это время непосредственнаго давленія русской власти“ ²⁾. „Польша“, говоритъ онъ еще,—„только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни. Сами поляки сознавали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно было имъ сознаться въ этомъ. Біографъ Томаса Островскаго, авторъ въ высшей степени неприязненной къ Россіи книги, сознается однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойнѣе, чѣмъ прежде“ ³⁾. Или еще по поводу сдѣланнаго на четырехлѣтнемъ сеймѣ предложенія уничтожить войсковый департаментъ, установленный конституціею 1775 г., которая была гарантирована Россіею, нашъ историкъ приводитъ мнѣніе поляковъ о пользѣ, принесенной странѣ этимъ учрежденіемъ: „оно ввело въ ней болѣе порядка и благочинія и если не прекратило вовсе, то значительно уменьшило разбойническіе наѣзды пановъ другъ на друга, сопровождаемые кровопролитіями и разореніями“ ⁴⁾.

Защищая русскую политику, Костомаровъ снимаетъ съ нея обвиненіе и въ томъ, что ей принадлежала инициатива раздѣловъ. Мы видѣли, что хлопоталъ о раздѣлѣ Польши главнымъ образомъ прусскій король. „Россія“, говоритъ Костомаровъ,—„эта мысль совсѣмъ была не кстати; Польша все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что при такомъ ходѣ обстоятельствъ вся Польша соединится съ Россіею въ одно политическое

¹⁾ Ibid., I, 123.

²⁾ Ibid., I, 152.

³⁾ Ibid., I, 154.

⁴⁾ Ibid., I, 249. Ср. подобное же замѣчаніе и о „постоянномъ совѣтѣ“, I, 259—260.

тѣло. Но это предвидѣлъ и прусскій король и для пользы своего государства рѣшился во что бы то ни стало воспрепятствовать этому¹⁾. Россія было прямо вынуждена на первый раздѣлъ угрозой коалиции. Мѣстами однако у автора прорываются указанія на то, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ Екатерина и не думала дорожить существованіемъ Рѣчи Посполитой. „Екатерина“, говоритъ онъ, „хотѣла поставить Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а если будетъ нужно, то и уничтожить ее“²⁾. „У поляковъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія на столько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать, но они неспособны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца“³⁾. Наконецъ, по искреннему убѣжденію Костомарова, въ той или другой формѣ, но Рѣчь Посполитая не могла избѣжать роковой необходимости утратить свою независимость, и Россія должна была завладѣть либо всѣмъ польскимъ государствомъ, либо нѣкоторою его частью. Что для Рѣчи Посполитой оставалось либо подчиненіе Россіи, либо раздѣлъ между сосѣдями, Костомаровъ повторяетъ при каждомъ удобномъ случаѣ. „Для Польши оставалось выбрать что-нибудь одно изъ двухъ: или съ самобытными признаками быть въ зависимости отъ Россіи, или подпасть раздѣлу между тремя державами. Въ началѣ 1792 г. польскіе политики воображали, что они избавились перваго и перестали бояться другаго“⁴⁾. И въ томъ, и въ другомъ они ошиблись. Польшѣ тогда оставалось только войти въ составъ другихъ государствъ, такъ какъ сама по себѣ она существовать не могла⁵⁾. Избѣгая одной участи, Рѣчь Посполитая готовила себѣ другую. „Такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны внѣшнихъ силъ, то патріотамъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства

¹⁾ Ibid., I, 142. Замѣчанія о пагубной для Польши политикѣ Пруссіи у Костомарова очень часты: I, 170, 321 и слѣд., 422 и слѣд.

²⁾ Ibid., I, 93.

³⁾ Ibid., I, 94.

⁴⁾ Ibid., I, 550.

⁵⁾ Ср. еще слова: „Въ обществѣ человѣческомъ, какъ въ природѣ пустоты не терпятся; какъ скоро какой-нибудь народъ не показываетъ силы и умѣнія поддерживать и сохранять у себя государственную связь, такой народъ долженъ войти въ составъ другихъ государствъ“⁴⁾. Ibid., II, 115.

то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна—это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы; естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи“¹⁾. Лучше всего, по мнѣнію историка, было добровольно подчиниться Россіи. „Еслибы“, разсуждаетъ Костомаровъ,—„въ Польшѣ въ то время была политическая мудрость, то она бы увидѣла въ такой ужасной для патриотическаго самолюбія гарантіи только средство удобнѣе совершить необходимыя перемѣны и привести Польшу въ такое состояніе, въ которомъ она могла бы воспитать въ себѣ условія, необходимыя для благоустройства, а слѣдовательно приблизиться къ возможности быть независимсю“²⁾. Къ такой мысли онъ возвращается не разъ, когда ему приходится говорить объ отношеніяхъ между Россіей и Польшей въ эту эпоху³⁾.

Оканчивая изложеніе взглядовъ Костомарова, нельзя обойти нѣсколькихъ страницъ его „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“, на которыхъ онъ ставитъ вопросъ о паденіи Польши передъ судомъ высшей справедливости. Распространившись на ту тему, что „по причинѣ своего внутренняго разстройства Польша слѣдалась жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и соображаться съ законностью“⁴⁾, онъ отказывается однако отъ обвиненія державъ, слѣдовавшихъ такой политикѣ. „Когда“, говоритъ онъ,—„государства сформировались и возросли съ помощью коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ: развѣ не насиліемъ захватила она Червонную Русь? Развѣ не коварствомъ и не насиліемъ присоединила къ себѣ великое княжество Литовское?... Развѣ не обращали русскій народъ насильно въ другую вѣру, не ругались надъ его вѣковою святынею?“⁵⁾. Находя, какъ мы уже видѣли, правымъ дѣломъ присоединеніе къ Россіи русскихъ областей, онъ сожалѣетъ однако, что „Россія не поставила этой правоты своей на

¹⁾ Ibid., I, 188.

²⁾ Ibid., I, 123.

³⁾ Ibid., I, 193—195.

⁴⁾ Ibid., II, 664—666.

⁵⁾ Ibid., II, 666.

челѣ своихъ дѣйствій“, а предпочла „темный путь политики“. — „Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ на столько, на сколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; и какъ страшно былъ обмануть, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ - ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія“ ¹⁾. „Рѣчь Посполитая исчезла съ географической карты, шляхетскія поколѣнія метались во всѣ стороны, отчаянными средствами пытаюсь поднять изъ могилы и воскресить своего мертвеца, еще заживо огнившаго, а между тѣмъ, для милліоновъ русскихъ хлоповъ, для той русской массы, за которую шелъ многолѣтній споръ Россіи съ Польшею, проливались потоки крови—для нихъ однихъ продолжала существовать эта Рѣчь Посполитая“ ²⁾.

Таковы общіе взгляды, высказанные Костомаровымъ въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, и эти взгляды заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются оригинальностью. Перебирая явленія, на которыя историки указывали, какъ на причины паденія Польши, онъ приходитъ къ тому общему выводу, что причинъ этихъ нужно искать не столько въ дурныхъ сторонахъ польской жизни, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Поэтому онъ не находитъ, чтобы устройство Рѣчи Посполитой само по себѣ было дурно, — тезисъ, стоящій въ явномъ противорѣчій не только съ общимъ мнѣніемъ, но и съ дѣйствительными фактами, но дѣло въ томъ, что Костомаровъ не далъ себѣ труда разсмотрѣть, чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ была старопольская конституція. Самъ онъ, однако, приводитъ множество отдѣльных фактовъ и дѣлаетъ не мало частныхъ замѣчаній, идущихъ въ разрѣзъ съ его общимъ представленіемъ о польскомъ государственномъ устройствѣ. То же замѣчаніе можно сдѣлать и объ отношеніи Костомарова къ крѣпостничеству въ Польшѣ: отдѣльныя мѣста его книги наводятъ на мысль о томъ, что угнетеніе хлопа сдѣлало его равнодушнымъ къ судьбѣ государства, такъ что онъ и не защищалъ его отъ внѣшнихъ враговъ, но въ общемъ разсужденіи объ угнетеніи народной массы Костомаровъ выдвигаетъ на первый планъ не этотъ результатъ, а деморализирующее вліяніе рабства на

¹⁾ Ibid., II, 668.

²⁾ Ibid., II, 670.

господь. Главная причина паденія Польши, по Костомарову, лежитъ то именно въ общественной деморализаціи, объясняющейсѣ тѣмъ воспитаніемъ въ широкомъ смыслѣ, какое получала шляхта, то въ національномъ характерѣ съ признаками уже врожденныхъ свойствъ націи, и такъ какъ авторъ обратилъ особое вниманіе на вліяніе культурно-соціальной среды, то весьма естественно, что второе объясненіе тѣмъ самымъ устраняется. Недостатокъ сочиненія, заключающійся въ полномъ отсутствіи анализа политическихъ и соціальныхъ отношеній въ Рѣчи Посполитой, искупается большими экскурсіями въ область исторіи нравовъ и обычаевъ: въ этой области, дѣйствительно, нужно искать явленія, содѣйствовавшія разложенію государства, къ коему вели невозможныя политическія учрежденія, и нашъ историкъ приводитъ массу фактовъ, подтверждающихъ его общую мысль, хотя недостаточно отгѣняетъ разныя эпохи въ жизни польскаго общества за тридцатилѣтнее царствованіе Станислава Августа, все-таки отличающіяся одна отъ другой довольно значительно, чего не скрываетъ и самъ историкъ. Общій выводъ Костомарова, какъ и многихъ другихъ историковъ, тотъ, что Польша должна была погибнуть, что иначе быть не могло, и все, что можетъ служить подтвержденіемъ этой мысли, выставлено у него съ достаточною убѣдительною.

Изъ русскихъ историковъ, писавшихъ о паденіи Польши, главнымъ образомъ у Костомарова мы находимъ пространныя разсужденія о тѣхъ сторонахъ историческихъ русско-польскихъ отношеній, которыя были предметомъ обсужденія нашей публицистики, и многіе взгляды автора „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ стоятъ въ тѣсной связи съ тѣми, какіе высказывались публицистами шестидесятыхъ и слѣдующихъ годовъ, и къ нѣкоторымъ изъ этихъ взглядовъ можно примѣнить общія замѣчанія, коими мы окончили предыдущую главу. Въ оправданіи раздѣловъ Польши съ точки зрѣнія „собиранія Руси“ и въ осужденіи политики Екатерины II за ея ненародный характеръ Костомаровъ сходится съ большинствомъ русскихъ писателей, и съ этой стороны его сочиненіе гораздо болѣе проявляетъ свою русскую точку зрѣнія, нежели монографія Соловьева, которая принимаетъ въ расчетъ только собираніе Руси, но не замѣчаетъ, что возвращенный русскій народъ все-таки оставался подъ польскою властію.

Въ изложеніи Костомаровымъ русской политики въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ нельзя не замѣтить апологетическаго тона: если польскіе

и западно-европейскіе историки привыкли винить Россію во всемъ, что только было и случалось дурного въ Польшѣ, то Костомаровъ поступаетъ совершенно на оборотъ. По поводу „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ проф. Коляловичъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Въ этомъ сочиненіи большое отступленіе отъ первоначальныхъ взглядовъ автора. Здѣсь прославляется русское правительство за умныя, рѣшительныя дѣйствія по отношенію къ полякамъ и явно дается сочувствіе объединительной русской политикѣ, обличать грѣхи которой авторъ считалъ какъ бы своимъ призваніемъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ“¹⁾. За то польская критика упрекаетъ Костомарова въ томъ, что онъ слишкомъ сгущаетъ краски, изображая дурныя стороны польскаго общества. „Хотя Костомаровъ“, говоритъ одинъ польскій писатель, — въ „Послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“ сообщаетъ факты добросовѣстно (*sumiennie*), тѣмъ не менѣе заслуживаетъ упрека въ односторонности, такъ какъ выдвигая на первый планъ отрицательныя стороны тогдашняго нашего общества (для чего въ его распоряженіи былъ большой запасъ матеріала въ самой польской литературѣ XVIII в.), онъ недостаточно освѣщаетъ положительныя его черты. Недостатокъ источниковъ, а можетъ быть и доброй воли помѣшалъ ему въ данномъ случаѣ. За то „Костюшко“, составляющій эпилогъ этого труда, есть *chef-d'oeuvre* историческаго искусства и самый возвышенный образецъ краснорѣчія, вдохновеннаго благородною мыслью“²⁾.

¹⁾ Коляловичъ. Исторія русскаго самосознанія, стр. 462.

²⁾ *Zdanowicz-Sowański* IV, 783. На основаніи „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ написана въ „Очеркахъ изъ русской исторіи XVIII в.“ В. И. Водовозова (С.-Пб. 1882) глава о польскихъ дѣлахъ при Екатеринѣ II (стр. 342—399), какъ это заявляетъ и самъ авторъ въ предисловіи (стр. II). Польскаго государственнаго устройства (которое онъ признаетъ „не хуже другихъ, какія въ XVII, въ началѣ XVIII вѣка находимъ въ Европѣ“, имѣя однако въ виду главнымъ образомъ панско-хлопскія отношенія) Водовозовъ касается слегка, обращая главное вниманіе на растлѣніе нравовъ, при которомъ даже то, „что было хорошаго въ польскомъ устройствѣ, повело лишь къ распаденію государства“ (стр. 343). Впрочемъ, онъ между прочимъ замѣчаетъ, что шляхтѣ слѣдовало бы „укрѣпить расшатанную власть, сдѣлавши королевское достоинство наследственнымъ и самого короля независимымъ отъ сильныхъ магнатовъ“ (стр. 345). Говоря о тяжеломъ положеніи народа, авторъ отмѣчаетъ особенную тяжесть его положенія „въ восточныхъ и южныхъ частяхъ Польши, населенныхъ русскими православнаго исповѣданія“ (стр. 346). Въ заключеніи главы мы читаемъ: „Что бы ни говорили противъ способовъ, какіе употребляли подѣлавшія Польшу

Вышедшая въ свѣтъ въ 1870 году спеціальная монографія Д. И. Иловайскаго о „Гродненскомъ сеймѣ 1793 года“¹⁾, собственно говоря, обнимаетъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ изъ исторіи Рѣчи Посполитой, въ эпоху раздѣловъ, а въ основу этой монографіи легло богатое собраніе дипломатической переписки, которое хранится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и по даннымъ котораго авторъ разрабатываетъ главнымъ образомъ подробности. Кромѣ архивнаго матеріала, г. Иловайскій пользовался и печатными источниками и пособіями, указанными въ началѣ книги²⁾. Общія соображенія историка занимаютъ въ книгѣ часть введенія³⁾ и одну страницу въ самомъ концѣ, представляющую „въ немногихъ словахъ тѣ выводы, къ которымъ привело автора изученіе данной эпохи“⁴⁾.

„Всякому, сколько-нибудь знакомому съ ходомъ польской исторіи, извѣстно“, говоритъ авторъ, — „что Польша пала жертвою своей анархіи, и что анархія эта была слѣдствіемъ крайняго ослабленія центральной власти и чудовищнаго развитія шляхетскаго сословія, въ себѣ одномъ воплотившаго все польское государство и весь польскій народъ. Но эти очевидныя или ближайшія явленія въ свою очередь были также слѣдствіемъ разныхъ причинъ и условій. Тутъ, на первомъ планѣ представляется намъ народный типъ или народный характеръ.“⁵⁾ Высшими качествами народа г. Иловайскій признаетъ „способность творческую или способность организаціи“, въ тѣсной связи съ коею находится „народный инстинктъ самосохраненія“. Въ этомъ-то онъ и отказываетъ полякамъ. „Мужество и талантливость польскаго народа“ — читаемъ мы далѣе — „не подвержены никакому сомнѣнію. Но едва ли можно сказать, чтобы онъ въ достаточной степени обладалъ тою способностью и тѣмъ инстинктомъ, которыя мы сейчасъ назвали. Изъ

государства для приобрѣтенія этихъ земель (эти способы въ политикѣ всегда были одни и тѣ же, и сама Польша во время своего могущества дѣлала то же самое), Россія болѣе другихъ имѣла права на выпавшую ей долю, какъ по причинѣ вѣковой борьбы, страшной траты денегъ и крови, какія стоили ей приобрѣтенныя ею земли, такъ и потому, что населеніе въ нихъ было по преимуществу русское, православное, враждебное полякамъ“ (стр. 398—399).

¹⁾ Д. Иловайскій. Гродненскій сеймъ 1793 года. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Москва. 1870. Сочиненіе это было переведено на польскій языкъ.

²⁾ Ibid., IV—X.

³⁾ Ibid., XII—XVII.

⁴⁾ Ibid., 263—264. Эти выводы изложены въ формѣ пяти распространенныхъ тезисовъ.

⁵⁾ Ibid., стр. XII.

ряда многихъ фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль¹⁾, продолжаетъ г. Иловайскій, — „укажемъ только на два наиболѣе выдающіеся: во-первыхъ добровольное призваніе на свою землю нѣмецкаго ордена; вторыхъ пассивное отношеніе къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія внутри своего организма“²⁾. Роль ордена хорошо извѣстна, но такъ какъ „участіе, которое приняли евреи въ разложеніи польскаго организма, далеко не выяснено“, то авторъ и останавливается на немъ подробнѣе. Вкратцѣ мысль разсматриваемаго историка такова. Источникъ ненависти къ евреямъ въ средніе вѣка — инстинктъ самосохраненія народовъ, предназначенныхъ къ долгой исторической жизни. Евреи — этнографическій элементъ наиболѣе трудный для усвоенія, а живучіе народы именно должны были ассимилировать чуждые элементы, или ихъ устранять, если хотѣли долго жить. Другая причина ненависти къ евреямъ — „ихъ эксплуататорскій характеръ“, но нигдѣ ихъ эксплуататорскія „занятія не достигли такихъ размѣровъ и такого деморализующаго значенія, какъ въ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой“. Съ другой стороны, и евреи деморализировались въ Польшѣ общою анархіей, эгоизмомъ аристократіи, продажностью властей. Евреи наконецъ послужили немалою помѣхою къ развитію средняго сословія въ государствѣ и, занявъ его мѣсто, увеличили пропасть между высшими и низшими классами³⁾. При очень бѣгломъ въ сущности указаніи на причины паденія Польши разсужденіе объ евреяхъ вышло у г. Иловайскаго слишкомъ длиннымъ и, такъ сказать, заслонило собою главный тезисъ о недостаткахъ польскаго національнаго характера. Объ этомъ мнѣніи мы говорили уже при разборѣ труда Костомарова, а потому повторяться не будемъ.

Во введеніи къ труду г. Иловайскаго можно еще отмѣтить его взглядъ на конституцію 3-го мая. Она „была послѣднею и самою значительною попыткою къ возрожденію со стороны умирающей Польши. Но въ жизни народа“, говоритъ авторъ, — „также какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка законъ своевременности дѣйствуетъ одинаково. Сильное средство не спасаетъ больного организма, когда оно приходитъ слишкомъ поздно и когда, организмъ уже не въ состояніи выдержать борьбу съ неблагоприятными условіями. Мало того, въ подобномъ случаѣ возбужденіе обыкновенно ускоряетъ конецъ“⁴⁾.

1) Ibid., XII—XIII.

2) Ibid., XIII sq.

3) Ibid., XVII.

Общіе выводы таковы: 1) Второй раздѣлъ Польши произошелъ противъ первоначальнаго желанія Екатерины, стремившейся сохранить надъ нею исключительное вліяніе. Императрица уступила настояніямъ Пруссіи, ибо поляки, не понимая своей несостоятельности посреди сосѣднихъ державъ, не хотѣли примкнуть къ Россіи для спасенія своей цѣльности и становились къ Россіи во враждебныя отношенія. 2) Давъ согласіе на второй раздѣлъ, русская дипломатія приняла на себя „неблагодарную задачу принудить Рѣчь Посполитую къ формальной уступкѣ провинцій“. Эта мѣра была неизбежна, но „ея моральное впечатлѣніе по своимъ послѣдствіямъ было невыгодно для Россіи“. 3) Оппозиціонная группа на Гродненскомъ сеймѣ при всемъ безсиліи своемъ показала, что время послѣ перваго раздѣла не было бесплодно для возбужденія духа въ умирающей Польшѣ, хотя это возбужденіе и пришло слишкомъ поздно. 4) Союзный договоръ Россіи и Польши былъ послѣднею попыткой Екатерины спасти остатки Польши отъ новаго раздѣла и подготовить сліяніе его съ Россіей, подобное учрежденію Царства Польскаго Александромъ I. Пятый тезисъ г. Иловайскаго заключаетъ въ себѣ ту мысль, что „какъ ни тяжело иногда впечатлѣніе, производимое картиной послѣдняго польскаго сейма, мы не въ правѣ безусловно охуждать дѣйствія нашей дипломатіи въ то время“, ибо все происходило „сообразно съ обстоятельствами и существовавшими обычаями“ и „во всемъ прежде всего имѣлись въ виду русскіе интересы“. Общій приговоръ Костомарова отличается большею искренностью, и для польскихъ раздѣловъ съ русской точки зрѣнія онъ указываетъ на оправданіе, не заслоняющееся ссылкой на существовавшіе обычаи. За всѣмъ тѣмъ, въ общемъ, взглядъ автора „Гродненскаго сейма“ на все дѣло втораго раздѣла можно признать вѣрнымъ.

Переходимъ теперь къ историческому сочиненію умершаго въ 1885 г. писателя М. Ө. де-Пуле, печатавшаго свои статьи въ журналахъ и газетахъ весьма различныхъ направленій и между прочимъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Вѣстникѣ, Руси и другихъ органахъ, въ которыхъ не могъ бы участвовать человекъ, повинный въ полонофильствѣ: замѣчаніе важное для надлежащаго пониманія взглядовъ де-Пуле, въ коихъ слышится постоянный протестъ противъ разжиганія вражды къ полякамъ ¹⁾).

¹⁾ Къ исторіи той же эпохи относятся еще слѣдующія сочиненія де-Пуле: „Крестыанское движеніе при имп. Павлѣ Петровичѣ и дневникъ кн. Н. В. Репнина“

Книга де-Пуле о послѣднемъ Польскомъ королѣ и о Литвѣ въ срединѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка ¹⁾ составилаь изъ двухъ работъ, изъ коихъ одна была помѣщена въ четвертой книгѣ сборника г. Бартенева „XVIII вѣкъ“, изданной въ 1869 г., а другая—въ журналѣ Заря за 1871 годъ ²⁾. Сочиненіе это было составлено по документамъ, извлеченнымъ изъ архива виленскаго генераль-губернатора; въ этомъ архивѣ авторъ работалъ въ 1867 г., а въ 1869 г. было предпринято описаніе архива гг. Энгелемъ и Гомолицкимъ ³⁾. На предисловіи къ сочиненію сказались впечатлѣнія виленской жизни въ шестидесятыхъ годахъ, и де-Пуле, напримѣръ, протестуетъ противъ „цѣлой школы пишущей братіи, влады которой въ русскую литературу едва ли принесутъ ей много чести“, именно вслѣдствіе „дикихъ идей, дикихъ выходовъ“ противъ поляковъ и евреевъ, которые притомъ „не издавали (да и не могли издать) ни одинаго звука“ ⁴⁾. Съ своей точки зрѣнія де-Пуле приходится полемизировать и съ сочиненіемъ Костомарова, которое онъ ставитъ очень высоко, называя его „весьма талантливимъ произведеніемъ, капитальнымъ приобрѣтеніемъ для нашей исторической литературы“ ⁵⁾, „классическимъ трудомъ“ ⁶⁾ и т. д. „Будучи художникомъ по натурѣ“, говоритъ де-Пуле, — „Костомаровъ часто является несостоятельнымъ, какъ судья, какъ безпристрастный изслѣдователь: онъ нерѣдко увлекается предвзятой идеей, даже фразами, порожденными недавно пережитою минутою, въ родѣ полонофильства и измѣны народнымъ началамъ“ ⁷⁾. Въ одномъ мѣстѣ своего труда авторъ ставитъ весьма интересные вопросы о томъ, что нашли русскіе люди въ земляхъ, доставшихся отъ умершей Польши, и какъ отнеслись къ этому, сравнивая чужое со своимъ,— и говоритъ, что „отвѣтъ будетъ возможенъ лишь тогда, когда пер-

(*Русск. Архивъ 1869 г.*) и „Журналъ пребыванія е. в. короля Польскаго Станислава Августа въ Гроднѣ“ (*Чтенія въ общ. ист. и древн. 1870*). Въ 1881 и 1882 гг. въ *Русск. Вѣстникѣ* были помѣщены его статьи объ „украинофильствѣ“.

¹⁾ *Михаилъ де-Пуле*. Станиславъ-Августъ Понатовскій въ Гроднѣ и Литва въ 1794—1797 годахъ. С.-Пб. 1871. Изданіе второе. Первымъ изданіемъ авторъ считаетъ указанныя въ слѣдующемъ примѣчаніи работы.

²⁾ Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII в.—Послѣдній Польскій король Ст. Авг. Понатовскій.

³⁾ Архивъ виленскаго генераль-губернатора.

⁴⁾ *Де-Пуле*, стр. III.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. II.

⁶⁾ *Ibid.*, 16, примѣч.

⁷⁾ *Ibid.*, стр. II. См. отдѣльныя замѣчанія на стр. 16, 27, 118 и др.

вое соприкосновеніе польской жизни и гражданственности съ русскими будетъ изслѣдовано, но не въ одной Литвѣ (которой посвящено сочиненіе де-Пуле), но и въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ¹⁾. Такого изслѣдованія“, продолжаетъ онъ,—„еще нѣтъ въ нашей исторической литературѣ, страдающей, подобно литературѣ польской, фаталистическимъ направленіемъ. Поляки во всемъ обвиняютъ судьбу, грубую физическую силу и коварство сосѣдей; мы отъ негодности ихъ государственнаго строя, отъ растлѣнности высшихъ, вліятельнѣйшихъ классовъ польскаго общества, дѣлаемъ заключеніе о неизбѣжной смерти и всего польскаго, то-есть, опять приходимъ къ тому же предопредѣленію, которому противорѣчитъ осязательная живучесть польскаго духа и медленные успѣхи руссификаціи. Ни крики о превосходствѣ польской гражданственности надъ русскою, просвѣщенія надъ варварствомъ (польская точка зрѣнія); ни глумленія надъ шляхетствомъ и саркастическое подведеніе подъ него всей жизни соперника (наше воззрѣніе)—отнюдь не научные приемы необходимые для изслѣдованія“²⁾.

Такія заявленія располагаютъ читателя въ пользу безпристрастія автора, а потому весьма интересно его общее отношеніе къ польскому вопросу, который онъ проситъ не смѣшивать съ „судьбою Польши“. Предметъ польскаго вопроса, говоритъ онъ,—„нашъ западный край, наши западныя границы, которыя поляки, считали и продолжаютъ считать своими“. „Для разбирательства спора“ онъ обращается къ указаніямъ исторіи³⁾, которыя и представляются у него въ слѣдующемъ освѣщеніи: въ XIV вѣкѣ Русская земля распадается на Россію московскую и Россію литовскую, которыя начинаютъ обособляться: въ одной дѣйствуютъ элементы изъ культурныхъ византійскій, изъ варварскихъ татарскій, въ другой—изъ варварскихъ литовскій, изъ культурныхъ польскій. Поэтому „при родствѣ, симпатіяхъ и влеченіи одной Россіи къ другой, появляются и антипатіи, отчужденія“, которыя позднѣе „даже крѣпнутъ и увеличиваются, не

¹⁾ Ibid., стр. 107.

²⁾ Ibid., стр. 108. Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ угнетеніи крестьянъ въ Польшѣ, авторъ бросаетъ мимоходомъ такое замѣчаніе: „Это никакъ не укоризненный, съ нашей стороны, фразы, не филологическіе попреки *быдломъ*, которому вполне соответствуютъ русскіе *скотъ* и *скотина*, имѣющіе увы! точно такое же практическое употребленіе“ (стр. 129).

³⁾ Ibid., стр. 212.

исключая, конечно, родства и сходства“. „Сила этихъ антипатій, говоритъ де-Пуле,— у насъ недостаточно еще измѣрена, такъ какъ въ исторіи нашихъ племенныхъ отношеній мы все еще являемся романтиками и, обвиняя во враждѣ поляковъ, забываемъ о старинной, начавшейся гораздо прежде вражды къ москалямъ, велико-руссамъ, русскихъ литовскихъ людей, мало- и бѣлоруссовъ. Силу этой вражды легко примѣтить въ смутномъ времени (въ этой гигантской борьбѣ собственно двухъ Россій или двухъ русскихъ племенъ противъ одного), въ исторіи раскола, въ тѣхъ преобразованіяхъ Петра, гдѣ русскіе литовскіе люди являются его пособниками“¹⁾. Между тѣмъ московскій царь объявляетъ себя государемъ всея Руси, и эта мысль дѣлается достояніемъ людей Московскаго государства, какъ государственныхъ, такъ и книжныхъ, тогда какъ некнижный человѣкъ еще, пожалуй, соглашался считать Заднѣпровье и Бѣлоруссію ляхскою землею. Польша не поняла всенароднаго великорусскаго притязанія, принимая его за дипломатическое, правительственное, а своимъ стремленіемъ деспотически абсорбировать чуждыя національности только привела къ тому, что слабо съ нею связанныя части стали отпадать. „Отпаденіе Малороссіи было первымъ раздѣломъ Польши“. Въ XVIII столѣтіи „Польша не замѣтила, какъ старая ея соперница Москва преобразилась въ Всероссійскую имперію“²⁾, послѣ чего, говоритъ авторъ,— „участъ Польши, не будучи пророкомъ, можно было предсказать: она могла существовать въ качествѣ небольшого третьекласснаго государства, но безъ присоединенныхъ, хотя еще и не отпавшихъ частей ея, Литвы и Бѣлоруссіи“. Польскій вопросъ явился при Петрѣ, созрѣлъ при Екатеринѣ II послѣ перваго раздѣла. „Ничего“, продолжаетъ де-Пуле,— „не могло быть искреннѣе, какъ нежеланіе Екатерины и нѣкоторыхъ ея сподвижниковъ видѣть паденіе Польши: маленькая, слабая Польша, каковою она стала въ ту эпоху по собственной своей винѣ не могла мѣшать такому могущественному государству, какъ Россія“. Онъ находитъ, что „паденіе Польши обусловливалось присоединеніемъ къ Россіи такихъ неудобно-спааемыхъ частей, какъ элементы собственно-польскій и литовскій, связью съ которыми можно бы и повременить“, и именно поэтому, по его мнѣнію, Екатерина и не желала паденія Польши. „Внѣшнее, политическое присоединеніе этихъ частей“, замѣчаетъ онъ,— „на первыхъ порахъ не могло быть

¹⁾ Ibid., стр. 213.

²⁾ Ibid., 214.

соединеніемъ органическимъ, культурнымъ и соціальнымъ (какъ и не сдѣлалось). Отсюда пошли наши споры съ поляками, доходившіе и доходящіе до нелѣпостей, до озлобленной ругни, до появленія польскихъ и русскихъ Духинскихъ, отрицающихъ самое бытіе русской и польской народности¹⁾. Съ тѣхъ поръ, по опредѣленію де-Пуле, „польскій вопросъ состоитъ въ процессѣ сліянія ещѣ не спаявшихся между собою частей Россіи и въ помѣхъ этому сліянію со стороны поляковъ“. Но и другія условія сліянія, по словамъ автора, были неблагопріятныя, а главнымъ образомъ у насъ не было спаивающихъ средствъ: войско—плохой факторъ гражданственности; „чиновный элементъ, по самой натурѣ своей непригодный для цивилизаторской роли, былъ тогда еще хуже военного“²⁾; русскіе землевладѣльцы появлялись, чтобы вскорѣ разлетаться; „русская торговля и промышленность не появлялись совсѣмъ въ краѣ; о русскомъ просвѣщеніи и литературѣ не было и слуха, потому, конечно, что они находились тогда въ пеленкахъ у себя дома.... Вотъ при какихъ условіяхъ начался процессъ сліянія Литвы и Бѣлороссіи съ Россіей!“ восклицаетъ авторъ.—„Условія были самыя неблагопріятныя; эта-то неблагопріятность, недостатокъ силъ и породили такъ называемый польскій вопросъ (какъ съ Алексѣя Михайловича до Елизаветы былъ малороссійскій вопросъ); безъ этихъ затрудненій“, думаетъ де-Пуле,—„вопросъ, возникнувъ, могъ бы скорѣ разрѣшиться, не возбуждать горячихъ споровъ, не доводить до прискорбнаго озлобленія“³⁾.

Въ своей книгѣ авторъ сравнительно мало разсуждаетъ о причинахъ паденія Польши. Гораздо болѣе у него соображеній о русско-польскихъ отношеніяхъ. Остановимся сначала на его взглядѣ относительно причинъ, которыя привели Рѣчь Посполитую къ гибели. Де-Пуле находитъ, что до сихъ поръ постановка и рѣшеніе этого вопроса заключаютъ въ себѣ много невѣрнаго. „Объ этихъ причинахъ“, говоритъ онъ,—„очень много писано. Поляки въ этомъ кровномъ для нихъ дѣлѣ, не могутъ быть судьями; иностранцы, по недостаточному знакомству съ польскою исторіей вообще и съ русской въ особенности, всегда будутъ ошибаться; намъ, русскимъ, недостаетъ нужнаго спокойствія. Поэтому, читая сочиненія, посвященныя паденію Польши, убѣждаемся, вмѣстѣ съ ихъ авторами, что Польша

¹⁾ Ibid., 215.

²⁾ Ibid., 216.

³⁾ Ibid., 217.

дѣйствительно умираетъ, что польскій духъ, по прочтеніи послѣдней страницы, долженъ безвозвратно исчезнуть изъ міра,—между тѣмъ какъ кровавыя событія конца 90-хъ, первыхъ годовъ этого столѣтія, начала 30-хъ, конца 40-хъ и всѣмъ памятные 62-й—64-й годы убѣждаютъ въ противномъ, и даже, хотя и смутно, рисуютъ на заднемъ планѣ польскій народъ, казалось улетучившійся послѣ третьяго раздѣла. Небѣрность картины (вмѣсто изслѣдованія, дѣйствительно рисуютъ лишь картины паденія Польши), происходитъ отъ того, что историки обращаютъ вниманіе или на однѣ государственныя формы, или на одинъ социальный строй; но ни государственныя формы, ни социальный распорядокъ еще не исчерпываютъ всего существа національности: образовательная культура, дающая извѣстный колоритъ умственному настроенію, гражданственность, какъ продуетъ всѣхъ силъ (государственныхъ, социальныхъ, культурныхъ и т. п.) политическаго организма, не могутъ и не должны быть обходими въ вопросѣ о жизни или смерти извѣстной національности¹⁾. Нельзя не согласиться, конечно, съ этимъ общимъ разсужденіемъ, но, къ сожалѣнію, самъ авторъ не выполняетъ задачи, имъ самимъ намѣченной, то-есть, не производитъ „изслѣдованія“, которое должно было бы замѣнить обыкновенно даваемыя въ такихъ случаяхъ „картины паденія Польши“. Винить автора за это нельзя, такъ какъ его главная тема — не столько причины, сколько послѣдствія раздѣловъ Рѣчи Посполитой. Я отмѣчу, впрочемъ, его мнѣнія о нѣкоторыхъ явленіяхъ, на которыя обыкновенно указываютъ, когда заходитъ рѣчь о причинахъ паденія Польши. Относительно угнетенія, народной массы де-Пуле говоритъ, что всѣ статистическія данныя, находившіяся въ его распоряженіи, „свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о высшей, сравнительно съ русскою, земледѣльческой культурѣ, за то, съ другой — представляютъ полную споліацію, такихъ размѣровъ эксплуатацію народнымъ, крестьянскимъ трудомъ, какою мы нигдѣ не находимъ, за исключеніемъ областей бывшей польской республики, державшейся на подпорахъ тяжелѣйшаго изъ всѣхъ видовъ рабства,—абсолютной эксплуатаціи труда. Если можетъ быть доказано, что крестьянинъ Рѣчи Посполитой лично былъ болѣе свободенъ, чѣмъ крестьянинъ русскій, что отношенія его къ пану были ничѣмъ не хуже отношеній этого послѣдняго къ барину, что въ нравахъ своихъ онъ былъ мягче, цивилизованнѣе русскаго, то, съ другой стороны, уже не говоря о

¹⁾ Ibid., 45—46.

громадномъ числѣ крестьянъ казенныхъ, государственныхъ, весьма слабо зависимыхъ у насъ, въ прошломъ и этомъ столѣтїи (до учрежденія государственныхъ имуществъ), отъ земской полиціи и мѣстной администраціи, трудъ крѣпостнаго крестьянина въ Россіи, хотя также безправнаго, меньшимъ подвергался опекамъ, контролю, чѣмъ въ Польшѣ, меньше эксплуатировался: трудъ русскаго крѣпостнаго крестьянина былъ обязанъ своимъ сбереженіемъ какъ общинному землевладѣнію, давшему народу хотя бы и силу инерціи, неподатливости, устоя, такъ, если угодно, и худшему состоянію земледѣльческой культуры и болѣе благодарной почвѣ“... „Польскіе государственные люди“, говоритъ онъ еще,—„польское общество просто не понимали даже того состоянія экономической свободы, которой пользовались *de facto* наши крестьяне (не дворовые, конечно); по этому имъ непонятны были и прямыя, непосредственныя отношенія нашего правительства къ крестьянамъ свободнымъ, государственнымъ“... ¹⁾. „Не принадлежитъ къ историкамъ-разоблачителямъ“, заявляетъ еще де-Пуле,—„мы не придаемъ въ экономическихъ вопросахъ особеннаго значенія племеннымъ и исповѣднымъ отличіямъ существовавшимъ между крестьянами и помѣщиками на Литвѣ, да этимъ отличіямъ въ ту пору, то-есть, до раздѣла Польши, еще не было надобности пускаться въ обращеніе, въ пропаганду. Большая цивилизованность польскихъ помѣщиковъ не только не облегчала экономической тягости крестьянина-хлопа; но, напротивъ, увеличивала ея бремя; русскому хлопѣ (то-есть, дворовому) легче жилось у своего барина и тѣмъ болѣе, если этотъ послѣдній, по своему умственному развитію, не много былъ его выше; нечего и говорить о крестьянахъ оброчныхъ и недворовыхъ“ ²⁾. Я выписалъ это мѣсто, какъ попытку сравненія между положеніемъ крестьянъ въ Россіи и въ Польшѣ: на угнетеніе народной массы въ Рѣчи Посполитой весьма часто указываютъ, какъ на одну изъ причинъ паденія послѣдней, но и въ Россіи, которой досталось отъ Польши такъ много земель, XVIII вѣкъ былъ эпохой полнаго развитія крѣпостничества, представлявшаго много аналогій съ польскою „паньщиной“, и тѣмъ не менѣе это была и эпоха, когда Россія достигаетъ высшаго могущества. Поэтому весьма важенъ вопросъ, въ какой странѣ угнетеніе народной массы доходило до большей степени, и де-Пуле дѣлаетъ попытку рѣшенія этого вопроса.

¹⁾ Ibid., 128—129.

²⁾ Ibid., 130.

Одну изъ причинъ паденія Польши видятъ еще въ религиозныхъ притѣсненіяхъ. Де-Пуле касается въ одномъ мѣстѣ своей книги и этого вопроса.

„Говоря объ этомъ предметѣ“, читаемъ мы у него, — „поляки жаждутся всегда на притѣсненія и плачутъ; но какъ всѣ польскіе плачи далеко не имѣютъ историческаго оправданія, такъ и этотъ: религиозный фанатизмъ и нетерпимость, въ особенности къ православію, проходятъ черезъ польскую исторію XVII и XVIII вѣковъ, религиозный фанатизмъ создалъ унію; въ соединеніи съ романтическимъ патріотизмомъ и политическимъ донъ-кихотствомъ, онъ и до настоящей минуты составляетъ большую сторону польскаго національнаго характера. Но тѣмъ не менѣе, вопросъ о присоединеніяхъ и обращеніяхъ представляетъ любопытное и исключительное явленіе, возможное лишь въ нашихъ отношеніяхъ съ Польшей. Всякая сдѣлка въ дѣлѣ совѣсти, религіи, есть фальшь; самая возможность подобной сдѣлки предполагаетъ въ слабѣйшей сторонѣ непрочность убѣжденій, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при насиліи совѣсти, долженъ былъ бы явиться или расколъ, или борьба безъ конца и уступокъ: характеромъ вынужденной сдѣлки отличается и польская унія, польское соединеніе церквей римско-католической и православной, упрочившееся въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, но ненавидимое въ Украинѣ:—это съ одной стороны. Но съ другой, продолжительная практика такого соединенія ослабляла религиозную нетерпимость, сближала церкви, если не въ ихъ догматахъ, то въ обрядности, составляющей, какъ извѣстно, для простаго неграмотнаго люда, самый жизненный религиозный вопросъ. При неразвитости бѣлорусскихъ народныхъ массъ, при ихъ забитости, нищетѣ и крайней умственной ограниченности, религиозная унія, въ началѣ ограничившаяся главенствомъ папы, однимъ лишь внѣшнимъ соединеніемъ церквей, потомъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, благодаря католической обрядности и польскому языку, начинавшимъ распространяться, стала для поляковъ могущественнымъ средствомъ ассимиляціи: и безъ того близкое къ нимъ физиологически русское племя теперь сближалось и сращалось еще болѣе. Но въ религиозномъ индифферентизмѣ, лежащемъ въ основѣ уніи и поддерживаемомъ общеніемъ съ православными, жившими въ краѣ, уже таился источникъ будущаго ея распаденія. Если не съ образованіемъ народныхъ массъ, то съ кореннымъ измѣненіемъ въ ихъ судьбѣ, какъ это случилось по паденіи Польши, должна была не-

премѣнно распасться и уніа; ибо историческая необходимость религіознаго компромисса переставала существовать. Та же судьба постигла бы унію и въ томъ случаѣ, еслибы возможно было въ Польшѣ протестантское движеніе, нѣкогда въ ней сильное, но давно задушенное іезуитами: уніаты, по всей вѣроятности, перестали бы существовать, подѣлавшись или настоящими католиками, или протестантами, какъ подѣлались, и теперь еще остаются, этими послѣдними, даже самыми строгими реформаторами, многіе изъ поляковъ, не перестававшихъ отъ этого быть и теперь самыми пламенными патріотами. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссїи и Литвы къ Россїи, дашемъ сильный толчекъ народной инерціи, при условїи нормальнаго, свободнаго хода событїй, должно было бы случиться что-нибудь одно изъ двухъ: или полный католицизмъ, или чистое православіе должны бы были смѣнить унію. По характеру совершившихся событїй, не случилось ни того, ни другаго; но движеніе началось, все равно кѣмъ бы оно ни производилось, самой ли массой или индивидуальной инициативой— движеніе въ пользу православїа, несомнѣнно, въ надеждѣ улучшенїа быта. Обманувшись въ этой надеждѣ и не имѣя возможности уйти въ совершенно противоположную сторону, движеніе это остановилось, то-есть, снова сталъ запутываться одинъ изъ узловъ русско-польскихъ отношенїй. Не одни паны и ксендзы (паны, ксендзы, шляхта и жиды стали потомъ козлами очищенїа за наши неудачи въ исторїи этихъ отношенїй) препятствовали уніатскому движенїю: оно должно было само собою остановиться; ему, наконецъ, не могло сильно сочувствовать уніатское духовенство, болѣе свободное и обезпеченное, стоящее несравненно въ меньшей зависимости, чѣмъ наше, отъ высшей администраціи и отъ прихожанъ¹⁾). Приводя это мѣсто, указываемъ въ немъ на слѣдующїя отличїа отъ взглядовъ другихъ авторовъ на унію. Впервые, де-Пуле особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что отношенїе народной массы къ уніи въ Малороссїи и Бѣлоруссїи было далеко неодинаковое: нѣкоторые историки дѣлаютъ ту ошибку, что о чувствахъ бѣлорусскаго народа судятъ по чувствамъ малороссовъ. Вторыхъ, онъ обнаруживаетъ въ уніи элементъ, на который обыкновенно не обращается вниманїа: онъ указываетъ на то, что „продолжительная практика такого соединенїа ослабляла религіозную нетерпимость“, хотя и считаетъ унію самою по себѣ непрочною. Третьихъ, важно его соображенїе о стоящемъ въ связи съ этимъ явленїемъ

¹⁾ Ibid., 227—229.

„индифферентизмъ“: говоря объ условіяхъ, пророчившихъ уніи распаденіе, авторъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что для уніи самой по себѣ возможенъ былъ переходъ и въ чистый католицизмъ, и въ православіе, и возвращеніе народа къ вѣрѣ отцовъ, по его словамъ, обусловливалось столько же надеждою на улучшеніе быта, которая вполне не оправдалась, сколько несочувствіемъ уніатскаго духовенства къ православію—мотивами также внѣшними по отношенію къ вѣроисповѣднымъ отличіямъ. Принимая въ соображеніе эти особенности взгляда де-Пуле, мы должны сдѣлать важныя поправки въ общемъ представленіи нашими историками диссидентскаго вопроса: если враждебная православію политика поляковъ и была одною изъ причинъ разложенія Рѣчи Посполитой, то болѣе всего она дѣйствовала по отношенію къ юго-западной Руси и менѣе всего по отношенію къ сѣверо-западному краю, гдѣ успѣхи уніи и колонизаціи были значительнѣе.

Де-Пуле касается вопроса и о польскомъ національномъ характерѣ, по скольку имъ можно объяснить паденіе государства. Его взглядъ тотъ, что характеръ этотъ — результатъ воспитанія польской націи въ мѣстныхъ политическихъ принципахъ и культурныхъ условіяхъ, а не прирожденное вѣчто. Сравнивая поляковъ съ русскими, что дѣлали и другіе историки, де-Пуле не забываетъ указать на тѣ отношенія, въ которыхъ поляки были сильнѣе насъ, но вообще въ своей характеристикѣ обоихъ народовъ авторъ выдвигаетъ на первый планъ черты различія. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,— „ничего не могло быть противоположнѣе элементовъ польскаго и русскаго, польскихъ и русскихъ учреждений, польскаго и русскаго народнаго характера. Какъ русскій народъ и народность воспитались въ суровой школѣ государства и государственныхъ началъ, которыя имъ были дороги, потому что стоили неимовѣрныхъ жертвъ, доставшихъ такую цѣною, какъ приниженіе, дѣтство, сиротство личности, такъ и польскій національный характеръ образовался въ школѣ, гдѣ систематически проходило искусство разложенія государственнаго организма. Изъ подобной школы не могли выйти ни Гораціи Коклеса, ни Минины; въ ней могло развиваться и развивалось лишь чувство романтическаго, а не реальнаго патриотизма; но, тѣмъ не менѣе, личное чувство было очень сильно, хотя и болѣзненно развито. Словомъ, русскіе и поляки, при близкомъ, племенномъ родствѣ, не понимали другъ друга, какъ граждане, даже просто, какъ люди, другъ другу они должны были казаться, по

меньшей мѣрѣ, странними. Но, съ другой стороны, польская гражданственность и образованность были гораздо старше и крѣпче русской; было время, и не малое, почти цѣлое столѣтіе (съ половины XVII столѣтія), когда онѣ имѣли большой кредитъ въ Россіи; цѣлая половина русскаго народа (малоруссы и бѣлоруссы) воспиталась подъ ихъ вліяніемъ; безъ реформы Петра, безъ вводимой имъ западной, нѣмецкой культуры, польская—угрожала лечь и легла бы въ основу гражданственности Всероссійской имперіи; но и затѣмъ, послѣ Петра, въ продолженіе всего прошлаго вѣка, если не въ цѣломъ, то частностями, польская гражданственность, даже шляхетность, ничего претящаго для насъ не имѣла, какъ все-таки сила, которую одолѣть намъ было нечѣмъ, какъ духъ, не умирающій съ разложеніемъ политическаго организма. Крѣпкій русскій организмъ могъ забрать въ себя, спаять съ собою обломки польскаго, но этотъ духъ продолжалъ въ нихъ жить¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на то, что, относясь съ пренебреженіемъ къ польской государственности, русскіе люди прошлаго столѣтія увлекались другими сторонами польскаго быта. „Съ востока Европы“, говоритъ онъ,—„со стороны Россіи, для русскихъ людей конца XVIII вѣка, для современниковъ Екатерины II, польскій государственный строй казался положительнымъ безобразіемъ, возбуждающимъ презрѣніе: инымъ и не могъ казаться хилый, болѣзненный, разлагающійся организмъ, разрушеніе котораго не представляло никакого труда; это презрѣніе, не совсѣмъ заслуженное, обращалось и на всю націю. Но къ польскому соціальному строю, къ общественнымъ, экономическимъ и т. п. отношеніямъ, русскіе люди прошлаго вѣка уже относились совершенно иначе; если они ничѣмъ не могли здѣсь восторгаться (и дѣйствительно, не восторгались), то ничего не могли и презирать, по той именно причинѣ, что не имѣли ничего лучшаго, совершеннѣйшаго у самихъ себя; по крайней мѣрѣ, въ общемъ, въ итогъ, здѣсь силы встрѣтившихся соперниковъ были равны. Но еще въ выгоднѣйшемъ отношеніи къ намъ стояли поляки своею культурою, своею гражданственностью, просвѣщеніемъ,—выгоднѣйшемъ, потому что наша новая, послѣ-петровская культура была тогда еще слишкомъ слаба, а отъ старой, московской, мы совсѣмъ отвернулись, да притомъ же эта послѣдняя доказала свою несостоятельность назадъ тому еще столѣтіе, и между прочимъ, по отно-

¹⁾ Ibid., 53—54.

шенію къ той же гражданственности польской! ¹⁾ Въ нѣкоторыхъ болѣе публицистическихъ, нежели научныхъ соображеніяхъ о русско-польскихъ отношеніяхъ нерѣдко говорится о нашей культурной миссіи по отношенію къ землямъ, отнятымъ у Рѣчи Посполитой: де-Пуле постоянно ставятъ на видъ, что у насъ тогда не могло быть этой миссіи, ибо если Россія превосходила поляковъ крѣпостью государственнаго организма, то наше передовое сословіе въ XVIII вѣкѣ раздѣляло соціальные взгляды польскаго шляхетства и весьма легко усвоивало его культуру. Было бы, замѣтимъ мимоходомъ, весьма любопытною темой — изслѣдовать польское вліяніе на нашъ помѣщичій, дворянскій бытъ съ XVIII в. (козачки въ прислугѣ, музыка за парадными обѣдами и т. д.).

Не навязывая нашему прошлому идей, выработанныхъ развитіемъ умственной и общественной жизни въ XIX вѣкѣ, де-Пуле и для сужденія о русской политикѣ въ XVIII столѣтіи считаетъ неудобнымъ брать мѣрку, которая могла бы быть вполне примѣняема къ настоящему времени. Русское правительство и русское общество только въ XIX вѣкѣ, да и то очень поздно, обратили должное вниманіе на народный (то-есть, національный и крестьянскій) вопросъ о земляхъ, „возвращенныхъ“ отъ Польши, но за то послѣ шестидесятихъ годовъ для насъ вся задача и была въ этихъ краяхъ сведена къ поддержкѣ русскаго и крестьянскаго элементовъ, такъ что мы и прежнюю политику Россіи стали разсматривать съ этой точки зрѣнія, то приписывая ей мотивы, аналогичные съ вашими теперешними стремленіями, то обвиняя ее въ измѣнѣ своей настоящей задачѣ. Противъ такого неисторическаго отношенія къ дѣлу авторъ возстаетъ во многихъ мѣстахъ своей книги, стараясь выяснитъ истинный характеръ русской политики въ XVIII вѣкѣ и даже беря на себя защиту этой политики, не всегда возможную при общемъ направленіи внутреннихъ дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, къ коимъ и относится предметъ его сочиненія. Во всякомъ случаѣ весьма важно то, что де-Пуле на первый планъ выдвигаетъ чисто государственные мотивы этой политики. „Русскіе люди екатерининскаго времени“, по его словамъ, — „были строгіе, восторженные государственники; все дѣлалось ими въ интересахъ чисто-государственныхъ, болѣе или менѣе внѣшнихъ; личность, личное чувство, личный починъ, не смотря на то, что для развитія всего этого не мало сдѣлано при Екатеринѣ,

¹⁾ Ibid. 107.

были положительно недостаточны для нравственных завоеваній по западнымъ, крѣпко-культурнымъ окраинамъ. Но за то, съ другой стороны, фальшивое сентиментальное отношеніе къ народностямъ и вѣрованіямъ, толки о ихъ доброкачественности и негодности были недоступны русскому человѣку конца XVIII столѣтія. Идея народности вообще (этнографическій романтизмъ тѣмъ болѣе), были непонятны¹⁾. Устранивъ изъ этого мѣста полемическій тонъ, мы должны сознаться съ авторомъ, что въ русской политикѣ при Екатеринѣ II преобладала господствовавшая въ то время и на западѣ идея государства совершенно отвлеченная, то-есть, безъ вѣроисповѣдной окраски предыдущей эпохи и безъ окраски національной, какую она получила въ XIX вѣкѣ. Далѣе, де-Пуле указываетъ на то, почему русское правительство поступило въ крестьянскомъ вопросѣ, только что начавшемъ тогда возбуждаться, не такъ, какъ слѣдовало бы съ современной точки зрѣнія. „Русское правительство“, говоритъ онъ, — „вполнѣ понимало, что для спокойнаго обладанія провинціями, необходимо поднять и привлечь на свою сторону униженные и поработченные земледѣльческіе классы; но оно, пугаясь еще въ ту пору крестьянской свободы, не имѣло силы сдѣлать это, само нуждаясь въ расположеніи привилегированныхъ сословій, на бѣду все же болѣе образованныхъ, чѣмъ таковыя же въ тогдашней Россіи, а главное съ громаднымъ вліяніемъ въ краѣ. Относясь прямо и трезво къ предстоящей ему миссіи въ Польшѣ теоретическимъ образомъ, русское правительство екатерининскаго времени на практикѣ, при столкновеніи съ дѣйствительностью, должно было дѣлать многія неизбѣжныя уступки. Такъ, вступивъ въ Литву при самомъ открытіи послѣдняго возстанія, въ маѣ 1794 г., русскіе военачальники, хотя и называютъ въ своихъ прокламаціяхъ возставшихъ конституціонистовъ мятежниками и провозглашаютъ покровительство крестьянамъ, но на дѣлѣ этимъ же мятежникамъ больше довѣряютъ, чѣмъ крестьянамъ“²⁾. „Понимая необходимость нравственной и матеріальной поддержки крестьянскаго, преимущественно единовѣрнаго съ нами, населенія и затрудненія къ этому, соединеннаго съ экономическимъ и государственнымъ строемъ тогдашней Россіи, князь Рѣпинъ и его современники, съ одной стороны, не могли романтически относиться къ этому населенію, которое отлично знали: люди екатерининскаго вѣка, какъ

¹⁾ Ibid., 118.

²⁾ Ibid., 55.

извѣстно, отличались замѣчательно реальнымъ взглядомъ на вещи, на многое смотрѣли они односторонне, государственная точка зрѣнія дѣйствительно многое отъ нихъ скрывала, напримѣръ, народность; но, съ другой стороны, они не страдали романтическимъ отношеніемъ къ этой послѣдней, не пламенѣли къ ней платонической любовью, быть можетъ, инстинктивно понимая, что платоническая любовь не помогаетъ социальнымъ недугамъ. Племенная пестрота крестьянскаго населенія въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, амальгамировалась католицизмомъ, униєю, вліяніемъ польской гражданственности, отрицать которое даже и на нихъ не возможно. Чуждое польскому, литовское племя стягивалось съ нимъ крѣпкими узами католицизма, котораго литовцы всегда были самыми восторженными послѣдователями; бѣлоруссы, даже православные, не говоря уже о католикахъ и униатахъ, близки къ полякамъ фізіологически—по племенному родству и нарѣчіямъ. Вся эта амальгама оказалась, конечно, хрупкою, но она была, и при лучшемъ государственномъ строѣ слабо связанная части непременно могли бы сродиться въ одинъ крѣпкій организмъ; но ожесточенной вражды между этими частями современники Рѣпина, не оставаясь мечтателями, не могли замѣтить: разложеніе политическаго организма не есть еще вражда, невозможность сродства, сліянія составляющихъ его элементовъ; это значитъ только хрупкость связи, спаивающей составныя части; вражды не было и потому еще, что сельское населеніе было истощено и обезсилено до послѣдней возможности, то-есть, было безъ средствъ, нужныхъ для борьбы¹⁾. „Народъ до такой степени сдѣлался неспособенъ къ малѣйшей инициативѣ, что призывъ Костюшки и его агентовъ, разсыпанныхъ въ Литвѣ, къ освобожденію не произвелъ на него особеннаго вліянія: сегодня онъ шелъ, вооруженный вилами и топорами, въ одну банду, завтра точно такъ же апатично и не торопясь собирался въ другую, принадлежавшую враждебной конфедерации; послѣ завтра исполнялъ точно также приказаніе русскихъ войскъ, посланныхъ для разогнанія конфедератовъ. Трудно было придумать школу болѣе гибельную для воспитанія народныхъ массъ, чѣмъ та, которую представляла польская республика: масса также политически развращалась, на нее никому нельзя было опереться, какъ на каменную гору. Повторяемъ, это очень хорошо понималъ Рѣпинъ

¹⁾ Ibid., 57—58. Отмѣчаю въ этомъ мѣстѣ указаніе на силу колонизаціи въ сѣверо-западномъ краѣ.

и всѣ его современники, менѣ насъ пропитанные всякими теоріями; въ литовскихъ крестьянахъ они не могли видѣть людей, готовыхъ братски и восторженно броситься въ ихъ объятія, они не могли не понимать, что это братское чувство (даже въ бѣлоруссѣ) совершенно имъ чуждо, что самые раскольники, чистокровные великоруссы, сжились съ краемъ и сошлись съ людьми другихъ племенъ и вѣрованій,—по меньшей мѣрѣ до ослабленія къ намъ братскаго чувства. Люди прошлаго вѣка, воспитанные въ идеѣ строгой государственности, не могли не примѣтить такого крупнаго факта, какъ существованіе въ литовскомъ краѣ государственности польской, культуры польской, и считали ребячествомъ отрицать ихъ, понимая въ то же самое время очень хорошо, что москаль и ляхъ были не одни бранныя слова, не пустые звуки, а живые типы двухъ гражданственностей, и что большую часть всего ляхскаго и московскаго можно приложить не къ однимъ чистокровнымъ полякамъ и великоруссамъ¹⁾. „Не вдаваясь въ туманную область политическихъ и социальныхъ иллюзій, русское правительство въ Литвѣ не могло не видѣть непреодолимыхъ затрудненій въ дѣлѣ реорганизаціи края, представлявшихся ему на каждомъ шагу,—въ городѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ; они ни мало не уменьшились бы даже и тогда, еслибы завоеванный край былъ заселенъ, хотя на половину, русскимъ людомъ; не много уменьшились бы, еслибы населеніе его было почти поголовно русское, такъ какъ не народныя стихіи владутъ характеристическій отпечатокъ на страну, а учрежденія, при которыхъ она развива ется“²⁾

Одна изъ заслугъ де-Пуле та, что онъ изслѣдовалъ состояніе края, — правда, наименѣ русскаго изъ присоединенныхъ отъ Польши, — который достался Россіи по третьему раздѣлу. Русскіе историки привыкли смотрѣть на русскія области, отошедшія отъ Рѣчи Посполитой, какъ на нѣчто однородное, хотя Малороссія не походила на Бѣлоруссію, а послѣдняя на Литву, — обстоятельство, которое необходимо принимать въ расчетъ, говоря о тяготѣніи этихъ земель къ Россіи или о невозможности болѣе тѣснаго сліянія ихъ съ Польшею: тутъ были разныя степени. Поэтому и задача русскаго правительства была, дѣйствительно, не столь легкая и простая, какою можетъ казаться, если не принимать въ расчетъ мѣстныхъ условій, если представлять себѣ дѣло такъ, что поль-

¹⁾ Ibid., 59.

²⁾ Ibid., 120.

щизна была лишь вѣншимъ налетомъ на русской жизни, которая притомъ здѣсь имѣла тотъ же, яко бы, характеръ, какъ и въ присоединявшемъ эти земли государствѣ. Съ этой точки зрѣнія, по отношенію къ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностямъ, вопросъ рѣшался непреодолимымъ тяготѣніемъ народонаселенія въ ту или другую сторону, а вѣншею силою. Конечно, и отношенія обоихъ государствъ къ крестьянскому вопросу, будь оно совершенно различное, играло бы роль рѣшающаго фактора, но дѣло въ томъ, что и Россія не дала крестьянамъ того, чего не давала имъ и Польша. Интересно мѣсто въ книгѣ де-Пуле, гдѣ рѣчь идетъ о переходѣ прежнихъ старостинскихъ мѣстечекъ въ Литвѣ въ русскую казну. „Вслѣдствіе такого распоряженія“, говоритъ авторъ, — „а также секвестра имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые не присягнули на подданство, въ рукахъ правительства очутилось множество имѣній, образовавшихъ въ эту пору особую ихъ категорію, таже навываемыхъ казенныхъ. Этими имѣніямъ судьба, казалось, сулила лучшую будущность; но, увы! и здѣсь слѣдовала по нашимъ пятамъ роковая ошибка. Несомнѣнно одно, что случись паденіе Польши ранѣе, до 1789 года, когда взглядъ императрицы на крѣпостное состояніе былъ иной, эти казенныя имѣнія были бы поставлены въ положеніе, занимаемое русскими государственными крестьянами; но теперь, передъ страхами якобинизма, русское помѣстное право стало казаться лучшимъ и надежнѣйшимъ оплотомъ въ интересѣ государственнаго устройства и благочинія; отсюда начинается раздача крѣпостныхъ душъ самою щедрою рукою, принявшая при Павлѣ, какъ извѣстно, пламенномъ поборникѣ стараго русскаго консерватизма, чудовищные размѣры, когда, по свидѣтельству современниковъ, въ Литвѣ и Вѣлоруссіи уже нечего было больше дарить“... „Интересна, и поучительна“, прибавляетъ онъ однако, — „борьба этихъ двухъ экономическихъ несостоятельности, русской и польской, шедшая тогда на нашемъ западѣ, въ виду обновлявшейся Европы, провозглашавшей инныя экономическія понятія, инныя воззрѣнія на народъ и государство Поляки и здѣсь, сравнительно съ нами проигрывали, если не въ глазахъ Европы, которая видѣла только казовый конецъ ихъ конституціи 3-го мая 1791 г. и революцію Костюшки 1793—1794 гг., то въ глазахъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые не замѣтили паденія Польши и все же свободнѣе вздохнули подъ русскимъ владычествомъ, даже подъ игомъ русскаго крѣпостнаго права“¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 131—132.

Такъ смотритъ де-Пуле на крестьянскій вопросъ, оправдывая до известной степени политику Екатерины (и специально Рѣпина отъ Костомарова). Онъ оправдываетъ эту политику и отъ другаго упрека, именно въ томъ, что въ западномъ краѣ были возстановлены иезуитскія учрежденія. „Возстановитъ учебныя заведенія въ то время, конечно, значило—пустить ихъ въ ходъ съ тѣмъ же механизмомъ, при томъ же педагогическомъ и учебномъ персоналѣ (то-есть, совершенно польскомъ), иначе ничего не могло быть. Въ краѣ, гдѣ не одно уже столѣтіе существовало образованіе (закалъ его—вещь второстепенная), гдѣ дѣйствовали столь же долго польская и литература, и наука (характеръ ихъ—статья особая),—была бы химерою попытка одолѣть ихъ сразу средствами русской культуры, науки и литературы, едва нарождавшихся: кромѣ административнаго надзора, ничего иного не оставалось дѣлать на этомъ поприщѣ, ибо нельзя же было цѣликомъ ввести въ край нашу тогдашнюю систему народныхъ училищъ, едва десять лѣтъ просуществовавшую у самихъ. Вообще, независимо отъ всякаго рода затрудненій, спѣшить съ педагогическимъ и просвѣтительнымъ дѣломъ, при нашемъ слабосиліи, не было возможности; могли быть расчеты и на космополитизмъ иезуитовъ, успѣшно дѣйствовавшихъ въ Бѣлоруссіи“¹⁾).

Послѣ всего сказаннаго о книгѣ де-Пуле и приведенныхъ изъ нея выдержекъ можно сдѣлать о ней такое общее заключеніе. На ея содержаніи несомнѣннымъ образомъ отразилась эпоха, въ которую она писалась, но общія идеи книги идутъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда тономъ публицистики. Тенденціей послѣдней было сглаживать различія между отдѣльными частями русской народности и доводить до рѣзкой противоположности все русское и польское, тогда какъ де-Пуле, на оборотъ, старается найти несходства въ первомъ случаѣ и сходства во второмъ: въ послѣднемъ отношеніи онъ указываетъ на „замѣчательно-аналогическія черты быта“, объясняя ими многое въ тогдашней исторіи: „враждующіе соперники“, говоритъ онъ,—„имѣли общіе экономическіе интересы; крѣпостное право роднило ихъ больше, чѣмъ славянская кровь“²⁾). Поэтому де-Пуле далекъ и отъ того взгляда, навѣяннаго борьбою въ 1863 г. между Россіей, освободившею у себя крестьянъ, и польскою шляхтою, будто и вѣковой споръ Россіи съ Польшею, приведшій къ паденію послѣдней,

¹⁾ Ibid., 165.

²⁾ Ibid., 55.

сводится къ борьбѣ демократическаго славянства („мужицкаго царства“) съ славянствомъ аристократическимъ („шляхетскою республикой“), — мнѣніе, доселѣ повторяющееся въ нашей печати ¹⁾. Въ XVIII вѣкѣ борьба шла между двумя государствами, и въ этой борьбѣ вопросъ религіозный былъ для одного изъ нихъ только предложеномъ, вопросъ національный игнорировался, а социальный и не подымался, хотя всѣ эти вопросы существовали и ждали своего рѣшенія отъ времени болѣе свободныхъ отъ исключительно политической точки зрѣнія. Последняя въ XVIII вѣкѣ заслоняла все, и только русскіе писатели открыли, что она не была всѣмъ.

Обозрѣвъ русскія историческія сочиненія, посвященныя эпохѣ паденія Польши, мы можемъ остановиться еще на одномъ трудѣ, въ которомъ разсматриваются причины разложенія Рѣчи Посполитой, хотя содержаніе этого труда— „Два года послѣ Ягеллоновъ“ (то-есть, 1572—1574), какъ озаглавлена главная часть книги; это—сочиненіе г. Уманца подъ заглавіемъ „Вырожденіе Польши“, вышедшее въ свѣтъ въ 1872 г. ²⁾. Книга эта состоитъ изъ двухъ частей—изъ большой вступительной статьи, озаглавленной: „По поводу русско-польскаго вопроса“, и исторіи перваго безкоролья въ Польшѣ по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Для нашего обзора представляютъ интересъ—во вступленіи отдѣлъ подъ заглавіемъ „Россія и Польша“ ³⁾, а въ самомъ текстѣ глава V, названная „Причины вырожденія Польши“ ⁴⁾. Мы приведемъ главныя мысли изъ обоихъ отдѣловъ книги.

Въ первомъ изъ нихъ авторъ разсматриваетъ прежде всего ошибки русской политики въ земляхъ, присоединенныхъ отъ Польши. „Но“, продолжаетъ онъ, — „самую большую изъ нашихъ ошибокъ составляетъ раздѣлъ Польши. Это не значитъ, чтобы уничтоженіе Польши было само по себѣ ошибкой. Ошибка заключается именно въ томъ, что это уничтоженіе совершилось путемъ раздѣла между тремя державами, а не присоединеніемъ одного государства къ другому. Соединеніе всей Польши съ Россіей было давно предначертано въ умахъ русскихъ и поляковъ XVI и XVII вѣка. Поэтому

¹⁾ См. особенно статью г. Южакова: Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX вѣка. (*Русская Мысль*. 1885. IV).

²⁾ *Г. М. Уманецъ*. Вырожденіе Польши. С.-Пб. 1872. Продолженіемъ этой работъ служить статья того же автора „Русско-Литовская партія въ Польшѣ 1574—1576 гг.“ (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1875 г.).

³⁾ Стр. XXIV—LXII.

⁴⁾ *Ibid.*, 97—190.

ошибка русскихъ политиковъ XVIII вѣка заключается не въ томъ, что мы завладѣли Польшею (это событіе должно было совершиться раньше или позже; лучшіе люди обоихъ народовъ давно къ нему стремились), но въ томъ, что мы завладѣли только частью ягеллонскаго наслѣдства, а не цѣлою Польшею. Съ Польшею по Карпаты, Богемію и Данцигъ намъ было бы легче сойтись, чѣмъ съ ея частью. Въ первомъ случаѣ нервы національности и прежняго историческаго развитія чувствовали на себѣ несравненно менѣе раздражающаго прикосновенія непривычной руки, чѣмъ во второмъ. Невыносимое польскаго раздѣла заключается именно въ этомъ раздѣлѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если послѣ неискусной операціи польское племя заболѣло тяжкою нервною болѣзнью. Для каждаго народа, какъ бы онъ ни былъ изувѣченъ своими политическими грѣхами, идея раздѣла имѣетъ чрезвычайно много антипатичнаго. Можетъ быть, это усиливающееся страданіе не болѣе какъ оптической обманъ, не что иное какъ плачь ребенка надъ сломанной игрушкой, но оно—въ природѣ чловѣка. Ветхозавѣтные пророки не могли придумать болѣе тяжкаго наказанія за народный грѣхъ, какъ раздѣленіе государственной единицы. Положеніе Малороссіи послѣ Андрусовскаго мира, на самомъ дѣлѣ, не было хуже, чѣмъ во время казацкихъ войнъ, но она была раздѣлена и потому болѣе жаловалась на свою судьбу. Поэтому надо было или брать Польшу всю, до послѣдняго сажня славянской земли, или, до поры до времени, управлять ею чрезъ Понятовскаго и Рѣпнина. Если первое было пока не возможно безъ европейской войны, то, во второмъ случаѣ, могли повести дѣло какъ хотѣли. Ничто не заставляло насъ идти на раздѣлъ. Наши права на Польшу были основаны на единоплеменности, на старинѣ, на преданіяхъ литовско-русской шляхты. За насъ были и польскіе историки, и голосъ нашихъ лѣтописцевъ. Что имѣли мы общаго съ домогательствами Пруссіи и Австріи? У насъ было историческое право, тамъ опирались на житейскую истину—„не клади плохо“... Но мы не хотѣли дѣйствовать наступательно и не умѣли сохранить ту выжидательную политику, которая привела нѣкогда, на переکورъ нехотѣнню Хмѣльницкаго, измѣнѣ Выговскаго и неспособности великорусскихъ вельможъ, всю Малороссію подъ скипетръ царя Алексѣя Михайловича. Политика императрицы Екатерины шла совершенно вѣрною славянскою стезей до самаго 1772 года. Назначая Понятовскаго Польскимъ королемъ, а Рѣпнина русскимъ уполномоченнымъ, императрица является продолжательницей еще до-петровской поли-

тики, то-есть, стремится къ соединенію всей Польши съ Россіей. Но трудно понять, почему правительство Екатерины вдруг отбросило старый славянскій идеалъ, одинаково дорогой обоимъ народамъ, и ограничилось жалкимъ обрѣзкомъ тамъ, гдѣ надо было брать все. Непостижимо, почему оно отдало въ чужой родъ тотъ самый скипетръ, котораго добивался Іоаннъ, который почти держалъ царь Алексѣй Михайловичъ; остается навсегда непонятнымъ, почему мы отвергли идею, которую лелѣяли совѣтники царя Ѳедора, нѣсколько поколѣній литовско-русской шляхты и гениальный Жолкѣвскій. Видно только, что Лобковичъ и принцъ Генрихъ застаютъ Екатерину неприготовленной къ новой политикѣ, ограничивающей насъ частью вмѣсто цѣлаго. Императрица долго колебалась. При рѣшительности ея характера, эта нерѣшительность всего вѣрнѣй указываетъ на то, что въ раздѣлѣ не было никакой надобности, и что въ душѣ она ему не сочувствовала¹⁾.

Послѣ этого авторъ разсматриваетъ ошибки польской народности въ этомъ дѣлѣ. Онъ находитъ вообще, что между Польшей и концомъ XVIII вѣка существовалъ неизмѣримый духовный разладъ²⁾. Въ то время, резюмируетъ онъ свою мысль, когда Европа развивала республиканскія идеи, Польша дѣлаетъ попытку уничтожить республиканскія формы; когда философія XVIII вѣка признаетъ чело-вѣческую равноправность, она удерживаетъ рабство; когда Вольтеръ громитъ католицизмъ, она одна потворствуетъ фанатизму своихъ ксендзовъ!³⁾ Съ этой точки зрѣнія, довольно-таки априорной, г. Уманецъ и высказываетъ осужденіе польской политики. Конецъ этого отдѣла посвященъ доказательству того, что вся польская политика по отношенію къ русскому народу и государству была ошибочна, но здѣсь нѣтъ ничего, чего бы не говорили другіе русскіе писатели разныхъ оттѣнковъ на эту тему.

Гораздо обстоятельнѣе трактуетъ г. Уманецъ о „причинахъ возрожденія Польши“, въ главѣ, носящей такое названіе. „Исторія Польши“—такъ начинается онъ эту главу—„имѣетъ то печальное преимущество предъ исторіей другихъ народовъ, что пружины, низвергшія польскую республику, съ рѣдкою ясностью выступаютъ наружу. Механическій составъ того политическаго орудія, которое рас-

¹⁾ Ibid., XLVIII—L.

²⁾ Ibid., LI.

³⁾ Ibid., LIV.

штало древній государственній строй и испортило древній народный характер, съ рѣдкою ясностью представляется глазамъ потомства. Пружинами паденія служатъ католицизмъ и шляхетская демократія. Обѣ онѣ одновременно начинаютъ дѣйствовать въ первое безкоролье по прекращеніи Ягеллонской династіи. Это не значитъ, чтобы элементы упадка не существовали до этой эпохи и потомъ, мгновенно, выросли и начали свое разрушительное дѣйствіе. Мы хотимъ только сказать, что пока держались Ягеллоны, титаническая сила шляхетства и католицизма сдерживалась ихъ нравственнымъ обяніемъ. Смерть послѣдняго Ягеллона развязала имъ руки и они тотчасъ воспользовались свободой¹⁾. Вся глава представляетъ собою анализъ направленія, даннаго двумъ жизненнымъ вопросамъ польской исторіи (католическому и шляхетскому) въ первое безкоролье. Мы не станемъ слѣдить за авторомъ въ его изложеніи событій 1572—1574 гг., дѣйствительно, рѣшавшихъ судьбу Польши, такъ какъ это была эпоха первой побѣды католической реакціи въ Польшѣ²⁾ и превращенія польскаго государства въ настоящую шляхетскую республику³⁾. Отмѣтимъ только указаніе на „тотъ путь, по которому Ягеллонская шляхта превратилась въ шляхту времени паденія. Привилегіи деспотическаго положенія и поголовная подача голо-совъ“, говоритъ авторъ,—„создали изъ древняго военнаго сословія республики шляхетскую демократію, *gminowładstwo szlacheckie*, не имѣвшую ничего общаго ни съ настоящею демократіей, ни съ настоящею аристократіей, кромѣ недостатковъ, присущихъ каждой изъ этихъ формъ. Польская шляхта была похожа на демократію по своей способности увлекаться, недостатку опредѣленнаго плана и шаткости мнѣній. Въ то же время она была похожа на аристократію, по своему чрезмѣрному уваженію расы, презрѣнію къ личнымъ заслугамъ, къ народу, труду, къ инстинктамъ и желаніямъ массъ. Въ одно и то же время это была безформенная глыба, на которую болѣе или менѣе похожа всякая демократія и такая же эгоистическая, строго охраняющая свои привилегіи корпорація, какъ и всякая аристократія?“⁴⁾. Находя, что для Польши было весьма вредно распространеніе поли-

¹⁾ Ibid., 97.

²⁾ Ср. нашъ Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886.

³⁾ См. нашъ Историческій очеркъ польскаго сейма. М. 1888, стр. 44 sq., 66 sq.

⁴⁾ *Уманецъ*, 168—169.

тических правъ на всю польскую шляхту, г. Уманецъ продолжаетъ: „спѣшимъ прибавить, что вредъ былъ бы не такъ великъ, еслибы эти права были распространены на всю массу народа. Здравый смыслъ гораздо лучше сохраняется въ массѣ народа, чѣмъ въ ея аристократическихъ представителяхъ, потому что народъ, какъ общая сумма населенія, вмѣщая въ себѣ самые противоположные элементы, инстинктивно не допускаетъ односторонности и тормозитъ увлеченія. Большинство его состоитъ изъ людей занятыхъ, трудолюбивыхъ, поставленныхъ въ безпрестанныя столкновения съ практической жизнью. Оно, можетъ быть, не пойметъ высшихъ государственныхъ интересовъ, но оно пойметъ общежитейскіе интересы. Шляхта не поняла ни того, ни другаго. Составленная изъ людей праздныхъ и возведенныхъ въ законъ, для которыхъ родовой говоръ выше всѣхъ экономическихъ расчетовъ, масса шляхты, гораздо хуже массы народа была способна распорядиться и дѣйствительно хуже распорядилась своими политическими правами“¹⁾). Авторъ отмѣчаетъ еще инертность польской простонародной массы. „Въ польской исторіи“, говоритъ онъ,—„нѣтъ событій и лицъ, равныхъ нашему Минину, раскольникамъ, Ермаку, казачеству и земскимъ ополченіямъ смутнаго времени. Въ Польшѣ не было и нѣтъ великихъ „худородныхъ“ людей, которыми сильна и богата Россія. Польскій „народъ“ совершенно не виденъ въ польской исторіи. Памятники почти не говорятъ о немъ. Историческія событія—еще менѣе. Напрасно нѣкоторые польскіе историки, напримѣръ, Короновичъ, примѣняютъ это имя къ шляхетской демократіи. Суррогатъ выбранъ неудачно. Польская шляхта и польскій народъ высказываютъ совершенно различный политическій темпераментъ. Контрастъ между шляхтой и польскимъ простонародьемъ выдается тѣмъ рѣзче, что шляхта полна жизни, энергіи и политическихъ стремленій, въ то время, когда польскій народъ безмолвно проходитъ по исторической сценѣ. Вездѣ, гдѣ въ польской исторіи замѣтно вліяніе простонародья, простонародье это составляетъ обломокъ общерусскаго племени. Свое племенное народное демократическое начало онъ тщетно старается навязать чуждой этому началу шляхетской исторіи, и не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, навсегда отрывается отъ польскаго государства. Откуда же эта печальная черта польской исторіи? Откуда эта вѣковая апатія польскаго простонародья на ряду съ шумной политической дѣятельностью поль-

¹⁾ Ibid., 176.

ской шляхты? Развѣ не славянская кровь течетъ въ его жилахъ? Фактъ слишкомъ знаменателенъ, чтобы только упомянуть о немъ“ ¹⁾). Отвѣтъ на этотъ вопросъ у автора—ссылка на разноплеменность шляхты и народа въ Польшѣ, гипотеза весьма сомнительная ²⁾).

„Политическій темпераментъ польскаго простонародья“, говоритъ г. Уманецъ,—„объясняется различіемъ его происхожденія отъ шляхты. Норманскій витязь, задавившій въ доисторическую эпоху славянина-поляка, внушилъ потомкамъ послѣдняго чувство чрезмѣрной покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ отнялъ у польской конституціи весь творческій элементъ, представляемый инстинктами, стремленіями и характеромъ простонародныхъ массъ“ ³⁾). Понимая иначе причину рѣзкаго раздѣленія польскаго общества на два класса, мы согласимся съ авторомъ относительно результата: „польскій пегзадъ созданъ именно благодаря политическому и нравственному ничтожеству польскаго простонародья“ ⁴⁾).

Не смотря на то, что русская публицистика и исторіографія вообще такимъ рѣшительнымъ образомъ ввели въ исторію паденія Польши разсмотрѣніе особаго русско-польскаго вопроса, остававшагося совершенно неизвѣстнымъ западнымъ историкамъ, и въ настоящее время возможно такое изображеніе польскихъ дѣлъ конца XVIII вѣка, въ коемъ не дается мѣста сторонѣ дѣла, наиболѣе занимавшей русскихъ писателей. Говоря это, я имѣю въ виду популярную исторію Екатерины II профессора дерптскаго университета А. Г. Брикнера, вышедшую и по нѣмецки (въ извѣстномъ изданіи Оукена), и по русски ⁵⁾), хотя автору была доступна русская литература по этому предмету. Почтеннаго профессора можно упрекнуть въ томъ, что онъ не внесъ въ свое сочиненіе, предназначенное и для нѣмцевъ, то, что въ русскомъ взглядѣ имѣетъ строго научную сторону, но въ свое оправданіе онъ могъ бы сказать, что въ краткомъ обзорѣ польскихъ раздѣловъ онъ долженъ былъ остановиться на главномъ, а таковымъ въ глазахъ современниковъ было какъ разъ не то, что такъ занимаетъ теперешнихъ русскихъ историковъ.

„Существуютъ“, говоритъ проф. Брикнеръ,—„различныя мнѣнія от-

¹⁾ Ibid., 180—181.

²⁾ Ibid., 183 ед.

³⁾ Ibid., 183.

⁴⁾ Ibid., 190.

⁵⁾ А. Брикнеръ. Исторія Екатерины II. С.-Пб. 1885.

носителю польскихъ раздѣловъ“¹⁾. Изложивъ вкратцѣ эти мнѣнія, онъ замѣчаетъ, что „нельзя обсуждать политическія событія, разсматриваемыя какъ результатъ историческаго развитія нѣсколькихъ столѣтій, съ точки зрѣнія частной нравственности“; что „въ исторіи раздѣловъ Польши нельзя ограничиться разборомъ дѣйствій державъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ“, что „нужно принять въ соображеніе и самое состояніе Польши во время катастрофы, средневѣковныя учрежденія этого государства, политическій застой, невозможность обновленія, прогресса, которымъ противодействовали не только иностранныя державы, но и самое польское общество“¹⁾.

Далѣе приводятся соображенія о католической политикѣ Польши, прецеденты относительно раздѣловъ государствъ и т. п., но ничего не говорится о вопросѣ національномъ. Самое возбужденіе диссидентскаго вопроса вытекало изъ желанія Екатерины знать, „какія политическія выгоды можетъ представить для Россіи защищеніе православныхъ въ Польшѣ“²⁾. Въ самомъ раннемъ проектѣ раздѣла Польши выдвигался на первый планъ вопросъ о „лучшемъ округленіи и безопасности границъ между Днѣпромъ и Двиной“³⁾.

И въ политикѣ Екатерины относительно Польши проф. Брикнеръ главное вниманіе обращаетъ на все, кромѣ собранія Русской земли. „Значеніе Россіи“, говоритъ онъ, — „въ Европѣ обуславливалось въ значительной степени преобладаніемъ русскаго вліянія въ Польшѣ. Для Екатерины же успѣхи въ области вѣшной политики могли считаться удобнѣйшимъ средствомъ для упроченія за нею престола. Защищая права и интересы православныхъ въ Польшѣ, она могла пріобрѣсти нѣкоторую популярность въ Россіи. Вмѣшиваясь въ польскія дѣла, Екатерина въ глазахъ свѣта, играла роль представительницы религіозной терпимости въ борьбѣ противъ фанатизма католической церкви“⁴⁾. Рассказывая о первомъ раздѣлѣ, авторъ говоритъ: „Россія пріобрѣла именно тѣ области, на которыя указывалъ Чернышевъ, за нѣсколько лѣтъ до раздѣла, то-есть, бѣлорусскія области на Двинѣ и Днѣпрѣ, въ размѣрѣ 1775 квадратныхъ миль съ 1, 800, 000 жителей“. „Настаивая“, читаемъ мы нѣсколько ниже, — „на удержаніи Польши въ прежнемъ состояніи, заступаясь за

¹⁾ Ibid., III, 293.

²⁾ Ibid., III, 302.

³⁾ Ibid., III, 302.

⁴⁾ Ibid., III, 306.

польскихъ диссидентовъ, стремясь къ превращенію Польши въ зависимое отъ Россіи государство, Екатерина достигла весьма важнаго результата. Прежняя мысль императрицы о превращеніи всей Польши, такъ сказать, въ провинцію Россіи оказалась неудобоосуществимою. Склонность Пруссіи къ охраненію мира, нерасположеніе Австріи заставили Екатерину уступить нѣкоторую долю добычи обѣимъ этимъ державамъ. Въ сущности завоевательная политика Россіи повела къ раздѣлу Польши. Успѣхи русскихъ дипломатовъ и полководцевъ въ Польшѣ, побѣды русскаго оружія при Чесмѣ, Ларгѣ и Кагулѣ сдѣлались источникомъ несчастія, постигшаго Рѣчь Посполитую¹⁾.

По поводу перваго раздѣла авторъ замѣчаетъ еще слѣдующее: „Для Екатерины приобрѣтеніе Бѣлоруссіи имѣло весьма важное значеніе. Столѣтіемъ раньше, при подобныхъ условіяхъ, благодаря тѣсной связи между религіозными и политическими интересами, была присоединена къ Московскому государству Малороссія. Заступничество за единовѣрцевъ въ Польшѣ придавало дѣйствіямъ Екатерины значеніе національнаго подвига. Не столько въ то время, сколько впоследствии, была рѣзко осуждаема насильственность образа дѣйствій Россіи. Отвѣтственность за раздѣлъ Польши лежитъ на Екатеринѣ и на Фридрихѣ II. Соглашеніе по этому дѣлу представляло собою апогей прусско-русскаго союза“²⁾.

Въ краткой исторіи двухъ послѣднихъ раздѣловъ авторъ „Исторіи Екатерины Второй“ только въ одномъ мѣстѣ отмѣчаетъ значеніе новыхъ прибрѣтеній съ точки зрѣнія собиранія Руси. „Екатерина“, говоритъ онъ,— „спеціально занималась изученіемъ исторіи Россіи. Теперь же она въ подробной запискѣ старалась доказать, что присоединенныя къ Россіи части Польши принадлежали когда-то Россіи, и что поэтому, не взявъ ни пяди чужой земли, она не имѣла повода къ принятію титула польской королевы“. Тутъ же приведемъ слова проф. Брикнера, иллюстрирующія его взгляды. „Въ 1814 г., извѣстный государственный дѣятель, Поццо ди Борго, замѣтилъ, что главнымъ с одержавіемъ новой исторіи Россіи должно считать уничтоженіе Польши; достиженіе этой цѣли, говорилъ онъ далѣе, было необходимо для сближенія Россіи съ западною Европою для усиленія ея вліянія для удовлетворенія ея честолюбія и пр.“³⁾.

¹⁾ Ibid., III, 360.

²⁾ Ibid., III, 352.

³⁾ Ibid., III, 514. Проф. Брикнеръ возвращается къ предмету въ сочиненіи „Die Europäisierung Russlands“ (Gotha. 1888). Здѣсь онъ рассказываетъ исторію соби-

Насъ не удовлетворяетъ такое представленіе дѣла, но именно потому, что мы въ польскихъ раздѣлахъ видимъ нѣчто большее, чѣмъ видѣли въ нихъ современники, какъ участники, такъ и простые зрители: русскіе писатели освѣтили вопросъ о паденіи Польши съ точки зрѣнія всей исторіи двухъ главныхъ славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до послѣднихъ дней, а не съ точки зрѣнія одной международной политики XVIII вѣка. Сдѣлали мы кое-что и для лучшаго уразумѣнія послѣдней, хотя нѣмцы по этому вопросу издали гораздо больше. Что касается до внутреннихъ причинъ паденія Польши, то разумѣется, пальму первенства въ ихъ изслѣдованіи мы должны уступить самимъ полякамъ, которые, какъ мы видѣли, занимаются вопросомъ уже болѣе ста лѣтъ. Теперь мы и перейдемъ къ новѣйшимъ польскимъ трудамъ о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой.

ранія Руси и по отношенію къ великому князеству Литовскому, „западнорусскому государству“ (стр. 10 вѣд.), указывая на то, что этому содѣйствовало племенное родство разныхъ частей русской народности (стр. 15), такъ что въ данномъ случаѣ возвращалось Россіи только то, что ей принадлежало раньше (стр. 16). Однако, страннымъ образомъ онъ не распространяетъ это на приобращенія Екатерины II, говоря: *dabei kamen nun acht polnische, specifisch catholische Gebiete in die Hände Russlands* (стр. 18).

ГЛАВА VII.

Новѣйшіе польскіе историческіе труды объ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой.

Возвращаемся къ польской исторіографіи, разсмотрѣніе которой мы довели до начала текущаго десятилѣтія: въ 1880 году „последнимъ словомъ“ польской исторической науки были книги профессоровъ краковскаго университета Бобржинскаго и Шуйскаго. Послѣ этихъ компендіевъ по исторіи Польши вышли въ свѣтъ два капитальные труда, прямо относящіеся къ занимающей насъ эпохѣ, именно „Четырехлѣтній сеймъ“ кс. Валерьяна Калинки и „Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава-Августа“ г. Фаддея Корзона. Разсмотрѣніе этихъ двухъ сочиненій, равно какъ еще двухъ другихъ, спеціально посвященныхъ эпохѣ, я выдѣляю въ особую главу, во первыхъ, потому, что въ главѣ, въ которой шла рѣчь о польской исторіографіи XIX вѣка, разсматривались главнымъ образомъ общія построенія польской исторіи, а во вторыхъ, потому, что обзору новѣйшихъ польскихъ историческихъ трудовъ по эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой мы нашли нужнымъ предпослать болѣе или менѣе подробный очеркъ того, что сдѣлано было по тому же вопросу иностранными и русскими учеными. Одна изъ особенностей современныхъ польскихъ историковъ въ сравненіи съ прежними заключается въ томъ, что они уже менѣе игнорируютъ историческіе труды, написанные не по польски, а это, понятное дѣло, не могло не отразиться выгоднымъ образомъ на новѣйшихъ польскихъ историческихъ работахъ: новые методы, новыя данныя, новые взгляды, съ какими современные поль-

скіе историки, безъ различія школъ, знакомились у чужихъ писателей, должны были расширить умственный кругозоръ этихъ историковъ и ввести въ ихъ изслѣдованія болѣе научнаго духа. Прежніе историки, описывая послѣднія времена Рѣчи Посполитой, были прежде всего патриотами, у которыхъ на первомъ планѣ—чувство, настроеніе, тогда какъ теперешніе прежде всего хотятъ быть настоящими учеными, стремящимися къ объективной истинѣ. Объ этомъ говорятъ и сами историки; это отмѣчаютъ и ихъ критики.

„Вѣроятно“, говоритъ, напримѣръ, профессоръ Павинскій въ своей рецензіи сочиненія г. Корзона о внутреннемъ состояніи Польши въ царствованіе Станислава-Августа,—„вѣроятно, не такъ скоро у насъ выступитъ на арену историкъ, который отважился бы добиваться пальмовой вѣтви за цѣльный образъ Польши въ послѣднихъ годахъ ея политическаго существованія. Не предвосхищая, однако, суда надъ будущностью попытокъ въ этомъ направленіи, приходится только отмѣтить, какъ явленіе, не лишенное высшаго значенія, то, что за подобное дѣло теперь начинаютъ браться, что въ первый разъ рѣшились приступить къ серьезному и научному разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ. Труднѣе всего начало. Но разъ вопросъ выступитъ на поле публичнаго обсужденія, постепенно будутъ являться все новыя и новыя попытки разрѣшенія этой историко-философской задачи. Одно поколѣніе за другимъ будетъ постоянно возвращаться къ этому вопросу и все глубже и глубже проникать своимъ взоромъ въ тайники тѣхъ судебъ, которыя приготовили государству политическую кончину, все яснѣе и яснѣе понимать долговременный процессъ разложенія и слабую завязь возрожденія“¹⁾. „Хотя и печальна“, говоритъ тотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи,—„хотя и горька исторія паденія, ничто не должно удерживать нашихъ историковъ, оживленныхъ духомъ своего великаго призванія, отъ исканія и глашенія истины“²⁾. Между тѣмъ это исканіе истины относительно паденія Польши затрудняется для польскихъ историковъ весьма многими причинами. „Ни одинъ періодъ нашего историческаго прошлаго“, говоритъ анонимный рецензентъ второй половины II тома „Четырехлѣтняго сейма“ кс. Калинки,—

¹⁾ *A. Pawiński. Z piśmienictwa historycznego (Dział literacki Kraju. 1885. № 44, стр. 25).*

²⁾ *Ibid., № 47, стр. 26.*

„не былъ предметомъ столь разныхъ и между собою противорѣчивыхъ сужденій и такого количества пристрастныхъ обработокъ, какъ исторія Польши при Станиславѣ - Августѣ. Выходили изъ границъ въ обоихъ направленіяхъ, какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ. Одни событія и лица превозносились до незаслуженной высоты, другія принижались безъ добросовѣстнаго изслѣдованія и безъ спокойствія, необходимаго каждому судѣ, а особенно судѣ прошлаго“¹⁾).

Это стремленіе польскихъ историковъ къ большей научности началось, конечно, не со вчерашняго дня.—Въ настоящей главѣ, кромѣ указанныхъ трудовъ кс. Калинки и г. Корзона, намъ придется имѣть дѣло съ однимъ болѣе раннимъ (1868 г.) сочиненіемъ перваго изъ названныхъ авторовъ и съ работой извѣстнаго польскаго писателя И. И. Крашевскаго, относящейся къ первой половинѣ семидесятихъ годовъ. Мы и начнемъ свой обзоръ новѣйшей литературы по исторіи паденія Польши съ сочиненія послѣдняго писателя, нарушая такимъ образомъ хронологію ради того, чтобы потомъ рассмотретьъ вмѣстѣ и болѣе раннюю, и болѣе позднюю работы Калинки.

Сочиненіе Игнатія Юсіафа Крашевскаго „Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ“, обозначенное самимъ авторомъ, какъ „этюды по исторіи духа и нравовъ“²⁾, вышло въ свѣтъ въ Познани въ трехъ томахъ, при чемъ первый былъ помѣченъ 1873 годомъ, а третій—1875. Въ первомъ томѣ Крашевскій разсматриваетъ исторію Рѣчи Посполитой отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма (1772—1787), во второмъ доводитъ ее до конституціи 3-го мая (1788—1791), а въ послѣднемъ—до конца прошлаго столѣтія (1791—1799).

Въ предисловіи къ своему труду знаменитый польскій писатель возражаетъ на то мнѣніе, по которому народъ будто бы имѣетъ право передѣлывать свою исторію сообразно съ потребностями минуты: самъ онъ оправдываетъ переработку исторіи только въ виду расширяющагося умственнаго горизонта и накаплиющагося матеріала, который прежде оставался неизвѣстнымъ³⁾. Именно ради отысканія истины, а не ради служенія „злобѣ дня“, и предпринялъ Крашевскій свою работу объ эпохѣ раздѣловъ. „Эта эпоха“, говоритъ онъ,—„многokrатно и разно-

¹⁾ *Kwartalnik historyczny*. 1887. I, 121—122.

²⁾ *J. I. Kraszewski*. *Polska w czasie trzech rozbiorów (1772—1799)*. *Studia do historii ducha i obyczaju*. Poznań. 1873—1875.

³⁾ *Ibid.*, I, стр. V.

сторонне разрабатывалась немалымъ количествомъ писателей; за нее брались, какъ за любопытный предметъ, всматриваясь въ нее съ разныхъ сторонъ, пробуя на ней перо и изощряя остроуміе. Даже чужеземцы, какъ Рюльеръ, Феррантъ, Раурмеръ, Зибель, Смиттъ, Германъ, а недавно Бееръ охотно брали время упадка и раздѣла Польши, какъ предметъ для исчерпывающихъ вопросовъ работъ. Меньшаго размѣра сочиненій, взглядовъ, воспоминаній, разсужденій относительно этой эпохи число безконечно велико. Матеріаль накопленъ и по сей день накапливается такой обильный, что его можно было бы назвать черезъ-чуръ богатымъ, еслибы когда-нибудь историкъ могъ считать за бремя для себя обиліе данныхъ. Изъ новѣйшихъ работниковъ у насъ писали объ этой эпохѣ, болѣе или менѣе исчерпывая предметъ, Шмиттъ, Шуйскій, Вегнеръ, Моравскій, Калинка. Если прибавить къ этому свѣтъ, который бросаютъ на эпоху мемуары Огинскаго, Нѣмцевича, Китовича, Выбицкаго, Килинскаго, Мощенскаго, Космовскаго, Заіончка и многихъ другихъ, то казалось бы, данный историческій моментъ долженъ былъ бы быть намъ достаточно извѣстнымъ и не требовать новаго изображенія. Этого однако нѣтъ. Все это, конечно, весьма цѣнный матеріаль, подготовительная работа, а все-таки мы не имѣемъ еще полной картины времени, столь любопытнаго во всѣхъ отношеніяхъ, и не скоро будемъ ее имѣть. Съ каждою минутой отыскиваются новыя матеріалы, свѣтъ увеличивается, много прежнихъ приговоровъ о людяхъ и дѣлахъ рушится; эта исторія для насъ не можетъ назваться вполнѣ ясною и законченною. Однако и то, что добыто столѣтнею работою, позволяетъ представить нѣкоторый цѣльный очеркъ, сдѣланный безпристрастнымъ перомъ во имя истины и ради нашего поученія. Двоимъ образомъ, продолжаетъ Крашевскій, — писали исторію этого времени, — какъ апологію погубленной Польши, или какъ страстную и злобную по отношенію къ намъ защиту тѣхъ, которые хотѣли оправдаться въ совершенномъ ими насиліи, но полной, безпристрастной правды никто не хотѣлъ или вѣрнѣе не могъ написать. Дѣти, еще огорченныя, не хотѣли обвинять отцовъ; потомки виновниковъ не хотѣли признаніемъ въ грѣхѣхъ порицать тѣхъ, отъ коихъ получили тяжкое наслѣдство сдѣланной несправедливости. Теперь, — теперь мы нѣсколько поостыли, печальная эпоха уже достаточно отъ насъ отдалилась для того, чтобы мы могли обозрѣть ее, взятую въ цѣломъ, — и на столько мы созрѣли, что уже должны снести правду, хотя горькую и печальную. Этой-то правды и искалъ авторъ настоящей картины, особенно въ

лучшемъ знакомствѣ съ внутренними отношеніями страны, и хотя бы, какъ человекъ, онъ нашелъ только часть правды и лишь частицу ея изобразилъ, работа эта всегда себя вознаградитъ“¹⁾). Въ своемъ трудѣ Крашевскій обратилъ главное вниманіе на внутреннюю исторію: прежніе историки, говоритъ онъ,—„очень заботливо описывали, что дѣлалось въ Польши, въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ или въ кабинетѣ посла и въ замкѣ у короля въ то время, когда четвертовали Польшу,—мы слишкомъ мало видѣли и знаемъ, что дѣлалось въ самой странѣ“ и т. д.²⁾). Свое изложеніе онъ группируетъ около рѣшительныхъ моментовъ въ жизни націи, каковыми считаетъ первый раздѣлъ, „годину самага печальнаго и позорнаго паденія“, четырехлѣтній сеймъ, „богатырское напряженіе силъ возрождавшейся Польши“, возстаніе Костюшки³⁾). Въ основу труда положенъ былъ, какъ печатный матеріалъ, бывший извѣстнымъ ранѣе, хотя и не всегда обращавшій на себя должное вниманіе, такъ и матеріалъ рукописный, изъ коего многое, кажется, и до сихъ поръ остается не изданнымъ⁴⁾). Судя по предисловіямъ автора къ двумъ другимъ томамъ, его трудъ не вызвалъ въ свое время сколько-нибудь серьезныхъ критическихъ статей, а газетные рецензенты были въ общемъ расположены къ труду далеко не такъ, какъ этого можно было ожидать при громадной популярности, какою пользуется имя Крашевскаго въ польскомъ обществѣ, и при несомнѣнныхъ достоинствахъ самага труда. Въ этомъ отношеніи историки восьмидесятихъ годовъ, писавшіе о послѣднихъ временахъ Рѣчи Посполитой, то-есть, кс. Калинка и г. Корзонъ, были гораздо счастливѣе: ихъ сочиненія быстро расходились, вызвавъ множество статей, подписанныхъ именами извѣстныхъ историковъ.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всего богатаго содержанія трехъ томовъ Крашевскаго по внутренней, культурной и социальной исторіи Польши въ эпоху трехъ раздѣловъ, мы остановимся преимущественно на общихъ идеяхъ знаменитаго писателя, какъ и на ясно имъ выраженныхъ, такъ и на тѣхъ, которыя такъ сказать, извлекаются изъ книги самимъ читателемъ. Что касается до фактическаго содержа-

1) Ibid., VI и VII.

2) Ibid., IX.

3) Ibid., X.

4) Ibid., XI.

нія, то къ нему долженъ будетъ обращаться всякій историкъ, занимающійся эпохой паденія Рѣчи Посполитой: въ сочиненіи есть кое-что такое, что впервые въ немъ увидѣло свѣтъ, но если даже и согласиться съ однимъ изъ рецензентовъ перваго тома, замѣтившимъ, что въ немъ нѣтъ ничего новаго, то и на это можно отвѣтить словами самого Крашевскаго: „вѣдь и извѣстный матеріалъ дѣлается новымъ, когда его такъ или иначе сопоставляютъ и имъ пользуются“ ¹⁾.

Сочиненіе Крашевскаго охватываетъ всю эпоху въ цѣломъ рядѣ очерковъ повѣствовательнаго и описательнаго характера ²⁾, и, быть можетъ, самое важное въ немъ то, что авторъ дѣлаетъ обширныя выдержки изъ разнаго рода памятниковъ, характеризующія внутреннюю жизнь Польши во всѣхъ отношеніяхъ: свидѣтельства иностранцевъ и поляковъ, современныя брошюры, сохранившіяся изъ той эпохи письма, тогдашнія литературныя произведенія, позднѣйшія воспоминанія и т. д. были матеріаломъ, изъ коего черпалъ Крашевскій или коимъ пользовался непосредственно, то-есть, приводя изъ него извлеченія бѣльшаго или меньшаго размѣра. Въ этомъ отношеніи читатель, желающій въ одной книгѣ имѣть какъ можно больше подобныхъ свидѣтельствъ изъ эпохи паденія Рѣчи Посполитой, долженъ обратиться къ „Polsce w czasie trzech rozbiorów“, какъ для человѣка, знающаго только по нѣмецки, лучше всего будетъ въ такомъ случаѣ познакомиться съ книжкой фонъ-деръ Брюггена, а для знающаго только по русски—съ сочиненіемъ Костомарова. Нельзя, однако, не упомянуть, что по количеству и полнотѣ бытоваго матеріала трудъ Кра-

¹⁾ Ibid., т. II. Słowo wstępne, V.

²⁾ Вотъ перечень содержанія по главамъ. Томъ I. 1. Вступленіе (общаго характера). 2. Польша передъ раздѣломъ (1764—1772). 3. Генезисъ раздѣла. 4. Сеймъ и делегачія (1772—1775). 5. Свѣтъ и тѣни (дѣла и люди 1776—1777 гг.). 6. Король и край (1778—1779). 7. Тизенгаусъ и Замоискій (1780—1781). 8. Сеймъ и дѣло Солтыка (1782—1783). 9. Дѣло Угрюмовой. „Uwagi“ Сташица (1784—1785). 10. Сеймъ. Стъздъ въ Каневѣ (1786—1787). 11. Литература (1775—1787). Томъ II. 1. Сцена и актеры (1788). 2. Борьба (1788). 3. Проволочки (1788). 4. Базисъ и войско (1789). 5. Столица и люди. Мозаика (1790). 6. Сеймъ и прусскій союзъ. 7. Король съ народомъ, народъ съ королемъ (1 янв.—3 мая 1791 г.).—Томъ III. 1. Польша и сосѣднія государства (1791). 2. Сеймъ и страна (1791—1792). 3. Май и Тарговица (1792). 4. Князь Юсифъ и Костюшко (1792). 5. Тарговицане (1792). 6. Последнія минуты Тарговицы (1792). 7. Последній сеймъ Рѣчи Посполитой (1793). 8. Краковъ и Варшава (1794). 9. Костюшковское возстаніе (1794). 10. Осада Варшавы, Мацѣвицы и Прага (1794) 11. На могилахъ (1795—1799).

шевскаго превосходить объ названнаго работы. За то разсматриваемый писатель не особенно щедръ на обобщенія своего матеріала, на подведеніе итоговъ подъ сообщенными фактами, однимъ словомъ, на разсужденія и соображенія болѣе общаго характера: онъ былъ болѣе художникомъ, нежели мыслителемъ, а потому пользовался своимъ матеріаломъ преимущественно для разсказа и описанія, долженствовавшихъ воскресить передъ глазами читателя Польшу, какою она была сто лѣтъ тому назадъ, а не для общихъ выводовъ, формулировать которые ставитъ себѣ задачею философствующій историкъ или политикъ. Однимъ словомъ, въ изложеніи Крашевскаго мало того, что французы называютъ „histoire raisonnée“, вслѣдствіе чего и въ нашемъ обзорѣ главнымъ образомъ именно общихъ историческихъ взглядовъ приходится дѣлать сравнительно мало выдержекъ изъ такого большаго труда. Мало того: иногда мысль автора просто бываетъ неясна, потому что приговоръ его двоится, и, напримѣръ, старое шляхетское общество то рисуется у него симпатичными чертами за свою религиозно-рыцарскую патриархальность, противопоставляемую „европейской порчѣ“, внесенной французскимъ образованіемъ, то, на оборотъ, изображается коснѣющимъ въ средневѣковомъ состояніи, отсталымъ отъ общаго движенія вѣка, такъ что читатель недоумѣваетъ, пала ли Польша, по мысли Крашевскаго, вслѣдствіе своей измѣны старинѣ или вслѣдствіе своей отсталости. Наконецъ, тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свою философію польской исторіи, его мысль тоже нужно скорѣе угадывать, и отличительною чертой этой мысли является склонность къ идеализаціи польской исторіи и польскаго быта.

Въ самомъ началѣ своего труда Крашевскій говоритъ о миссіи (posłannictwie) Польши быть посредницей и примирительницей между двумя мірами, между Западомъ и Востокомъ: какъ исполнила Польша свое посланничество, говоритъ онъ,—это другой вопросъ, но миссію эту Польша имѣла ¹⁾. Опредѣленіе свою мысль онъ выражаетъ такимъ образомъ: „Здѣсь восточный абсолютизмъ переплетался съ западнымъ стремленіемъ къ свободѣ, ища формы примиренія. Задачею Рѣчи Посполитой было сочетать (ześlubić) монархическую власть съ республиканскою идеею“ ²⁾. Авторъ хочетъ видѣть выполненіе этой задачи, стремленіе къ этой цѣли во всей польской исторіи и трудностью самаго дѣла объясняетъ то, что по внѣшности (na pozór)

¹⁾ Ibid., I, 4—5.

²⁾ Ibid., I, 5.

польская жизнь была „героически безладною“. Здѣсь же, въ такой идеѣ онъ находить и утѣшеніе: „Не слѣдуетъ“, говоритъ онъ,—„предавать проклятію прошлое и называть несчастнымъ то, что было, такъ какъ это было необходимо. Мы жили для миссіи, наложенной на насъ закономъ нашего бытія, и на сколько у насъ еще осталось этой идеи, столько и теперь въ насъ есть жизни“¹⁾. „Польская идея“, продолжаетъ Крашевскій,—„возникла непосредственно изъ природы націи и страны, которую она населяла. Страна эта представляла собою окраину славянины, выдвинутую на границы, гдѣ послѣдняя соприкасалась съ германскимъ племенемъ. Съ другой стороны напирала на эту землю племена славянскія, смѣшавшіяся съ монгольскими и проникшіяся азіатскимъ духомъ (građ azuatycki piosące). Несомнѣнно, ея призваніемъ было переносить на востокъ западную цивилизацію и подчинять себѣ славянско-монгольскія (sic!) племена, чтобы втянуть ихъ въ работу прогресса“²⁾. Въ двойной борьбѣ съ нѣмцами изъ-за земли, съ славянами изъ-за могущества — Польша не всегда была счастлива, но самымъ счастливымъ фактомъ, по Крашевскому, было соединеніе съ Русью и Литвою. Три соединенныя народности, временно сломивъ силу германизма, „естественно“, говоритъ онъ,—„должны были вступить въ борьбу или въ союзъ съ монгольской (!) Русью, ибо безъ ея уничтоженія не могли исполнить своей миссіи“. При Сигизмундѣ III Москва была въ рукахъ поляковъ, но они не сумѣли или не смогли въ ней удержаться, и тутъ рѣшились судьбы Рѣчи Посполитой. „Сокрушеніе московской силы было условіемъ дальнѣйшаго шествія. Отступая передъ этимъ, Польша подписывала собственный приговоръ: паденіе ея было только вопросомъ времени“. Въ этомъ апріорномъ построеніи польской исторіи попадаютъ, однако, вѣрныя замѣчанія: указывая на то, что въ XVII вѣкѣ Польшѣ повредила ея католическая нетерпимость, Крашевскій вспоминаетъ, что въ XV вѣкѣ поляки изъ-за гуситства чеховъ оттолкнули ихъ отъ себя, какъ въ XVII вѣкѣ іезуиты испортили отношенія къ Москвѣ. „Два раза“, говоритъ онъ,—„мы падали жертвою нашей слѣпой вѣрности Риму, не считая того, что мы восприняли присущіе ему боязнь свѣта, науки и фанатизмъ, понемногу прививая послѣдній и къ нашей политикѣ“³⁾. Между

¹⁾ Ibid., I, 6.

²⁾ Ibid., I, 7.

³⁾ Ibid., I, 8. Польша гораздо чаще, собственно говоря, падала жертвою своей слѣпой привязанности къ Риму, о чемъ см. въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская историографія“, стр. 566—574, то-есть, всю главу V.

тѣмъ, продолжаетъ авторъ свои соображенія, — „Москва инстинктивно чувствовала, что съ Запада должны были придти къ ней жизнь и свѣтъ, что поляки преграждаютъ дальнѣйшее шествіе“, и потому, думаетъ онъ, всею своею тяжестью она должна была налечь на Польшу, въ которой происходила внутренняя борьба. „Въ этихъ самыхъ условіяхъ нападеній, насилія, внутренняго раздора сословій, вѣрѣ, идей (и народностей, долженъ былъ бы еще прибавить Крашевскій), можетъ быть, и никакой другой народъ не устоялъ бы. Смѣялись надъ этою варварскою республикой, одѣтою по турецки, щебечущею по французски, риторствующею по латыни, въ городахъ нѣмецкою, на границахъ русскою, у Балтійскаго моря литовскою, въ Пруссіи германскою, надъ этою республикой, которую несли на своихъ плечахъ небольшое число магнатовъ и гораздо большее—шляхты, смѣялись надъ этимъ страннымъ произведеніемъ вѣковъ, задирали его, нападали на него, а одолѣть его было нельзя. Не находили его ахиллесовой пяты.... Пробовали оружіемъ и потоками крови, но вырастали новыя головы; пробовали измѣной, но она не хватала крѣпкаго тѣла. Явились внутреннія порча и гниль, и онѣ-то съѣли, какъ ржавчина, если не всю Польшу, то ея верхи“ ¹⁾.

Дошедши въ этомъ обзорѣ всей польской исторіи à vol d'oiseau до эпохи раздѣловъ, Крашевскій такъ представляетъ русскую политику въ этомъ дѣлѣ: „Россія не справилась съ своею миссіей, ибо должна была стремиться добыть всю Польшу и соединить себя съ нею, а она дала ее разорвать... Не будучи въ состояніи поглотить ее сразу, не умѣя ждать, не чувствуя въ себѣ достаточно силы, Россія допустила враговъ своихъ и враговъ Польши, нѣмцевъ, къ раздѣлу“. Что касается до внутреннихъ причинъ паденія Польши, то Крашевскій затрудняется ихъ опредѣлить. „Трудно обозначить“, говоритъ онъ самъ, — „причины этого паденія и ослѣпленія цѣлаго народа, которое не позволяло ему видѣть опасность и вѣрить въ предсказанія о ней. Духъ народа былъ слишкомъ благороденъ, чтобы повѣрить подкапывающейся подъ него мерзости, чтобы даже ее допустить. Мы вѣрили въ слова, никогда не допытываясь, соотвѣтствовала ли имъ сущность фактовъ. Мы шли за великимъ знаменемъ съ изображеніемъ орла, когда говорили, что мы идемъ на зло и фальшь,.... а фальшь и зло заслонялись отъ насъ складками этого знамени. Идеалисты, мы были слѣпы оттого, что смотрѣли на солнце. Во имя

¹⁾ *Kraszewski*. I, 9.

громкихъ фразъ насъ можно было довести до гибели“¹⁾. Любопытно еще, что и въ общемъ изображеніи Рѣчи Посполитой XVIII в. авторъ ея подробнаго описанія находитъ весьма многое для своей идеализаціи. Онъ говоритъ о „католической или, лучше сказать, чисто христіанской религіозности шляхты“, о старомъ патриархальномъ складѣ хлопско-шляхетскихъ отношеній, „который вовсе не былъ столь тяжелымъ, какъ казался издали“²⁾. Любопытно и то, что онъ часть вины внутренняго разложенія приписываетъ французскому образованію, приносившему съ собою „космополитизмъ, любовь къ великой монархіи, Семирамидѣ сѣвера, обожаніе короля-философа, можетъ быть, позднѣе даже симпатію для цесаря-реформатора. Для офранцузившихся“, прибавляетъ онъ еще,—гдѣ только „раздавался этотъ языкъ, было отечество, и они даже могли безъ угрызенія совѣсти продать свое тому, кто заговаривалъ съ ними по французски“³⁾. Симпатіи автора на сторонѣ старой шляхты, не тронутой французскою культурой, на сторонѣ старой польской жизни, этой, „полной красокъ, прелести, фантазіи, картины“, которая стала блѣднѣть при Станиславѣ-Августѣ. „Послѣднею пѣснью шляхетской Рѣчи Посполитой былъ“ для Крашевскаго „гимнъ барскихъ конфедератовъ. Съ ними падала старая, католическая и рыцарская Польша, и на ея развалинахъ развѣвались уже новыя знамена“. Девять вѣковъ, говоритъ онъ еще,—отстраивалась Польша: прошлое столѣтіе стало ее подмывать, подскребать, подтесывать и, передѣлывая, валить⁴⁾. Однако, когда ему приходится указывать на причины внутренняго ослабленія Польши, онъ видитъ одну изъ нихъ въ коснѣніи на средневѣковомъ бытѣ, хотя и тутъ находитъ кое-что, служащее прославленію шляхетства, признаннаго неспособнымъ управлять Рѣчью Посполитой: „Политика благородства и добросовѣстности, которою всегда отличалась Польша въ публичныхъ дѣлахъ, была безсильна противъ макиавелизма кабинетовъ, дѣйствовавшихъ коварствомъ и интригой“⁵⁾. Рассказывая и упоминая о барской конфедераціи, онъ также отмѣчаетъ симпатичныя ему черты стараго шляхетскаго и католическаго рыцарства, не тронутого еще „европейской порчей“⁶⁾.

¹⁾ Ibid., I, 10.

²⁾ Ibid., I, 13.

³⁾ Ibid., I, 14.

⁴⁾ Ibid., I, 16—17.

⁵⁾ Ibid., I, 23.

⁶⁾ Ibid., I, 35—36, особенно 65.

Еще болѣе поводовъ для идеализаціи даютъ ему тѣ моменты въ жизни польскаго государства за время трехъ раздѣловъ, которые могутъ быть названы болѣе свѣтлыми, хотя бы строгая критика и въ нихъ находила мрачныя стороны или политическія ошибки. Крашевскій, гдѣ только представляется случай, говорить о возрожденіи націи послѣ перваго раздѣла, прославляетъ четырехлѣтній сеймъ и конституцію 3-го мая и т. д., но при этомъ либо самъ дѣлаетъ оговорки, ослабляющія его склонность къ оптимистическимъ взглядамъ, либо своимъ отношеніемъ къ тому или другому затронутому имъ вопросу даетъ право думать читателю, что на образованіе такихъ взглядовъ оказывали болѣе вліянія воображеніе и чувство, нежели анализъ фактовъ и критическая мысль. Эту сторону его труда мы теперь вкратцѣ и разсмотримъ.

Опредѣляя причины внутренняго безсилія Польши, Крашевскій прежде всего говоритъ о неспособности шляхты управлять государствомъ вслѣдствіе ея отсталости и привычной ей „политики благородства и добросовѣстности“, безсильной противъ макиавелизма ¹⁾. Впрочемъ, шляхта только по видимому была правящимъ классомъ: „Рѣчь Посполитая покоилась на рукахъ нѣсколькихъ вельможныхъ родовъ, которые ссорились между собою изъ-за преобладанія и значенія, и на нихъ-то“, прибавляетъ историкъ, — „падаетъ большая часть отвѣтственности за несчастія націи“ ²⁾. Къ этимъ вельможнымъ фамиліямъ относится главнымъ образомъ и упрекъ въ деморализаціи, которая овладѣла поляками ³⁾. Зерно націи (= шляхты) было здоровое и способное къ тому, чтобы выйдти изъ униженія, въ какое ее повергла „европейская порча“ магнатовъ. Крашевскій съ особымъ интересомъ слѣдитъ за проявленіями возрожденія. Онъ смотритъ на эпоху 1772—1775 гг. какъ на самую печальную, какъ на полнѣйшее проявленіе порчи, хотя въ этомъ глубочайшемъ паденіи уже начинается возрожденіе. Совершенно вѣрно характеризуетъ онъ тогдашній патріотизмъ, „если только еще въ комъ-нибудь онъ существовалъ“: это, по его словамъ, „была любовь не къ отечеству, но къ золотой вольности, страстная привязанность къ шляхетскому господству и старому не порядку“ ⁴⁾. Прослѣдивъ, какіе успѣхи сдѣлала Польша за пятнадцать лѣтъ послѣ

¹⁾ Ibid., I, 23.

²⁾ Ibid., I, 24.

³⁾ Ibid., I, 64, sq., 72, 144, 160, 453.

⁴⁾ Ibid., I, 67. Объ этой эпохѣ см. главу 4-ю перваго тома, стр. 71 sq.

перваго раздѣла, авторъ отмѣчаетъ, что новаторское движеніе въ Рѣчи Посполитой передъ 1788 г. стоитъ въ связи съ готовившимся во Франціи взрывомъ ¹⁾, и что вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее настроеніе польскаго общества совершенно измѣнилось. Къ указанію на это Крашевскій возвращается нѣсколько разъ, хотя большею частью ему приходится дѣлать при этомъ оговорки и ограниченія. Напримѣръ, пятая глава втораго тома, дѣликомъ посвященнаго четырехлѣтнему сейму, начинается такими словами: „Сеймъ тянулся уже (въ 1790 г.) съ 1788 года и измѣнилъ совершенно не только политическія отношенія страны, но почти и все общество. Правда, не могло оно избавиться отъ своего характера и легкомыслія, но мысли и стремленія, имъ овладѣвшія, подверглись совершенному измѣненію“ ²⁾. На слѣдующей страницѣ онъ опять говоритъ: „Съ 1775 г. общество облагородилось, усилилась любовь къ отечеству, увеличилась готовность жертвовать; только, къ сожалѣнію, нравы не могли особенно измѣниться. Однако, когда нація ставитъ на своемъ алтарѣ идеалы и имъ поклоняется, это есть признакъ того, что она къ нимъ стремится. Не въ человѣческихъ силахъ перерожденіе общества въ одинъ день“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, отмѣчая большую силу и важное значеніе вліянія, какое оказывалъ четырехлѣтній сеймъ на понятія и чувства націи, онъ оговаривается, однако, что сдѣлано было мало, и что только въ будущихъ поколѣніяхъ могли обнаружиться настоящіе плоды этого вліянія ⁴⁾. Общее отношеніе Крашевскаго къ четырехлѣтнему сейму сочувственное, хотя онъ и не закрываетъ глаза на его ошибки: сеймъ все-таки способствовалъ нравственному подъему націи ⁵⁾.

Въ своемъ сочиненіи Крашевскій является однимъ изъ сторонниковъ конституціи 3-го мая. Пятую главу втораго тома, гдѣ изображается состояніе государства и общества въ 1791 г., онъ заканчиваетъ словами о необходимости *соур d'état*. По его мнѣнію, послѣдній былъ совершенъ поздно; его нужно было сдѣлать не въ 1791 г., а въ 1789 г., съ устраниемъ формальностей, чтобы получить наконецъ устройство для страны, „не взирая на крики и угрозы, не уважая до такой степени формъ, чтобы спасти сущность“ ⁶⁾. Въ

¹⁾ Ibid., I, 451.

²⁾ Ibid., II, 239.

³⁾ Ibid., II, 240.

⁴⁾ Ibid., II, 367.

⁵⁾ Ibid., II, 445—447.

⁶⁾ Ibid., II, 293.

седьмой главѣ того же тома, излагающей событія первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1791 г. по 3-е мая включительно, онъ говоритъ, что у конституціи ничего не отнимаетъ ея введеніе посредствомъ государственнаго переворота: „въ одномъ только“, прибавляетъ онъ, — „можно упрекнуть національную партію, это въ томъ, что она не сдѣлала переворота смѣлѣе и раньше. Тамъ, гдѣ свободно могли распространяться самыя позорныя интриги, гдѣ безнаказанно нападали на земскихъ пословъ съ оружіемъ въ рукахъ, гдѣ продажность была явною, коварныя замыслы не дозволяли доводить до конца совѣщанія, нужно было искать спасенія отечества хотя бы въ такомъ насильственномъ шагѣ, вполне оправдываемомъ силою обстоятельствъ и потому не нуждающемся въ оправданіи“ ¹⁾. О самой конституціи 3-го мая Крашевскій высказываетъ такое мнѣніе: „Въ виду того, что дѣлалось во Франціи, чѣмъ волновались умы въ Европѣ, нельзя не оцѣнить необыкновенной умѣренности, сдержанности (*wstrzemięzliwości*) конституціи, сообразованной скорѣе съ потребностями, нежели съ доктринами вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрной великимъ и вѣчнымъ принципамъ справедливости“ ²⁾. Самую конституцію онъ лишь слегка очерчиваетъ, но гораздо больше говоритъ о томъ, какъ къ ней относились съ разныхъ сторонъ. Собранные отзывы интересны, но въ собственномъ судѣ историка больше чувства, вызваннаго воображаемыми отношеніями того времени и дѣйствительными позднѣйшаго, нежели ясной мысли, добытой путемъ историческаго изслѣдованія. „Инстинктъ народа, признаніе потомства“, оправдываетъ Крашевскій конституцію отъ сдѣланныхъ ей упрековъ, — „окружили ее ореоломъ и сдѣлали изъ нея какъ бы путеводную звѣзду въ дальнѣйшихъ судьбахъ. То, чего въ ней не доставало, лежало зерномъ и зародышемъ въ глубинѣ (?). Она осталась въ пѣснѣ, въ груди, въ воспоминаніяхъ, какъ лучезарное мгновенье, какъ цвѣтъ жизни съ самыми благородными ея красками. На морщинистое лицо Рѣчи Посполитой она клала новое, юношеское обличіе. Историкъ все это долженъ включить въ счетъ прошлаго, зло и добро, критику и апологію, но послѣдній безпристрастный судъ совпадаетъ съ приговоромъ общества. *Vox populi—vox Dei*. Спасеніе Польши въ условіяхъ, въ какихъ она находилась, быть можетъ, было уже невозможностью, но передъ гибелью лучше было дать столь прекрасный и благородный, столь смѣ-

¹⁾ Ibid., II, 404.

²⁾ Ibid., II, 416.

лый и юношескій признакъ жизни, нежели замереть и пасть въ попыткахъ спасти себя униженіемъ и подлостью. Уставъ 3-го мая остается какъ бы завѣщаніемъ Рѣчи Посполитой польской, юношески, можетъ быть, неразумительнымъ, но юношески благороднымъ, великимъ и достойнымъ уваженія. Польша, благодаря ему, вписалась въ книгу исторіи достойною своего прошлаго, съ протестомъ противъ господства силы надъ правомъ, насилія надъ духомъ, и если мы чѣмъ еще живемъ, то наслѣдіемъ идей и чувствъ четырехлѣтняго сейма и той святой години безумія (*szaleń*), которая создала уставъ 3-го мая¹⁾. Такимъ образомъ для Крашевскаго эта конституція не историческій фактъ, требующій научнаго анализа, а нѣчто такое, что въ силу историческихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе на свѣтъ и дальнѣйшую судьбу „*ustawy 3 maja*“, сдѣлалось національнымъ и патриотическимъ символомъ, предметомъ своего рода религіи и поэзіи. Тѣ же оговорки, ослабляющія значеніе совершавшагося въ Рѣчи Посполитой возрожденія, и то же болѣе поэтическое, идеализирующее, нежели историческое, критикующее отношеніе къ этому возрожденію представляются намъ и въ изложеніи дальнѣйшихъ событийъ эпохи двухъ послѣднихъ „разборовъ“ Польши, хотя отдѣльными замѣчаніями объ явленіяхъ характера довольно общаго ему приходится сильно умалять значеніе фактовъ, напрашивавшихся на патриотическую деализацію. Второй томъ „*Polski w czasie trzech rozbiogów*“, доведенный до конституціи 3-го мая, оканчивается такими словами: „Подъ возрастающимъ вліяніемъ идей и чувствъ (посвянныхъ сеймомъ) Польша имѣла передъ собою еще цѣлый годъ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ все болѣе и болѣе умножавшимися проявленіями любви къ отечеству, готовности посвятить ему себя и пожертвовать ему всѣмъ“²⁾. Эти слова давали знать читателю, какъ будутъ разсматриваться въ третьемъ томѣ событія, предшествовавшія второму раздѣлу Рѣчи Посполитой.

Третій томъ своего труда Крашевскій начинаетъ съ указанія на то, что во всемъ поведеніи поляковъ той эпохи было много героизма, но мало предусмотрительности³⁾, и это одно должно ослабить значеніе конституціи 3-го мая. Другая ошибка была та, что страна не вооружалась на защиту новой конституціи, хотя уже предвидѣла

1) Ibid., II, 443—444.

2) Ibid., II, 447.

3) Ibid., III, 5 sq.

оппозицію: Крашевскій объясняетъ это боязнью, какъ бы при вооруженіи шляхты и мѣщанъ не случилось того, что происходило во Франціи, гдѣ „толпы“ не хотѣли повиноваться и сами господствовали надъ народными представителями. „Поэтому страна, духовно готовая, не была вооружена“ ¹⁾. За то празднество въ честь новаго „устава“ была масса ²⁾, и въ этомъ, равно какъ и на словахъ, главнымъ образомъ и выражался патриотическій пылъ къ конституціи, о возрастаніи коего говоритъ авторъ ³⁾. Между тѣмъ оппозиція противъ 3-го мая возросла въ цѣлую конфедерацію, которой Россія оказала поддержку. „Въ національныхъ традиціяхъ“, говоритъ Крашевскій, — „удержалось ошибочное мнѣніе, будто тарговицкая конфедерація продала край. Она содѣйствовала его гибели, была ея орудіемъ, но не для денегъ, не для наживы отправлялись въ Петербургъ, движимые мезью и необузданнымъ честолюбіемъ, Ржевускій, Потоцкій и Браницкій“ ⁴⁾. Достаточно было возникновенія этой конфедераціи, чтобы произвести переполохъ въ высшихъ сферахъ въ Варшавѣ, и многіе думали только о собственномъ спасеніи ⁵⁾. Но, замѣчаетъ авторъ, — „настроеніе въ Варшавѣ было хорошее (то-есть, въ массѣ), можно было имъ воспользоваться, и еслибы у короля было болѣе рѣшительности и энергіи, охотники посыпались бы со всѣхъ сторонъ“ ⁶⁾. Такимъ образомъ козломъ отпущенія является Станиславъ Августъ, точно онъ мѣшалъ собираться охотникамъ подъ знамена Рѣчи Посполитой, тогда какъ самъ же Крашевскій указываетъ на то, что въ войско шли плохо сами собою ⁷⁾. Еще важнѣе его замѣчаніе о томъ, почему Польша проиграла въ 1792 г., почему, какъ самъ онъ выражается, ослабляя значеніе собственныхъ словъ объ овладѣвшемъ Польшею энтузіазмѣ къ конституціи 3-го мая, — „вся страна не двинулась сразу и съ такою силою, какъ надлежало ожидать при настроеніи, созданномъ четырехлѣтнимъ сеймомъ“. Его отвѣтъ тотъ, что „боязнь революціоннаго движенія среди простаго народа овладѣла помыслами, а потому всеобщему вооруженію скорѣе ставили препятствія, нежели оказывали помощь“, хотя и тутъ дѣло не обошлось

¹⁾ Ibid., III, 27—28. Ср. 126, 172, 175, 225 и др.

²⁾ Ibid., III, 31 sq.

³⁾ Ibid., III, 109. Cf. 125 sq.

⁴⁾ Ibid., III, 145.

⁵⁾ Ibid., III, 167.

⁶⁾ Ibid., III, 171.

⁷⁾werbunki jednak ochotnika do wojska szły bardzo oporem. Ibid., III, 172.

безъ прибавки, что „король не сталъ во главѣ и не показалъ примѣра другимъ“ ¹⁾. Отмѣчая даже индивидуальныя случаи патриотизма въ 1792—1793 гг., Крашевскій однако не могъ не упоминать о проявленіяхъ противнаго. Въ главѣ о сеймѣ 1793 г., на которомъ состоялся второй раздѣлъ, онъ говоритъ, напримѣръ, что „среди конвульсивнаго метанія нѣсколькихъ благородныхъ людей, толпа справляла тризну (stypę) по Рѣчи Посполитой. Картина не была бы полной“, прибавляетъ онъ,— „еслибы мы объ этомъ не упомянули. Тутъ думаютъ, писалъ Щуровскій въ Коллонтаю,— что ни одинъ народъ не отдавалъ такъ весело своей земли и людей другому, какъ поляки, ибо здѣсь это происходило съ танцами“ ²⁾.

Заключая обзоръ историческаго труда Крашевскаго, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи автора къ Россіи. Отчасти мы уже знакомы съ тѣмъ, какъ онъ смотритъ на русскій народъ и русское государство, а потому прибавить остается немного. Впервыхъ, стоитъ упомянуть о томъ, что онъ идеализируетъ русско-польскія отношенія въ самой Рѣчи Посполитой, отношенія, сводившіяся на отношенія хлопкошляхетскія, которыя далеко не были „братскими“, какими ихъ готовъ признать Крашевскій, но многіе поляки *bona fide* воображали, что это братство дѣйствительно существовало. Вторыхъ, онъ разбираетъ русскую политику по отношенію къ Польшѣ, высказывая крайнюю враждебность къ Екатеринѣ, хотя подчасъ и отмѣчаетъ выгодныя для Рѣчи Посполитой стороны союза съ Россіей. Остановимся нѣсколько подробнѣе на томъ и на другомъ.

Русско-польскихъ отношеній Крашевскій прежде всего касается, хотя и мимоходомъ, во вступленіи, изъ котораго сдѣланы уже были значительныя выдержки. Именно указывая на то, что „россійское вліяніе на сущность жизни въ Польшѣ было незначительно“, онъ противопоставляетъ ему „элементъ русскій (ruski), игравшій важную роль въ Польшѣ и братавшійся съ польскимъ духомъ, пока умышленно ихъ не рассорили“. „Въ русскихъ земляхъ“, говоритъ онъ,— „поселянинъ (wieśniak) охотно учился на дворѣ панскомъ по польски, а панъ часто подъ добрую руку бывало запоетъ русскую думку или пальнетъ колкимъ присловьемъ. Не было борьбы между братскими языками; сплетались они между собою, какъ дѣти въ колыбели“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., III, 219.

²⁾ Ibid., III, 382.

³⁾ Ibid., I, 14.

Первая же глава за вступленіемъ, названная— „Польша передъ раздѣломъ“, начинается съ обзора отношеній между Польшею и Россіей, „природа и характеръ коихъ дѣлали изъ нихъ противниковъ“, такъ что „онѣ должны были либо слиться и соединиться, либо бороться и сокрушить другъ друга“¹⁾. Объ этомъ слияніи и мечтала Екатерина: въ ея первоначальномъ планѣ, говоритъ Крашевскій,—было овладѣть всею Польшею²⁾. Императрица Екатерина,—говоритъ онъ еще въ главѣ о происхожденіи перваго раздѣла,—„согласилась не очень-то, можетъ быть, охотно на дѣлежъ того, чѣмъ могла бы цѣликомъ завладѣть“³⁾. Не слѣдя за дальнѣйшими указаніями автора „Polski w czasie trzech rozbiogów“ на русскую политику, нельзя однако обойти молчаніемъ и его мнѣнія о томъ, что, можетъ быть, въ эпоху четырехлѣтняго сейма „всякій иной союзъ, даже съ Россіей былъ бы менѣе вреденъ для будущности, нежели довѣріе къ прусской политикѣ“⁴⁾. То же самое мнѣніе высказывается имъ въ началѣ третьяго тома, гдѣ онъ еще разъ бросаетъ взглядъ на прошлое Рѣчи Посполитой, чтобы перейти къ событіямъ, послѣдовавшимъ за принятіемъ конституціи 3-го мая: именно онъ находитъ, что осуществленіе плана Россіи завладѣть всею Польшею было для послѣдней менѣе опаснымъ, нежели четвертованіе, коему она подверглась⁵⁾.

Однако Крашевскій весьма ѣловко обходитъ вопросъ о населеніи земель, отошедшихъ къ Россіи. Напримѣръ, даже передавая содержаніе русской деклараціи, кою возвѣщался второй раздѣлъ, онъ не упомянулъ о томъ, что въ числѣ мотивовъ этого раздѣла Екатерина указывала на „утѣсенія, которыя должны были переносить города и провинціи, прилегавшіе къ ея владѣніямъ, нѣкогда бывшіе ея истиннымъ наслѣдіемъ, обитаемые и наполненные людьми одного происхожденія и племени, просвѣщенными православною христіанскою вѣрою

¹⁾ Ibid., I, 21.

²⁾ Ibid., I, 22.

³⁾ Ibid., I, 63.

⁴⁾ Ibid., II, 446. Замѣтимъ еще, что учрежденіе „постояннаго совѣта“ онъ объясняетъ желаніемъ (Россія ли или трехъ державъ, не сказано) отнять у короля силу, коей, скажемъ отъ себя, у короля не было,—и находитъ, что по существу своему учрежденіе это вовсе не было вреднымъ, а было оно опасно вслѣдствіе общей деморализаціи и преобладанія московской партіи. Ibid., I, 133.

⁵⁾ Roszycą, która chciała całą Polskę zagarnąć,—a dla Polski takie przyłączenie naówczas, bądź co bądź, daleko mniej było groźnem, niż rozwiertowanie,—została zmuszoną przez cyniczną politykę Prus do podziału. Ibid., III, 2.

и до сихъ дней исповѣдующими эту вѣру“ ¹⁾. Или, говоря о томъ, что взяла Россія по второму раздѣлу, онъ исчисляетъ количество кв. м., городовъ, деревень, дымовъ, народа и т. д., но объ этнографическомъ составѣ этого народа не даетъ никакихъ свѣдѣній ²⁾.

Окончательный приговоръ Крашевскаго надъ политикой Екатерины таковъ: „Россія могла желать приобрѣтенія Польши и соединенія съ нею; это было въ природѣ ея положенія; со временъ Ивана Грознаго это объединеніе постоянно высказывалось, какъ постулатъ, то со стороны Польши, то со стороны Россіи. Екатерина выбрала самую дурную дорогу, не желая, а въ концѣ концовъ, вынужденная разчетвертовать народъ, который могла получить весь, а съ нимъ безконечно большую силу, нежели та, какой достигла чрезъ раздѣлъ. Но для этого нужны были чувство справедливости, политика, въ одно и то же время рѣшительная и честная, уваженіе къ человѣку и народу, та высшая, человѣчная, благородная мысль, которой недоставало циническому реализму XVIII вѣка, и антитезой которой была сама Екатерина“ ³⁾.

Таково сочиненіе Крашевскаго. Авторъ его былъ не ученый, а художникъ, и старая манера идеализации польщизны еще оказываетъ весьма сильное вліяніе на его историческія воззрѣнія. Но у него несомнѣнно все-таки исканіе настоящей правды, и она даже пробивается въ его сочиненіи на свѣтъ Божій не въ общихъ соображеніяхъ и разсужденіяхъ, гдѣ авторъ все еще патриотъ и художникъ, которому дорогъ старый національный идеалъ, а тамъ, гдѣ онъ является добросовѣстнымъ собирателемъ и излагателемъ фактовъ въ томъ видѣ, какъ они даются въ историческихъ источникахъ. Сужденіе Крашевскаго часто не вытекаетъ изъ фактовъ, пожалуй, имъ противорѣчитъ даже, но факты все-таки онъ приводитъ и не отказывается отъ выводовъ изъ нихъ, если даже они идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что въ польскомъ обществѣ признано за непререкаемую истину. Замѣтнаго вліянія на польскую историографію трудъ Крашевскаго, однако, не произвелъ, хотя въ ней онъ все-таки занимаетъ почетное мѣсто.

Валерьянъ Калинка началъ свою литературную дѣятельность съ идеями, не похожими на тѣ, которыя онъ развивалъ въ двухъ по-

¹⁾ Ibid., III, 330. Cf. *Костомаровъ*. II, 245.

²⁾ *Kraszewski*. III, 381. Ср. то же и по отношенію къ другимъ раздѣламъ. О 3-мъ раздѣлѣ III, 638.

³⁾ Ibid., III, 657—658. Ср. характеристику Екатерины на стр. 656—657.

слѣднихъ своихъ крупныхъ историческихъ трудахъ ¹⁾; въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ онъ высказывалъ первоначально мысли гораздо болѣе свободныя, нежели впослѣдствіи. Начавъ заниматься исторіей своей родины въ очень еще молодыхъ годахъ, онъ обратилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на XVII вѣкъ, преимущественно съ точки зрѣнія отношеній Польши къ Западу, но съ теченіемъ времени перешелъ къ XVIII столѣтію, для исторіи коего въ Рѣчи Посполитой и слѣлалъ такъ много впослѣдствіи. Для характеристики его раннихъ взглядовъ представляетъ нѣкоторый интересъ изданная имъ въ 1848 г. подъ псевдонимомъ „крестьянина съ береговъ Вислы“ брошюра: „Какою прежде была Польша“, состоящая всего изъ 28 страничекъ ²⁾: это—идеализація прошлаго Рѣчи Посполитой и своего рода обвинительный актъ противъ фанатизма іезуитовъ. Слѣдующими его трудами изъ первой половины пятидесятихъ годовъ были біографія Эаддея Тышкевича, заключающая въ себѣ описаніе войны 1792 г., костюшковскаго движенія и событій 1809, 1812 и 1831 гг. ³⁾, потомъ извѣстія о матеріалахъ для польской исторіи, найденныхъ имъ въ отдѣленіи рукописей національной (тогда императорской) бібліотеки въ Парижѣ ⁴⁾, и сочиненіе подъ заглавіемъ „Галиція и Краковъ подъ австрійскимъ владычествомъ“ ⁵⁾. Выходъ въ свѣтъ этихъ работъ Калинки относится ко времени его сближенія съ кн. Адамомъ Чарторыскимъ, который пользовался имъ для дипломатическихъ порученій: это сближеніе сопровождалось усвоеніемъ Калинкою историческихъ идей отеля Lambert, хотя въ подробностяхъ онъ и отступилъ отъ той теоріи, которая нашла выраженіе въ упомянутой выше статьѣ Карла Гофмана въ *Przeglądzie poznańskim* ⁶⁾. Послѣдній, указывая на отсутствіе сильнаго правительства, какъ на главную причину упадка Польши, думалъ, что самый этотъ фактъ коренится въ раздѣлѣ государства Казиміромъ Кривоустымъ на удѣлы и въ томъ, что въ

¹⁾ Исторія идей Калинки вкратцѣ разсказана въ брошюрѣ *Wł. Smoleńskiego Stanowisko Waleryana Kalinki w historyografii polskiej*. Warszawa. 1887.

²⁾ *Jaka była dawniej Polska. Przez włościanina z nad Wisły*. 1848.

³⁾ *Żywot Tadeusza Tyzkiewicza*. Poznań. 1853. Объ этой работѣ см. ниже при разборѣ „Четырехлѣтнаго сейма“.

⁴⁾ См. въ *Bibliotece Warszawskiej* (1853), а особенно въ *Przeglądzie Poznańskim* (1854—1855), гдѣ помѣщена его работа „Zabiegi posła francuskiego, ks. de Polignac po śmierci Jana III, by na tron polski wynieść księcia de Conti“.

⁵⁾ *Galicja i Kraków pod panowaniem austriackim*. Paryż. 1853.

⁶⁾ *Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski*.

Польшѣ не было ни феодализма, ни развитого городского сословія, Калинка же искалъ причинъ ослабленія власти въ Рѣчи Посполитой во временахъ болѣе близкихъ. Въ статьѣ о хлопотахъ аббата Полиньяка въ пользу кандидатуры принца де-Конти онъ выставилъ такой тезисъ, что съ середины XVII вѣка, когда народъ во время войны уже не спѣшилъ въ ряды войска, а во время мира ничего не могъ устроить, для Польши единственнымъ спасеніемъ была бы энергичная переменна правленія, а такъ какъ послѣдней не произошло, то уже за цѣлый вѣкъ до послѣдняго раздѣла Рѣчь Посполитая морально утратила свою независимость: сначала посланники австрійскій и французскій, потомъ россійскій и прусскій взяли въ свои руки ту самую власть, въ которой народъ отказывалъ собственнымъ королямъ. Уже тутъ Калинка высказалъ свой взглядъ на XVIII в.: при порокахъ народа и его политической незрѣлости самостоятельную Польша быть не могла, реформа же, произведенная въ концѣ царствованія Станислава-Августа, пришла слишкомъ поздно. Слишкомъ глубоко вкоренился недугъ и слишкомъ далеко опередила Польшу Европа, чтобы въ нѣсколько лѣтъ было возможно исправить то, что портилось въ теченіе цѣлаго столѣтія, чтобы оказалось возможнымъ Рѣчи Посполитой догнать Европу во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ, ибо хотя народъ началъ излѣчиваться отъ своихъ недостатковъ необыкновенно быстро и съ энтузіазмомъ, враги не позволили ему идти по этой дорогѣ. Дѣло, однако, не въ томъ, прибавляетъ Калинка, чтобы мы имѣли право сваливать вину катастрофы на иностранцевъ: мы пали по своей собственной винѣ ¹⁾). Читатель увидитъ, что въ послѣдствіи Калинка разувѣрился и въ томъ энтузіазмѣ къ реформамъ, о которомъ упоминаетъ къ выгодѣ, конечно, поколѣнія, жившаго въ послѣдніе дни Рѣчи Посполитой, а здѣсь только замѣтимъ, что прежней идеализаціи прошлаго Польши, какою грѣшитъ брошюра 1848 г., уже и слѣда нѣтъ въ статьѣ, написанной пятью-шестью годами позднѣе. Впрочемъ, совсѣмъ безъ идеализаціи дѣло не обошлось: въ публицистическомъ сочиненіи о Галиціи и Краковѣ, уже тронутымъ элегическимъ духомъ, который со временемъ только усиливался въ произведеніяхъ Калинки, онъ доказывалъ, что нигдѣ до такой степени не была проникнута христіанскими началами вся жизнь государственная, общественная, семейная, какъ именно въ Польшѣ до середины XVII вѣка. Писатель, не задолго передъ тѣмъ нападавшій на

¹⁾ *Wł. Smoleński. Stanowisko W. Kalinki etc., 9.*

фанатизмъ іезуитовъ, начиналъ тогда высказывать мысли, собственно говоря, довольно близкія къ іезуитскимъ. И въ другомъ отношеніи Калинка измѣнилъ свои взгляды: раньше онъ высказывался о „хлопкахъ“ гораздо симпатичнѣе ¹⁾, нежели въ рассматриваемую эпоху своей жизни, когда писалъ слѣдующее: „въ наше время довольно распространена мысль, что причиною всякаго зла въ Польшѣ было крѣпостничество (pańszczyzna). Это—ошибка, имѣющая корень въ ненависти, возникающей въ ту эпоху, которая предназначена для уничтоженія этой формы. Какъ въ политикѣ народъ дозрѣваетъ подъ разными формами правленія, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ (w rolnictwie) нужны для его образованія разныя формы, и та, которая для одного времени можетъ быть хорошей, для другаго становится не подходящей (niestosowną) и вредной“ ²⁾. По мнѣнію Калинки, говорить объ очиншеваніи крестьянъ въ XVII вѣкѣ было рано, и болѣе благо-разумными онъ считаетъ совѣты „болѣе осторожныхъ“, думавшихъ, что нужно прежде сдѣлать хлопа способнымъ пользоваться свободой.

Съ середины пятидесятихъ годовъ Калинка отдался вполне публицистикѣ (въ *Wiadomościach polskich* за 1857—1861 гг.). Политическіе взгляды и историческія сужденія его изъ этого времени весьма важны для пониманія его идей въ тотъ періодъ жизни, когда онъ снова обратился къ историческимъ занятіямъ. Хвала въ старомъ времени религіозность, хорошіе обычаи и добрые нравы, Калинка сильно нападалъ на существовавшую тогда политическую безтолковщину, главное же средство спасенія видѣлъ въ конституціи 3-го мая, а причину окончательнаго паденія—въ томъ, что народъ бѣжалъ изъ-подъ знамени, на которомъ было написано его спасеніе. Высказывая такую мысль, Калинка еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ находилъ нужнымъ дать польской націи ея „патологію“ въ формѣ повѣствованія о польскихъ дѣлахъ конца XVIII вѣка, которое было бы написано историкомъ и политикомъ ³⁾. Самъ онъ я далъ такую патологію польскаго государства въ двухъ главныхъ своихъ историческихъ трудахъ.

Первый изъ нихъ вышелъ въ свѣтъ въ 1868 г. подъ заглавіемъ „Послѣдніе годы царствованія Станислава Августа“ ⁴⁾. Въ основу

¹⁾ Ibid., 3.

²⁾ Galicya i Kraków pod panowaniem austryackim, стр. 169 (приведено въ цитируемой брошюрѣ на стр. 12).

³⁾ *Wzr. Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 14—15.

⁴⁾ *Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta*. Напечатано въ сборникѣ

этого сочиненія легъ матеріалъ, собиравшійся авторомъ для біографіи Адама Чарторыскаго, а цѣлю его поставлено было „отрезвленіе“ націи, „поученіе современниковъ и потомства“: Калинка взялся за свой трудъ въ виду, какъ самъ онъ говоритъ, „стремленія, столь долго у насъ (то-есть, поляковъ) господствующаго,—прикрывать свои ошибки и выставять выше мѣры свои добродѣтели и заслуги“, а главною его задачей было показать на основаніи историческихъ данныхъ, что поляки сами были виновниками своего паденія, и что несчастья, которыя обрушивались на нихъ тогда и впослѣдствіи, суть „наказаніе (rokuta), заслуженное народомъ“, при чемъ „главная, если не исключительная причина паденія“ и всѣхъ бѣдствій, какъ въ XVIII, такъ и въ XIX вѣкѣ лежитъ для Калинки въ различныхъ недостаткахъ польскаго характера, переходящихъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ ¹⁾. Послѣдняя мысль, то-есть, указаніе на недостатки польскаго характера, какъ чуть не на исключительную причину паденія Польши, высказывается здѣсь не впервые: еще въ статьѣ о кандидатурѣ Копти Калинка, говоря о деморализаціи поляковъ съ середины XVII вѣва, довольно ясно проводитъ ту общую мысль, что главная причина всѣхъ бѣдъ была не въ политическомъ устройствѣ, не въ соціальныхъ отношеніяхъ, не въ бѣдности матеріальныхъ средствъ, не въ направленіи реформы, проведенной въ XVIII вѣкѣ, а въ порчѣ народнаго характера. Эта порча не прекратилась, по представленію историка, и въ XIX вѣкѣ, и вотъ почему своимъ первымъ сочиненіемъ о царствованіи послѣдняго польскаго короля онъ думаетъ поучать современниковъ и потомство. Почти одновременно съ этою историческою работою Калинки вышла родственная ей по духу Тека Стайцзюка, сдѣлавшаяся манифестомъ вновь образовавшейся въ Галиціи политической партіи „станьчиковъ“. Объ исторіи образованія этой партіи мнѣ приходилось говорить и раньше, и я позволю себѣ привести здѣсь извлеченіе изъ того, что было тогда мною объ этомъ написано.

Ramiętników z XVIII w., познанскимъ книгопродавцемъ Жупанскимъ (т. X, въ двухъ частяхъ). Трудъ состоитъ изъ „вступленія“ въ 285 страницъ и документовъ занимающихъ 401 стр. Здѣсь разсматриваются: 1) внѣшнія отношенія Р. П. въ эпоху перваго раздѣла; 2) характеры Станислава-Августа и Екатерины II; 3) внутреннія дѣла отъ 1764 до 1772 г.; 4) первый раздѣлъ; 5) „соправительство“ Штагельберга въ 1776—1787 гг.; 6) политика Петербургскаго двора и 7) сѣвдъ въ Каневѣ. Къ послѣднимъ годамъ Станислава-Августа относятся приложенія, а текстъ—къ первымъ.

¹⁾ Ibid., предисловіе.

„Послѣ 1863 г. поляки все еще надѣялись на иностранную интервенцію и на пушки Наполеона III. Въ 1866 г. Австрію сильно поколотила Пруссія: усиленіе Пруссіи было, конечно, не на руку патриотамъ, мечтавшимъ о возстановленіи Польши при помощи Франціи. Въ Краковѣ задумались — задумались нѣкоторые профессора тамошняго университета и редакция газеты Часть. И профессора, и журналисты, относившіеся прежде враждебно къ Велѣпольскому, стали сожалѣть, что возстаніе 1863 г. опрокинуло маркиза. Тогда четыре челоуѣка, въ числѣ которыхъ былъ Шуйскій, задумали составить общими силами анонимный памфлетъ, которому дали названіе Теки Станьчика („тека“ по польски значитъ портфель, а Станьчикъ былъ придворный шутъ въ XVI в., играющій въ историческихъ преданіяхъ Польши ту же роль, какъ у насъ извѣстный Балакиревъ). Авторы прикрылись именемъ Станьчика не даромъ: онъ прослылъ за великаго остролова, за критика и сатирика, осмѣивавшаго оппозиціонныхъ сенаторовъ и сеймовыхъ депутатовъ. Появившись сначала въ журналѣ Przegląd Polski, портфель Станьчика былъ изданъ потомъ и отдѣльно (1868 г.). Все возстаніе было здѣсь осмѣяно очень остроумно и съ талантомъ; памфлетъ читался, но и ругался, ругался жестоко. Собственно говоря, и самое прозвище станьчиковъ было дано врагами Теки сотрудникамъ Польскаго Обозрѣнія, пріютившаго у себя памфлетъ, и сотрудникамъ Часа, которые работали и въ Обозрѣніи. Около первоначальной кучки станьчиковъ стали группироваться другіе профессора изъ Кракова и Львова, аристократы и шляхта, депутаты въ вѣпскомъ рейхсратѣ и въ берлинскомъ рейхстагѣ, — конечно, все поляки. Такъ и образовалась цѣлая партія, провозгласившая, что возстаніи больше не нужно, что возстаніе 1863 г. было величайшимъ бѣдствіемъ. Собственно говоря, идея партіи не была новою: ее проповѣдывали и раньше, хотя бы тотъ же Велѣпольскій. Новостью было образование нереволюціонной польской партіи. Образовалась она, какъ мы видѣли, въ періодъ между Садовой и Седаномъ, между разгромомъ Австріи и разгромомъ Франціи: усиленіе Пруссіи и ослабленіе Франціи должны были подрѣзать крылья полету польскихъ мечтаній на счетъ осуществленія независимой Польши. Въ этотъ же промежутокъ времени, именно 10-го іюня 1869 г., Францъ-Иосифъ далъ Галиціи патентъ, допускавшій польскій языкъ въ школу, администрацію и судъ: до того времени въ Галиціи съ 1772 г., а въ Краковѣ съ 1846 г., кромѣ 1848—1851 годовъ, царствовалъ нѣмецкій языкъ.

Станьчики были въ восторгѣ, превозносили Франца-Иосифа и вѣлялись въ вѣрности Габсбургской династіи“¹⁾. Идея лойальности и сдѣлалась лозунгомъ партіи (хотя въ отношеніи къ Россіи эта идея не была примѣнена „австрійскими легитимистами“, какъ кто-то называлъ станьчиковъ). Въ области исторіографіи станьчики обратились къ антиреспубликанской традиціи, и результатомъ этого было возникновеніе „краковской“ исторической школы. Названное сочиненіе Калинки, вышедшее въ свѣтъ въ одинъ годъ съ Текой Станьчика, играло немаловажную роль въ образованіи новой школы. Можно установить извѣстную связь между партіей станьчиковъ и краковскою школою, и она будетъ ясна главнымъ образомъ изъ отношенія, въ какое становится Калинка къ личности Станислава Августа.

До выхода въ свѣтъ „Послѣднихъ годовъ царствованія Станислава Августа“, польскіе историки слѣдовали въ своихъ взглядахъ какъ на это время, такъ и на названнаго короля разсмотрѣнной нами выше книгѣ Коллонтая, Дмоховскаго и Потоцкихъ (Станислава и Игнатія) „O ustanowieniu i uadku konstytucyi 3 maja“. Авторы этого политическаго памфлета объявили главными виновниками паденія Польши тарговичанъ и короля, котораго они винили въ томъ, что онъ принялъ участіе въ наиболѣе позорныхъ дѣлахъ эпохи, и что его характеръ не соотвѣтствовалъ великимъ дѣламъ конституціоннаго сейма. Калинка первый изъ польскихъ историковъ sine ira хотя и не всегда sine studio, представилъ характеръ этого короля въ настоящемъ свѣтѣ²⁾. Въ представлевіи Калинки Станиславъ Августъ самъ не безъ грѣха, перестаетъ быть единственнымъ козломъ отпущенія, если не считать еще тарговичанъ. Не онъ одинъ былъ вино-

¹⁾ См. мои „Польскія письма“, печатавшіяся въ *Русской Мысли* за 1881, 1882 и 1885 гг. Письмо восьмое (1885 г., февраль, стр. 38—39).

²⁾ Вотъ, на примѣръ, отзывъ *Вл. Смоленскаго* о характеристикѣ Станислава Августа: „Można by autorowi zarzucić pewną dla Stanisława Augusta słabość, chęć oszczędzania go przez pominięcie np. faktu—brania pieniędzy; pomimo tego charakterystykę człowieka uważamy za rzetelną i wykonaną świetnie. Delikatnie Kalinka ją rzeźbił i zgodne z prawdą niełatwe do uchwycenia rysy przedstawił trafnie“. *Stanowisko Kalinki*, 21. Характерытка St. Aug. jest tak ścisłą że podpisalibyśmy ją dziś jeszcze prawie bez zastrzeżeń *T. Korzon*. W. Kalinka jako historyk. *Г. Смоленскій*, находящій недостаточную характеристику самого г. Корзона, говоритъ еще: Chociaż nowego materiału do osobistej działalności Poniatowskiego dostarczył p. Korzon dużo, pomimo tego nie straciła wartości optymistyczna nieco, lecz subtelna i pełna prawdy psychologicznej charakterystyka króla wyrzeźbiona rylcem Kalinki (*Ateneum* 1887. Październik, 6).

вать. „Виновать былъ“, говоритъ историкъ, — „весь народъ (cały naród), преимущественно правящій классъ (klasa rządząca), который завла- дѣлъ для себя всѣми достатками и выгодами, могшими служить цѣ- лому, отвыкъ отъ труда, не могъ отдѣлаться отъ своей надменности а съ нею и отъ легкомыслія, и для котораго сдѣлалось какъ бы поли- тическимъ кодексомъ—подозрѣвать своихъ королей, предпочитать чужую власть, продаваться высшимъ, презирать низшихъ. Виновато духовенство, по скольку не дѣйствовало противъ ни одного изъ народ- ныхъ недостатковъ и даже само раздѣляло каждый какъ въ публич- ной, такъ и въ частной жизни. Были виновны и вельможные дома Радзивилловъ, Потоцкихъ, Красинскихъ, Пацовъ, Сулковскихъ, Ябло- новскихъ, Браницкихъ, которые втискивали общественное дѣло въ свои семейные кружки, не признавая въ обыденной жизни ни закона, ни нравственныхъ правилъ,—разнузданныя (rozhułkane) индивидуаль- ности съ неугасимою другъ ко другу завистью, неспособныя что-либо создать, способныя обыкновенно только сокрушать. Не были безупреч- ными и немногія реформаторскія фамиліи, Чарторыскіе, гораздо болѣе разумные, чѣмъ тѣ, но жесткіе (twardzi) и презрительные (pogardliwi) которые хотѣли спасти народъ помимо его воли ловкостью или силой (gwałtem, то-есть, насиліемъ), заимствованною у иностранцевъ, не принима- я въ расчетъ, что это насиліе легко обратится противъ нихъ са- михъ, если они не счумѣютъ напередъ примирить своихъ соотече- ственниковъ. Виновать былъ наконецъ и Станиславъ Августъ, кото- рый горячо желалъ престола ради славы (dla chwaly), а достигъ его путемъ наименѣе славнымъ и упорно за этотъ престолъ держался, хотя послѣдній приносилъ ему не разъ только омерзѣніе (obrzydzenie) и безславіе“¹⁾. Если, не смотря на мѣста въ родѣ этихъ строкъ о Станиславѣ Августѣ, встрѣчающіяся и на другихъ страницахъ сочи- ненія, все-таки замѣтенъ нѣкоторый „studium“ Калинки по отно- шенію къ королю, то причину такого расположенія историка къ Станиславу Августу нужно искать въ политическихъ воззрѣніяхъ пер- ваго, съ точки зрѣнія коихъ должна была оправдываться и прави- тельственная программа второго. И въ XVIII вѣкѣ, и въ XIX было два теченія въ польской политикѣ: одно, ставившее цѣлью народной дѣятельности упорядоченіе внутренняго быта страны, оставаясь въ данныхъ условіяхъ, и другое, стремившееся прежде всего отдѣлаться отъ виѣшной силы, оставляя внутреннее улучшение ad meliora tem-

¹⁾ Ostatnie lata panowania St. Aug., I стр. 5.

рога. Станиславъ Августъ въ XVIII вѣкѣ старался идти за первымъ теченіемъ, и это ставить ему въ заслугу историкъ XIX вѣка, принадлежащій къ партіи, которая выставила аналогичный девизъ. Само собою разумѣется, что тѣхъ, которые стояли въ оппозиціи къ Станиславу Августу, Калинка порицаетъ. Такое положеніе историка, какъ мы увидимъ, не всегда позволяетъ ему быть вполне безпристрастнымъ: въ немъ все-таки слышенъ челоувѣкъ партіи, хотя бы, пожалуй, и той, которая была при данныхъ обстоятельствахъ болѣе права и могла бы принести болѣе пользы, чѣмъ другая. Совершенно какъ публицистъ, карая и негодуя, относится онъ къ отдѣльнымъ личностямъ прошлаго вѣка и отдѣльнымъ ихъ поступкамъ, словно онѣ живутъ и дѣйствуютъ теперь, и на нихъ можно еще оказывать влияніе словомъ убѣжденія, дабы обратить ихъ на истинный путь. Это относится къ числу недостатковъ сочиненія, о которыхъ можно еще сказать слѣдующее. Въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа“ Калинка ограничивается внѣшними отношеніями и борьбою партій, не останавливаясь ни на матеріальномъ бытѣ, ни на умственномъ состояніи польской націи въ это время: историкъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ его критиковъ, не придавалъ этимъ сторонамъ національной жизни большого значенія, думая, что судьбы государствъ зависятъ только отъ стеченія общихъ историческихъ обстоятельствъ и нравственнаго состоянія гражданъ¹⁾. Поэтому картина Польши при Станиславѣ Августѣ, начертанная Калинкою, не полна. Это одинъ недостатокъ его сочиненія. Другіе два—только-что отмѣченный публицистическій тонъ, который не всегда соответствуетъ той цѣли, къ какой стремится спокойно-научное обсужденіе фактовъ, и замашки моралиста, не столько ищущаго причины зла и описывающаго его проявленія, сколько думающаго уничтожить его своею проповѣдью. Тѣмъ не менѣе сочиненіе это пользуется заслуженнымъ почетомъ у польскихъ историковъ. „Ostatnie lata panowania Stanistawa Augusta“, говоритъ г. Смоленскій,—„трудъ большой цѣны, вслѣдствіе обилія матеріала, открывающаго въ исторіи XVIII вѣка обширные и новые

¹⁾ *Wł. Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 23. Онъ порицаетъ еще Калинку за то, что тотъ слишкомъ обобщаетъ факты деморализаціи: „Народъ не былъ такимъ пьяницей, какъ Радзивиллъ, такимъ сумасшедшимъ (*waryatem*), какъ Солтыкъ, такимъ злодѣемъ, какъ Понинскій, такою ничтожностью, какъ Браницкій, такимъ гордецомъ, какъ Феликсъ Потоцкій, такимъ интриганомъ, какъ Подоскій—не былъ такимъ, какъ они, а только былъ глухъ“. *Ibid.*, 24.

виды. Не одинъ Калинка имѣлъ смѣлость писать о прошломъ прямо и открыто, но онъ первый съ запасомъ богатаго матеріала разсѣялъ мракъ эпохи Станислава Августа, представилъ въ настоящемъ свѣтѣ главныя личности, открылъ тайныя пружины закулисныхъ интригъ. Онъ сдѣлалъ это съ основательнымъ знаніемъ польскихъ и заграничныхъ отношеній, съ проницательностью и талантомъ¹⁾. „Достоинство предисловія къ „Ostatnim latom rapanowania Stanislawia Augusta“, говоритъ и г. Корзонъ,—„заключается въ провозглашеніи новаго девиза для историческихъ изслѣдователей. Документы, извлеченные изъ архивовъ, были обиднаго свойства, оскорбительныя для національнаго самолюбія; съ разныхъ сторонъ приходили тогда къ Калинкѣ протесты и желанія, чтобы онъ ихъ не печаталъ, чтобы не маралъ собственного гнѣзда; онъ же, разсмотрѣвъ всѣ аргументы, доказываетъ, что правда должна быть узнана во всей наготѣ, если должна быть дѣйствительнымъ средствомъ для излѣченія народнаго духа... Смѣло возстаетъ онъ противъ господствовавшего до того времени убѣжденія, что Польша была Христомъ народовъ и сошла въ гробъ добровольно святою и непорочною. Онъ прямо указываетъ, что ея паденіе произошло вслѣдствіе собственной вины. Такая декларация“, прибавляетъ историкъ,—„требовала въ то время гражданскаго мужества... Это предисловіе“, говоритъ онъ далѣе,—„произвело въ свое время большое впечатлѣніе: ему въ значительной степени слѣдуетъ приписать переворотъ во взглядахъ на прошлое и въ программахъ научныхъ работъ, особенно краковской школы. Я долженъ признаться, что и я былъ въ числѣ убѣжденныхъ доводами Калинки, и въ этомъ отношеніи я, такимъ образомъ, его ученикъ“²⁾. Послѣднее заявленіе особенно важно въ виду того, что г. Корзонъ по многимъ пунктамъ діаметрально противоположнаго мнѣнія, чѣмъ Калинка.

Предисловіе къ „Послѣднимъ годамъ царствованія Станислава Августа“ дѣйствительно любопытно. Кое-что изъ него было приведено выше, но кое-что слѣдуетъ еще и прибавить. Напримѣръ, автору приходится доказывать, что опубликованіе новыхъ историческихъ документовъ, важное въ научномъ отношеніи, не можетъ быть для поляковъ вреднымъ въ отношеніяхъ моральномъ и политическомъ³⁾;

¹⁾ *Wł. Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 26.

²⁾ *T. Korzon*. Walerjan Kalinka jako historyk. *Przegląd literacki* (dodatek do *Kraju*) 1887. I, стр. 3—4.

³⁾ *Ostatnie lata*, стр. V sq.

приходится указывать на вредъ, происходящій отъ стремленія поляковъ замалчивать свои ошибки и чрезмѣрно выставять свои добродѣтели и заслуги ¹⁾; приходится возражать противъ мысли, что польскіе историки должны доказывать иностранцамъ, будто народъ польскій всегда былъ достоинъ независимости и имѣлъ силы ее поддерживать, и будто Рѣчь Посполитая пала только отъ внѣшнихъ причинъ ²⁾; приходится увѣрять своихъ соотечественниковъ, что странно было бы скрывать прежніе свои недостатки, чтобы не доставить радости „москалямъ“ ³⁾. Основная идея Калинки та, что поляки были сами виною своего паденія. „Исторія XVIII вѣка свидѣтельствуетъ“, говоритъ онъ, — „что чужеземныя правительства, которыя насъ такъ теперь удручаютъ, не случайно попали въ Польшу; мы сами и постоянно влекли ихъ въ страну, можно сказать, упрашивали ихъ придти“ ⁴⁾.

Не разсматривая фактическаго содержанія книги, укажемъ еще на то, какимъ образомъ Калинка, австро-польскій патриотъ и ультрамонтанскій католикъ, понимаетъ русско-польскія отношенія и диссидентскій вопросъ. Авторъ „Послѣднихъ лѣтъ Станислава Августа“ разбираетъ русскій взглядъ (собственно Соловьева въ „Паденіи Польши“) на эти отношенія: излагая этотъ взглядъ, онъ пропускаетъ, однако, указаніе на „собираніе Руси“ и все сводитъ къ тому, что Польша-де лежала на дорогѣ, по которой Россія шла къ своему величію,—такъ будто бы мотивируетъ всю русскую политику по отношенію къ Рѣчи Посполитой Соловьевъ ⁵⁾. По Калинкѣ, „заборъ“ Польши для Россіи не былъ ни необходимымъ, ни выгоднымъ дѣломъ: Петръ Великій стремился на востокъ, къ Каспійскому морю и Персіи, а послѣ его смерти „нѣмецкіе авантюристы“ толкнули Россію на западъ и этимъ только отвлекли ее отъ ея прямого назначенія—идти въ Азію ⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что Екатерина, сажая на престолъ Понятовскаго, никакъ не могла думать о возможности покоренія, раздѣла и уничтоженія Польши ⁷⁾, Калинка критикуетъ русскихъ историковъ, утверждающихъ рѣшительно, что въ ту эпоху не всѣ

¹⁾ . . . dążność tak długo u nas panująca zakrywania błędów a podnoszenia nad miarę naszych cnót i zasług. Ibid., VII.

²⁾ Ibid., IX.

³⁾ Ibid., XI.

⁴⁾ Ibid., LXV.

⁵⁾ Ibid., LXV.

⁶⁾ Ibid., LXVI sq.

⁷⁾ Ibid., LXXX.

счета между Россіей и Польшей были покончены. Совсѣмъ напротивъ, говоритъ онъ, — „вѣковые споры были улажены. Москва достигла уже обладанія Кіевомъ, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ ей очень дорогъ, а полякамъ былъ совсѣмъ не въ прокъ; дальнѣйшія ея претензіи до Черной и Червоной Руси были болѣе или менѣе столь же основательны, какъ притязанія Польши, еслибъ она заявляла право на Лузацію или устья Эльбы потому, что надъ ними когда-то тамъ, въ XI и XII вѣкѣ, господствовала“ ¹⁾). Поэтому и Екатеринина, по словамъ автора, „довольно спокойно (въ началѣ) смотрѣла на устанавливавшійся въ Польшѣ порядокъ подъ условіемъ, что польское правительство будетъ подчиняться ея вліянію“ ²⁾). Когда съ прусской стороны зашла рѣчь о раздѣлѣ, Екатерину, — думаетъ Калининка, — склоняли къ этому приближенные такими аргументами: Бѣлоруссія, ближайшая къ Петербургу польская провинція, была богата королевскими и панскими экономіями (для будущей раздачи сторонникамъ раздѣла) и весьма подходящимъ образомъ округляла границы и облегчала сообщеніе съ южными областями, тѣмъ болѣе, что она уже не разъ принадлежала Россіи, и изъ-за нея происходила кровавая борьба ³⁾). Впрочемъ, потерю этой провинціи, бѣдной, мало населенной и „притомъ сомнительной народности“ (*watpliwej narodowości*) онъ не считаетъ важною, и поляки съ этимъ помирились бы, если бы Россія въ этоу четырехлѣтняго сейма соединилась съ ними противъ Пруссіи, что было въ интересахъ обоихъ государствъ ⁴⁾). Мстительность Екатеринины, по объясненію польскаго историка, помѣшала этому.

Въ диссидентскомъ вопросѣ авторъ останавливается только на внѣшней дипломатической сторонѣ: онъ, какъ думаетъ одинъ критикъ, — не заглянулъ глубже въ настроеніе народныхъ массъ, вѣроятно, для того, чтобы не касаться проявленій католическаго фанатизма ⁵⁾). Религіозный индифферентизмъ въ Польшѣ, о которомъ онъ часто говоритъ, обобщая это явленіе, встрѣчался, да и то не безъ исключеній,

¹⁾ Ibid., LXXXI.

²⁾ Ibid., LXXXIII.

³⁾ Ibid., XCI.

⁴⁾ Ibid., XCIII.

⁵⁾ *T. Korzon. W. Kalinka, jako historyk. II, 3.* Вотъ еще важное замѣчаніе г. Корзона о книгѣ: *cecha katolik albo polak i katolik jest używaną za probierz wartości politycznej ludzi, chociaż Polka posiadała zaledwo połowę ludności wyznania czysto katolickiego.*

въ высшемъ слоѣ общества, испытывавшемъ на себѣ вліяніе французской литературы. Въ другихъ отношеніяхъ Калинка коснулся церковныхъ дѣлъ этой эпохи, но съ довольно исключительной точки зрѣнія: къ папѣ Клименту XIII онъ старается возбудить симпатію читателя-поляка указаніемъ на то, что папа велѣлъ внести въ бревіарій молитву за Польшу и устроилъ въ Римѣ торжественные молебны съ участіемъ всѣхъ орденовъ и конгрегацій на *intencye Polski* ¹⁾. О дурномъ вліяніи нунціатуры на ходъ уніатскаго дѣла онъ умалчиваетъ. Впрочемъ, мѣстное духовенство, особенно епископатъ, нашло въ историкѣ строгаго судью, который не стѣсняется даже въ выраженіяхъ, когда говоритъ о лицахъ изъ клира, игравшихъ роль въ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ ²⁾. Калинка, далѣе, не соглашается съ объясненіемъ „русскихъ писателей, увѣряющихъ, что Екаторину заставила поднять диссидентскій вопросъ забота о польскихъ „схизмативахъ“: „разновѣрцы этого рода“, говоритъ онъ, — „которыхъ въ Польшѣ было не больше двухсотъ или трехсотъ тысячъ, принадлежали вообще къ крестьянскому сословію, а тѣмъ самымъ вовсе не могли пользоваться политическими правами, коихъ русская императрица требовала для диссидентовъ“ ³⁾.

Отмѣтимъ еще нѣсколько страницъ, на которыхъ Калинка разсматриваетъ, на сколько вѣрно мнѣніе, что поляки стали исправляться послѣ перваго раздѣла. Эту мысль пустилъ въ ходъ Ферранъ, книга котораго и „ввела“, говоритъ авторъ, — „поляковъ въ заблужденіе“. Самъ онъ противнаго мнѣнія: „бѣдствіе перваго раздѣла не исправило народа“ ⁴⁾. Спокойствіе Польши послѣ перваго раздѣла зависѣло отъ „простраціи силъ“ и „зоркаго глаза“ русскаго посланника ⁵⁾. Что дѣлалось хорошаго, то дѣлалось королемъ, „постояннымъ совѣтомъ“ и усиліями единицъ ⁶⁾.

Своимъ трудомъ о царствованіи Станислава Августа Калинка помогъ образованію политической партіи „станьчиковъ“ и положилъ начало краковской исторической школѣ, изъ которой, какъ мы видѣли, вышли Бобржинскій и Шуйскій; первый — совершенно ея по-

¹⁾ *Ostatnie lata*, стр. CXLIX.

²⁾ *Ibid.*, LX, CXVIII.

³⁾ *Ibid.*, LXXXIV.

⁴⁾ *Ibid.*, CCXXI.

⁵⁾ *Ibid.*, CCXXII.

⁶⁾ *Ibid.*, CCXXIII.

рожденіе, хотя не безъ содѣйствія нѣмецкой науки государственнаго права, второй—завоеваніе, сдѣланное школой у противной доктрины. Черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ послѣ основанія „школы“ ея главѣ пришлось, однако, выступить противъ наиболѣе виднаго ея адепта: въ числѣ критиковъ „Dziejów Polski w zagysie“ Бобржинскаго оказался и Калинка, протестовавшій между прочимъ противъ выраженной въ книгѣ симпатіи къ полицейскому государству. Кромѣ критическаго разбора идей своего ученика ¹⁾, онъ написалъ въ промежутокъ времени между обоими главными своими историческими трудами только небольшой (65 стр.) этюдъ о политикѣ Австріи въ дѣлѣ конституціи 3-го мая ²⁾, вошедшій въ составъ „Четырехлѣтняго сейма“, лекцію о мученической кончинѣ св. Станислава ³⁾, и въ этотъ же промежутокъ онъ вступилъ въ орденъ „воскресенцевъ“ (zmagtwuchwstańców) и сдѣлался священникомъ. Въ двѣнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ „Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta“ отъ „Четырехлѣтняго сейма“, Калинка еще дальше ушелъ отъ своихъ первоначальныхъ, болѣе свободныхъ взглядовъ въ области религіи и политики, но какъ историкъ, несомнѣнно, сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдняго капитальнаго труда Калинки.

„Книга“,—такъ начинается предисловіе къ „Четырехлѣтнему сейму“ ⁴⁾—„книга, первый томъ которой выходитъ въ свѣтъ, отличается по многимъ взглядамъ отъ сочиненій другихъ авторовъ, занимавшихся тою же самою эпохою. Полагаю, что главная причина разницы—обиліе историческихъ матеріаловъ, бывшихъ въ первый разъ доступными автору книги“ ⁵⁾. Въ предисловіи ко второму изданію первой

¹⁾ O książce prof. M. Borzbyńskiego: „Dzieje Polski w zagysie“. Kraków. 1879.

²⁾ Polityka dworu austriackiego w sprawie konstytucyi 3-go maja. Kraków. 1873.

³⁾ Męczeństwo św. Stanisława i jego znaczenie w dziejach narodu. Kraków. 1879.

⁴⁾ Sejm czteroletni. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1880 г., второй въ два приѣма въ 1884 и 1886. Мы пользоваться будемъ третьимъ изданіемъ.

⁵⁾ Эти матеріалы суть: архивъ Станислава Августа, которымъ раньше никто не пользовался; бумаги музея князей Чарторыскихъ въ Краковѣ; тайные архивы въ Вѣнѣ и Берлинѣ; ватиканскій архивъ; разные фамильные архивы и т. п. По собственнымъ словамъ автора (предисловіе, стр. VI), русскихъ источниковъ у него подъ руками было мало. Въ одномъ мѣстѣ онъ сожалѣетъ, что по не зависящимъ обстоятельствамъ не пользовался варшавскимъ главнымъ архивомъ Царства Польскаго. I, 339. *Korzon* въ своей критической статьѣ объ этомъ соч. указываетъ на нѣкоторые важные пробѣлы въ источникахъ (*Ateneum*. 1881. Luty, 325).

половины второго тома Калинка говорить, что ожидалъ много порицаній по адресу своего труда: „Я“, поясняетъ онъ, — „опровергалъ многое, что до тѣхъ поръ принималось за исторически-достоверное, указывалъ на тяжкія прегрѣшенія тѣхъ, которые блистали безъ пятенъ, возвышалъ заслуги другихъ, обыкновенно всѣми порицавшихся“. Книга, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ много новаго, и именно, благодаря желанію автора не пропустить ничего изъ того, что было найдено имъ въ архивахъ, общее построеніе труда оставляетъ желать очень многого. Въ этомъ сознается самъ Калинка. „Не сомнѣваюсь“, говоритъ онъ, — „что на моемъ мѣстѣ какой-нибудь Ранке, Токвиль, Тэнъ и не одинъ изъ нашихъ сьумѣлъ бы короче изложить дѣло, не лишая его вслѣдствіе этого ясности и обстоятельности (dokładności): я не умѣлъ“. Въ свое оправданіе онъ приводитъ то соображеніе, что помѣщеніе документовъ въ концѣ книги было бы равносильно обреченію ихъ на то, чтобъ ихъ не читали. Повторныхъ, четырехлѣтній сеймъ началъ свою дѣятельность съ уничтоженія многихъ учреждений, а такъ какъ при маломъ знакомствѣ польскаго общества съ эпохой многія изъ этихъ учреждений плохо извѣстны, то и пришлось дѣлать ретроспективные экскурсы, чтобъ имѣть возможность правильно оцѣнить дѣятельность сейма. Наконецъ, авторъ нашелъ много фактовъ, дотолѣ бывшихъ неизвѣстными или передававшихся невѣрно: одни нужно было исправить, а другіе жаль было опустить, такъ какъ извлечены они были изъ не всѣмъ и не всегда доступныхъ архивовъ¹⁾.

Калинка умеръ въ 1886 году, не успѣвъ окончить свой трудъ. По первоначальному плану послѣдній долженъ былъ состоять изъ семи „книгъ“, изъ коихъ авторъ успѣлъ вполне закончить пять, а изъ дальнѣйшаго остались только большіе или меньшіе отрывки, помѣщавшіеся послѣ его смерти въ повременныхъ изданіяхъ²⁾. Первая книга посвящена предсеймовымъ дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ (1787 — 1788), вторая — уничтоженію „постояннаго совѣта“ (1788—1789), третья—правленію сейма (1789), четвертая — дружбѣ съ Прус сией, пятая — реформѣ Рѣчи Посполитой (1790—1791); изъ двухъ остальныхъ книгъ одна должна была представить разборъ кон-

¹⁾ Sejm czteroletni. I, стр. VII.

²⁾ Редакція газеты *Kraj* приобрѣла право на напечатаніе этихъ фрагментовъ. См. №№ 21, 22, 22, 24, 50 и 51 этой газеты за 1887 и въ №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 за 1888 г.

ституціи 3-го мая, а другая была бы посвящена нравственному и общественному состоянію Польши.—Калинка прямо вводитъ насъ *in medias res*. Онъ не дѣлаетъ предварительнаго обзора польскихъ учреждений и культуры, а разсматриваетъ ихъ при случаѣ, урывками, не давая цѣльной картины и нарушая теченіе разсказа, который самъ страдаетъ излишнею, такъ сказать, хронологичностью, такъ какъ авторъ не сближаетъ между собою однородные предметы. Кромѣ того, критики имѣли полное право поставить на видъ трудность добратся до сужденій автора вслѣдствіе обилія въ сочиненіи внѣшней политики ¹⁾. Я уже упоминалъ объ идеѣ Калинки относительно; судьбъ государствъ: онѣ, по его представленію, зависятъ только отъ двухъ факторовъ, изъ коихъ одинъ—именно общія политическія обстоятельства, а потому и понятно, почему онъ далъ столько мѣста въ своемъ сочиненіи *sprawom zagranicznym*. Въ самомъ дѣлѣ, внѣшней политикѣ посвящено у него все начало перваго тома: въ первой главѣ идетъ рѣчь объ австро-русскомъ союзѣ и турецкой войнѣ, вторая носитъ названіе „плановъ Герцберга“; третья отведена вопросу о польско-русскомъ союзѣ, то-есть, авторъ начинаетъ свою книгу съ имѣвшихъ для Польши значеніе взаимныхъ отношеній Россіи, Австріи и Пруссіи въ эпоху непосредственно предшествовавшихъ четырехлѣтнему сейму (1787—1788) годовъ и т. д. Издавая первую половину втораго тома, цѣликомъ посвященную внѣшней же политикѣ, Калинка писалъ въ предисловіи, что эта часть вмѣстѣ съ прежде вышедшимъ томомъ составитъ нѣкоторое отдѣльное, законченное цѣлое: „это—изображеніе внѣшней политики четырехлѣтнаго сейма по день 3-го мая“. Дѣйствительно, въ первомъ томѣ изъ 113 параграфовъ 34, то-есть, цѣлая треть, заняты внѣшнею политикой, а первая половина втораго тома (30 параграфовъ) цѣликомъ почти содержитъ въ себѣ то же. Въ исторіи собственно сейма Калинка останавливается въ первомъ томѣ на возникновеніи вопроса о новой конституціи. Вторая половина II тома (26 §§) вся занята внутренними дѣлами Польши отъ февраля 1790 г. до апрѣля 1791 г., при чемъ въ отдѣльной главѣ разсматривается политическая литература той эпохи. Обращая главное вниманіе на внутреннюю исторію Рѣчи Посполитой, я не стану касаться того,

¹⁾ Punktem wyjścia i osiã opowiadania są stosunki dyplomatyczne: ani intencji autora zrozumieć, ani wartości sądów jego ocenić niepodobna, nie ogarnąwszy ówczesnych zawikłań politycznych, podstępnych działań gabinetów i intryg. *Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 30.

какъ изображаетъ Калинка внѣшнюю политику этой эпохи, хотя, быть можетъ, здѣсь-то менѣе всего могутъ быть сдѣланы противъ него особенно серьезныя возраженія. Даже самый суровый критикъ „Четырехлѣтняго сейма“ (г. Корзонъ) остается болѣе всего доволенъ именно тѣми частями труда, которыя посвящены внѣшней политикѣ, находя, что Калинка здѣсь сдѣлалъ все, что было можно, а потому признавая громадную важность за выводами автора ¹⁾. Я не стану также передавать въ строгой послѣдовательности содержаніе „Четырехлѣтняго сейма“ ²⁾, а выберу отдѣльныя мѣста, въ коихъ наиболѣе рельефно выражаются мысли Калинки, и изложу ихъ въ извѣстномъ порядкѣ съ критическими замѣчаніями, гдѣ въ таковыхъ окажется надобность. Начнемъ съ отношенія автора къ политическому устройству Рѣчи Посполитой.

Въ параграфѣ, озаглавленномъ— „Безсиліе польскаго правительства и его внутреннія причины“ ³⁾, отмѣтивъ недостатокъ воинственности въ польскомъ народѣ, какъ причину слабого дѣйствія Рѣчи Посполитой извнѣ ⁴⁾, Калинка продолжаетъ: „Но было еще нѣчто болѣе печальное, нежели невоинственность народа, болѣе грозная, хотя и мало замѣчавшаяся болѣзнь, отсутствіе духа послушанія и то, что за этимъ идетъ, отсутствіе силы, единства общаго направленія“ ⁵⁾. Далѣе мы находимъ въ этомъ параграфѣ указанія на тѣ послѣдствія, какія имѣло для государства положеніе въ немъ королевской власти, при чемъ авторъ главнымъ образомъ имѣетъ здѣсь въ виду избирательность королей. Если Польша, думаетъ онъ,—не распалась раньше, то лишь благодаря тому, что шляхту еще долгое время оживляло чувство долга по отношенію къ родинѣ, и тому еще, что даже въ XVII вѣкѣ

¹⁾ Wyświetlenie nader zawilej akcyi dyplomatycznej z lat 1787 i 1788 stanowi cenny i trwały dla nauki nabytek; trudność zadania i kunsztowność ekspozycyi podnosi zasługi autora. Paragrafy księgi pierwszej, traktujące o sprawach obcych zadawalniają nas w zupełności. *Ateneum*. 1881. Luty, 326.—Część dyplomatyczna, stosunki i plany dworów, kombinacye polityki zagranicznej skreślone są w sposób wyczerpujący piórem mistrzowskim, 354.

²⁾ Это очень искусно сдѣлано на семи-восьми страничкахъ въ цитированной брошюрѣ *Смоленскаго* (стр. 30—37.).

³⁾ *Kalinka*, I, 78—86. Параграфъ этотъ вставленъ въ главу подъ названіемъ „Польско-русскій союзъ“ (1787—1788).

⁴⁾ Въ началѣ только-что указанной главы Калинка находитъ, что польско-русскій союзъ и война съ Турціей были бы полезны для Рѣчи Посполитой, такъ какъ пробудили бы въ ней уснувшій духъ воинственности. I, 61.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 80.

были еще люди высшаго характера, разума и самопожертвованія, какихъ уже совсѣмъ не было въ XVIII столѣтїи ¹⁾. Не довѣряя избирательному королю въ дѣлахъ внѣшней политики, каждая сколько-нибудь значительная семья съ чистою совѣстью считала всегда себя въ полномъ правѣ вести собственную политику, противную королевской. „Не было это съ ихъ стороны“, замѣчаетъ историкъ, — „продажею себя чужеземцу, забвенїемъ отчизны, или же измѣною, какъ слишкомъ часто и черезъ-чуръ огульно говорятъ теперь: логика фактовъ, послѣдствїя системы вели необходимо къ такой путаницѣ“ ²⁾. Эти „дома“ были какъ бы маленькими наслѣдственными государствами, „въ которыхъ господствовала большая дисциплина, нежели въ самой Рѣчи Посполитой, гдѣ таковой вовсе не было: короля можно было совершенно безопасно не слушаться, но бѣда была шляхтичу, который навлекалъ на себя неудовольствїе пана; нелегко удавалось ему уйти отъ его мести... Еслибы эти дома хотѣли держаться за руки, какъ это бывало въ XV вѣкѣ, особенно въ малопольскихъ родахъ не было бы трудности, которой бы они не преодолѣли и ни одинъ сосѣдъ не осмѣлился бы покуситься на цѣлость Рѣчи Посполитой. Они и короля принудили бы къ тому, чтобы онъ шелъ за ними; они въ король и въ себѣ соединили бы всѣ силы народа“ ³⁾. Относя

¹⁾ Ibid., I, 81.

²⁾ Ibid., 82. Нѣсколько выше по поводу конфедераціи, замышлявшейся Браницкимъ и Феликсомъ Потоцкимъ, но тогда отклоненной Россїей, Калинка выражается нѣсколько суровѣе о такой политикѣ пановъ, хотя и говоритъ, что они оставались въ душѣ поляками и ни за что на свѣтѣ не отреклись бы отъ польщины, слѣдовательно, не продавались. I, 69. О Феликсѣ Потоцкомъ въ другомъ мѣстѣ сказано: „Dałby był wiele, może nawet wszystko co posiadał, aby kraj dzwignąć i ratować, ale pod warunkiem, aby on był zbawcą, aby w kraju tak się działo jak on chce“. I, 120. Ср. § подъ заглавіемъ Przedajność w XVIII wieku powszechna, гдѣ любопытныя, хотя большею частью и извѣстныя, подробности объ этомъ предметѣ. Продажности Калинка не приписываетъ большого вліянія и, далеко не отрицая этой „плюсовой“ болѣзни въ Польшѣ, напротивъ, давая ей примѣры, онъ замѣчаетъ, что это была всеобщая болѣзнь XVIII вѣка. Ibid., I, 321—328.

³⁾ Ibid., I, 82—83. Въ примѣчанїи авторъ общаетъ въ другомъ мѣстѣ разобрать вопросъ, почему въ XV вѣкѣ избирательный престолъ не причинялъ такихъ бѣдствїй, а здѣсь высказываетъ такую мысль, что тогда не было-де *articulorum Henricianorum*, и „еще разрушительный духъ протестантизма не усилилъ въ той эпохѣ анархичныхъ элементовъ“. Ср. еще мѣсто, гдѣ говорится, что между двумя сеймами въ Польшѣ ничего не дѣдалось, то-есть, какъ бы не было исторїя страны. I, 112.

разладъ аристократическихъ фамилій на счетъ избирательности короны, Калинка совершенно вѣрно оцѣнилъ слѣдствія этого разлада: „Разсказывая о тѣхъ временахъ, надлежало бы писать исторію скорѣе семей (rodzin), нежели страны, ибо первая,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ,—имѣли свою руководящую мысль, свою сконцентрированную дѣятельность, здѣсь же не могло быть никакой послѣдовательности, такъ какъ ее прерывала смерть короля, или еще предъ этимъ затрудняли разныя препятствія“. Въ концѣ концовъ иноземецъ всегда могъ встрѣтить поддержку одной части народа противъ другой.¹⁾ „Прискорбно признаться“, говоритъ Калинка въ заключеніе,—„никакое польское правительство не могло уже найти опоры въ собственномъ народѣ, никакое не было въ состояніи одиными собственными силами выдержать внѣшнюю или внутреннюю бурю.. И отъ иноземныхъ, и отъ своихъ враговъ польское правительство могло заслонить себя не иначе, какъ будучи въ согласіи съ Россіей, а соглашеніе съ Россіей при тогдашнемъ характерѣ поляковъ, было зависимою отъ нея“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, уже разсказывая о дѣятельности четырехлѣтняго сейма, Калинка дѣлаетъ такое замѣчаніе: „говорили, что сеймъ былъ у насъ правительствомъ, но общество не можетъ остаться при правительствѣ, которое собирается разъ въ два года, а также и высшая исполнительная власть не можетъ быть поручена нѣсколькимъ стамъ людей. Правительство должно существовать и дѣйствовать безъ перерыва: natura horret vacuum; общество, которое себя лишаетъ этого элемента, тѣмъ самымъ обрекаетъ себя добровольно на подчиненіе чужому правительству“³⁾.

Еще цѣлый параграфъ посвящаетъ Калинка разъясненію того, почему „постоянный совѣтъ“, учрежденный въ 1775 г. Россіей и имѣвшій значеніе правительства, сдѣлался въ Польшѣ непопулярнымъ. Именно потому, отвѣчаетъ историкъ,—что онъ все-таки былъ правительствомъ, тогда какъ уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній польскій шляхтичъ не чувствовалъ надъ собою публичной власти, и, помимо того, на что самъ согласился, не считалъ себя обязаннымъ кого-нибудь или чего-нибудь слушаться⁴⁾. Изложивъ морально-политическій кодексъ польской шляхты въ XVII и XVIII вѣкахъ, авторъ

¹⁾ Ibid., I, 83.

²⁾ Ibid., I, 86.

³⁾ Ibid., I, 225—226.

⁴⁾ Параграфъ такъ и называется: *wybujały indywidualizm obywatelstwa nie znosi żadnego przymusu*, I, 341—344.

дѣлаеть такое заключеніе: „Не споримъ, въ этомъ кодексѣ есть много прекрасныхъ аспирацій, но развѣ въ немъ есть мѣсто для государства, для правительства? Весь строй Рѣчи Посполитой такимъ образомъ опирался единственно и исключительно на доброй волѣ обывателя. Послѣдней не годилось ставить какія-либо препоны, и это имѣло свою хорошую сторону, но не годилось также къ ней принуждать, ибо это было уже болѣзненнымъ оптимизмомъ. Добрая воля—стимуль, совѣсть—контроль, награда—поощреніе, и вотъ всё *instrumenta regni*. На столь идеальной основѣ нельзя удержать государства; народъ состоитъ не изъ ангеловъ“¹⁾). Въ слѣдующемъ параграфѣ Калинка разсматриваетъ практическое примѣненіе этого кодекса къ самой жизни Рѣчи Посполитой, что даетъ ему поводъ вкратцѣ изложить старопольскую конституцію²⁾). Зло, по его мнѣнію, было не въ *liberum veto*, а въ духѣ неповиновенія: „Народъ можетъ обойтись нѣкоторое время безъ сеймовъ и законодательства, но не можетъ существовать безъ правительства“. При Августѣ III не только не могли утверждаться новые законы, но и старые утратили обязательную силу; главные органы публичной службы разорвали между собою всякую связь, и отправленія правосудія почти не существовало. Законы требовали суровой кары за уклоненія отъ исполненія повинностей, но примѣнять эту кару боялись; наказанія смягчали, но и смягченныхъ не примѣняли. Король назначалъ сановниковъ, но смѣнять ихъ не могъ, и каждый сановникъ безконтрольно хозяйничалъ въ своемъ вѣдомствѣ: Рѣчь Посполитая уподоблялась экипажу, возница котораго сидѣлъ со связанными руками, а кони тащили въ разныя стороны. Надъ судомъ не было никакого контроля, и не существовало органовъ власти, которые приводили бы въ исполненіе рѣшенія суда. Поэтому Калинка вообще хорошо относится къ учрежденному и поддерживавшемуся Россіей „постоянному совѣту“, послѣ долгаго времени въ первый разъ дававшему Польшѣ правительственную власть³⁾). Но именно вслѣдствіе того, что „*rada nieustająca*“ явилась правительствомъ въ обществѣ, отъ него отвыкшемъ, она и возбудила противъ себя это самое общество.

Таково отношеніе новѣйшаго историка четырехлѣтняго сейма къ

¹⁾ Ibid., I, 343.

²⁾ Ibid., I, 345—352.

³⁾ Ibid., I, 352—364. Rada miała główne atrybucye prawdziwego rządu, jakiego Polska od dwóch wieków nie znała, I, 352. Rada nieustająca była pierwszą próbą rządu w społeczeństwie, które się przez wiek cały odbywało bez niego. I, 361.

польскому государственному строю. Въ замѣчаніяхъ Калинки объ отдѣльныхъ сторонахъ этого строя, собственно говоря, нѣтъ ничего новаго, но онъ собралъ и обобщилъ все, что до него говорилось о недостаткахъ политической организаціи Рѣчи Посполитой. Однако, не въ этой послѣдней онъ видитъ главную причину зла: польскій историкъ сошелся во взглядахъ съ однимъ изъ русскихъ историковъ, полагавшимъ всю бѣду въ общественной деморализаціи, именно съ Костомаровымъ, и пессимизмъ Калинки во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ общее отношеніе автора „Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой“ къ нравственному состоянію польскаго общества той эпохи.

Являясь очень часто въ своихъ сужденіяхъ моралистомъ и даже проповѣдникомъ азбучныхъ сентенцій, Калинка обобщаетъ отмѣчаемыя имъ постоянно явленія общественной деморализаціи. По поводу того, что никто, какъ говоритъ онъ, не хотѣлъ жертвовать своимъ достаткомъ въ пользу отечества, онъ, на примѣръ, замѣчаетъ: „печальна наша политическая исторія въ XVIII вѣкѣ, но во сто кратъ тягостнѣе картина нашей общественной нравственности передъ кончиною Рѣчи Посполитой“¹⁾. Но, спрашиваетъ онъ сейчасъ же, — „развѣ мы хуже были другихъ въ прошломъ столѣтіи?“ — и тотчасъ же отвѣчаетъ такъ: „Не вполне и не во всемъ, только наше политическое устройство приводило къ тому, что зло, которое въ насъ гнѣздилося, не встрѣчая сдержки, шире разливалось, глубже подъ нами подкапывалось“²⁾. Тѣмъ не менѣе онъ высказывается противъ реформаторской дѣятельности четырехлѣтняго сейма, по скольку послѣдняя касалась всего строя Рѣчи Посполитой, и, на оборотъ, больше значенія придаетъ моральному перевоспитанію общества. „Уже самая потребность такихъ перемѣнъ, которыя преобразовываютъ всю правительственную машину, предполагаетъ предшествующее долговременное нерадѣніе, исправить которое нельзя сразу никакими уставами. Не законы и не учрежденія нужно было бы въ такихъ случаяхъ прежде всего улучшать, но людей или ихъ характеръ, а объ этомъ либо не думаютъ, либо на это не имѣютъ времени. Государства, которыя въ XVIII вѣкѣ слишкомъ яро (skwapliwie) поддались реформаторской лихорадкѣ, дурно кончили: Португалія, Неаполь, Австрія, а особенно Франція и Польша, поплатились за это длиннымъ рядомъ бѣдствій и опасностей“³⁾. Въ послѣднихъ словахъ виденъ всендзъ, который

¹⁾ Ibid., II, 314.

²⁾ Ibid., II, 315.

³⁾ Ibid., II, 505.

не могъ одобрить даже тѣхъ реформъ въ духѣ XVIII вѣка, какія проводились „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“, да и самое перевоспитаніе народа онъ понимаетъ нѣсколько съ монашеской точки зрѣнія ¹⁾), вслѣдствіе чего остается равнодушнымъ къ успѣхамъ въ народномъ образованіи и литературѣ, все-таки сдѣланнымъ Польшею въ эту эпоху. Притомъ, по мнѣнію Калинки, „направа“ приходила слишкомъ поздно ²⁾). Поляки были неисправимы: они держались утопіи *liberum veto*, „не вышедшей изъ польскихъ головъ даже послѣ двухъ конфедерацій и перваго раздѣла; другою такою же утопіей была вольная элекція королей, а эта намъ обошлась“, говоритъ историкъ, — „еще въ одну конфедерацію и въ два послѣдніе раздѣла“ ³⁾).

Таково отношеніе Калинки къ внутреннимъ дѣламъ Польши: его взглядъ на политическое и моральное состояніе Рѣчи Посполитой отличается крайнимъ пессимизмомъ. Съ другой стороны, судьба государства зависѣла отъ отношеній къ сосѣдямъ, и, конечно, взглядъ историка, особенно тщательно изучавшаго внѣшнюю политику, весьма важенъ для опредѣленія этихъ отношеній. Въ особомъ параграфѣ, вставленномъ въ рассказъ о первыхъ шагахъ сейма, и озаглавленномъ — „Отношеніе Рѣчи Посполитой къ тремъ сосѣднимъ державамъ“ ⁴⁾), Калинка и рассматриваетъ этотъ предметъ. Объяснивъ, почему изъ трехъ державъ Австрія ⁵⁾ имѣла наименѣе интереса уменьшать Польшу и даже имѣла положительный интересъ ее защищать (боязнъ увеличенія Пруссіи на счетъ Польши), хотя первая же подала знакъ раздѣла и потомъ оказалась наиболѣе жадною, — и почему Польша не могла сблизиться съ Австріей (политика Іосифа II), историкъ замѣчаетъ, что Рѣчи Посполитой оставалось выбирать между Россіей и Пруссіей. „Со времени союза съ Августомъ II противъ Швеціи“, говоритъ онъ, — „Россія пріобрѣла въ Рѣчи Посполитой преобладающее вліяніе и энергично стремилась его поддержать и расширить. Она охраняла Польшу, чтобъ ею заградиться отъ Европы, но въ Польшѣ она охраняла анархію. Эта ея политика довела до перваго раздѣла. Въ раздѣлѣ приняла Россія участіе неохотно и получила наихудшую

¹⁾ Ibid., I, 295.

²⁾ Ibid., II, 316, 393.

³⁾ Ibid., II, 487.

⁴⁾ Ibid., I, 241—247.

⁵⁾ Отмѣчу въ II томѣ (стр. 93—100) параграфъ „Галиція“, гдѣ говорится, что изъ трехъ провинцій, доставшихся по первому раздѣлу чужеземцамъ, самою несчастною была Галиція.

часть, но вознаградила себя за эту утрату признанною за нею со стороны сосѣдей опекою надъ Рѣчью Посполитою. Была тягостна и обидна ея опека, но все-таки послѣ перваго раздѣла она была настолько лучше, чѣмъ прежде, что дозволяла извѣстное укрѣпленіе правительства, улучшеніе внутренней администраціи, созданіе нѣкоторыхъ государственныхъ порядковъ, чего совершенно не было въ Польшѣ. Это была заслуга Штакельберга, признать которую требуетъ справедливость. Вслѣдствіе турецкой войны согласилась въ концѣ Россія и на увеличеніе вооруженныхъ силъ. Можно было надѣяться, что страна, хоть сколько-нибудь благоустроенная, снабженная арміей, на какую хватило бы ея силъ, приготовивъ людей, приспособленныхъ для общественной службы, и отряхнувъ съ себя вѣковыя свои пороки, со временемъ по самой силѣ вещей пришла бы къ большей внутренней прочности и большому значенію извнѣ и понемногу, но съ каждымъ разомъ все больше стала бы уходить изъ-подъ московскаго деспотизма. Все дѣло было только въ терпѣніи, работѣ, согласіи, и программа эта соотвѣтствовала бы надеждѣ, на нее возложенной. Разъ польское правительство не могло обойтись безъ иностранной опеки, русская опека была самая выгодная изъ всѣхъ, какія допускали тогдашнія обстоятельства. Нужно прибавить, что со стороны Россіи вовсе не грозила опасность новыхъ заборовъ,—напротивъ, отъ нея можно было ожидать охраны отъ Пруссіи,—и что въ матеріальномъ, торговомъ отношеніи Рѣчь Посполитая не испытывала отъ Москвы утѣшенія, а на оборотъ—имѣла уже извѣстныя выгоды и могла еще получить большія. Религіозный вопросъ, который является ядромъ теперешняго антагонизма, еще не раздѣлялъ тогда обоихъ народовъ¹⁾. Поэтому отношеніе Польши къ Россіи, которое, съ одной стороны было непріятно и обидно, Калинка считаетъ, съ другой стороны, сноснымъ и даже выгоднымъ, тѣмъ болѣе, что сами поляки своими постоянными обращеніями въ Петербургъ вмѣшивали Россію въ собственныя внутреннія дѣла, которыя Екатерина, на оборотъ, предоставляла самимъ полякамъ. Быть можетъ, думаетъ авторъ,—при жизни Екатерины полякамъ и не удалось бы избавиться отъ чужой опеки. Мало того, католическому автору рисуется и болѣе блестящая перспектива: сохраненіе дружественнаго отношенія къ Россіи помогло бы Польшѣ въ „ея цивилизаторской миссіи на востокѣ, которая для Польши является жизненнымъ нервомъ и безъ

¹⁾ Ibid., I, 242—243.

которой она не имѣетъ *raison d'être*"¹⁾: Польша прибрѣла для церкви (католической) и цивилизаци Литву, и ей надлежало принять на себя ту же задачу и по отношенію къ „Москвѣ“. „Совсѣмъ иной природы было отношеніе Польши къ Пруссіи“, говоритъ историкъ, переходя къ оцѣнкѣ послѣдняго отношенія, какъ извѣстно, принесшаго много зла Рѣчи Посполитой: Пруссіи нужны были новыя земли, а „Россія не нуждалась въ польской землѣ, имѣла своей довольно“²⁾. Патриотизмъ и разумъ велѣли идти за Россіей, и если Польша тѣмъ не менѣе не пошла за нею, то, по мнѣнію Калинки, вся вина этого въ „брутальствѣ Россіи и ея представителей“, которое „изглаживало изъ памяти выгоды пріязненнаго съ нею сосѣдства“: объ этомъ авторъ „Четырехлѣтнаго сейма“ написалъ цѣлый параграфъ³⁾. Ненависть къ Штакельбергу перенесли на все, что зависѣло отъ Россіи, на короля, на его сторонниковъ, на учрежденія, созданныя по волѣ Екатерины⁴⁾.

Калинка симпатизируетъ союзу съ Россіей, о коемъ помышлялъ Станиславъ Августъ, именно съ точки зрѣнія станьчиковскихъ принциповъ, перенесенныхъ въ обсужденіе событій прошлаго: своего рода оппортунизмъ, отвращеніе отъ рискованныхъ предпріятій, извлеченіе выгодъ изъ даннаго положенія вещей, наталкивали Калинку на такого рода мысль, помимо дѣйствительныхъ фактовъ, говорившихъ въ пользу той же мысли, и фантазій специально католическаго свойства, по видимому, немало занимавшихъ историка четырехлѣтнаго сейма. По поводу этихъ фантазій нельзя, однако, не замѣтить, что, какъ историкъ, Калинка долженъ былъ бы понимать вещи трезвѣе, тѣмъ болѣе, что въ его отношеніи къ униатскому дѣлу въ самой Рѣчи Посполитой много вѣрныхъ замѣчаній и здравыхъ взглядовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ его фантазіей объ обращеніи Россіи въ като-

¹⁾ Въ 1885 г. Калинка, вмѣстѣ съ бенедиктинскимъ монахомъ Гепеномъ (Guéripin) издалъ во Львовѣ *Żywot św. Józefa Kuncewicza*“, гдѣ проводится та же мысль: „Первымъ признакомъ воскресенія (odźycia) Польши будетъ походъ на востокъ не съ мечемъ, а съ крестомъ“. Въ концѣ же совѣтуется всемъ полякамъ подняться, „jak jeden mąż“, для обращенія Россіи въ унию!!! Въ 1883 г. онъ издалъ еще брошюру „*Schyzma i unia*“.

²⁾ *Sejm czteroletni*, I 244—246.

³⁾ *Ibid.*, I, 250.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 250. О выгоды союзу съ Россіей, обеспечивавшаго цѣлостъ территорію и внутренній порядокъ, см. разсужденія автора и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, II, 279 аб.

лицизмъ. Въ концѣ довольно длиннаго эпизода объ „украинскихъ бунтахъ“, такъ переполошившихъ всю Польшу вообще и въ частности самый сеймъ ¹⁾, рассказавъ объ экзекуціяхъ въ Дубнѣ, Кременцѣ и Владиміръ-Волинскомъ, чинившихся надъ заподозрѣнными хлопами и униатскими попами, Калинка говоритъ: „Отсюда русскій хлопъ на Волини сдѣлался еще болѣе завзятымъ непріателемъ польской власти... Съ тѣхъ же поръ и униатскій ксендзъ на Волини, который и прежде не былъ достаточно утверждёнъ въ вѣрѣ, утратилъ безъ остатка привязанность къ церкви, и извѣстно, что позднѣе достаточно было одного указа Екатерины для того, чтобы унія чуть не сразу исчезла въ Руси“ ²⁾. Объ униатскихъ дѣлахъ есть во второмъ томѣ „Четырехлѣтняго сейма“ цѣлый параграфъ, довольно обстоятельно знакомящій насъ со взглядами автора на этотъ предметъ ³⁾. Калинка порицаетъ недопущеніе „русскихъ владыкъ“ въ королевскій совѣтъ, то есть, сенатъ, не одобряетъ нерасположеніе латинскихъ епископовъ къ уніи и ихъ стремленіе уничтожить унію посредствомъ прямого распространенія католицизма, находитъ невыгоднымъ то, что унія, сдѣлавшаяся религіей однихъ мѣщанъ и хлоповъ, утратила всякую политическую силу. При этомъ авторъ старается выставить на видъ, что такая политика польскаго епископата и шляхты шла въ разрѣзъ съ настоящими видами св. престола и польскихъ королей. „Безъ апостольскаго труда“, говоритъ онъ, — „безъ услугъ церкви, при пренебреженіи и неуваженіи къ уніи, господство Польши надъ Русью зависѣло только отъ силы оружія, а когда это оружіе притупилось и заржавѣло, должно было рухнуть и своею тяжестью пало на самую Польшу. Раньше или позже кара идетъ въ слѣдъ за грѣхомъ, несчастье за зломъ. Пока Русь держалась съ Польшей, до тѣхъ поръ Москва была безсильна противъ Рѣчи Посполитой; нѣсколько разъ начинавшіяся наступательныя войны всегда кончались съ позоромъ для московскихъ царей. Лишь тогда, когда Русь стала на сторону послѣднихъ, нашли они, а съ ними и „схизма“ настезъ открытыми къ намъ ворота“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ Калинка говоритъ: „Самымъ сподручнымъ для „схизмы“ и Россіи союзникомъ была наша собственная, вѣковая нерадивость

¹⁾ Ibid., I, 393 sq.

²⁾ Ibid., I, 441—442.

³⁾ Ibid., II, 362 sq.

⁴⁾ Ibid., II, 370.

относительно уніи и неуваженіе къ ней поляковъ¹⁾). По мѣстамъ, какъ признаеть самъ Калинка, унія существовала только по имени²⁾). После всего этого странно, что на союзъ Польши съ Россіей онъ возлагалъ такія надежды въ смыслѣ возможности распространенія уніи и на „Москву“, разъ онъ самъ видѣлъ всю непрочность уніи тамъ, гдѣ она существовала, и всю несправедливость отношенія къ ней со стороны поляковъ. Нужно все-таки поставить на видъ, что, изображая дѣла прошлаго, Калинка въ столь щекотливомъ для католическаго священника вопросѣ, каковъ вопросъ о положеніи уніатовъ въ Рѣчи Посполитой, сумѣлъ удержаться на высотѣ задачи настоящаго историка, и не безъ особаго права онъ могъ поставить себя въ заслугу то, что поднялъ вопросъ, который другими историками охотно обходился³⁾).

Возвращаемся къ изложенію мыслей Калинки относительно союза Рѣчи Посполитой съ Россіей. Мы только-что видѣли, что изъ трехъ державъ, съ коими Польша находилась въ сосѣдствѣ, историкъ указываетъ на Россію, какъ именно на ту державу, съ которою полякамъ всего выгоднѣе было находиться въ союзѣ, ибо только при существованіи послѣдняго Рѣчь Посполитая могла бы упорядочить свои внутреннія отношенія. Такимъ образомъ Калинка видитъ въ русскомъ союзѣ средство для цѣлей внутренней политики, а не для какихъ-нибудь внѣшнихъ предпріятій. Находя, напримѣръ, что замышлявшійся Станиславомъ-Августомъ наступательный союзъ съ Россіей для общей войны съ Турціей, могъ бы пробудить уснувшую воинственность народа и быть предлогомъ для увеличенія арміи⁴⁾, онъ, однако, не скрываетъ своего удовольствія по поводу того, что такой союзъ не состоялся. Впервыхъ, Рѣчь Посполитая совершенно должна была бы въ этомъ союзѣ подчиниться русской политикѣ, а вовторыхъ, для Польши нужно было прежде всего устроить свои внутреннія дѣла. Среди внѣшнихъ затрудненій, наставшихъ для поживившихся уже на счетъ Польши державъ, польская нація могла бы осторожно двигаться впередъ „въ не вооруженномъ, но уже вооружающемся нейтралитетѣ“, дѣлая что-либо существенное для усиленія своего государства съ дозволенія Россіи, даже съ поддержкою со стороны ея

¹⁾ Ibid., II, 373.

²⁾ Ibid., II, 384.

³⁾ Изложивъ въ трехъ параграфахъ уніатскія дѣла на сеймѣ, Калинка замѣчаетъ, что русскія отношенія у польскихъ историковъ *bywały pomijane*. II, 393

⁴⁾ Ibid., I, 61.

посланника, а также безъ возраженій со стороны Австріи. „Это временное ублажаніе (uglaskanie) сосѣдей было заслугой Станислава-Августа“, но эту-то заслугою его Рѣчь Посполитая и не воспользовалась ¹⁾. Извѣстно, что дѣятельность четырехлѣтняго сейма была направлена противъ Россіи: это было именно то рискованное предпріятіе, коего не могъ одобрить Калинка, такъ что четырехлѣтній сеймъ съ двухъ точекъ зрѣнія долженъ былъ вызвать его неодобреніе: сеймъ этотъ задумалъ все перестраивать, когда нужно было больше всего заботиться о перевоспитаніи общества, и притомъ задуманная имъ перестройка была направлена противъ державы, съ кою Польша должна была бы находиться въ дружбѣ ради собственнаго блага. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ книги замѣтно нерасположеніе автора къ четырехлѣтнему сейму за нѣкоторое родство его мѣръ съ идеями XVIII в., не могшими быть симпатичными историку-„зартвыхстанцу“.

Отношеніе Калинки къ сейму, дѣйствительно, самое отрицательное. По его изображенію, въ Польшѣ передъ сеймомъ было значительное оживленіе, явилась охота воспользоваться затрудненіями двухъ ея самыхъ могущественныхъ сосѣдокъ, но о крупныхъ политическихъ реформахъ, говоритъ авторъ, о преобразованіи правительства никто, кромѣ нѣсколькихъ неспокойныхъ головъ, не думалъ. Программа большинства была—умножить войско и съ помощью конфедератскаго сейма вывести Рѣчь Посполитую изъ ея ослабленія; но громадное большинство шляхты, вслѣдствіе полнаго невѣжества въ дѣлахъ политики и администраціи, не имѣло ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ все это сдѣлать ²⁾. На сеймикахъ передъ сеймомъ 1788 г. шляхта всю свою политическую мудрость видѣла въ томъ, чтобъ идти за панами, и хотя всѣ они соглашались на королевское предложеніе объ увеличеніи арміи, но лишь подъ условіями и съ оговорками, которыя не свидѣтельствуютъ ни въ пользу охоты шляхты чѣмъ-либо жертвовать, ни въ пользу пониманія ея дѣйствительныхъ нуждъ края ³⁾.

Въ исторіи самого сейма Калинка отмѣчаетъ ошибку за ошибкой, изъ коихъ главною было, по его мнѣнію, образованіе партіи, вра-

¹⁾ Ibid., I, 109—111.

²⁾ Ibid., I, 113—114.

³⁾ Ibid., I, 136—137.

ждебной королю и шедшей потомъ на буксиръ Пруссіи ¹⁾. Не разъ онъ высказываетъ такой взглядъ, что главными руководителями пословъ были фантазія и чувство, а не знаніе и здравый смыслъ ²⁾. То и дѣло онъ говоритъ о полномъ неумѣннн пословъ вести дѣла въ какомъ бы то ни было порядкѣ ³⁾. Съ едва скрываемою горечью онъ отмѣчаетъ у нихъ отсутствіе настоящаго патріотизма, хотя бы цѣлая партія и называла себя *rag excellence* патріотическою ⁴⁾. Тираннія большинства пословъ по отношенію ко всякому независимому голосу ⁵⁾, вліяніе свѣтскихъ дамъ на сеймовыя совѣщанія ⁶⁾, полное отсутствіе на сеймѣ „политическихъ головъ“ ⁷⁾ и т. д. налагаютъ еще болѣе темныя краски на эту картину четырехлѣтняго сейма, хотя во всемъ этомъ много преувеличеній, что и было отмѣчено критикой ⁸⁾. Калинка находитъ, далѣе, что сдѣланныя въ началѣ сейма королевемъ предложенія вели наилучшимъ образомъ къ цѣли „безъ потрясеній и насильственныхъ реформъ, коихъ вовсе не желало громадное большинство сеймиковыхъ инструкцій посламъ, и изъ коихъ ни одна не была столь настоятельною, дабы предшествовать вооруженію страны. Дорогою, ведущею къ цѣли, было найти прежде всего новыя источники доходовъ, потомъ, по мѣрѣ ихъ находженія, умножать войско и затѣмъ лишь, на сколько хватило бы времени, употребить эти доходы на административныя и судебныя улучшенія“. Главное—все можно было бы сдѣлать, „не поднимая щекотливыхъ вопросовъ и не беря на себя слишкомъ трудныхъ задачъ, которыхъ Рѣчь Посполитая еще не въ состояніи была разрѣшить“. И противъ „обидной зависимости отъ Россіи“ было лѣкарство въ самыхъ законахъ: не ниспровергая гарантированныхъ Россіей учреждений, можно было бы наполнить ихъ людьми, которые представляли бы

¹⁾ Ibid., I, 174. Другія ошибки, I, 185 sq., 209, 224, 303—304, 332, 477 sq. II, 250—251, 538.

²⁾ Ibid., I, 196, 329, 332, 375. II, 283, 285, 288.

³⁾ Ibid., I, 198—199, 222, 273—274, 311 sq. (§ : nieporządek obrad sejmowych), 396, 480—481, 525, 656. II, 346, 598 и др.

⁴⁾ Ibid., I, 201.

⁵⁾ Ibid., I, 250 sq., 283—284. II, 281.

⁶⁾ Ibid., I, 255 sq.

⁷⁾ Nie brakowało w tym sejmie ludzi zacnych, nie brakowało i patryotycznego zapału; zdolnych liczono wielu, światłych i rozumných kilku, choć politycznych głów nie było. I, 677.

⁸⁾ *Korzon* въ *Ateneum*'ѣ 1881. Luty, 346 sq., 351.

собою сеймовое большинство. Сеймъ, однако, пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ, по дорогѣ революціонной, предпочитая порвать всякую связь съ отношеніями, коими онъ могъ бы съ выгодною пользоваться ¹⁾. Разбирая постановленія сейма объ арміи и финансахъ, авторъ замѣчаетъ, что, не создавъ ни того, ни другого, сеймъ не могъ оставить послѣ себя ничего, „кромѣ нѣсколькихъ томовъ печатной макулатуры ²⁾“. „Сеймъ“, говоритъ онъ еще по поводу его правительственныхъ реформъ, — „разбилъ правительственную машину, но вмѣсто нея ничего не склеилъ, и онъ-то былъ виновникомъ той анархіи, которая вкралась во всѣ отдѣлы государственной службы“ ³⁾. Между тѣмъ, сеймовые вожаки, сами уничтожившіе „постоянный совѣтъ“, какъ учрежденіе, гарантированное сосѣдними державами и державшее Польшу отъ нихъ въ зависимости, не хотѣли устанавливать новаго правительства, не имѣя полной увѣренности въ томъ, что найдутъ въ союзѣ съ Пруссіей для своего дѣла санкцію и оборону ⁴⁾. Связавшись, кромѣ того, съ прусскимъ королемъ, сеймъ сдѣлалъ одну ошибку, а оттолкнувъ отъ себя этого союзника, совершилъ другую: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ навлекалъ на Рѣчь Посполитую однѣ бѣды ⁵⁾.

Черезъ все сочиненіе Калинки такимъ образомъ проходитъ та мысль, что разрывъ съ Россіей и переходъ на сторону Пруссіи были большою ошибкой со стороны поляковъ, были политикой приключеній. О томъ же четырехлѣтнемъ сеймѣ и по тому же вопросу Калинкѣ приходилось высказываться ранѣе, но тогда взгляды его были иные: именно въ біографіи Эаддея Тышкевича онъ не скрываетъ своей симпатіи къ оппозиціонной партіи, порицая вмѣстѣ съ тѣмъ короля и брата его, примаса ⁶⁾. Какъ мы видѣли, уже въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа“ онъ перемѣнилъ свою точку зрѣнія подъ влияніемъ усвоенныхъ имъ передъ выходомъ въ свѣтъ этого сочиненія новыхъ политическихъ убѣжденій. Еще болѣе утвердился онъ на новой точкѣ зрѣнія въ „Четырехлѣтнемъ сеймѣ“, ознакомившись съ матеріаломъ берлинскаго и вѣнскаго тайныхъ архивовъ: разобравъ по ниточкамъ всю сѣть той

¹⁾ Ibid., I, 477—478. II, 280.

²⁾ Ibid., I, 573.

³⁾ Ibid., I, 579. Имѣется въ виду уничтоженіе *gady nieustajacej*.

⁴⁾ Ibid., I, 626.

⁵⁾ Ibid., II, 250—251.

⁶⁾ *Smoleński*. Stanowisko Kalinki, 38.

интриги, въ какую запутывала Рѣчь Посполитую Пруссія, онъ и обрушивается на партію, пошедшую за Пруссіей, не принимая въ расчетъ, что интрига эта велось тайно, такъ что „патріотическая“ партія не могла предвидѣть послѣдствій берлинской дружбы. Расхваливая Станислава Августа и его брата, примаса, за ихъ желаніе быть въ согласіи съ Россіей, Калинка не основывается, однако, на какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ, которыя представляла бы тогдашняя русская политика, притомъ не бывшая ему извѣстной, въ такой степени, по крайней мѣрѣ, какъ прусская и австрійская, а исходить изъ общихъ соображеній, что и ослабляетъ, конечно, силу упрековъ, дѣлаемыхъ имъ по адресу „патріотовъ“ ¹⁾. По отношенію къ „патріотической“ партіи у историка были матеріалы, на основаніи коихъ онъ можетъ теперь, слѣдя шагъ за шагомъ за ея поведеніемъ, обвинять ее въ недалководности, но у него не было такого же матеріала подъ руками для сужденія о дѣятельности ея противниковъ, а это въ книгѣ его будетъ составлять *locum tinogis resistantiae* для людей, несогласныхъ съ его взглядами: критика могла бы требовать отъ историка, чтобы онъ такъ же документально доказалъ дальновидность Станислава Августа и его партіи, какъ документально доказана имъ близорукость его противниковъ. Какъ и въ „Послѣднихъ годахъ царствованія Станислава Августа“, такъ и здѣсь, историкъ можетъ быть обвиненъ въ партійности по отношенію къ людямъ, о которыхъ ему приходится говорить ²⁾. Весьма естественно, что Калинка является защитникомъ Станислава Августа: онъ ублажилъ Россію и Австрію передъ четырехлѣтнимъ сеймомъ, давъ такимъ образомъ Польшѣ возможность заняться своимъ внутреннимъ устроеніемъ ³⁾; онъ организовалъ въ Польшѣ хотя маленькое, но порядочное все-таки войско ⁴⁾; какъ ни на есть, хотя и съ помощью Россіи, онъ все-таки заводилъ въ Рѣчи Посполитой правительственную власть ⁵⁾; доселѣ не оцѣнена та великая заслуга

¹⁾ Jak nikt dzisiaj, dzięki badaniom Kalinki, nie ma wątpliwości o wartości przyjaźni z Prusami, tak z drugiej strony nikt nie może zasadnie przeciwstawić stronnictwu patryotycznemu obozu królewskiego bez informacji źródeł rosyjskich. Może by po ich poznaniu zrównoważyły się szanse stronnictw, a wtenczas i opinia o patryotycznym, tak niedorzeczna wobec opromienionego iluzją obozu Stanisława Augusta, wypadłaby inaczej. Ibid., 39.

²⁾ См. нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній у *Смоленскаго*, стр. 39—40.

³⁾ Ibid., I, 111.

⁴⁾ *Kalinka*, I, 162.

⁵⁾ Ibid., I, 226, 355—360.

короля на четырехлѣтнемъ сеймѣ, что своею уступчивостью онъ не далъ прусской партіи разорвать сеймъ ¹⁾ и проч., и проч. Въ предисловіи ко второму изданію Калинка говоритъ объ одномъ изъ своихъ критиковъ, который поставилъ ему въ вину такое отношеніе къ Станиславу Августу. „Не смѣю“, замѣчаетъ онъ,—„совершенно снять съ себя этотъ упрекъ..... Изъ всѣхъ польскихъ королей Станиславъ Августъ былъ самый несчастный, наиболѣе долженъ былъ претерпѣть отъ своего народа: трудно, чтобы историкъ, пишущій о немъ, выбросилъ это совсѣмъ изъ своей памяти..... Не думаю, однако, чтобы меня можно было обвинить въ умышенномъ сокрытіи грѣховъ Станислава Августа; отвѣтомъ на такой упрекъ могли бы послужить тѣ главы, гдѣ пишущій подробно выставляетъ такіа ошибки короля, о коихъ до тѣхъ поръ мало знали или совсѣмъ не знали. Одинъ изъ моихъ рецензентовъ, порицая эту слишкомъ большую, какъ онъ выражается, благосклонность къ королю, борется противъ меня фактами и сужденіями, почерпнутыми въ моей же книгѣ. Это одно должно было бы его убѣдить, что я не прячу правды отъ своихъ читателей“ ²⁾. Это совершенно вѣрно: къ чести Калинки, какъ историка, нужно сказать, что, стараясь выставить на видъ „заслуги Станислава Августа“, оправдать его политику, родственную станьчиковской, онъ не увлекся въ преслѣдованіи своей цѣли до забвенія своей обязанности обобщать всѣ факты, а не подбирать только извѣстные.

Въ заключеніе этого обзора труда Калинки укажемъ на главу о „политической литературѣ этой эпохи“ ³⁾. Калинка говоритъ здѣсь прежде всего о Руссо, который, какъ онъ выражается, „приносилъ съ собою то, чтò находилъ у поляковъ, приходилъ къ своимъ, и свои его узнали“ ⁴⁾,—указывая этими словами на сродство политическихъ идей самого Руссо и идей поляковъ, коимъ онъ давалъ политическіе совѣты ⁵⁾. Авторъ, отмѣчаетъ, однако, и разницу: въ государствѣ Руссо каждый гражданинъ есть не только часть суверена, но и слуга цѣлаго, но послѣдняя сторона теоріи женеваго

¹⁾ Ibid., I, 300—301.

²⁾ Ibid., II. Przedmowa do drugiego wydania, стр. VI—VII. Критикомъ этимъ былъ г. Корзонъ.

³⁾ Ibid., II, 407—502.

⁴⁾ Ibid., II, 411.

⁵⁾ Te wszystkie ustępy z *Umowy Społecznej*, to jakby nasz kodeks polityczny z czasów saskich, w następnych pokoleniach przechowany. II, 415.

гражданина и не нашла сторонниковъ въ Польшѣ ¹⁾. О другомъ французскомъ политическомъ писателѣ, равнымъ образомъ дававшемъ, какъ и Руссо, полякамъ политическіе совѣты, то-есть, о Маблі ²⁾, авторъ „Четырехлѣтняго сейма“ ничего не говоритъ. Изъ польскихъ публицистовъ Калинка разсматриваетъ Станислава Сташица, Гугона Коллонтая, Северина Ржевускаго и Анонима. Въ общемъ онъ не особенно высокаго мнѣнія о достоинствахъ ихъ политическихъ плановъ ³⁾, хотя и находитъ, что зло они хорошо видѣли и его не скрывали. „Читать сочиненія Сташица“, говоритъ онъ, оканчивая параграфъ, посвященный послѣднему, — „читать ихъ и обдумывать должны и теперь тѣ въ особенности историки и публицисты, которые не хотятъ понять, въ на сколько, дѣйствительно, большой мѣрѣ народъ самъ былъ виновникомъ своихъ поражений“ ⁴⁾.

Изъ третьяго тома „Четырехлѣтняго сейма“, начатаго авторомъ передъ смертью, были напечатаны въ нѣсколькихъ нумерахъ издающейся въ Петербургѣ польской газеты Край за 1887—1888 годы довольно значительные отрывки, которые можно раздѣлить на двѣ категоріи: въ первыхъ идетъ рѣчь о внѣшней политикѣ предъ переворотомъ 3-го мая, вторые составляютъ какъ бы главу объ этомъ переворотѣ ⁵⁾. По представленію Калинки, конституція 3-го мая дала Польшѣ очень много: она создавала правительство, котораго не было въ государствѣ послѣ уничтоженія „постояннаго совѣта“, соединяла въ одно цѣлое правительственныя комиссіи, уничтожала „liberum veto“ и конфедерации, требовала для сеймовыхъ рѣшеній санкціи сената и отрекалась отъ вольной элекціи королей, а кромѣ того, нація признавала здѣсь прежнія свои ошибки, и самый переворотъ не стоилъ никому ни одной капли крови, ни одной слезы. „Государство“, продолжаетъ авторъ, — „разстроенное болѣе, нежели столѣтней анархіей, не умѣвшее ни управлять, ни защищаться, оказывалось способнымъ къ управленію, способнымъ держаться собственными силами, лишь

¹⁾ Ibid., II, 415—416.

²⁾ *Mably. Du gouvernement et des lois de Pologne.* См. у насъ гл. ЦІ.

³⁾ См., напримѣръ, стр. 428, 444, 489. Исключеніе дѣлается для „*Muśli politycznych dla Polski*“ (1789 г.), вышедшей безъ имени автора. Анонимъ былъ тогдашній примасъ, братъ короля.

⁴⁾ Ibid., II, 435.

⁵⁾ 1) Довѣренное лицо короля (аб. Пиатоли); 2) Тайныя приготовленія; 3) На канувъ переворота; 4) Государственный переворотъ; 5) Государственное право (*prawo rządowe*) и его одѣлка.

бы ему не мѣняли сосѣди“. Калинкѣ не нравится, однако, робость, съ какою составители конституціи заявляютъ новые принципы, нерѣшительность, оставившая въ ней многое не договореннымъ, и это свое мнѣніе онъ подкрѣпляетъ анализомъ нѣкоторыхъ подробностей конституціи ¹⁾. Съ другой стороны, многіе старыя принципы, въ коихъ лежалъ корень всякихъ золъ, остались неприкосновенными въ конституціи 3-го мая. Но самымъ въ ней печальнымъ фактомъ (*najsmutniejszemu w konstytucyi 3 maja jest fakt*), по словамъ автора, является то, что она „почти ничего не сдѣлала для крестьянъ“. — „И вотъ“, продолжаетъ онъ, — „государство, которое пожелало воспрянуть изъ паденія, которое признаетъ старыя свои ошибки и стремится исправить свое правленіе, не дѣлаетъ ничего для улучшенія участи того класса, который сама же конституція 3-го мая называетъ самою полезною силой. Можно было бы сказать, что польская шляхта, спасая страну, имѣла въ мысляхъ не весь народъ, а только самоё себя“. Калинка объясняетъ дѣло тѣмъ, что творцы конституціи 3-го мая не смѣли идти далѣе при общемъ настроеніи шляхты: „Нужно допустить“, говоритъ авторъ, — „что творцы устава правленія ожидали отъ власти наследственныхъ королей рѣшенія этого вопроса, какъ и введенія другихъ политическихъ и социальныхъ реформъ, начало коихъ было положено въ конституціи“. Переходя къ вопросу о сукцессіи трона, въ принципѣ одобренной авторомъ, Калинка выражаетъ ту мысль, что сразу, насильственно не слѣдовало ее вводить. Прежде, говоритъ онъ, нужно было отвѣтить на вопросы: 1) желалъ ли наследственности престола самъ народъ такъ сильно, чтобы быть готовымъ въ случаѣ надобности защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ; 2) приняла ли бы корону избранная династія, и 3) согласились ли бы на эту перемѣну сосѣди? Отвѣты, прибавляетъ авторъ, могли быть лишь отрицательныя ²⁾. Въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ, Калинка сходится во мнѣніи съ г. Корзономъ.

Когда вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненія Калинки, въ нѣсколько недѣль его не было болѣе въ продажѣ, и одинъ за другимъ критики стали прославлять новое историческое произведеніе Калинки ³⁾. Исключеніе составилъ одинъ г. Корзонъ, помѣстившій въ

¹⁾ *Przegląd literacki*. Dodatek do *Kraju*. 1888. № 9.

²⁾ *Ibid.*, № 10. Противъ конституціи было нерасположеніе большей части воеводствъ. *Ibid.*, № 11. Въ концѣ своей рукописи авторъ опровергаетъ утвержденіе, будто денешніе, читавшіяся передъ принятіемъ конституціи, были подложныя.

³⁾ Cf. *Jahresbericht der Geschichtswissenschaft*. IV Jahrgang. Berlin. 1885. II, 345

февральской книгѣ варшавскаго Атенея за 1881 г. статью подъ заглавіемъ „Начало четырехлѣтняго сейма“¹⁾, въ которой довольно сурово отнесся къ тому, какъ вообще изображаетъ Калинка внутреннюю исторію Польши за эту эпоху. „Мы“, говоритъ онъ, — „не знаемъ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ главнымъ образомъ писалъ Калинка свой трудъ; мы изслѣдовали ту же самую эпоху съ иной точки зрѣнія (z innego stanowiska) и съ другими документами; поэтому въ случаѣ спора мы не могли бы сражаться равнымъ оружіемъ; въ разборѣ по существу дѣла мы не можемъ перебрать подробности и частныя сужденія, содержащіяся въ томѣ, заключающемъ въ себѣ 37 листовъ, но мы думаемъ, что не бесполезнымъ будетъ изложить отличныя и часто противоположныя этимъ сужденіямъ замѣчанія, сдѣланныя нами на основаніи собственныхъ изслѣдованій“²⁾. „Въ своихъ изслѣдованіяхъ“, говоритъ онъ еще, — „мы встрѣтились на одной и той же эпохѣ, но мы смотрѣли на общество съ двухъ далеко не одинаковыхъ точекъ зрѣнія, мы — снизу, кс. Калинка — сверху, изъ канцеляріи дипломатовъ, отъ трона Станислава-Августа“³⁾. Этимъ г. Корзонъ объясняетъ различіе взглядовъ своихъ и автора „Четырехлѣтняго сейма“, а состоитъ различіе это вотъ въ чемъ: г. Корзонъ защищаетъ то, что подвергается осужденію у Калинки, и на оборотъ, то, что у послѣдняго вызываетъ похвалу, названный критикъ находитъ болѣе достойнымъ порицанія. Указанная статья имѣетъ характеръ апологіи четырехлѣтняго сейма. Г. Корзонъ защищаетъ все общество, которое Калинка изображаетъ испорченнымъ и анархичнымъ⁴⁾; защищаетъ дѣятельность сейма⁵⁾; защищаетъ патріотическую партію, къ которой такъ неблаговолитъ авторъ⁶⁾; отвергаетъ упреки Калинки относительно сеймовой и уличной тиранніи и вліянія женщины на сеймовыя пренія, указывая на то, что сеймы и парламенты не академіи и что, по изображенію Тэна, во французскомъ національномъ собраніи (конституантѣ) неурядковъ было больше, чѣмъ въ четырехлѣтнемъ сеймѣ⁷⁾, и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе г. Корзонъ не считаетъ невозможнымъ окончательное

¹⁾ *T. Korzon. Poszátki sejmu czteroletniego. Ateneum, 1881, luty 324—354.*

²⁾ *Ibid., 329.*

³⁾ *Ibid., 354.*

⁴⁾ *Ibid., 332 sq.*

⁵⁾ *Ibid., 334 sq.*

⁶⁾ *Ibid., 345.*

⁷⁾ *Ibid., 346, 347, 351.*

примиреніе противорѣчій ¹⁾). Всѣ эти замѣчанія заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что принадлежатъ перу выдающагося историка, который самъ издалъ капитальный трудъ объ этой эпохѣ: мы видимъ, однако, что историкъ этотъ кореннымъ образомъ расходится съ Калинкою. „Г. Корзонъ“, говоритъ одинъ изъ его критиковъ,—„въ отношеніи краковской школы стоитъ на діаметрально противоположной сторонѣ; результаты его изслѣдованій должны рано или поздно изгнать изъ исторіографіи взгляды, окрашенные политическими тенденціями... Нельзя“, замѣчаетъ онъ еще,—„сомнѣваться относительно матеріала, пошедшаго въ дѣло, и примѣннаго къ изслѣдованію метода на полученные результаты, но не въ одномъ различіи источниковъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать разницы между взглядами г. Корзона и краковской школы. Намъ пріятно къ славѣ нашей исторіографіи отмѣтить тотъ фактъ, что г. Корзонъ стоитъ выше доктринъ и отдаетъ дань одной истинѣ. Съ подозрительностью литвина, какъ самъ онъ любитъ выражаться, онъ восемь лѣтъ всматривался въ тайны послѣднихъ поколѣній Рѣчи Посполитой не для того, чтобы изъ полученныхъ впечатлѣній дѣлать бичи на мертвыхъ и живыхъ, не для того, чтобы подтверждать результатами изслѣдованій и преподносить для пользованія текущей минуты политическія теоріи—но единственно во имя глубокой потребности искать истину“ ²⁾). Самъ г. Корзонъ въ предисловіи къ первому тому своего труда по „Внутренней исторіи Польши въ царствованіе Станислава Августа“ ³⁾ опредѣляетъ свою задачу въ томъ смыслѣ, что прежніе историки занимались главнымъ образомъ дѣяніями правящихъ сферъ и классовъ въ Рѣчи Посполитой, естественно приходя къ самымъ трагическимъ результатамъ, но упуская изъ виду „загадочный элементъ“ „проявленій жизненности въ столь гангренозномъ организмѣ народа“: поэтому авторъ находитъ, что эпоха Станислава Августа въ сущности очень мало извѣстна, что именно мало изслѣдована исторія управляемыхъ

¹⁾ Pogodzenie ich wszakże nie jest niemożliwym; pochlebiam sobie nawet, że przy końcu badań, na ostatnich kartach prac naszych, znajdzie się jeśli nie jednoznaczność, to przynajmniej zgodność jakiej z ksiąg początkowcyk nie możnaby wyróżyć, 354.

²⁾ *Wł. Smoleński*. Z dziejów wewnętrznych Polski za St. Aug. *Ateneum*. 1887. Paźdz. стр. 14.

³⁾ *Tadeusz Korzon*. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisławem Augusta (1764—1794). Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego. Kraków. 1882—1886.

классовъ, а потому и берется восполнить этотъ пробѣлъ, дабы установить болѣе вѣрный взглядъ на причины и сущность паденія польскаго государства. „Мы“, продолжаетъ г. Корзонъ, — „были однако далеки отъ какихъ бы то ни было полемическихъ стремленій. Искренне, ревностно мы искали только правды и ничего, кромѣ правды, не обращая вниманія на то, покажется ли она кому-нибудь пріятной или горькой, лестной или позорной. Будемъ имѣть достаточно силы, чтобы овладѣть чувствами, разъ дѣло—въ работѣ мысли, въ свѣтѣ науки... Никому я не оказываю поправки, ни людямъ, ни сословіямъ, ни народамъ, ни даже принципамъ, но никого и не черню. Для соотечественника и для иностранца, хотя бы и для врага, у меня одинъ отвѣтъ: вотъ правда, на сколько я ее схватилъ и уразумѣлъ“. Быть можетъ, никто другой изъ польскихъ историковъ не стремился такъ къ одной исторической истинѣ безъ всякой задней мысли, какъ г. Корзонъ, хотя это стремленіе—девизъ всѣхъ новѣйшихъ историковъ польскихъ, столь отличный отъ девиза прежнихъ—возбуждать, сколько возможно болѣе, патріотическое чувство, хотя бы и путемъ идеализаціи явленій, этого не заслуживающихъ.

Въ первомъ томѣ труда г. Корзона, заключающемъ въ себѣ около 500 страницъ, помѣщены обзорѣніе источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ ¹⁾, общее введеніе (wstęp) и три главы, изъ коихъ первая посвящена территории Польши (rozległość), вторая—населенію (ludność), а третья—земледѣлію и земледѣльцамъ (rolnictwo i rolnicy). Въ текстѣ авторъ помѣщаетъ небольшія „таблицы“ и отдѣльно стоящія числовыя данныя („нумера“), которымъ ведется общій счетъ, облегчающій нахожденіе послѣднихъ, такъ какъ для „таблицъ и цифръ“, коихъ въ первомъ томѣ 66, существуетъ особый перечень съ ссылками на страницы. Прибавлю еще, что вопросу о населеніи Польши посвящена цѣлая половина перваго тома.

Въ общемъ вступленіи г. Корзонъ сравниваетъ состояніе Польши отъ середины XVII вѣка съ состояніемъ другихъ государствъ, находя, что въ то время, какъ другія росли и крѣпли, Польша уменьшалась и ослабѣвала „отъ порчи своего республиканскаго правленія“, одновременно съ упадкомъ Испаніи Филиппа IV и Карла II „вслѣдствіе искаженія (wyruszenia) всемогущаго монархическаго правленія“ ²⁾. По его сло-

¹⁾ О с., I, 3—36.

²⁾ Ibid., I, 38.

вамъ, передъ Рѣчью Посполитою „открывались три дороги—къ монархіи, дорога Цезаря; къ аристократическому правленію, по стопамъ венеціанской синіоріи или къ демократіи, по слѣдамъ Вашингтона и Гамильтона, въ то время еще не проложеннымъ“. Польское общество не ломало себѣ головы надъ разрѣшеніемъ своей политической задачи, и Рѣчь Посполитая „сдѣлалась аномаліей въ ряду европейскихъ государствъ“, „противорѣчіемъ духу XVIII вѣка“. „Она“, говоритъ г. Корзонъ,—„хотѣла остаться „шляхетскимъ народомъ“ въ то самое время, какъ всѣ правительства дѣйствовали громадными простонародными (ludowemi) массами на поляхъ битвъ, на поприщѣ промышленномъ, торговомъ, финансовомъ ¹⁾. Она распалась на самостоятельныя аристократическія владѣнія, какъ во времена средневѣковаго феодализма, съ придворными войсками, съ дипломатіей и политикой на свой страхъ, за то центральное правительство не имѣло ни арміи, ни дипломатіи и даже не держало посольствъ при иностранныхъ дворахъ“, и все это въ то самое время, когда вездѣ укрѣплялась государственность ²⁾. Польскому „рыцарству“ нечего было дѣлать въ войнахъ XVIII вѣка, въ которыхъ главная роль принадлежала постояннымъ арміямъ: рыцарскій духъ шляхты проявлялся только во внутреннихъ свалкахъ и наѣздахъ, а къ европейскимъ войнамъ Рѣчь Посполитая оставалась равнодушною даже тогда, когда дѣло шло объ ея собственной коронѣ ³⁾. Реформировать Польшу задумала „фамилія“ Чарторыскихъ, но по типу французской монархіи, которая не могла быть симпатична полякамъ, такъ какъ и на родинѣ своей она была опозорена регентомъ и Людовикомъ XV и подвопана въ самыхъ основахъ своихъ философами XVIII вѣка; поэтому-то Чарторыскимъ и оставалось дѣйствовать не народными силами, а съ помощью иностраннаго государства, на которую они наивно возлагали всѣ надежды, результатомъ чего были внутреннія замѣшательства шестидесятихъ годовъ и катастрофа семидесятихъ ⁴⁾. Такъ понимаетъ авторъ дѣло реформы Польши въ началѣ царствованія Станислава Августа: Рѣчь Посполитая страдала отъ „порчи своего республиканскаго режима“, и исцѣлить ее было не политической реформѣ „по типу французской монархіи“ и съ иностранною помощью.

¹⁾ Ibid., I, 40.

²⁾ Ibid., I, 41.

³⁾ Ibid., I, 42.

⁴⁾ Ibid., 43.

Если Калинка может считаться потомкомъ монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка, то г. Корзонъ примыкаетъ къ имъ тогдашнимъ оппонентамъ: такъ и въ новѣйшей польской историографіи мы все еще встрѣчаемся съ тѣми двумя теченіями, которыя отмѣтили въ политической литературѣ XVIII вѣка и въ историографіи первой половины XIX столѣтія. Въ концѣ своего „вступленія“ авторъ дѣлитъ“ изучаемую имъ эпоху на четыре періода (1764—1774, 1775—1788, 1788—1792 и 1792—1794) съ характеристикой каждаго, при чемъ уже здѣсь даетъ онъ почувствовать, что общее его отношеніе къ четырехлѣтнему сейму будетъ иное, чѣмъ у Калинки ¹⁾.

Первыя за вступленіемъ страницы въ первомъ томѣ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“ (глава I и начало II) имѣютъ значеніе для географіи и статистики народонаселенія Рѣчи Посполитой той эпохи, а со страницы 86 начинается обзорѣніе этого населенія по сословіямъ и общественнымъ классамъ ²⁾, а также и по вѣроисповѣданіямъ ³⁾; къ этимъ рубрикамъ авторъ могъ бы прибавить еще одну—національныя или племенные различія, что имѣло бы важное значеніе для государства, въ которомъ, кромѣ господствующей національности, было громадное количество русскихъ (малороссовъ и бѣлороссовъ), литвиновъ и нѣмцевъ. Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе ощутителенъ, что нѣмецкіе и русскіе историки польскихъ раздѣловъ (нѣмецкіе особенно по отношенію къ первому раздѣлу) указываютъ на тяготѣніе къ Пруссіи и Россіи родственныхъ имъ національныхъ элементовъ въ Польшѣ, и польскому историку, ищущему одной правды, не слѣдовало бы умалчивать объ этнографіи польскаго государства. Наконецъ, самъ же онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о слабости Польши, вытекавшей изъ ея федеративнаго устройства, указывая на существованіе въ разныхъ государствахъ (=частяхъ) Рѣчи Посполитой „народа русскаго“, „народа еврейскаго“ и т. д. ⁴⁾. До извѣстной, впрочемъ, степени этнографическую классификацію замѣняетъ у него классификація по вѣроисповѣданіямъ, хотя все-таки одна другую не покрываетъ. Въ обзорѣ народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ у г. Кор-

¹⁾ Ibid., I, 44—46.

²⁾ Шляхта, стр. 86 sq., 247 sq.; духовенство, стр. 161 sq., 252 sq.; евреи, стр. 164 sq.; мѣщане, стр. 271 sq.; крестьяне, стр. 312 sq.

³⁾ Протестанты, стр. 173 sq., „дизуниты“, стр. 177 sq., униты, стр. 221 sq. раскольники, армяне и татары, стр. 228 sq.; евреи, стр. 230 sq.; греки и цыгане, стр. 246; католики, стр. 246 sq.

⁴⁾ Ibid., I, 170.

зона много любопытнаго ¹⁾. „Польша“, говоритъ онъ,— „даже послѣ конституціи 3-го мая не могла добиться и не добилась ни въ 1792, ни въ 1794 г. горячей, готовой къ жертвамъ, дѣятельной любви отъ дизунитскаго люда. Авторы этой конституціи и окружающая ихъ партія реформы должны были видѣть въ дизунитахъ не сокровищницу государственной силы и мощи, но скорѣе помѣху въ работахъ надъ новою организаціей войска, управленія, крестьянскихъ и хозяйственныхъ отношеній“ ²⁾. Всѣхъ православныхъ въ Польшѣ онъ насчитываетъ передъ 1772 г. около 550,000 человекъ, а въ 1791 г. около 300,000 ³⁾, при 3.790,000 и 2.666,000 униатовъ въ тѣхъ же годахъ ⁴⁾ и 100,000 раскольниковъ (великороссовъ) до перваго раздѣла ⁵⁾. Г. Корзонъ находитъ, что католиковъ въ Польшѣ было немного меньше половины всего народонаселенія, и, только присоединяя къ нимъ униатовъ и татаръ, можно было составить большинство 7,3 милліоновъ расположеннаго къ Польшѣ населенія надъ 1,5 милліонами населенія равнодушнаго или прямо враждебнаго ⁶⁾. Намъ кажется, что при непрочности униі, отмѣченной самимъ авторомъ, и при указанной имъ приниженности униатовъ ⁷⁾ слѣдовало бы дать иное отношеніе преданнаго Рѣчи Посполитой большинства и враждебнаго ей меньшинства. Еслибы авторъ принялъ въ расчетъ національныя отношенія, то униатовъ, столь легко переходившихъ въ православіе, ему пришлось бы занести въ одну группу съ „дизунитами,“ а не съ католиками. Во всякомъ случаѣ эти статистическія данныя объясняютъ намъ самымъ нагляднымъ образомъ, гдѣ лежала одна изъ причинъ слабости Польши въ сравненіи съ сосѣдними государствами.

Изъ приведенныхъ въ книгѣ статистическихъ данныхъ и иного

¹⁾ Враждебное настроеніе дизунитовъ, стр. 177; непрочность униі и память униатовъ о православіи, стр. 181; притѣсненія униатовъ, стр. 183; конессіональный характеръ польской политики, стр. 186; переходы униатовъ въ православіе, стр. 180—181, 201. Интересныя страницы о дѣятельности Конисскаго, 184 sq.,— и Садковского, 209 sq. Въ этой части труда много цитатъ на трудъ проф. Коляловича объ униі въ XVIII в., у котораго авторъ заимствуетъ цифровыя данныя.

²⁾ Ibid., I, 221. Интересны также данныя объ отсутствіи польскаго патриотизма и у евреевъ даже послѣ реформъ. I, 242 sq.

³⁾ Ibid., I, 180.

⁴⁾ Ibid., I, 225.

⁵⁾ Ibid., I, 228.

⁶⁾ Ibid., I, 247.

⁷⁾ Ibid., I, 225.

рода г. Корзонъ далаеть нѣкоторые общіе выводы, сравнивая Польшу съ другими государствами. Принимая въ расчетъ густоту населенія, авторъ находитъ, что Польша была населена въ 8 разъ меньше, нежели Франція: въ концѣ XVIII в. „Франція“, заключаеть онъ,—„побѣдила европейскую коалицію, Польша пала въ борьбѣ съ двумя союзными государствами“ ¹⁾, тѣмъ болѣе, что и границы Франціи въ стратегическомъ отношеніи неизмѣримо выгоднѣе были польскихъ ²⁾. Г. Корзонъ могъ бы прибавить, что населеніе сосѣднихъ Франціи странъ привѣтствовало вступленіе французовъ, какъ избавителей отъ тягостей „старого порядка“, тогда какъ, на оборотъ, польскія провинціи до извѣстной степени смотрѣли, какъ на избавителей, на иностранныхъ солдатъ, вступавшихъ въ Рѣчь Посполитую. Имѣеть также значеніе и указаніе г. Корзона на то, что Франція, приученная къ централизаціи, могла съ бѣльшимъ успѣхомъ соединить свои силы, чѣмъ Польша съ ея федеративно-сословной формою государственнаго общенія ³⁾.

Третья глава (и отчасти конецъ второй) представляетъ изъ себя цѣлое изслѣдованіе о крестьянствѣ, занимающее около 150 страницъ. Здѣсь опять авторъ пользуется статистическими данными для рѣшенія вопроса о крѣпости политическаго организма Польши. По его вычисленію, около трети населенія (0,33) находилось въ путахъ крѣпостничества, почти одна десятая часть (евреи, армяне, греки) была совершенно равнодушна къ судьбамъ края, и ^{1/25} (дизуниты и раскольники) была уже совсѣмъ дурно расположена къ Польшѣ. Пассивныя и даже недовольныя массы, говорить г. Корзонъ,—существовали во всѣхъ государствахъ, но въ иныхъ мѣстахъ ими пользовалась для государственныхъ цѣлей сильная и упругая власть, а потому рѣшеніе вопроса о власти въ эпоху четырехлѣтняго сейма заключало въ себѣ рѣшеніе вопроса и о суммѣ физическихъ силъ, какими могла бы располагать Польша въ своей борьбѣ за независимость. Эта независимость покоилась въ Польшѣ на свободныхъ сословіяхъ, на шляхтѣ, духовенствѣ и мѣщанахъ, составлявшихъ лишь ^{1/6} населенія; но если въ пассивную часть отнести бѣднѣйшую шляхту и низшій слой мѣщанства, то взрослые мужчины въ указанной части едва составятъ цифру въ 180.000 ⁴⁾. Но и они при иной организаціи государства

¹⁾ Ibid., I, 170.

²⁾ Ibid., I, 57.

³⁾ Ibid., I, 171.

⁴⁾ Ibid., I, 319.

могли бы сыграть въ немъ ту роль, какая въ современныхъ монархіяхъ выпадаетъ на чиновничество и офицерство ¹⁾).

И въ главѣ о крестьянствѣ г. Корзону приходится говорить о предметахъ, которые должны были бы заставить его отнестись внимательнѣе къ этнографическому составу Рѣчи Посполитой. Говоря, напримѣръ, о томъ, что хлопы въ Польшѣ бунтовали рѣдко, онъ дѣлаетъ исключеніе для Украйны и южно-русскихъ воеводствъ ²⁾. Изъ другихъ мѣстъ этой главы отмѣтимъ мнѣніе, что положеніе крѣпостныхъ въ Россіи было хуже, чѣмъ въ Польшѣ ³⁾, тогда какъ въ Пруссіи крестьянину жилось вообще легче ⁴⁾. Интересно также изложеніе проектовъ реформъ въ крестьянскомъ быту въ отдѣльные періоды этой эпохи ⁵⁾, при чемъ авторъ относится весьма сурово (и справедливо) къ рѣшенію крестьянскаго вопроса конституціей 3-го мая ⁶⁾. Интересенъ и параграфъ объ отношеніи крестьянъ къ сей послѣдней ⁷⁾: общій выводъ—равнодушіе, изъ коего не дѣлали попытокъ вывести крестьянъ ни сеймъ, ни правительственныя власти, ни политическія партіи ⁸⁾; притомъ шляхта,—которую г. Корзонъ, впрочемъ, оправдываетъ отъ обвиненій Костомарова и въ личномъ равнодушіи къ дѣлу повстанія,—неохотно пускала хлоповъ въ войско ⁹⁾, хотя послѣдніе въ немъ все-таки были ¹⁰⁾. Кромѣ того, авторъ съ новыми данными въ рукахъ старается представить отношеніе шляхты и хлоповъ къ возстанію Костюшки нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлается другими историками и особенно тѣмъ же Костомаровымъ ¹¹⁾, такъ что, по автору, факты, принятые этими историками за общее правило, нужно скорѣе считать исключеніями. „Мы“, говоритъ г. Корзонъ,—столько начитались въ историческихъ трудахъ XIX в., особенно въ самыхъ новыхъ, объ эгоизмѣ шляхты и испор-

¹⁾ Ibid., I, 320.

²⁾ Ibid., I, 362 sq.

³⁾ Ibid., I, 369 sq.

⁴⁾ Ibid., I, 370.

⁵⁾ Ibid., I, 371 sqq.

⁶⁾ Ibid., I, 435 sq.

⁷⁾ Ibid., I, 447 sqq.

⁸⁾ Ibid., I, 458.

⁹⁾ Ibid., I, 461—462. Мѣстами г. Корзонъ вообще поправляетъ Костомарова на основаніи данныхъ, бывшихъ послѣдному неизвѣстными. См. особенно стр. 468 sq.

¹⁰⁾ Ibid., I, 464.

¹¹⁾ Ibid., I, 479. Ср. о манифестѣ Костюшки, освобождавшемъ хлоповъ, стр. 487 sq.

ченности общества, которое яко бы не хотѣло оцѣнить и поддержать Костюшку, что намъ нелегко было отдѣлаться отъ предубѣжденія и придти къ выводу, находящемуся въ такомъ противорѣчii съ распространенѣйшими взглядами“¹⁾. Онъ даже думаетъ, что манифестъ Костюшки о вольности хлоповъ открывалъ для польскаго крестьянина болѣе счастливую эру²⁾, но для автора все-таки остается загадкою, допускающею только предположительный отвѣтъ, то обстоятельство, что манифестъ этотъ не произвелъ впечатлѣнiя на крестьянъ³⁾, хотя, на нашъ взглядъ, загадки тутъ никакой нѣтъ.—Таково въ высшей степени интересное содержанiе перваго тома капитальнаго труда г. Корзона.

Второй томъ труда г. Корзона, вышедшiй въ свѣтъ въ 1883 г., заключаетъ въ себѣ до 400 страницъ и распадается на три главы (IV, V и VI). Одна изъ нихъ называется—„торговля, купцы и банкиры“, другая—„промышленность и городское дѣло“ (*sprawa miejska*), третья посвящена вообще національному богатству. Вставленныхъ въ текстъ „таблицъ и цифръ“ этотъ томъ заключаетъ 66 (отъ 67 до 133 по общему счету во всемъ трудѣ). Въ IV главѣ по общему счету въ первой этого тома) авторъ разсматриваетъ состоянiе торговли въ Польшѣ до Станислава-Августа, теоретическiя воззрѣнiя экономистовъ и голоса въ польской прессѣ относительно торговли, внѣшнiя ея условiя (торговая политика Пруссiи, Австрiи и Россiи)⁴⁾ при Станиславѣ-Августѣ, пути сообщенiя, цѣны (между прочимъ цѣны на трудъ и годовой бюджетъ жителя въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ), вывозную и привозную торговлю, (параграфъ о коей касается расточительности поляковъ), правительственныя мѣры, клонившiяся къ поднятiю торговли и т. д. Не входя въ подробности, иногда весьма любопытныя, мы остановимся при обзорѣ этой главы лишь на двухъ мѣстахъ. Г. Корзонъ касается весьма важнаго вопроса о годовомъ бюджетѣ жителя Польши въ концѣ XVIII вѣка и приходитъ къ тому выводу, „что трудъ земледѣльца хуже оплачивался около 1790 года, нежели въ XV и до нѣкоторой въ степени XIV вѣкѣ. Это“, прибавляетъ

¹⁾ Ibid., I, 490.

²⁾ Ibid., I, 493.

³⁾ Ibid., I, 494.

⁴⁾ Тяжелѣе всего для Польши была прусская политика (*Korzon*, II, 30 sq.) а о русской авторъ выражается, какъ о самой выгодной сравнительно: *najkorzystniej stosunkowo przedstawiały się warunki handlowe od ściany Rosyjskiej*. II, 49.

онъ, — „представляет лишнее доказательство притѣсненія и нужды, которыя претерпѣвали крестьяне“ ¹⁾). Съ другой стороны, въ параграфѣ о привозной торговлѣ авторъ имѣетъ случай сообщить много данныхъ о расточительности высшихъ сословій въ Польшѣ и высказать свое согласіе съ свидѣтельствомъ современнаго описываемой эпохѣ нѣмецкаго путешественника (Шульца), утверждающаго, что жизнь польскаго пана стоила гораздо дороже, нежели богатаго дворянина въ какой-либо иной странѣ ²⁾). Общій выводъ изъ этой главы, однако, тотъ, что все-таки въ Польшѣ въ данную эпоху замѣтенъ нѣкоторый экономическій прогрессъ, коему много содѣйствовали правительственныя мѣропріятія, такъ что это улучшение, отразившееся и на финансахъ, г. Корзонъ ставитъ въ заслугу Станиславу-Августу, особливо же „комиссіи короннаго скарба“, представлявшей изъ себя нѣчто въ родѣ министерства финансовъ въ эпоху русской гарантіи ³⁾). Въ слѣдующей главѣ г. Корзонъ даетъ подробный обзоръ городского быта и промышленности въ Польшѣ при Станиславѣ-Августѣ: здѣсь, кромѣ общихъ данныхъ о городахъ и промышленности, мы находимъ подробныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и о нѣкоторыхъ изъ болѣе значительныхъ городовъ, литературныя мнѣнія о способахъ улучшения городского быта и реформы, его касавшіяся (особенно дѣло мѣщанъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ), нашли въ г. Корзонѣ также весьма тщательнаго историка. Особый интересъ для насъ имѣютъ тѣ мѣста этой главы, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніи мѣщанъ къ событіямъ послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой. Обзоръ состоянія отдѣльныхъ городовъ, сдѣланный г. Корзономъ на 30—40 страницахъ ⁴⁾), приводитъ его къ тому общему заключенію, что при Станиславѣ-Августѣ города стали выходить изъ прежняго своего косвенія. „Тогда“, говоритъ онъ, — „положеніе городовъ было лучшимъ, чѣмъ когда бы то ни было въ XVII и XVIII вѣкахъ; свободнѣе чувствовали себя мѣщане, шляхта освобождалась отъ прежнихъ предразсудковъ своихъ относительно мѣщанства, хотя въ законодательствѣ городское дѣло не сдѣлало никакихъ успѣховъ, когда на-

¹⁾ Ibid., II, 95.

²⁾ Ibid., II, 136—137.

³⁾ Ibid., II, 196.

⁴⁾ Ibid., II, 298 sq. Города эти слѣдующіе: Минскъ, Вилькомиръ, Ковно, Несвижъ, Гродно, Вильно, Житомиръ, Дубно, Бердичевъ, Каменецъ, Могилевъ-на-Днѣпрѣ, Тульчинъ, Люблинъ, Казимиржъ на Вислѣ, Сандомиръ, Краковъ, Вехова, Равичъ, Здуны, Оборники, Познань, Пётрковъ, Бѣлостокъ, Варшава.

чался четырехлѣтній сеймъ¹⁾. Извѣстно, что во время этого сейма мѣщанство напомнило о своихъ правахъ: около 140 городовъ прислали въ Варшаву своихъ депутатовъ, сеймомъ назначена была особая „городская депутація“ (комиссія), началась брошюрная полемика, и дѣло городского сословія стало предметомъ сеймовыхъ преній, пока въ апрѣлѣ 1791 года не былъ постановленъ о городахъ новый законъ и права мѣщанъ не были расширены конституціей 3-го мая. Русскій читатель можетъ познакомиться съ исторіей этого эпизода изъ сочиненія Костомарова, которое въ данномъ случаѣ, однако, потребовало бы теперь кое-какихъ дополненій по книгѣ г. Корзона. Мы здѣсь приведемъ опять-таки лишь общія сужденія польскаго историка о результатахъ мѣщанскаго движенія. Изложивъ содержаніе апрѣльскихъ и майскихъ постановленій 1791 г., авторъ находитъ ихъ весьма справедливыми съ моральной точки зрѣнія²⁾, но ставитъ вопросъ о томъ, какія практическія послѣдствія были бы отъ этихъ постановленій, еслибы они вошли въ жизнь. Мѣщане получили многое отъ конституціи 3-го мая, но не были сравнены въ правахъ со шляхтою, хотя доступъ въ послѣднюю для наиболѣе зажиточныхъ элементовъ былъ весьма облегченъ. Указавъ на новые способы нобилитации, г. Корзонъ спрашиваетъ: „Согласовался ли такой законъ съ принципомъ удержанія городского сословія въ Польшѣ? Не переодѣлась ли бы въ шляхетскіе кунтуши вся болѣе зажиточная и интеллигентная часть мѣщанъ, оставивъ болѣе убогихъ и темныхъ своихъ товарищей? Не стало ли бы страстное стремленіе покупать имѣнія, сразу проявившееся въ 1791 г., отвлекать капиталы и способности отъ промышленности въ угоду предразсудку, что земля и плохое хозяйство облагороживаютъ человѣка? Не представляетъ ли изъ себя пріятный для слуха принципъ „ушляхетненія“ низшихъ сословій посредствомъ надѣленія ихъ шляхетскими привилегіями—звучной, но въ основѣ своей ошибочной фразы? Но это“, заключаетъ авторъ, — „такіе вопросы, на которые жизнь не дала отвѣта, такъ какъ законъ не прошелъ черезъ опытъ сколько-нибудь долговременной практики. То лишь вѣрно, что партія реформы въ этомъ дѣлѣ не заслужила никакого упрека; она состояла изъ шляхты и только дала доказательство, что искренне, сердечно желала вознаградить мѣщанъ за обиды, на-

¹⁾ Ibid., II, 334.

²⁾ Ibid., II, 353.

несенныя имъ отцами, дѣдами и прадѣдами“. 1) „Такъ“, говоритъ г. Корзонъ въ другомъ мѣстѣ,—“разрѣшился мѣщанскій вопросъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ—мудро, удовлетворительно съ точки зрѣнія самихъ мѣщанъ. Партіи реформы удалось сразу уничтожить ошибки двухъ столѣтій. Въ угасавшую лампаду подлили масла, какъ того хотѣлъ Коллоутай. И результатъ былъ большой. Когда пришло время испытанія, мѣщане на дѣлѣ показали и искреннюю преданность уставу 3-го мая, и горячій патриотизмъ (uczucia obywatelskie), какого, быть можетъ, никогда не обнаруживалось въ исторіи польскихъ городов“ 2). Второй томъ сочиненія Корзона почти и оканчивается нѣсколькими страницами, на которыхъ собраны факты, служащіе подтвержденіемъ этой мысли 3), и дѣйствительно, если было въ Польшѣ сословіе, которое имѣло особый интересъ дорожить политическими реформами четырехлѣтняго сейма, то это именно были мѣщане. Тарговицкая конфедерація начала съ уничтоженія всѣхъ „революціонныхъ“ новшествъ сейма относительно мѣщанъ, и когда совершался второй раздѣлъ Рѣчи Посполитой, уже мѣщанинъ Капостасъ составлялъ планъ возстанія и организовалъ союзъ, который предназначалъ Костюшеѣ стать во главѣ націи. Роль городского сословія въ послѣдней попыткѣ предотвратить отъ Польши ея печальную участь слишкомъ извѣстна, чтобы о ней распространяться, и тѣмъ не менѣе эта часть труда г. Корзона читается съ особымъ интересомъ.

Послѣдняя маленькая глава II тома (Ogól bogactwa narodowego) вся статистическаго содержанія. Авторъ собираетъ изъ показаній XVIII вѣка цифры о національномъ богатствѣ Польши, сравниваетъ эти цифры между собою, даетъ свои и приходитъ къ тому выводу, что польскіе политики XVIII вѣка не знали всѣхъ средствъ, коими могла располагать Польша, производили имъ слишкомъ низкую оцѣнку, пессимистическое же настроеніе патриотовъ при ихъ незначительныхъ силъ страны вреднымъ образомъ отражалось на дѣлѣ реформы 4).

Третій томъ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“, изданный въ 1883 г., посвященъ исторіи финансовъ. Въ этомъ томѣ, раздѣленномъ на пять главъ (VII—XI) съ „таблицами и цифрами“ отъ 134 до 322,—болѣе 450 страницъ. Критика привѣтствовала по-

1) Ibid., II, 353—354.

2) Ibid., II, 356—356.

3) Ibid., II, 357 sq.

4) Ibid., II, 379.

явленіе этого тома, безъ котораго до сихъ поръ оставалась бы мало извѣстною такая важная сторона дѣла ¹⁾. „Сочиненіе г. Корзона“, говоритъ въ своей рецензіи профессоръ Павинскій,—„доставило намъ не мало средствъ для разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ заключается сущность историческаго развитія Польши за нѣсколько вѣковъ. Картина послѣднихъ тридцати лѣтъ, изображенная въ названномъ трудѣ, не раскрываетъ передъ нами вида дипломатическихъ переговоровъ или внѣшнихъ событій, но даетъ намъ богатое по своимъ подробностямъ изображеніе внутренняго состоянія тогдашней Рѣчи Посполитой. Ея организмъ, который до сихъ поръ рисовался такъ блѣдно, въ такихъ колеблющихся и невѣрныхъ очертаніяхъ среди множества повѣствованій, мемуаровъ и эскизовъ выступаетъ въ сочиненіи г. Корзона со всею анатомическою обстоятельностью. Мы имѣемъ передъ собою въ первыхъ двухъ томахъ весь, если такъ можно выразиться, костяной остовъ со всею пластичностью тѣла и обширную сѣть нервовъ, по которымъ совершается движеніе. На такой непоколебимой основѣ историкъ можетъ болѣе твердою рукою начертывать изображеніе жизни и развитія этого организма. Третій томъ, вышедшій въ концѣ прошлаго года, хватаетъ еще ступеню выше на этой лѣстницѣ научной систематики. Именно, онъ разсматриваетъ финансы, то-есть, посвященъ не только описанію составныхъ частей политическаго организма, но изображаетъ самую важную часть его дѣятельности, дѣятельность одного изъ главнѣйшихъ его органовъ—сердца, которое по всему тѣлу разноситъ животворные соки. Съ этимъ соединяются самыя жизненные вопросы, которые ставятъ передъ нами вся трагическая сторона той эпохи. Предметъ, затронутый въ этомъ томѣ, возбуждаетъ высшую степень интереса, ибо прямо касается вопроса существованія, вопроса жизни, вопроса всей будущности“. Почтенный профессоръ имѣетъ въ виду то важное значеніе, какое для внѣшней безопасности государства принадлежитъ хорошимъ финансамъ и благоустроенному войску,—двумъ вещамъ, коими Рѣчь Посполитая пренебрегала, что и повело ее къ паденію. Г. Корзонъ говоритъ, что сотысячная армія, декретированная четырехлѣтнимъ сеймомъ, могла бы спасти

¹⁾ Смоленскій въ своей рецензіи о двухъ послѣднихъ томахъ (*Ateneum* 1887, Październik, стр. 1) говоритъ, что тутъ авторъ rozświetlił tę stronę działalności, bez której zbadania sądom historycznym o ostatnich czasach Rzeczypospolitej brakło pozytywnej podstawy.

страну въ 1792 г., но на нее не хватило средствъ, а „слѣдовательно“, продолжаетъ профессоръ Павинскій, — „отсюда вытекаетъ убѣдительный выводъ, что о недостатокъ надлежащихъ средствъ государственной казны и разбилось великое дѣло обороны бытія и жизни“. Вотъ почему именно онъ и придаетъ такое важное значеніе третьему тому сочиненія г. Корзона, посвященному „системѣ государственнаго хозяйства въ Польшѣ въ эпоху, предшествующую ея политическому паденію“¹⁾. Главный упрекъ профессора Павинскаго автору „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“ заключается въ томъ, что онъ не обратилъ вниманія на мѣстные финансы отдѣльныхъ воеводствъ²⁾, а между тѣмъ изслѣдованіе послѣднихъ дало бы надлежащую точку зрѣнія на областное самоуправленіе въ Рѣчи Посполитой: послѣднее, по совершенно вѣрному замѣчанію рецензента, было искажено въ Польшѣ въ своемъ примѣненіи, между тѣмъ какъ г. Корзонъ готовъ его поставить выше самой энергичной бюрократіи централизованныхъ государствъ XVIII вѣка³⁾. Три года спустя послѣ этой рецензіи профессоръ Павинскій исполнилъ указанный пробѣлъ своимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ подъ заглавіемъ „Сеймиковое правленіе въ Польшѣ“⁴⁾, весьма важнымъ для пониманія внутреннихъ причинъ разложенія Рѣчи Посполитой.

Но возвратимся къ третьему тому труда г. Корзона. Какъ было упомянуто, въ немъ пять главъ. Первая изъ нихъ (по общему счету VII) посвящена „скарбу Короля Егомосци“, вѣрнѣе денежнымъ дѣламъ Станислава Августа, въ коихъ, какъ извѣстно, не все обстояло благополучно и въ томъ смыслѣ, что онъ часто нуждался, и въ томъ, что добывалъ онъ деньги весьма часто средствами непозволительными: „Одна Польша“, говоритъ авторъ, — „имѣла ту особенную судьбу, что ея король былъ продаженъ. Станиславъ Августъ представляетъ изъ себя оригинальное, чуть не единственное явленіе этого рода. Какъ ни испорченъ былъ шляхетскій народъ, какъ ни разстроены государственный механизмъ, мы не думаемъ, чтобы катастрофа пер-

¹⁾ *A. Pawiński. Z piśmienictwa historycznego (Dział literacki Kraju. 1885. № 44, стр. 25).*

²⁾ *Ibid., № 45, стр. 25.*

³⁾ *Ibid., № 45, стр. 26.*

⁴⁾ *A. Pawiński. Rządy sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw kujawskich. Warszawa. 1888. Ср. нашу рецензію этого труда въ июньской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1888 г., а главными выводами мы воспользовались въ своемъ „Историческомъ очеркѣ польскаго сейма“ (М. 1888).*

ваго раздѣла могла совершиться такъ легко, такъ быстро при другомъ королѣ съ такою же слабою волею, но съ чистыми руками“¹⁾. За главою о денежныхъ дѣлахъ Станислава Августа, заключающею въ себѣ много любопытныхъ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, идутъ четыре главы о „коронномъ и литовскомъ скарбахъ Рѣчи Посполитой“ въ четыре отдѣльные періода, на которые г. Корзонъ дѣлитъ всю эпоху. Содержаніе этихъ главъ весьма специальное: масса названій налоговъ съ краткою исторіей cadaго, масса цифръ, масса различныхъ подробностей государственнаго хозяйства, финансовыя теоріи, проекты, законодательныя мѣры и т. д. заставляютъ насъ ограничиться только сдѣланными уже указаніями на значеніе III тома въ цѣломъ сочиненіи. Что касается до самаго общаго представленія цѣла, то, излагая составленное самимъ авторомъ résumé ко всему труду, мы дополнимъ это résumé въ соответственномъ мѣстѣ нѣкоторыми данными, взятыми непосредственно изъ III тома²⁾.

Четвертый томъ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ Августѣ“ вышелъ въ свѣтъ въ 1885 и 1886 гг. въ двухъ частяхъ неравнаго объема: первая часть заключаетъ въ себѣ немного болѣе 300 страницъ, вторая—около 650, не считая 38 стр. особой нумерации, на коихъ помѣщается алфавитный указатель ко всѣмъ четыремъ томамъ обширнаго труда. Конецъ текста посвященъ общимъ выводамъ, съ которыми послѣ обзора содержанія самаго тома мы знакомимъ читателя подробнѣе. Общее содержаніе IV тома—„правительство Рѣчи Посполитой и дѣятельность административной машины“, изложеніе же этого предмета раздѣлено на пять главъ, отъ XII до XVI включительно: въ первой изъ нихъ рѣчь идетъ о судахъ и сеймахъ, во второй и третьей—объ административныхъ властяхъ въ первые два періода (и между прочимъ о *radzie nieustajacej*) въ четвертой—о правленіи четырехлѣтняго сейма, а послѣдняя повѣствуетъ о переворотахъ четвертаго періода. Кромѣ того, приложение подъ лит. В заключаетъ въ себѣ описаніе битвы подъ Мацѣвицами, при чемъ авторъ даетъ къ этому описанію три карты³⁾. Наконецъ въ текстѣ обѣихъ частей IV тома помѣщено до полутораста

¹⁾ *Korzon*, III, 46.

²⁾ Въ приложеніи къ третьему тому помѣщенъ *Spis ofiar z lat 1788—1792 i 1794*.

³⁾ Одна, составленная генералъ Фервеномъ, другая—самимъ авторомъ, третья изображаетъ окрестности Мацѣвиць.

„таблицъ и цифръ“ (отъ 223 до 368 включительно по общей нумераціи во всемъ трудѣ).

О судоустройствѣ г. Корзонъ говоритъ сравнительно мало, представляя его въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, нежели дѣлали это другіе писатели. Изъ обзора сеймовъ онъ равнымъ образомъ выноситъ благоприятное для польской націи мнѣніе, но со многимъ тутъ нельзя согласиться ¹⁾. Гораздо основательнѣе произведено было г. Корзономъ изслѣдованіе дѣятельности польской администраціи: между прочимъ здѣсь отмѣчена, какъ мы увидимъ, съ хорошей стороны, дѣятельность „*gady nieustającej*“, не пользовавшейся однако популярностью за свое русское происхождение. Только о комиссіи народнаго просвѣщенія авторъ говоритъ сравнительно коротко и мимоходомъ, такъ что, по отзыву г. Смоленскаго, эта комиссія „еще должна ждать своего историка“ ²⁾. Кончаетъ авторъ свой трудъ исчисленіемъ военныхъ силъ Рѣчи Посполитой во время четырехлѣтняго сейма, войны 1792 года и возстанія 1794 года.

Нельзя не выразить удивленія по поводу того незначительнаго мѣста, какое отведено г. Корзономъ рассмотрѣнію „законодательной власти“ въ Рѣчи Посполитой, то-есть, сейма, хотя онъ и оправдывается тѣмъ, что о сеймахъ ему приходилось говорить въ другихъ частяхъ сочиненія ³⁾. Сеймъ самъ по себѣ, какъ учрежденіе, представляетъ весьма интересное явленіе, и въ организаціи сейма, въ ненормальномъ отношеніи къ нему сеймиковъ и т. д. слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ внутренняго разложенія Рѣчи Посполитой, а между тѣмъ этому учрежденію авторъ посвящаетъ всего около 35 страницъ ⁴⁾. О дѣйствіяхъ исполнительной власти ему также приходилось говорить не мало въ другихъ частяхъ сочиненія, но это, однако, не мѣшаетъ ему на ней именно и сосредоточить все свое вниманіе въ IV томѣ. Поэтому небольшой только параграфъ о сеймахъ представляется какъ будто бы вставленнымъ лишь для полноты: авторъ отводитъ имъ столько же мѣста, сколько и судоустройству, о которомъ позволяетъ себѣ говорить коротко, такъ какъ оно, по его словамъ, „оказывало весьма слабое вліяніе на судьбы находившихся въ опасности народа и государства“ ⁵⁾: разумѣется, о сеймахъ нельзя было сказать то же

¹⁾ Ср. рецензію г. Смоленскаго (*Ateneum*. 1887. Październik, стр. 10).

²⁾ *Ibid.*, стр. 11.

³⁾ *Korzon*, IV, 2—3.

⁴⁾ *Ibid.*, IV, 36—72. Ср. упомянутый выше „Историческій очеркъ“.

⁵⁾ *Korzon*, IV, 2.

самое. Весь почти параграфъ о законодательной власти посвященъ притомъ разрѣшенію вопроса о степени легальности сеймовъ 1764, 66, 67—68, 73—75, 76, 78, 80, 82, 84, 86, 88—92 и 1793 годовъ. Отметимъ, по этому поводу, что авторъ не сомнѣвается въ легальности сеймовъ 1778, 80, 82, 84, 86 годовъ, собиравшихся подъ вліяніемъ всемогущаго Штакельберга, подъ вліяніемъ, не выходящимъ, впрочемъ, за предѣлы тайной агитаціи, не въ ражавшемся въ актахъ насилія. То обстоятельство, что на этихъ пяти сеймахъ не было пущено въ ходъ ни разу „liberum veto“, хотя сеймы не были конфедерированные, г. Корзонъ приписываетъ не чему иному, какъ „возросшей зрѣлости общества“ ¹⁾. О четырехлѣтнемъ сеймѣ онъ повторяетъ свои прежніе сочувственные отзывы, защищая тутъ его легальность ²⁾, хотя нарушеніемъ сеймоваго регламента при проведеніи конституціи 3-го мая партія реформы дала противъ себя оружіе своимъ противникамъ. Что касается самой конституціи, то, по г. Корзону, она „имѣла за себя огромное большинство не только въ сеймѣ, но и въ цѣломъ народѣ; оппозиція была незначительная въ численномъ отношеніи и слаба какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 597 sq. второй половины IV тома по особой нумераціи) авторъ высказываетъ мысль, что введеніе наследственнаго трона было главной ошибкой конституціи, такъ какъ „сукцессія“ болѣе всего вооружала противъ себя консерватизмъ, и что безъ нея тарговичанская оппозиція не получила бы значенія и силы. Сеймы 1773—75 и 1793 гг., утвердившіе первый и второй раздѣлы, также разсматриваются г. Корзономъ ⁴⁾, и, конечно, о ихъ легальности не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній.

Объ исполнительной власти г. Корзонъ даетъ болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. „Пресловутая анархія польская“, говоритъ онъ,—„выразилась главнымъ образомъ въ разложеніи (rozprzeżeniu) и чуть не полномъ исчезновеніи администраціи какъ гражданской, такъ и военной... Здѣсь уже недостаточно было только реформировать, а нужно было строить, основывать, начиная почти съ самаго элементарнаго“ ⁵⁾. Въ главѣ XIII разсматриваются учрежденія, создан-

¹⁾ Ibid., IV, 55.

²⁾ Ibid., IV, 56 sq.

³⁾ Ibid., IV, 61.

⁴⁾ Ibid., IV, 51 sq. 62 sq.

⁵⁾ Ibid., IV, 72—73.

ныя Чарторьскими, въ XIV — постоянный совѣтъ (rada nieustająca). На послѣднемъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Приведеніе въ исполненіе существовавшей еще въ 1767 г. мысли о „Radzie przy Roku JKMSi Nieustającej“ было, говорить г. Корзонь,—дѣломъ Штакельберга, который, испытавъ продажность государственнаго совѣта въ Швеціи въ бытность свою въ Стокгольмѣ, хотѣлъ имѣть подобное же учрежденіе и въ Польшѣ, а уставъ этого новаго совѣта редактировалъ „одинъ изъ наилучшихъ людей этой эпохи—Древновскій, подчашій земли лозжинской, секретарь конфедерации и сейма (1773—1775 гг.)“, получавшій отъ Россіи деньги ¹⁾. Станиславъ Августъ превратился въ простаго постоянного президента „рады“, члены которой были выборные ²⁾. Г. Корзонь подробно разсматриваетъ въ особыхъ §§ дѣятельность департаментовъ, изъ коихъ состоялъ совѣтъ, и подчиненныхъ имъ комиссій ³⁾ и заключаетъ главу параграфомъ, содержащимъ въ себѣ общій приговоръ о „radzie nieustającej“. Это учрежденіе было, какъ извѣстно, весьма непопулярно у современниковъ ⁴⁾, и г. Корзонь приводит тѣ нареканія на „раду“, которыя дѣлались особенно на четырехлѣтнемъ сеймѣ. „Въ нашихъ глазахъ“, говоритъ онъ, высказывая уже свое собственное сужденіе,—„въ нашихъ глазахъ, по истеченіи столь богатаго опытомъ столѣтія, большая часть этихъ нареканій не можетъ быть признана за справедливыя“,—и шагъ за шагомъ онъ отражаетъ отдѣльныя обвиненія ⁵⁾. „Вполнѣ справедливымъ и подходящимъ“, продолжаетъ онъ,—„былъ упрекъ Ст. Потоцкаго, что постоянный совѣтъ былъ всегда открытъ для вхожденія чужой инфлуенціи. Съ этою цѣлью собственно и былъ онъ созданъ Штакельбергомъ, къ этому клонились всѣ хлопоты его и короля при выборѣ консилиаріевъ и маршалка“ ⁶⁾. Факты зависимости польскаго правительства отъ Штакельберга извѣстны. И въ общемъ все-таки, сравнивая администрацію „radzie nieustającej“ съ администраціей предыдущей эпохи, авторъ указываетъ на совершившійся прогрессъ ⁷⁾. Уничтоженіе „рады“ четырехлѣтнимъ сеймомъ рассматри-

¹⁾ Ibid., IV, 179.

²⁾ Ibid., IV, 180.

³⁾ Г. Корзонь замѣчательно мало говоритъ здѣсь о не подчиненной, правда, „радѣ“ комиссіи эдукаціонной,—всего четыре страницы. IV, 306—309.

⁴⁾ Ibid., IV, 309 sq.

⁵⁾ Ibid., IV, 314.

⁶⁾ Ibid., IV, 314—315.

⁷⁾ Ibid., IV, 309. Ср. еще благопріятный отзывъ о „radzie“, которую „невзвѣдливъ главнымъ образомъ за ея происхожденіе“, IV, 594—595 (изъ второй половины тома).

вается имъ тѣмъ не менѣе съ совершенно иной точки зрѣнія, нежели у Калинки, видѣвшаго въ такомъ рѣшеніи сейма „разрушеніе правительства“ ¹⁾). Калинка думаетъ, что сеймъ замѣнилъ лучшее учрежденіе худшими, г. Корзонъ—противоположнаго мнѣнія. Глава XV и имѣеть своимъ содержаніемъ „*gząd sejmii czteroletniego*“.

Въ указанной главѣ, равно какъ въ слѣдующей—„перевороты четвертаго періода“, наибольшій интересъ представляютъ страницы, гдѣ рѣчь идетъ объ административныхъ реформахъ четырехлѣтняго сейма, о повстанческомъ правительствѣ 1794 г. и объ усиліяхъ поляковъ въ 1792 и 1794 гг. отстоять свою національную независимость, хотя и здѣсь очень много мы встрѣчаемъ специальныхъ подробностей о военной администраціи, о военныхъ дѣйствіяхъ и т. д. Наиболѣе любопытное изъ двухъ названныхъ главъ, составляющихъ цѣлый томъ въ 600 страницъ, мы здѣсь и приведемъ, имѣя въ виду опять-таки не подробности, а главные мысли.

Вопервыхъ, г. Корзонъ съ документальными данными въ рукахъ разсматриваетъ дѣятельность своего рода военного министерства (*komisyji wojska Rzpltej obojga narodów*) въ эпоху четырехлѣтняго сейма и представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для рѣшенія вопроса о состояніи военныхъ силъ Рѣчи Посполитой во время ея борьбы съ Россіей въ 1792 году. Въ этомъ отдѣлѣ особенно важенъ обзоръ того, какъ приведено было въ исполненіе постановленіе сейма о сто-тысячной арміи ²⁾, которой, какъ извѣстно, Польшѣ организовать не удалось. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ историкъ сваливаетъ вину на короля ³⁾; что же касается до общества, говоритъ онъ, —то въ это время „оно жаждетъ борьбы и своими пожертвованіями спѣшитъ поддержать пошатнувшееся дѣло націи. Слѣды патріотическаго усердія“, прибавляетъ онъ,— „мы находили вездѣ съ самаго начала войны“ ⁴⁾. Это общее положеніе авторъ подкрѣпляетъ множествомъ фактовъ, собранныхъ на десяткѣ страницъ ⁵⁾, чтобъ еще разъ повторить, что „патріотическій пылъ былъ всеобщій, что народъ горячо хотѣлъ защищать свою независимость... Дѣло было“, замѣчаетъ онъ,— „не въ по-

¹⁾ Ibid., IV, 1—3. Въ дальнѣйшемъ ссылки будутъ дѣлаться на вторую половину IV тома, имѣющую свою особую нумерацію.

²⁾ Ibid., IV, 130 sq.

³⁾ Ibid., IV, 150.

⁴⁾ Ibid., IV, 151.

⁵⁾ Ibid., IV, 151—161. См. аналогичные факты и въ другихъ мѣстахъ напримѣръ, 164.

сполитомъ рушеніи шляхты, не имѣвшемъ въ XVIII вѣкѣ никакого значенія въ сравненіи съ регулярными арміями, но верховный вождь и король долженъ былъ организовать изъ добровольческихъ массъ регулярную и дисциплинированную военную силу¹⁾. Мѣстами, однако, по словамъ самого г. Корзона, этотъ пылъ не могъ проявиться, такъ какъ этому мѣшали торговичане²⁾. „Какъ разъ въ это же самое время“, читаемъ мы еще нѣсколько дальше,—„на парижскихъ площадяхъ развѣвалось красное знамя съ надписью „Patrie en danger“ и поставлены были столы для записыванія волонтеровъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ сбѣжалось въ пограничныя лагеря около 200 тысячъ молодежи. Неужели Польша не представила бы такого же зрѣлища, если бы только раздавалось подобное же воззваніе? Приведенные факты и свидѣтельства современниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ сходствѣ настроенія массъ населенія. Была однако та разница въ положеніи двухъ народовъ, что монархическая Франція помогла себѣ безъ Людовика XVI, а республиканская Польша ждала лозунга отъ Станислава Августа... и дождалась... мерзвѣйшей измѣны“³⁾. Поведеніе военныхъ начальниковъ, покидавшихъ службу и даже оставлявшихъ отечество послѣ „акцесса“ короля къ торговицкой конфедерации, авторъ объясняетъ нежеланіемъ ихъ ко всѣмъ бѣдствіямъ присоединить новое—междоусобіе, повторить барскую конфедерацию⁴⁾. Такова, по г. Корзону, причина окончательной побѣды торговицкой конфедерации⁵⁾. Въ параграфѣ объ этой послѣдней историкъ описываетъ, хотя и не особенно подробно, террористическія мѣры, пущенныя въ ходъ торговичанами, чтобы принуждать отдѣльныя мѣстности къ ней присоединяться⁶⁾, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что сдѣланное г. Корзономъ сравненіе ея дѣяній съ дѣйствіями четырехлѣтняго сейма будетъ не въ ея пользу, хотя она и обвиняла „варшавскій заговоръ“ (spisek warszawski, какъ принято было въ ней называть четырехлѣтній сеймъ) въ установленіи въ Польшѣ „деспотизма“⁷⁾. Мѣстныя конфедерации завязыва-

¹⁾ Ibid., IV, 161.

²⁾ См., напримѣръ, IV, 153—154.

³⁾ Ibid., IV, 165. О Станиславѣ Августѣ авторъ выражается здѣсь такъ: *tehörzliwy i spodlony do szpiku koci król.*

⁴⁾ Ibid., IV, 168.

⁵⁾ Обращаемъ вниманіе на подробную характеристику ея вождя Феликса. (Szczęsnego) Потоцкаго. IV, 221—230.

⁶⁾ Ibid., IV, 238 sq.

⁷⁾ Ibid., IV, 239.

лись по мѣрѣ поступательнаго движенія русскихъ войскъ и расширенія власти Ф. Потоцкаго въ южныхъ воеводствахъ и братьевъ Коссаковскихъ въ Литвѣ: въ Великопольской провинціи и въ Мазовіи тарговичане встрѣчали болѣе сопротивленія ¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ успѣхъ тарговичанъ авторъ объясняетъ тѣмъ, что противорѣчившая консерватизму шляхты „сукцессія трона“ дала имъ не мало сторонниковъ ²⁾).

Исторія возстанія 1794 г. изложена г. Корзономъ въ трехъ параграфахъ. Въ первомъ изъ нихъ рассматривается революціонное правительство въ 1794 г., во второмъ производится исчисленіе военныхъ силъ Костюшки, а въ третьемъ разказывается военная исторія самаго возстанія. Отмѣтимъ, что, по вычисленію автора, передъ началомъ повстанья въ Польшѣ было только 26—27 тысячъ войска ³⁾), а къ концу его оно доходило до 95 т., то-есть, Костюшко при менѣе благоприятныхъ условіяхъ и послѣ втораго раздѣла создалъ почти такую армію, какую постановилъ четырехлѣтній сеймъ ⁴⁾). Но эта армія составлялась постепенно, не была собрана въ одномъ мѣстѣ, была плохо вооружена, и по мѣрѣ того, какъ возникали новые отряды, старыя по частямъ разбивались и разгонялись непріятелями ⁵⁾). Въ этотъ періодъ Польша возвратилась къ своему республиканскому строю и къ отмѣненнымъ тарговичанами установленіямъ четырехлѣтняго сейма, а вопросъ о формѣ правленія долженъ былъ рѣшить будущій (не состоявшійся) сеймъ. Временныя власти этого періода, говоритъ г. Корзонъ,—какъ слѣдуетъ исполнили свой долгъ, а Костюшко заслужилъ названіе героя ⁶⁾). Польскія патріотическія усилія разбились о силы трехъ могущественныхъ державъ.

Переходимъ къ общимъ выводамъ, сдѣланнымъ самимъ авторомъ этого огромнаго труда. Самая общая его идея выражена г. Корзономъ въ нѣсколькихъ строкахъ, коими онъ заканчиваетъ четвертый и послѣдній томъ своего изслѣдованія внутреннихъ отношеній Польши въ эпоху ея раздѣловъ. „Можетъ быть“, говоритъ онъ именно, — „излишнимъ будетъ увѣрять, что мы исполнили обязательство, взятое на себя въ предисловіи. Если общество вышло изъ анализа очищен-

¹⁾ Ibid., IV, 242—244.

²⁾ Ibid., IV, 598—599.

³⁾ Ibid., IV, 334.

⁴⁾ Ibid., IV, 592.

⁵⁾ Ibid., IV, 593.

⁶⁾ Ibid., IV, 600.

нымъ по отношенію ко многимъ упрекамъ, какими его до сихъ поръ осыпали, то это есть слѣдствіе извлеченія изъ забвенія, изъ пыли архивовъ и пристрастныхъ сужденій многосторонней дѣятельности, представленія ея въ ежедневныхъ, мелкихъ, не систематическихъ, а потому самыхъ настоящихъ и самыхъ широкихъ проявленіяхъ. Мы ничего не скрыли, старались, напротивъ, довести дѣло до полного исчерпанія матеріала, пропуская только повторяющіеся факты или дѣла слишкомъ мелкія и личныя“ ¹⁾. При этомъ г. Корзонъ замѣчаетъ еще, что свои предположенія онъ дѣлалъ „съ подозрительностью и строгостью обвинителя“, но что ему нерѣдко приходилось въ теченіе работы находить документы, которые „заставляли его смягчать или даже измѣнять строго сформулированныя гипотетическія сужденія“ ²⁾. Этимъ строкамъ онъ предпосылаетъ общее résumé, заслуживающее особаго вниманія.

Résumé, или заключеніе (zamknięcie), занимаетъ около сорока послѣднихъ страницъ (623—667) послѣдняго тома. На первомъ мѣстѣ здѣсь авторъ ставитъ вопросъ о Станиславѣ Августѣ и рѣшаетъ его въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ. Онъ цѣнитъ однако въ послѣднемъ Польскомъ королѣ его заботливость въ дѣлѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса и въ дѣлѣ поднятія промышленности изъ ея упадка, болѣе же всего его просвѣщенный умъ. „Мы“, говоритъ г. Корзонъ,— „неоднократно напоминали, какая густая туча невѣжества (ciemnoty) висѣла надъ польскимъ народомъ въ серединѣ XVIII вѣка. Взвѣсивая всѣ элементы разложенія, мы пришли къ убѣжденію, что это невѣжество было первою и главною причиною паденія бывшей Рѣчи Посполитой. Незначительно было число людей, которые принесли лучи свѣта съ Запада, и въ этой горсточкѣ Станиславъ Августъ былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ, самыхъ способныхъ, самыхъ ревностныхъ.... Исторія умственнаго развитія свидѣтельствуетъ, что труднѣе всего бываетъ добываніе первой искры. Эту искру зажегъ Станиславъ Августъ. Черезъ двадцать лѣтъ горѣлъ уже большой очагъ литературы, науки, школы. Станиславъ Августъ никогда его не угасалъ, а напротивъ раздувалъ на немъ огонь. И явилось поколѣніе четырехлѣтняго сейма, которое преобразило, возродило Польшу, и нашлись почтенные граждане, даже герои, а они съ Костюшкою

¹⁾ Ibid., IV, 663.

²⁾ Ibid., IV, 664.

во главѣ были большею частью изъ кадетскаго корпуса“ ¹⁾. Это мѣсто мы привели не ради выраженнаго здѣсь взгляда на хорошую сторону дѣятельности послѣдняго польскаго короля ²⁾, а ради общаго взгляда автора на причину паденія Польши. Что касается до самого Станислава Августа, то указанныя заслуги не искупаютъ въ глазахъ г. Корзона его грѣховъ: по мнѣнію историка его царствованія, „самымъ выгоднымъ для Польши и для него самого событіемъ было бы низложеніе его съ престола или по крайней мѣрѣ отрѣшеніе его отъ власти въ минуту рѣшительной борьбы съ врагами въ 1792 г., какъ это именно сдѣлано было двумя годами позднѣе. Въ такомъ случаѣ возродитель народа не очутился бы между его убійцами“ ³⁾. И въ этихъ словахъ, впрочемъ, сквозитъ общій взглядъ автора.

„Достоинство народа“, продолжаетъ г. Корзонъ,—въ эту ужасную эпоху должно быть измѣряемо количествомъ патріотизма, прозвѣннаго въ дѣйствіяхъ; прежде, однако, нежели мы опредѣлимъ эту мѣру, мы должны принять въ расчетъ, кромѣ извѣстныхъ изъ нашего изслѣдованія явленій, еще двѣ точки зрѣнія, чуждыя теперешнимъ поколѣніямъ и непонятныя безъ свѣта исторіи“. Авторъ имѣетъ въ виду, впервыхъ, сословный строй Польши, а вовторыхъ, космополитизмъ прогрессистовъ. „Сословная организація“, говоритъ онъ,—вообще оказывала вредное вліяніе на патріотическое чувство, на понятіе о цѣльности края, объ единствѣ народа и государства“ ⁴⁾. Въ Польшѣ „шляхтичъ *bene natus et possessionatus* въ сравненіи съ плебеємъ выглядывалъ, какъ человѣкъ другой расы, другой породы, болѣе благородной, болѣе чистой, іафетовой, а не хамоной крови“. Однако, замѣчаетъ далѣе авторъ,—шляхтичъ не утрачивалъ никогда понятія отчизны и „хотя бы вѣроломными устами“, но провозглашалъ, что ради нея готовъ жертвовать имѣніемъ и жизнью. Онъ только думалъ, что отчизна существуетъ лишь для него, что шляхетское сословіе составляетъ весь народъ, что безъ золотой вольности Польша перестанетъ быть его отечествомъ. Съ середины XVIII вѣка въ высшемъ слоѣ

¹⁾ Ibid., IV, 628—629.

²⁾ Объ общемъ отношеніи автора къ Станиславу Августу рѣчь будетъ идти ниже. Одинъ изъ критиковъ г. Корзона, г. Смоленскій, находящій вообще слишкомъ суровымъ приговоръ автора о послѣднемъ польскомъ королѣ, замѣчаетъ однако, что въ этомъ мѣстѣ *za dużo przyznano Stanisławowi Augustowi w sprawie odrodzenia narodu* (*Ateneum*. 1887. Październik, стр. 5).

³⁾ *Korzon*, IV, 629.

⁴⁾ Ibid., IV, 630.

общества является группа прогрессистовъ, увлекающаяся идеями философовъ. Эта группа желаетъ усиленія власти, прекращенія анархіи, введенія полиціи на образецъ благоустроенныхъ государствъ, но, думаетъ авторъ,—желаніе для Польши этихъ дѣйствительно бывшихъ потребными для нея вещей вытекало не изъ патріотической заботливости о Польшѣ, ибо тогдашніе философы презирали патріотизмъ и провозглашали свои идеи для всего человѣческаго рода ¹⁾. Этотъ-то космополитизмъ прогрессистовъ и есть второе обстоятельство, которое авторъ считаетъ нужнымъ имѣть въ виду, обсуждая вопросъ о польскомъ патріотизмѣ въ прошломъ вѣкѣ. Такимъ образомъ, говорить онъ,—оба направленія, существовавшія среди поляковъ, губили Польшу, что особенно видно по отношенію къ первому раздѣлу. „Для пониманія хода этой катастрофы“, по словамъ г. Корзона,—„намъ не нужно распространяться о другихъ элементахъ разложенія; слѣдуетъ только еще прибавить, что на такой психической основѣ развивалась безъ препятствій и безъ лѣкарства страшная умственная болѣзнь, плодъ двухвѣковыхъ избирательныхъ интригъ и безнаказанныхъ отношеній между вельможами и иностранными монархами“ ²⁾. Авторъ разумѣетъ здѣсь „фатальную увѣренность, которая сдѣлалась ядромъ столь осмѣивавшейся политической неспособности („глупости“) поляковъ,—что иностранецъ можетъ быть другомъ, охранителемъ, даже безкорыстнымъ спасителемъ Рѣчи Посполитой, что вся Европа должна спасти и поддерживать Польшу. Ни сословный принципъ“, продолжаетъ г. Корзонъ,—„ни философскій космополитизмъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не подавили инстинкта самосохраненія; только въ Польшѣ подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ вліяній эгоисты могли находить выгоду для себя и для своей родни въ измѣнической по отношенію къ собственной странѣ службѣ дворамъ французскому, австрійскому, прусскому, русскому, а честные люди, даже патріоты—тѣшить себя сладкими надеждами на спасительное вмѣшательство того или другаго государства, спихивая на чужія плечи тягчайшій, но и высочайшій трудъ основанія самобытной силы народа“. Эта болѣзнь, прибавляетъ авторъ,—глубоко вкоренилась и распространилась широко въ польскомъ обществѣ. „Когда“, заключаетъ онъ,—„милліоны, когда весь народъ утрачиваетъ ясное понятіе о своей самостоятельности, по истинѣ единственнымъ для него лѣкарствомъ могутъ быть развѣ однѣ только муки неволи!“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., IV, 631—633.

²⁾ Ibid., IV, 633.

³⁾ Ibid., IV, 634.

Отъ этого общаго разсужденія г. Корзонъ переходитъ къ фактамъ. Изобразивъ хозяйничанье русскаго посланника Рѣпнина въ Польшѣ, онъ говоритъ, что „объяснить это можно только ничемностью (ничтожествомъ) и политической деморализаціей всѣхъ тѣхъ съ кѣмъ имѣли соприкосновеніе какъ самъ Рѣпнинъ, такъ и вообще русскіе генералы и офицеры“,—и затѣмъ слѣдуютъ факты. Ко всему этому, замѣчаетъ онъ,—„низшіе классы и городское населеніе Варшавы относились равнодушно, безсмысленно, мертво, а король, паны и шляхта—позорно“¹⁾... „Допуская даже, что сеймующіе чины Рѣчи Посполитой не имѣли возможности оказать сильнаго сопротивленія, они могли все-таки сохранить нравственное достоинство, не унижать себя до подлости“. И опять идутъ факты и факты, съ которыми русскій читатель можетъ познакомиться изъ сочиненій нашихъ историковъ, разбиравшихся выше²⁾. Здѣсь я отмѣчу только сужденіе г. Корзона о Чарторьскихъ. Они, говоритъ онъ, „осрамили (sponiewiegalі) свою реформаторскую заслугу и стали подъ позорнымъ столбомъ исторіи: они сразу поняли значеніе потребованной гарантіи (со стороны Россіи для польскаго устройства), но что же они сдѣлали для спасенія національной независимости, которой сами причинили непосредственную опасность, вводя чужія войска, беря деньги для подкуповъ, пользуясь вліяніемъ и могуществомъ русской императрицы? Они препирались съ Рѣпнинымъ на словахъ, пока не почувствовали опасенія за свои имѣнія и мѣста“³⁾.

Таковъ общій отвѣтъ г. Корзона на вопросъ о польскомъ патриотизмѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и болѣе всего здѣсь его огорчаетъ мертвенность массъ шляхетскихъ и народныхъ⁴⁾. Но нѣсколько лучшимъ считаетъ онъ общее настроеніе въ 1772—1775 гг. Общество „прошло уже черезъ барскую конфедерацію, которая хотя и провозглашала не подходящимъ образомъ (niewłaściwie) девизы вѣры и шляхетской вольности, была все-таки протестомъ противъ иноземнаго владычества“. Въ первомъ раздѣлѣ дѣйствовало уже насиліе, и почти половина сейма подавала голосъ противъ требованій трехъ посланниковъ, въ массахъ же не было прежняго равнодушія⁵⁾. Тѣмъ не

¹⁾ Ibid., IV, 635.

²⁾ Ibid., IV, 636 sqq.

³⁾ Ibid., IV, 639.

⁴⁾ Najstraszniejszym atoli objawem w oczach naszych jest martwota masy nie tylko plebejuszowskiej, ale i szlacheckiej. Та же страница.

⁵⁾ Ibid., VI, 640—641.

менѣе г. Корзонъ совершенно вѣрно замѣчаетъ слѣдующее: „Зародыши патриотизма, возвышающагося подъ сословнымъ интересомъ, были столь незначительны и слабы, что ихъ едва можно принимать лишь за посѣвъ для будущаго; проливаніе горькихъ слезъ ¹⁾ можетъ только служить доказательствомъ безсилія (nieodolęzwa) потомковъ рыцарскаго сословія; отсутствіе всякаго отпора даже физическаго въ отрывавшихся подъ чужую власть воеводствахъ и повѣтахъ, передвиженіе впередъ непріятельскихъ войскъ безъ выстрѣла, пребываніе русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ солдатъ въ гостяхъ въ столицѣ безъ всякой драки, безъ уличныхъ приключеній,—все это было возможнымъ только у народа, погруженнаго въ политическую мертвенность. Summum praesidium ac gubug груди шляхетской—посполитое рушеніе—изчезло безъ слѣда, а мѣщане, хлопы и плебеи разныхъ названій бездѣятельно и въ бессмысленномъ молчаніи смотрѣли, какъ валилась шляхетская Рѣчь Посполитая“ ²⁾).

Въ слѣдующемъ періодѣ Польша уже перестаетъ представлять изъ себя независимое государство. Ею правилъ теперь, какъ римскій проконсулъ, Штакельбергъ, а Станиславъ Августъ игралъ роль русскаго генераль-губернатора. „Патріотическая служба странѣ, при такихъ условіяхъ, дѣлалась гораздо болѣе трудной, чѣмъ прежде, но испытанныя страданія и срамъ раздѣла пробуждали отъ глубокаго сна и чувство, и мысль“ ³⁾). Это было и пробужденіемъ патриотизма; но, изображая послѣднее, авторъ на нашъ взглядъ, увлекается, говоря, что „по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ уже иначе бились сердца,... и народъ уже не шляхетскій, но въ разныхъ слояхъ и значительныхъ группахъ весь народъ ощутилъ желаніе независимости и началъ понимать ея цѣну“ ⁴⁾).

Больше ничего авторъ не говоритъ въ „заключеніи“ объ эпохѣ между 1775 и 1787 г. Въ послѣднемъ году Россія и Австрія пу-скались въ турецкую войну, а Пруссія готовилась и для себя из-влечь ихъ этого выгоду. Прежде поляки не пользовались такими условіями для своихъ интересовъ, а въ 1788 г. обнаружилось повсе-мѣстное движеніе противъ Россіи. Г. Корзонъ обозрѣваетъ далѣе

¹⁾ Намекъ на слова Косцялковскаго: „Отчизну разрывали, а мы, будучи не въ состояніи ее защищать, заливались надъ ея судьбою горькими слезами и мо-рально, и физически“.

²⁾ Ibid., IV, 642—643.

³⁾ Ibid., IV, 643.

⁴⁾ Ibid., IV, 645.

дѣятельность четырехлѣтняго сейма, къ которой, какъ мы не разъ уже видѣли, относится совершенно иначе, нежели Калинка ¹⁾). Все, по его мнѣнію, шло прекрасно, но „это триумфальное шествіе возрождающагося національнаго духа продолжалось лишь до того момента, пока не коснулись избирательности престола, которая уже два вѣка казалась шляхтѣ необходимымъ условіемъ свободы. Это дѣло наслѣдственности трона“, продолжаетъ г. Корзонъ,— „стало трагическимъ узломъ въ критическій моментъ, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи или гибели Польши. Не нужно было предвидѣть, достаточно было смотрѣть и слушать вокругъ себя, чтобы понять, что существовавшая въ теченіи вѣковъ форма правленія найдетъ много защитниковъ, что нельзя будетъ безъ сильнаго потрясенія всего зданія вынуть камень, лежавшій въ его основаніи.... Сеймовое большинство не обратило вниманія на дѣлавшіеся въ этомъ смыслѣ протесты, но послѣдніе производили впечатлѣніе на головы, наполненныя предрасудками, законсѣлостью, привычками золотой вольности и мечтами о сладкой жизни въ мирѣ, объ уваженіи къ Польшѣ со стороны другихъ державъ за ея отвращеніе къ захватамъ. Выраженіе сукцессія до глубины души возмущало консервативнаго шляхтича и, что хуже всего, пробуждало въ немъ ложное и преступное представленіе, что Польша безъ вольности уже не можетъ быть его отечествомъ. И исполнились зловѣщія предсказанія, и настало правленіе Тарговицы, а потомъ второй раздѣлъ страны и страшныя сцены гродненскаго сейма“ ²⁾). Однако авторъ находитъ и въ эту эпоху большую разницу въ общественномъ настроеніи съ тѣмъ, что было въ 1773—1775 гг., указывая главнымъ образомъ на поведеніе нѣкоторыхъ лицъ, которое заслуживаетъ похвалы ³⁾). За этимъ г. Корзонъ переходитъ къ исторіи возстанія подъ предводительствомъ Костюшки. „Что напряженіе патриотизма и нравственная сила общества, по крайней мѣрѣ шляхты и мѣщанъ, въ 1794 г. была значительна“, доказываютъ, говоритъ авторъ,—явленія и дѣйствія, сопоставленныя въ главахъ III, V, XI и XVI книги: они могутъ принести честь любому изъ цивилизованныхъ народовъ свѣта ⁴⁾). Напомнимъ, что въ главѣ III говорится объ

¹⁾ Ibid., IV, 645 sq.

²⁾ Ibid., IV, 648.

³⁾ Ibid., IV, 648 sq. Указывается и на то, что подписи подъ трактатомъ 1793 г. были вынуждены примѣненіемъ физической силы, 650.

⁴⁾ Ibid., IV, 651—652.

участіи крестьянъ въ возстаніи Костюшки, но тутъ же отмѣчается и слабость престонароднаго движенія ¹⁾); напомнимъ, что въ главѣ V рѣчь идетъ о дѣйствительно происходившемъ мѣщанскомъ движеніи, и что въ главахъ XI и XVI сообщаются подробныя свѣдѣнія о состояніи финансовъ и войска въ этотъ періодъ.

Конецъ „заключенія“ посвященъ „природѣ паденія Польши“. Г. Корзонъ начинаетъ съ указанія на успѣхи Пруссіи при Фридрихѣ II, этомъ „мастерѣ въ искусствѣ управленія государствомъ“ ²⁾). Далѣе идетъ сравненіе Польши съ Пруссіей въ 1764 году: первая имѣла (безъ Курляндіи) 11½ м. населенія при территоріи въ 13.300 кв. м., тогда какъ вторая 3½ м. при 2.840 кв. м. Польское рыцарство было многочисленнѣе прусской арміи и имѣло въ своихъ вотчинахъ болѣе населенія, чѣмъ прусскій король во всемъ государствѣ. Уже полвѣка Польша не участвовала въ войнахъ, не знала государственнаго долга и фискальнаго гнета, была богата хлѣбомъ, лошадьми, серебромъ въ магнатскихъ замкахъ ³⁾). „Можно было бы вести“, восклицаетъ авторъ, — „болѣе долгую, чѣмъ семилѣтняя, войну съ цѣлымъ свѣтомъ!“ Какимъ же образомъ произошло паденіе и раздѣлъ тремя недружными между собою державами? „Только по причинамъ интеллектуальнымъ и моральнымъ“, отвѣчаетъ авторъ. Онъ приводитъ и факты въ доказательство огульнаго невѣжества ⁴⁾), и соглашается на квалификацію умственнаго состоянія Польши, какъ варварства. „Было въ этомъ“, продолжаетъ онъ, — „еще нѣчто похуже варварства. Варварскіе народы обыкновенно обладаютъ свѣжестью мысли и неиспорченною, грубою, естественною силой воли, тогда какъ господствовавшая надъ Польшей шляхта была блуднымъ сыномъ нѣкогда богатырскаго рыцарства, мудрыхъ, свѣтлыхъ, любимыхъ въ свѣтѣ пращуровъ“ ⁵⁾). Авторъ думаетъ, что „три двора могли бы въ 1772 г. подѣлить между собою всю Польшу; какъ для острастки говорили это господа посланники въ Варшавѣ: тогда наступила бы полная смерть, вѣчная, или, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько столѣтій гибель имени и духа польскаго“. Г. Корзонъ ссылается при этомъ на равнодушіе Бѣлоруссіи, королевской Пруссіи и Галиціи къ Рѣчи Посполитой, противъ

¹⁾ Ibid., IV, 464.

²⁾ Ibid., IV, 652—653.

³⁾ Ibid., IV, 653.

⁴⁾ Ibid., IV, 654 sq.

⁵⁾ Ibid., IV, 655.

которой они выставляли и солдатъ, и офицеровъ. Для поляковъ было счастьемъ, что ихъ государство не подѣлили сразу ¹⁾. Въ Польшѣ начались реформы, слѣдствіямъ коихъ авторъ приписываетъ большое значеніе, ссылаясь на собранныя имъ статистическія данныя ²⁾, на начавшееся умственное развитіе, на улучшеніе международнаго положенія Польши ³⁾. Но, говоритъ самъ историкъ, — „нужно было еще защитить силой всѣ эти матеріальныя и моральныя приобрѣтенія, эту независимость и это достоинство, которыя теперь почувствовалъ народъ. Къ несчастью этого-то Польша и не сдѣлала“. По чьей винѣ? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ, что нельзя указать на одного какого-либо козла отпущенія. Не было создано стотысячнаго войска по недостатку денегъ, но ихъ не было не отъ скупости шляхты и не отъ недостатка средствъ въ странѣ, а отъ неумѣлости творцовъ новыхъ налоговъ. Мы позволимъ себѣ пополнить здѣсь изложеніе общихъ выводовъ г. Корзона обращеніемъ къ самому тексту книги.

Въ первые два года царствованія Станислава Августа по введеніи нѣкоторыхъ финансовыхъ реформъ весь доходъ Рѣчи Посполитой составлялъ около 13 милліоновъ злотыхъ (1764—1766 гг.). Послѣ перваго раздѣла, отнявшаго у Польши обширныя провинціи, доходы достигали уже 18 милліоновъ (1776—1777 гг.), а черезъ десять лѣтъ они возросли еще на три милліона. Наконецъ, въ 1791 г. въ моментъ наибольшаго напряженія податныхъ силъ общая цифра доходовъ была приблизительно въ 40 милліоновъ. Въ ту эпоху, когда государство получало 18 милліоновъ, войска оно содержало 16 тысячъ (11^{1/2} тысячъ Корона, 4^{1/2} тысячъ Литва), но во время постановленія сейма о стотысячной арміи доходовъ на послѣднюю не хватало, такъ что пришлось понизить цифру до 65 тысячъ, да и она оказалась неосуществимой мечтой, благодаря внутреннимъ распрямъ. Замѣчательно, что за долгое время доходы возросли только съ 18 до 21 милліона, и только тогда, когда нація ясно увидѣла, что она идетъ къ политической гибели, рѣшено было увеличить государственный доходъ вдвое ⁴⁾. Притомъ система налоговъ сохраняла свой старый характеръ даже послѣ перемѣнъ въ ней, произведенныхъ въ 1776 г.: шляхта была освобождена отъ несенія тяго-

¹⁾ Ibid., IV, 656.

²⁾ Ibid., IV, 657—658.

³⁾ Ibid., IV, 658—659.

⁴⁾ Ibid., III, 288.

стей въ пользу государства. Только четырехлѣтній сеймъ въ 1789 году установилъ такъ называемое вѣчно пожертвованіе (*obłaga wieczysta*) рыцарскаго сословія въ родѣ подоходнаго налога, но онъ не далъ того, что отъ него ожидали, и предпринятое умноженіе войска оказалось невозможнымъ. Калинка винить въ этомъ шляхту¹⁾ и систему присяги, которая была положена въ основу показаній доходовъ и только вводила въ искушеніе людей, привыкшихъ ничего не платить, но г. Корзонъ держится другаго мнѣнія: по его представленію дѣла, вся вина была въ неясной редакціи закона²⁾. Проф. Павинскій въ своей рецензіи не соглашается съ такимъ объясненіемъ и скорѣе раздѣляетъ мнѣніе Калинки³⁾. Гораздо вѣрнѣе замѣчаніе автора, что армію создать въ нѣсколько мѣсяцевъ было дѣломъ невозможнымъ⁴⁾.

Перечисляя причины того, что въ 1792 году Польша не сумѣла силою защитить своей внутренней реформы, г. Корзонъ переходитъ затѣмъ къ поведенію Станислава Августа, „добровольно и легкомысленно взявшаго на себя наибольшую отвѣтственность“, хотя и ссылается при этомъ на смягчающія обстоятельства въ его пользу, на то, что большинствомъ голосовъ „стража“ присовѣтовала ему перейти на сторону тарговичанъ. За то авторъ порицаетъ меньшинство за то, что оно не низложило „измѣнника“ и не созвало сейма. Въ этомъ была, по мнѣнію его, „роковая ошибка реформаторовъ четырехлѣтняго сейма—доктринерская, не основанная ни на какихъ реальныхъ видахъ погоя за наслѣдственною монархіею безъ монарха“. У Станислава Августа дѣтей не было, а у курфюрста Саксонскаго, наслѣдника совсѣмъ не славной памяти двухъ Августовъ, была только дочь, изъ-за возможнаго, но совершенно неизвѣстнаго будущаго мужа которой совсѣмъ не стоило толкать консерваторовъ на отчаянные шаги. Самъ Станиславъ Августъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Корзонъ, совсѣмъ не годился для роли бойца, которую поручили ему патріоты. Вообще нужно еще разъ сказать, что авторъ „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ - Августѣ“ относится къ числу наиболее ярыхъ обвинителей этого короля. Проф. Павин-

¹⁾ *Kalinka. Sejm czteroletni. I, 570 sq.*

²⁾ *Korson, III, 226.*

³⁾ *Dział literacki Kraju. 1885 г., № 44, стр. 26.* См. особенно продолженіе рецензіи въ № 45 (стр. 25), гдѣ приведены проф. Павинскимъ сильныя доводы противъ г. Корзона.

⁴⁾ *Ibid., IV, 660.*

свій въ своей рецензіи изъ одного III тома выбралъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ встрѣчаются самыя рѣзкія выраженія о Станиславѣ Августѣ („нравственная гниль“, „лгалъ“, „рецидивъ подлости“ и пр. и пр.). „Защищать короля“, говоритъ онъ далѣе, — „отъ тяжелыхъ упрековъ, справедливо дѣлавшихся ему и современниками, и потомствомъ, было бы дѣломъ труднымъ, невозможнымъ, недостойнымъ историка, который по самой обязанности ставитъ величество правды выше величества королей, хотя бы и собственной земли. Передъ строгимъ судомъ истины господствуетъ одинаковая мѣра справедливости какъ по отношенію къ народу, такъ и по отношенію къ трону. Приговоры этого суда основываются, однако, не на одномъ обвинительномъ актѣ, но на глубоко и добросовѣстно со всѣхъ сторонъ обслѣдованной правдѣ. Изъ - подъ пера автора при изображеніи короля Станислава Августа появляются чаще слова обвинителя, нежели судьи, который спокойно и безъ предубѣжденія взвѣшиваетъ на вѣсахъ человѣческіе поступки“¹⁾). Критикъ вѣрно замѣчаетъ, что историкъ Станислава Августа приписываетъ ему больше, нежели можетъ приписать безпристрастный изслѣдователь, — дѣлаетъ ему упреки, не имѣющіе за себя правдоподобія, преувеличиваетъ (przesenna) вліяніе, которое могъ имѣть король при тогдашнемъ политическомъ и моральномъ состояніи Польши. „Портретъ короля „злодѣя и измѣнника“ (zbrodnia i zdraycy)“, продолжаетъ критикъ, — „расписанный такими мрачными красками, могъ бы сразу породить въ умѣ читателя предположеніе, что эти густыя тѣни приняли столь печальный цвѣтъ потому, что выступили на ясномъ и чистомъ общественномъ фонѣ. Правда, самъ авторъ предостерегаетъ противъ такого вывода, который могъ бы сдѣлать читатель, — упоминая, что и народъ шляхетскій былъ испорченъ, но эта одна черта отнюдь не кладетъ на картину подлежащей свѣтотѣни. Не смотря на всю растяжимость слова „испорченность“ (zepsucie), имъ не покрывается тотъ глубокой омутъ, въ который погрузилась значительная часть правящаго класса, съ кою король шелъ рука объ руку до самаго дна паденія“²⁾).

Продолжаемъ рассмотрѣніе причинъ, которыя, по г. Корзону, привели къ неудачѣ кампаніи 1792 года. Кромѣ виновныхъ или оши-

¹⁾ Е. с., № 47, стр. 25.

²⁾ Ibid., стр. 26. Ср. аналогичныя замѣчанія, которыя дѣлаетъ г. Корзону въ своей рецензіи на III и IV томы его труда г. Смоленскій (*Ateneum* 1887. Październik, 2 sq.).

бочныхъ поступковъ заправиль дѣла, онъ указываетъ еще на „не зависящія обстоятельства“. Вопервыхъ, не было человѣка дѣйствія, извѣстнаго и признаннаго народомъ, ибо Костюшко до Дубенки не былъ извѣстенъ массѣ. Вторыхъ, географическія условія позволяли русскимъ наступать семью дорогами съ востока, а пруссаки могли также идти открытыми путями съ запада. Притомъ въ русскихъ воеводствахъ боязнь хлопскихъ бунтовъ могла до извѣстной степени поудержать шляхту отъ участія въ возстаніи ¹⁾. Третьею фатальностью было вѣроломство прусскаго короля. Наконецъ, неблагоприятнымъ для Польши обстоятельствомъ было начало франко-австро-прусской войны, обратившей на себя общее вниманіе западныхъ державъ и удержавшей Питта отъ защиты Польши. „Столько ужасныхъ условій“, говоритъ Корзонъ, — „мы не найдемъ, конечно, ни въ одной изъ записанныхъ во всеобщей исторіи войнъ за независимость“ ²⁾. Условія, при какихъ произошло возстаніе Костюшки, авторъ считаетъ еще болѣе печальными; но тутъ нація, по крайней мѣрѣ, возвратила себѣ самое дорогое моральное сокровище, національную честь ³⁾.

Таково содержаніе „заключенія“ въ труду г. Корзона. Можно вполне согласиться съ мнѣніемъ польской критики, ставящей очень высоко этотъ отдѣлъ труда ⁴⁾, хотя сама же она и не во всемъ согласна съ авторомъ.

Въ общемъ заслуга г. Корзона заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ изслѣдовалъ экономическую жизнь и систему управленія въ Польшѣ этой эпохи: и на самой обложкѣ его труда обозначено, что онъ представляетъ собою „историческія изслѣдованія съ точки зрѣнія экономической и административной“ (*badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego*). Авторъ показалъ намъ, что Рѣчь Посполитая въ обѣихъ сферахъ дѣлала значительные успѣхи въ послѣднія три десятилѣтія своего существованія. Въ отдѣлѣ объ администраціи г. Корзонъ, однако, не изслѣдовалъ системы

¹⁾ *Korzon*. IV, 661. Последнее мѣсто читается такъ: *Mniej wyraźnie uwadania się wpływ stosunków ludności, mianowicie w wojewodztwach ruskich: obawa buntów chłopskich mogła do pewnego stopnia etc.* Обращаю вниманіе на смягченную форму этого заявленія дѣйствительнаго факта.

²⁾ *Ibid.*, IV, 662.

³⁾ *Ibid.*, IV, 663.

⁴⁾ *Smoleński* въ своей рецензіи въ *Ateneum*'ѣ, стр. 12. По отзыву рецензента весь трудъ есть *monumentum aere perennius*, стр. 14.

польскаго самоуправленія, которая сдѣлалась, впервые совершенно ясною только въ изслѣдованіи проф. Павинскаго о сеймикомъ правленіи въ Польшѣ. Гораздо менѣе обращаетъ авторъ вниманія на политическій строй Рѣчи Посполитой, на умственную культуру и на общественные нравы польской шляхты, такъ что съ этой стороны трудъ его оставляетъ желать весьма многого, и его заключенія кажутся не всегда убѣдительными. Если въ области народнаго и государственнаго хозяйства, въ области администраціи мы замѣчаемъ улучшенія, то отсюда еще нельзя дѣлать вывода, что столь же быстро совершались измѣненія въ лучшую сторону и во взглядахъ, и въ привычкахъ общества, хотя мы и не отрицаемъ здѣсь улучшеній, думая только, что они не захватывали въ такой степени все общество, какъ это представляетъ авторъ. Польскій патриотизмъ все-таки оставался сословнымъ, шляхетскимъ: во время дебатовъ о „сукцессіи трона“ на четырехлѣтнемъ сеймѣ одинъ изъ послдовъ (Сухоржевскій) выразилъ вполнѣ мысль большинства шляхты въ словахъ, которыя весьма умѣстно здѣсь привести. „Я“, восклицалъ онъ, — „готовъ умереть, но да будетъ счастлива моя отчизна! Я увѣренъ, что потомство признаетъ мою правоту. Я желаю блага своему отечеству, я настоящій полякъ, но если сбросить тѣ оковы, которыя думаютъ наложить на народъ посредствомъ сукцессіи, иначе нельзя, какъ будучи пруссакомъ, москалемъ или австріякомъ, я имъ буду“ ¹⁾. Самъ г. Корзонъ говоритъ, что по представленію шляхтича эпохи четырехлѣтняго сейма Польша безъ условной вольности не могла быть его отечествомъ ²⁾. Въ интеллектуальныхъ и моральныхъ условіяхъ, а не въ экономическихъ и административныхъ и видитъ этотъ историкъ главную причину паденія Польши ³⁾.

Сравнивая между собою общіе выводы Калинки и г. Корзона, мы во многихъ отношеніяхъ обнаруживаемъ между ними разницу. Впервыхъ, у нихъ оцѣнка многихъ дѣятелей и дѣяній этой эпохи различная: это зависитъ отъ различія взглядовъ на то, какъ слѣдовало вести себя Польшѣ для того, чтобъ отстоять свою независимость и произвести внутреннюю реформу. Прилагая эту точку зрѣнія къ обзору отдѣльныхъ выводовъ, мы нашли бы, что именно этимъ во многихъ

¹⁾ *Kalinka*. II, 544.

²⁾ *Korzon*. *Zamknięcie*. IV, 648.

³⁾ *Ibid.*, IV, 654.

случаяхъ и объясняется несогласіе двухъ историковъ послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой. Вовторыхъ, Калинка—больше моралистъ, г. Корзонъ—главнымъ образомъ экономистъ; Калинка ставитъ судьбы Польши въ зависимость отъ внѣшней политики, г. Корзонъ—отъ внутренняго управленія финансовою и военною частями; первый, какъ моралистъ, рисуетъ общество самыми мрачными красками, а какъ политикъ, отмѣчаетъ постоянные промахи и ошибки во внѣшнихъ отношеніяхъ Польши, тогда какъ г. Корзонъ „съ экономической и административной точки зрѣнія“ обнаруживаетъ дѣйствительные успѣхи, какіе дѣлала Рѣчь Посполитая, а отсюда мрачный фонъ всей картины у одного и болѣе свѣтлый—у другаго. Втретьихъ, и по отношенію къ частностямъ, различіе во взглядахъ объясняется иногда тѣмъ, что одинъ историкъ указываетъ на одну причину факта или сторону дѣла, другой на другія, но въ такихъ случаяхъ оба изслѣдователя только дополняютъ другъ друга. Наконецъ, весьма часто у обоихъ историковъ наблюдается только реакція противъ невѣрныхъ или не совсѣмъ вѣрныхъ историческихъ взглядовъ, реакція, доведенная до крайности и притомъ въ разныхъ направленіяхъ. Критика и дальнѣйшія изслѣдованія найдутъ во всемъ этомъ общую почву для примиренія того, что примиренію подлежитъ, золотую середину между крайностями, происходящими отъ увлеченій и одностороннихъ взглядовъ, и самъ г. Корзонъ не считалъ это невозможностью. Останутся, конечно, непримиримыя противорѣчія, взгляды, исключаютіе возможность золотой середины, но такихъ будетъ сравнительно мало; во всякомъ случаѣ, однако, критикѣ и будущимъ изслѣдованіямъ придется тутъ рѣшать вопросъ, кто правъ, Калинка или г. Корзонъ, если вся правда только на сторонѣ одного изъ нихъ. Быть можетъ, повторяю, такихъ противорѣчій немного сравнительно съ тѣми, гдѣ приходится видѣть долю правды у одного, долю правды у другаго. При различіи общей концепціи оба историка должны были выдвигать на первый планъ, каждый различныя факты, одинъ—деморализацію и ошибки, другой—улучшенія и успѣхи, но и тѣ, и другіе факты существовали въ обществѣ, и только будущее могло бы рѣшить окончательно, на чьей сторонѣ осталась бы побѣда въ этой борьбѣ началъ разложенія и началъ возрожденія, еслибы борьбѣ этой было предоставлено свободное поле, еслибы въ нее не вмѣшались постороннія, внѣшнія силы. Можно относительно этого вопроса держаться различныхъ мнѣній, но они уже принадлежатъ къ категоріи историческихъ гаданій,

въ которыхъ позволительно защищать то или другое положеніе только съ нѣкоторою вѣроятностью. Въ критическія эпохи, къ числу какихъ относятся послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, когда общество, такъ сказать, колеблется между двумя дорогами, всегда существуетъ большая или меньшая вѣроятность въ пользу побѣды тѣхъ или другихъ началъ, а потому историческое сужденіе не можетъ обойтись безъ гипотетическаго элемента, ссылаясь, какъ это было въ нашемъ случаѣ, то на факты разложенія, то на факты возрожденія. Даже не отрицая существованія фактовъ, противорѣчащихъ основному убѣжденію, положенному историкомъ въ основу своей научной работы, онъ, на основаніи предположенія о томъ, что могло бы случиться, еслибы не было такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ только на одну категорію фактовъ.

Въ Польшѣ именно не хватило времени для того, чтобы могло выясниться, что побѣдило бы въ будущемъ, да и для самой побѣды необходимо было время, въ теченіи коего новое взяло бы верхъ надъ старымъ. „Старыхъ, глубоко вкоренившихся началъ публичной жизни“, говоритъ проф. Павинскій въ своемъ трудѣ о сеймикахъ,—„сокрушить не удалось. Борьба съ ними была трудная, тягостная, кровавая. Побѣда требовала больше времени, а времени уже не хватало“¹⁾. Въ области политическихъ понятій и привычекъ „народа“, на которую г. Корзонъ обратилъ слишкомъ мало вниманія, кромѣ „заключенія“ (zamknięcia), именно старое-то и преобладало, какъ это можно видѣть изъ только—что указаннаго изслѣдованія проф. Павинскаго²⁾, который къ тому же находитъ, что и конституція 3-го мая недостаточно глубоко измѣнила ненормальныя отношенія между сеймиками и сеймомъ³⁾. Кстати вотъ въ этой же работѣ почтеннаго варшавскаго ученаго еще одно мѣсто, весьма важное для пониманія тогдашнихъ польскихъ отношеній, важное потому, что здѣсь сдѣланъ выводъ ихъ изученія сеймиковыхъ инструкцій въ царствованіе Станислава Августа. Это, говоритъ г. Павинскій,—были „годы великихъ пораженій, глубокихъ переворотовъ, борьбы между днемъ и ночью,

¹⁾ *Pawinski. Rzady sejmikowe*, 405—406.

²⁾ *Ibid.*, 407 sq.

³⁾ *Ibid.*, 413—415. Ср. послѣднюю главу нашего „Историческаго очерка польскаго сейма“.

между Ариманомъ и Ормуздомъ. На этой картинѣ есть ясныя полосы, солнечныя мѣста, возвышенныя очертанія въ великомъ, благородномъ стилѣ, есть и темныя, печальныя краски, отъ которыхъ и зависитъ то, что весь фонъ картины впадаетъ въ черный цвѣтъ“ ¹⁾). Присутствіе свѣтлыхъ тоновъ на мрачной картинѣ было во всякомъ случаѣ признакомъ возрожденія, и весь историческій вопросъ заключается въ томъ, чтобы дать строго-научный отвѣтъ: почему, вмѣсто возрожденія, результатомъ всѣхъ усилій было паденіе?

¹⁾ Ibid., 410.

ГЛАВА VIII.

Самые общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши.

Задача, которую мы себѣ поставили — дать по возможности полный и подробный обзоръ историографіи паденія Польши, доведена до конца. Въ этой заключительной главѣ мы сдѣлаемъ самые общіе выводы.

Главная мысль, проходящая черезъ всю разсмотрѣнную нами литературу, — та, что Польша пала вслѣдствіе своей внутренней безурядицы. Западно-европейскіе публицисты XVIII вѣка, которымъ извѣстна была польская анархія, выражали удивленіе, какимъ образомъ государство, столь странно устроенное, могло существовать, а когда оно стало подвергаться раздѣламъ между сосѣдями, то они видѣли въ этомъ естественный результатъ внутренняго безнарядья. Польскіе политическіе писатели прошлаго столѣтія равнымъ образомъ были озабочены присканіемъ средствъ для устраненія того „niezrządu“, въ коемъ наконецъ стали видѣть причину упадка, въ какомъ находилась Рѣчь Посполитая, а не основу ея существованія, какъ думали поляки раньше, выражая свою мысль въ извѣстномъ изреченіи: „Polska niezrządem stoi“. Историки, какъ польскіе, такъ и иноземные — французы, нѣмцы, русскіе, — писавшіе о паденіи Рѣчи Посполитой въ XIX вѣкѣ, указываютъ на то же политическое разложеніе, какъ на главную причину того, что польское государство не могло удержаться въ международной борьбѣ за существованіе. При общемъ согласіи историковъ относительно полной негодности государственнаго строя Рѣчи Посполитой существуетъ, однако, немалая

разница въ пониманіи того, въ чемъ же заключался корень зла. Когда барскіе конфедераты обратились за политическими совѣтами къ Мабли и Руссо, вышло такъ, что одинъ хвалилъ въ польской конституціи именно то, что у другого встрѣчено было порицаніемъ. Въ самой Польшѣ по вопросу о недостаткахъ въ устройствѣ Рѣчи Посполитой и о необходимыхъ въ немъ реформахъ были высказаны два совершенно различные взгляда, такъ что публицисты польскіе раздѣлились на два лагеря, то-есть на монархистовъ, желавшихъ усиленія королевской власти, и на республиканцевъ, не считавшихъ нужнымъ измѣнять основы государственнаго быта Польши. Когда послѣдняя пала, и ея паденіе сдѣлалось достояніемъ исторической науки, то и въ польской исторіографіи продолжался споръ, начатый публицистами еще въ то время, когда паденіе Рѣчи Посполитой не было еще совершившимся фактомъ: къ монархическимъ публицистамъ прошлаго вѣка примкнулъ основатель польской національной исторіографіи Нарушевичъ, образовавшій цѣлую школу историковъ, — школу, традиціи коей были возобновлены въ послѣдніе два десятка лѣтъ такъ-называемой краковской школой, а въ промежутокъ между этими двумя школами господствовало направленіе Лелевеля, точно также имѣвшее много послѣдователей, — направленіе усвоившее политическія представленія республиканскихъ публицистовъ прошлаго вѣка. Сравнивая, наконецъ, взгляды на тотъ же предметъ, высказанные двумя послѣдними видными историками, писавшими о паденіи Рѣчи Посполитой, то-есть ес. Калинкою и г. Корзономъ, мы находимъ, что и они смотрятъ на дѣло совершенно различно: для перваго изъ нихъ наиболѣе подходящею политическою реформою была бы та, которая произошла бы въ болѣе монархическомъ духѣ, тогда какъ другой думаетъ, что Польшѣ слѣдовало сохранить свою прежнюю республиканскую форму. Такое же раздѣленіе мнѣній, — впрочемъ съ перевѣсомъ монархическихъ, — мы можемъ обнаружить и въ историческихъ сочиненіяхъ о паденіи Польши на другихъ языкахъ.

Указанное разногласіе касается вопроса о тѣхъ лѣкарствахъ, какими нужно было лѣчиться Рѣчи Посполитой отъ болѣзни, которой пророчили въ случаѣ дурнаго лѣченія смертельный исходъ: діагнозъ самой болѣзни ставился всѣми въ сущности одинаково, такъ что тутъ мы не наблюдаемъ особаго разногласія между писателями прошлаго и нынѣшняго вѣвовъ, а среди нихъ между публицистами и историками и притомъ безразлично, къ какому бы народу они ни

принадлежали. Болѣзнь эта—бессиліе законодательной власти и полнѣйшее разстройство власти исполнительной. Причины такого печальнаго состоянія власти въ польскомъ государственномъ обществѣ опять понимались по-своему разными писателями и каждымъ сообразно съ тѣмъ, въ чемъ именно онъ видѣлъ наилучшее средство къ уврачеванію всѣхъ золъ, то-есть и тутъ, въ изложеніи причинъ разстройства государства въ Польшѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же политическими тезисами, которые выдвигались на первый планъ, когда шелъ вопросъ о лѣкарствахъ отъ болѣзни: причина послѣдней для однихъ была въ томъ, что Польша, превратившаяся изъ монархіи въ республику, не въ состояніи была возвратиться къ монархіи, а для другихъ въ томъ, что Польша не сдѣлалась совершенной республикой и даже не прочь была отъ попытки усилить у себя „роялизмъ“.

Для чисто научнаго рѣшенія вопроса нужно отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ, нужно стать на точку зрѣнія исторіи государственныхъ учрежденій въ Польшѣ. Переходъ монархіи въ республику, какой мы дѣйствительно наблюдаемъ въ польскомъ государствѣ, не есть самъ по себѣ нѣчто равносильное обезсиленію законодательной власти и разстройству власти исполнительной, какъ это выходитъ по представленію всего дѣла у нѣкоторыхъ историковъ, и въ такой же мѣрѣ остатокъ „роялизма“ въ республиканской конституціи Польши, на который указываютъ другіе историки, какъ на нѣчто вредное, не былъ необходимо элементомъ порчи этой конституціи. Вопросъ заключается въ томъ именно, какъ организовались власти при новой формѣ бытія Польши и почему это такъ случилось. Хотя исторія польскаго государственнаго права разработана очень мало ¹⁾, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ довольно обстоятельный. Во первыхъ, у старыхъ публицистовъ, какъ у польскихъ, такъ и у иностранныхъ, есть не мало вѣрныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ сторонахъ польскаго политическаго строя, замѣчаній, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія; во-вторыхъ, историки, спеціально писавшіе о паденіи Польши, считали нужнымъ дѣлать очерки польскаго устройства, въ которыхъ мы также находимъ нерѣдко дѣльные наблюденія надъ тѣми или другими особенностями этого устройства; въ-третьихъ, для цѣльнаго представленія о ходѣ политической эво-

¹⁾ См. замѣчаніе объ этомъ предметѣ у *A. Pawińskiego. Rządy sejmikowe w Polsce*, p. IV sq.

люціи въ Польшѣ весьма важное значеніе имѣютъ такіе общіе обзоры польской исторіи, какова книга профессора Бобржинскаго; наконецъ, у насъ есть научныя работы, посвященныя спеціально исторіи государственнаго права въ Польшѣ вообще и особенно за послѣдніе два-три вѣка существованія Рѣчи Посполитой, а именно труды Гофмана, Гюппе, проф. Павинскаго и др. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ нашего обзора приведено для рѣшенія вышепоставленнаго вопроса немало данныхъ, заключающихся въ замѣчаніяхъ и взглядахъ весьма различныхъ писателей, нами разсмотрѣнныхъ, но по самой сущности своего обзора я не могъ останавливаться на подробномъ изложеніи исторіи образованія польскаго безнарядья. Въ особомъ „Историческомъ очеркѣ польскаго сейма“, выходящемъ въ свѣтъ одновременно съ настоящей работой, я представляю анализъ причинъ, почему Польша, превращаясь изъ монархіи въ республику, не организовала новой центральной власти, которая заняла бы въ государствѣ мѣсто прежней королевской власти, превратившейся въ королевскій санъ. Дѣло въ томъ, что польскому сейму не удалось, во первыхъ, получить окончательное преобладаніе надъ областными сеймиками, обнаружившими стремленіе къ полной независимости, и вторыхъ, создать сильное правительство, хотя бы и зависимое отъ сейма. Польша и пала потому, что въ рѣшительную пору, когда ей нужно было прежде всего являться единымъ государствомъ съ сильнымъ правительствомъ, дабы отстаивать свою независимость, она едва лишь приступала къ реформѣ своего сейма и къ созданію у себя настоящаго правительства. Въ только что указанномъ этюдѣ о сеймѣ мы и разсматриваемъ причины того, что сеймъ не взялъ перевѣса надъ сеймиками и не создалъ зависимаго отъ себя правительства, которое было бы его органомъ: здѣсь замѣтимъ, что причины эти мы отыскиваемъ въ историческихъ условіяхъ политической эволюціи польской націи, устраняя гипотезу о яко-бы врожденной въ этой націи неспособности къ политической организаціи. Дѣлаю это замѣчаніе въ виду того, что нѣкоторые историки (главнымъ образомъ нѣмецкіе и русскіе) причину безнарядья, погубившаго Польшу, усматривали во врожденномъ народномъ характерѣ поляковъ.

Только что было сказано, что Рѣчь Посполитая стала дѣлать попытки выйти изъ своего безнарядья какъ разъ въ ту пору, когда ей нужно было уже быть единой и сильной: политическая реформа являлась слишкомъ поздно. На это послѣднее обстоятельство указываютъ весьма многіе историки, писавшіе о паденіи Польши, и съ

этимъ нельзя не согласиться. Государство, въ которомъ буквально не было правительства, а подданные отвыкли отъ дисциплины, отъ несенія повинностей въ пользу государства, представляло изъ себя легкую добычу для завоеванія. Но въ другихъ отношеніяхъ дезорганизація власти и политическая деморализація гражданъ, находящаяся въ позднѣйшей связи съ первою, содѣйствовали разложенію государства: дѣло заключалось не въ одномъ томъ, что не было верховнаго распорядительства общественными силами въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а и въ томъ, что не существовало силы, которая такъ или иначе ослабляла бы дурныя слѣдствія печальныхъ явленій польской жизни въ отношеніяхъ социальномъ и культурномъ. Угнетеніе хлопа паномъ и утѣсненіе диссидентовъ католиками, два явленія, коимъ справедливо приписываютъ болѣе или менѣе значительную долю участія въ причинахъ паденія Рѣчи Посполитой, находятъ, конечно, аналогию въ порабоженіи народныхъ массъ и въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, происходившихъ въ другихъ странахъ, но при болѣе сильномъ правительствѣ либо сдерживались бы, по меньшей мѣрѣ, крайности и въ томъ, и въ другомъ отношеніи и народныя массы не были бы доведены до полного равнодушія къ судьбахъ Рѣчи Посполитой, даже до желанія ей скорѣйшей гибели, либо парализовались бы опасныя слѣдствія указанныхъ явленій, по крайней мѣрѣ, для существованія государства. Само собою разумѣется, что угнетеніе крестьянъ, ихъ равнодушное или прямо враждебное отношеніе къ „отечеству“, экономическій упадокъ страны, преслѣдованія диссидентовъ, всегда почти готовыхъ на возстанія, подавленіе умственной жизни католической реакціей, повальное невѣжество правящаго класса и т. д. сами по себѣ были элементами упадка, за которымъ слѣдовало и окончательное паденіе, но нельзя не упомянуть о томъ, что Польша перестала существовать, какъ государство не тогда, когда находилась въ наибольшемъ культурномъ и социальномъ упадкѣ, и что улучшенія въ умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ не могли ее спасти, когда весь-то вопросъ въ томъ и заключался, чтобы имѣть сильное правительство (сильное сознательнымъ повиновеніемъ общества), а затѣмъ деньги и солдатъ. Вотъ почему во всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ о паденіи Польши на первый планъ выдвигается вопросъ политическій, хотя обращается вниманіе и на явленія упадка Рѣчи Посполитой въ отношеніяхъ матеріальномъ и духовномъ.

Въ серединѣ прошлаго вѣка состояніе Польши было таково, что

нѣкоторые иностранные публицисты или удивлялись тому, какимъ образомъ государство это не превратилось раньше въ провинцію со-сѣдней имперіи, или же пророчили ему въ самомъ близкомъ буду-щемъ подобную участь. Одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ истори-ковъ, какъ мы видѣли, высказываетъ даже такое предположеніе, что если бы Россія, Австрія и Пруссія вздумали въ 1772 г. подѣ-лить всю Польшу, а не ограничились лишь частичнымъ разчлене-ніемъ ея территоріи, то не встрѣтили бы никакого сопротивленія. Поэтому весьма понятно, что первый раздѣлъ казался современни-камъ неполякамъ совершенно естественнымъ результатомъ шляхет-ской анархіи, хотя общественное мнѣніе и высказывалось противъ „политики захватовъ“, примѣненной къ данному случаю. Признаки внутренняго возрожденія Рѣчи Посполитой въ эпоху четырехлѣт-няго сейма расположили независимое общественное мнѣніе на Западѣ окончательно въ пользу поляковъ, такъ что второй и третій раз-дѣлы были приняты тамъ съ негодованіемъ. Въ общихъ чертахъ такое же отношеніе къ дѣлу образовалось и утвердилось среди са-михъ поляковъ, но,—что для насъ тутъ особенно важно,—внѣшнія отношенія Польши, игравшія важную роль въ ея паденіи, поняты были въ свое время весьма поверхностно какъ писателями западно-европейскими, такъ и польскими. Во-первыхъ, въ достаточной сте-пени не были одѣнены историческія польско-прусскія отношенія: главнымъ врагомъ Польши, которому принадлежала инициатива раз-дѣловъ, считалась Россія, дѣйствительно, хозяйничавшая въ Рѣчи Посполитой со временъ Петра Великаго, тогда какъ прусскій король не представлялся опаснымъ сосѣдомъ, хотя два самыя важныя его владѣнія были отрѣзаны одно отъ другого польскою территоріей, а самъ онъ вообще весьма хлопоталъ объ „округленіи“ своихъ вла-дѣній. Во-вторыхъ, и русско-польскія отношенія не были надлежа-щимъ образомъ поняты публицистами польскими и западными XVIII вѣка и всѣми вообще нерусскими историками XIX вѣка: для по-слѣднихъ эти отношенія, поскольку въ нихъ лежалъ зародышъ бу-дущаго паденія Рѣчи Посполитой, начинались лишь съ Петра Ве-ликаго, такъ что имъ совершенно неизвѣстнымъ оставался весь предыдущій споръ между Москвою и Литвою, а потомъ и Польшею за обладаніе Русью, да и значеніе этого спора не могло быть вполне одѣнено, такъ какъ русскій національный вопросъ, разрѣшавшійся въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой, не выступалъ съ достаточною ясностью даже въ сознаніи самихъ русскихъ государственныхъ дѣя-

телей XVIII вѣка. И вотъ по всему этому лишь историографіи нашего столѣтія пришлось обнаружить во всей ихъ силѣ тѣ внѣшнія причины паденія Польши, которыя лежали въ польско-прусскихъ отношеніяхъ, съ одной стороны, и въ польско-русскихъ, съ другой. Публицистамъ прошлаго вѣка и прежнимъ историкамъ могло казаться, что Пруссія и Россія въ силу чисто временныхъ обстоятельствъ воспользовались слабостью Польши, чтобы поживиться на ея счетъ, какъ въ дѣйствительности и поступала Австрія, допускаясь къ первому и третьему раздѣламъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣмецкіе историки указали на то, что самые жизненные интересы прусской монархіи требовали отдѣленія отъ Польши территоріи, широкою полосою лежавшей между двумя главными владѣніями гогенцоллернскаго дома: рано или поздно за „польскую“ или „королевскую“ (нынѣ западную) Пруссію должна была произойти борьба на жизнь и на смерть между Рѣчью Посполитою и прусской монархіей, потому что для обѣихъ нужна была эта территорія, для первой — какъ единственный выходъ къ морю, для другой — какъ страна, съ приобрѣтеніемъ коей Гогенцоллерны уничтожали черезполосность своихъ владѣній. Усиленіе Польши было бы смертью Пруссіи, такъ какъ Рѣчь Посполитая воспользовалась бы своимъ усиленіемъ для того, чтобы завладѣть всѣмъ балтійскимъ побережьемъ, примыкавшимъ къ польской землѣ, а территориальное объединеніе прусской монархіи, безъ котораго ей трудно было удержаться, какъ государству съ громаднымъ будущимъ, могло произойти только путемъ отторженія отъ Польши весьма важныхъ для послѣдней земель. Такимъ образомъ приобрѣтеніе Пруссіей того, что ей досталось по первому раздѣлу (да отчасти и по второму), не было случайнымъ расширеніемъ государственной территоріи вслѣдствіе того только, что по сосѣдству, такъ сказать, „плохо лежало“, а потому „само давалось въ руки“.—Къ подобному же результату въ данномъ вопросѣ пришла и русская историческая литература по отношенію къ тѣмъ областямъ, которыя отъ Рѣчи Посполитой отошли къ Россіи: эти области равнымъ образомъ не были случайнымъ приобрѣтеніемъ русскаго государства, коимъ оно было бы обязано только чисто временнымъ обстоятельствамъ, возможности взять, пользуясь крайнею слабостью сосѣда и уговоромъ съ другими сосѣдами. Русскіе писатели (публицисты и историки) указали на то, что земли, отторгнутыя отъ Рѣчи Посполитой по тремъ раздѣламъ и присоединенныя къ Россіи, составляли нѣкогда русскія княжества, подчи-

нившіяся Литвѣ,—на то, что изъ-за обладанія ими между Москвою и Литвою, какъ двумя собирательницами Руси, велась войны, которыя перешли въ войны Московскаго государства съ Рѣчью Посполитою, когда послѣдняя соединилась съ Литвою, — на то, что само населеніе спорныхъ земель начало тяготѣть къ единовѣрному государству Московскому, когда православная вѣра стала подвергаться преслѣдованіямъ со стороны католицизма, — и на то, наконецъ, что за сто лѣтъ до Екатерины II Россія была уже близка къ осуществленію своей вѣковой задачи. Такимъ образомъ въ историческомъ освѣщеніи съ русской точки зрѣнія польскіе раздѣлы получаютъ такой смыслъ, какого они не могли имѣть для западно-европейскихъ и польскихъ писателей, не обращавшихъ вниманія на предыдущую исторію и этнографическій составъ населенія тѣхъ земель, которыя достались Россіи. Впрочемъ, и у насъ-то самихъ только сравнительно недавно поняли старыя русско-польскія отношенія съ надлежащей точки зрѣнія ¹⁾).

Нѣмецкіе и русскіе историки внесли, такимъ образомъ, въ исторію паденія Польши взгляды, бывшіе совершенно недоступными писателямъ польскимъ и французскимъ, причеиъ и нѣмецкіе историки не усвоили еще въ достаточной степени того, что было внесено въ пониманіе судебъ Рѣчи Посполитой нашими писателями. Такъ какъ за послѣднее время представители польской національной историографіи слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается учеными другихъ странъ для исторіи Рѣчи Посполитой, то нѣмецкіе и русскіе взгляды не могли не отразиться на представленіяхъ новѣйшихъ польскихъ писателей: современные національные историки Польши также начинаютъ понимать, что не одна простая страсть къ захватамъ, пользуясь слабостью сосѣда, не однѣ временныя обстоятельства, сложившіяся подъ вліяніемъ случайныхъ условій текущей политики, играли роль при отторженіи отъ Рѣчи Посполитой и западной Пруссіи, и русскихъ земель; они сами уже указываютъ на то, что и Пруссія и Россія самою силою историческихъ обстоятельствъ, слагавшихся вѣками, были поставлены по отношенію къ Польшѣ въ такое положеніе, что борьба съ нею каждаго изъ указанныхъ государствъ должна была окончиться либо побѣдою, почти равносильною уничтоженію Польши, либо по-

¹⁾ Известно, что впервые въ русской исторіи далъ событіямъ литовской Руси равное мѣсто съ событіями Руси московской только *Устряловъ* (*Русская Исторія*. С.-Пб. 1837—41).

раженіемъ, которое бы было, наоборотъ, равнозначущимъ чуть не гибели ея соперника.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ внутреннее беззарядье Рѣчи Посполитой облегчало для Россіи и Пруссіи достиженіе ихъ историческихъ задачъ, мы не можемъ, однако, не выставить на видъ того соображенія, что и при болѣе сильномъ государственномъ строѣ Рѣчи Посполитой рано или поздно Россія или Пруссія стали бы добиваться, одна — включенія въ свой составъ всѣхъ русскихъ земель („всея Руси“), другая — приобрѣтенія того, что также называлось Пруссіей: причина этого лежала въ общихъ историческихъ условіяхъ Рѣчи Посполитой, Пруссіи и Россіи, ибо первая въ болѣе отдаленныя времена, дозволивъ образоваться подъ бокомъ у себя нѣмецкому государству, которое могло сдѣлаться — да и сдѣлалось — для нея опаснымъ, сама искала себѣ приобрѣтеній въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ неминуемо, однако, должна была столкнуться съ другимъ славянскимъ государствомъ, смотрѣвшимъ на часть польскихъ владѣній, какъ на свое законное наслѣдіе. Поэтому, если не полный раздѣлъ Рѣчи Посполитой между сосѣдями, то, по крайней мѣрѣ, отторженіе отъ нея и того, безъ чего не могла обойтись Пруссія, и того, что составляло цѣль вѣковыхъ стремленій Россіи, было, такъ сказать, намѣчено исторіей польско-пруссскихъ и польско-русскихъ отношеній, исторіей, сводящейся, собственно говоря, къ замѣчаемому въ государственномъ существованіи Польши отступленію съ запада и движенію на востокъ. Кто ищетъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой въ общихъ условіяхъ ея исторіи, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, тотъ не можетъ не обратить особаго вниманія на этотъ капитальный фактъ, и, на примѣръ, изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, особенно проф. Бобржинскій съ весьма вѣрной точки зрѣнія разобралъ главныя ошибки внѣшней политики Польши, приведшія къ такому результату.

Въ другомъ мѣстѣ и мы сами представили общій очеркъ того, какъ совершалось перемѣщеніе всего польскаго государства съ запада на востокъ, имѣя въ виду, что первоначальныя западныя и восточныя границы этого государства шли гораздо западнѣе, чѣмъ тѣ же границы въ эпоху паденія Рѣчи Посполитой¹⁾. Къ числу фактовъ польской „абдикаціи“ (выраженіе проф. Бобржинскаго) на западѣ относится, конечно, и содѣйствіе со стороны самой Польши образованію прусскаго государства и усиленію Австріи (которая также по-

¹⁾ Новѣйшая польская исторіографія, стр. 567 вѣ.

томъ получила свою часть въ раздѣлѣ), абдикація же эта стоитъ въ связи съ тѣмъ, что національные историки называютъ „миссіей“ польскаго народа на востокъ, приведшею Рѣчь Посполитую къ роковому столкновенію съ Россіей. Русскіе историки указали еще на то, что упомянутая „миссія“ весьма дорого обошлась русскому народу, попавшему подъ власть Рѣчи Посполитой, хотя именно „плантаторская политика“ пановъ (выраженіе проф. Бобржинскаго) вмѣстѣ съ католическимъ фанатизмомъ ксендзовъ, — къ чему и свелась вся „миссія“, — и была причиной того, что самъ русскій народъ началъ стремиться къ отторженію отъ польскаго владычества. И эта сторона дѣла, прежде совершенно игнорировавшаяся польскими писателями, начинаетъ приниматься въ расчетъ представителями современной польской историографіи, напримѣръ, въ лицѣ проф. Бобржинскаго ¹⁾, хотя еще не всѣ новѣйшіе польскіе историки вполне усвоили то, что въ данномъ случаѣ есть вполне вѣрнаго и научнаго, отрѣшеннаго отъ націоналистическаго субъективизма во взглядѣ русскихъ публицистовъ и ученыхъ.

До сихъ поръ мы разбирали причины паденія Польши, лежавшія въ общихъ внутреннихъ и вѣшнихъ условіяхъ ея существованія. Дѣйствіе этихъ причинъ само по себѣ не приводило еще Польшу къ паденію: Рѣчь Посполитая „дѣйствительно даже стояла своимъ безнарядьемъ“ (*Polska niezadaniem stoi*), ибо сосѣднія державы ревниво оберегали ея цѣлость отъ захвата другими. „Начало конца“ могло наступить при соглашеніи сосѣдей, направленномъ противъ Польши: это соглашеніе было заключено Фридрихомъ II съ Петромъ III, а потомъ съ Екатериной II, и однимъ изъ пунктовъ договора было — не дозволить въ Польшѣ реформъ, которыя вывели бы страну изъ прежней анархіи, а какъ разъ около этого времени въ Рѣчи Посполитой почувствовалась потребность реформъ и нашлись люди, которые готовы были ихъ проводить. Такимъ образомъ реформа приходила слишкомъ поздно, ибо ей сознательно рѣшались мѣшать государства, имѣвшія съ Рѣчью Посполитою неоконченные счеты, ибо она приходила какъ разъ тогда, когда наступало время сведенію этихъ счетовъ Польши съ двумя ея сосѣдями. Въ дальнѣйшемъ мы и сдѣлаемъ анализъ хода событій, бывшихъ ближайшими причинами паденія Рѣчи Посполитой.

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, интересовавшихъ историковъ

¹⁾ Ibid., 574 sq.

польскихъ раздѣловъ вообще и въ частности перваго раздѣла, касался инициативы этого послѣдняго. Рѣшеніе указаннаго вопроса могло быть дано лишь послѣ того, какъ историкамъ открытъ былъ доступъ въ архивы, хранящіе въ себѣ дипломатическіе документы эпохи. Какъ обнародованный историческій матеріалъ, такъ и спеціальныя изслѣдованія по вопросу о томъ, кому принадлежала инициатива перваго раздѣла Рѣчи Посполитой, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло было задумано Фридрихомъ II, которому, однако, нужно было пустить въ ходъ все свое политическое искусство, чтобы добиться желаннаго результата. Впрочемъ, и Фридрихъ II лишь приводилъ въ исполненіе намѣреніе, существовавшее уже у его предшественниковъ: мысль объ отдѣленіи отъ Рѣчи Посполитой части ея территоріи въ пользу Пруссіи внушалась черезполосностью главнѣйшихъ составныхъ частей прусской монархіи. Прусскіе короли думали осуществить эту мысль въ союзѣ съ Россіей, которой и предлагали соотвѣтственное „вознагражденіе“, но съ послѣдняго „вѣчнаго мира“ между Рѣчью Посполитой и Москвою прежняя русская политика по отношенію къ Польшѣ совершенно измѣнилась: въ XVI и XVII вв. московскіе цари искали только „отчины своей“, то-есть русскихъ земель, не распространяя свои планы на самую Польшу, такъ что ихъ политика явно стремилась къ расчлененію Рѣчи Посполитой, въ XVIII же вѣкѣ цѣлью русской политики ставилось уже господство надъ нераздѣльнымъ польскимъ государствомъ, что хорошо понимали и современники, и въ чемъ теперь не можетъ быть сомнѣнія также и для исторической науки. Такимъ образомъ прусскіе и русскіе виды на Польшу расходились: въ Берлинѣ страстно желали раздѣла, въ Петербургѣ думали о неприкосновенности польской территоріи. И тамъ, и здѣсь, далѣе, должны были для достиженія своихъ цѣлей хлопотать о томъ, чтобы Польша попрежнему представляла изъ себя слабое государство, но и по этому предмету въ одномъ отношеніи прусская и русская политика расходились: Фридрихъ II былъ принципиальнымъ врагомъ всякихъ реформъ, которыя вывели бы Рѣчь Посполитую изъ ея анархическаго состоянія, ибо анархіи была ему на руку, тогда какъ Екатерина II была не прочь содѣйствовать реформамъ въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы государство это, не дѣлаясь сильнымъ само и потому оставаясь попрежнему въ русской опецѣ, могло тѣмъ не менѣе превратиться въ болѣе благоустроенную страну, дабы этимъ устранены были поводы для

другихъ сосѣдей вмѣшиваться въ польскія дѣла и поминать о раздѣлѣ польской территоріи. Обстоятельства сложились въ пользу плана Фридриха II, противъ плана Екатерины II. Не касаясь другихъ сторонъ дѣла, мы должны обратить главное вниманіе на то, что планъ Екатерины требовалъ дѣятельной поддержки со стороны самихъ поляковъ, а ея-то и не могло быть ни въ какомъ случаѣ.

Въ настоящее время не существуетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первый раздѣлъ Польши былъ результатомъ дипломатической побѣды Пруссіи надъ Россіей; инициатива раздѣла вышла отъ Фридриха II; Екатерина II около трехъ лѣтъ противилась этому плану, и только угроза европейской коалиціей заставила ее взять „вознагражденіе“ за побѣды надъ Турціей изъ территоріи не этой послѣдней, а Рѣчи Посполитой,—противилась потому, что смотрѣла на всю Польшу, какъ на свое достояніе, въ той или другой формѣ. Благодаря первому раздѣлу, Пруссія добилась своей цѣли: двѣ главныя части монархіи Фридриха II слились въ одно цѣлое, и ей стало принадлежать нижнее теченіе Вислы. Цѣль эта была, однако, достигнута не вполне: два важные торговые города, лежавшіе на двухъ концахъ той части Вислы, которая сдѣлалась прусскою, именно Торнъ и Данцигъ—остались за Польшею, не смотря на все желаніе Фридриха II и ихъ также включить въ свои новыя владѣнія. Ихъ принадлежность Рѣчи Посполитой отстояла русская дипломатія, и цѣлью дальнѣйшей политики прусскаго правительства относительно Польши должно было сдѣлаться присоединеніе этихъ двухъ городовъ. Между тѣмъ у Россіи послѣ 1772 г. явился новый мотивъ охранять Рѣчь Посполитую отъ возможныхъ уменьшеній ея территоріи: съ согласія Австріи и Пруссіи, считавшихъ себя достаточно вознагражденными, Россіи былъ отданъ верховный надзоръ за внутренними порядками въ Польшѣ, утвержденными на сеймѣ 1773—1775 года, т. е. другими словами, Польша фактически предавалась подъ русскую власть. Такимъ образомъ виды прусской и русской политики относительно Рѣчи Посполитой опять расходились, и въ эпоху второй турецкой войны и четырехлѣтняго сейма преемникъ Фридриха II, Фридрихъ-Вильгельмъ II началъ дѣйствовать противъ русскаго преобладанія въ Польшѣ, дабы за союзъ, который онъ предлагалъ послѣдней, она уступила ему Данцигъ и Торнъ или чтобы, рассоривъ поляковъ съ Россіей, воспользоваться потомъ этою ссорой для совершенія новаго раздѣла. Результаты извѣстны: то, чего Польша добровольно не уступала Пруссіи, послѣдняя при-

обрѣла въ союзѣ съ Россіей, до войны съ которою сама довела поляковъ, надававъ имъ обѣщаній, поддерживавъ въ нихъ враждебное настроеніе къ Россіи, заключивъ съ ними союзъ и вѣроломно этотъ союзъ нарушивъ, а вѣстѣ съ Данцигомъ и Торнемъ она прихватила и значительную часть уже настоящей Польши, врѣзавшуюся въ прусскія владѣнія въ формѣ клина между южной границей провинціи Пруссіи и восточной границей Силезіи. Правда, власть Россіи надъ тѣмъ, что еще оставалось отъ Рѣчи Посполитой послѣ второго раздѣла, была еще болѣе усилена сравнительно съ тѣмъ, что было установлено въ 1775 году, но въ сущности и тутъ Пруссіей была одержана надъ Россіей дипломатическая побѣда: Екатерина не удалось достигнуть своей цѣли—удержать всю Польшу для себя: Фридрихъ Вильгельмъ сумѣлъ отхватить отъ Рѣчи Посполитой побольше двухъ городовъ, приобрѣтеніе конехъ должно было быть цѣлью прусской политики послѣ того, какъ оба берега нижняго теченія Вислы стали принадлежать Пруссіи.

Прусская политика, одержавшая такія побѣды надъ русской, въ сущности содѣйствовала только тому, что Россія въ эпоху польскихъ раздѣловъ достигла цѣли стремленій прежнихъ великихъ князей и царей московскихъ, „собирателей русской земли“: западная Русь соединилась съ восточною. Въ XVIII вѣкѣ не это „возсоединеніе“ было задачею русской политики, а, повторяемъ, господство надъ всею Польшею, которому должны были препятствовать другія сосѣднія державы, бывшія однако не прочь отъ раздѣла. Такимъ образомъ Пруссія, а за нею и Австрія безсознательно заставляли Россію сойти съ дороги, на которую она вступила въ XVIII вѣкѣ, вернуться на путь, по коему шла ея политика относительно Рѣчи Посполитой при прежнихъ великихъ князьяхъ и царяхъ московскихъ, искавшихъ своей „отчины“, стремившихся не по титулу только быть государями „всѣя Руси“. Въ XVIII вѣкѣ Россія желала просто обладать всею Польшею, какъ населенною территоріею безъ всякаго отношенія къ этнографическому составу ея населенія: вынужденная согласиться на первый раздѣлъ, она брала себѣ полосу земли, ближе всего прилегавшую къ ея владѣніямъ, совершенно такъ же, какъ это дѣлала Пруссія, устраняя черезполосность, существовавшую между ея главными провинціями, или какъ дѣлала это Австрія, приобрѣтая Галицію, „округлявшую“ ея границу съ сѣверо-востока. Въ XVIII вѣкѣ Россія отказывалась отъ „собиранія русской земли“ ради новой цѣли, требовавшей сохраненія цѣлости Польши и, вынужден-

ная на раздѣлъ, еще разъ заявила о своемъ отказѣ отъ „собиранія русской земли“ уступкою русской Галиціи въ пользу имперіи Габсбурговъ. Въ единовѣрїи своемъ съ большинствомъ населенія восточныхъ частей Рѣчи Посполитой Россія видѣла главнымъ образомъ лишь поводъ для вмѣшательства въ польскія дѣла, а ссылка, кромѣ этого, на единоплеменность (въ эпоху второго раздѣла) была скорѣе предлогомъ, который можно было привести въ оправданіе своихъ дѣйствій, нежели дѣйствительною ихъ причиною, ихъ мотивомъ. Было бы въ высшей степени ошибочно отъ полученныхъ результатовъ тогдашней русской политики дѣлать заключеніе о первоначальныхъ ея намѣреніяхъ: окончательное объединеніе всѣхъ почти вѣтвей русскаго народа подъ одною верховною властью не могло совершиться безъ расчлененія Рѣчи Посполитой, не входившаго въ планъ русской политики, вынужденнаго только Пруссіей.

Русскіе историки, выяснившіе старинныя русско-польскія отношенія съ XIV по XVII вѣкъ, подвергли критикѣ польскую политику Екатерины II съ точки зрѣнія русскихъ національныхъ и народныхъ интересовъ: слабыми сторонами этой политики они признали уступку Галиціи Австріи и оставленіе русскаго народа подъ властью польскихъ пановъ. Факты указаны вѣрно, и задача историка заключается, конечно, въ объясненіи причинъ этихъ фактовъ. Съ другой стороны, русскіе историки, становясь на точку зрѣнія политическихъ интересовъ Россіи или на точку зрѣнія интересовъ славянства, нападаютъ на то, что Екатерина не сѣмѣла или не смогла удержать подъ своею властью всю Рѣчь Посполитую и допустила раздѣлъ „настоящей“, этнографической Польши, то-есть, самого польскаго народа между двумя нѣмецкими державами. И тутъ, конечно, историкъ нужно считаться съ условіями возможности или невозможности, съ каковыми приходилось имѣть дѣло русской политикѣ въ польскомъ вопросѣ.

Въ ходѣ событій, приведшихъ Рѣчь Посполитую къ паденію, весьма многое зависѣло отъ поведенія самихъ поляковъ. Если бы даже въ согласіи болѣе съ филантропическими принципами, нежели съ политическими правилами XVIII вѣка, весьма далекими отъ филантропїи, Екатерина, какъ этого желали бы нѣкоторые прежніе писатели, дѣйствительно, захотѣла быть безкорыстной „благодѣтельницей“ несчастной республики, или, какъ это было бы пріятно современнымъ защитникамъ славянскихъ интересовъ, стала искреннѣе стремиться спасти польскій народъ отъ опасности германизациі, въ

обоихъ случаяхъ она не могла бы этого сдѣлать безъ содѣйствія со стороны самихъ поляковъ. Польская шляхетская нація не заглядывала въ будущее, а видѣла одно настоящее, этимъ же настоящимъ были вмѣшательство Россіи въ диссидентскій вопросъ, война ея съ барской конфедераціей, участіе въ первомъ раздѣлѣ, установленіе ею своей власти надъ Рѣчью Посполитой при помощи новыхъ учрежденій и гарантіи, враждебное отношеніе къ реформамъ, предпринятымъ вопреки ея согласію, наконецъ, открытая война 1792 года,—то-есть Россіей большинство шляхты въ Рѣчи Посполитой оскорблялось и въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, получившихъ со времени іезуитской реакціи оттѣнокъ крайней нетерпимости и фанатизма, и въ своемъ національномъ патриотизмѣ, соединенномъ съ представленіемъ объ особомъ благородствѣ поляковъ и объ особыхъ, сравнительно съ другими народами, правахъ ихъ на свободу. И старый шляхетскій консерватизмъ, выразившійся въ ультракатолическомъ характерѣ барской конфедераціи, и прогрессивный духъ, руководившій реформаторами четырехлѣтняго сейма, одинаково были враждебны Россіи. Правда, послѣдняя имѣла за себя въ Рѣчи Посполитой не мало все-таки политическихъ дѣятелей, ставшихъ на ея сторону отчасти ради матеріальныхъ выгодъ, отчасти по политическимъ соображеніямъ, но то, что можно назвать національнымъ духомъ въ Польшѣ,—проявлялся ли онъ въ фанатическомъ католицизмѣ барскихъ конфедератовъ или въ реформаторскихъ стремленіяхъ дѣятелей 3-го мая,—имѣло рѣшительно анти-русскую окраску. Не объ одну прусскую политику, счумѣвшую встать эксплуатировать въ свою пользу польскую неприязнь къ Россіи, но и объ этотъ антагонизмъ самой польской стихіи, объ оскорбленныя религіозныя и національныя чувства поляковъ разбилась усилія Екатерины, направленныя къ тому, чтобы не допустить раздѣла Рѣчи Посполитой между Австріей и Пруссіей.

Этими чувствами къ Россіи прониклась и польская историографія: главной виновницей паденія Польши сдѣлалась для нея Россія, и особое сочувствіе высказывалось ею по отношенію къ лицамъ и партиямъ, дѣйствовавшимъ противъ русскаго вмѣшательства въ польскія дѣла и русскаго господства въ Рѣчи Посполитой. Помимо того обстоятельства, что эти лица и партіи являлись защитниками національной независимости, сочувствіе къ нимъ историковъ объясняется еще тѣмъ, что въ ихъ глазахъ дѣятельность означенныхъ лицъ и партій одна только была согласна съ интересами націи и, какъ таковая,

вела къ цѣли, которой не достигла лишь вслѣдствіе „независящихъ обстоятельствъ“. Дѣло въ томъ, что польская историографія долгое время раздѣляла сдѣлавшуюся всеобщей вѣру въ то, что въ Польшѣ къ эпохѣ окончательной борьбы за независимость, то-есть, къ 1791—1794 гг. произошло совершенное внутреннее возрожденіе, полное перевоспитаніе націи въ прогрессивномъ духѣ: въ силу этого переворота, казалось, Польшѣ было обезпечено славное будущее, если бы дѣлу не помѣшали внутренніе измѣнники, призвавшіе себѣ на помощь внѣшнихъ враговъ. При болѣе подробномъ изученіи эпохи у нѣкоторыхъ польскихъ историковъ взглядъ на все дѣло существеннымъ образомъ измѣнился. Съ точки зрѣнія, которая приводится въ новѣйшихъ историческихъ трудахъ, внутреннее состояніе Польши въ XVIII в. стало представляться до такой степени безнадѣжнымъ, а внѣшнія условія столь неблагоприятными, что для государства польскаго признано было существованіе только двухъ дорогъ—или раздѣла между сосѣдями, или подчиненія Россіи. Послѣдняя перспектива была болѣе выгодна для польской національности: новые польскіе историки стали даже осуждать Екатерину II за то, что она не сумѣла завладѣть всею Польшею, если уже нельзя было Рѣчи Посполитой иначе избѣгнуть раздѣла,—и сообразно съ этимъ начали относиться и ко многимъ людямъ, и ко многимъ явленіямъ изъ эпохи раздѣловъ совершенно не такъ, какъ относились прежніе историки. Такъ какъ къ раздѣламъ привели люди, въ силу національнаго и политическаго патріотизма, тяготившіеся зависимою отъ Россіи, и предпріятія, оказавшіеся рискованными и вслѣдствіе своей несоразмѣрности съ силами и средствами страны, и вслѣдствіе малаго своего соответствія съ традиціями и привычками польскаго общества, то новые историки именно и взяли подъ свою защиту и лицъ, и политику, прежде подвергавшіеся нареканіямъ за свое тяготѣніе къ Россіи. Эти историки стали проводить ту мысль, что люди, стоявшіе за подчиненіе Россіи обнаруживали гораздо болѣе политической мудрости, чѣмъ ихъ противники, и что мирная дѣятельность въ предѣлахъ той свободы, какую Россія оставляла на долю Рѣчи Посполитой, вела вѣрнѣе къ цѣли, ко внутреннему возрожденію общества и укрѣпленію государства, нежели рискованныя предпріятія „патріотовъ“. Таковъ общій выводъ изъ историческихъ трудовъ Калинки, такова точка зрѣнія и проф. Бобржинскаго ¹⁾. Исходя изъ той мысли, что Россія стремилась завладѣть

¹⁾ Взглядъ этого историка подробно изложенъ въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская историографія“, стр. 583 sq.

всему Польшею, и что для послѣдней подчиненіе себя Россіи было единственнѣмъ средствомъ избѣжать раздѣла, новые польскіе историки отрицаютъ мнѣніе, будто Екатерина хотѣла погубить Польшу, признаютъ, что Россія, хотя и не безкорыстно, оберегала Польшу отъ захватовъ со стороны Пруссіи, что русская политика не была принципиально противъ необходимыхъ въ Рѣчи Посполитой реформъ, лишь бы онѣ не шли въ разрѣзъ съ интересами Россіи и не заходили такъ далеко, чтобы сдѣлать изъ анархической страны сильное государство, — а также высказываютъ взглядъ, по которому созданныя Россіей въ Рѣчи Посполитой учрежденія (*gada nieustająca*) были очень полезны для разстроеннаго государства, и что большою ошибкою было мнѣять ихъ на другія, которыя сами по себѣ могли быть лучше, но имѣли одинъ существенный недостатокъ, а именно—были созданы безъ согласія Россіи и даже во враждебномъ ей направленіи, и притомъ лицами, не имѣвшими своихъ силъ и средствъ для предстоявшей борьбы. Если нѣкоторые польскіе писатели начинаютъ такимъ образомъ порицать политику Екатерины за то, что она не сумѣла привести Польшу въ зависимость отъ Россіи, то другіе въ самомъ поведеніи поляковъ видятъ главную причину того, что Екатерина не удержалась на своемъ первоначальномъ намѣреніи относительно Польши: роль Россіи представляется, напримѣръ, Бобржинскому вынужденною именно поведеніемъ какъ тѣхъ, которые выступили противъ политики Екатерины, такъ и тѣхъ, которые сами призывали русскую императрицу къ вмѣшательству въ польскія дѣла.

Въ этомъ новомъ польскомъ историческомъ взглядѣ мы находимъ весьма много общаго съ тѣми воззрѣніями, какія встрѣчали и у русскихъ историковъ, занимавшихся послѣдними временами Рѣчи Посполитой. Общее здѣсь вотъ что: Екатерина II хотѣла завладѣть всей Польшей, и ей слѣдовало этого добиться; но ея планамъ помѣшали, во первыхъ, прусская политика при Фридрихѣ II и его преемникѣ, а вовторыхъ, сами же поляки. Затѣмъ уже начинается область историческихъ гаданій на тему, что было бы, если бы случилось то-то и то-то,—рѣшеніе вопроса, представляющаго изъ себя нѣчто въ родѣ одного уравненія со многими неизвѣстными.* Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что и при другомъ исходѣ дѣла, нежели тотъ, который былъ въ дѣйствительности, рано или поздно, старый русско-польскій споръ, нѣсколько позабытый въ XVIII вѣкѣ, долженъ былъ бы снова рѣшиться, а его естественное рѣшеніе было именно дано отдѣленіемъ отъ Рѣчи Посполитой того, чего не доставало еще до

„всѣя Руси“. Польша, сохраняющая свою цѣлость и политическое бытіе въ союзѣ съ Россіей, не могла бы оставаться навсегда Польшею въ границахъ 1772 года.

Итакъ, новѣйшіе историческіе труды, какъ русскіе, такъ и польскіе выяснили, что для Рѣчи Посполитой существовала только дилемма — или вражда къ Россіи съ раздѣломъ между сосѣдями въ перспективѣ, или союзъ съ Россіей, равносильный, однако, подчиненію Рѣчи Посполитой этой послѣдней: *tertium non datur* или считается въ высшей степени сомнительнымъ (это *tertium* — сохраненіе или, вѣрнѣе, приобрѣтеніе Рѣчью Посполитой полной независимости). Этимъ опредѣляется и взглядъ новѣйшихъ историковъ на то возрожденіе, которое начиналось въ Польшѣ послѣ перваго раздѣла. Иностранные публицисты и историки, сочувственно относившіеся къ бѣдствіямъ польской націи, выражали полное свое удовлетвореніе по поводу исправленія поляковъ и негодованіе на сосѣдей, препятствовавшимъ всѣмъ улучшениямъ въ Польшѣ. Въ польской политической и исторической литературѣ также утвердился взглядъ на время отъ перваго раздѣла до паденія Рѣчи Посполитой, какъ на эпоху быстрого и всесторонняго прогресса, возрожденія національнаго духа, утвержденія новыхъ началъ общественной жизни, исправленія поляковъ отъ всѣхъ прежнихъ недостатковъ: послѣднія времена Рѣчи Посполитой окружались поэтому ореоломъ, блескъ коего затемнялся только присутствіемъ въ патриотической націи нѣсколькихъ презрѣнныхъ измѣнниковъ, продавшихъ свое отечество сосѣдямъ. Оставляя въ сторонѣ пока вопросъ о самомъ этомъ возрожденіи, мы должны указать на то, что, насколько возрожденіе польской націи зависѣло отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и партій, и оно также могло быть, какъ и внѣшнія отношенія Польши, или пріятнымъ, или непріятнымъ Россіи. Русская политика, какъ мы говорили, не была противъ реформъ въ Польшѣ вообще: только реформы эти должны были закрѣплять въ Рѣчи Посполитой политическое вліяніе Россіи и ограничиваться достиженіемъ одного большаго благоустройства страны безъ превращенія ея въ сильное государство. Такія реформы, однако, не могли удовлетворить польскихъ патриотовъ, для которыхъ перемѣны въ ихъ политическомъ и общественномъ быту могли имѣть смыслъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ возвращали ихъ отечеству независимость отъ иностранной опеки и былую силу извнѣ, какъ гарантію независимости и на будущее время. Патриоты стремились къ тому, чего не хотѣла Россія, и притомъ стремились, рассчитывая на союзъ съ дру-

гою державою, что заставляло русскую политику еще болѣе противиться неприятнымъ ей нововведеніямъ. Новѣйшіе историки осудили этихъ дѣятелей за ихъ недалковидность, за отсутствіе у нихъ политическаго такта и вмѣстѣ съ этимъ поставили подѣ знакъ вопроса значеніе и того самаго возрожденія, которое, по словамъ прежнихъ историковъ, быдо произведено дѣятелями четырехлѣтнаго сейма, и того общаго улучшенія, которое вызвало эту дѣятельность, хотя улучшеніе это было результатомъ примѣненія къ внутреннимъ дѣламъ политики, пріятной Россіи или ею допускавшейся. Новѣйшіе историки, о коихъ идетъ рѣчь, явились скептиками относительно силы и значенія возрожденія Польши за послѣднія двадцать лѣтъ ея существованія: не отрицая факта, они сводятъ его къ болѣе скромнымъ размѣрамъ и находятъ, что предпріятія спасителей отечества не могли удалиться потому, что морально и политически нація не на столько еще перевоспиталась и матеріально государство не на столько окрѣпло, чтобы успѣхъ могъ быть несомнѣннымъ,—а потому винятъ дѣятелей четырехлѣтнаго сейма въ томъ, что они предприняли нѣчто, бывшее выше силъ и средствъ Польши. Въ этомъ обвиненіи есть доля правды (въ такомъ случаѣ оно падаетъ съ еще болѣшимъ правомъ на героическое усиліе Костюшки), но въ своей оппозиціи прежнимъ взглядамъ новая историческая школа, особенно въ лицѣ Калинки, зашла слишкомъ далеко, такъ что г. Корзонъ, доказывающій, какъ мы видѣли, діаметрально противоположный тезисъ (и притомъ съ гораздо болѣшимъ успѣхомъ, чѣмъ это дѣлалось прежде) своей книгой создаетъ важный противовѣсъ одностороннему освѣщенію фактовъ у Калинки, хотя—нельзя этого не оговорить—г. Корзонъ также довольно односторонне обращаетъ почти все свое вниманіе на одни матеріальные и внѣшніе факторы.

Какое же общее заключеніе можно сдѣлать о состояніи главнаго вопроса изученной нами литературы въ современной исторической наукѣ?

Раздѣливъ причины паденія Польши на основныя, слагавшіяся вѣками, и на непосредственныя, дѣйствовавшія въ самую эпоху окончательныхъ расчетовъ Рѣчи Посполитой съ своимъ прошлымъ и со своими сосѣдями, и подраздѣливъ тѣ и другія причины на внѣшнія и на внутреннія, мы можемъ сказать, что едва ли какія-либо важныя недоумѣнія могутъ возбуждать въ настоящее время основныя причины паденія Польши какъ внутреннія (развитіе безурядицы въ ея бытѣ), такъ и внѣшнія (историческія русско-польскія и польско-

прусскія отношенія), а изъ причинъ непосредственныхъ, думаемъ мы, въ такомъ же положеніи находятся тѣ внѣшнія отношенія, которыя создали соединеніе трехъ державъ, подѣлвшихъ между собою Рѣчь Посполитую. Иное дѣло — внутренняя исторія Польши въ послѣднія тридцать лѣтъ существованія этого государства: исторія производившихся тогда реформъ и дѣйствовавшихъ тогда партій нуждается, на нашъ взглядъ, въ новомъ пересмотрѣ въ виду отмѣченнаго нами разногласія между наиболѣе важными историками, писавшими объ эпохѣ, и только такой пересмотръ могъ бы дать отвѣтъ на вопросъ, въ какомъ отношеніи къ факту паденія Польши стоятъ внутреннія явленія, въ ней происходившія. Мы думаемъ также, что дѣло теперь, особенно послѣ труда г. Корзона, не въ накопленіи новаго матеріала, а въ разработкѣ существующаго, если только новый матеріалъ не имѣетъ отношенія къ такимъ сторонамъ польской жизни, которыя до сихъ поръ были мало изслѣдованы, примѣръ чего представляютъ сеймики, впервые получившіе свою исторію въ прекрасномъ трудѣ проф. Павинскаго „Rzady sejmikowe w Polsce“.

Пересмотръ, о которомъ мы говоримъ, возможенъ въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ, необходимо изслѣдовать отдѣльныя стороны польскаго политическаго и соціальнаго быта, и мнѣ кажется, что тутъ предстоитъ еще не малая работа для историковъ, которые взяли бы за разрѣшеніе этой задачи ¹⁾, а во вторыхъ, не менѣе необходимо представить въ связномъ критическомъ очеркѣ всю исторію общественнаго движенія въ Польшѣ съ перваго зарожденія мысли о реформахъ до окончательной неудачи, ихъ постигшей. Послѣднее мы и собираемся сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

¹⁾ Въ виду этого мною предложена была на 1888 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ тема на золотую медаль — „Крестыанскій вопросъ въ Польшѣ во второй половинѣ XVIII вѣка“.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Во время печатанія этой книги появились новыя книги и статьи, которыя мы и отмѣчаемъ здѣсь, относя сдѣланныя тутъ дополненія къ отдѣльнымъ главамъ труда.

Глава I. Цитированная въ этого обзора статья моя „Новѣйшая польская историографія“, благодаря польскому переводу, печатавшемуся первоначально въ литературномъ прибавленіи къ польской газетѣ „Kraj“, издающейся въ Петербургѣ, сдѣлалась предметомъ обсуждения въ польской прессѣ. Въ „Bulletin polonais littéraire, scientifique et artistique, publié par les soins de l'Association des anciens élèves de l'école polonaise à Paris“ (1 sept. 1888) появилось за подписью г. Ясевича начало статьи подъ заглавіемъ „L'historiographie polonaise de 1861 à 1886 et la critique russe“. Полагаю, что авторъ не вполне понялъ мою мысль, говоря о моемъ разборѣ польской историографіи: „ce que veut en effet le critique russe, c'est que nos historiens attribuent la chute de la République non pas à l'action violente des puissances copartageantes, mais aux seules fautes de la constitution évidemment vicieuse de la Pologne“ (стр. 3). Тотъ же приговоръ еще сильнѣе выраженъ авторомъ въ словахъ, что моя система — de n'admettre comme vrais et scientifiques que les historiens s'occupant des partages de la Pologne, en recherchant la cause exclusive dans l'état intérieur du pays et négligeant le plus possible les causes extérieures (стр. 6). Надѣюсь, что вся эта книга и въ особенности заключительная ея глава покажутъ, что такой упрекъ неоснователенъ.

Далѣе, г. К. Валишевскій, авторъ одного новаго историческаго сочиненія, о которомъ сказано нѣсколько словъ ниже, помѣстилъ въ четвертомъ выпускѣ издающагося во Львовѣ „Историческаго трехмѣсячника“ за 1888 г. статью подъ заглавіемъ „Польская

исторіографія передъ судомъ русской критики“ (Historyografja polska przed krytyką rossyjską), въ которой подвергъ разбору нашу статью. Не соглашаясь со всѣми взглядами г. Валишевскаго, редакція журнала сочла нужнымъ помѣстить эту статью, такъ какъ, по словамъ редакціи, моя брошюрка не могла остаться безъ оцѣнки въ историческомъ журналѣ (стр. 556), но на самомъ дѣлѣ критикъ пользуется только поводомъ, чтобы подвергнуть разбору историческіе взгляды проф. Бобржинскаго ¹⁾). Особое вниманіе обратилъ критикъ на слѣдующее мѣсто „Новѣйшей исторіографіи“: „Строгая научная мысль будетъ торжествовать весьма крупную побѣду, когда взгляды русскихъ и польскихъ историковъ на этотъ предметъ (на русско-польскія отношенія) не будутъ существеннымъ образомъ различаться между собою. И въ этомъ смыслѣ книга Б. знаменуетъ поворотъ польской исторіографіи къ болѣе научности“. Критикъ указываетъ на три пункта, по которымъ я уже яко-бы считаю соглашеніе почти состоявшимся ²⁾), хотя, на самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ заключается только *plum desiderium*, а вовсе не констатируется совершившійся фактъ, — и по всѣмъ тремъ пунктамъ онъ высказываетъ свое несогласіе съ нашими выводами. Первый пунктъ — указаніе на внутреннія причины паденія Польши. Г. Валишевскій думаетъ, что напирая на значеніи этихъ причинъ послѣдняго факта, я имѣлъ заднюю мысль, которую, однако, легко отгадать (стр. 558). И опять можемъ повторить, что настоящая книга докажетъ, что ея авторъ вовсе не желалъ видѣть причину паденія Польши исключительно въ неустройствѣ этого государства. Соглашаясь съ моими возраженіями на объясненіе г. Бобржинскимъ причинъ того, что Польша не выработала у себя прочной государственной организаціи, г. Валишевскій не хочетъ принять нашего объясненія, сводящагося къ тому, что Польша никогда достаточно не объединялась для образования одного государства: критикъ высказываетъ недоумѣніе по поводу этого „несомнѣнно оригинальнаго взгляда“. За доказательствами вѣрности нашего объясненія намъ остается только сослаться

¹⁾ Nie z jednym p. Kariejewem założyłem sobie mieć sprawę..... Założenie moje zwraca się także, a nawet głównie, w stronę tych polskich historyozoficznych tendencyj, które zresztą dały asumpt rossyjskiemu historykowi do odezwania się i dostarczyły podstawę do jego wniosków i konkluzyj, стр. 557.

²⁾ Większa część drogi do tego pożądanego celu wiodącej została już przebyta (tak przynajmniej mniema p. Kariejew), говорить Валишевскій. Думаю, наоборотъ, что сближеніе только-что начинается.

на нашъ недавно вышедшій въ свѣтъ „Историческій очеркъ польскаго сейма“. Другой пунктъ, критикуемый г. Валишевскимъ, это— наше пониманіе польско-литовскихъ и польско-русскихъ отношеній. Мы всегда думали, что по этому вопросу болѣе всего расходятся между собою русскія и польскія воззрѣнія, и критикъ только подтверждаетъ то, что намъ всегда было извѣстно, а именно то, что эта сторона книги г. Бобржинскаго подверглась наибольшимъ нареканіямъ со стороны его польскихъ товарищей, хотя и русскіе критики (г. А. К., проф. Кояловичъ, о чемъ ниже) за ту же самую часть „Dziejów Polski“ главнымъ образомъ и разносятъ книгу. Пунктъ третій — оцѣнка политическаго поведенія Польши въ XVIII вѣкѣ. Соглашаясь съ проф. Бобржинскимъ въ томъ, что Рѣчь Посполитую отъ раздѣловъ могъ охранить только тѣсный союзъ съ Россіей, мы высказали, однако, ту мысль, что все равно, рано или поздно, пришлось бы разрѣшать старый русско-польскій (сначала московско-литовскій) споръ за собираніе Руси. Критикъ воздастъ мнѣ хвалу за то, что у меня нѣтъ намѣренія вести поляковъ къ поставленной мною самимъ цѣли съ завязанными глазами ¹⁾. Принося за эту аттестацію благодарность, могу только замѣтить, что именно въ томъ и понимаю я задачу науки въ приложеніи къ вопросамъ политики, чтобы (конечно, не закрывая прежде всего собственныхъ глазъ передъ тѣми или другими явленіями жизни) открывать глаза другихъ на то, что представляется въ жизни нашимъ взорамъ. И редація „Историческаго трехмѣсячника“, и самъ авторъ статьи приглашаютъ другихъ историковъ высказаться по поводу вопросовъ, поднятыхъ въ „Новѣйшей историографіи“. И мы думаемъ, что это желательно, если только полемика будетъ вестись исключительно на почвѣ исторической науки безъ всякаго взаимнаго заподозриванія. Такъ именно и поступилъ проф. Бобржинскій въ небольшой оцѣнкѣ моего этюда, включенной въ его отвѣтъ г. Валишевскому (объ этой полемикѣ см. ниже).

Въ стр. 18—19 слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько названій польскихъ мемуаровъ или памфлетовъ, относящихся къ исторіи двухъ революцій (1791 и 1794 гг.), которые разобраны вкратцѣ въ книжкѣ г. Смоленскаго „Książnica Księcia Józefa“ . Половина этой книжки по-

¹⁾ Nie ma zaś zamiaru rosyjski historyk — i to stanowi godną bezwarunkowego uznania stronę jego charakteru i podjętego przezeń zadania — prowadzić nas do wytkniętych przez się celów z zawiązanymi oczami, стр. 570.

священа Фр. Езерскому, другая—Трембицкому, Дмоховскому, Мейеру Конопкѣ и Дэмбовскому. Не можемъ не выразить сожалѣнія, что у насъ не было подъ руками „Коллонтаевской кузницы“, когда писалась первая глава этой книги.—Назову здѣсь слѣдующія изданія: *Dyzmy Bonczy Tomaszewskiego nad konstytucyą i rewolucyą dnia 3 maja roku 1791 uwagi.*—*Trębicki. Odpowiedź autorowi prawdziwemu uwag D. B. Tomaszewskiego.*—*O konstytucyi 3 maja roku 1791 do JWW. Zaleskiego trockiego i Matuszewicza brzeskiego litewskich posłów.*—(Dmochowski). *Do JJ. WW. Panów T. Czackiego y Mikołajaja Wolskiego z okoliczności wydanego pisma o konstytucyi 3 maja.*—*Na pismo, któremu napis: O konstytucyi 3 maja etc. odpowiedź.*—*Uwagi polityczne nad niniejszemi okolicznościami mające służyć za ciąg dalszy, historii rewolucyi francuskiej, napisane przez pana Rabaut.*—См. также у *Limano wskiego* (въ сочиненіи, которое названо ниже, стр. 344 и слѣд.) разныя указанія на сужденія современниковъ о конституціи 3-го мая.

Глава II. „Dzieje Polski w zarysie“ проф. Бобржинскаго появились третьимъ изданіемъ (вышелъ пока 1 томъ), съ котораго дѣлается русскій переводъ. Первый томъ послѣднаго поступилъ въ продажу въ июль 1888 года. По поводу этого перевода произошла уже полемика, причеиъ критики приписали книгѣ краковскаго ученаго такое значеніе, какаго она вовсе не имѣетъ. См. брошюру А. К. „Нѣсколькo замѣчаній на книгу проф. М. Бобржинскаго: Очеркъ исторіи Польши“ (Спб. 1888), а также статьи проф. Коляловича въ „Правдѣ“ (№№ 32 и 33 за 1888 г.) отвѣтъ нашъ подъ заглавіемъ „Рѣшительное обвиненіе“ въ „Новомъ Времени“ (№ 4.511). Ср. также статью Е. А. Бѣлова „Удивительная полемика“ въ „Новостяхъ“ (№ 268 за 1888 г.). Въ отвѣтъ на нашу статью г. Коляловичъ началъ въ „Правдѣ“ рядъ статей о Бобржинскомъ подъ заглавіемъ „Timeo Danaos et dona ferentes“ (№ 40 sq.): это—критика той части I тома „Dziejów Polski“, которая разсматриваетъ русско-польскія отношенія съ древнѣйшихъ временъ до конца XV вѣка. Только мы не видимъ причины, почему г. Коляловичъ заявляетъ каждый разъ, что пишетъ свою критику по поводу моей „защиты“ книги краковскаго ученаго. По поводу 3-го изданія подлинника книги проф. Бобржинскаго въ польской печати были также нѣкоторыя статьи. До сихъ поръ намъ извѣстны слѣдующія:

Dr. August Sokołowski. O nowych poglądach na historję polską. Kraków. 1888. Эта небольшая статья (55 страницъ малаго формата) печаталась сначала въ „Новой реформѣ“, со столбцовъ ко-

торой и была переверстана въ отдѣльную брошюру. Въ самомъ началѣ авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что о книгѣ проф. Бобржинскаго много говорится въ польскомъ и русскомъ обществѣ: причину этого онъ видитъ и въ той полемикѣ, которая по ея поводу велась выдающимися польскими историками нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ необычномъ для польской книги количествѣ изданій и, наконецъ, въ той извѣстности (собственно авторъ говоритъ — *rozgłos*), какую она приобрѣла „въ російскомъ свѣтѣ“ (стр. 2). Объясняя успѣхъ книги, авторъ говоритъ между прочимъ, что издание „*Dziejów Polski*“ „въ Варшавѣ подъ русскою цензурою“ должно было „возбудить всеобщее любопытство“, тѣмъ болѣе, что авторомъ былъ профессоръ ягеллонскаго университета, къ которому благопріятно отнеслись такіе критики, какъ Шуйскій и Калинка (стр. 5). По опредѣленію г. Соколовскаго книга вовсе не исторія, а умствование (*rozumowanie*) на историческую тему по заранее установленнымъ идеямъ (стр. 6). „Г. Бобржинскій“, говоритъ критикъ въ другомъ мѣстѣ, — „какъ и всѣ почти юристы, пишущіе исторію, является доктринеромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Создавши себѣ извѣстный апріорный планъ (*z góry ułożony plan*), онъ подгоняетъ подъ него всѣхъ и вся, втискиваетъ исторію въ готовые рамки и дѣлаетъ такіе же ошибки, какъ и его предшественники“ (стр. 55). Односторонность политическаго и экономическаго взгляда г. Бобржинскаго, по словамъ автора рецензіи, — „отнимаетъ у книги характеръ (*cechę*) исторіи и низводитъ ее на степень политическихъ брошюръ, и въ этомъ также“, думаетъ г. Соколовскій, — „заключается одна изъ тайнъ его успѣха. Это ошибочное отношеніе къ дѣлу (*zapatrywanie*) г. Бобржинскаго“, прибавляетъ онъ, — „вытекаетъ изъ недостатка историческаго образованія“ (стр. 56). Выписываемъ еще самый конецъ брошюрки: „Книга Короновича въ свое время надѣлала много шума: имѣла массу сторонниковъ, охотно читалась, но въ концѣ концовъ утонула „въ волнахъ забвенія“; книга г. Бобржинскаго равнымъ образомъ есть продуктъ временнаго настроенія (*objawem chwilowych prądów*) и нѣкогда сдѣлается любопытнымъ для историка документомъ, но никогда не будетъ произведеніемъ, изъ котораго народъ польскій могъ бы почерпнуть здравые взгляды на свое прошлое и образцы для подражанія въ будущемъ“ (стр. 57). Не разбирая этой аттестаціи по существу, указываю на нее, какъ на примѣръ той страстной полемики, предметомъ которой и до сихъ поръ служатъ „*Dzieje Polski w zagysie*“. А у насъ одинъ изъ проницательныхъ критиковъ за-

явилъ, что трудъ Бобржинскаго „старается укрѣпить на прочномъ историческомъ фундаментѣ отжившія традиціи“.

Въ корреспонденціи изъ Львова, помѣщенной въ газетѣ „Край“ (1888, № 42), по поводу упомянутаго разбора моей статьи о польской историографіи, сдѣланнаго г. Валишевскимъ, и отвѣта этому историку со стороны проф. Бобржинскаго, сообщается, что полемика эта приняла широкіе размѣры. „Краковскіе историки“, по словамъ корреспондента, — „устроили формальное вѣче, на которомъ должны были предать анаемѣ „Kwartalnik“. Съ своей стороны редакторъ „Kwartalnika“ д-ръ Лиске готовится для г. Бобржинскаго сильную отвѣдь. Можно“, прибавляетъ онъ, — „ожидать не дюжинной и не каждый день бывающей, а потому весьма любопытной и поучительной полемики между „сливками“ нашихъ историковъ“ (стр. 8).—Г. Валишевскій критикуетъ „Новѣйшую историографію“, но его удары направлены главнымъ образомъ противъ автора „Dziejów Polski“: онъ одерживаетъ побѣды надъ проф. Бобржинскимъ, преимущественно указывая на солидарность, существующую между нашими взглядами. „Г. Карѣвъ апплодируетъ этой доктринѣ“ (Бобржинскаго), „г. К. или г. Б. воображаютъ себѣ Польшу“ (стр. 560), „вмѣстѣ съ г. К. и Б.“ (стр. 561), „историческая школа, которая снискала расположение г. К.“ (стр. 563), „собственность г. К., раздѣляемая имъ въ польскомъ свѣтѣ съ однимъ г. Б.“ (стр. 569) и пр.,—такія выраженія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ статьѣ г. Валишевскаго. Отвѣтъ проф. Бобржинскаго, помѣщенный въ VI выпускѣ „Przeglądu polskiego“ за нынѣшній годъ (журналъ этотъ издается въ Краковѣ) написанъ въ формѣ письма въ редакцію „Историческаго трехмѣсячника“ (Do szanownej Redakcyi „Kwartalnika Historycznego“ we Lwowie). Авторъ надѣлавшей столько шума польской исторіи заявляетъ, что совѣмъ не сталъ бы упоминать о рецензіи г. Валишевскаго, если бы она не была помѣщена въ такомъ почтенномъ журналѣ. Онъ выражаетъ удивленіе, однако, что редакція „Kwart. hist.“ помѣстила именно такую статью, въ которой критика перемѣшана съ разными инсинуаціями,—и отказывается отъ приглашенія редакціи принять участіе въ полемикѣ. Проф. Бобржинскій опредѣляетъ критику г. Валишевскаго, какъ „тенденціозный походъ противъ польскихъ историковъ вообще и противъ него (г. Бобржинскаго) въ частности, притомъ походъ чисто политическаго свойства, не имѣющій ничего общаго съ исторіей, принципиально обходящій всѣ научные вопросы, поднятые г. К.—вымъ. Вмѣсто того“, продолжаетъ г. Бобржинскій,— „чтобы взять

подъ свою защиту польскихъ историковъ, вмѣсто того, чтобы согласно съ истиной выяснить, что русскій историкъ могъ или желалъ у нихъ не понять, г. В. счелъ за подходящее дѣло также ихъ не понять, совершенно переименовать ихъ основные взгляды на причины паденія Польши, предъявить имъ въ формѣ наивныхъ вопросовъ разные сомнѣнiя, объявить, что нѣкоторые изъ насъ готовы отказаться отъ Руси, — и, выдумавши рядъ подобныхъ инсинуаций, спорить не противъ того, что мы написали, но съ продуктами собственной фантази^а (стр. 236). Кстати, не отказываясь самъ отъ „Руси“, г. Бобржинскій находитъ, что относительно прошлаго и русскiе, и польскiе историки могутъ одинаково понимать политическiя ошибки Рѣчи Посполитой въ русскихъ земляхъ ¹⁾. Такъ какъ этой своей работѣ я придаю значенiе чисто историческаго изслѣдованiя, то, конечно, и ограничусь только отмѣткою этого заявленiя о Руси, довольствуясь тѣмъ, что по крайней мѣрѣ, для прошлаго у польскихъ и русскихъ историковъ можетъ не быть двухъ различныхъ истинъ.

Глава IV. На стр. 148—149 приводится взглядъ Ранке на польскiе раздѣлы, который былъ имъ высказанъ въ сочиненiи о нѣмецкихъ державахъ и союзѣ князей (*Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*, 1871. *Sämmtliche Werke*, изд. Дункера и Гумблота, т. XXXI, 9 sq.). Нѣмецкому историку осталось неизвѣстнымъ то, что сообщено было о прусской инициативѣ Соловьевымъ по даннымъ Московск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ и въ „Паденiи Польши“ (стр. 148—149), и въ „Исторiи Россiи“ (XXVIII, стр. 242). Отмѣтимъ еще, что, по Ранке, Пруссiя и Австрия исполняли культурную миссию въ земляхъ, полученныхъ отъ Польши, и что вообще, онъ оправдываетъ прусскую политику въ этомъ дѣлѣ (Cf. T. Korzon. *L. v. Ranke. Dział litteracki Kraju*. 1886, № 25, стр. II). Взглядъ Ранке въ послѣднемъ отношенiи мало чѣмъ отличается отъ взгляда Зибеля. Поэтому мы и не дали ему особаго мѣста въ книгѣ.

Глава VII. Эта глава была уже вполне закончена, когда нами были получены слѣдующiя книги, о которыхъ мы здѣсь и скажемъ по нѣскольку словъ.

¹⁾ Kiedy my w historyi Litwy i Rusi południowej przyznajemy się do różnych błędów w polityce naszej wobec Rusinów ale równocześnie podnosimy wszyscy bez wyjątku: i krew w ich obronie przelewana przez wieki, i cywilizacyjny nasz wpływ na przestrzenie Wschodu, a podnosimy to zgodnie z prawdą, to niema jeszcze zgody między nami a historykami rosyjskimi, jeżeli ci ostatni tylko pierwszą część założenia przyjąć gotowi, стр. 235.

St. Tarnowski. Ksiądz Waleryan Kalinka. Kraków. 1888. Книга эта, заключающая въ себѣ 216 стр., представляетъ собою очеркъ дѣятельности знаменитаго историка съ краткимъ анализомъ его сочиненій. Авторъ принадлежитъ къ числу поклонниковъ Калинки.

Rembowski. Sejm czteroletni, Kalinki. Kraków. 1884. Къ сожалѣнiю, я не имѣлъ подъ руками, когда писалъ 7-ю главу, этой небольшой книжки (119 стр.), заключающей въ себѣ разборъ главнаго сочиненiя Калинки.

K. Waliszewski. Potoccy i Czartoryscy. Walka stronnictw i programów politycznych przed upadkiem Rzeczy Pospolitej (1734—1763). Tom I (1734—1754). Kraków. 1887. Это сочиненiе было отмѣчено на стр. 224 нашей книги. Г. Валишевскiй излагаетъ здѣсь исторiю борьбы политическихъ партiй и программъ при Августѣ III съ явнымъ несочувствiемъ къ дѣятельности Чарторьскихъ. Пользовался онъ французскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, лондонскимъ Record office и дрезденскимъ тайнымъ архивомъ. Главными выводами этого труда, обильнаго новыми взглядами по частнымъ вопросамъ и критическими поправками къ прежнимъ извѣстiямъ, мы воспользуемся въ готовящемся къ печати очеркѣ политическихъ партiй и реформъ въ Польшѣ. Замѣтимъ, что по описываемой въ сочиненiи эпохѣ въ новое время было написано сочиненiе Рюерелл'я. Книга посвящена „тѣни Юсифа Шуйскаго“, что указываетъ на ея направленiе. Авторъ между прочимъ ссылается на работу г. Вл. Тад. Киселевскаго „Reforma Książąt Czartoryskich“ (1880), оставшуюся намъ пока, къ сожалѣнiю, неизвѣстной.

Отмѣтимъ еще статью того же автора о политическихъ и общественныхъ нравахъ въ Польшѣ и въ Англии прошлаго вѣка (Polityczne i społeczne obyczaje XVIII w. w. Polsce i w Anglii. Ateneum. 1888. Styczeń, 60—74 i luty, 266—276). Г. Валишевскiй доказываетъ на двухъ-трехъ десяткахъ страницъ, что Польша пала вовсе не вслѣдствiе внутренняго разложенiя,—и доказываетъ это сравненiемъ Польши съ Англiей, въ которой, по его представленiю, все было въ такомъ же положенiи, какъ и въ Польшѣ, а иногда чуть ли не хуже даже. Отсюда нерасположенiе автора къ „краковской школѣ“.

I. Zaleski. Panowanie Stanisława Augusta do czasu sejmu czteroletniego. Poznań. 1887. Основная точка зрѣнiя этого посмертнаго труда явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ предисловія: „хотя и печально вспоминать послѣднiя минуты нашей національной жизни, мы

можемъ однако найти утѣшеніе въ томъ, что отыскивая причины нашихъ несчастій, мы открываемъ правду, кому главнымъ образомъ нужно приписать ихъ вину, и убѣждаемся, что, кромѣ нашихъ собственныхъ ошибокъ, не на насъ однихъ падаетъ эта вина, и что иностранная мощь, допускаящая несправедливость и насиліе по отношенію къ Польшѣ, подлежитъ болѣе тяжкому обвиненію, нежели тѣ поляки, которые совершили ошибки и дозволили себѣ преступленія по отношенію къ своему отечеству“. Авторъ просто рассказчикъ, и въ его сочиненіи, напечатанномъ безъ всякихъ ссылокъ, нѣтъ новаго матеріала. Подробно разсказывается время отъ смерти Августа III до перваго раздѣла, тогда какъ объ эпохѣ 1775—1788 гг. сказано очень мало. Книга оканчивается главой о четырехлѣтнемъ сеймѣ до апрѣля 1791 г. Это посмертное сочиненіе было написано нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отражаетъ очень старыя взгляды, а потому въ настоящее время не имѣетъ значенія.

Boleslaw Limanowski. *Historya ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stulecia*. Lwów. 1888. Это—сочиненіе по общей исторіи Европы во второй половинѣ XVIII вѣка. Только отдѣльныя части посвящены тогдашней Польшѣ. Въ первой главѣ („Общественно-преобразовательныя движенія въ до-революціонномъ періодѣ XVIII в.“) около двадцати страницъ отведено на изложеніе исторіи реформъ въ Польшѣ (стр. 17—36). Около ста двадцати страницъ занимаетъ глава VII, излагающая „Исторію Польши во время великой французской революціи и вліянія этой послѣдней на Польшу“ (стр. 278—399). Это первый трудъ, въ которомъ польскія реформы XVIII в. разсматриваются въ связи и въ сравненіи съ реформами просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи,—общая точка зрѣнія, принятая и нами въ готовящемся къ печати очеркѣ этой эпохи прежде, нежели мы получили это сочиненіе. Оно стало намъ извѣстно слишкомъ поздно для того, чтобы можно было, не замедляя выхода въ свѣтъ настоящей книги, представить здѣсь сколько-нибудь подробный анализъ полутора сотни страницъ (изъ 440), отведенныхъ авторомъ обзору исторіи Польши во второй половинѣ XVIII столѣтія.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

NB. Въ указатель этотъ вошли только названія тѣхъ книгъ и статей, которыя были разсмотрѣны въ настоящемъ трудѣ, причемъ при каждомъ названіи поставлена (жирный шрифтъ) цифра, отмѣчающая страницы, на коихъ говорится о той или другой книгѣ или статьѣ. Кроме того, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ цѣлаго ряда страницъ (а именно 18—19, 27, 37—38, 55, 69, 81, 100—103, 133—134, 143, 149, 159, 168, 178, 186, 200, 203, 221, 222, 224, 264—265, 286, 308, 316, 320, 321, 330, 339, 340, 352, 353, 355, 383 и въ „дополненіяхъ“ стр. 396 и слѣд.) приводится множество другихъ названій разныхъ сочиненій, относящихся въ той или другой степени къ исторіи паденія Польши. Надѣемся, что по этимъ подстрочнымъ примѣчаніямъ можно было бы сдѣлать кое-какія дополненія къ извѣстной польской библиографіи Эстрейхера, хотя отнюдь не беремъ на себя ручательства, что въ нашихъ указаніяхъ нѣтъ никакихъ пробѣловъ, тѣмъ болѣе, что задачею нашею и не было составленіе полной библиографіи паденія Польши.

1. Ансамовъ, М. С. Наши нравственныя отношенія къ Польшѣ. 1861. Въ чемъ вина Россіи передъ Польшею? 1881. 196—199.
2. Arneth, Alfr. von. Geschichte Maria Theresia's. Wien. 1863—1879. 147—149.
3. Barral, c-te de. Études zur l'histoire diplomatique de l'Europe. P. 1885. 169.
4. Beer, Adolf. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. 143—146.
5. Bobrzyński, Michał. Dzieje Polski w zarysie. Kraków. 1879. 52—61.
6. Broglie, duc de. Le secret du roi. P. 1878. 159—163.
7. Бриннеръ, А. Г. Исторія Екатерины II. С.-Пб. 1885. 286—288.
8. Brüggen, von der. Polens Auflösung. Leipzig. 1878. 157—159.
9. (Caraccioli). La Pologne, telle qu'elle a été, telle qu'elle est, telle qu'elle sera. 1775. 82—83.
10. Данилевскій, Н. Я. Россія и Европа. С.-Пб. 1871. 199—200.
11. Де-Пуле, М. Ф. Станиславъ Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литва въ 1794—1797 гг. С.-Пб. 1871. 264—281.
12. (Ferrand). Histoire des trois démembremens de la Pologne. P. 1820. 93—97.
13. Герье, В. И. Борьба за польскій престолъ въ 1733 г. М. 1862. 223—226.
14. Herrmann. Geschichte des russischen Staats. Hamburg und Gotha. 1853, 1860, 1861. 105—107.

15. Herrmann. Die östreichisch-preussische Allianz und die zweite Theilung Polens. 1861. 107.
16. Гильфердингъ, А. Польскій вопросъ. 1863. 191—196.
17. Hoffmann. Historia reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867. 49.
18. Нурре, Siegfried. Die Verfassung der Republik Polen. Berlin. 1867. 149—156.
19. Иловайскій, Д. И. Гродненскій сеймъ 1793 г. Москва. 1870. 262—264.
20. Ianssen, Dr. Johannes. Zur Genesis der ersten Theilung Polens. Freiburg im Breisgau. 1865. 139—143.
21. Iekel, Fr. Jos. Pohlens Staatsveränderungen und die letzte Verfassung. Wien. 1794 und 1803—1814. 83—84.
22. (tezierski). O bezkrólewicach w Polsce. Warszawa. 1790. 15—16.
23. Kalinka, ks. Waleryan. Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Poznań. 1868. 310—319.
24. Kalinka, ks. Waleryan. Sejm czteroletni. Lwów. 1880—1886. 320—339.
25. Коаловичъ, М. О. Чтенія по исторіи западной Россіи. С.-Пб. 1884. Исторія русскаго самосознанія. 203—207 и 208—209.
26. Колята, 'ks. Hugo. Uwagi nad pismem o sukcesyji tronu w Polsce. 1790. 16—17.
27. (Колята, Potoccy i Dmochowski). O ustanowieniu i o upadku konstytucyi 3-go maja. 1793. 19—27.
28. Korzon, Tadeusz. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Kraków. 1881—1886. 341—372.
29. Костомаровъ, Последніе годы Рѣчи Посполитой. С.-Пб. 1870 (3 изд. 1885). 175—177, 178—180, 238—261.
30. Kraszewski. Polska w czasie trzech rozbiorów. 202—307.
31. Laurent, F. La politique royale. P. 1865. 163—165.
32. Lelewel, Ioachim. Dzieje Polski potocznyim sposobem opowiedziane. 1830. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. 1844. 35—36.
33. Lelewel, Ioachim. Panowanie króla polskiego Stanisława Poniatowskiego. 1818. 37—43.
34. Lelewel, Ioachim. Trzy konstytucje polskie. 1831. 43—44.
35. Mably, abbé de. Du gouvernement et des lois de la Pologne. 70—76.
36. Мартенсъ, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. С.-Пб. 1882—1883. 170—171.
37. Moraczewski. Dzieje rzeczypospolitej polskiej. Poznań. 1843—1855. 44.
38. Naruszewicz. Historia narodu polskiego. 1780—1786. 13—14.
39. Niemcewicz. Śpiewy historyczne. Warszawa. 1816. 30—32.
40. Oncken. Das Zeitalter Friedrichs des Groszen. Berlin. 1892. 159.
41. Phillimore, sir Robert. Commentaries upon International Law. London. 1879. 168.
42. Погодинъ, М. П. Польскій вопросъ. 1865. 183.
43. Пылинъ, Н. А. Польскій вопросъ въ русскои литературѣ. 1880. Эпизоды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ и др. статьи. 173—174, 201—203. 209—217.
44. Raumer, Fr. v. Europa vom Ende des siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges. Leipzig. 1839. 103—105.
45. Roepell, Dr. Richard. Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts. Gotha. 1876. 156—157.

46. Rousseau, J. J. Considérations sur le gouvernement de Pologne. 1772. 77—80.
47. Rulhière, de. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. P. 1807. 84—93.
48. Самаринъ, Ю. Ѡ. Современный объемъ польскаго вопроса. 1863. 187—191.
49. Schmitt. Dzieje narodu polskiego. Lwów. 1861. 45.
50. Schmitt. Panowanie Stanisława Augusta. 1868—1870. 46.
51. Соловьевъ, С. М. Исторія паденія Польши. Москва. 1863. 227—232.
52. Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томы XXVI и XXVIII. Москва. 1876 и 1878. 232—238.
53. Sorel, A. L'Europe et la révolution française. P. 1885. 165—168.
54. Smitt, Fr. v. Suworow und Polens Untergang. Leipzig und Heidelberg. 1858. 121—123, 124—132.
55. Smitt, Fr. de. Frédéric II, Catherine et le partage de Pologne. P. 1871. 123—124, 133—138.
56. (Staszyc). Przestrogi dla Polski. 1790. 32.
57. Szujki, Józef. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów. 1861—1866. Historji polskiej ksiąg dwanaście. Warszawa. 1880. 62—64.
58. Sybel, H. v. Geschichte der Revolutionszeit. Düsseldorf. 1853. 107—120.
59. Уманецъ, Ѡ. М. Вырожденіе Польши. С.-Пб. 1872. 261—266.
60. (Varillaeus). Compendium politicum. Varsaviae. 1760. 7—9.
61. Varille, Cesar Pyrrhys de. Letres sur la constitution actuelle de la Pologne Varsovie. 1769. 9.
62. Walewski, Antoni. Filozofja dziejów polskich. Kraków. 1875, 51—52.
63. Wielhorski. O przywróceniu dawnego rządu. 1775. 10—12.
64. Водовозовъ. Очерки изъ русской исторіи XVIII в. С.-Пб. 1882. 261—262.
65. Wheaton, Henry. Histoire des progrès du droit des gens. Leipzig. 1853. 168—169.
66. Wróblewski, Waleryan. Słowo dziejów polskich. 1858—1860. 46—47.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ

сочиненія того же автора:

Основные вопросы философіи исторіи. С.-Пб. 1887. (Изд. 2-е).
Цѣна за два тома 4 р. 25 к.

**Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней
четверти XVIII в.** Москва. 1879. Ц. 3 р. 50 к.

**Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ вре-
менъ до 1789 г.** Варшава. 1881. Ц. 1 р.

**Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической
реакціи въ Польшѣ.** Москва. 1886. Ц. 1 р. 50 к.

Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва. 1888. Ц. 1 р.

**Литературная эволюція на Западѣ (изъ теоріи и исторіи лите-
ратуры).** Воронежъ. 1886. Ц. 2 р.

Моимъ критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи
исторіи“. Варшава. 1884. Ц. 50 к.

**Историческая философія гр. Л. Н. Толстаго въ „Войнѣ и
мирѣ“.** С.-Пб. 1888. Ц. 50 к.

Лекція о духѣ русской науки. Варшава. 1885. Ц. 20 к.

Najnowszy zwrot w historyografji polskiej. S.-Pb. 1888. Ц. 30 к.

**Введенія въ курсы исторіи Востока (ц. 35 к.), древняго міра
(изд. 2-е, ц. 80 к.), среднихъ вѣковъ (изд. 2-е, ц. 60 к.) и новой
исторіи (ц. 80 к.).**

М. Вобрижинскій. Очеркъ исторіи Польши, пер. подъ ред. Н. И.
Карѣева. С.-Пб. 1888. Ц. за два тома 5 р.

**THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.**

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413**

